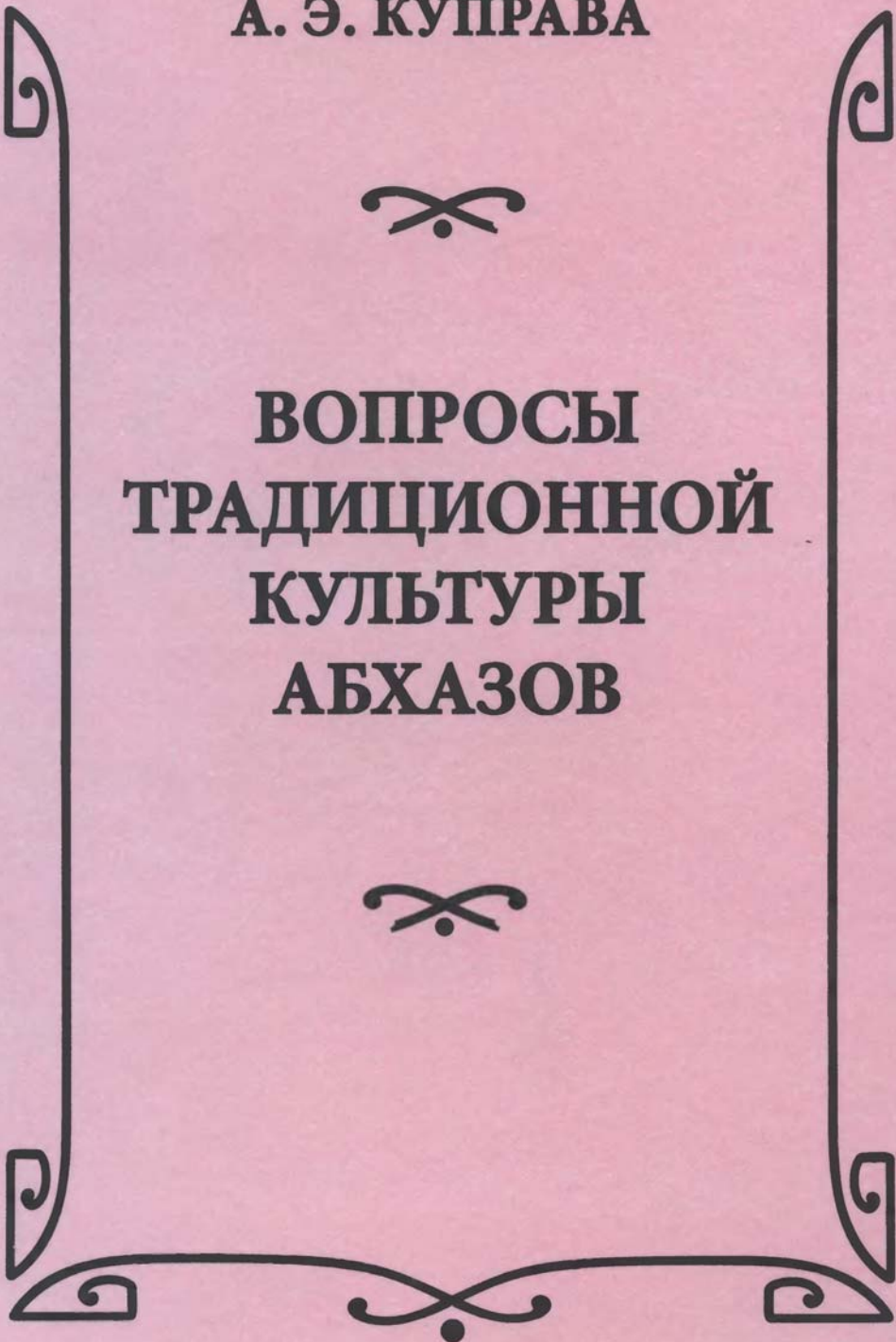

А. Э. КУПРАВА

**ВОПРОСЫ
ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ
АБХАЗОВ**

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д. И. ГУЛИА

А. Э. КУПРАВА

ВОПРОСЫ ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ АБХАЗОВ

Сухум
2008

ББК 63.5 (5 Абх.)

К 92

Утверждено Учёным советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии

Рецензенты:

Бигуаа В. Л., кандидат исторических наук, доцент

Дбар С. А., кандидат исторических наук, доцент

К 92 Куправа А. Э.

Вопросы традиционной культуры абхазов. – Сухум, 2008. 624 с.

В книге профессора Куправа А. Э. на основе письменных источников и полевых материалов освещаются малоразработанные в абхазоведении вопросы традиционной культуры абхазов: влияние географической и исторической среды на традиционную культуру; духовные и нравственные основы апсуара («абхазство»), её этикетные нормы и эстетические ценности; народные сходы и ораторское искусство; отражение духовности в языке; проблемы преобразований абхазских фамильных имён, влияние миграции населения, уклада жизни, быта и обычаев абхазов на антропонимические процессы; взаимодействие религиозных верований и народной культуры и другие.

Издание приурочено к 60-летию педагогической деятельности автора (1948–2008).

Работа рассчитана на специалистов, студентов, а также широкий круг читателей.

© Куправа А. Э.

К. 92

*Посвящается нашим предкам, создавшим
и сохранившим этнические особенности
нравственных и духовных традиций*

Предисловие

Эта книга представляет собой сборник работ, написанных в последние десять – пятнадцать лет по вопросам традиционной культуры абхазского народа. В неё включены в основном опубликованные работы, некоторые из них с существенными дополнениями. Вошли также рукописи, которые издаются впервые.

Книга состоит из четырёх частей. В каждой из них освещается определённая проблема этнической культуры. Некоторые темы до последнего времени не были предметом специального рассмотрения или трактовались слишком идеологизированно.

В основе первой части книги лежит работа «Из истории абхазской традиционной культуры» (М.: 1998). Она содержит краткие очерки, повествующие о духовных ценностях народной культуры. Здесь же рассматривается вопрос отражения духовности в абхазском языке. Автор размышляет о человеке и природе, основываясь на их единстве, целостности и гармонии. С этих позиций раскрывается священное отношение традиционного абхаза, воспитанного на принципах апсуара, к Земле, к её произведениям, к природе, влияние природы на сознание, чувства, духовное состояние и здоровье человека.

Значительное место в работе занимают народные сходы. Абхазские народные сходы XIX – начала XX вв. рассматриваются и в ракурсе гражданской истории, и как проявления нравственных устремлений народа – народовластия, свободолюбия, справедливости, чести, и как школы ораторского искусства.

Феномен апсуара – нравственная основа абхазской традиционной культуры, в современном абхазском обществе воспринимается по-особому и неоднозначно. Те люди, из ныне здравствующих, детство которых проходило в начале XX столетия в традиционной абхазской

среде, и были очевидцами образа жизни традиционных абхазов, свято соблюдавших законы и нормы апсуара, сами воспитывались на её нравственных принципах. Сегодня из уст людей, кому за восемьдесят–девяносто и больше лет, часто можно услышать слова – «апсуара исчезла» («апсуара ызит»). А часть людей среднего поколения, особенно из творческой интеллигенции, заявляет: «Сегодня нам трудно уяснить себе, что такое апсуара»; а другая часть – с ностальгией задаётся вопросом: «Как можно восстановить утерянные ценности апсуара?» Большая же часть нашей современной молодёжи под апсуара понимает знание родного языка и привычный образ жизни, по которому она ныне живёт.

Сегодня наше общество ищет ответы на многие жизненно важные вопросы современности. Этим и объясняется живой научно-популярный и практический интерес к проблеме апсуара, к вопросам духовности и нравственности в культуре. Читателю знакома работа «Апсуара. Среда формирования. Духовные и нравственные основы», которая была издана дважды (Сухум, 2000; Краснодар, 2002). Третье издание – «Апсуара – традиционная культура абхазов» (Сухум, 2007), которое вышло в значительно дополненном виде, быстро разошлось и включено в настоящую книгу. В данной работе особое внимание обращается конкретным вопросам культуры общения и этикетным нормам поведения, отражающим морально-нравственные и эстетические ценности апсуара.

Видное место в книге занимают проблемы абхазской антропоники. В частности, освещаются вопросы истории преобразований абхазских фамильных имён в позднее средневековье и в новое время, как в самой Абхазии, так и за её пределами. Показаны причины и способы изменений фамильных имён, принципы образования новых фамильных форм на основе абхазских родовых имён во внутриэтнической и в иной этнокультурной среде. После выхода книги «Из истории абхазской антропоники. К вопросу преобразований фамильных имён» (Сочи, 2003) прошло не так много времени, но уже появились новые исследования, да и у самого автора накопилось немало ценных материалов, уточняющих некоторые высказанные мысли и положения. В эту книгу по возможности внесены отдельные, правда, существенные дополнения.

В последней, четвёртой, части книги автор делится с читателем некоторыми своими размышлениями о верованиях абхазов. Хотя работа была написана более десяти лет назад (1995), она публикуется впервые. Эта тема освещается преимущественно в плане взаимодействия и взаимовлияния религиозных верований и народной культуры.

Работы, вошедшие в настоящую книгу, написаны, главным образом, на основе письменных источников и полевых разысканий автора, а также в определённой мере, опираясь на данные из личной жизни, прочувствованные и пронесённые самим автором на протяжении многих десятилетий. В совокупности они дают определённое представление о некоторых аспектах традиционной культуры абхазского народа, его этнопсихологии, в которой в течение столетий и тысячелетий отражались народные воззрения, этнические нравственные ценности.

В заключение следует отметить, что автор к освещению поставленных вопросов подходит как специалист гражданской истории. Надо полагать, отдельные авторские положения и толкования могут вызвать вопросы, критические замечания. Ценные советы и предложения будут приняты с благодарностью.

Часть первая

ИЗ ИСТОРИИ АБХАЗСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Глава I. Апсны дудза

1. «Апсны дудза»

Историческое бытование абхазского народа на протяжении последних тысячелетий связано, как об этом свидетельствуют самые различные источники, с Черноморским побережьем Кавказа. На этом укромном, приютившемся между горами Кавказа и Черным морем, уникальном своими природно-климатическими условиями уголке земли жили древнейшие абхазские племена, здесь происходило формирование абхазской народности, с этой землей и природой связана жизнь абхазского народа, его история и культура.

На карте мира Абхазия – небольшая страна. Площадь её территории составляет 8,7 тыс. кв.км. В ней представлены почти все природно-климатические зоны нашей планеты, начиная от влажной субтропической на побережье Черного моря, до вечных ледников на вершинах Кавказских гор.

Разнообразен рельеф страны: равнины, холмы, предгорья, красавицы горы, ущелья, пещеры; здесь же море, озера, горные быстрые реки, водопады, ручейки, родники – все это вокруг тебя.

Климатические и географические условия страны обусловили и видовое многообразие состава её флоры и фауны. Богатейший растительный и животный мир – составная часть сказочной природной среды. Все это вместе создает уникальную панораму национального пейзажа.

По известной легенде Абхазия – Божья, райская земля. Так воспринимает народ красоту и богатство своей Родины. И эта окружающая природная среда оказывает воздействие на формирование характера народа, его психологии и культуры. Красота пейзажа природы облагораживает человека, а её разнообразие обогащает содержание человеческой личности.

Какие только народы ни стремились поселиться на благословенной земле Апсны?! Когда римский полководец Помпей, воюя против понтийского царя Митридата в 64 г. до н.э. зимовал в Диоскурии (Сухум), ему пришлось держать множество переводчиков для общения с жителями этого знаменитого в древности города.

История Абхазии содержит яркие страницы самоотверженной борьбы свободолюбивого народа за свою землю, язык, самобытную культуру. На этой земле остро сталкивались интересы великих держав мира и нередко борьба принимала ожесточенный характер, порой, ставя жизнь народа на грань физического уничтожения. Но народ не согнул спину, не склонил свою голову, выдерживал натиск ценой величайших жертв и трагедий, сохранил этническую самобытность, отстоял право на родную землю.

Огромное впечатление на тогдашний мир произвела победа у стен абхазской столицы-крепости Анакопии (Новый Афон) в 738 г. над арабским войском, считавшимся до тех пор непобедимым. Здесь был положен предел арабской экспансии и тем самым изменился весь ход истории Кавказа. Для народов Кавказа Анакопийская битва стала явным признаком «божественного покровительства» над Абхазией и ее народом. Произошло нечто такое, что и в библейские времена при осаде Иерусалима ассирийцами (4Цар. 19:35). В лагере арабов разразился мор. Эпидемия поразила вражеское войско. Горстка храбрецов – 2000 абхазских и 1000 укрывшихся в Анакопии от преследования арабов грузинских воинов во главе с их царем Арчилем выдержала осаду 40-тысячной армии и завершила разгром непобедимого и свирепого полководца Мерван-кру. Это была эпоха величия и мощи Абхазского государства.

В XIX столетии на долю абхазского народа выпало суровое

испытание. Он оказывается в тисках между двумя соперничающими империями – царской Россией и султанской Турцией, включается в водоворот острых военно-политических противоречий. В результате махаджирства большая часть населения принудительно была переселена на противоположный берег Черного моря – в Турцию. Народ насильственно был отторгнут от своей родной земли.

Эта народная трагедия сопровождалась массовой гибелью людей – женщин и мужчин, детей и стариков. Умирали в пути, на чужбине. Сколько невинных жертв оказалось на дне моря!

Дал, Цабал, Псху, вся цветущая центральная (Гумская) Абхазия остались опустошенными. Абхазскому этносу был нанесен удар колоссальной силы.

На исходе второго тысячелетия нашей эры Абхазия пережила грузино-абхазскую войну 1992–1993 гг. Для абхазского народа она стала Отечественной, испытанием его духовной стойкости и мужества. Мобилизовав все свои внутренние силы, ценой жизни лучших сынов, он отстоял честь, национальное достоинство и государственный суверенитет.

Где же источник силы и мужества у малочисленного народа в борьбе с превосходящими силами противника? Ответ прост: в развитем национальном самосознании, в нерасторжимой связи народа со своими корнями, в любви к родной земле, к языку, истории, культуре, в вере в справедливость.

Образно отмечая скромный географический масштаб своей Родины, в народе говорят: «Ацсны аупа ҧацәк иакароуп...» («Абхазия размером с подола бурки...»). И тут же во второй части фразы подчеркивается её величие «...Аха ламысла идууп» («Но она велика аламысом [совестью]»). О том, какое значение вкладывает народ в выражение «абхазский аламыс» писатель Михаил Лакербай сказал просто: «Аламыс – душа (жизнь) абхазов» («аламыс – ацсуа псыс ирхоуп»). Народное же изречение гласит: «Смерть абхаза – в его же аламысе» («Ацсуа ицсырта иламыс ауп»), т.е. смертью человека является не столько прекращение его физического существования, сколько несовместимый с аламысом, то есть с совестью,

поступок, когда человек умирает живым («дшьыббаз дьпсит»).

Да, эта страна – небольшая. Абхазию можно объехать верхом за несколько суток. Однако по образному народному выражению она велика. В изречении «Ацсны дузза» («Великая Абхазия») – имеется в виду, конечно, не её территориальная величина, а главное богатство страны – населяющий её народ души, нравственное сокровище народа – апсуара и глубинная красота, природное изобилие страны – апсабара (природа).

Для традиционных абхазов понятия апсабара и апсуара – категории вечные. Апсуара живет пока есть народ души (апсуа), его творец и носитель. Апсабара для абхаза – это окружающая его действительность. Апсабара и апсуара – эти вечные понятия абхаза неотделимы от родной «Ацсны дузза». Ими она велика.

Примечательно, что абхазские махаджирьы, разбросанные по всему свету (Турция, арабские страны, европейские страны, Америка и т.д.), несмотря на то, что уже около 120 – 130 лет оторваны от Абхазии, своей Родиной называют Ацсны. «Ацсны» они произносят с особым благоговением и любовью.

С ней они связывают свое происхождение, историю, язык, культуру. Здесь могилы их предков, здесь истоки, здесь живут их кровные братья. Сознание всего этого порождает неистребимую любовь к Ацсны.

В памяти махаджиров сохранились названия абхазских сел, откуда вышли их деды и прадеды. Они присвоены многим селам в Турции, где обосновались абхазы. Некоторые, приезжающие к нам, красиво и с достоинством говорят по-абхазски. И слушая их, испытываешь чувства, вызывающие большие и трогательные раздумья. К сожалению, в последнее время молодёжь всё более подвергается ассимиляции, теряет родной язык.

Апсны – Родина всех абхазов. Где бы ни проживал абхаз, у него одна Родина – Ацсны. Велика страна абхазов – Ацсны («Апсны дузза»). Величие её – в её народе, в апсуара, в красоте и изобилии природы. Да будем же с любовью охранять, оберегать эти составные части прекрасной Апсны!

2. Отражение духовности в языке

Каждый этнос в ходе исторического развития проходит длительный и сложный путь самоутверждения. Древние абхазские племена на протяжении многих веков шли к консолидации в народность. Самоутверждение народа получает ярко выраженное воплощение прежде всего в языке и традиционной культуре. В этих двух феноменах находит лучшее отражение суть народа, его духовное богатство.

Духовный облик народа формируется во взаимодействии с окружающим миром: с природой и соседними цивилизациями.

Наши древние предки были ближе к природе, жили в чистой экологической среде. И это обстоятельство служило фактором поддержания душевного комфорта человека. Он искал гармонию с самим собой и с окружающим миром.

Взоры человека всегда были обращены ввысь, своими мыслями он был устремлен в окружающее землю пространство. Солнце, луна, планеты и мириады звезд ему говорили о многом. Общаясь с небесным миром, он извлекал немало мудрости и духовности для себя.

Итак, наши предки ломали замкнутость повседневной, земной житейской суеты, стремились облегчить себе груз непрерывных человеческих страданий, сделать жизнь чище и духовно возвышеннее. В борьбе за самоутверждение накапливались превосходные нравственные ценности народа.

Духовность народа находит отражение и в самом абхазском языке. Остановимся на некоторых примерах.

Абхазы себя называют ацсуаа (ацсыуаа) – «народ души», «люди души»; страну свою – Апсны (ацсуаа иахъану, ацсуаа иахьыкэ-ынхо), что воспринимается как страна абхазов, т.е., как «страна народа души»)*; а окружающую человека природу – ацсабара, дос-

* Как справедливо отмечает доктор филологических наук, академик Х.С.Бгажба значение этнонима «ацсуаа» как «люди души» и топонима «Апсны» как «место души, рай», впервые своеобразно истолкованные Ф. Х. Эшба в духе народной этимологии, в дальнейшем получили распространение.

ловно «то, что душа видит», т.е. объект на что направлено видение, имеется в виду действие в процессе, очевидно, бесконечное видение бессмертной душой окружающей природы.

Самоназвание народа, страны и природы, отношение к которой у древних абхазов было глубоко нравственным, восходят к «апсы» – «душе» («духу»), считавшейся, как и у многих других народов, бессмертной, вечной.

В основе слов «апстазаара» («жизнь») и «апсра» – «апстазаара алтра» («смерть») лежит корень «псы», который использован в значении «душа».

Об умершем человеке по традиции говорят: «адунеи ипсахит» или «ипсы ихыцит» («сменил мир свой» или «душа (дух) покинула его»). Эти слова отражают представление о смерти древних предков, которые верили, что человек умирает физически и от его тела отлетает душа, которая переходит в другой мир.

В представлениях древних предков вера в бессмертие человеческой души, видимо, была так сильна, что и самого покойника называют «апсы» («душа», «дух»). Обычно говорят: «апсы дыржит» («покойника похоронили»). Буквально это воспринимается в том смысле, что похоронили останки усопшего. В древние времена люди, которые хоронили покойника, исходя из своих верований, очевидно, прощались, прежде всего, с бессмертным духовным существом – апсы. В дальнейшем такое представление не стало противоречить тому христианскому учению, которое распространилось в период отступничества (II в. н.э.).

В траурном застолье священным долгом каждого считается поднести тост за упокой души умершего близкого человека. Обычно этот тост произносится словами «ипсага бзиахааит» – «местообитание его души пусть будет добрым». В этих словах глубокий мировоззренческий смысл, связанный с представлениями древних. Сегодня мало кто верит в бессмертие души, но традиционный тост произносится всеми.

Хотелось еще раз отметить, что с «апсы» – «душой» («духом») связываются: самоназвание народа (апсуаа), название самого че-

ловека, человеческой личности (ауаџсы), страны, в которой живут абхазы (Ацсны), природы, которая окружает человека, и он её видит (ацсабара). Все они творения Бога, и в их совместном функционировании наши предки видели красоту жизни, душевную панораму.

По-абхазски «Родина» – «Ацсадгъыл», что воспринимается как «Родина души» (буквально «место пребывания души»). Называя так Родину, народ фиксирует свою неразрывную связь с родной землей.

Абхазский народ на протяжении веков создавал свой моральный кодекс и этикет – неписанный свод законов человеческого бытия. И этому ценнейшему духовному творению он дал любовное название – апсуара («ацсуа» – человек души, «ра» – словообразовательный суффикс абстрактности – быть, совершать, принадлежать), что дословно обозначает – «абхазство», т.е. то, что принадлежит апсуа, то, что составляет духовную сущность апсуа. У абазин апсуара звучит в первичной форме, они говорят «апсыуара».

Для абхаза апсуара – святое понятие, определяющее принадлежность народа к Всевышнему. Соблюдение норм апсуара, законов аламыс считалось высшей духовной потребностью.

В апсуара отражается душа традиционного абхаза, его внутренний настрой. Апсуара так же прекрасна, как и природа Ацсны, чиста, как горные родниковые воды Абхазии.

У абхазов есть особое благословение: «апсуара уагымзааит» (чтобы ты был всегда вместе с апсуара). Такое пожелание от женщины абхазским рыцарем воспринимается как весьма доброе, святое. В него милая дама, мудрая женщина вкладывает сокровенное содержание, желание видеть в любимом, уважаемом человеке олицетворение апсуара, что означает сущность абхаза, его честь и совесть, человеколюбие, благородство, мужество, гостеприимство, уважение к старшим, выдержанность и другие лучшие черты характера народа.

Увидев благовоспитанного молодого человека, отличающегося вежливостью, смекалистостью, храбростью, мудростью, удальством, трудолюбием или каким-либо ценным качеством, окружающие люди

поощрительно благословляют его следующим пожеланием: «ацсынтры уоуааит» или «уцсынтра духааит». Эти выражения не поддаются дословному переводу на другой язык. В «Словаре абхазского языка» слово «ацсынтра» толкуется как «продолжительность жизни» (ахыцра, анцра). Смысл же «ацсынтра уоуааит» («ацсы иннацуа акара нудааит») воспринимается приблизительно так: «живи столько, сколько живет душа»; или «уцсынтра духааит», звучит как пожелание: «пусть жизнь души твоей будет долгой». Такое пожелание долгоденствия выражается и новорожденному ребенку.

Глубоким гуманным смыслом проникнуто содержание, вкладываемое абхазом в первый официальный застольный тост, который традиционно посвящается здравью народа (ажелар рныхэаџа). Под этим тостом, который гласит «ажелар ныхэазааит» – «будь благословен народ» понимается народ в целом, все люди планеты. В понимании абхаза народ един. И в этом находит выражение не только гуманизм, но, прежде всего, широта души абхаза, его мировоззренческая концепция.

Первому официальному традиционному тосту, который провозглашается тамадой (атолбашь), обязательно предшествует вступительный тост, с которого начинается любая трапеза: «Анцџа, улыцха хат!» – «Бог, дай нам теплоту Твоих очей!». В семейном кругу его произносит глава семьи, а все присутствующие поддерживают традиционным «Аминь!» – заключительным словом христианских молитв и заповедей. В большой компании (на свадьбах, других торжественных столах, поминках...) первым этот тост поднимает человек постарше, а соседи по столу поддерживают его обычно теми же словами или «Аминь!». Таким образом, принимают тост все члены застолья.

Как по содержанию, так и по ритуалу исполнения данный тост свидетельствует о глубокой традиционности духовных ценностей народа. В наши дни тост «Анцџа, улыцха хат!» вместе со старшими произносят и молодые, но многими воспринимается это как ритуально-символическое славословие в честь Бога.

В представлениях древних абхазов Бог – Творец, Всемогущий

(Еиха зымчу). И в наши дни верующие, а также старцы обращаются к Богу, говоря: «Анцџа, Ҳазшаз!» – «Бог-Создатель наш!». Эти слова произносят обычно в сочетании с молитвами или когда испрашивают милости, просят покаяния и т.д.

Основной словарный фонд абхазского языка содержит немало число слов, связанных своим происхождением и смысловым значением с «ацсы» (душой) – цсызхоу – все живущее, одушевленное, апстазаашья – бытие, апсаџа – место обитания души после смерти – апсыцкџара – святость, чистота души, честность и т.д.

Приведенный выше материал свидетельствует о том, что в языке, психологии и культуре абхазов особое положение занимает духовное начало. В сознании древних предков духовным ценностям, очевидно, отводилось первичное место. В процессе формирования общественного сознания и традиционной культуры эта тенденция закреплялась.

Духовность находит аккумулярованное выражение в феномене апсуара. Сердцевину морального кодекса народа составляет духовность. Ею проникнуто всё лучшее, что в нём есть.

Естественно, в традициях, обычаях, нравах и быте абхазов, как и других народов, существует немало отрицательного, негативного (кровная месть и др.). Однако в своем общественном сознании народ обязательно фильтрует ценности. В «апсуара», духовное сокровище народа, включаются только высокие моральные человеческие качества и красивые манеры этикета. Например, гость для абхаза – Божья благодать. Выражение «Анцџа уисасуп» («ты – гость Бога») определяет положение гостя и весь церемониал гостеприимства. Эти же нравственные мотивы лежат в основе всей позитивной традиционно-бытовой культуры народа. В культуре и психологии они имеют непреходящее значение. А все отрицательное, которое проникает в быт народа через несовершенный человеческий мир, апсуара отвергает, резко осуждает, считает унижительным, оскорблением достоинства человека.

Современная цивилизация привела к девальвации духовных ценностей. Человек стал стремиться прежде всего к удовлетворе-

нию материальных потребностей. В обществе преобладают плотские интересы, усиливаются соблазны, растет греховность. Все это ведет человечество к культурному одичанию. Народы сами, не замечая это, теряют связи со своими корнями. Это общая беда современности.

XXI век, нужно надеяться, станет веком духовного возрождения народов. Каждый из них будет преуспевать на этом пути, опираясь, безусловно, и на лучшие нравственные ценности традиционной культуры.

В апсуара наиболее полно воплощается этническая специфика народа. Апсуара – благодатная база для его нравственно-духовного возрождения.

Здесь приведен некоторый языковой материал, в котором отражается духовный мир народа. Творец языка – его носитель, народ. В процессе словотворчества, разумеется, каждое слово имело определенное смысловое значение, которое во многих случаях теперь утеряно. Поэтому первоначальный смысл отдельных слов мы не можем объяснить (напр. «амра» – солнце, «амза» – луна и т.д.).

Словообразовательный корень «цсы», в рассмотренных выше словах, несомненно, использован в значении «душа» («дух»). Разумеется, этим словам придавалась соответствующая смысловая нагрузка.

В абхазском языке «цсы» часто образует слова, связанные с понятием «вода». Специалисты подтверждают это соответствующим языковым материалом и научными данными. Подтверждает это многозначность словообразовательного корня «цсы», в частности, то, что в одних случаях он образует слова со смысловым значением «душа», «дух», а в других – «вода». Очевидно, мы имеем дело с двумя одинаковыми по звучанию, но разными по содержанию словообразовательными корнями – омографами. Словарный фонд современного абхазского языка подтверждает данное положение.

Возникает вопрос: это созвучие случайное или можно найти какую-либо логическую связь между понятиями «душа», «дух» и «вода». В Библии слово «вода» используется не только в прямом

значении как физическая вода, которая питает землю, утоляет жажду и дает жизнь всему произрастающему на земле, но и как Божья вода, духовная пища. Библия содержит следующее сердечное приглашение: «Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром» (Откровение 22:17).

Наш древний предок в процессе словотворчества еще в добиблейские времена, когда создавал слова с корневой основой «цсы» со значением вода, очевидно, воду воспринимал как синоним жизни, одухотворенную субстанцию. Чистая вода свята, духовные люди так считают и сегодня. Для многих она Божья вода.

Мы допускаем, что ученые-языковеды могут возразить против отдельных наших доводов. Конечно, нельзя ставить знак равенства между народной этимологией и лингвистической наукой. И в то же время было бы неразумно не учитывать трепетное, даже интимное отношение народа к содержанию «Ацсны», «ацсуара», «ацсабара», «ацсадгьыл», «ацстазаашьа», таких, как бы священных терминов, выражающих сокровенные понятия, которые он увязывает с «душой», «духом», как бы с вечными, бессмертными понятиями. Мы не должны их игнорировать. Мы должны их лелеять.

Сухум. 1992.

3. Человек и природа: размышления

Мир – един, органичное целое. Мир – бесконечен... Наука все глубже проникает в его тайны, открывает один за другим невидимый мир, но пределы его бесконечны, неисчерпаемы... Галактики, галактики, мириады галактик... В этом целостном и бесконечном мироздании живет наша планета Земля – одна из девяти планет солнечной системы. На этой планете живем мы, люди. Образно говоря, у нас, у всех людей, один общий дом – планета–земля – общая «кры-

ша» – атмосфера – «теплое одеяло земли», общий источник тепла и света – Солнце, общая Луна. Все, что на Земле, все, что окружает ее – бесценный дар. Все это – единое целое.

Единство всего живого и «неживого» представляет объективную сущность функционирования природы. И когда мы говорим «человек и природа», «отношение человека к природе» разделяем человека и природу. Развитие науки и техники, индустриализация и урбанизация усилили противостояние человека и природы. Современная человеческая цивилизация еще находится на таком этапе развития, когда продолжается насильственное изъятие у природы всего насущного, необходимого. И видимо только в будущем наступит новый этап – этап полного прекращения насилия над природой и гармоничного сосуществования, союза.

Грубое вмешательство в природу, в ее подземные и наземные ресурсы, атомные аварии и испытания, вторжение в космос, войны... бумерангом оборачиваются против человека. В наше время степень вмешательства человека в окружающий мир неизмеримо возросла, принимая катастрофический характер.

Истоки этого философ Г. С. Батышев видит в стремлении человека воинственной борьбой против Вселенной самоутвердиться над ней в качестве ее покорителя и господина. Он пишет: «Такова наша корысть – обратить мир в объект для освоения. Ничего ему не давать, никаких плодотворений, а только лишь брать, брать и брать для себя! Мир является потенциально присвоенным, обращенным в человеческую собственность. И вот мы видим результаты такого собственностичества: растет на нашей планете пустыня омертвления, растут гигантские свалки отходов, запасы ядов и венец всему, – ядерная смерть! Не эти ли запасы есть памятник нашей решимости превратить природу в свое органическое тело?!»¹.

Вооруженный мощной слепой техникой, в стремлении самоутвердиться, человек направляет свое «творчество» на то, чтобы «изменить мир», заявляя об этом громко и гордо. И вот мы дошли в этом до экологической катастрофы. Г. С. Батышев, с тревогой говоря об этом, призывает нас, людей земли, прекратить экспансию про-

тив окружающего нас мира и всего универсума: «...нам надо прекратить его портить, уродовать. Нам предстоит еще много, много потрудиться, чтобы исправить то, что мы наделали на нашей бедной планете за время произвольного хозяйствования на ней. Увы! Портим долго, а исправлять осталось очень мало времени. Самое же главное и самое трудное – это отречение человечества от позиции своемерия и своецентризма полностью и до конца, без всяких уступок своей корысти»². Нарушено разумное начало в мире. Человечество увлеклось материальными ценностями, удовлетворением физических человеческих ощущений. Нарушено равновесие в природе в ущерб духовному началу. В этих условиях особо встает вопрос о культуре, нравственности и духовности человека.

Среди миллионов разновидностей живых существ, – зверей, птиц, насекомых, растений – человек единственное существо, обладающее речью и разумом. И человек должен говорить и проявлять заботу обо всем живом в мире, о всех существах, о растительном мире, даже о так называемом «мертвом». Об этом академик Д. С. Лихачев сказал: «Человек не только нравственно отвечает за всех живых и за все мертвое, лишенное осмысленной «умной» речи (не только эмоциональных взглядов), но морально обязан за них говорить, защищать их права, их интересы».

Только человек, сознающий себя частью природы, может гармонично сосуществовать с ней.

Природа – неиссякаемый источник блага, добра, радости и счастья. Она щедро раскрывает свои богатства человеку, окрыляет, выводит его.

Уровень духовности и нравственности человека, прежде всего, определяется его отношением к Земле. Мы, люди, своей плотью всецело принадлежим ей, вышли из нее, уходим в нее. Человек, как физическое существо, – органическая часть Земли. Все множество живого в природе также земного происхождения. Земля – алмаз-матер, источник материального благосостояния. Она кормит, обува-ет, украшает человека.

Земля как среда бытования, основа благополучия человека, требу-

ет особого отношения к себе. Оно должно строиться на любви к ней, на данных науки, опыта, накопленного у потомственных крестьян.

Абхазы, так же как и другие народы, издревне осваивали, обживали землю, создавали вокруг себя красоту родного, своего пейзажа. Ярко это проявилось в традиционном абхазском дворе. Он обычно просторный и в этом нашло отражение широты души, а в красоте пейзажа двора и всей усадьбы выражалась красота души крестьянской.

В усадьбе каждая постройка – и жилая, и хозяйственная – имела свое место, вписывалась в рельеф, в ландшафт; каждое растение, и декоративные деревья, под тенью которых отдыхал человек, и фруктовые деревья, за которыми заботливо ухаживал хозяин, и виноградный сад, и дорожка к роднику (или колодец во дворе), и огород, и кукурузное поле, и линия лесной опушки, и луг для пастбища, и пасека, и поле, и река, и пр., составляли ансамбль пейзажа, часть единого целого, – пейзажа абхазской земли. И этот ансамбль некогда являлся нормой бытования в культуре.

Крестьянин, далекий от книжной грамоты, но духовный, воспитанный на традициях апсуара, и следующий их нормам, обладал большим вкусом, любил все делать так, чтобы было красиво, изящно. А это требовало ума, смысленности, интеллигентности. Обретал он их в труде, в тесном общении с природой и окружающими его людьми.

Жизненный опыт и человеколюбие укрепляли в нем веру в будущее. Он мужественно переносил все страдания и беды человеческие, восстанавливал после войн и опустошений свое хозяйство, свой двор, развивал и обогащал свою традиционно-бытовую культуру.

В советское время традиционный абхазский двор претерпел определенные изменения, он уже не был столь просторным, универсальным и, порой, ухоженным из-за занятости крестьянина в общественном хозяйстве. Крестьянский труд стал непрестижным, была утрачена в значительной мере любовь к земле. Перестав быть “хозяином” земли, земледелец стал злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее, вместо того, чтобы возделывать, т.е. служить земле, улучшать, вводить ее в большую силу и полноту бытия.

В постсоветское время и в наших условиях в послевоенное время появилась возможность расширения крестьянского хозяйства, но она пока рационально не используется, главным образом, из-за того, что крестьянский труд продолжает оставаться непрестижным, сельская молодежь старается уходить из деревни. Конечно, мешают и другие обстоятельства.

Вернуть людям любовь к земле, чувство радости от работы на ней! Таково веление времени.

Совмещение неземледельческого труда с работой на своем участке земли – не только важный резерв восполнения продовольственного фонда. Это, прежде всего, моральное удовлетворение для человека. Оно совершенствует его характер, духовный мир, укрепляет здоровье, делает любой труд (производственно-технический, педагогический, научный, литературный и т.д.) подлинно творческим, высоко производительным.

Особое значение имеет приобщение детей к садоводству, огородничеству и различным видам земледельческого труда. В этом деле положительную роль могут сыграть пришкольные участки, а также включение в школьную практику изучения основ сельскохозяйственных знаний.

Тот, кто испытывал радость от сближения с землей, творческого общения с ней в процессе ее возделывания, удовлетворенность от работы в саду, ухода за растениями хорошо знает благословения, получаемые от этого, а кто еще не познал эту радость, может получить ее. Надо повернуться лицом к земле, возлюбить ее!

Абхаз дал Природе любовное название – Ацсабара, выразив этим нравственное отношение к окружающему миру. Редкие по красоте места, обширные лесные массивы на фоне снеговых гор, богатые альпийские луга, бурные горные реки, водопады, чудесные озера, целебные воды, подземные музеи-пещеры, и другие уникальные памятники природы и, конечно, прекрасное, теплое Черное море, к которому обращена Абхазия, восхищают своей щедростью воображение человека.

Да, природа Абхазии содержит много сказочных шедевров, до-

ставляющих человеку душевную и эстетическую радость. Пребывая в этой среде, где лучи Солнца во все четыре времена года обогрывают по особому, постоянно обновляя и природу, и самого человека, наш далекий предок дал название всему тому, что его окружало и, что он видел – «апсабара».

Выражение «душа видит», по всей вероятности, отражало не столько сиюминутное, непосредственное зрительное восприятие человеком окружающей красоты природы, но восприятие этой красивой природы по-особому нежно, осязание ее всей душой в долговременном действии.

Нравственное отношение человека к природе находит отражение в народном творчестве, религиозных представлениях и обрядах.

По мнению ученых предки народов Кавказа принимали участие в создании и распространении ранних цивилизаций Передней Азии. Многие из мифологии, верований и культов древних предков абхазов предано забвению под влиянием более поздних религий и не дошло до нас. Однако и те памятники, которыми располагает современная наука, представляют ценный источник для изучения ранних этапов человеческой цивилизации.

Глубокие следы нравственности хранит абхазский языческий пантеон. В нем ученые особо выделяют божества: а) природы и земледелия, б) скотоводческие. Отметим основные: Айергь (Аергь) и Ажвейпшаа (Ажәеицшьаа) – божества лесов, дичи и охоты; Айтар (Аиҭар) – бог обновления природы, размножения и скотоводства; Ашьха-инцваху (Ашьха-инцәаху) – духи покровителей гор; Ана-на-Гунда – покровительница пчел и пчеловодства; Джаджа (Цьацья) – богиня плодородия, покровительница полей и растительности и т.д. Айтар – божество, покровительствующее скотоводству, представляли в семи лицах (седмица божеств). Для каждого из основных видов животных, разводившихся абхазами с древних времен, были покровители – божества, считавшиеся долями могучего Айтара, единого в семи долях.

Языческие божества по поверьям древних благословляли ту или иную хозяйственную деятельность человека. Люди поклонялись им,

приносили им жертвы. Чтобы угодить своим богам и получить их благословение, люди выполняли определенные законы, нормы и требования, выработанные в результате долговременного хозяйственно-жизненного опыта. Это касалось правил возделывания земли, ведения скотоводства, пчеловодства, виноградарства, охоты и т.д. Очевидно, соблюдению нравственных законов и норм хозяйствования придавалось большое значение. Это поддерживало культуру земледелия и животноводства, сохраняло экологическую чистоту, благотворно влияло на духовное состояние самого человека.

Нам, живущим в конце двадцатого столетия, трудно представить духовный мир древнего человека. Но можно утвердительно сказать, что он не был таким простым, как кажется некоторым ученым. В древнюю эпоху человек был ближе к природе, жил в чистой экологической среде, имел стремление находиться в гармонии с окружающим миром. Обожествляя явления природы, различные проявления ее силы и, придавая своим собственным отношениям к природе божественный характер, на протяжении многих тысячелетий человек сохранял тем самым гармонию и с окружающим миром, и с самим собой, поддерживал свое духовное здоровье. Хозяйственная деятельность, уклад жизни людей в значительной мере основывались на духовных ценностях.

Принесённое в Абхазию еще апостолами Андреем Первозванным и Симоном Кананитом христианское вероучение об едином Боге-Творце все более проникает в массовое сознание людей. Это учение обогащает духовный мир человека; и отношение его ко всему тому, что его окружает, становится более осмысленным. Христианское учение делало постоянные отложения в языке, традиционной культуре, миропонимании и мировосприятии абхазов.

Абхаз воспринимает Бога, сущего на небесах, как Всемогущую силу – «Шьарда Зымчу», как Творца Вселенной, всего живого – «цсы зхоу зегьы зшаз Ажәеицш» («Царь Небесный, создавший все живые существа»), как Создателя самого человека – «Анцәа, Хазшаз» («Бог, Создатель наш») – и включил эти понятия в свои ежедневные молитвы³.

По народному преданию абхаз получил землю от Бога и «назвал ее своим именем» – «Апсны». Это народное предание приводится в научных трудах, произведениях художественной литературы. Известный абхазский поэт и исследователь абхазской христианской культуры Д. Чачхалиа передает предание о том «как Бог дал землю абхазу» следующим образом: «Решил Бог распределить землю между народами, чтоб каждый знал свою Родину и заботился о своем отечестве. Оповестил Господь о Своем намерении через ангелов. В назначенный день пришли к Нему народы, и было указано, где кому жить на земле. Абхаз явился к Господу лишь на следующий день.

Отец Небесный, увидев человека на пороге, спросил, что ему нужно.

– Я абхаз, – смущенно ответил опоздавший, – и пришел по воле Твоей получить землю.

– Но землю Я раздавал вчера и раздал ее всю. Что же ты вчера не пришел, тебя не известили?

– Я не мог прийти, – ответил абхаз.

– Что могло помешать тебе явиться к Отцу твоему? – удивился Создатель.

– У меня был гость, – сокрушенно признался абхаз – Я не мог его оставить.

Творца растрогал поступок человека. Ведь Господь заповедал встречать гостя как Бога. И абхаз поступил по завету Божьему.

– Ты равен своему поступку, – сказал Владыка, – и хотя Я раздал всю землю, не оставлю тебя без наследия. Вот замечательная страна между горами и морем. Она похожа на рай. Назови ее своим именем и живи. Но не преврати ее в ад.

С тех пор Господь живет на небе, отдав абхазу Свое земное обиталище»⁴.

По этому распространенному в свое время в народе преданию, Создатель и Владыка Неба и Земли, Отец Небесный дал абхазу страну, похожую на рай, и заповедал ему «не превратить ее в ад».

Аналогичные предания имеют и другие народы. Одни предали

их забвению, а другие сохранили. В отличие от многих народов абхазы предание о Божьем даре земли пронесли через тысячелетия. Сберегли не только предание, но и старались соблюдать соответствующее отношение к земле. У абхазов, живших по законам апсуара, не было в традиции продавать и покупать землю. Глава семьи сам выделял участок земли членам семьи, которые отделялись от хозяйства. Таким путем образовывались фамильные поселения, которые еще до сих пор имеются в каждой абхазской деревне. И пришельцу, кто бы он ни был, отводилась земля бесплатно на основе закона абхазского гостеприимства. Так было с древних времен вплоть до нового времени.

В 60-х годах XIX века при подготовке земельной реформы в Абхазии, когда крестьяне узнали, что им предлагается выкупить свои земли, они подняли всеобщий ропот, начали доказывать чиновникам, что они землю имеют не от феодалов. Недовольство переросло в крупное народное возмущение. Крестьянам ценой крови удалось доказать свои права на землю.

Священным было отношение традиционного крестьянина к произведениям земли. Сошлемся на один древний обычай, все еще живущий в народной памяти: абхаз, когда ходил в лес за строительным материалом или за заготовкой дров, свой, хорошо отточенный, топор заворачивал в войлок – плотный материал, изготовленный из шерсти путем валяния. Поступал он так, чтобы не отпугнуть деревья и сохранить мир в лесу. Соблюдались и другие нравственные правила пользования общинным лесом.

Традиционный крестьянин сугубо нравственно относился к фруктовым насаждениям, с исключительной заботой ухаживал за ними и как зеницу ока охранял каждое деревце. А когда дерево не плодоносило, предпринимал особые меры по уходу за ним, обращался к растению как к одушевленному существу. Молодой ученый-биолог Роман Дбар сообщает: «В детстве брат моего отца Дбар Анатолий, проживавший в селе Лдзаа, рассказал мне, стоя у старой сливы с необычайно крупными и сладкими плодами, но которая приносила всего лишь несколько слив каждый год, об удивительной

традиции, бытовавшей в старину – когда дерево переставало плодоносить его не срубали, а подойдя к нему с топором, замахивались на него несколько раз и легко стучали обухом, считая, что дерево способно испугаться как всякое живое существо». Анатолий, дипломированный советский агроном, хотя и не верил в эти чудеса, но, уважая традиции, однажды в саду продемонстрировал своему племяннику Роману то, что он видел от отца.

Человек, который воспринимает весь окружающий мир как Божье творение, и землю, на которой он обитает, как дар Бога, конечно, старается внимательно прислушиваться к сокровенной жизни природы и во всем его многообразии видит любовь Божью к людям.

Природа непременно влияет на наше сознание и чувства. Зеленеющие поля, величественные деревья, почки и цветы, маленькая птичка, беззаботно поющая свою незатейливую песню, плывущие облака, падающие капли дождя, журчащий ручеек..., приглашают нас познать тайны природы, слышать и понимать, чему она желает научить человека.

Душевное состояние человека, его психологический настрой, мировоззренческая ориентация, определяются его отношением к природе, ко всему окружающему. Все, что зрительно воспринимаем мы, все физическое, которое фиксируется в нашем сознании потенциально влияет на наше духовное состояние. Когда весь этот материальный мир, все явления, связанные с ним, воспринимаются человеком через Творца всего сущего, он находит в этом мире свои корни, свое место.

Наши предки в течение тысячелетий бережно сохраняли природу Абхазии. В XIX–XX вв. человек стал грубо вмешиваться в нее. Теперь вокруг нас нет дикой девственной природы. Нас окружает в основном окультуренный ландшафт.

Однако многое уцелело, сохранив свое первозданное состояние, главным образом, в горной зоне. В бассейне рек Чхалты, Клыч, Гвандра, Сакен насчитывается до 150-ти ледников. Ледниковый массив Химса называют «Абхазской антарктидой».

Нигде на побережье Черного моря не найти места, где леса под-

ходили бы к морю так близко, как в Пицундско-Мюссерском заповеднике. Здесь растет уникальный, неповторимый памятник природы – знаменитая пицундская сосна.

Флора Абхазии отличается богатством эндемичных и реликтовых видов. В ее составе, как утверждают специалисты, насчитывается 319 колхидских эндемичных и реликтовых видов и, в том числе, около 130-ти абхазских видов растений, нигде больше не встречающихся на земном шаре. В Рицинском реликтовом национальном парке в пихтовых лесах отдельные деревья имеют высоту до 60-ти метров, являясь самыми крупными в Европе. Множество уникального хранит флора Абхазии.

За последние 70–100 лет Абхазия так пополнила фонд своего растительного мира новыми видами, завезенными из разных континентов планеты, что она может служить примером как человек способен преобразовать окружающую среду. Чай, цитрусы, хурма японская, мушмула, фейхоа, технические культуры, пальмы, эвкалипт, тунг, эфирносы, лекарственные, декоративные и цветочные растения, кустарники и т.д. – всего около полутора тысяч чужеземных видов – акклиматизировались в Абхазии, прижились, еще более украсили свою новую родину: ее городские и курортные парки, Сухумский ботанический сад, общественные плантации, собственные усадьбы и сады хозяев.

Сад любят все. Людям доставляют наслаждение цвета, ароматы, звуки и плоды сада. И Томас Джефферсон – архитектор, ученый, юрист, изобретатель и президент США – был любителем садов. Он писал: «Ничто не доставляет мне такого удовольствия как возделывание земли... Я до сих пор предан саду. И несмотря на то, что я уже в годах, я еще молодой садовник».

В советскую эпоху Пицунда, Сухум, Гагра, Рица – Ауадхара, Псырцха, Гулрипш, становятся известными курортами всесоюзного значения. Ежегодно миллионы советских и иностранных туристов и экскурсантов стали посещать Абхазию. Их привлекают не только море, солнце и воздух, но и примечательные курортные парки, абхазские ландшафты, «естественные» сады – леса, ущелья.

Множество людей из разных стран мира уже имели, и впредь будут иметь возможность прочувствовать в Абхазии спокойствие прекрасного сада, где можно укрыться от шума и беспокойного ритма жизни. Жители Абхазии, ее гости предпочитают для пикника в кругу семьи или для прогулки с друзьями «естественные» сады предгорной Абхазии и райские ущелья горных рек. В такие часы природа предстает во всей своей красе. И какое успокаивающее, освежающее, умиротворяющее и, даже целительное воздействие она оказывает на человека.

Природа Абхазии находит отражение в творчестве многих писателей, художников, ученых. Ей посвящены проникновенные отзывы туристов. Ещё выдающийся русский писатель А. П. Чехов в 1888 году писал: «Сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново – сказочно... и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, сизые журавли, а главное горы и горы без конца и краю... Если бы я пожил в Абхазии хоть месяц, то думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов»⁵.

Говорят «каждый абхаз поэт». Это образное выражение. Так говорят представители другой культурной среды, познакомившись с Абхазией и ее народом, обобщенно вкладывая в эти слова мироощущение, мировосприятие народа, которое находит свое отражение в его художественном творчестве, поведении, образе жизни.

Природа Абхазии поэтична. И общение с ней не может не влиять на внутреннее состояние человека. Как бы подчеркивая неразрывную взаимосвязь красоты природы и традиционной культуры народа, известный русский писатель Николай Тихонов пишет: «В Абхазии с древних тысячелетий человека окружает огромный, богатый мир всевозможных красот... Но она полна еще иным богатством, оправдывая свое имя – «страна души». Она полна народными песнями, сказаньями, преданьями, сказками и стихами»⁶.

Другой замечательный русский поэт Константин Симонов, хорошо знавший Абхазию, сказал: «Абхазия – страна долгожителей и

одновременно страна поэтов. Стихи и песни сопутствуют здесь человеку всю его жизнь... Со слуха запомнив, а потом, отобрав то, что им понравилось, старики как бы составляют в памяти свои собственные, изустные антологии абхазской поэзии, выражая при этом ту устойчивую определенность вкусов, которая связана с традициями земли и народа, с традициями обычаев и нравственных устоев»⁷. Развивая эту мысль, К. Симонов подчеркивает, что «поэтическому вкусу стариков, в котором проявляется существенная сторона души народной» чужда поэзия неопределенная. Они любят стихи, где любовь – это любовь, где ненависть – это ненависть, где если уж горе, то такое, от которого чернеют. А если уж шутка, то такая, чтоб обжигала, как аджика».

Каждый абхаз по-особому поэт и художник. О силе и поэтичности творческой фантазии абхазов русский писатель В. Немирович-Данченко писал: «Абхазы богаты воображением. Нигде так прочно не живет предание старины, так поэтично не рассказываются былины. Мир сказок здесь – почти мир действительности. Никто и не сомневается в их непреложной реальности»⁸.

Поэзия абхазской жизни проявляется и за торжественным столом, когда пьют и танцуют, и на народных собраниях, где звучат речи ораторов и демонстрируется искусство абхазских конников, и во всей обыденной повседневной жизни народной. И на войне рождаются абхазские песни и стихи. Абхазские воины с песней шли в бой, защищая свою Родину. В этом сила абхазской поэзии жизни.

«Следует быть духовно и нравственно чистым» – как будто элементарное правило; кто не хотел бы быть таким? Природа, нравственное отношение к ней, поможет нам преуспевать в этом.

Но мы сами, призванные беречь природу, поступаем ли так? Ответ на этот вопрос неоднозначный. К сожалению, он часто отрицательный. Нельзя обойти молчанием один сюжет преступного отношения человека к природе, непосредственными свидетелями которого оказались и мы, жители Абхазии, во время только что пережитой грузино-абхазской войны. Естественно, война, прежде всего, на-

правлена против человека, и она унесла тысячи и тысячи человеческих жизней, искалечила множество людей, нанесла психологическую травму каждому жителю страны, уничтожила уникальные материальные ценности, создававшиеся многими поколениями. Нельзя перечислить страдания, измерить масштабы горя и зла, которые она принесла людям. В мире нет таких приборов.

Грузино-абхазская война была жестокой и по отношению ко всему, что нас окружает. Она так же убивала животных, птиц, растения, наносила им пулевые и осколочные раны; танки и снаряды уничтожали целые плантации и сады, расположенные в прифронтовых местах и в районах партизанских сражений. В результате множество ранее цветущих усадеб, общественных хозяйств оказались заброшенными; виноградники, различные фруктовые деревья поражены заболеваниями, сохнут, гибнут.

Не только люди, но и природа грустит, страдает и плачет. С самого первого дня войны я, как и все мои соседи, видел это в селе Эшера. Кровоточили раненые стволы мандариновых и фруктовых растений, грустно висели завядшие ветки лозы с гроздьями винограда... Во время каждого взрыва снаряда домашние животные со слезами, жалобно смотрели на нас, как бы прося о помощи. Ни в чем неповинные существа интуитивно чувствовали страшную угрозу. Тогда я не вполне еще осознавал, что это был их предсмертный плач. Они стали жертвой жестокой войны.

Губительны для экологии последствия, вызванные глобальными военными действиями нашей эпохи и наращиванием военно-технического потенциала. Заражены пища, вода, воздух.

И за всё: будь то глобальные, общечеловеческие проблемы или – местные, региональные должен нести ответственность человек – ибо он единственное разумное существо, живущее на Земле. Он часть природы и призван Земной сад «возделывать и хранить», а не грабить и эксплуатировать.

Многообразие и целостность! Сплав этих двух, казалось бы, полярных свойств, присущ и «природе» и «человечеству». Единство в том, что все на Земле связано друг с другом, что человечество

живет в общем доме, под одной «крышей» – атмосферой, под одним Солнцем, развивается по общим законам. Сейчас дом этот населяет более шести миллиардов человек. И все люди, в буквальном смысле слова, – земляки.

А многообразие Земли? Планета наша многокрасочна – и в своих природных, и в своих «человеческих» чертах. Причудливы очертания континентов и океанов, и каждый из них не похож на другой. Разнообразны ландшафты внутри материков, каждый из них имеет свой облик. Столь же разнообразно и человечество: более двух тысяч народов насчитывает оно, и каждый имеет свое лицо – свой язык, свою культуру, свой уклад жизни, соответствующий конкретным природно-климатическим и историческим условиям жизни.

При всей калейдоскопической пестроте современного человечества – политической, расовой, национальной, культурной, при том, что оно сегодня разделено на классы, на очень разные по социально-экономическому укладу жизни – оно одновременно обладает и свойствами целостной системы. Человек представлен на Земле одним биологическим видом.

12 апреля 1961 года первый космонавт планеты Юрий Гагарин, увидев Землю через иллюминатор космического корабля, воскликнул: «Красота-то, какая!».

Эта красавица – Земля, непрерывно вращаясь вокруг собственной оси и вокруг Солнца, вместе с ним прорезая бесконечные просторы Галактики, стремительно движется во Вселенной. Миллиарды лет она движется вокруг Солнца со скоростью около 30 километров в секунду.

В бесконечной вселенной затерялась бы наша населенная планета – Земля – этот несопоставимый с космическими расстояниями клочок материи. Но во вселенной действуют твердо установленные законы – физические и нравственные. Они не подвластны человеку. Слава Богу, что человек не может изменить законы Вселенной, как не под силу ему изменить направление и скорость движения Земли – своего «эйкоса». Земля имеет постоянную, твердо

определенную орбиту – маршрут и скорость движения, которые обеспечивают нашему кораблю безопасное плавание в бесконечной и в пространстве и во времени Вселенной.

Наша красавица Земля, заселенная людьми, жемчужина Вселенной. Законы Творца, господствующего во Вселенной, берегут ее, дают ей мирную и комфортную жизнь в семье бесчисленного множества небесных тел. А мы, земляне, призваны у себя, в своем земном доме, единственном в своем роде, уважать закон, придерживаться порядка, свято беречь то, что нам дано. Природа же дает все необходимое для мирной и счастливой жизни. Когда мы бережно, разумно относимся к тому, что нам поистине дано, мы получаем еще больше. В противном случае, теряем и то, что имеем, и саму жизнь.

Все, что мы делаем с Природой, даже с паутинкой, как образно сказано одним мудрецом, касается нас. Это аксиома. Мы, люди, хотя на каждом шагу можем видеть подтверждение этой истины, но никак не можем осознать эту истину, несмотря на то, что любое наше неправильное действие против Природы оборачивается против нас.

У абхазов есть выражение «чтоб ты не увидел Природу» («ацсабара умбааит») – это страшное проклятие. Оно произносится редко, адресуется тому, кто ведет себя позорно, совершает смертные грехи, не достоин жизни.

К сожалению, мы сегодня являемся свидетелями того, как человек, отбросивший традиционные представления о морали, чести и этических нормах, теряет ощущение святости собственного достоинства, предается безнравственным развлечениям, пьянству, наркомании и другим порокам. Это губительно отражается на его окружении, семье, детях.

Разрушение человеком собственного здоровья – часть разрушения осязаемой Природы. Оказавшись в плену собственных плотских желаний, увлекшись чрезмерно материальными ценностями, человек разрушает среду обитания и общения, подрывает свое собственное здоровье.

У нас, в Абхазии, грубое вмешательство в жизнь окружающего

материального мира все более стало возрастать особенно в XX столетии. Цкургильское карьерное хозяйство, уничтожившее немало гектаров плодородной адзюбжской земли, где теперь образовалось озеро, наглядное и не единственное преступное действие человека против Земли, совершенное за последнее время. Грубое вмешательство, неразумное хозяйствование уничтожило тысячи и тысячи гектаров земли Абхазии за последние десятилетия.

А сколько загублено ценнейших местных пород растений. Почти или полностью истреблены некоторые виды животных.

По-разному проявляется безнравственность человека в отношении флоры и фауны. Вот простые примеры: безжалостное, хищническое отношение к мимозовой роще на Сухумской горе и в других местах!; рубка на дрова красавца – эвкалипта в окрестностях Сухума!; рубка в сухумских городских парках декоративной ели перед Новым годом!; вырубка мандариновых деревьев во время уборки урожая в «чужих» садах, оставшихся бесхозными!; охота и ловля рыбы в запрещенных местах, в запрещенные сроки или недозволенными способами!; устройство пожаров в лесу! и т.д. Все это, что мы сегодня наблюдаем разве только браконьерство!? «Кто в малом не верен, тот и в большом не верен».

Было бы резонно задать себе вопрос: сколько фруктовых и декоративных деревьев я посадил? А какие цветы я люблю и как их насаждаю и за ними ухаживаю?

Красоту следует не разрушать, а приумножать! Прекрасная Природа становится жертвой собственной красоты! Она требует высококонвратственного отношения к себе.

Природа, каждая частица ее на Земле – свята. И мы призваны быть святыми во всех поступках.

Если святость Природы будем беречь как зеницу ока, то получим большое вознаграждение. В своей жизни мы будем пожинать те же плоды, которые вложены в саму Природу, в каждое ее произведение: любовь, радость, мир, благодать.

Сухум. 1996.

Глава II. Народные сходы в XIX — начале XX вв.

В обществе на всех этапах развития человечества возникали разные проблемы. Люди всегда стремились находить пути их решения. Приемлемым и авторитетным считалось коллективное обсуждение общественных вопросов. Так было принято у всех народов с древнейших времен.

Сходы, или народные собрания в жизни абхазского общества имеют глубокие корни. Они берут свое начало с первобытнообщинного строя и, пережив целые исторические эпохи, сохранили свое общественное значение до нового времени, правда в значительной мере уступив место институтам государственной власти.

Основная причина сохранения народовластия – это отсутствие в Абхазии развитой системы феодальных отношений. Пахотные земли принадлежали тем, кто их обрабатывал – крестьянским семьям, объединенным в сельские общины. Крестьяне считали себя собственниками своих земель. Грузинский общественный деятель К. Д. Мачавариани в 1913 г. писал: «Вообще, все сословия туземного населения Абхазии были совершенно равноправные поземельные собственники... Такое поземельное право ставило низшее сословие вне зависимости от привилегированных классов»¹. Свободные общинники («анхаю») составляли абсолютное большинство населения страны. В деревне и после крестьянской реформы (1870) сохранились родовые пережитки и патриархально-общинные отношения.

Исторические условия развития народа благоприятствовали сохранению многих демократических традиций в самых различных сферах общественной жизни. Абхазская сельская община («ақыта»), которая была своеобразной «основой основ» общественного устройства страны, показательна в этом смысле. Она объединяла все слои населения – высшие и низшие сословия. Община была пропитана молочным родством («аталычество») феодалов с крестьянами. Дети князей и дворян, отданные на воспитание в крестьянские семьи, становились, как и их родители, близкими

родственниками. Все это смягчало сословные противоречия, содействовало сохранению своеобразной гармонии в обществе. Такое положение соответствовало духу народа, во многом определялось и самой благославленной природой Абхазии («апсабара»), к которой народ относился сугубо нравственно.

Пережиточные традиции абхазской общины продолжали существовать и на первых порах Советской власти. Это находило свое выражение и в народных собраниях, в общественном авторитете их решений.

Материалы об абхазских сходах XIX – начала XX столетия, дошедшие до нас, дают представление о значении народных собраний в жизни общества. В зависимости от обсуждаемых вопросов созывались общинные (сельские), окружные (участковые) и всеабхазские сходы. Общинные и окружные сходы проводились чаще, а всеабхазские – в редких случаях. Население заранее оповещалось о сроке и повестке дня схода. Часто само крестьянство выступало инициатором проведения схода.

Самурзаканцы проводили сходы в центре удельного владения в с. Агу-Бедиа, затем после перенесения центра – в с. Окум, а позже – в Гали, абжуйцы – в с. Моква, гумцы – в с. Дранда, а позже – в с. Эшера, бзыбцы – в с. Лыхны.

Не случайно народные собрания проводились в местах расположения древних христианских храмов. Как известно, эти храмы были возведены на месте святилищ, где в языческие времена люди совершали поклонение святым. Очевидно, народ издревле собирался в этих местах для решения насущных вопросов. Проводя собрания в священных местах, люди тем самым выражали нравственную значимость, предъявляемую к самому сходу.

О глубоких традициях народных собраний в Абжуйской Абхазии, об их месте в общественной жизни проф. Ш. Д. Инал-ипа писал: «Моквские, как и лыхненские народные собрания носили систематический характер и имели важнейшее значение в жизни каждого абжуйца, поскольку на них поднимались вопросы социального и политического характера. Такого рода собрания проводились по-

чти в каждой общине, но по значимости обсуждаемых проблем мокские занимали главенствующую роль. Поскольку сами собрания проводились с незапамятных времен, то христианский храм был воздвигнут на месте, традиционно считавшемся местом моления»².

В данной работе дается краткий исторический очерк абхазских народных собраний XIX – начала XX вв. Более обстоятельно рассматривается Дурипшский сход 1931г., почти не освещенный в нашей исторической литературе. Ограниченность материала не позволила дать более обстоятельное освещение этого уникального проявления крестьянской активности в Абхазии в условиях становления советского строя.

1. Народные собрания и ораторское искусство

Речь – это чудесное средство общения между одаренными разумом людьми. Знарок слова, Людвиг Келер, писал о человеческой речи: «Что в действительности происходит при разговоре, каким образом искра сознания воспламеняет мысль, ... чтобы та превратилась в слова, не поддается нашему пониманию. Человеческая речь – тайна; это – Божий дар, чудо».

Слова даны, чтобы говорящий мог передавать слушателю свои мысли и понятия. Это может быть успешным только тогда, когда он подбирает слова, которые точно выражают мысль и которые знакомы или могут быть легко установлены теми, кто слушает. Вначале точно подбирать слова нелегко. Даже Екклесиаст Израиля – мудрый царь Соломон «все испытывал, исследовал, и составил много притчей. Старался Екклесиаст приискывать изящные изречения и слова истины написаны им верно» (Еккл. 12:9,10). Значит, чтобы найти подходящие слова, необходимы умственные усилия, исследования и умение рассуждать.

Абхазский народ, творец шедевров устного народного творчества – сказаний, эпоса, мифов, легенд, сказок, народной поэзии и

др. – обладает богатейшими традициями устной художественной речи. В народе издревле ценилось умение выражать мысли точно, красиво, логично, образно, убедительно, просто. Абхазское ораторское искусство – важная часть традиционной культуры.

Обучение ораторскому искусству было вызвано практически потребностями общества. По сведениям античных авторов в Колхиде существовали эллинские гимназии, в которых обучали философии, ораторскому искусству, гимнастике. По свидетельству константинопольского философа и ритора Фемистия (IV в. н.э), он учился риторике в Колхиде, эту страну сравнивал со знаменитой Элладой.

О высоко развитой традиции ораторского искусства в древней Колхиде свидетельствуют речи на народном собрании в 553 г. н. э., произнесенные в связи с убийством царя Губаза. В этот критический конфликтный момент, когда встал вопрос о дальнейшей судьбе родины и ее политической ориентации, остро столкнулись две противоположные позиции – проперсидская и провизантийская. Представлявшие эти позиции ораторы Аиэт и Фартаз, продемонстрировали глубокое знание ораторского искусства, оказали сильное влияние на публику. По оценке Ш. И. Нуцубидзе, выступление Фартаза «не только образец классически построенной речи, но содержит определенные высказывания о правилах риторики и красноречия, что указывает не только на большое искусство в этой области, но и на серьезную теоретическую подготовку»³.

Традиции ораторского искусства абхазцев, уходящие своими корнями в древний мир, развивались и в последующие эпохи. Мастера публичного слова выдвигались повсеместно и во всех коленах.

Многие авторы XIX и начала XX в. писали об исключительном развитии ораторского искусства у абхазцев. Его развитию содействовали, прежде всего, условия общественной жизни, включая традиционные народные собрания и народное судопроизводство.

На общинных и региональных народных собраниях выступали люди, умудренные житейским опытом, хорошо знавшие быт, культуру, психологию и характер своего народа, его чаяния и ин-

тересы. В каждой общине из народной среды выходили талантливые люди, наделенные способностью убеждать слушателей силой своего ума и слова.

В народе такого человека почтительно называли «аизара уабы» («человек люда», дословно «человек собрания»). Чтобы получить подобное народное признание надо было выделиться своим внутренним миром и внешним обликом, поведением и тактом, а также и порядком в своем собственном доме и налаженным хозяйством. Слово именно такой личности было убедительно и имело вескую силу и авторитет.

Народные собрания и народное судопроизводство служили своеобразной школой ораторского искусства. Демократические традиции абхазских народных сходов создавали благоприятные условия для проявления дарования оратора. В процессе диалога, споров в поисках истины приводились аргументы и контраргументы, рождались мысли, идеи, проявлялось мастерство ораторов.

Наряду с ораторами высокого ранга, слава о которых расходилась по всему округу, были и ораторы местного значения. Без них не обходилась ни одна община, ни один даже поселок и фамильный род. Своими проникновенными словами и красноречием они украшали не только народные собрания, праздничные гулянья, но и традиционные абхазские свадьбы, многолюдные похоронные процессии и другие общественные ритуалы.

Ораторскому искусству учились. Один из известных трибунов XIX – начала XXв. – поквешский крестьянин Наурыз Чачхалиа создал у себя дома нечто вроде школы красноречия. Он собирал способных молодых людей и проводил с ними занятия. При этом демонстрировал, как надо себя вести. Вбивал перед собой в землю свой посох – алабашу, накидывал на него башлык и начинал говорить, обращая внимание учеников на различные тонкости ораторского искусства. Затем каждый из слушателей показывал свое умение. В конце совместно обсуждались итоги проведенных практических занятий.

Речь оратора делилась на части. Обычно она начиналась с по-

чтительного приветствия словами «ажелар, шәхаткы!» («народ, кладу голову свою за вас! или дословно «народ, вместо вас»), что означало готовность отдать свою жизнь за народ. Затем добавлял: «абзиара шәықузааит!» («желаю вам благоденствия »). Таким многозначительным и весьма вежливым обращением в самом начале подчеркивалось народовластие, что народ – решающая сила. Речь оратора завершалась словами «абзиара шәзыкалааит!» («да свершится с вами доброе!») и он добавлял: «ажәа шәасыршьит!» («утомил вас многословием»). Такое обращение оратора к аудитории не было простой ритуальной данью. В этих словах выражалась сила и авторитет народа, призванного решать все общественные проблемы.

Одна из основ, которой учился оратор, простота слов. Для того, чтобы речь могла затронуть, совершенно не обязательны сложные и трудные слова. На деле ключ к пониманию – простота.

Оратор производит впечатление когда говорит о конкретных, реальных делах, фактах, событиях так, как они есть, без прикрас.

В то же время оратор обогащал и оживлял свою речь, используя разнообразные эпитеты, метафоры, сравнения, народные изречения из богатой абхазской устной художественной речи, поговорок, притчи.

Успешное выступление оратора обеспечивалось соблюдением тональности голоса и паузы, использованием описательных и подчеркивающих жестов, контактом со слушателями, смысловыми удавлениями и изменением интонации.

Имела значение и одежда оратора. Без черкески редко кто выступал. Опрятности уделялось особое внимание.

Из всех видов публичных речей в древней и средневековой Абхазии политическое красноречие было наиболее тесно связано с политической жизнью и социальным строем страны. На протяжении многих столетий верховным органом в государстве – по крайней мере номинально, если не по существу – было народное собрание, к которому политический деятель обращался непосредственно. Чтобы привлечь внимание народа, оратор должен был представить свой

идеи наиболее привлекательным образом. Форма и содержание речи, искусство выступающего – его политическое красноречие, мастерство художественного слова – играли решающую роль.

Особым жанром выделяются торжественные речи. Большие торжественные народные собрания, посвященные крупным политическим и культурным событиям, проводились в исторических центрах религиозной, политической и культурной жизни – Псырзха – Анакопия (Новый Афон), Акѳа (Сухум), Лыхнашѳа (Лыхны), Мыкѳе (Моква), Агу-Бедиа и др.

Торжественные собрания привлекали большое число людей многих общин. Из далеких сел, как правило, верхом приезжали мужчины, а также женщины, одетые в национальную праздничную одежду. Общему духу собрания соответствовали и торжественные речи. Высокохудожественная форма этих речей отвечала больше эстетическим потребностям.

Торжественные народные собрания завершались большим народным гуляньем, где устраивались зрелищные конно-спортивные состязания, национальные виды спорта, исполнялись народные песни и танцы.

Все это – и сход общин и народные гулянья, проводившиеся в с. Моква, называлось Абжуаа реизара, т. е. собрание народа Абжуа; Агубедийские – Самырзаканаа реизара, т. е. собрание народа Самурзакано; Лыхненские – Бзыпаа реизара. Эти собрания в народе пользовались большой популярностью.

Особенно распространенным жанром были судебные речи, которые произносились на народных собраниях, где свершалось правосудие. Это были собрания всех мужчин; женщины на них отсутствовали. Большую роль на них играли старейшины – влиятельные и опытные люди. Почет и уважение к ним у абхазцев не имели, казалось, предела. Их непререкаемый авторитет был основан на глубоком знании и образцовом соблюдении самими старшими принципов апсуара, адатов, обычно-правовых норм, обязательных для всех. Обладая ораторским искусством, они силой слова решали порой, казалось, почти неразрешимые дела. Народ ценил словесность и

мудрость. Все слушали наострив уши судебные речи небывалой силы.

Отдельно можно выделить речи на свадьбах и прощальные (ахалалтира). Они обычно короткие, произносятся в своеобразной обстановке, несут особую смысловую нагрузку и тесно связаны с бытом, традициями, образом мышления и особенностями характера народа.

На свадьбах, по выработанному обычаю порядку, речи говорят тамада – руководитель застолья, представители жениха, невестки, участники трапезы – мужчины, а редко и женщины.

Для тамады, чтобы он хорошо провел свадебный или какой-либо другой праздничный стол, обязательны знание и соблюдение до тончайших мелочей красивого абхазского застольного этикета, умение вести стол, пить, петь и, конечно, ораторское искусство. Произносятся традиционные тосты, опытный тамада украшает и обогащает их содержание красивой, неординарной речью.

Каждый хозяин праздничного, а также траурного застолья называет тамадой, как правило, кого-либо из своей фамилии или близкого родственника, друга семьи. А быть тамадой считается почетом. Поэтому с молодых лет мужчины учатся застольному этикету и красноречию.

Массовому внедрению мастерства лаконичного публичного слова в абхазском обществе способствует специфический национальный обычай прощания с покойным, когда близкие и друзья произносят прощальные речи. Этот обряд, сохранившийся в национальной форме до наших дней, особенно в Бзыбской Абхазии, обращает на себя внимание и близких по культуре с абхазским соседних народов. Слова прощания отличаются лаконичностью, логичностью, психологичностью и философско-мировоззренческим содержанием. Дополняя друг друга, выступающие воссоздают образ усопшего, смысл и содержание его земной жизни, произносят проникновенные слова утешения и наставления, обращенные к членам семьи.

Такие проводы и самого простого, казалось бы, при жизни ничем особенным неприметного человека, становятся весьма со-

держательными, впечатляющими. Окунувшись мыслями во всю эту церемонию, убеждаешься в том, что человек, как бы не сложилась его судьба, прожил свою жизнь не напрасно, оставил память о себе в сердцах окружающих, и, что достоинство его оценивается не только его делами и общественным положением, а прежде всего, чисто человеческими качествами, которые у каждого особенны.

В траурные минуты сила слова звучит особенно проникновенно. И оратор, владеющий внутренними законами публичного выступления, заставляя своей лаконичной речью призадуматься над смыслом жизни.

Таким образом, сама жизнь абхазского общества, традиционная культура народа создают благоприятную атмосферу для проявления мастерства публичной речи, совершенствования ораторского искусства.

В народе говорят: «Хорошему слову нужен хороший слушатель». Перефразируя данное выражение можно заключить, что оратор проявляет себя, когда перед ним слушающая, понимающая, подготовленная в традиционном духе аудитория. Недаром в народе бытует пожелание: «илызкаауо анцѣа дуитааит» («да даст Бог тебе понимающего»). Следовательно, понимающего и твое слово. Это пожелание и оратору и слушателю.

Тот оратор достигает успеха, который в своей публичной речи выражает интересы общества, тех, кто его слушает. Такая речь доступна, выслушивается с интересом, воспринимается.

Отношение народа к своим ораторам засвидетельствовано в абхазском предании. В нем рассказывается, как один народный трибун, увлекшись своей речью, нечаянно пронзил посохом с железным наконечником ногу рядом стоящего. Тот, несмотря на невыносимую боль, терпеливо ждал окончания речи оратора, не выдавая своего страдания ни единым звуком. Речь оратора выслушивалась с затаенным дыханием, его нельзя было прерывать.

В одной из абхазских сказок говорится, как кузнец Согум своим рассказом заставил вскипеть молоко в котле без огня.

Фольклор Абжуйской Абхазии сохранил народное предание,

воспевающее местных мудрецов-ораторов. Его предоставил нам историк Георгий Амичба. Вот отрывок из этого предания:

Кындг – Камчыч Лакуатаа; В Киндге – Камчыч Лакуатаа;
Тамшь – Тахуц Зантариа; В Тамыше – Тахуц Зантариа;
Ага* – Иуана Кантариа; В Аге – Иуана Кантариа;
Уашьпан – Циса Барганцья; В Уашпане – Циса Барганджиа;
Чааркыт – Мышьа Гуаланзиа; В Чааркыте – Мыша Гуаландзиа;
Бзана – Тамшьыгу Нарманиа. В Бзанае – Тамшуг Нарманиа.

Так, с особым почтением назывались в народе имена мастеров ораторского искусства.

Представители стран Дальнего зарубежья, русской, грузинской и других соседних культур отмечали высокий уровень культуры абхазской речи**, писали об особом месте ораторского искусства в общественной жизни абхазского народа. Дж. Белл, несколько дней присутствовавший на конгрессе абхазов, убыхов и адыгов, происходившем в 1839 г. в местности Геч (Гечрипш, Малая Абхазия), так выразил свои впечатления: «... Меня часто... охватывало чувство восторга при виде той готовности, благосклонности и энергии, с которой люди выступали с речью на собраниях. Это являлось особенностью тех людей, живущих на том побережье, и объяснялось часто проходившими свободными разбирательствами, пробуждающими интерес»⁴. Абхазского оратора Арслана (известный под именем Фытыз-Леон) по осанке, умению держаться, голосу, ораторскому ис-

* Ага – побережье, берег морской.

** «Абхазский язык лингвистически стоит на одной из самых высоких ступеней развития человеческой речи», – писал академик Н. Я. Марр. К. Д. Мачавариани, который хорошо знал и чувствовал абхазскую речь, отмечал: «Язык абхазский гибок и звучен: он одинаково передаёт не только торжественный тон возвышенного пафоса, но и ласкает слух самыми нежными выражениями. Как грозные звуки природы, так и мелодии тихого дуновения ветерка, журчание ручейка, горе и радость, гнев и ласка, глубина страсти и нежность находят в этом языке своё полное выражение».

кусству Белл сравнивал с виднейшими европейскими сенаторами и судьями того времени. Также подчеркнул: «... Решения, принимаемые старейшинами, – людьми, являющимися самыми разумными, справедливыми... несомненно продиктованы величественным духом беспристрастности»⁵.

К. Д. Мачавариани, превосходно знавший Абхазию, быт и традиционную культуру народа, отмечал: «Речь оратора-абхазца убедительна, увлекательна и до того обаятельна, что порой и убеленные сединой старики заслушиваются ею. Кто в совершенстве владеет абхазским языком, тот пользуется сильным орудием, чтобы проникнуть во все изгибы души, во все уголки сердца... Народный гласный суд, к которому допускаются жители обоего пола, не разбирая возраста, создает среди абхазцев выдающихся ораторов... Послушайте речь старика-абхазца, окруженного многочисленным со всех сторон собравшимся миром, решающим семейные, общественные, сословные и другие дела по обычаю старины. Слушая даже обыкновенного оратора или доморощенного поэта, не знаете чему удивляться, логической ли его последовательности или счастливому скреплению разнообразных по силе слов и выражений. Бесконечная речь его, основанная на законах здравого смысла, несется неудержимо. В бесконечных сравнениях, фигуральных образах и чудных аккордах слышатся глубокие истины, практически годная житейская мудрость, завещанная предками, и проверенные опытом собственной жизни советы»⁶.

К. Д. Мачавариани жил и работал в Абхазии в конце XIX – начале XX веков. Он сам вырос в абхазской среде, участвовал в народных сходах, слушал ораторов, видел силу воздействия абхазской ораторской речи на умы людей. И в приведенной выше цитате передается прочувствованное им самим состояние.

Ораторское мастерство особо звучало тогда, когда страна переживала трудное положение, и требовалась мудрость, обращенная к народу и оппонентам. С. П. Басария, принимавший активное участие в освободительном движении 1917–1921 годов в Абхазии, писал об абхазских крестьянских ораторах того времени: «Надобно

было слышать в 1918 году, в разгар меньшевистского владычества, дискуссию, с одной стороны, видных ораторов социал-демократической Грузии, а с другой, – простых крестьян-абхазов – Гедлачи, Кобзачи и прочих ораторов народной совести, правды и гнева в защите национальных прав, прав самостоятельности, в освещении традиционной любви к свободе, в указании заведомого безумия со стороны одной нации, только что освобождённой из-под ига, загнать под это же иго другую маленькую нацию. Надобно было видеть позитуру крестьянина-абхаза, возражающего и защищающего высшие идеалы своего человеческого права. Он слегка опирается на рукоятку кинжала (обычное явление) или небрежно складывает руки на палку, подставляет палку к левому или правому плечу, корпус свой несколько клонит к земле, сам смотрит то на землю, то на оппонента, то на народ, то в даль – в леса и горы... И лилась из уст этого выразителя народной идеологии сильная, стройная, красивая струя красноречия, – такая очаровательная, нескончаемая, несравненная в настойчивости, как горная кристальная речка, разрушающая утёсы – преградителей дороги к широкому морю, к ясному солнцу. Горная струя страшной занозой входит в расщелины камня и отламывает его неуклюжие бока. Оратор-старик мудрым абхазским изречением, вроде – «мозги, выдумавшие порабощение одной нации другой, должны быть выкинуты из головы»; или «рот, произнесший эту скверную мысль, – нужно всполоснуть»; или «только рабская душа, освобождённая из-под гнёта, сама гнетёт» и прочими выражениями поражает таких «апостолов» красноречия, как Исидор Рамишвили и ему подобных»⁷. С. Басария отмечает, что необычное для крестьянского оратора равнодушное лицо, его небрежная, не ораторская поза, как бы подчёркивали ситуацию, при которой происходила дискуссия.

В условиях же мирной обстановки оратор-полюемист выглядел совершенно в другом виде. Журналистка Зинаида Рихтер, которая в 1923 г. побывала в республиках Кавказа, писала: «Но никогда мне не приходилось присутствовать на таком сдержанном, я бы сказала культурном собрании. Абхаз выслушивает оратора, не перебивая его

ни шумом, ни возгласами, в классической бессознательно-величавой позе, опираясь на высокий посох или винтовку. Противнику дают высказаться до конца, а возражают с изысканной корректностью, которой мог бы позавидовать любой лорд. Они очень солидарны и дисциплинированы, все вопросы решают необычайно быстро»⁸.

Мне, автору этих строк, как и другим людям моего поколения, приходилось слушать крестьянских ораторов в молодости и в более поздние годы. Речь необразованных, но высокоинтеллектуальных и глубоко нравственных, умудренных опытом жизни крестьян, отличалась особым ароматом, глубиной содержания, убедительной аргументацией, силой логики, языковым богатством, нравственной чистотой, простотой и жизненностью и воспринималась с особым удовлетворением. Нельзя не преклоняться перед талантом крестьянских ораторов.

Откуда такая речевая культура и сила логики у необразованных абхазских крестьян? Где источник их ораторского искусства? Отметим некоторые обстоятельства, позволяющие дать ответ на эти непростые вопросы. Прежде всего, крестьянин, получивший традиционное воспитание, по сути был интеллигентом, интеллектуалом в общечеловеческом понимании. Деликатности и этикету абхазского крестьянина, как выразился акад. С. Н. Джанашиа, могли бы позавидовать выдавшие виды дипломаты из Лиги наций. К. Д. Мачавариани, в совершенстве владевший несколькими развитыми литературными языками, важнейшей основой речевой культуры крестьянина-оратора считал богатейшие традиции абхазской устной словесности. Он отмечал большие возможности абхазского языка, образно сравнивая его с «сильным орудием» для «проникновения во все изгибы души, во все уголки сердца». По свидетельству Мачавариани, в речи абхазского оратора вызывает удивление «счастливое скрепление разнообразных по силе слов и выражений». Глубокие традиции абхазской устной художественной литературы (сказания, сказки...), высокий художественный уровень этих произведений подтверждают неисчерпаемые возможности родного языка, как языка яркого искусства.

Народный суд «создает среди абхазцев выдающихся ораторов», – отмечает К. Д. Мачавариани. Этим он подчеркивает влияние уклада жизни, традиционной народной культуры на развитие ораторского искусства (народные собрания, народный суд и т.д.).

Велико влияние окружающей природы на художественное творчество народа. Природа Абхазии, ее многообразие, изумительное богатство, райская красота, в которой с особой силой проявились величайшая Любовь, Праведность, Мудрость, Сила Творца – это та среда, где формируется человек, его характер, вся его культура. Природа – выдающееся искусство. В человеческой деятельности, в его творчестве, мышлении, речи находит отражение сила этого непревзойденного искусства.

Надо отметить влияние мировоззренческих представлений и нравственных принципов на развитие искусства речи. Для традиционного абхаза творец всего сущего – Бог; человек и все, что его окружает творения Бога; жизнь человека свята; любой гость (незнакомец, чужестранец, даже враг) – «Божья благодать» («асас анцѣа дисасуп»). Из таких нравственных установок исходит оратор, когда он судит, обвиняет или оправдывает, решает общественные или семейные дела, благославляет новобрачных, гостей и др., когда провожает умершего в «мир иной» и т.д. Мировоззренческая концепция и нравственные принципы, которые вошли в адсуара (в моральный кодекс народа), вооружают оратора сильной логикой мышления от Бога, помогают находить истину и отстаивать ее. Разумеется, речь может идти об истине относительной, житейской, оправданной и воспринимаемой людьми в данной конкретной обстановке.

В памяти народной сохранились имена известных абхазских ораторов. Выдающимся оратором в середине XIX столетия был эшерский крестьянин Осман Шамба. 26 июля 1866 г. на лыхненской поляне перед семитысячным народным собранием он произнес знаменитую речь, которая продолжалась около шести часов. «Речь Шамба длилась долго. Три переводчика совершенно охрипли, а знаменитый оратор продолжал греметь на всю огромную площадь»⁹, –

пишет Г. А. Дзидзария. К сожалению, сохранилось только краткое содержание этой речи в изложении Г. Г. Ткецишвили. Он был переводчиком речи О. Шамба. В его показании (на 15 листах), представленном следственной комиссии по лыхненскому восстанию 1866 г., эта речь занимает особое место. Г. А. Дзидзария, скрупулезно исследовавший текст данного документа, отмечает: «Переводчик (с абхазского на русский) старался передать речь оратора подробно, отражая весь его гневный характер»¹⁰.

Выдающимся народным трибуном был Наурыз Чачхалиа, о котором говорилось выше. В конце XIX – первой половине XX в. в Абжуйской Абхазии славились народные ораторы крестьяне Осман и Киагуа Киут, Гедлач и Махаз Аршба, Гудия Барганджия, Джыр Ахуба, Хабыдж Ашуба, Чагу Чацба, Киазымбей Амичба, Таскала Думава, Куалаш и Хусейн Джинджолия, Куат Тания, Кан Цагурия, Нестор Бигвава, Нестор Джопуа, Шьягу Басария, Сейдык Цвинария, Дигуа Дочиа и др.¹¹.

В Бзыбской Абхазии были популярны народные трибуны – крестьяне Титу Какучал-ипа, Тагу Лакоя, Осман и Алыкса Ладария, Мурат Абухба, Алхас Дгебия, Чичин Бебия, Аабыдж Мыкуба, Чагу Ашхараа, Хусин Цаггир-ипа, Хуашыт Аргун, Камгаз Хагба, Ханашв Калги, Гыдж Отырба, Сит Ебжноу, Дамей Малиа, Синат Джения и др.¹². В апреле 1926 г. Джисип Матуа на сессии ЦИК СССР произнес великолепную речь. Из уст абхазского крестьянина впервые прозвучало абхазское слово в парламенте Союза ССР¹³.

В Самурзаканской Абхазии широкой известностью пользовались ораторы Климат Джинджолия, Джишагу Бигвава, Раджиб и Леван Хахубия, Кадыр Тарба, Батул Куправа (Кубрава) и многие другие. В конце XIX – начале XX в. Батул несколько раз избирался старейшиной Бедийской общины. Популярный в народе оратор, выступая на общинных, участковых и окружных сходах, защищал интересы трудового люда, пользовался уважением населения.

Сельский сход при избрании должностных лиц учитывал не только личные человеческие качества и жизненный опыт, но и их речевую культуру – умение говорить просто, убедительно, логично,

красиво. Ведь старшина и суд обычно занимались решением самых различных вопросов повседневной сельской жизни, касавшихся как отдельных семей, так и всей общины. Сельский старшина представлял сограждан общины и их интересы на больших сходах – участковых, всеабхазских. Люди желали, чтобы они были представлены достойно.

В 1913 г. в Петербурге на торжествах, посвящённых 300-летию царской династии дома Романовых абхазский народ представляли старшины сельских общин Тарба Гьд (Лыхны), Цушба Есыф (с. Абгархук), Аршба Гедлач (с. Ткуарчал). Такую честь они заслужили, очевидно, служением своему народу*.

Получить уважение людей, среди которых живет человек, можно только верным служением делом и словом, помышляя о том, что только истинно, честно, справедливо, чисто, любезно, славно, что только добродетель и похвала. Уста говорят о том, что в сердце. Сердце любвеобильное – говорит о добром и судит справедливо, а сердце лукавое – говорит о злом и судит лукаво.

Люди «некнижные», простые крестьяне выступали, естественно, без заранее написанного текста, устно. Содержания речей крестьянских ораторов не сохранились, а отдельные, случайно уцелевшие отрывочные переводы, не воссоздают всю прелесть и силу этих речей. К сожалению, они навсегда утеряны. А какими бесценным

* Прием делегации народов Российской империи проходил в присутствии царя Николая II. Представители Абхазии, пройдя процедуру приема, заняли отведенное им место. При этом царь почувствовал некоторое смущение абхазцев. Он заинтересовался этим. Один из крестьян деликатно поведал царскому чиновнику о той неловкости, которую они испытали в тот момент: «Когда мы вошли Его Высочество, милейший Царь не встал, а по абхазскому обычаю это признак неуважения гостей». Вернувшись из Петербурга, абхазские крестьяне с некоторой досадой говорили об этом эпизоде из поездки в столицу. В народе и в наши дни бытует повествование о нём.

историческим источником, литературным памятником и образцом народного красноречия были бы они для потомства?

Привыкнув к печатному слову, мы не всегда понимаем, какими большими преимуществами обладает живое слово, звучащее в устах оратора, перед написанным. Непосредственный контакт с аудиторией, богатство интонации и мимики, пластики жеста и движения, наконец, само обаяние личности оратора позволяют добиться высокого эмоционального подъема в аудитории, и, как правило, нужного эффекта. Публичная речь – это всегда искусство.

2. Вопросы общественно-политической жизни на сходах

Присоединение Абхазии к России (1810 г.), явившееся коренным поворотом в жизни народа, оказало сильное влияние на общественно-политическую и культурную жизнь страны.

Абхазия оказалась в водовороте острых противоречий между двумя крупными империями – царской Россией и султанской Турцией, за спиной которой стояли государства Запада. Россия добивалась окончательного утверждения на Кавказе. Турция не желала терять свое традиционное влияние в этом регионе. В данном историческом конфликте обе соперничающие стороны отводили Абхазии особое стратегическое место. Все это привело к трагическим для абхазского народа событиям.

Русско-турецкие войны XIX столетия и развертывание военных действий на территории Абхазии; Кавказская война, в которой участвовала Абхазия, и завершилась в самой Абхазии (1864 г.); махаджирство – насильственная депортация абхазского населения и родственных абхазцам народов (абазин, убыхов, шапсугов, адыгов и др.) в Турцию и другие страны Ближнего Востока; экономическое освоение Абхазии колониальными методами – всколыхнули общественно-политическую жизнь маленькой страны.

Малочисленный абхазский народ на своей райской земле тысячелетиями создавал самобытную культуру – язык, уклад жизни, обычаи, нравы, традиции и пр. Народ лелеял все то хорошее, что ему принадлежало.

В условиях новой геополитической и культурной среды, традиционная культура, уклад жизни народа столкнулись с новыми, непривычными, часто непонятными и чуждыми ему культурными новациями. Народ болезненно воспринимал ломку своего традиционного уклада жизни.

Колонизация Абхазии – массовое заселение страны чужеземцами, принесение в дар и распродажа лучших земельных фондов царским чиновникам, генералам, помещикам и другим – также болезненно отражалась на народе и вызывала соответствующую общественно-политическую реакцию.

Часто в действиях царских чиновников и представителей власти, не понимавших и не учитывавших местные условия жизни, характер и психологию народа, население усматривало колониальное, унизительно-оскорбительное отношение к себе, к чести и свободе народа.

Трудовой народ страдал и от собственных дворян и князей, которые приспособившись к новым условиям, стремились усилить эксплуатацию крестьян. Он страдал и от протурецки настроенных феодалов. Работоторговля, грабежи, бандитизм, социально-бытовые конфликты – также обостряли общественную обстановку.

В этих условиях народные собрания еще продолжали служить трибуной, где народ выражал свою позицию, свое отношение к происходившим в стране событиям, обсуждал животрепещущие вопросы, предлагал свои решения.

Владетельные князья и царские чиновники не могли не считаться с этим народным институтом власти. В нужные моменты даже сами официальные власти обращались к авторитету народовластия, чтобы заручиться поддержкой при проведении тех или иных важных мероприятий.

В абхазском обществе авторитет схода был настолько высок,

что он собирал большое число людей – мужчин и женщин, пожилых и молодых. И каждый шел на собрание с чувством личной ответственности. В народе говорили: «Сход не собрал бы народ, если бы каждый себя не уважал» («аизара ажәлар изеизнагомызт, дасу ихы апату иакәимцозгы»). Люди приходили на собрания, уважая себя, с желанием решать «свои» вопросы. «Уважать себя», очевидно, означало не только опрятно одеться и выглядеть хорошо, но иметь знание. Каждый шел на собрание с определенным пониманием и интересом. Собрание давало как информацию, так и определенные знания, обогащало понимание, утверждало людей в интересах, объединяя, а порой, и разъединяя их в устремлениях.

Люди знали, что решение схода касается каждого в отдельности и всех вместе. Поэтому сход, решавший жизненно важные вопросы, проходил при активном участии народа. Как бы ни были противоположны мнения ораторов, речь каждого выслушивалась с тактом и уважением.

На общинных и сельских сходах обсуждались вопросы местного значения: внутриселенного землепользования и землеустройства, использования общинных лесов, горных пастбищ, строительства дорог, самые разные спорные дела, связанные с хозяйственной, социальной и бытовой жизнью населения.

Проводились и более представительные сходы с участием крестьянства ряда общин удельного княжеского владения для обсуждения наиболее важных вопросов местного или общенационального значения.

Так, в первой половине XIX в. часто стали возникать споры на почве владения горными пастбищами. Все попытки владельца урегулировать этот вопрос в Абхазии были тщетны. На сходах обсуждались споры между общинами, а также между влиятельными феодалами, узурпировавшими общинные горные пастбища. По описанию этнографа Ц. Н. Бжания в середине XIX в. в с. Моква состоялся сход представителей ряда абжуйских общин – Гуп, Члоу, Ткварчал и других предгорных сел и представителей дальских князей Маршан, которые захватили общинные пастбища этих райо-

нов. От имени вышеуказанных общин, члоуские князья Ачба предъявили дальским Маршан вернуть общинам горные пастбища Дауч, Соуипсара и Ахарва. Ачба предъявили личные права на Ахарва. Сход не разрешил спорный пастбищный вопрос, тяжбу между представителями княжеских родов – члоуских Ачба и дальских Маршан¹⁴.

После вхождения Абхазии в Россию на первый план выдвигаются социальные и политические проблемы. Особенно волновали общество такие вопросы, как борьба с работорговлей, религиозная политика, противоречия между сторонниками русской и турецкой ориентации, отношение абхазского населения к русско-турецким войнам XIX столетия, к походам и экспедициям против абхазских горных обществ, участие в Кавказской войне и др.

После упразднения Абхазского княжества в 1864 г. наиболее острыми проблемами становятся земельная реформа и махаджирство. Вопросы, связанные с реформой и депортацией населения касались жизни всего народа и бурно обсуждались на уровне сходов общин, округов, приставств.

Крестьянство понимало несправедливый характер крестьянской реформы. Работа комиссии ген. Понсэ, прибывшей из Тифлиса в 1865 г. для выяснения размера имущества бывшего владельца Абхазии и установления его семье соответствующего вознаграждения, занималась и сбором сведений об общем социально-экономическом положении Абхазии. Работа этой комиссии здесь рассматривалась как подготовка к проведению крестьянской реформы. Позже, 23 июля 1866г., на сходе в с.Дурипш крестьяне с возмущением выразили недовольство тем, что правительство не хочет спросить: желает ли население, чтобы дети бывшего владельца Абхазии «оставались в крае на помещичьих правах»¹⁵.

Крестьянство отвергало крепостнический характер готовившейся реформы. На сходах в с. Лыхны и м. Очамчыра крестьяне категорически говорили, что согласно обычному праву «земля принадлежит тому, кто ее расчистил от зарослей и засеял» и, что такое положение «распространяется на всех без исключения абхазцев»¹⁶.

10 июля 1866 г. в Абхазию прибыла новая комиссия, в задачу которой входил сбор сведений «о порядках землепользования», об отношениях между отдельными лицами разных сословий в каждом отдельном селении и затем систематическая обработка собранных ею данных, необходимых для проведения реформы. Комиссия немедленно приступила к работе.

15 июля на сходе в с. Пицунда выступил А. Черепов. Грубый, оскорбительный тон речи возмутил его участников. Крестьяне, узнав условия предлагаемого «освобождения» и рассматривая «освобождение» за выкуп, как величайшее для себя бедствие, отказались давать сведения и, заявив об этом Черепову, разошлись по домам.

18 июля состоялся сход в с. Калдахуара. Собрались жители территории между р. Бзыбь и р. Мчишь (Черная речка). Крестьяне единогласно отказались отвечать на предложенные комиссией вопросы, утверждая, что они это могут сделать только вместе с другими сельскими общинами Бзыбской Абхазии, так как «имеют исстари данный обет и присягу ни на какие важные вопросы не давать ответов одной общине отдельно от других»¹⁷.

19 июля на сходе селений Апцхва, Мгудзырхуа и Чаабалурхуа крестьяне также отказались дать сведения. Такая тревожная для властей обстановка сложилась в этот момент не только в Бзыбской Абхазии. Причин для этого было немало.

Профессор Г. А. Дзидзария отмечает следующие основные причины недовольства народа: 1) неудовлетворительная организация управления после упразднения владетельской власти, где сами чиновники мало были знакомы с краем, характером и бытом абхазцев; 2) высокий размер повинностей и разных налогов; 3) несовершенство нового судопроизводства и произвол, чинимый его отдельными деятелями; 4) преступное самоуправство и безграничный произвол отдельных военных и гражданских чиновников, «не умевших примениться к обычаям и понятиям народа»; 5) крестьяне страдали и от местных князей и дворян, одетых в офицерские мундиры и служивших самодержавию и от своих же гражданских помещиков. Крестья-

яне «страдали от двойного гнета: от своих помещиков и от произвола, насилия и злоупотреблений новой царской власти, от которой оно ждало облегчения своего положения»¹⁸.

Народ решил созвать сход всей Бзыбской Абхазии, чтобы «окончательно решить, что надо делать». По всем селам началась подготовка к всеобщему сходу. 25 июля полковник В.Коньяр – начальник Сухумского военного отдела, получил от капитана З.Измайлова известие о массовом сборе населения «с оружием в руках для заявления своих претензий и жалоб» на царское правительство.

26 июля 1866 г. на Лыхненской площади состоялся сход жителей Бзыбской Абхазии. Собралось более 7 тысяч человек. Крестьяне составляли основное ядро схода. Люди стояли по сословиям. Почти все были вооружены.

Полковник В. Коньяр прибыл на сход со свитой, куда входили переводчики, окружные судьи и другие абхазские князья, в том числе Георгий и Александр Шервашидзе (сын и брат последнего владельца). Навстречу к нему вышли выборные (депутаты) в количестве 8 человек, которые должны были выступить на сходе от имени народа и передать Коньяру желание абхазцев. Все они были из «простого народа» – анхаю – свободные крестьяне и ахоюю – крепостные крестьяне. Одним из них был крестьянин Осман Шамба, который с «согласия прочих» произнес речь. Переводили её по частям. Переводчики Г. Ткецишвили и Т. Анчабадзе совершенно охрипли и не могли больше говорить; их сменил Г. Шервашидзе.

О содержании речи О. Шамба мы знаем только из показания Г. Ткецишвили, представленного им для следственного дела. Приведем здесь отдельные места, которые отражают общий настрой крестьян. Они наивно верили, что император и его наместник предлагали «освободить» их не так, как Коньяр и члены комиссии. «Откровенно должны сказать вам, – заявил О. Шамба, – что мы не верим, что государь император и великий князь наместник кавказский соизволили освободить крестьян в Абхазии таким образом, как вы нам предлагаете. Мы подозреваем, что вы сами повели так это дело, чтобы заслужить внимание высшего начальства». Он за-

явил, что народ разочаровался в новом управлении, крестьяне ожидали, что с упразднением владительства благосостояние их будет возрастать с каждым годом и правительство будет с ним «милостиво». Царские тюрьмы появились во многих местах Абхазии. Крестьяне подвергались арестам со стороны властей и без всякого суда содержались в тюрьмах. Оратор обстоятельно охарактеризовал деятельность самого начальника Сухумского военного отдела. «...Со вступлением вашим (т. е. полковника Коньяра) в управление Абхазией, вы давите и притесняете нас. Вы подвергаете нас тяжким наказаниям за малейшие проступки. Такие взыскания не могут быть налагаемы даже на образованных людей внутри самой России... и едва ли там народ стерпел бы это, тем более мы не можем этого, мы – народ необразованный и не знакомый с законами русскими и не понимающий взгляда правительства на различного рода преступления. Вы столько стесняли и оскорбляли нас, что сердце наше переполнилось терпением и мы не в силах больше терпеть». Оратор, излагая свои положения, обращался к сходу с вопросом: «Так ли я передал ваши мысли?...». Народ постоянно выражал криками одобрение и согласие¹⁹.

Выступивший затем В. Коньяр отверг одну за другой все просьбы населения, изложенные в речи О. Шамба. Возмущение собравшихся достигло крайнего предела, когда Коньяр категорически сказал: «Что же касается до ваших жалоб о строгости наказания, которым мы вас подвергаем за ваши поступки, то эти наказания будут еще больше усилены. Вы достойны более строгих наказаний ..., я объявляю всенародно, что буду строго преследовать всех... и если бы все абхазцы оказались... достойны наказания, то я употреблю все усилия и исходатайствую у высшего начальства разрешения выселить всех их...». Затем Коньяр потребовал немедленно исполнить приказание начальства и дать необходимые сведения Черепову, приступив к этому делу в его же присутствии. «Если вы добровольно не исполните этого, – угрожал полковник, – я заставлю исполнить его силою. Вам будет плохо, но тогда не пеняйте на меня»²⁰.

Когда Коньяр кончил говорить, О. Шамба обратился к нему со

следующими словами: «Нет, полковник, мы не можем исполнить вашего требования, довольно. Сердце наше переполнилось терпением, мы больше не можем терпеть, оставьте нас в покое». При этом он произнес по-русски: «Нет, полковник, нет, полковник». Потом Шамба обратился к сходу: «Так ли? Ведь вы не соглашаетесь на требования полковника?». В ответ раздался громкий крик всего народа: «Так, мы не соглашаемся»²¹.

Коньяр заявил, что среди населения находятся заговорщики, которые возбуждают его, и что их для спокойствия необходимо выселить из края. В ответ на это раздалась первые выстрелы как сигнал к нападению на царских администраторов.

Сход, на котором остро столкнулись насущные интересы народа с колониальной политикой царизма, перерастает в восстание, известное в истории как восстание 1866 г. в Абхазии. В этот день возмущившимися абхазцами были убиты В. Коньяр, чиновник А. Черепов, З. Измайлов, 4 офицера и 54 казака. Восстание стремительно распространилось от с. Калдахуара до Цебельды, Дала, Сухума. В нем приняли участие до 20 тыс. человек.

Профессор Г. А. Дзидзария обстоятельно исследовал историю этого восстания. Давая оценку данному событию, он приходит к заключению: «Выступление абхазского крестьянства в 1866 году было выражением протеста масс против насилия и эксплуатации и поэтому явилось прогрессивным, освободительным»²².

Да, абхазское движение 1866 г. – одна из ярких страниц многовековой национально-освободительной борьбы абхазского народа.

Г. А. Дзидзария отмечает организованность крестьян при подготовке и проведении схода. Все 8 депутатов во главе с О. Шамба, выбранные населением для переговоров с полк. Коньяром в с. Лыхны, как уже отмечалось, являлись крестьянами. Крестьянство из своей среды выдвигало собственных руководителей. Весьма авторитетным и деятельным был О. Шамба, выделялись Гыдж Отырба, Ханашв Калги, Титу Какучал-ипа и др. Однако крестьяне не сумели дать тогда общепризнанных руководителей, способных по-настоящему возглавить движение.

По мнению Г. А. Дзидзария в крестьянской среде в начале, по видимому, не было намерения братья за оружие. Крестьяне, изложив свою позицию, полагали мирными средствами разрешить спорные вопросы. Речь шла о разрешении послать депутацию к наместнику Кавказа для того, чтобы узнать «правду» о планах правительства в части освобождения крестьян. Только после категорического отказа и грубых угроз Коньяра крестьяне применили оружие.

На сходе пролилась кровь. Святость человеческой жизни была грубо нарушена. Активные участники восстания были жестоко наказаны. В Сухуме, на берегу моря, на глазах тысяч людей три человека были повешены, многие посажены в тюрьмы, сосланы в Сибирь.

Так болезненно и с жестокими жертвами прощался народ со своим, веками складывавшимся, своеобразным, уникальным, полуфеодальным укладом жизни, переплетённым родовыми пережитками и патриархально-общинными традициями; со своими понятиями свободы и народовластия, которые он бережно вынашивал и сохранял. Однако они были непонятны и чужды для представителей другой культурной среды.

Народные сходы и колониальный режим царизма были несовместимы. Чиновничий административный аппарат, добиваясь проведения в жизнь официальной политики царской власти, нередко игнорировал мнение народа и стремился подчинить сходы своим целям. Вот такую позицию занял Коньяр на Лыхненском сходе 26 июля 1866 г., где интересы администрации и народа остро столкнулись. Народ, используя сход, открыто выразил свою позицию по жизненно важным вопросам через своих представителей.

Уроки крестьянского возмущения в определенной мере были учтены при проведении крестьянской реформы (1870 г.). Не были удовлетворены претензии абхазских феодалов на признание за ними полного права собственности на все крестьянские земли и на признание крестьян всех категорий их крепостными. Одобрение получила только претензия на выкуп личных услуг крестьян. Однако

это несколько не изменило помещичьего характера реформы. Крестьяне объявлялись «свободными» и получили в собственное наделы (от 2 до 7 десятин), оставаясь во «временнообязанных отношениях».

В 1868 г. в Абхазии проводится новая административная «форма». Тогда же вводятся общинные и сельские управления – в села Абхазии были разделены на 41 общину. Согласно «Положению о сельских обществах» сельские общества составлялись «из всех жителей одного селения, без различия, на каких бы землях они ни жили». Во главе сельского общества стояло «сельское общественное управление»; его составляли сход, старшина и судья, причем «первое место на сельском сходе и охранение на нем должного порядка» принадлежало старшине. Теперь законодателями было определено место схода в сельском управлении. В ведении сельского схода находились: выборы сельских должностных лиц, приговоры об удалении из сельского общества «вредных и порочных членов его», распоряжение общественными земельными участками, назначение сборов на общественные расходы, раскладка казенных и земских податей и повинностей, а также общественных повинностей, принятие мер к принуждению и взысканию недоимок, разрешение просьб об увольнении из общества для переселения в другие села²³. Классовая природа нового сельского управления была очевидна. Оно входило в систему государственного аппарата, являясь его низшей ступенью.

Во второй половине XIX в., в это бурное, трагически сложное для абхазского народа время, сельские сходы проводились в крайне неблагоприятных условиях. Но даже и в обстановке массовой депортации населения в Турцию – в 1867 г., в 1877–1878 гг. – народные собрания показали свою жизнеспособность. Некоторые представители народа, умудренные опытом, понимавшие всю глубинность переселения людей в чужую страну, когда позволяла обстановка непосредственно обращались к народу. Так было, например, 30 апреля 1877 г. в с. Лыхны, где собрались представители окрестных сел, обеспокоенные высадкой турецкого десанта, ср

ди которых находились Узбек Маргания, полковник Камлат Маргания и Хаджи Лакербая (Лакрба). Дуришский дворянин Хусейн Омар-ипа Лакрба, уважаемый в Абхазии человек, в этот критический момент обратился к народу с речью: «Сердце мое преисполнено предчувствием о близкой опасности Абхазии; она погибнет безвозвратно, если начальник округа не вытребует из Сухума сюда к нам побольше войск. Абхазцы готовы спрятать свои семейства в горы и стать в ряды русских, чтобы соединенными силами идти против неприятеля; но если начальник округа оставит нас на произвол судьбы, то мы, несчастные, будем вынуждены покориться турецкой власти; а потому желательно было бы, и я настоятельно прошу довести мое заявление кому следует»²⁴.

Когда Узбек Маргания в сопровождении 25 человек прибыл на Лыхненскую площадь, где перед этим упала бомба с турецкого броненосца, Хусейн Лакрба публично обратился к нему: «Узбек! Какой дьявол принес тебя в Абхазию? Какое новое зло хочешь ты еще причинить нам? Неужели мало еще преступлений совершил ты среди нас? Неужели не насытился еще нашею кровью? Мы и без тебя погибаем, а ты еще увеличиваешь нашу гибель. Слезай с лошади и отвечай: что тебе нужно?». Тот в ответ: «Добрый Хусейн! Не мешай нам. Ведь ты знаешь, что Абхазия принадлежит нам; мы должны завладеть ею во что бы то ни стало, на прежних условиях. Оставь меня... Узбек Маргания опять в Абхазии!»²⁵.

Свидетель событий 1877–78 годов в Абхазии К. Д. Мачавариани подчеркивает активную деятельность в это время «почетных лиц» и тех, которые «имели влияние на народ» или обладали «запасом абхазского красноречия». Заслуживает особого внимания самоотверженный поступок лыхненского священника и переводчика (одного из составителей абхазского букваря 1865 г.) Иоанна Гегия, который «будучи абхазцем, не желал ехать в Турцию и удерживал свой приход», «внушал своим прихожанам оставаться верными» России, за что, по некоторым данным, агенты Узбека задумали его²⁶. Г. А. Дзидзария отмечает ряд других лиц, сыгравших исключительную роль в этом процессе. Лыхненские крестьяне

Хасан Пилия и Цгу Гагулия (Дзугу-ипа), Соломон Патейпа (с. Лыхны), Константин Инал-ипа (с. Бармыш), Даур Ачба (с. Ткуарчал), Маху Делба (с. Адзюбжа), Шмаф и Мурзакан Анчабадзе (Самурзакано) и другие призывали население не оставлять родные места, не уезжать в чужую страну. Они использовали не только тайные собрания и другие формы агитации, но нередко, когда позволяла обстановка, созывали сходы и открыто разоблачали действия турецких агентов, направленных на выселение абхазцев со своей родины.

В начале XX в., особенно после первой революции в России и снятия «виновности» с абхазского народа (1907 г.), наступает кратковременный период мирного созидательного развития. Наметившееся тогда возрождение абхазцев характеризовалось пробуждением интереса народа к проблемам культурного развития. Наиболее важные вопросы культурной жизни деревни рассматривались на сходах. Сельские сходы, как правило, обсуждали вопросы строительства и открытия церкви, организации церковно-приходских и других школ. Народные собрания поддерживали культурные начинания, содействовали мобилизации усилий крестьянства для участия в строительстве очагов культуры.

6 и 13 ноября 1907 г. в древних храмах Лыхны и Моква поочередно было совершено первое торжественное богослужение на абхазском языке (семью абхазскими священниками во главе с благочинным Д. Т. Маргания). О том, как этот праздник был проведен в с. Моква говорится в рассказе «В Моквах» в книге для чтения, составленной С. Алферовым и А. Чукбар: «13 ноября 1907 года в Моквах было совершено для жителей Кодорского участка первое богослужение на абхазском языке... После литургии епископом Сухумским Дмитрием была отслужена панихида и перед храмом молебен. Затем народ поспешил посмотреть скачки и джигитовку, а мы сели неподалеку от древней колокольни и долго сидели, рассуждая о важности для абхазцев того события, свидетелями которого мы были. В первый раз за все существование Абхазии наш народ услышал божественную службу на родном языке.

Утро настало, говорили мы. Дай Бог и нам, и детям, которых мы учим, дожить до полного, светлого дня!».

Так, первое богослужение на абхазском языке – как факт огромной культурной значимости – было отмечено народным собранием (Абжуаа реизара), принявшим характер всеобщего праздника абжуйцев.

В 1913 г. в с. Моква Абжуаа реизара обсудил вопрос о «существующих школах и какие школы нужны». Сельские церковно-приходские школы приносили недостаточную пользу. Население это сознавало. Выступили представители всех общин Кодорского участка с требованием улучшить народное образование, приблизить его содержание к жизни и единодушно выразили готовность крестьянства принять участие в школьном строительстве. Народное собрание приняло решение, в котором говорилось: «Мы хорошо сознаем пользу учения, мы знаем, что только образование может вывести нас из настоящего тупика. К сожалению, существующие сельские школы мало способствуют стремлению к образованию. Так как мы, по бедности своей, не можем отдавать своих детей в разные города для пополнения знаний, полученных в селе, то нам нужны в селах такие школы, которые бы давали законченное, пригодное к жизни образование... школы должны при этом так воспитывать детей, чтобы они не гнушались своими занятиями, которыми занимаются их отцы – земледелием, садоводством, скотоводством ... желательно иметь школу иного типа, с более обширной программой, с образованными учителями»²⁷.

Был обсужден и вопрос о родном языке. Хотя официально запрещалось использование родного языка в учебном процессе, но стараниями народных учителей были изданы первые учебники и учебные пособия на абхазском языке и проводилась работа по их внедрению в школьную практику. Выступившие на собрании ораторы призывали к улучшению преподавания на абхазском языке.

Лучшие представители абхазской демократической интеллигенции выступали за развитие широкого национального просвещения и национальной культуры. Такое понимание роли школы поддерживалось абхазским крестьянством.

В сентябре 1914 г. в Бзыбской и Абжуйской Абхазии прошли сельские сходы, посвященные набору всадников абхазской сотни Черкесского конного полка. Участник схода Бзыбской Абхазии Т.К.Ванача сообщает: «В сентябре 1914 г. в с. Лыхны собралась масса народа со всего участка... Открыл собрание старшина с.Лыхны Гыд Тарба. Он произнес краткую речь и предоставил слово начальнику Сухумского округа генералу Засыпкину (речь переводилась на абхазский язык). Содержание речи было «патриотическим»... «Надеемся, что абхазцы внесут в общее дело свою лепту. Им нужно направить на фронт лучших мужчин, так как командовать дивизией дал свое согласие его Императорское Высочество, брат Николая II – Михаил Александрович»²⁸. Выступившие одобрили решение о формировании Абхазской сотни. Собрание абжуйцев состоялось в с. Моква. Сельские сходы были проведены в Гудаутском участке в 11, а в Кодорском – в 12 селах. Добровольцами на фронт первой мировой войны записалось 130 человек. Старшины общин возглавляли специальные комиссии, которые занимались обмундированием добровольцев в национальную форму, отбором и подготовкой соответственно снаряженных лошадей.

* * *

После Февральской революции 1917 г. заметно повысилась активность крестьян, возросла роль сельских и участковых сходов в общественно-политической жизни. В апреле 1917 г. сход, состоявшийся на исторической Лыхненской поляне в присутствии более 3 тыс. крестьян, рассмотрел вопрос о местных органах власти. Выступившие князья и дворяне пытались внушить крестьянам идеи об отсутствии классовой борьбы внутри абхазского народа, о единстве интересов помещиков и крестьян. Однако призыв «объединения в этот исторический день» встретил отпор. Ораторы из крестьян заявили, что они не могут объединиться с крупными земледельцами, обладающими и сословными привилегиями, в то время

как крестьяне страдают от малоземелья и бесправия. Они требовали ликвидации старых порядков и передачи всей власти трудящимся. Молодой народный учитель Дмитрий Кобахия на сходе заявил: «Настало время, когда униженные и обиженные будут всем; лозунг об «общенародном единстве» выдуман эксплуататорами лишь для того, чтобы «примирить» эксплуатируемых с нищетой и бесправием. Мы, трудовые люди, не братья тех, которые много времени стегали нас ремнями, нарезанными из нашей собственной кожи»²⁹.

Тогда же родилась идея создания революционной крестьянской дружины «Киараз». В органы участковой власти были избраны кандидаты, выдвинутые от народных масс: Н. Лакоба (комиссар) и Д. Кобахия (председатель комитета общественной безопасности).

На Гудаутском участковом сходе, состоявшемся в с. Лыхны в мае 1917 г., острая борьба развернулась между помещиками и крестьянами, главным образом, вокруг земельного вопроса, где помещичье-дворянский блок потерпел поражение.

Самурзаканский участковый сход, созданный для выборов местной власти, избрал участковым комиссаром большевика Ефрема Эшба. Кодорский участковый сход, созданный для выборов местной власти, комиссаром участка избирает депутата от крестьян, народного учителя Антона Логуа. Все это свидетельствовало о месте и роли крестьянских сходов в формировании органов власти, о возрастании роли крестьянства при решении таких жизненно важных вопросов.

11 апреля 1918 г. в м. Гали состоялся многолюдный сход Самурзаканского участка, где представители крестьянства в острой полемике, разоблачив княжеско-дворянских ораторов, провозгласили власть военно-революционного комитета во главе с вожаком крестьян, революционером Павлом Дзигуа.

Так в переломную эпоху крестьянские сходы продемонстрировали своё влияние и авторитет.

Однако смутное время гражданской войны (1918–1920 гг.) и

установление диктатуры меньшевистской власти, похоронили первые же завоевания демократии.

* * *

На народных собраниях и народном судопроизводстве важное место занимали вопросы примирения враждующих сторон и кровной мести.

Всякое оскорбление, насилие, увечье, а тем более убийство у абхазцев по обычаю должны были быть отомщены соответствующим образом, если только до мести не произошло примирения врагов по строгим нормам обычного права.

Враждебные отношения приводили к убийствам. Часто они возникали на почве присвоения чужой собственности, разбоев, поджогов, скотокрадства, рукоприкладства, изнасилования или соблазнения сестры или дочери, оскорбления родителей, особенно, матери, отказа от данного слова при заключении брака, самовольного развода, оставления жены и других причин. Даже случайное убийство могло привести к кровной мести.

Г. Рыбинский в конце XIX в. указывал, что обычай кровной мести у абхазцев имеет распространение «в грандиозных размерах»³⁰.

На протяжении истории общество выработало самые различные меры борьбы с кровной мездью³¹. Особое место занимали примирения по законам адата, народное судопроизводство, народные собрания.

Все уголовные и гражданские дела – конфликты между родами и общинами, грабежи, убийства, месть и другое – решались в Абхазии судом по обычаю. Обвиняющая и обвиняемая стороны выбирали судей в разном числе из дворян и других лиц, знающих обычные правовые нормы, имевших вес в народе. Иногда в границах определенной территории выбирались постоянные судьи, утверждавшиеся владетелем. Каждый из них приносил присягу перед народным

собранием, что добросовестно будет исполнять свои обязанности – по совести, по правде и обычаю.

Заседание суда проходило в специальных судилищах (адаурта), а в важнейших случаях в ограде монастыря, под сенью священного дерева. Дело обсуждалось публично. Заинтересованные приходили на суд без вооружения и располагались на противоположных сторонах. Судьи находились в центре, особо важные дела рассматривались под председательством владетеля. В самом же начале представители народа обращались к враждующим сторонам с предложением «доверить народу решение их дела». Судьи выслушивали тяжущихся и свидетелей, а потом уходили для совещания. Объявлялось решение, в котором предварительно дословно приводились показания сторон и свидетелей. В случае разногласий дело передавалось владетелю, который выносил окончательное решение.

Народное судопроизводство на основе норм обычного права мирно решало многие конфликтные дела, предотвращая случаи убийства, а нередко приостанавливало развитие кровопролития на почве мести.

Вопросы убийства и кровной мести рассматривались на народных собраниях – общинных, а также специально созываемых народных собраниях удельного владения, а иногда на всеабхазских.

В 1813 г. в с. Бедиа был убит владетель Самурзаканского удельного княжества Манучар Шервашидзе (Чачба) крестьянином Маджи Кварацхелия. Об этом факте историк Н. Дадияни сообщает следующее: «Сын Леона Шервашидзе Хутуния и зять Дадияни Манучар Соломонович двоюродные братья, завидовали друг другу. И в ту ночь, когда мы были в Бедиа, Хутуния приставил человека к Манучару Шервашидзе и, подкравшись к спящему внутри дома, вонзил кинжал и убили человека достойного памяти и хвалы полковника императора и кавалера»³². Существуют противоречивые характеристики личности владетеля Манучара. Историк пишет о нем, как о «человеке достойном памяти и хвалы». Письменные источники сообщают, что он был очень боголюбив, восстанавливал церкви. В народном предании характеризуется как человек жесто-

кий, похотливый и продавец пленников. Ш. Инал-ипа пишет, что Манучар был убит крестьянином за использование им «права первой ночи»³³.

В 1813 г. в с. Окум состоялось народное собрание, на котором судили М.Кварацхелия за убийство владельца. Принимали участие «все князья и крестьяне» удельного княжества³⁴. Собрание оправдало и освободило крестьянина, что по словам Ш.Инал-ипа «является ярким свидетельством того, что народные собрания еще пользовались значительным влиянием и авторитетом даже в южной, наиболее феодализованной части страны»³⁵.

Воспользовавшись обычным правом М. Кварацхелия переселился в Бзыбскую Абхазию, в с. Дурипш. Здесь его род размножился. В 1965 г. в с. Дурипш проживало 13 дворов Кварацхелия³⁶.

В 1846 г. владелец Абхазии Михаил Шервашидзе в с. Лыхны созвал народное собрание, посвященное кровной вражде, получившей тогда большое распространение, что приводило к взаимному истреблению целых родов. Ораторы поддержали предложение владельца об уничтожении обычая кровомщения с использованием всех сил, прежде всего авторитета влиятельных лиц, уважаемых в народе. Весь народ с восторгом принял решение о ликвидации кровной мести. Однако осуществить его на деле не удалось из-за противодействия со стороны князей и дворян, которым сохранение этих обычаев давало выгоду³⁷. Да и корни самих обычаев были так глубоки, что отменить их решениями, ликвидировать волевыми действиями было невозможно.

Борьба с кровной местью становится одной из важных задач в первые годы Советской власти. Н. А. Лакоба на II съезде Советов Абхазии (декабрь 1923 г.) сформулировал основные задачи органов власти и общественности по преодолению этого ужасного явления. Иногда кровная месть проходила между целыми фамилиями. На съезде указывалось, что в с. Джгерда фамилии Амичба и Ашуба, являвшиеся основными жителями села, не могут вместе появляться на общих сходах, что приводит к срыву народных собраний³⁸. Профессор Г. Ф. Чурсин, проводивший в те годы этнографические

исследования деревни, отмечал, что эти фамилии имели «одинадцать дел по взаимным убийствам, ранениям и прочим делам, возникшим на почве кровной мести»³⁹.

В ноябре 1926 г. в с. Лыхны состоялся объединенный сход крестьян Гудаутского уезда, который обсудил вопрос о мерах борьбы с частыми случаями убийств на почве кровной мести. В работе схода участвовали председатель Совнаркома Н. Лакоба, председатель ЦИК С. Чанба, секретарь обкома партии Г. Стуруа, председатель Верховного суда Абхазии Х. Шамба. Сход подчеркнул, что кровная месть – «это большое зло, укоренившееся в обычаях края, неизбежно ведет к физическому истреблению враждующих сторон и к материально-экономическому разорению вовлекаемых во вражду целых групп хозяйств»⁴⁰. Сход признал необходимым повести «самую решительную общественную борьбу против этого варварского бытового зла» и постановил виновников убийств наказывать по всей строгости революционного закона, вплоть до высшей меры наказания. Предлагалось в каждой общине и каждом селении организовать комиссии по примирению враждующих сторон и фамилий на основе традиций и норм обычного права. Решения комиссии закреплялись советскими органами. Сход предложил всем сельским советам обсудить на сельских сходах вопрос о кровной мести и выработать соответствующие практические предложения и мероприятия. Информация о решении объединенного схода крестьян была опубликована в газетах⁴¹.

Смертной казни в феодальной Абхазии не существовало. Уголовный кодекс Советской Абхазии также не предусматривал смертную казнь. По предложению самих крестьян сход потребовал применения высшей меры наказания за убийство на почве кровной мести. Правительство Абхазии поддержало требование народа. Об этом правовед Якуб Лакоба пишет следующее: «Выступил на сходе и Нестор. Известны такие слова из его речи: «Решение схода закон для всех, и мы его во что бы то ни стало выполним. Такова воля нашего народа. Правда, я вижу здесь и лица сомневающихся, и лица тех, кто пряча ухмылку, наверное, думает: пусть, дескать, говорят, а

мы будем продолжать свое дело. Эти люди жестоко заблуждаются». Буквально через несколько дней компетентный орган принял нормативно-правовой акт, предусматривающий высшую меру наказания... Но это был не простой правовой акт молодого государства. За ним стояло решение народного схода, что придало ему особую весомость, ибо народные собрания и его решения в абхазском народе были издревле чтимы»⁴².

Народные собрания, народное судопроизводство и другие усилия людей не могли ликвидировать кровную месть, но в наиболее угрожающие периоды распространения убийств, приносили реальную пользу, предотвращали дальнейшее развитие кровной мести, взаимное истребление людей на её почве.

Жизнь человека свята – такова духовная установка адсуара – морального кодекса абхазцев. Вся традиционная культура повествует о том, что на уровне народного сознания человек представляется как Божье творение. «Бог, наш Творец» («Анцѳа, Хазшаз») – с таким обращением к Всевышнему начиналась любая трапеза абхаза. Гость, кто бы он ни был, даже враг – благодать Бога.

Ф. Ф. Торнау, описывая обычаи абхазского народа, отмечает: «Смертная казнь не в обычае в Абхазии»⁴³. Обычное право предусматривало самые различные меры наказания преступника и примирения враждующих сторон⁴⁴. И все меры, выработанные обычным правом, исходили из принципа святости человеческой жизни, были направлены на недопущение человеческих жертв. Обращает на себя внимание то, насколько законы обычного права были гуманны, мудры, гибки, приспособлены к духу народа.

В научной литературе при рассмотрении кровной мести подчеркивается её вредная, отрицательная, антигуманная сущность. И это несомненно верно. Но нельзя кровную месть рассматривать односторонне, изолированно от других бытующих мер наказания и считать кровомщение только проявлением дикости. Неминуемость наказания в виде кровомщения служила и сдерживающим преступление фактором, определенным общественным регулятором в условиях отсутствия других государственных институтов наказания за

преступление. Ф. Ф. Торнау, обратив на это внимание, подчеркивает, что в условиях Абхазии в кровомщении, кажется, есть необходимость. «В Абхазии, – пишет он, – в которой народ не столь пылок и не столь воинственен, как в других местах, заселенных горскими племенами, страх кровомщения частью удерживает убийцу и грабителя в его покушениях или по совершении преступления заставляет скрываться, чем избавляет край от вредного его присутствия»⁴⁵. Преступнику предоставлялась возможность покинуть свою общину, найти убежище в другом отдаленном районе или за пределами Абхазии. Он окончательно порывал связь с родичами, менял свое фамильное имя и это воспринималось как сильное наказание. В таком случае по обычному праву преступник не преследовался.

Обеспечить соблюдение святости жизни человека не удавалось ни одному правителю мира. Убийства совершались всегда, везде и по всякому поводу. Избавиться от этой беды, как и от всех других болезней общества, очевидно, можно только если устранить главную причину человеческих бедствий – несовершенство самого человека.

Мир сегодня располагает мощнейшими орудиями массового уничтожения людей. Бомбардировки с воздуха и массовое убийство мирных жителей городов и сел считается законным средством водворения порядка на земле. Современная цивилизация таким путем «решает» свои проблемы.

Выдающиеся ученые, проникая в понимание законов мира и, в частности, законов жизни, делают верные научные открытия. Великий русский ученый-естествоиспытатель, философ и мыслитель В. И. Вернадский, создавший учение о Ноосфере – сфере Разума, решение глобальных проблем человечества связывает с установлением сферы Разума. Ученый говорил: «Царство моих идей впереди».

Человек, забывший, что он часть Природы, и возомнивший себя царем Природы, подвел Природу к черте гибели и тем самым и себя. Он забыл, что Всевышний создал Землю и Человека на ней совсем не для разрушения и войн.

В новом мире Разума, очевидно, приход которого неминуем, во-

царится духовность и нравственность, святость человеческой жизни будет утверждена. Царство Разума – любовь, мудрость, мир, справедливость. Воцарение этих качеств, несомненно, станет служить источником человеческого счастья.

Царство Разума впереди. Человек, наделенный разумом, в состоянии изменить свое отношение ко всему творению и к самому себе. В защите нуждается и Природа и сам Человек. Человек имеет право выбора.

Глава III. Сходы в первые годы Советской власти (1920-е – начало 30-х годов)

1. Место сходов в общественной жизни доколхозной абхазской деревни

Установление Советской власти в марте 1921 г. явилось новой поворотной вехой в истории Абхазии. Поворотов в прошлом было немало, но этот стал особенным. В начале не только крестьянство, но, очевидно, и многие их местные руководители, увлеченные идеями, ясно не представляли, что такое социализм на практике. Так начиналось движение по новому пути, неизведанному в истории человечества.

Возрождение национальной государственности, принятие Конституции ССР Абхазии, признание абхазского языка государственным, начало национализации аппарата государственной власти, первые шаги в развитии советской культуры и другие мероприятия пред-

ставляли важную основу для демократизации общественно-политической жизни молодой советской республики.

В условиях советской системы власти меняется положение сходов и содержание их деятельности. Ревкомы (февраль 1921 г. – февраль 1922 г.), а потом Советы на первых порах стремились использовать авторитет и традиции сходов.

Особая обстановка создается в период ревкомов. Ревком Абхазии, уездные и сельские ревкомы, которые до выборов в Советы в течение года выполняли функции органов государственной власти, не являлись выборными органами. Уездные ревкомы, состоящие из 5-ти членов, были утверждены Ревкомом Абхазии, а сельские, состоящие из 3-х человек, были назначены уездными ревкомами. Согласно инструкции Ревкома Абхазии волостные и сельские ревкомы должны были сплотить и организовать вокруг себя крестьянскую бедноту и середняков, «стать центром объединяющим их»¹.

Для разъяснения народу сущности первых мероприятий Советской власти ревкомы прибегли к практике митинговой демократии. В начале марта 1921 г. в Гагрском уезде были созваны сходы, на которых «давались разъяснения, как о Советской власти, так и целях и задачах революционных комитетов»². Так было повсеместно.

На сельских сходах выступали члены Ревкома Абхазии, наркомы и другие руководящие деятели. Они говорили крестьянству о политике Советской власти, декретах правительства, обсуждали злободневные текущие вопросы. Об одном дне недели советской пропаганды в Гудаутском уезде, пресса сообщала следующее: «Многочисленные сходы крестьян прошли в селах Баклановка и Черная речка, а также в Гудаута. На этих сходах выступал председатель Ревкома Абхазии т. Эшба. Речи его носили форму деловой беседы чисто практического характера по всем вопросам текущего советского строительства»³.

Ефрем Эшба, подчеркивая большую роль, которую сыграла эта форма общения с народом, впоследствии писал: «Помните, с ка-

ким трудом, шаг за шагом на митингах и крестьянских сходах мы рассеивали ложь, которой опутали трудящихся меньшевики... Теперь крестьянин самого глухого захолустья знает, что Советская власть и большевики, стоящие у власти, – его родное правительство, без громких фраз о «демократии», «о всеобщем избирательном праве», не мороча голову, а всерьез, крепко стоящие на страже его интересов»⁴.

Проводились и уездные собрания – съезды трудящихся. 18–19 марта 1921 г. в г. Гудаута состоялся первый такой съезд, в котором приняли участие представители 19 общин, свыше 120 человек. На съезде выступил представитель Кавбюро ЦК РКП(б) Н.Бахтадзе, который ознакомил делегатов с решениями X съезда РКП(б)⁵. Выступил председатель уездного ревкома З.Бения, были заслушаны доклады уездного ревкома, отделов уездного ревкома, с мест⁶. Доклады с мест «в большинстве рисовали тяжелое продовольственное положение, граничащее с катастрофическим»⁷. В одной из резолюций, принятой съездом, говорилось, что «трудящиеся Гудаутского уезда готовы, все как один, сплотиться вокруг Красного знамени и дружными усилиями закрепить советский строй, дабы кровь, пролитая на земле Абхазии за ее свободу, не оказалась пролитой напрасно»⁸. Уездному и сельским ревкомам были даны указания для практической деятельности.

26 мая 1921 г. в Сухуме открылся съезд трудящихся Абхазии, в котором участвовало около 300 человек. Прибыли представители крестьян со всех сел республики, одетые в черкески, папахи, башлыки. Это общеабхазское народное собрание имело исключительное значение. Перед народом отчитывалось новое правительство.⁹ Молодое правительство, проработавшее всего два с половиной месяца, нуждалось в поддержке народных масс. Съезд заслушал доклады председателя Ревкома Абхазии Е. А. Эшба о советском строительстве, зам. председателя Ревкома Н. А. Лакоба по национальному вопросу в Абхазии, а также доклады по земельному, табачному, продовольственному и другим вопросам. На съезде зам. Председателя Ревкома Грузии С.Кавтарадзе огласил декларацию Рев-

кома Грузии «О независимости Социалистической Советской Республики Абхазии». Съезд трудящихся одобрил общую политику Ревкома Абхазии, намеченные им ближайшие задачи. В резолюции, принятой по докладу Е. Эшба, говорилось, что делегаты съезда своей обязанностью считают «разъехавшись на места, приблизить массы к активной поддержке Советской власти и призвать их к самой решительной борьбе со всякими проявлениями провокации и контрреволюции»¹⁰.

В январе-феврале 1922 г. в Абхазии состоялись выборы в Советы. Впервые народные массы избрали своих представителей в государственные органы власти – сельские, уездные, республиканский. I съезд Советов Абхазии (февраль 1922 г.), избрав правительство республики на основе советской демократии, завершил переход от системы ревкомов к выборным Советам.

В новой, советской системе власти сельский сход не входил в систему сельского управления, как это было до революции, но ни один совет не обходился без схода. Все важные вопросы, касавшиеся жизни крестьян, Советы рассматривали на собраниях.

Сельские собрания заслушивали также рекомендованные доклады по внутривластным и международным событиям и революционным праздникам. Так, по рекомендации Агитпропа Абхазского обкома партии с ноября 1924 г. по ноябрь 1925 г. на собраниях и сельских сходах в виде докладов было проведено 29 мероприятий¹¹. Они использовались, прежде всего, для политического просвещения крестьянства.

При необходимости созывались и региональные сходы. Например, 30 августа 1922 г. в с. Моква состоялся объединенный сход крестьян Моквской, Беслахубской, Квитаульской, Тамышской и Адзюбжской волостей Кодорского (Очамчирского) уезда, который обсудил доклад председателя уездного исполкома Баджга Чолокуа о продовольственном налоге.

Сельские, региональные и уездные крестьянские сходы особенно остро обсуждали вопросы кооперативного строительства и коллективизации сельского хозяйства.

Как видно, сельские сходы в советских условиях имели определенную специфику. Во-первых, они были санкционированными, т.е. созывались с согласия или по инициативе органов государственной власти. Во-вторых, они становятся более политизированными. В-третьих, сход использовался как коллективный орган, выражающий интересы трудящихся слоев; Советская власть стремилась внести в массы классовое сознание, добивалась, чтобы на сельских сходах бедняцко-средняцкий блок определял социальную направленность работы схода.

При таком подходе в самом сходе закладывалась основа для противоречий при обсуждении злободневных социально-экономических и политических вопросов. В абхазских селах, да и не только в абхазских, крестьянство не представляло социальную дифференциацию крестьян. Не были известны критерии определения кулака. Вообще облик кулака крестьянство ясно не представляло. При обложении налогом, кредитовании, лишении голоса во время выборов в Советы и в руководящие органы кооперации и т. д. под категорию кулака легко мог попасть зажиточный крестьянин, умело ведущий свое хозяйство. Такими обычно оказывались хорошие хозяйственники, люди, наделенные жизненным опытом. Сельские Советы и коммунисты часто путались в этих вопросах, искали кулака там, где его не было. Эта специфика абхазской деревни, как и прочие ее особенности, нередко осложняли обстановку на сходах.

В абхазских селах сходы подчас противопоставляли себя Совету, довели над ним. Орготдел ЦИКа Абхазии в сентябре 1928 г. писал: «Советы Абхазии не легко завоевали авторитет в глазах крестьянства... Сход продолжительное время доминировал над сельсоветом. Советы все еще слабо работали, боялись проявить самостоятельность, одним глазом, а подчас и двумя поглядывали на сход. Они не имели своего лица, не был ими завоеван авторитет. Сход большей частью решал все вопросы. Сход съедал сельсовет, особенно в абхазских районах»¹².

На сходах решающую роль продолжали играть почтенные кре-

стьяне. Пользуясь в деревне особым уважением, как люди богатого жизненного опыта и хранители народной мудрости, они своим авторитетом воздействовали на решения сельского схода.

Руководящие советские и партийные органы республики, учитывая сильное влияние авторитетных крестьян в деревне, принимают меры по вовлечению их в советскую работу. Такие влиятельные крестьяне, как Джисип Матуа (с. Абгархук), Петра Нармания (с. Агу-Бедиа), Мина Барганджия (с. Тамыш), Кечи Пагава (с. Беслахуба) и другие избирались в ЦИК республики, десятки других в уездные и сельские исполкомы и таким путем включались в активную советскую работу. Участвуя в работе уездных и всеабхазских съездов Советов и сессий ЦИКа, в обсуждении отчетов правительства и докладов наркомов, в разработке и принятии государственных законов и других важных решений, они осваивали политику Советской власти, сами становились ее проводниками среди своих односельчан.

Вовлечение влиятельных крестьян в деятельность Советов привело к укреплению сельских Советов. Советы постепенно выходили из-под влияния сходов. Но к концу 20-х годов сельские сходы во многих абхазских селах еще продолжали играть значительную роль.

Об этом свидетельствует сход, вошедший в историю как «Дурипшский самочинный сход». Это самый значительный крестьянский сход в Абхазии в начале колхозного движения. Он не был санкционирован. Крестьяне созвали его по своей инициативе. В условиях советского строя это было необычным, из ряда вон выходящим событием.

2. Дурипшский сход

В советской исторической литературе о дурипшском сходе или умалчивается или говорится вскользь. Это понятно. Официальная ис-

ториэграфия не давала возможность дать более или менее объективный анализ аналогичным движениям. Как правило, такие события квалифицировались как реакционные выступления, спровоцированные классовыми врагами, против генеральной линии партии на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства.

На дурипшский сход первым обратил внимание проф. Ш. Д. Инал-ипа в книге «Дурипш». Он считает этот сход «самочинным антиколхозным», а организаторами его – «представителей деревенской верхушки». О причинах, обусловивших созыв схода и целях его проведения автор пишет следующее: «Используя в своих интересах известные затруднения первых лет колхозного строительства, ошибки и недостатки, имевшие место в проведении коллективизации, а также недовольство части крестьян некоторыми мероприятиями по заготовкам, кулацкой верхушке и отдельным влиятельным представителям крестьянства удалось развернуть антиколхозную агитацию и в конце концов создать дурипшский сход с целью срыва колхозного строительства»¹³.

Профессор С. З. Лакоба в книге «Очерки политической истории Абхазии» касается дурипшского схода. Данное событие освещает, используя статью С. Данилова «Трагедия абхазского народа», в которой значительное место отводится описанию схода*.

С.Лакоба впервые ввел в научный оборот этот источник, рассматривая дурипшский сход как «общенациональный сход абхазского народа»¹⁴. Одной из главных причин грандиозного схода С. Лакоба считает «всеобщее недовольство народа преобразованием договорной ССР Абхазии в автономную республику в составе Грузинской ССР». Опираясь на сообщения С.Данилова, он справедливо отмечает «факт несостоявшегося советского махаджирства»¹⁵. С

* *Статью С. Данилова «Трагедия абхазского народа», вышедшую в Мюнхене в 1951г. в «Вестнике Института по изучению истории и культуры в СССР», С. З. Лакоба опубликовал в «Материалах по истории Абхазии. Вып. 1», им же составленных в Сухуме в 1990 г.*

событиями в Дурипше связывает затягивание коллективизации и относительно мирный характер ее проведения в Абхазии.

Автор данной работы в своей книге «История кооперации Абхазской АССР (1929–1937 гг.)» рассматривает дурипшский сход как самочинный, несанкционированный, оценивает его как «организованное противодействие коллективизации сельского хозяйства». Вместе с тем в работе отмечается, что организаторы схода «выразили недоверие правительству Абхазии, пытались противопоставить сход органам Советской власти»¹⁶. Названы основные требования организаторов схода, «выступивших против создания колхозов, проведения скотозаготовок, контрактации посевов, занятий женщин и девушек в ликбезе в ночное время, против деления крестьян на кулаков, середняков и бедняков». Показаны меры правительства Абхазии по мирному урегулированию конфликта и уроки, которые извлекли партийные и советские органы из дурипшского схода.

В основу предлагаемой работы легли большей частью неопубликованные материалы государственных архивов, которые впервые вводятся в научный оборот. В частности, использованы информационные сводки опергрупп о дурипшском сходе. Как видно, они составлялись ежедневно по горячим следам событий. Естественно, документы спецслужб выражают официальную точку зрения, их оценки носят печать тенденциозности. Тем не менее оперсводки дают ценный фактический материал, выражающий позицию крестьян.

Оперсводки, очевидно, в свое время были изъяты из архивов Абхазии. Они хранятся в Тбилиси в партархиве бывшего Института истории партии при ЦК КП Грузии (ф. 14, оп. 1, ч. III, д. 3982, лл. 1–155). В 1967 г. они были просмотрены мною и сделаны краткие выписки. Ограниченный материал, находящийся в моём распоряжении, позволяет показать лишь общую картину схода. А будущему исследователю полное использование материалов оперсводок и других, безусловно, позволит значительно глубже взглянуть на события, которые происходили в Дурипше в феврале 1931 года.

Дурипшский сход получил широкий резонанс. Партийные и государственные органы обсуждали его, стремились выяснить причины и извлечь из него уроки. В связи с дурипшским сходом приняли постановления Гудаутская партийная организация и Гудаутский райисполком, Абхазский обком партии и ЦИК Абхазии, ЦК КП(б) Грузии и правительство Грузии. Они отражают позицию руководящих органов, содержат оценки, выводы и руководящие установки для работы в абхазской деревне. Эти материалы извлечены нами из партийных архивов, Центрального государственного архива Абхазии и опубликованных сборников документов и материалов.

Из опубликованных источников особое место занимает вышеупомянутая статья С. Данилова «Трагедия абхазского народа». Ценность сообщений этого автора заключается в том, что он единственный современник, который описал данное событие на фоне общеисторических процессов в республике. Как отмечает С. Лакоба, по всей вероятности С. Данилов «долгое время проживал в Абхазии и был весьма осведомленным человеком»¹⁷. Главную причину возмущения крестьян он видит в коллективизации. Уже в 1930–1931 гг., когда вопрос о ней был поставлен ультимативно, в порядке приказа, пишет он, «население твердо стояло на своем: «не желаем колхозов!»... Крестьянами был собран общенациональный сход протеста»¹⁸. Правительство Абхазии, отмечает автор, «воздерживалось принимать репрессивные меры», учитывало уроки Северного Кавказа, где на почве коллективизации столкнулись горцы и войска НКВД. Подчеркивает роль Н.Лакоба в мирном урегулировании конфликта. Статья содержит отдельные конкретные сведения о сходе. Однако в ней некоторые факты искажены. В частности, ошибочны сообщения, что сход был собран в «древней столице Абхазии Лыхны» и он «продолжался двое суток»¹⁹.

Использованы неопубликованные воспоминания очевидцев дурипшского схода, в частности, М. Л. Хашба «События двадцатых и тридцатых годов в Абхазии» (составлено в мае 1984 г. на абхазском языке, хранится в домашнем архиве). М. Хашба имел возможность

непосредственно следить за событиями в Дурипше: был в составе партактива, направленного Абхазским обкомом партии в эти дни в Гудаутский район, безвыездно находился в с. Лыхны до окончания схода. Однажды ему удалось даже проникнуть на сход, а после его роспуска он активно участвовал в мероприятиях правительства Абхазии в связи со сходом. Воспоминание содержит ценные сведения по этим и другим вопросам.

Во время подготовки настоящей работы к переизданию в газете «Форум» (13.03.2006. Сухум) была опубликована «Докладная записка» ответственного инструктора ЦК ВКП(б) Г. А. Козлова секретарям ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу и П. П. Постышеву о волнениях в Абхазии под названием «Дурипшское восстание». Козлов был направлен в Абхазию по решению секретариата ЦК ВКП(б) 9 февраля 1931 года. В Гудаутском районе пробыл с 20 февраля по 3 марта 1931 года. Он – очевидец событий, происходивших в те дни. Материалы «Докладной записки» представляют интерес. Фактические сведения, содержащиеся в записке, полностью совпадают с данными оперативных сводок, которые хранятся в Тбилиси. В данном случае мною использованы выдержки из выступления Нестора Лакоба перед представителями участников схода и оценка, данная сходу Г. Козловым.

Таков круг источников и литературы, которым пользовался автор при освещении дурипшского схода.

* * *

Постепенно в крестьянской среде накопилось много причин для недовольства. Основные из них были отмечены Н. А. Лакоба на колхозсовещании Грузии, состоявшемся в Тбилиси 26–27 февраля 1930 г.²⁰. Среди них особое место занимает переход к коллективизации сельского хозяйства без учета социально-экономических условий и культурных традиций абхазской деревни. Ряд сельсоветов Гудаутского и Очамчырского районов был объявлен села-

ми сплошной коллективизации уже в ноябре 1929 года. 7 января 1930 г. Совнарком Абхазии в постановлении о весенней посевной компании поставил задачу взять высокие темпы коллективизации, а в табачных и чайных районах перейти к сплошной коллективизации. Были указаны места сплошной коллективизации, установлены совершенно нереальные проценты коллективизации по районам. Намечалось в Абхазии охватить коллективизацией во время весенней посевной кампании 37% всех крестьянских хозяйств. Данное постановление было опубликовано в печати²¹.

Курс на искусственное форсирование коллективизации вытекал из общей ориентации сплошной коллективизации сельского хозяйства всего Закавказья в кратчайшие сроки²².

Форсирование коллективизации порождало применение метода грубого нажима при создании колхозов, что вызывало недовольство значительных слоев трудового крестьянства. Антиколхозные настроения проявлялись во всех районах, где применялись методы административного насаждения колхозов.

В январе 1930 г. в ряде мест Абхазии состоялись несанкционированные женские собрания, направленные против коллективизации. Особенно активно прошли они в Гальском районе, проводились они в Гумистинском и Гудаутском районах. Антиколхозное настроение преобладало и среди бедняцко-средняцкой части крестьянства. Н. Лакоба в Тбилиси на колхозсовещании Грузии говорил о противодействии, которое они оказывали на крестьянских сходах: «Во всех созданных нами беспартийных конференциях бедняки и середняки выступали в резких выражениях против колхозного строительства... приходили на конференцию с лозунгами «мы не только не строим колхозы, но и не разрешим кому бы то ни было строить колхозы»²³. Далее Н. Лакоба отметил какую роль сыграли эти конференции и с каким настроением крестьяне расходились: «Тот, кто понял значение колхозов, тот, кто хочет строить колхоз, строй его, тебе никто в этом не мешает, тебе будут оказывать поддержку власть и партия, но тот, кто не понял значение колхоза, он может не строить колхоз и его палками в рай не будут

загонять. Вот с этими лозунгами и разошлись бедняки и середняки. Это наше основное достижение»²⁴.

В Абхазии не было тогда ни одного даже показательного колхоза, на примере которого крестьянин мог бы понять суть ведения коллективного хозяйства. Он не имел представления о колхозе.

С колхозами крестьянин связывал, прежде всего, ликвидацию традиционного уклада жизни, той культурной среды, без которой он не мыслил свою жизнь. Ухоженная усадьба, дом и хозяйственные постройки, облюбованный сад и виноградники, которые крестьянин оберегал пуще глаза, домашний молочный и рабочий скот, ульи и другие неотъемлемые компоненты хозяйственной и культурной жизнедеятельности крестьянской семьи, формировавшиеся веками, представляли материальную и духовную основу крестьянской жизни. В этой среде находился микромир крестьянина, его «эйкос» – «дом, жилище». В этой среде он удовлетворял свои культурные и нравственные потребности. Вторжение колхоза в эту традиционную среду крестьянин не воспринимал, встречал с ожесточением.

Общественно-политическое положение абхазской деревни осложнялось и тем, что с переходом к коллективизации бывшие дворяне и князья, торговцы, духовенство и другие антисоветские силы усилили борьбу против мероприятий Советской власти, развернули агитацию среди трудящихся, уверяя их, что «сегодня отбирают землю у нас, завтра и у вас». На сессии ЦИК Абхазии, состоявшейся в середине февраля 1930 г., отмечалось: враждебные элементы распространяют слухи, что колхозы разрушают семью, «все колхозники будут жить в казармах, под общими 40–60-метровыми одеялами», у женщин будут отбирать детей, швейные машинки, кольца, серьги и т.д.²⁵.

Активную пропагандистскую работу против колхозов проводили беженцы от коллективизации из Северного Кавказа и Кубани. На колхозсовещании в Грузии Н. Лакоба говорил: «С Северного Кавказа выгнанные кулаки сотнями в Абхазии брошены, это отражение того, что там делают с кулаками на данной стадии... и это взбудора-

живает население».²⁶ В дальнейшем этот процесс усиливается. ЦИК Абхазии 6 января 1931 г. обратился ко всем наркоматам, райисполкомам и сельсоветам со специальным письмом, в котором указывалось: «Наблюдается большой наплыв в Абхазию кулаков из Кубани и других районов РСФСР. Расселяясь по отдаленным районам Абхазии, кулачество проводит подрывную работу среди местного крестьянства и агитирует их против коллективизации и других мероприятий Советской власти. Среди этих кулаков имеется много лиц с уголовным прошлым»²⁷.

Курс на форсирование коллективизации сопровождался «более решительным наступлением на зажиточные хозяйства деревни». И при осуществлении этой политики на селе было «наломано много дров». При обложении налогами, кредитовании, контрактации и т.д. сплошь и рядом среднее крестьянство, участвовавшее в освободительной борьбе (1917–1921 гг.), оказывалось под ударами экономической политики Советской власти.

Осуждая извращения классовой линии в деревне, Н. Лакоба на колхозсовещании Грузии говорил: «Чудеснейшее превращение там происходит – бедняк переходит в середняка, середняк попадает в список кулаков, кулак попадает в список середняков. В мегрельских, армянских, абхазских селах индивидуальные обложения начали использовать как одну из форм кровной мести. Кто немножко оказался в селе посильнее связанным с комсомольскими, с партийными организациями, начали вымещать свое зло на тех, к кому они питали что-либо. Извращение классовой линии по потребительской, кредитной кооперации и всем другим направлениям всколыхнуло крестьянские массы»²⁸.

Крестьянство выражало недовольство значительным ухудшением условий контрактации. Например, заготовительная цена на табак в 1926–1931 гг. оставалась на уровне 1926 г., а производственные расходы на табаководство и рыночные цены на продовольственные и промышленные товары значительно выросли. Это резко ухудшило экономическое положение табаководов, особенно, бедняцких и середняцких хозяйств. Н.Лакоба следующим образом охарактери-

зовал их состояние: «... бедняк и маломощный середняк на будущий год с долгами уходит, и домой ни одной копейки не приносит от табака... Если посмотришь высококвалифицированные табачные села, то там голая нищета. Дети простынями укрываются, потому что там ничего нет»²⁹.

К началу 30-х годов ухудшилось снабжение деревни товарами широкого потребления. О тяжелейшем положении в удовлетворении потребительского спроса населения Н. Лакоба на колхозсовещании сказал: «Они (сельские потребители. – А. К.) говорят – дайте нам нитки, дайте ситца и т.д. В одном районе начали бузить женщины. Когда следующий раз я отправился туда, они говорят: «вы свое обещание сдержали, но нам прислали черную материю и вообще мы такое время переживаем, что нам надо в трауре ходить». Тут с ассортиментом не повезло. В другом месте приходит крестьянин, у которого 3 рубля, а хочет купить блузку для мальчика, а ему говорят – вот, пожалуйста, готовая блуза, но только ее надо с брюками взять. А на брюки у крестьянина денег нет. В другом месте говорят- покупаешь мыло, возьми и кофе»³⁰. Глава правительства Абхазии на этих образно выраженных примерах сформулировал состояние рынка и настроение сельского потребителя.

В традиционном абхазском крестьянском хозяйстве особое место занимает животноводство. Крестьянин с любовью выращивает домашний скот, прежде всего, конечно, исходя из интересов удовлетворения своих материальных потребностей. В то же время общение с животными, система неписаных правил ухода за ними: коровой – кормилицей семьи, быками – главной тягловой силой в хозяйстве, лошадью – которая служит основным средством передвижения и с которой связано богатейшее искусство верховой езды абхаза и другие народные традиции – это и духовный мир и нравственное состояние крестьянина-труженика. С животными связаны традиционные понятия о красоте, доброте, друге, помощнике.

И если с этих морально-психологических позиций крестьянина взглянуть на то, как проводилось изъятие скота при переходе к кол-

лективизации, то станет совершенно очевидным, почему крестьянство было так страшно возмущено происходящим. Были случаи, когда отбирали дойных коров и буйволиц, а иногда по несколько голов с одного двора. При этом на хозяйина возлагалась и доставка фуража для скота. Животные месяцами содержались в общем скотном загоне под открытым небом в грязи, впроголодь. Любой прохожий с болью в сердце воспринимал рычание голодных, исхудавших животных. Это остро задевало душу человека, порождало немало загадочных вопросов.

С 1930 г. вместе с форсированием коллективизации был взят курс на ускорение ликвидации неграмотности населения. Увлечение высокими темпами, погоня за количественными показателями стали характерны в ликбезработе³¹. Противники коллективизации увязывали школы ликбеза с колхозами, вели агитацию не посещать эти школы. Например, в селе Гудава Гальского района было заявлено: «Мы вообще не против того, чтобы нас, взрослых, обучали грамоте, но мы знаем, что там не азбуке нас будут обучать. Там заражают мужчин и женщин коллективом (идеями коллективизации.— А. К.). Потом хотят нас объединить всех... Мы не хотим школы, ибо там готовят сумасшедших людей, добровольно идущих в колхозы»³². В селе Николаево-Анастасевском Сухумского района одна слушательница школы ликбеза вышла замуж за колхозника, что было использовано для агитации среди женщин: «Не ходите в ликбез, вот Шаминашвили отдали замуж в колхоз и вас всех отдадут, а в колхозе станете общими женами»³³.

На местах грубо нарушался принцип добровольности в ликбезработе, женщины с грудными детьми и молодые девушки принуждались ходить на ночные занятия, в ряде мест за непосещение школ применялись штрафы. Подобные факты вызывали разные толкования, задевали нравственные стороны жизни, вызывали недовольство.

В связи с коллективизацией подспудно стоял и вопрос о власти. Традиционное представление о власти народ сформулировал в кратком изречении: «Пусть в Апсны не будет кроме вас другой власти (хозяина)» — («Ацсны шәара шәыда цшәыма дамамзаит»). Эта

формула, обращенная к народу, выражала в человеческом представлении идеальное состояние народовластия, т.е. то состояние, когда сам народ является хозяином страны. Однако, эта идея, извечно вставшая в головах людей, в ходе исторического развития все более и более вступала в антагонизм с реальной действительностью.

В представлении абхазского крестьянина колхозы ломали и отнимали не только культурные традиции, но и присваивали всю реальную власть в деревне. Это весьма будоражило внутреннее состояние людей.

Таковы основные причины, вызвавшие крестьянское движение в Абхазии в феврале 1931 г.

Еще за год до дурипшского схода Н. А. Лакоба в январских выступлениях 1930 г. в Абхазии увидел сигнал новых, более внушительных событий. Об этом он в феврале того же года на колхозсовещании в Тбилиси заявил: «Я думаю, что то, что мы пережили не означает восстание, это не означает демонстрацию, но то, что мы имели в Абхазии в худшей форме можно будет предсказать, если мы не примем соответствующих мер»³⁴.

Тогда же Н. Лакоба в ЦК КП(б) Грузии представил соображения абхазского руководства о колхозной политике и экономических мерах, необходимых для удовлетворения материально-производственных нужд крестьянства. Коротко он это доложил совещанию. В своем выступлении он подчеркнул, что в Абхазии на данном этапе преимущественно будут развиваться простейшие, первичные формы коллективного хозяйствования. Л.Берия, который возглавлял закавказское ГПУ, как сторонник ускорения коллективизации, возрзил этой установке. Здесь столкнулись две позиции: форсирования колхозного строительства и постепенного перехода к колхозам с учетом местных условий. Н. Лакоба, отвечая на реплики и заявления Л. Берия, сказал: «Мы предусматриваем в своем плане не такие формы колхозного строительства, как машинные товарищества, как совместная общественная обработка земли, организация тракторных тягловых колонн, прокатных пунктов и т.д. Относительно колхозного строительства в Абхазии Берия заявил, что будто те кол-

хозы, которые организовались самотеком, будут страдать. Местами, кое-где будет утечка, местами будет приток, местами будет неудача, а местами успехи. Формы колхозного строительства по всем районам по одному рецепту не пройдут»³⁵.

Несмотря на всю противоречивость и сложность обстановки, свою речь на колхозсовещании Н. Лакоба закончил с оптимистическим настроением: «Абхазия вообще является международным вопросом. Мы против этого не протестуем, и в Москве пусть горюют, и в Лондоне тоже заговорили. Против этого не протестуем, но Абхазия гарантирована, застрахована от всяких глупостей левых и правых»³⁶.

Однако дела шли не так, как хотелось и планировалось. Большая политика создавалась в верхах. Москва определяла статус государственности народов, темпы и проценты коллективизации, цены на табак, условия контрактации и т.д. Основополагающие установки давал центр. В условиях такой централизации власти усилия абхазского правительства учитывать местные особенности не могли дать нужных результатов.

В начале 1931 г. в колхозном строительстве вновь были применены административно-волевые методы руководства. Положение в абхазской деревне вновь обострилось.

* * *

Работа по организации и проведению крестьянского схода началась 14 февраля 1931 г. в с. Лыхны. В этот день создается инициативная группа из крестьян соседних сел, присутствовавших на похоронах в доме Тарнава. Было решено созвать сход 18 февраля в с. Дурипш. Были выделены специальные ходоки по селам³⁷.

Возникает вопрос: почему местом проведения схода было избрано с. Дурипш, а не Лыхны – традиционное место, где население Бзыбской Абхазии обсуждало все большие вопросы, касавшиеся народа? На данный вопрос Ш. Д. Инал-ипа дает следующий ответ:

«... Местом своего собрания они (организаторы. – А. К.) не случайно избрали Дурипш, селение, где впервые в районе широко развернулось колхозное строительство»³⁸. В Дурипше еще в мае 1928 г. создается товарищество по общественной обработке земли под названием «Киараз». Первоначально оно объединяло 17 хозяйств. «Киараз» являлся одним из первых колхозов в Гудаутском районе. 26 марта 1929 г. на собрании товарищества выступили все его члены и выразили твердую уверенность идти по избранному пути. Собрание приняло устав, установило паевой и вступительный взносы, избрало правление и ревизионную комиссию, утвердило производственный план³⁹. «Киараз» встречал на пути становления значительные трудности. Влиятельные зажиточные крестьяне села развернули против него активную борьбу. Колхоз не получал необходимую производственную помощь. Тем не менее он постепенно набирал силу.росло число его членов. К 1931 г. колхоз еще не стал показательным хозяйством, но был первым серьезным очагом коллективизации в районе. Очевидно, все это не проходило мимо внимания организаторов схода.

В назначенное время, 18 февраля, в с. Дурипш собрался сход. Присутствовало около 500 человек из разных сел района. Сходом руководил Ахмед Гицба. Выступили крестьяне Осман Бутба (с. Абгархук), Сит Ебжноу (с. Джирхва), Мустафа Смыр (с. Абгархук). Ораторы коснулись злободневных вопросов жизни деревни. Они заявили: не нужны нам колхозы, отменить скотозаготовку, прекратить контрактацию посевов, удалить из сел комсомольцев – разлагателей быта и традиций, вести наблюдение за партийцами и комсомольцами, отбирать у них билеты и предложить присоединиться к сходу. Был поставлен вопрос – никого из селения не выпускать⁴⁰.

Продолжение схода переносится на 19 февраля. Была дана установка «собрать большее количество крестьян». Чтобы привлечь побольше людей, распространялся слух, что сход санкционирован правительством Абхазии и оно будет в нем участвовать. 19 февраля в Дурипше собирается до 1000 человек, в основном бедняки и се-

редняки. Представителям правительства было отказано присутствовать на сходе. Мотивировалось это тем, что принципиальные вопросы не подготовлены и ораторы не выделены.

Как было сказано в информсводке опергруппы, выступившие потребовали явки на сход председателя ЦИКа Абхазии Н. Лакоба. При этом было заявлено, что если Н. Лакоба не может избавить крестьян от проводимых в деревне мероприятий, «... откройте нам дорогу в Турцию и мы уедем к своим людям, которые живут там, так как мы, абхазцы, за сохранность своей национальной культуры, обычаев, традиций несколько раз восставали еще в старое время и теперь не пожалеем пролить кровь»⁴¹.

Слова «откройте нам дорогу в Турцию и мы уедем к своим людям» произносились на сходе не раз. По понятиям же абхазца: «Теряющий Родину – теряет все». И если люди были готовы на самопожертвование, то не трудно понять каково было отчаяние тех, кто призывал к этому, отчаяние, вызванное наступлением насаждаемого сверху социализма, который абхазскому крестьянину не был понятен.

На сходе крестьяне заявили: «Колхоз – это уничтожение национального быта и традиции»⁴². Основное острие речей выступающих было направлено именно против коллективизации.

Ночные занятия в школах ликбеза женщин и девушек, – говорили ораторы, – нарушение нравов и принципов абхазца; и считая это позором и поводом к разврату, выступающие требовали категорического запрещения этих занятий⁴³.

Руководители схода были за покушение на представителей правительства, явившихся на сход. Их воспринимали как агентов властей. Но крестьяне не допустили этого. Как сообщается в информсводке, в этот день «были попытки к аресту всех комсомольцев и членов партии, находившихся на сходе»⁴⁴.

Был поднят вопрос о создании крестьянского вооруженного отряда «Киараз» на предмет наблюдения за порядком и «нападения на районный центр», но крестьяне отказались записаться в него⁴⁵.

20 февраля с утра в Дурипш «со всех сел» Гудаутского района

«партиями прибыли верховые крестьяне, все вооруженные винтовками, револьверами и т.д.»⁴⁶.

На сходе ораторы требовали отмены всех советских мероприятий. Членам партии и комсомольцам было предложено сдать билеты и присоединиться к сходу⁴⁷.

По настоянию схода в Дурипше были закрыты кооператив и школа, «дети распущены по домам, занятия прекращены»⁴⁸.

В этот день отдельно состоялся сход женщин, где присутствовало до 80 человек. Женщины поддержали все требования, выдвинутые крестьянским сходом⁴⁹.

20 февраля, во второй половине дня, сход отказывается от создания «Киараза». Принято постановление «не являться на сход вооруженными и в пьяном виде». Главными требованиями признаются: 1. Отмена коллективизации. (Было подчеркнуто, что «коллективизация нарушает традиции и бытовые особенности Абхазии», что «коллективизация является коренным вопросом возмущения крестьян».) 2. Прекращение занятий в школах ликбеза. (Подчеркивалось: «признать позором, чтобы девушки и женщины ходили на вечерние занятия в школы, так как это является поводом к разврату. Просить отменить ликбез»⁵⁰.)

Было решено выслушать руководителей правительства Абхазии. От крестьян выделены 4 человека для выступления на сходе перед представителями власти⁵¹.

21 февраля положение становится более напряженным. На сходе присутствовало до 1000 человек. Было решено не допускать к сходу коммунистов и комсомольцев, для чего расставлены посты. Опять ставится вопрос об организации вооруженного отряда «Киараз»⁵².

Часть представителей крестьян потребовала приглашения на сход членов правительства. Сделали заявление, что желают говорить только с Н. Лакоба, и что пока он не приедет – не разойдутся⁵³.

Возражая им, некоторые руководители схода говорили, что «представители власти обманывают, их слушать нельзя». Они гото-

вы с каждого села расстрелять людей, чтобы репрессиями подавить движение⁵⁴. А также утверждали: правительство будет продолжать насильственную коллективизацию, молодых девушек принудительно направлять в колхозы⁵⁵.

На следующем, пятом дне схода принимается постановление провести очередной сбор 23 февраля в с.Ачандара⁵⁶. Ш. Инал-ипа, касаясь этого вопроса, пишет следующее: «Участники собрания пошли в соседнее село Ачандара, где под считавшейся священной горой, у большого грабового дерева, каждый из них для устрашения крестьянской массы, принес грозному в глазах отсталых людей бо-жеству Дыдрыпш клятву нерушимой верности данному слову и торжественное обещание не расходиться до тех пор, пока собрание, храня солидарность, не добьется цели»⁵⁷. Дыдрыпшское святилище было традиционным местом принесения клятвы для населения Бзыб-ской Абхазии. «Дыдрыпш – пишет Н. Ладария, – с давних времен служит для абхазцев как мусульман, так и православных, местом приношения очистительной присяги при более или менее серьезных спорных делах. Человек, давший там присягу, уже считается оправданным, в чем его подозревали или обвиняли»⁵⁸.

Сход переносится в с.Ачандара, как уже выше сказано, для принятия присяги в Дыдрыпше, где и раньше при таких больших событиях производились присяги для сплоченного выступления и поддержки друг друга в борьбе за достижение поставленной цели.

В одной из оперсводок содержится следующее сообщение: были сведения, что участники схода хотят, чтобы и Н. Лакоба принял присягу и пошел с народом. Если откажется – «объявят его изменником и будут бороться за самоуничтожение с требованием открытия дороги для переселения в Турцию»⁵⁹.

Из этого сообщения видно, что определенная часть отчаявшихся крестьян верила в главу правительства. Видимо среди участников схода было немало таких людей, которые вместе с Н. Лакоба принимали присягу при организации «Киараз» и в составе этой боевой дружины под его руководством боролись за свободу, за установление народной власти. Вместе с тем, данное сообщение пока-

зывает какую остроту приняло движение, до какого состояния дошли те, кто выражал готовность «бороться за самоуничтожение».

Сбору схода в с. Ачандара предшествовал ряд открытых антиколхозных действий. В ночь на 23 февраля был организован поджог сарая черноречинского табачного совхоза. В тот же день в с. Мцара сгорел табачный сарай с инвентарем колхоза. Рабочие табачной расады райспецтехкультурсоюзa под угрозой неизвестных лиц вынуждены были бросить работу. Во все абхазские села района были направлены люди с заданием закрыть кооперативы, поселковые товарищества, школы, столовые. Прекратились плановые заготовки, контракция и мобилизация денежных средств. А колхозникам с. Дурипш было предложено отказаться от колхоза⁶⁰.

Перед дурипшским сходом в селах Мгудзырхуа, Абгархук, Ачандара проводилась работа по организации колхозов, желающие записались, приступили к оформлению устава, но после начала схода всякая работа в этом направлении прекратилась⁶¹.

23 февраля в с. Ачандара собралось до 2000 крестьян и до 350–400 женщин⁶². На сходе возникли разногласия по вопросу присяги. Дурипшские и лыхненские крестьяне настаивали принять присягу первыми, а ачандарские не уступали. В этот день были сформулированы основные требования схода: 1. Отмена колхозного строительства. 2. Отмена ликвидации неграмотности. 3. Отмена заготовок скота, кукурузы и т.д. 4. Отмена контракции сельскохозяйственных культур⁶³.

24 февраля в с. Ачандара выехали председатель ЦИК Абхазии Н.Лакоба (до этого он находился в Тбилиси как делегат VI съезда Советов Грузии), нарком внутренних дел К.Инал-ипа, Захаров и три крестьянина для объявления решения правительства о роспуске схода и мирного урегулирования конфликта.

В этот день сход, на котором присутствовало до 1000 человек, собрался на сельской площади с. Ачандара. Он враждебно встретил представителей правительства. По настоянию руководителей схода было решено не выслушивать уполномоченных ЦИК Абхазии до принятия присяги⁶⁴.

В оперсводке №9 от 24 февраля 1931 г. говорится, что главари схода своими выступлениями накаляли атмосферу: «Основная масса хотела выслушать уполномоченных правительства, но не делали этого лишь только потому, что запугана весьма маленькой кучкой главарей под угрозами террора»⁶⁵.

Сход обсудил вопрос присяги. Основное её содержание было сформулировано коротко: «Мы воевать не хотим и не в силах, а только не хотим последних мероприятий: организации колхозов, скотозаготовок, ликбеза и т.д. Мы должны как один дать отпор этим последним мероприятиям во всякое время»⁶⁶.

24 февраля присягу приняли в Дыдрыпше крестьяне лыхненской и дурипшской общин. Для крестьян других сел присяга была назначена на следующий день. Однако, многие крестьяне отказались следовать за главарями схода, не желали дать клятву. Среди участников схода возникли разногласия по вопросу присяги⁶⁷.

Принятие общественной присяги в Дыдрыпше – это редчайший случай. В новейшее время более или менее массовой была присяга киаразовцев – бойцов народно-освободительной борьбы 1917–1921 годов. Это была присяга ограниченного контингента боевиков-партизан. А в 1931 г. к присяге призывались широкие слои населения и притом в условиях относительно мирного времени и существования сильной власти.

Осложнение на сходе при принятии присяги было вызвано рядом обстоятельств. Отметим некоторые: отсутствие опыта столь массовой присяги в Дыдрыпше, неподготовленность народа к клятве; наличие среди крестьян большого числа колеблющихся в нужности присяги; чувство особой ответственности присягающих перед святыней за соблюдение клятвы, ибо каждый принеший присягу обязан был свято выполнять ее; сильное присутствие в массовом сознании населения традиционного страха перед официальной властью, которая не пропускала безнаказанно любое выступление против ее политики.

Уклонение от присяги вызывало отрицательное отношение к тем, кто отказывался от нее. Допускались угрозы и меры принуждения

со стороны тех, кто прошел присягу*. Все это обостряло обстановку на сходе.

Руководители схода Осман Бутба и Гыд Аджба принимают решительные меры, чтобы пропустить через присягу всех крестьян, коммунистов и комсомольцев⁶⁸.

С каждым днем обстановка обострялась. К движению все больше и больше примыкали различные антисоветски настроенные люди, в том числе муллы, которые играли на религиозных чувствах. Организаторы схода, выразив полное недоверие правительству Абхазии, настойчиво пытались противопоставить всех участников схода органам Советской власти. В одной оперсводке сообщалось, что «ходят слухи» будто организаторы схода склоняются к свержению Советской власти в Абхазии. В ней сказано: «Председателя ЦИКа Н. Лакоба вызывают для того, чтобы он дал клятву и отрекся от Советской власти перед всем народом, и, если он только не согласится на это, то там же его убить, как главного виновника установления Советской власти в Абхазии. Он, говорят, принес эту болезнь из России и клялся умереть с нами, если что-либо случится, так нужно же уме-

* Приведем один пример, имевший место в с. Ачандара, о чем свидетельствует Кадыр Царгуш: «После клятвы у подножья Дыдрыпи-ныха в нашем поселке Куабырюте мы, однофамильцы-Царгушевы, собрались обсудить вопрос Арзамета Царгуш, который уже был колхозником первого в нашем селе колхоза «Рица». Единогласно было решено: если Арзамет со своей семьей (семья была у него большая – около 10 человек) немедленно не выйдет из колхоза, то изгнать его из рода Царгушевы. На следующий день вечером по поручению однофамильцев я пошел к Арзамету домой. За ужином после первого традиционного бокала я ему рассказал о решении схода нашего рода. Он задумался... и сказал: «Кадыр, скажи моим родичам Царгушевам, что сейчас не такое время, чтобы я выходил из колхоза и просил их принять меня в род наш. Только вот что может произойти – скорее они будут просить меня, чтоб я помог им вступить в колхоз. Иначе кое-кто из них, в том числе и ты, можете быть высланными из Абхазии как кулаки». (Из воспоминаний Э. Царгуш.)

реть между нами... если не удастся свергнуть Соввласть, то требовать от власти открытия дороги в Турцию...»⁶⁹.

Как видно, в данной информации о «ходячих слухах» содержатся принципиальные положения: 1. Свержение Советской власти. 2. Предъявление Н. Лакоба условия принятия клятвы вместе с народом и «отречения от Соввласти перед всем народом», а при несогласии с этим «убить как главного виновника установления Советской власти». 3. Если не удастся свергнуть Соввласть – «требовать от власти открытия дороги в Турцию...».

Существование такого крайне радикального настроения среди отдельных руководителей схода, вероятно, нельзя полностью исключить, коль скоро такие «слухи пошли». Надо иметь в виду, что, как устанавливается из материалов, среди участников схода были отдельные лица, которые находились в личной вражде с Н. Лакоба. И они не прочь были использовать сход, чтобы свести личные счеты с главой правительства, который, очевидно, не всех устраивал. Следует учитывать и то, что «слухи» не всегда соответствовали реальности. В этом случае сообщение можно воспринять скорее всего как информацию, которая воспроизводит обстановку крайнего накала антисоветского настроения.

Среди участников схода не было согласия. Часть крестьянства категорически отказалась принять присягу, сорвала попытку руководителей схода подвергнуть аресту членов партии и комсомольцев, находившихся на сходе 25 февраля в с. Ачандара.

24 февраля 1931 г. параллельно с ачандарским сходом в с. Лыхны состоялось собрание крестьян, в основном бедняков. Присутствовало до 200 человек. Собрание осудило дурипшский сход, как «контрреволюционное собрание кулацко-зажиточных крестьян». Его участники заявили «решительный протест против наглой вылазки классовых врагов в Гудаутском районе, заверили партию и правительство, что все как один будут защищать Советскую власть; призвали всех трудящихся Гудаутского района последовать их примеру, неуклонно проводя в жизнь все мероприятия партии и правительства»⁷⁰. Это заявление соответствовало официальной пози-

ции правительства, представители которого участвовали в работе собрания.

В эти дни Абхазский обком партии направил в села Гудаутского района областной партактив. М. Хашба пишет: «Обком партии мобилизовал областной актив, прикрепил к селам Гудаутского района. В то время сельские Советы за редким исключением, все были закрыты; работники сельских Советов, оставив свои учреждения, ушли на дурипшский сход. Партактиву было поручено: открыть двери учреждений, если кто-либо обратится – рассмотреть и разрешить его вопрос, организовать деревню!.. Нестора Базба, Симона Бжания и меня прикрепил к селу Лыхны, где находились до роспуска схода»⁷¹.

Как только VI съезд Советов Грузии завершил работу Н. Лакоба и другие абхазские делегаты немедленно возвратились в Абхазию. Правительственные органы провели ряд оперативных работ. В Гудаутском районе вылавливали ходоков-связистов. 24 февраля в Афоне было задержано 16 человек, которые вели агитацию за приезд крестьян на сход в с. Ачандара⁷².

Предпринимаются меры по предотвращению выступления крестьян в Абжуйской Абхазии. В Очамчёрский район выезжают ответприкрепленные во главе с бывшим председателем ЦИК Абхазии С. Чанба и наркомом просвещения А. Чочуа. В селах Атара Абхазская и Кутол создается напряженная обстановка. 25 февраля в с. Атара Абхазская собрался сход. Участвовало более 100 человек. Принимается постановление созвать 26 февраля большой сход.

Создалась реальная опасность присоединения абжуйских крестьян к дурипшскому сходу. В таком случае он мог вылиться в общенациональный. Правительство Абхазии было сильно обеспокоено создавшимся положением*. Энергичные меры, предпринятые орга-

* О ситуации, которая была в те дни в с. Кутол, Беглар Антонович Микава, являвшийся тогда секретарём сельской партячейки, в своём воспоминании даёт следующую информацию: Как только нам стало известно,

нами власти, приостановили развитие этого процесса, предотвратили общий сход абжуйских крестьян⁷³. И это имело огромное значение. Ведь в случае проведения общенационального антиколхозного абхазского схода при том уже сильном советском государственном режиме, могли последовать довольно суровые меры, как против зачинщиков движения, так и руководителей республики, ибо тогда массовое выступление против коллективизации расценивалось как выступление против генеральной линии Коммунистической партии.

В Гудаутский район вводятся вооруженные силы. М. Хашба пишет: «Перед своим приездом из Тбилиси Л. Берия прислал отряд пограничников, он стоял у нас в с.Лыхны»⁷⁴. С. Данилов сообщает, что во время схода «по шоссе двигалась советская артиллерия – для устрашения абхазцев. Они должны были чувствовать, на чьей стороне сила»⁷⁵.

что центром проведения самочинного антиколхозного крестьянского схода Очамчёрского района намечен Кутол, закрытое партийное собрание разработало мероприятия по его предотвращению. Проводилась разъяснительная работа среди крестьян о том, что самочинный сход в с. Кутол властями не разрешён, а коммунистам было поручено патрулировать дороги. «Накануне намеченного дня собрания, в субботу, – пишет Микава, – к нам приехали секретарь райкома партии Н. Матарадзе и председатель Очамчёрского райисполкома К. Багапи. Они одобрили мероприятия партийной организации и следили за ходом их исполнения.

В субботу вечером начали съезжаться дальние верховые крестьяне. Они останавливались ночевать у ближайших жителей, с расчётом, чтобы утром в намеченное время собраться в центре села Кутол для выступления против колхозного движения.

Коммунисты с раннего утра заняли свои места. Пешие и верховые направились к центру села, но дальние занятых коммунистами мест, они не смогли идти, так как не хотели рисковать, и вынуждены были принять советы коммунистов во избежание неприятных случаев... Был предотвращён созыв самочинного антиколхозного схода в с. Кутол. Такие же меры принимались и в других местах Очамчёрского района». См. Участники освободительного движения в Абхазии. 1917–1921 годы. – Сухум. 2007. С. 241.

Партийные и советские органы республики стали разрабатывать план мирного урегулирования конфликта. Руководящие работники разместились в г. Гудаута. Они установили связи с крестьянами, собравшимися в Дурипше, начались переговоры через посредников.

Представляет интерес положение на сходе накануне встречи повстанцев с руководством республики. Об этом довольно подробно пишет в своем воспоминании Мушни Хашба, которому удалось проникнуть на сход. Он тогда работал редактором областной газеты «Ацсны Кацшь», имел опыт литературной и партийно-политической работы, однако этот щуплый молодой парень по своему внешнему облику ничем не отличался от простых сельских абхазских ребят, участвовавших на сходе, поэтому он не привлекал к себе внимания как представитель властей.

М. Хашба выехал из с. Лыхны на машине директора Абгосторга Самсона Пилия, водитель хорошо знал здешние места. По дороге кое-где навстречу выходили крестьяне с палками на плечах, местами патрулировали верховые крестьяне, но путь проехали благополучно. В Дурипше машину завели в укрытое место – в папоротниковый луг.

Сход проходил на большой поляне перед зданием сельсовета. Рядом группой стояли оседланные лошади, привязанные друг к другу ремнями. Их было более 400 и находились они под присмотром. Люди расположились вокруг – одни стояли, другие сидели. Посередине стоял стол. На нём – рыжий мужчина, громогласно лилась его речь. Он блестяще владел абхазским языком, ораторским искусством. Народ слушал, наострив уши и глаза, с сильным желанием не упустить ничего, слушать, слушать... Речь была построена по положениям крестьянских требований. Обозревая вокруг обширную аудиторию, оратор после изложения каждого пункта своей речи обращался к слушателям словами: «так ли я говорю?».

– Нам предлагают колхозы, – продолжал оратор, – говорят, что колхозы обеспечат нас без особого труда; мы все будем сидеть, а за нас трактор будет пахать и сеять, обрабатывать все наши нивы. Но

тракторам нужны обширные поля. Как известно, в нашем районе нет больших, обширных полей. Чтобы их создать мы должны убирать межи наших усадебных участков и перепахать могилы наших отцов и матерей... не так ли?

– Да, дад, так есть, так! Как ты сказал, так есть! – хором поддерживали участники собрания.

– Это не подходит к нашему апсуара! Поэтому мы не хотим то, что называют колхозами... Так же вы говорите? – сказал оратор, обращаясь к народу.

– Так точно, дад, так точно! – подтвердили своими возгласами крестьяне с мест...⁷⁶.

В таком духе рассматривались все пункты крестьянских требований. Так проходила апробация речи оратора, которую он должен был произнести на сходе в присутствии руководителей правительства Абхазии и представителей Грузии.

Материалы М. Хашба дают представление о порядке, который был установлен на сходе. Люди располагались по общинам, крестьяне заранее знали свои места. В передних рядах сидели пожилые люди, а позади стояли другие.

Каждой общиной были выделены надзиратели, которые вели наблюдение за порядком на своем участке. Строго запрещалось приходить на сход с оружием или в нетрезвом состоянии.

Я потихоньку подошел к сходу, – пишет М. Хашба, – и встал позади людей, а потом постепенно скользя и проскальзывая сквозь народа, удалось дойти до того места, где сидели старцы, но не увидел ни одного знакомого человека.

Вдруг подходит ко мне мужчина и с нажимом говорит: «Ты почему здесь стоишь? Иди туда, где стоят твои односельчане!», и, указывая рукой на соседнюю группу людей, вежливо выпроводил меня.

Немедленно подчинившись, я перешел туда, куда было указано и пристроился к другой группе людей, но и оттуда попросили уйти. Так, меня прогоняли из одного места в другое и, простояв то с одними, то с другими, обошел вкруговую весь большой сход.

Наконец, пристроился к женской группе, думая, что тут уже меня не заметят.

Оратор гремел на всю площадь своим ровным голосом, чистеньким абхазским языком, образными выражениями, красиво жестикулируя руками и нежными, удивительно гибкими движениями всем корпусом, внимательно обозревая публику, ни на миг не упуская контакта с народом, и, часто обращаясь к нему с вопросом: «не так ли вы говорите?», и каждый раз получая в ответ единодушное подтверждение народа: «так есть, дад, так есть!» («убасоуп, дад, убасоуп!»), «иди так как идешь, хорошо идешь!» («ушаиуа уааила, ушаиуа бзиоуп!»). Очень хотелось мне, – вспоминает М.Хашба, – узнать фамилию и имя оратора, который так красиво и логично излагал требования народа и пользовался его полной поддержкой. И с этим вопросом обратился к девушке, которая стояла рядом со мной. Она удивленно и строгими глазами оглянула меня, очевидно, ошарашенная моим абжуйским произношением звука «с» и, сказав вслух: «ди-ида-сатана, чужой человек пришел и стоит с нами!» («ди-ида-хса гызмал, тѳымуаѳык дааины дхалагылоуп!»). Она стала шепотом что-то говорить другой женщине, прижавшись к ней в ухо, и, указывая рукой на меня, сразу же они направились туда, где сидели старики. А я немедленно удалился, предчувствуя сурового разоблачения. Вечером в с. Лыхны от одного участника схода узнал, что оратора, который выступал в этот день, звали Ебжноу Сит.

26 февраля 1931 г. – девятый и последний день схода крестьян Бзыбской Абхазии, состоялся в Дурипше, там, где он начался. Это был самый многолюдный сход – собралось до 4000 человек, в том числе около 300 женщин. На сходе присутствовали председатель ЦИК Абхазии Н. Лакоба, члены правительства Абхазии, а также первый секретарь ЦК КП(б) Грузии С.Мамулия и председатель ГПУ Закавказья Л. Берия.

Сход проходил под руководством его организаторов. Первым выступил один из его главарей Сит Ебжноу, который изложил основные требования крестьян. Мы, – сказал он, – против деления

крестьян на кулаков, середняков и бедняков, когда боролись за власть, нас так не делили. Коллективизация для нас губительна, ибо колхозы уничтожают традиционный уклад и обычаи нашей народности. Контрактация табаков, винограда и других сельхозпродуктов абсолютно неприемлема для крестьян. Мы категорически против скотозаготовок. Отбирают скот, нас же самих заставляют гнать его в город и там встречают с музыкой, возлагая на нас же фураж. Комсомольцы представлены самим себе, они безобразничают, делая все, что угодно. Держат крестьян под террором. Духовенство преследуется, нет возможности пригласить муллу на похороны. Печально, что женщины наши в ночное время ходят на учебу в школу ликбеза, бросая своих грудных детей. Непосещение занятий означает, что надо уплатить от 100 до 300 руб. штрафа.

Оратор просит правительство избавить крестьянство от всех этих мероприятий⁷⁷.

Другие ораторы развили и конкретизировали эти основные положения. Крестьянин Роман Гагулия (Дзыгу-ипа) заявил: «Мы все в трауре, нас ввели в заблуждение ..., мы требуем отмены всех кампаний, проводимых Советской властью»⁷⁸.

На сходе в этот день выступило шесть женщин. Отмечая активность женщин, С. Данилов пишет: «По старинному обычаю в серьезные моменты жизни страны, при решении национальных и общественных вопросов, женщины (особенно старухи) играют заметную роль. Молча на поляне собрался многолюдный сход в присутствии представителей власти. Из толпы вышло несколько женщин с распущенными волосами (признак горя) и, подойдя к главе правительства Н. Лакоба, стали благодарить его за проявленную им в отношении своего народа любовь и заботливость»⁷⁹. Так оценили женщины присутствие руководителя Советской Абхазии на сходе в этот критический момент для страны. «В заключение, – пишет Данилов, – женщины обратились к Н. Лакоба с «последней просьбой»: разрешить всем абхазцам-крестьянам переселиться в Турцию, где им будет хорошо житья среди братьев-абхазцев, переселившихся в Турцию в 1878 году»⁸⁰.

По свидетельству С. Данилова, «сход просит Н. Лакоба ходатайствовать перед Москвой о разрешении переселиться в Турцию». Крестьяне заявили: «Мы оставляем все свое недвижимое имущество, оставляем дома и сады со всеми постройками, возьмем с собой лишь носильные вещи, а все остальное добровольно передаем в пользу советского государства..!»⁸¹.

На сходе Н. Лакоба дважды выступил с речью*. По словам С. Данилова он «всемерно успокаивал взволнованный народ, прося не верить подстрекателям»⁸². Нестор отказался самостоятельно решить острый вопрос коллективизации, «ссылаясь на то, что разрешение может последовать только из Москвы»⁸³. Он заверил сход о своем решении съездить в Москву для урегулирования поставленных вопросов. Только после этого «сход стал расходиться.., – пишет С. Данилов об отклонениях, имевших место. – Абхазцы надеялись, что «их» Нестор устроит дело в их пользу, что им удастся избежать колхозов»⁸⁴.

Руководитель социалистического строительства в Абхазии Нестор Лакоба был уже тогда признанным вождем народа. Хорошо знал его характер, знал уклад крестьянской жизни, традиции и психологию крестьянина. Он прекрасно владел искусством народной дипломатии, родным языком, был превосходным оратором, изящно владел родным языком, умел достигать сердца людей, убеждать народ. Эти его качества сыграли решающую роль в мирном урегулировании острого конфликта. Большое значение имело понимание проблем и ситуации, которые проявил С. Мамулия. Справедливы слова С. З. Лакоба: «Усилиями председателя ЦИК Н. Лакоба и первого секретаря ЦК КП(б) Грузии С. Мамулия конфликтная ситуация в Дурипше была урегулирована мирными средствами»⁸⁵.

* К сожалению, речь Н.Лакоба, имеющаяся в кратком изложении в партархиве, не была переписана мною в свое время, ее нет у меня под рукой. Я тогда ограничился пометкой: «Нестор осудил руководителей схода».

По предложению Н. Лакоба сход избрал 30 делегатов-крестьян, поручил им вместе с властями обсудить вопросы, которые волновали народ. На второй же день, 27 февраля 1931 г., в с. Лыхны состоялось совместное заседание членов правительства и делегатов от дурипшского схода. Представители крестьян обстоятельно рассказали о ситуации, которая сложилась в деревне в связи с коллективизацией, говорили об отклонениях, имевших место при проведении мероприятий Советской власти, об администрировании, грубости коммунистов и комсомольцев на местах и т. д. По словам Г. А. Козлова здесь было заявлено: «В России крестьян обобрали, разорили, и они молчат, теперь нас хотят стричь, но мы не овечки и поэтому закричали». Далее он приводит слова Османа Бутба и Янко Арнаут: «Ты наш царь, наш спаситель, между нами есть враги, которые не дают нам договориться, нас уже на половину съели, не дай съест до конца»⁸⁶. Эти слова были адресованы Н. Лакоба. Крестьяне четко сформулировали свои требования. Делегаты схода были выслушаны внимательно. Н. Лакоба изложил отношение правительства к поставленным вопросам. Для выхода из кризисной ситуации было достигнуто соглашение: правительство обязывалось рассмотреть на президиуме ЦИК Абхазии все вопросы, поставленные участниками схода, и решения правительства доложить крестьянству, обсудить повсеместно на сельских сходах; крестьяне обязывались разойтись по домам и заняться своими хозяйствами⁸⁷.

Для более полного представления ситуации, которая сложилась 27 февраля в с. Лыхны при встрече правительства Абхазии с уполномоченными крестьянских делегатов, приведём некоторые выдержки из речи Н. Лакоба на ней. Речь была записана на русском языке прокурором Гудаутского района Н. Р. Багапш*, а выдержки из неё

* 13 ноября 1937 г. Н. Р. Багапш был приговорён к смертной казни как «активный член к/р троцкистской организации и проводивший вербовку новых членов в организацию» ещё с 1931 года.

приводятся в виде цитат Г. А. Козловым в «Докладной записке». Речь главы абхазского правительства была построена по пунктам крестьянских требований⁸⁸.

О коллективизации. «В селе Ачандаре колхозу отвели лучшую землю из бывшего княжеского участка, обидев крестьян, как здесь об этом указывали делегаты. Это не правильно. При отводе земли колхозу нужно всегда согласие населения данного села.

Не надо трогать того крестьянина-индивидуалиста, у которого двор, земля и усадьба будет лежать в середине колхозного участка, а если он не согласится, то его нельзя и переселить, и принудить вступить в колхоз...

Как можно принудить крестьянина-абхаза сдать свою землю колхозу или уйти от своего участка за то, что он оказался в середине колхоза, у него там двор, виноградник, сад и так далее, которые он сам нажил своим трудом. При этом весьма возможно, что у него больше виноградного сада, чем у соседа, он получает больше вина, около 400 вёдер, у него есть бочки, а у других нет не только бочек, но даже и таза...

Так вот, если колхоз будет организовываться добровольно, земля будет отводиться с согласия общества, чтобы это не было никому в обиду, то это будет очень хорошо».

О контрактации. «Если кто-нибудь из крестьян не желает помощи от государства и надеется на свою силу по обработке табака и других культур, то никто его не принуждает и не заставляет контрактовать».

О скотозаготовках. «Что касается скотозаготовок, то мы обсудим план скотозаготовок, учтя состояние и возможности нашего крестьянства».

О ликбезах. «У наших абхазцев иные обычаи, традиции и нравы, отличные от других народов, в частности, русских. У русских иное отношение к женщине. Он не постесняется лечь со своей женой в присутствии других членов семьи, а абхазец, потихоньку, на цыпочках крадёт в свою комнату. Так вот при этих условиях посылать мужчин и женщин вместе в ликбез не годится».

О комсомоле. «Комсомол не должен работать отдельно, а должен участвовать в общественной жизни и разрешать все вопросы с народом. Тот не комсомолец, который навязывает своё мнение народу, он враг Советской власти».

О мулле и священнике. «У абхаза с давних пор имеется обряд приглашать на похороны священника или муллу. Вот здесь сидит абхазец крестьянин Шахан, который обслуживает крестьян в этом отношении, он считается муллой среди абхазцев. За то, что он (мулла) помогает крестьянам совершать свои обряды, получая за это от крестьянина какую-нибудь кожу коровы или бычка, нельзя его причислять к категории кулака... Данный вопрос мы обсудим у себя и дадим соответствующие указания в директивном порядке».

О репрессиях к организаторам схода. «За самочинный, незаконный сход мы не будем карать никого, так как здесь собралось крестьянство, а власть является рабоче-крестьянской, т.е. сама власть принадлежит самим крестьянам...

Это стихийный сход крестьян, вызванный целым рядом наблевших вопросов, благодаря нашим недостаткам и ошибкам, которых у нас имеется в изрядном количестве... Не только наказывать таких людей – активистов этого схода, но их нужно хвалить за то, что они своим умелым подходом и руководством таким огромным сходом дали хороший исход».

Н. Лакоба, выступая перед уполномоченными, фактически руководителями дурипшского самочинного антисоветского схода, проявил хорошее знание крестьянской психологии и народной дипломатии и добился главной цели – мирного урегулирования острого конфликта. «... Проводили его (Н. Лакоба. – А. К.) с любовью и криками «Ура». Так, без выстрела, мирно закончился антисоветский сход», – пишет Г. Козлов. («Форум», 13 марта 2006.)

Однако ответственный инструктор ЦК ВКП(б) Г. Козлов в своей докладной крайне негативно оценил деятельность руководителей Абхазской республики. «В этих событиях, – пишет он, – наиболее ярко вскрылись все недостатки и оппортунистические установки руководства Абхазии и главным образом его главных лиц: пред-

седателя ЦИКа Н. Лакоба и секретаря обкома В. Ладария». Речь Н. Лакоба перед крестьянами он назвал «оппортунистической». В докладной записке Г. Козлов сформулировал свои предложения, в частности, он предлагал: «Провести изъятие и ряд других репрессивных мер по отношению к кулакам и главарям антисоветского движения», а также «отозвать Н. Лакоба в распоряжение ЦК Грузии, использовать его на руководящей советской работе в закавказских организациях» и т.д.⁸⁹. Комментарии излишни. Так оценивали вышестоящие партийные лидеры любое противодействие коллективизации, являвшейся тогда генеральной линией партии.

Дурипшский сход – это резкий протест крестьян против сталинского метода коллективизации. Недовольство широких крестьянских слоев коллективизацией и связанными с ней мероприятиями было использовано враждебно настроенными к Советской власти людьми. На сходе прозвучали выступления, заведомо рассчитанные на разжигание страстей. Например, 21 февраля на сходе в одной речи было заявлено, что органы власти хотят «с каждого села расстрелять по 2 человека, чтобы успокоить остальных»⁹⁰. Другой оратор сказал: «Скоро с каждого села будут брать по 10 душ полных, молодых девушек и направлять в колхозы»⁹¹, а 26 февраля один крестьянин в своем выступлении говорил о том, что «есть циркуляр, обязывающий все сельсоветы выделять от каждой общины по 10 красивых, здоровых девушек и со своими кроватями отправить в совхоз»⁹². Злобные выступления преследовали вполне определенную цель.

Вместе с тем, основная часть крестьянства, принимавшая участие в этом движении, проявляла сдержанность, уравновешанный подход. Об этом свидетельствует сам сход. В с. Ачандара радикальные силы настойчиво добивались пропустить всех крестьян через присягу, но значительная часть крестьянства отвергла данное требование. Именно эти силы послужили опорой органов власти, они помогли правительству мирно разрешить острый конфликт.

В то же время отдельные сельские коммунисты и комсомольцы, напуганные размахом движения, бросили на сходе свои членские

билеты. В с. Дурипш на сторону повстанцев перешли 12 комсомольцев и членов партии⁹³.

Органы власти с момента начала схода предприняли административные меры по ограничению масштабов этого движения. Проводилась административно-профилактическая работа по отношению к активистам схода. Уже в процессе крестьянских собраний были определены организаторы. В одной оперсводке сообщается, что «руководителями кулацкого антисоветского движения» являются 29 человек, которые, как в ней сказано, «и раньше вели антисоветскую работу, в прошлом году активно выступали против колхозного движения, срывали проводимые компании на селе; большинство из них кулацко-зажиточный элемент, известный в прошлом своими уголовными преступлениями»⁹⁴.

Мы не располагаем конкретными данными о руководителях схода. Опираясь на характеристики, которые давал Н. Лакоба на сельских собраниях, в присутствии самих же обвиняемых в устройстве схода, М. Хашба называет «вдохновителями схода» 6 человек. Среди них Киахир-ипа (Бения) Кадыр – зажиточный крестьянин, имел сотни голов крупного и мелкого скота, припрятав их по близким родственникам; Гунба Виссарион – при Советской власти некоторое время был начальником резервной милиции Абхазии; Бебия Чичин – состоятельный крестьянин, член Совета Национальностей ЦИК СССР предыдущего созыва; Гунба Ктыт – бывший боец «Киа-раза», неграмотный крестьянин, владелец дачи; Чхапелия Роман – из богатой крестьянской семьи Гудаутского района, учитель Моквской школы Очамчырского района; Дзыгу-ипа (Гагулия) Роман – состоятельный крестьянин⁹⁵. Таковы скудные сведения о некоторых главарях схода, встречающиеся в источниках.

По свидетельству М. Хашба, из руководителей схода уважением Н. Лакоба пользовался С. Ебжноу. «Он с оружием в руках боролся с нами за Советскую власть. Потом, после установления Советской власти, мы забыли его», – говорил Н. Лакоба. В 1937 г. С. Ебжноу был репрессирован вместе с В. Ладария, М. Лакоба, В. Лакоба, К.Инал-ипа и др. по делу «О контрреволюционной, диверсионно-

вредительской, террористическо-повстанческой, шпионской организации в Абхазии», специально сфабрикованному для уничтожения лучших национальных кадров⁹⁶.

У нас нет данных о количестве арестованных по дурипшскому делу*. Но об этом кое-что можно узнать из письма Н. Лакоба (от 15 апреля 1931 г.) первому секретарю ЦК КП(б) Грузии С. Мамулия: «3. Помимо 22 человек, тебе известных и подлежащих изъятию при первом подходящем случае, мы хотели немедленно, теперь же, изъять до 24 человек, не взирая на возраст и социальное положение, которые мешают нам. Мотив изъятия: «Несмотря на лыхненское совещание, правительственные постановления и проведенные в связи с этими постановлениями подрайонные общие собрания крестьян, названные 24 человека, организовали дополнительную присягу и т.д.». Эти изъятия, – писал Лакоба, – сбавят «воинствующие настроения» крестьян, дезорганизуют классового врага, помогут укреплению сельсоветов и т.д. Необходимый тактический шаг. 4. Примем меры к изъятию, в первую очередь, по крайней мере, 4–5 человек из основного списка (22 чел.), подлежащих к изъятию»⁹⁷.

Из этого письма видно, что в верхних эшелонах власти имелась согласованная программа проведения арестов участников схода. Однако, чувствуется, власти воздерживались от репрессий против руководителей схода. Слова Н.Лакоба «примем меры к изъятию» по крайней мере 4–5 человек из основного списка лиц, написанные по истечении более полутора месяцев после схода, о чем-то говорят. Видимо, проведение арестов этих людей было сопряжено с известными трудностями и осложнениями, или сознательно придерживалось абхазским руководством.

* К сожалению, подобные материалы, хранились в «секретных фондах» советских архивов, которые были закрыты и совершенно недоступны исследователю. А теперь эти материалы абхазского архива навсегда канули в небытие – в 1992 г. во время грузино-абхазской войны ЦГА Абхазии был варварски сожжен.

С. Данилов о репрессиях против руководителей схода пишет: «Затем (через несколько недель после схода) в одну ночь главари выступления были арестованы якобы по делу, ничего общего со сходом не имевшему»⁹⁸. Нам неизвестно, в какой мере запланированные аресты были тогда осуществлены.

Аресты и преследования участников дурипшского схода продолжались в последующие годы. Политические репрессии 1937–1941 гг. создали благоприятную обстановку для жестокой расправы с крестьянами «антисоветчиками», активистами антиколхозного движения. В эти годы бывшие князья и дворяне, зажиточные крестьяне, все те, кто выступал против колхозов были арестованы и в лучшем случае посланы на север, в концлагеря, без права переписки.

Л. Берия обвинял в организации дурипшского схода и самого Н. Лакоба (посмертно).

По вопросу: знал ли Н. Лакоба, что крестьяне готовили сход – существует два противоположных мнения: одно это отрицает, а другое допускает.

В 1954 г. представитель Главной военной прокуратуры СССР подполковник Н. Н. Зарубин, беседа с М. Хашба, задает ему вопрос: «Говорили, что язык Нестора Лакоба был причастен в подталкивании крестьян к событиям в Дурипше. Что вы знаете об этом?». Отвечая на этот вопрос, М. Хашба пишет: «Когда размышляю над тем, как Н. Лакоба выступал и действовал на крестьянских собраниях, ясно вижу я его искреннюю чистоту в осуществлении того дела, что ему было поручено, вполне убежден, что его язык абсолютно не причастен к сбору дурипшского схода, наоборот душой и сердцем добивался роспуска этого схода, неутомимо старался установления мира среди крестьян, разоблачая их возмутителей»⁹⁹.

С. Лакоба подтверждает причастность Н. Лакоба к организации схода и увязывает это, прежде всего, с преобразованием ССР Абхазии в автономную республику. Он пишет: «С трибуны съезда он (Н. Лакоба. – А. К.) заявил, что вопрос решен навсегда, но одновременно известно, какую работу он проводил с крестьянством, призывая их выступить против такого решения». Далее отмечает:

«Нестор выступил перед восставшими крестьянами и попросил их во избежание кровопролития разойтись, на что некоторые из них с негодованием заявили ему публично: несколько дней назад ты говорил нам «поднимайтесь», а сейчас просишь «успокойтесь», мы не понимаем тебя». В подтверждение этого положения приводится следующий факт: «Активное участие в этом протесте принимала мать Нестора». А когда двинулась военная техника и появилась угроза кровопролития, «Шахусна, мать Лакоба, во главе крестьян пошла на цепь чекистов»¹⁰⁰. И. Марыхуба, со ссылкой на С.Лакоба, повторяет тоже самое¹⁰¹.

События в Дурипше и Ачандара получили широкий резонанс в республике. На сход реагировала и Москва. «Через некоторое время сам Н. Лакоба был вызван в Москву, – пишет С. Данилов. – Какие там велись разговоры – сказать трудно. Однако после возвращения главы правительства коллективизация пошла в Абхазии иначе, чем всюду в СССР: кулаков, как таковых, не оказалось вовсе, никого не раскулачивали и не ссылали, верховых лошадей не обобществляли. О переселении в Турцию, конечно, не было и речи. Видимо, Н.Лакоба все же удалось на этот раз выпросить у своего приятеля, «хозяина» страны, какое-то облегчение для «показательной» (курортной) Абхазии»¹⁰².

Сход послужил для партийных и советских органов большим уроком. В связи с этим событием принимаются партийные и правительственные постановления, которые содержат анализ и оценки с партийных позиций, а также мероприятия, вытекающие из уроков выступления крестьян.

4 марта 1931 г. объединенное заседание бюро Гудаутского райкома партии и президиума райисполкома обсудило сообщение З. Агрба «О положении в деревне в связи с контрреволюционными выступлениями в селениях Дурипш и Ачандара и о задачах парторганизации». Заседание квалифицирует сход как контрреволюционное, антисоветское, антиколхозное выступление, организованное зажиточными силами. Были отмечены основные причины, позволившие организаторам схода вовлечь в это движение значительную часть

трудового крестьянства. В частности, указаны ошибки при организации колхозов (нарушение принципа добровольности, администрирование), в заготовке скота (своевременное неотovarивание), в проведении ликвидации неграмотности населения (штрафы, ночные занятия женщин). Допускались грубости и командование по отношению к середняку, недостаточно была организована беднота. Руководители схода использовали патриархально-родовые связи, а также антиколхозную агитацию кулаков, прибывших из Кубани. В селах района коммунисты и комсомольцы составляли незначительную прослойку, партийные ячейки были слабыми¹⁰³. Так оценивало обстановку районное руководство.

Осуществляя соглашение, заключенное между правительством и делегатами крестьянского схода 27 февраля 1931 г. в с. Лыхны, Н. Лакоба сразу же после схода у себя дома, будучи больным, лично продиктовал проекты 10 постановлений ЦИК Абхазии, касавшиеся деревни и работы среди крестьянства¹⁰⁴. 7 марта 1931 г. они были утверждены президиумом.

В постановлении ЦИК Абхазии об искоренении искривлений в колхозном строительстве обстоятельно были учтены уроки февральских событий.¹⁰⁵ ЦИК дал директиву широко разъяснить трудовому крестьянству, что колхозное строительство производится исключительно на добровольных началах и за всякое административное насилие при коллективизации виновные будут привлекаться к ответственности, как за срыв и дискредитирование колхозного строительства.

Соответствующим организациям предлагалось поставить в известность трудовое крестьянство, что широкая помощь колхозам со стороны государства отнюдь не исключает помощь правительства единоличным бедняцко-средняцким хозяйствам в виде контракции сельскохозяйственных культур, производственного снабжения, снабжения посевным материалом, агрономической помощью и т.д.

Были осуждены факты самоземлеустройства колхозов – самовольный захват колхозами общественной земли. Указывалось, что

наделение колхозов землей из общественного фонда должно осуществляться сельским советом после предварительного обсуждения вопроса с бедняцко-средняцкой массой села.

Основной формой колхозов была признана сельскохозяйственная артель. В нагорной части Абхазии и в районах с преобладанием абхазского населения было признано необходимым закреплять существующие и создавать новые товарищества по общественной обработке земли (ТОЗы), как первоначальную форму колхозов, переходную в сельхозартель.

При осуществлении коллективизации, подчеркивалось в постановлении, не допускать принудительного обобществления жилых построек, садов, приусадебных участков, верховых лошадей, мелкого и нетоварного молочного скота, птиц и домашнего инвентаря.

ЦИК предложил соответствующим организациям принять самые решительные меры к пресечению встречающихся фактов противопоставления колхозников бедняцко-средняцким единоличникам.

7 марта 1931 г. ЦИК Абхазии принимает другое постановление - «Об индивидуальном обложении сельхозналогом»¹⁰⁶. При сельсоветах создавались комиссии для исправления ошибок в отношении бедняков и середняков при применении закона об индивидуальном обложении, также при проведении мероприятий правительства по самообложению, госстрахованию и др. В комиссии вводились представители Уполнаркомфина, РИКа и сельсовета. Констатируя в ряде районов случаи лишения избирательных прав крестьян-средняков, а также зачисление середняков в группу зажиточных и наоборот, ЦИК постановил образовать при сельсоветах специальные комиссии для исправления этих ошибок.

Правительство Абхазии принимает и ряд других постановлений. После схода в Гудаутском и других районах была проведена специальная организационная работа по укреплению сельских Советов, кооперативных товариществ, партийных и комсомольских организаций¹⁰⁷.

Весной 1931г. Абхазский обком партии и обл. КК РКК принимают ряд постановлений по колхозному строительству. В постановлении обкома партии от 29 марта 1931г. обращалось внимание на необходимость дальнейшего укрепления простейших производственных форм кооперации, особенно поселковых товариществ, путем посылки на постоянную работу областных и районных работников. Были определены первоочередные задачи кооперативных организаций. «Ни в коем случае не допускать игнорирования единоличников, – сказано в нем, – и, наоборот, оказывать систематическую помощь (кредитование, снабжение их орудиями, удобриельными материалами), ускоряющую переход от единоличного, индивидуального хозяйства к коллективизации». Обком предложил «всем партийным организациям добиться того, чтобы во взаимоотношениях колхозников с единоличниками установилось правило: не травить единоличников, а оказывать им помощь и всячески привлекать к колхозу»¹⁰⁸.

10 марта 1931г. бюро ЦК КП(б) Грузии в связи с дурипшским сходом принимает развернутое постановление¹⁰⁹. В нем сказано: «Антисоветский самочинный сход, имевший место в абхазских селах Гудаутского района, является показателем крайнего обострения классово-зажиточной верхушки деревни мероприятиям партии в области социалистической реконструкции сельского хозяйства. На этот сход кулацко-зажиточным и другим антисоветским элементам удалось вовлечь значительные слои середняцкого крестьянства, благодаря неорганизованности бедняцко-средняцких масс против кулаков, а так же – путем угроз, насилия, провокаций и использования перегибов и извращений линии партии в практике работы отдельных организаций на селе (заготовки, снабжение, ликбез и т.д.)». Бюро отметило основные причины самочинного схода: неорганизованность бедноты и середняков против кулаков; недостаточно решительную борьбу со старыми традициями и бытовым укладом; засоренность деревни бывшими полицейскими, антисоветскими и уголовными элементами, совершенно недоста-

точная работа по изъятию этих союзников кулака; качественная и количественная слабость партийных и комсомольских организаций ввиду чрезвычайно слабого вовлечения батраков, бедняков и лучших середняков в партию и ЛКСМ и слабой воспитательной работы; засоренность как центрального, так и низового аппарата социально-чуждыми и антисоветскими элементами; оторванность сельсоветов от бедняцко-средняцких масс (совершенно недостаточно вовлечены абхазцы в советский и колхозно-кооперативный аппарат, крайне слабо проводится решение о коренизации и национализации аппарата как в центре, так и на местах, делопроизводство ведется в абхазских сельсоветах на непонятном местному населению русском языке, даже преподавание во многих абхазских школах 1-ой ступени ведется на русском языке и т.д.); усиление при этих условиях нажима на кулаков и зажиточных, необеспеченного всей предыдущей политической работой в бедняцко-средняцких массах; перегибы и факты голого администрирования при проведении хозяйственно-политических и культурных мероприятий; влияние раскулаченных кулаков, прибывших из Северного Кавказа и долго остававшихся в селах Абхазии и др.

Бюро ЦК КП(б) Грузии дает сходу партийную политическую оценку, намечает мероприятия по устранению вышеотмеченных причин и осуществлению линии партии, ведя беспощадную борьбу со всеми отклонениями от нее.

Таким образом, в решениях партийных и советских органов дурпшский сход рассматривается как антисоветское выступление. Основные причины его сводятся, главным образом, к субъективным факторам, отмечаются лишь второстепенные, объективные причины, а коренные – вовсе умалчиваются. Такова была официальная позиция.

В соответствии с лыхненским соглашением от 27 февраля 1931 г. проводятся подрайонные сельские сходы. Они состоялись в марте – начале апреля во всех подрайонах Гудаутского района и в селах Моква и Атара Абхазская Очамчырского района. Сходы проходили под руководством местных органов власти. Сход открывал испол-

няющий обязанности председателя Гудаутского райисполкома Гудиса Тарба, затем постановления ЦИК Абхазии зачитывал Мушни Хашба, после выступали крестьяне. Обсуждения проходили весьма оживленно. Крестьяне поднимали животрепещущие вопросы деревенской жизни, где сталкивались различные мнения. М.Хашба пишет: «Большой интерес представляли выступления крестьян на этих собраниях и то, что Н. Лакоба говорил крестьянам, но, к сожалению, их теперь трудно пересказать, ввиду отсутствия соответствующих записей»¹¹⁰.

Сельские сходы проходили при участии активных вдохновителей дурипшского выступления. На них шел откровенный, острополемический разговор. Иногда возникала сложная обстановка. М. Хашба описывает один эпизод, который имел место в поселке Ажымчыгра, на объединенном сходе лыхненцев и дурипшцев. Группа его слушала речи, сидя на лошадях. Среди них стоял бравый усатый мужчина в папахе с искрящими глазами и обеспокоенно слушал выступления. Чувствовалось, что взволнованность хозяина переходила и на лошадь, которая часто приподнимая задние ноги крепко стучала ими по земле, как бы импонируя настрою всадника. После того, как выступило более 20 крестьян этот мужчина, накинув кнут на запястье правой руки, просит слова, сидя на коне. Как только предоставили слово, он моментально сошел с коня и сказал: «Вы на Лыхнаште говорили одно, а здесь молодой человек зачитывает другое». После этих слов он второпях снимает свое черное кожаное полупальто и, вывернув его, надевает на себя наизнанку. Затем к вышесказанным словам добавляет: «Я сказал то, что хотел сказать, больше мне нечего говорить!»¹¹¹. Немедленно вскакивает на коня. Это был Гагулия Роман – один из вожakov дурипшского схода. Таким демаршем он выразил свое категорическое несогласие с установками, изложенными в постановлениях правительства.

Так реагировали на происходящее отдельные представители крестьянства, которые предчувствовали, что грядет большая перемена, коренное изменение крестьянского уклада жизни. Крестьянские сходы

ды, последовавшие за дурипшским, подтверждали, что крестьянство встревожено.

Председатель ЦИК Абхазии Н.Лакоба позже, в январе 1935 г., на VII съезде Советов Абхазии, имея ввиду крестьянские выступления начала 30-х годов, говорил: «... середняк в большей своей массе выступил против колхозного строительства и это объясняется тем, что наш враг, наш классовый враг – кулачество в деревне – использовал наши перегибы, наши ошибки, наши недопустимые ошибки, наше администрирование в деле колхозного строительства»¹¹².

Дурипшский сход показал пагубность административно-волевых методов руководства при осуществлении производственного кооперирования. Методы администрирования и командования в колхозном строительстве были осуждены. Приостановить же глобальный процесс, происходивший в масштабе всего Союза, сделать исключение для Абхазии было невозможно. И один из главных уроков схода заключался в том, что органы власти вынуждены были более внимательно прислушиваться к голосу крестьянства, полнее учитывать местные условия при проведении коллективизации. Это стало очевидным не только для партийного и советского руководства Абхазии, но и для центра.

В связи с событиями в Дурипше и преобразованием договорной ССР Абхазии в автономную республику Станислав Лакоба высказывает предположение, на которое еще никто из ученых не обращал внимание. «Возможно, – пишет он, – еще раньше Сталин пообещал уступить Нестору в вопросе коллективизации, которая оказалась бы губительной для небольшого народа, в обмен на его активное содействие по реализации давней мечты вождя о включении Абхазии в состав Грузии на правах (вернее бесправии) автономной республики»¹¹³.

Анализ социально-экономических процессов и политической обстановки в Абхазии в конце 1929 – начале 1930 гг. дает основание для подтверждения вышеприведенной мысли ученого. Отметим некоторые обстоятельства. 1929 год – т. н. «год великого перелома» – для Абхазии стал особенно критическим и трудным. В республике

почти сплошь крестьянской переход к политике сплошной коллективизации затрагивал коренные интересы всего народа, который не был подготовлен к этому процессу. Данное обстоятельство поставило правительство Абхазии в тупиковое положение. Местные политические оппоненты Н.Лакоба ставили ему в вину, что он переоценивает особенности республики, придерживает темпы коллективизации, «сбивается иногда в своей работе на политику опоры на все слои абхазского населения», «находит возможным иногда не подчиняться решениям обкома».

Сталину, как он сам пишет, во время отпуска «на Черноморском побережье пришлось вмешаться в абхазские дела», в связи с работой в Абхазии комиссии Закрайкома, а по возвращении в Москву 19 октября 1929 г. он написал письмо Н.Лакоба, секретарю Абхазского обкома партии П. Меладзе, секретарю ЦК КП(б) Грузии М. Кахиани, в котором подверг критике работу комиссии Закрайкома (т. Цейтлина), а также указал на ошибки Абхазского обкома партии, в частности, отметил, что обком *«не учитывает специфических особенностей абхазского уклада, сбиваясь иногда на политику механического перенесения русских образцов социалистического строительства на абхазскую почву»*¹¹⁴. (Выделено нами. – А. К.)

Трудно сказать, о чем говорили Сталин и Нестор осенью 1929 г. на Черноморском побережье. События же, которые последовали за указаниями И.Сталина, говорят о том, что Н.Лакоба не только поправил свое шаткое политическое положение, но значительно упрочил свою власть в Абхазии, а также поднялся его и без того большой авторитет в масштабе Грузии и Закавказья. Президиум Абхазского обкома партии 29 ноября 1929 г. признал целесообразным провести реорганизацию ЦИКа и СНК путем их объединения в один орган¹¹⁵. А III сессия ЦИКа Абхазии в апреле 1930 г. принимает решение упразднить СНК Абхазии как отдельный орган управления, передав все его функции президиуму ЦИК Абхазии. Председателем ЦИК Абхазии был избран Н. Лакоба¹¹⁶. Сессия рассмотрела вопрос о договорных взаимоотношениях между ССР Абхазии и ССР Грузии и решила в Конституции Абхазии название

«договорная республика» заменить словами «автономная республика»¹¹⁷.

Теперь Н. Лакоба, опираясь на указания И. Сталина о необходимости более последовательного учета абхазских условий и недопустимости механического перенесения опыта социалистического строительства в России, еще более укрепляет свои позиции, продолжая придерживать курс сплошной коллективизации. А в той исторической обстановке, когда руководители республик и областей, в том числе соседних, развертывали между собой соревнование за досрочное завершение плана сплошной коллективизации, выслуживаясь перед вышестоящими властями и, допуская репрессии и большие людские жертвы, воздержание и недопущение всего этого было со стороны Н.Лакоба проявлением мудрости и мужества и требовало от него сильной воли и больших усилий.

В результате коллективизация в Абхазии получила ряд особенностей. Во-первых, она была растянута во времени, отличалась постепенностью. Если в большинстве районов Союза сплошная коллективизация проводилась путем её чрезмерного форсирования и жестоких человеческих жертв, и в основном завершилось в годы первой пятилетки, то в Абхазии процесс коллективизации был более продолжительным по времени и завершился во второй пятилетке относительно мирным путем.

Во-вторых, в Абхазии, в отличие от других районов Союза, широко были использованы низшие формы кооперации, в частности, поселковые товарищества. Здесь они функционировали вплоть до 1936 года. Поселковые товарищества обслуживали производственные нужды индивидуальных хозяйств, сыграли положительную роль в подготовке и проведении коллективизации, в укреплении колхозов. Важной особенностью коллективизации в Абхазии явилось преимущественное использование на первых порах первичной формы коллективного хозяйствования – товариществ по общественной обработке земли.

В-третьих, своеобразием отличался в Абхазии и процесс ликвидации кулачества как класса. В Абхазии, в отличие от других райо-

нов страны, вообще не проводился лозунг ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Здесь и критерии определения кулацких хозяйств были несколько другими. К зажиточно-кулацким хозяйствам репрессивные меры и административное выселение не применялись. Они вытеснялись ограничительными экономическими мерами и путем индивидуального налогового обложения, а затем эти хозяйства постепенно становились членами колхоза.

Таковы основные особенности процесса коллективизации в Абхазии. Здесь она завершилась более или менее мирно, что, безусловно, явилось результатом учета уроков крестьянского движения в Бзыбской Абхазии. В этом заключается главное позитивное последствие дурипшского схода и гибкого руководства республикой Н. Лакоба.

Как выше было сказано, С. З. Лакоба обратил внимание на связь схода со снижением статуса государственности Абхазии и считает его одной из главных причин схода. «Вопрос же о колхозах, – пишет он, – это лишь то, что лежало на поверхности требований и послужило поводом к выступлению»¹¹⁸.

В требованиях крестьян вопрос государственности официально не фигурирует. Ничего не сказано об этом и в «Докладной записке» ответственного инструктора ЦК ВКП(б) Г. А. Козлова и в материалах С. Данилова. Однако, обращает на себя внимание удивительное хронологическое совпадение схода с решением о снижении статуса государственности Абхазии. 11 февраля 1931 г. VI съезд Советов Абхазии одобряет решение III сессии ЦИК (апрель 1930 г.) о преобразовании ССР Абхазии в автономную республику. Через два дня, 14 февраля в с. Лыхны создается инициативная группа по созыву крестьянского схода в с. Дурипш и устанавливается срок его проведения на 18 февраля. Возникает вопрос: случайно ли это?

Крестьянские собрания в Дурипше проходили в дни работы VI съезда Советов в Грузии. 19 февраля, на второй день схода, съезд принимает решение «О вхождении Социалистической Советской

Республики Абхазии в Социалистическую Советскую Республику Грузия в качестве автономной республики». В постановлении съезда говорится: «а) признавая необходимым, в целях успешного выполнения поставленных перед трудящимися Союза ССР задач развернутого социалистического строительства на основе единого плана народного хозяйства, более тесное политическое и хозяйственное объединение Социалистической Советской Республики Грузии с Социалистической Советской Республикой Абхазии, с обеспечением дальнейшего хозяйственного и культурного роста последней в условиях мирного сожительства и братского сотрудничества рабочих и трудового крестьянства этих республик, и б) в соответствии с волеизъявлением трудящихся Абхазии, принявших на VI съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов решение о вхождении Социалистической Советской Республики Абхазии в Социалистическую Советскую Республику Грузию в качестве автономной республики постановляет:

1. На основании ст. 9 Основного Закона (Конституции) ССР Грузии ввести Социалистическую Советскую Республику Абхазию в состав Социалистической Советской Республики Грузии в качестве автономной республики, распространив на нее действие главы IV указанного Основного Закона.

2. Договор между ССР Грузии и ССР Абхазии, заключенный в гор. Тифлисе 16 декабря 1921 г., считать утратившим силу»¹¹⁹.

19 февраля 1931 г. в Тбилиси принимается данное решение, а в Дурипше в этот день положение обостряется. Представителям правительства Абхазии было отказано присутствовать на сходе, правительству выражается недоверие, сход противопоставляется органам Советской власти.

Вышеотмеченные факты, видимо, не случайные совпадения. Они, скорее всего, говорят о логической связи между двумя важнейшими событиями – снижением статуса государственности Абхазии и самочинным крестьянским сходом.

Об этом свидетельствует и народная память. Педагог-пенсионер Энвер Царгуш вспоминает о том, как будучи учеником Ачан-

дарской школы, у себя дома обслуживал стол, за которым сидели соседи Ахба Яхья, Царгуш Исиф, Ширин, Мусрат и отец его Кадыр. Зашел разговор о дурипшском сходе и Ахба Яхья сказал примерно следующее: «Да, этот год был вдвойне трагичным для Абхазии. Одно дело, что многие участники дурипшского схода и клятвы у Дыдрыпш-ныха были сосланы или расстреляны. Другое дело, что Абхазия тогда потеряла свою независимость, полученную после изгнания грузинских меньшевиков. В 1921 г. Абхазия стала равноправной с другими народами. В 1931 г. Абхазия опять подчинена Грузии только под прикрытием Советской власти и большевиков». Кто-то из присутствующих сказал: «Не бойся, Яхья, большевики не допустят угнетения одних народов другими». Ширин заметил: «Не торопитесь! Не может быть, чтобы наш Аллах и наш Дыдрыпш-ныха оставили народную мольбу без внимания. Рано или поздно сбудется народная мольба. Ни колхоз, ни угнетение Абхазии Грузией не будут вечными». «Уҕы изхәаз хьыла итәызааит» («да будут озолочены уста твои, сказавшие эти слова»), – сказали присутствующие и взмолились» (*Из воспоминаний Э. Царгуш*).

Как теперь стало ясно, в постановлении «О вхождении Социалистической Советской Республики Абхазии в Социалистическую Советскую Республику Грузию в качестве автономной республики», образно говоря, была заложена бомба замедленного действия, которая тогда, в условиях формирования советской унитарной государственной системы, не была осознана теми, кто создавал такую иерархию государственного устройства. Его пагубные последствия привели, сразу же после распада Союза ССР, к грузино-абхазской войне.

Сколько жертв и разрушений принесла эта война?! Какую страшную вражду посеяла она между двумя соседними, исторически близкими народами, которые связаны друг с другом неразрывными узами жизни? Неисчислимы жертвы, бедствия, страдания войны! Безмерно велика эта боль!

Такой финал неизбежен, когда судьбоносные вопросы народа

решаются не самим народом. В феврале 1931 г. абхазский и грузинский съезды Советов, принимая столь важное постановление, не посоветовались с народом. Обошли его. И за их ошибки жестоко расплатились народы.

* * *

Крестьянские сходы нового времени особенно активно проходили в периоды крутых исторических поворотов. В абхазской советской деревне такой момент наступил в начале коллективизации сельского хозяйства, когда практически был поставлен вопрос об изменении социально-экономического устройства крестьянского хозяйства, о коренной перестройке всего уклада жизни деревни. И в этот переломный момент крестьянство прибегло к традиционной демократической форме обсуждения общественных проблем – к сходу.

Дурипшский самочинный крестьянский сход – это крупное событие на заре Советской Абхазии; самое выразительное собрание крестьян старой формации в советское время, последний крик души этих крестьян, всегда искавших справедливого устройства общественной жизни, но никогда не находивших его, также как везде это происходит – у всех племен, народов, при всех коленах.

Самоотверженность, проявленная крестьянами в Дурипше, не только и не столько выражение отчаяния. В её основе лежала вера в правоту своих требований, преданность идеалам свободы, принципам справедливости. Крестьяне сознательно шли на самопожертвование, знали какие опасности и всевозможные преследования влекли за собой их действия в случае поражения.

Социальный состав участников схода был неоднородным. Основное ядро составляли крестьяне – бедняки и середняки. Однако главенствующую роль играли зажиточные слои, т.е. хозяйственно крепкие крестьяне, которые пользовались определенным авторитетом и влиянием в деревне. Советское государство ограничивало эко-

номическими мерами хозяйственное развитие этих зажиточных крестьянских хозяйств, они были особенно враждебно настроены против Советской власти. В блоке с ними находились князья и дворяне, потерявшие привилегии и бывшее влияние, а также духовенство. Дурипшское выступление крестьян как по социальному составу, так и по содержанию интересов его участников носило сложный характер. Нельзя его квалифицировать однозначно.

По масштабу, организованности и смелости постановки проблем сход занимает особое место. На всенародное обсуждение были вынесены животрепещущие вопросы эпохи. Сход отразил противоречия времени и характерные черты общества в переходный период.

Сход отверг сталинский метод насильственного насаждения колхозов. Он открыто выразил протест против складывавшейся советской унитарной государственной системы, выступил в защиту истинного народовластия.

Дурипшский сход, при рассмотрении его в широком историческом аспекте, на фоне событий XIX – начала XX вв. и процессов, происходивших в советскую эпоху, представляется как очередной этап (момент) социального протеста, выражения крестьянской воли, крестьянского отношения к процессам и явлениям, порожденным новыми историческими условиями.

В переломные исторические моменты люди интуитивно предчувствуют наступление больших перемен, приближение к чему-то необычному. Народное возмущение – это своего рода предтеча, т.е. событие, явление, состояние, которые предшествуют перемене привычной жизнедеятельности, образа жизни людей.

Мы, люди все, и руководители большого ранга и руководимые, по человеческому обыкновению никак не можем понять ту, казалось бы, простую истину, что в своем историческом движении «приходим к тому, к чему идем», «приходим туда, куда идем». А потом удивляемся, возмущаемся! Так было и в 1866 г. во время лыхненского возмущения, так было и в 1931 г. во время дурипшского схода. Так бывает всюду и всегда в переломные моменты.

В каждый исторический период народ проходит определенный

этап пути человеческой цивилизации, который подводит к закономерному промежуточному рубежу – очередному возмущению. Для малочисленных народов – это более болезненный процесс, обусловленный не только внутренними закономерностями развития, но и многими внешнеполитическими обстоятельствами и влияниями. Об этом свидетельствует и многострадальная история абхазского народа.

Абхазия – страна маленькая. Абхазы – народ малочисленный. Красива и богата природа Абхазии, красив и богат внутренний мир самого человека. Абхазия и ее народ не раз становились жертвой своей красоты и свободолюбия. Так было и на этот раз.

Крупные самочинные, несанкционированные народные сходы – это протест против режима. Их участники не только возмущаются и противодействуют властям, но и выдвигают свои требования. Конфликтная ситуация требует от властей действий. Обычно за народным возмущением следует наказание. В мире любое более или менее крупное народное возмущение – это, большей частью, канун кровопролития. Об этом свидетельствуют уроки истории. Многие активисты дурипшского народного собрания также стали жертвами репрессий.

Народное возмущение – естественная реакция на процессы реальной действительности. История нового и новейшего времени достаточно убедительно свидетельствует о том, что народные возмущения приобретают глобальный, системный характер – повсеместный, частый и самый разнообразный по форме выражения и масштабу действия. Они закономерно и неудержимо сопутствуют современной человеческой цивилизации и чаще перерастают в войны. Но увы!

* * *

В 1950-х–1980-х годах проводятся несанкционированные сельские, районные и всеабхазские сходы, вызванные возмущением на-

селения в связи с ущемлением национальных интересов, репрессиями сталинизма и их последствиями. Эти сходы были событиями из ряда вон выходящими в условиях советского строя.

Одно из наиболее крупных всеабхазских несанкционированных народных собраний состоялось в мае 1978 г. на центральной площади г. Сухум, где присутствовало около 25 тыс. человек. В нём принял участие секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов, специально приехавший в Абхазию по этому поводу. Тогда были вынесены на обсуждение острые вопросы национального и государственного развития Абхазии. Участники этого народного движения требовали мирного политического решения поставленных вопросов. Однако голос народа тогда не был услышан, подлинные причины периодически повторявшихся народных собраний не были устранены.

Грандиозным по масштабу и значимости становится народное собрание, состоявшееся 18 марта 1989 г. на исторической площади Лыхнашта. Здесь собралось более 30 тыс. представителей народа, которые во главе с руководством Абхазской республики единодушно заявили о необходимости пересмотра статуса государственности – восстановлении ССР Абхазии в составе Советской Федерации. Это был беспрецедентный акт в условиях советской государственной системы, правда уже дававшей трещины распада. Партийное и государственное руководство Абхазии присоединилось к волеизъявлению абхазского народа, направленному на достижение независимости и установлении равноправных государственных отношений между Грузией и Абхазией. Лыхненское обращение 1989 г. становится прологом к провозглашению 25 августа 1990 г. «Декларации о государственном суверенитете Абхазской республики» и «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии».

Несанкционированные народные собрания 50-х–80-х годов имели ряд особенностей. Отметим некоторые из них. Во-первых, в отличие от прошлых крестьянских сходов, происходивших до коллективизации, эти народные собрания проводились теперь с уча-

ствием представителей колхозного крестьянства, рабочего класса, национальной интеллигенции и студенческой молодежи. Такой состав определял широту интересов, уровень национального сознания, содержание требований, характер и форму проведения собраний; во-вторых, такие собрания, хотя и были запрещены, проводились более или менее организованно, с определенной программой; как правило, их проведению предшествовали «Абхазские письма», адресованные, прежде всего, ЦК КПСС,¹²⁰ с которыми население знакомилось в ходе подготовки собраний; в-третьих, несанкционированные собрания, поскольку они были запрещены*, их организаторы и автора писем преследовались и наказывались, что, безусловно, создавало напряженную обстановку и нередко отрицательно влияло на ход проведения собраний; в-четвертых, используя многонациональный состав населения автономной республики, официальные органы преднамеренно создавали отрицательную партийную и общественную морально-психологическую атмосферу против подобных явлений, квалифицируя сходы как проявления национализма и ограниченности, что наносило моральный ущерб этому движению.

С 60-х годов возобновляется проведение больших санкционированных народных сходов-праздников. Значительным событием было всеабхазское народное собрание, проведенное в 1966 г. в Лыхнаште в связи со 100-летием Лыхненского восстания. Выступления ораторов, творческих коллективов, скачки, народные игры, завершившиеся застольями, придали сходу характер всенародного торжественного праздника.

В 1991 г. в с. Моква состоялось большое народное собрание – Абжуаа рейзара, вылившееся в общенародный праздник. Народ-

* 5 сентября 1978 г. бюро ЦК КП Грузии в связи с событиями в Абхазии принимает решение «О недопущении впредь самовольных сходов и стихийных собраний», которое 2 октября 1978 г. было обсуждено Пленумом Абхазского обкома КП Грузии.

ные ораторы говорили об актуальных проблемах национального развития, общественной и культурной жизни республики, о возобновлении традиционного народного собрания Абжуаа реизара. Впечатляющей была его художественная часть. После осмотра знаменитого Моквского собора и Моквского историко-культурного заповедника, открытию которого было приурочено собрание, тысячи и тысячи собравшихся людей разных поколений с удовольствием смотрели народные песни и танцы, конно-спортивные состязания, народные игры, слушали выступления молодых поэтов. Большое народное торжество завершилось щедрым угощением, оставив в душе каждого его участника яркие впечатления.

С 70-х годов каждую весну или осень на исторической поляне проводится всеабхазский народный праздник «Лыхнашта». Это многолюдное торжественное собрание, где присутствуют люди всех возрастов, гости Абхазии. «Лыхнашта» проводится по заранее разработанной программе, в составлении которой принимают участие ученые и специалисты, хорошо знающие традиционную культуру и быт народа. Особое место в программе занимают выступления творческих коллективов, исполнение народных песен и танцев, конно-спортивное соревнование и искусство абхазского наездничества, выставки народных умельцев. Праздник «Лыхнашта» – своеобразный смотр народного творчества, богатых национальных, культурных традиций, успехов и устремлений народа. Национальный колорит – характерная черта всего содержания праздника. Такие общественные праздники украшают жизнь, вселяют оптимизм, приносят радость и веселье людям.

Народные собрания не изжили себя. Наоборот, на современном этапе, когда общество стремится совершить исторический поворот к демократизации общественной жизни, народные собрания призваны сыграть особую роль в утверждении новых отношений, взглядов, убеждений людей. Ведь в самом народном собрании – этом демократическом общественном институте – заложена организационная форма для выражения подлинного волеизъявления народа.

Сходы, или народные собрания, в абхазском обществе имеют глубокие корни. Бросая ретроспективный взгляд на прошлое, уверенно можно сказать, что сходы в древней и средневековой Абхазии представляли институт народовластия, очевидно, обсуждали все общие дела народа.

В XIX – начале XX вв. в Абхазии сходы еще играли значительную роль в общественно-политической жизни страны, обсуждая животрепещущие вопросы, касавшиеся жизни народа, его настоящего и будущего. В рассматриваемый период сельский сход, как общественный институт народовластия содержал в себе и пережитки прошлого, общинного, и основы настоящего, и зачатки будущего.

Административная реформа, проведенная в Абхазии в 60-х годах XIX в., законодательно определила место схода в сельском управлении. В ведение сельского схода входили: выборы сельских должностных лиц, приговоры об удалении из сельского общества «вредных и порочных членов его», распоряжение общественными земельными угодьями, назначение сборов на общественные расходы, раскладка казенных и земских податей и повинностей и т.д. Новое сельское управление, учрежденное реформой, входило в систему правительственного аппарата, являясь его низшей ступенью.

Во второй половине XIX в. наиболее выразительным был несанкционированный семитысячный народный сход Бзыбской Абхазии, состоявшийся 26 июня 1866 г. в с.Лыхны, который перерос в крупное народное восстание, известное как Абхазское (Лыхненское). В нем приняли участие до 20 тыс. человек.

На сходе, где подспудно фигурировал как главный вопрос – вопрос о власти, фактически столкнулись интересы администрации царской власти и народа. Царизм, его чиновники и вооруженные силы утверждали власть русского императора, имперские законы, нормы жизни, народ противился этому. Хотя по своему со-

циальному составу, сход не был однородным, но по духу он был абхазским и отстаивал законы обычного права абхазцев, традиционные нормы жизни и свободу. Княжеско-дворянская знать стояла за восстановление своей власти, утерянной в результате упразднения Абхазского княжества. 29 июля 1866 г., в самый разгар восстания, повстанцы провозгласили сына бывшего владельца Абхазии двадцатилетнего Георгия Шервашидзе владельцем князем. Однако попытка реставрации княжества не удалась. Восстание было подавлено вооруженными силами. Хотя крестьяне и не имели своей программы, но их естественным желанием было получение независимости, сохранение веками выработанных народом законов и норм жизни, утверждение народовластия – извечной мечты любого народа.

С первых же месяцев после свержения царской власти в 1917 г. абхазские народные сходы повсеместно начали обсуждать вопрос о власти. Но решить его мирным путем не удалось. События 1918–1921 гг. – продолжение национально-освободительной борьбы, которая проходила в сложных условиях активного вмешательства внешних сил, оккупации и внутривластной борьбы различных политических течений. В создавшейся обстановке институт народных сходов по существу не имел условия для функционирования. Сам Абхазский народный совет дважды был разогнан. Вопрос о власти был решен с применением вооруженных сил. Абхазские народные ополченцы создавались и приводились в действие в основном большевиками. В 1921 г. в Абхазии устанавливается Советская власть.

Дурипшский самочинный сход 1931 г. – это народный сход, который был проведен крестьянами старой, досоветской формации. Этот сход – сход народного протеста. Он подспудно содержал вопрос о власти (государственности). Хотя в крестьянских требованиях он непосредственно не фигурировал, но все требования касались коренных проблем крестьянской жизни и своим острием были направлены против официальной политики существующей власти.

Абхазские народные сходы 1950-х–80-х годов XX столетия – также были сходами народного волеизъявления. Они содержали мотивы протеста существующему положению, выносили на обсуждение острые вопросы национального и государственного развития Абхазии и по своему характеру являлись уникальными в условиях строгого советского режима.

Грандиозным по масштабу и значимости становится народное собрание 18 марта 1989 г. на площади Лыхнашта, где был поставлен вопрос пересмотра статуса государственности – восстановление ССР Абхазии.

Здесь мы отметили одну общую характерную особенность самочинных, несанкционированных абхазских народных собраний нового и новейшего времени. Вопрос о власти (государственности) – это общая канва, которая связывает эти сходы единым духом, хотя в каждую историческую эпоху вопрос о государственности ставится применительно к конкретным условиям.

Абхазские народные сходы в XIX–XX вв. уже уступили свои основные функции государственным органам власти. Однако они остаются традиционной формой проявления народовластия. Ни царская, ни советская власти не обходились без сходов – и та, и другая прибегали к сходу, как к авторитетному народному форуму при проведении важных государственных мероприятий.

В условиях сильного государственного режима, когда возникают критические моменты противостояния власти и народа, народ для решения своих проблем сам прибегает к сходу. Это серьезный сигнал для властей. Дурипшский сход показал, что когда власти проявляют понимание проблем и мудрый подход, даже самые острые конфликты получают мирное решение.

На современном этапе развития общества, когда курс взят на демократизацию государственной и общественной жизни и идет процесс становления и утверждения суверенного государства, перед народным сходом открывается новое поле для проявления возможностей, таящихся в народе.

Разумеется, традиционный абхазский сельский сход, каким он

был в прошлом, теперь уже неповторим. Изменились время и условия жизни. Уже нет того уклада деревенской жизни и того крестьянина-общинника со специфическим внутренним миром и колоритным внешним обликом. Изменился образ жизни, произошла переоценка ценностей, утеряны многие традиции.

Однако и у древних и у современных людей вполне сопоставимые занятия в жизни, надежды, стремления и достижения. И проблемы по сути те же, только более усложнены, суетны, жесточены.

Мы часто говорим «вот это новое», но оно уже было. Не остается в памяти прежнее; и что будет впредь не останется в памяти у тех, которые будут жить после. Это общее положение человечества. Однако оно не приводит к разочарованию. Ибо история народов хранит немало поучительного. И накопленный опыт способен повлиять положительно, побуждая отвергнуть ошибочные цели и стремления, и оценить, что мы получаем от жизни и чего стремимся достичь. Мы можем учиться на ошибках прошлого.

Сельский сход в наши дни может играть важную роль в жизни общества, выражая волю народа, его насущные интересы. Мирная созидательная жизнь выдвигает немало местных житейских дел. Например, жители с. Отап могут иметь какие-то свои дела, отличные от тех, что у соседей с. Гуп. Отапцы сами должны обсуждать и решать свои вопросы. Разумеется они лучше знают свои дела, чем в любом другом месте.

Особого внимания заслуживает возобновление традиционной культуры сходов. Народ на своих сходах соблюдал установленный обычаем порядок, каждый, даже незаметный человек, должен был блюсти свое достоинство. При обсуждении всевозможных сложных и спорных дел и ораторы и слушатели призваны были стараться твердо следовать этикету, нормам поведения в обществе, законам апсуара. Внутренний духовный мир общинника – члена схода – определяло желание по аламысу поступать и решать вопросы. Старая абхазская поговорка гласит: «*Рассуди сам себя, потом иди судить*» («*ухаҭәы збаны, збара уца*»).

Традиционный абхазский народный сход, народное правосудие абхазцев – это важнейшее составное звено апсуара, школа большой культуры народа. Здесь каждому предоставлялась возможность по-особому проявить специфические, характерные для абхазца черты важнейших общечеловеческих морально-психологических категорий – советь (аламыс), честь и уважение (апату), гуманность (ауафра), рыцарство, благородство, галантность (аамысташэара), мужество, отвагу (ахацара), уважение к старшим (аихабы ҳатыр иқәцара), снисходительное отношение к слабому, доброту, душевность (агәыҳалалра), скромность, кротость, вежливость, чувство долга и достоинства и другие нормы апсуара.

Народные сходы – это школа ораторского искусства. Богатейшие традиции абхазской устной словесности, непочатый фонд народной культуры служили по словам акад. Н. Я. Марра «источником, поддерживающим общественную роль абхазской речи, материалом для исключительного развития ораторского искусства, разветвлявшегося на народных вечевых судах»¹²¹.

В последние десятилетия в Абхазии проводятся фамильные сходы. Все однофамильцы – мужчины и женщины, старики и молодежь, независимо от степени родства и территориальной разобщенности, собираются и совместно обсуждают самые различные вопросы, касающиеся всей родственной группы людей.

В Абхазии фамилия Агрба – одна из многочисленных. Агрбовцы уже более трёх десятилетий ежегодно проводят фамильные сходы. Я, – автор этих строк, был участником одного из них, состоявшегося в доме Агрба Бабаха (с. Кутол), где присутствовало более 500 представителей этой фамилии из всех районов Абхазии, а также из Аджарии. До начала общего собрания люди группами обсуждали разные вопросы повседневной жизни, обменивались новостями, мнениями. В таких случаях обычно осуждается человек, позорящий своим поведением фамилию, поощряются достойные поступки, успехи в учебе, в работе, в семейной жизни и т.д. Забота о молодежи, нравственности, честности и чистоте фамилии – главные мотивы этих собраний.

Наставниками на сходе выступали старики, люди умудренные опытом жизни. Ремзи Агрба – заслуженный педагог республики, продемонстрировал фильм, отображавший яркие события в жизни соотечественников. Представители подрастающего поколения читали свои стихи, показывали свое искусство. Сход завершился застольем. Все это проходило красиво, много было доброго, поучительного, радующего сердце человека.

В условиях Абхазии фамильные или «братские собрания» (аешь-ара реизара) играют положительную роль. В послевоенной Абхазии они возрождаются, заслуживают поддержки.

Разумно предположить, что народное собрание может стать фокусом истинного волеизъявления народа тогда, когда незыблемым желанием его членов – каждого в отдельности и всех вместе – будет совершать добрые дела. Поступать по законам апсуара это значит – помышлять о том, что только правда, честно, справедливо, что добродетель и похвала и действовать, исходя из этих принципов.

Возрождение общественного авторитета народных сходов, ответственности их решений – важное государственное и общенародное дело. В этом направлении должны быть, на наш взгляд, задействованы различные рычаги.

В структуре местного самоуправления сельский сход (собрание) может занять свое традиционное место, как орган прямого волеизъявления народа и как структурная основа общественной власти.

Семье принадлежит особая роль в воспитании детей – будущих активных членов общества – в духе апсуара, нравственности и духовности. «Воспитание одного человека стоит целого человека» – говорят абхазцы. По апсуара человек должен иметь воспитание достойное человека, чтобы с честью и достоинством нести свое предназначение.

В учебных заведениях всех ступеней в центре всего учебного процесса должно быть поставлено духовное и морально-нравственное воспитание учащихся и студентов. В арсенале духовного сокровища

вища народа непочатый клад ценностей непреходящего значения. Общечеловеческие духовные ценности надо прививать системно и доступно с младенчества.

Большую роль могут сыграть сельские советы старейшин. Верно заметил Михаил Лакербай: «Аламыс – душа (жизнь) абхазцев» («Аламыс – апсуаа цсыс ирхоуп»). Восстановить в общественной жизни народа былой авторитет наших мудрых предков-старцев – носителей яркого света справедливости, чести, совести и мудрости народа – задача первостепенная и, пожалуй, трудная. Добрые народные традиции в значительной мере утеряны, однако, к счастью, они еще живут. Активнее следует вовлекать в общественные дела пожилых, умудренных жизненным опытом людей – живых носителей апсуара. Они могут составить ядро советов старейшин в деревне.

Абхазский народный сход (собрание) – славное достояние нашей истории. Но не только истории. Сходу, как форуму народного волеизъявления, как институту народовластия предстоит новое возрождение.

Примечания

Глава I

¹ Батышев Г. С. Корни и плоды. Размышление об истоках и условии человеческой плодотворности. // Наше наследие. 1991. V. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Денис Чачхалиа. Абхазская православная церковь. – М.: 1997. С. 107, 108.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ Чехов А. П. Письмо неустановленному лицу. // Абхазия в русской литературе. – Сухуми, 1982. С. 30.

⁶ Николай Тихонов. О стихах Ивана Тарба. // Иван Тарба. Дорога, которой нет конца... – М.: 1976. С. 3, 4.

⁷ Константин Симонов. О поэзии Баграта Шинкуба // Баграт Шинкуба. Избранное. – М.: 1976. С. 5, 6.

⁸ Немирович-Данченко В. Пицунда. // Абхазия в русской литературе. – Сухуми, 1982. С. 28.

Глава II

¹ См.: Станислав Лакоба. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми. 1990. С. 11.

² «Абхазия», 4 апреля 1991.

³ Амицба Г. А., Папуашвили Т. Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей. – Тбилиси, 1985. С. 35.

⁴ Дж. Белл. Письма о пребывании в Черкессии в 1837, 1838 и 1839 годах. – Лондон. 1840. Письмо XXXI. (Перевод с англ. Аиды Ашуба). См.: Руслан Гожба. К изучению обычного права и ораторского искусства у абхазов // Мосты. – Сухум, 1998. С. 52, 55.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Мачавариани К. Д. Корнет К. Ш. Лакербай. Издательство ЦГП «Алпха». С. 42.

- ⁷ **Басария С. П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум, 2003. С. 60, 61.
- ⁸ **Зинаида Рихтер.** Кавказ наших дней... // **См.: Руслан Гожба.** К изучению обычного права... С. 61.
- ⁹ **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1975. С. 270.
- ¹⁰ **Дзидзария Г. А.** Восстание 1866 года в Абхазии. – Сухуми, 1955. С. 8.
- ¹¹ **Аргун Ю.** «Абжуаеизара» – праздник ораторского искусства. // «Советская Абхазия», 16 мая 1991.
- ¹² **Там же.**
- ¹³ «Заря Востока», 17 апреля 1926.
- ¹⁴ **Бжания Ц. Н.** Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми, 1973. С. 19.
- ¹⁵ **Дзидзария Г. А.** Труды. Т. 2. – Сухуми, 1990. С. 21.
- ¹⁶ **Там же.**
- ¹⁷ **Там же.** С. 47.
- ¹⁸ **Там же.** С. 32.
- ¹⁹ **Там же.** С. 31, 32.
- ²⁰ **Там же.** С. 56.
- ²¹ **Там же.** С. 57.
- ²² **Там же.** С. 108.
- ²³ **Дзидзария Г. А.** Махаджирство ... С. 295.
- ²⁴ **Там же.** С. 326.
- ²⁵ **Там же.**
- ²⁶ **Там же.** С. 358.
- ²⁷ «Сухумский вестник», 1913. С. 278, 279.
- ²⁸ **Габелия Е. К.** Абхазские всадники. – Сухуми, 1990. С. 9.
- ²⁹ **Дзидзария Г. А.** Очерки истории Абхазии. 1910–1921. – Тбилиси, 1963. С. 65.
- ³⁰ **Рыбинский Г. А.** Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. – Тифлис, 1894. С. 20.
- ³¹ **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. – Сухуми, 1965. С. 435–445.
- ³² **Дадниани Н.** История Грузии. – Тбилиси, 1962. С. 95.
- ³³ **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С. 469.
- ³⁴ **Антелава И. Г.** Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII вв. – Сухуми, 1949. С. 129.
- ³⁵ **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С. 435, 436.

³⁶ Там же. С. 398.

³⁷ Там же. С. 444.

³⁸ **Куправа А. Э.** Культурное строительство в абхазской деревне. – Сухуми, 1973. С. 141, 142.

³⁹ **Чурсин Г. Ф.** Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1957. С. 13.

⁴⁰ ПААО КП Грузии, ф.1, оп.2. Д.165/3. Л.18.

⁴¹ «Советская Абхазия», 2, 5 декабря 1926.

⁴² **Якуб Лакоба.** Ему было бы 103... // «Эхо Абхазии», 1996, №51, декабрь.

⁴³ **Дзидзария Г. А. Ф. Ф.** Торнау и его кавказские материалы. – М.: 1976. С. 123.

⁴⁴ См.: **Г. А. Дзидзария. Ф.Ф.Торнау...** С.123; **Ш. Д. Инал-ипа.** Абхазы. С. 433–445.

⁴⁵ **Дзидзария Г. А. Ф.Ф.Торнау...** С. 123.

Глава III

¹ **Куправа А. Э.** Из истории советского строительства в Абхазии (период ревкома) // Труды Абхазского института. Вып. XXX. – Сухуми, 1959. С. 37,38.

² Революционные комитеты Абхазии. Сборник документов и материалов. – Сухуми, 1961. С. 31.

³ «Голос трудовой Абхазии», 1 мая 1921.

⁴ Там же. 1 января 1922.

⁵ «Правда Грузии», 2 апреля 1921.

⁶ Революционные комитеты Абхазии... С. 40–42.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ ЦГАА, ф. 38. Д. 30. Л.1, 2.

⁹ «Правда Грузии», 31 мая 1921.

¹⁰ Укрепление Советской власти в Абхазии... С. 48.

¹¹ **Куправа А. Э.** Культурное строительство в абхазской деревне... С. 85.

¹² **Куправа А. Э.** Абхазская деревня на пути к социализму. – Тбилиси, 1977. С. 271.

¹³ **Инал-ипа Ш. Д.** Дурипш. – Сухуми, 1981. С. 37.

- ¹⁴ **Станислав Лакоба.** Очерки политической истории Абхазии. С. 90.
- ¹⁵ **Там же.** С. 90, 91.
- ¹⁶ **Куправа А.Э.** История кооперации Абхазской АССР (1929–1937 гг.). – Сухуми, 1988. С. 156.
- ¹⁷ **Материалы по истории Абхазии.** Вып.1. – Сухуми, 1990. С. 4.
- ¹⁸ **Там же.** С. 11.
- ¹⁹ **Там же.**
- ²⁰ **Партархив** Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф.14, оп.1, ч. III. Д. 3793. ЛЛ.77–88 (в дальнейшем «Партархив»).
- ²¹ «Советская Абхазия», 9 января 1930.
- ²² **Куправа А. Э.** История кооперации... С. 126.
- ²³ **Партархив.** Д. 3793. Л.77.
- ²⁴ **Там же.**
- ²⁵ **Куправа А. Э.** История кооперации... С. 127,128.
- ²⁶ **Партархив.** Д. 3793. Л. 80.
- ²⁷ **ЦГАА,** ф.157. Д.1. ЛЛ.18,19.
- ²⁸ **Партархив.** Д.3793. Л.86.
- ²⁹ **Там же.** Л. 84.
- ³⁰ **Там же.** Л. 86.
- ³¹ **Куправа А. Э.** Ликвидация неграмотности населения в Абхазской АССР. – Сухуми. 1979. С. 62–85.
- ³² «Советская Абхазия», 19 января 1930.
- ³³ **Там же.** 19 февраля 1930.
- ³⁴ **Партархив.** Д. 3793. Л. 87.
- ³⁵ **Там же.** Л. 88.
- ³⁶ **Там же.**
- ³⁷ **Там же.** Ф.14, оп.1, ч. III. Д..3982. ЛЛ. 123,124.
- ³⁸ **Инал-ипа Ш. Д.** Дурипш. С. 37.
- ³⁹ **Куправа А. Э.** История кооперации Абхазской АССР (1921–1929 гг.). – Тбилиси, С. 360, 361.
- ⁴⁰ **Партархив...** Д. 3982. Л. 126.
- ⁴¹ **Там же.** Л. 129.
- ⁴² **Там же.** Л. 130.
- ⁴³ **Там же.**
- ⁴⁴ **Там же.** Л. 131.
- ⁴⁵ **Там же.**
- ⁴⁶ **Там же.** Л. 132.

- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. Л. 133.
- ⁵⁰ Там же. Л. 120.
- ⁵¹ Там же. Л. 121.
- ⁵² Там же. Л. 1.
- ⁵³ Там же. Л. 3.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. Л. 5.
- ⁵⁶ Там же. Л. 7.
- ⁵⁷ Инал-ипа Ш. Д. Дурипш. С. 37.
- ⁵⁸ Ладария Н. Гора Дидрипш. «Сотрудник Закавказской миссии», 1913, №1, с.12.
- ⁵⁹ Партархив... Д. 3982. Л. 9.
- ⁶⁰ Там же. Л. 11,12,25.
- ⁶¹ Там же. Л. 12.
- ⁶² Там же. Л. 10.
- ⁶³ Там же. Л. 14.
- ⁶⁴ Там же. ЛЛ. 26,27.
- ⁶⁵ Там же. Л. 27.
- ⁶⁶ Там же. Л. 35.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же. Л. 36.
- ⁶⁹ Там же. Л. 45.
- ⁷⁰ Там же. Л. 36.
- ⁷¹ Хашба М. События двадцатых и тридцатых годов в Абхазии. Воспоминание. С. 3,4.
- ⁷² Партархив... Д. 3982. Л.37.
- ⁷³ Там же. Л. 49.
- ⁷⁴ Хашба М. События... С. 6.
- ⁷⁵ Материалы по истории Абхазии... С.10.
- ⁷⁶ Хашба М. События... С. 8,9.
- ⁷⁷ Партархив... Д. 3982. ЛЛ. 51,52.
- ⁷⁸ Там же. Л. 53.
- ⁷⁹ Материалы по истории Абхазии... С. 11.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же.

- ⁸² Партархив... Д. 3982. ЛЛ. 53,54.
- ⁸³ Материалы по истории Абхазии... С. 11.
- ⁸⁴ **Там же.**
- ⁸⁵ **Станислав Лакоба.** Очерки политической истории Абхазии. С. 89.
- ⁸⁶ **Козлов Г. А.** Дурипшское восстание. Докладная записка секретарям ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу, П. П. Постышеву // «Форум», 13 марта 2006 г.
- ⁸⁷ **Хашба М.** События... С. 11.
- ⁸⁸ **См.: Козлов Г. А.** Дурипшское восстание... «Форум», 13 марта 2006.
- ⁸⁹ **Там же.**
- ⁹⁰ Партархив... Д. 3982. Л. 3.
- ⁹¹ **Там же.** Л. 5.
- ⁹² **Там же.** Л. 52.
- ⁹³ **Там же.** Л. 47.
- ⁹⁴ **Там же.** Л. 10.
- ⁹⁵ **Хашба М.** События... С. 4, 5.
- ⁹⁶ **Сагария Б.** О трагических страницах в истории Абхазии. – Сухум, 1995. С. 11.
- ⁹⁷ Партархив... , ф. 14, оп.1, ч. III. Д. 3548. Л. 61.
- ⁹⁸ Материалы по истории Абхазии... С. 12.
- ⁹⁹ **Хашба М.** События... С. 15,16.
- ¹⁰⁰ **Лакоба С.** Гримасы писателя в зеркале истории. // «Республика Абхазия», 31 октября–2 ноября 1996.
- ¹⁰¹ **Марыхуба И.** Ефрем Эшба. – Сухум, 1997. С. 132,133.
- ¹⁰² Материалы по истории Абхазии... С. 12.
- ¹⁰³ Партархив... Д.3982. ЛЛ.70–71.
- ¹⁰⁴ **Хашба М.** События... С. 11,12.
- ¹⁰⁵ **Советы Абхазии (1922–1937 гг.).** – Сухуми, 1976. С. 252–254.
- ¹⁰⁶ **Там же.** Л. 255.
- ¹⁰⁷ **Куправа А. Э.** История кооперации Абхазской АССР (1929–1937 гг.). С. 159,160.
- ¹⁰⁸ ЦГАА, ф. 191. Д. 2. ЛЛ. 61,62.
- ¹⁰⁹ Партархив..., ф.14, оп.1, ч. II. Д. 3516. ЛЛ. 23–27.
- ¹¹⁰ **Хашба М.** События... С. 13.
- ¹¹¹ **Там же.** С. 14.
- ¹¹² **Лакоба Н. А.** Статьи и речи. – Сухуми, 1983. С. 387.

- ¹¹³ **Станислав Лакоба.** Очерки политической истории Абхазии. С. 91.
- ¹¹⁴ Партархив..., ф.13, оп.1, ч. III. Д. 2960. ЛЛ.5,6.
- ¹¹⁵ **Сагария Б. Е.** Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии. – Сухуми, 1981. С. 220.
- ¹¹⁶ **Там же.** С. 223.
- ¹¹⁷ **Там же.** С. 225.
- ¹¹⁸ **Станислав Лакоба.** Очерки политической истории Абхазии. С. 90, 91.
- ¹¹⁹ ЦГАОР ГССР. Ф. 284. Оп. 2. Д. 44. Л. 1.
- ¹²⁰ **См.:** Абхазия в советскую эпоху. Абхазские письма (1947–1989). Сборник документов. Т.1. – Сухум, 1994. С. 526.
- ¹²¹ **Марр Н. Я.** О языке и истории абхазов. – М.-Л.: 1938. С. 396.

Часть вторая

АПСУАРА – ТРАДИЦИОННАЯ

КУЛЬТУРА АБХАЗОВ

Вступление

Понятие и лексема *аңсуара* (*апсуара*) зародились в народе ещё в далёком прошлом. В письменных источниках это слово впервые было использовано в 1920 г. основоположником художественной абхазской литературы Д. И. Гулиа. Сегодня в абхазском обществе люди, рассуждая о нравственных ценностях, об основах традиционной культуры, о лучших качествах человеческой личности, широко пользуются словом *апсуара*. В этом отношении весьма примечательно народное благопожелание: «Чтобы ты был всегда вместе с *апсуара*» («*Аңсуара уагымзааит*»). В это изречение говорящий вкладывает желание видеть в человеке олицетворение *апсуара*, т. е. те черты, которые в народном сознании неразрывно связаны с представлениями об идеальной личности – это честь и совесть, человеколюбие, благородство и галантность, мужество, гостеприимство, уважение к старшим, выдержанность, скромность, терпение и другие лучшие человеческие качества.

Об *апсуара* пишут ученые, писатели, деятели культуры с ностальгией, с сильным желанием возродить его утерянные нравственные ценности.

Ученые признают актуальность научного исследования феномена *апсуара*, ставится вопрос о создании кодекса *апсуара* – подлинного его сводного текста. Некоторые считают нужным ввести в школьную программу преподавание курсов основ *апсуара*.

Такое стремление вполне понятно. Ибо в наше тяжкое время, когда вокруг происходит много такого, что омрачает жизнь человека, когда массово допускаются такие унижительные поступки, которые недавно, на памяти ныне живущих, отвергались и резко осуждались законами и нормами *ансуара*, люди ищут избавления от зла путем возрождения утерянных духовных ценностей. Известный абхазский этнолог, профессор Ш.Д. Инал-ипа в статье «К изучению абхазского народного кодекса *«ансуара»*» подчеркивает следующую мысль: «Мы должны понимать, что длительный отказ от *«ансуара»* даже в тяжелейших современных условиях губителен для нашего народа. Жертвуя ею, мы превратимся в ничем не связанную массу без своего национального лица... В нас возникла тревога. И хорошо: происходящее не оставило нас равнодушными. Именно эта тревога заставила задуматься о возрождении *«ансуара»*. Проблема не просто в том, чтобы выжить, нужно, чтобы выжил непереродившийся народ. Сама по себе *«ансуара»* не возрождается»¹.

Люди питают надежду возродить *«ансуара»*. Но как? Вообще, что такое *ансуара*? Кто и как его создавал и совершенствовал? В какой среде *ансуара* функционировал? Когда и как он подвергался разрушению, девальвации?..

Понятие *ансуара* трудно поддаётся описанию, определению, анализу. Оно не имеет лексического аналога в русском языке, а его буквальное значение – «абхазство» – весьма условное, образное. С 1960-х годов абхазские учёные делают попытки трактовки понятия *ансуара* и его системы, предложив десятки определений. Одни толкуют его в широком смысле, включая в это понятие всю бытовую культуру абхазов в её материальных и духовных компонентах, в том числе язык, верования и т.д. Большинство же авторов рассматривают *ансуара* в узком смысле, прежде всего, как совокупность самобытных абхазских традиций и обычаев, охватывающих соционормативную и гуманитарную сферы этнической культуры.

По Ш. Д. Инал-ипа *ансуара*: – «это исторически сложившаяся форма проявления национального самосознания и самоутверждения абхазов как этнической индивидуальности; неписанный кодекс

народных знаний и ценностей, основанный на гуманистических и демократических началах, обнимающий собой систему обычаев и представлений о принципах духовного и нравственного бытия человека, нарушение которых «смерти подобно» («Ацсуа ицсырта иламыс ауп»); эстетические нормы поведения, включая речевые; вообще своеобразие традиционной культуры абхазского народа как части общекавказской и мировой цивилизации»².

Ученый рассматривает *ансуара* как область абхазской оригинальной культуры, в основном духовной. Данное определение содержит ключ к познанию *ансуара* путем историко-этнографического и этно-психологического изучения.

Лапидарностью отличается определение историка Е. К. Аджинджала. Он пишет: «*Ансуара*» — это «сакральный кодекс (конституция) духовного космоса абхазов»³. Здесь подчеркивается существенная роль религиозно-обрядовой (сакральной) стороны в духовном содержании *ансуара*.

Антрополог П. К. Квициния предлагает такую дефиницию: «*Ансуара* — свод морально-этических ценностей и норм поведения абхазов, выработанных традиционной культурой абхазов и призванный служить духовному единению и развитию абхазского народа»⁴.

Писатель Н. Ч. Хашиг в книге «*Ансуара*» пишет: «*Ансуара* — это национальный характер, который выработан умом и совестью народа; «*ансуара*» объединяет все стороны народной жизни, поведение (людей), взаимоотношение и мировоззрение, этническую культуру. Иначе говоря, «*ансуара*» — это духовная культура, которая интегрирует всю нацию»⁵.

По определению философа О. Н. Дамения, *ансуара* — это «рыцарство, благородство, галантность, совесть, мужество, героизм, отвага, гуманность, доброта, душевность... Абхазская национальная культура, объединяющая абхазов и в старину, и в новое время, делает нас самостоятельным народом»⁶. Далее он отмечает: «*Ансуара* — это академия... это выражение древней культуры абхазов... это живая древность, содержит глубокое мировоззрение, нормы и правила повеления народа»⁷.

Другой абхазский философ М. Б. Квициния, рассматривая соотношение системы *ансуара* и национального характера, предлагает следующее определение: «*Ансуара* – это этносоциологический феномен, сформировавшийся в ходе складывания абхазского этноса (в начале в художественной культуре абхазов), ставший в историческом развитии выше эстетических, религиозно-нормативных представлений, вобравший в себя высшие законы абхазского общества». Развивая эту дефиницию, она пишет, что «*ансуара* – это духовно-практическая система, включающая в себя исходные принципы отношения человека ко всем сторонам жизни: социальной, производственной, семейно-бытовой и т. д.»⁸.

Этнолог Г. В. Смыр не раз обращался к вопросу *ансуара*. «*Ансуара* или «абхазство» – на его взгляд, – это общеабхазская народная система мировоззренческих, этических, эстетических, педагогических и правовых эталонов, регулирующих все стороны жизни и деятельности абхазского этноса в целом и каждого его члена в отдельности: это обязательные принципы, нормы и установки взаимоотношения и формы общения с окружающей средой». Отметив связь *ансуара* с религиозными догмами, с мирно переплетавшимися в сознании абхазского народа языческими, христианскими и мусульманскими понятиями, Г. В. Смыр пишет, что у абхазов «сохранялись и передавались из поколения в поколение те религиозные догмы и культы, которые вписывались и служили главнейшим интересам *ансуара*: сохранению абхазского народа, как абхазов на уровне самых цивилизованных (рыцарских) народов, с высокой нравственно-этикетной и традиционной культурой...»⁹.

По определению историка Р. Х. Гожба, «*ансуара* – это нравственно-моральный и духовно-религиозный кодекс чести и нравов абхазов и человека вообще»¹⁰.

Искусствовед А. Г. Ашхаруа рассматривает *ансуара* и идентичный ему кодекс нравственности адыгов «адыгагъэ» как кодекс нравственности, объединяющий людей на основе любви и приверженности к нравственным ценностям в целях совершенствования человеческой личности. Она пишет: «Быть человеком – вот главная цен-

ность, которая способствовала созданию общества, основанного на нравственной чистоте, с традиционной горской моралью, обусловленной подлинной свободой самообладания каждого члена общества, т. е. реальным владением душевной, духовной и телесной энергиями»¹¹.

Этнолог В. Л. Бигуаа считает, что «ансуара — основа нравственной культуры абхазов»¹². Ученый понимает *ансуара* как форму этнического сознания, как этнический аспект общественных отношений, как этнический способ регулирования действий людей во всех сферах жизни.

Языковед К. С. Шакрыл рассматривает *ансуара* в широком смысле, относит к нему «все, что принадлежит абхазскому», включая абхазский язык, поведенческие манеры¹³.

Языковед Т. П. Шакрыл также расширительно толкует *ансуара*, включает в это понятие все то, что принадлежит народу¹⁴.

Философ М. А. Лабахуа считает, что следует *ансуара* толковать как в узком, так и в широком смысле. Он предлагает следующую дефиницию: «*Ансуара* в широком плане — исторически сложившаяся совокупность природных, хозяйственно-бытовых, социально-политических условий существования абхазского народа, обуславливающих национальное самосознание и нравственно-эстетические ценности, проявляющиеся в виде обязательных для исполнения неписаных гуманистических и демократических правил поведения, обычаев, традиций, этикета и ценностей»¹⁵. Автор подчеркивает неразрывную связь нравственных и эстетических ценностей со средой обитания человека, с материальной основой его жизнедеятельности.

В работе историка Р. Г. Читашевой приводятся дефиниции *ансуара*, сформулированные историками, философами, искусствоведами, писателями и другими представителями творческой интеллигенции. В отдельных случаях она дает свои комментарии, отмечает, что «невозможно одним определением охватить *ансуара*» до проведения комплексных исследований и составления полного сводного перечня сторон его системы. Она пишет: «*Ансуара* — это неписаные

в энном количестве томов кодексы, соотнесенные с общечеловеческими и общекавказскими культурологическими ценностями, основанные на гуманных и демократических началах, охватывающие все обязательные исходные принципы, нормы, установки, взаимоотношения и формы общения с окружающей средой»¹⁶.

Ученые Г. А. Калимова и В. А. Чирикба *ансуара* рассматривают «как совокупность морально-этических норм поведения, охватывающих все формы общественной жизни абхазов и сложившихся в результате длительного исторического процесса развития народа. *Ансуара* – это стиль жизни каждого абхаза, который сопровождает его с рождения до смерти»¹⁷.

В приведенных определениях можно выделить, на наш взгляд, следующие существенные моменты: 1. Неразрывная связь *ансуара* со средой обитания, материальными условиями жизни народа; 2. *Ансуара* – это сфера традиционной народной культуры абхазов; 3. Основная ось *ансуара*, делающая ее морально-этическим кодексом народа, – это ее нравственная, духовная сущность; 4. Этнический аспект *ансуара*, своеобразие, которое лежит в основе традиционной культуры абхазского народа как части общекавказской и мировой цивилизации; 5. *Ансуара* – категория историческая, формируется в ходе складывания абхазского этноса; 6. *Ансуара* – это морально-нравственная основа объединения людей, сплочения их в самостоятельный этнос.

Литературовед В. Ш. Авидзба рассматривает в широком аспекте вопросы *ансуара* и современности¹⁸. Он подчёркивает, что нравственные принципы традиционных абхазов: регламентировали правила и нормы жизнедеятельности человека, определяли понимание действий, которым надо было следовать. В *ансуара* «земная жизнь» человека весьма уважалась, но не абсолютизировалась; «земная жизнь» рассматривалась как часть мира человека, часть его космоса. Отмечает важнейший принцип *ансуара* – первенство нравственных и духовных ценностей в жизнедеятельности человека, разумное соотношение духовного и материального в повседневной жизни.

Опираясь на нравственные и духовные ценности *ансуара*, – счи-

тает В. Авидзба, – народ сохранил себя, свою культуру, свой менталитет, национальный характер и этнопсихологию. Если бы народ не выработал свои правила, законы, нормы жизни, если бы не располагал этнически осмысленными укладом жизни, обычаями, своими нравственными понятиями – малочисленный абхазский народ мог раствориться среди других народов.

Учёный касается исторических факторов, которые постепенно ослабляли действие норм и законов *апсуара* в новое и новейшее время. Например, абхаз ещё в XIX в. «считал за величайший стыд быть торгашом в лавке», считал «всякую продажу, торгашество... грязным делом, оскорбляющим достоинство человека». И ставит вопрос: а как теперь, в современных условиях развёртывания товарной экономики, сохранить нравственные принципы, которые лежали в основе народного быта, обычаев, традиций, породивших понятие *апсуара*? Поднимает и другие существенные вопросы современности и *апсуара*, в том числе свободы и независимости страны – важнейшей составляющей *апсуара*.

В последние годы опубликован ряд работ, посвящённых данной проблеме. Г. В. Смыр рассмотрел вопрос об абхазской государственности и *апсуара*, о необходимости использования традиционных форм народовластия на современном этапе, о месте апсуара в развитии независимой Абхазии¹⁹. Р. Г. Читашева посвятила абхазской этнокультурной системе *апсуара*, её эволюции, современному её состоянию и проблемам диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук²⁰. В ней имеются положения о базовых принципах и нормах *апсуара*, о национальном характере абхазов, о соотношении религиозного и нерелигиозного в этнокультурной системе *апсуара*. Языковед Л. Х. Саманба в работе «Некоторые заметки об *апсуара*» рассматривает вопрос о месте абхазского языка в *апсуара*, говорит об отношении представителей других народов к абхазской народной культуре²¹. Писатель Н. Ч. Хашиг проблеме *апсуара* посвятил монографию²², в которой представлен иллюстративный материал, раскрывающий основы *апсуара*. Предпринял попытку показать объективные исторические обстоятельства,

способствовавшие разрушению основ *апсуара* в условиях царизма и советского строя, указал на актуальные вопросы состояния быта и культуры абхазов на современном этапе.

Уже появились работы, в которых *апсуара* рассматривается в связи с процессами современной глобализации, в аспекте абхазской и мировой философской мысли. Абхазский философ, доктор философских наук В. Р. Бганба, предприняв попытку раскрыть основание абхазской философии, касается вопросов этики и морали абхазов и предлагает следующую трактовку феномена *апсуара*: «*Апсуара* (абхазство) – это компонент жизненного мира (положительного опыта) личности и общества. Развитие абхазской этики – это непрерывный процесс, в ходе которого абхазское сознание отвоёвывает порядок у хаоса, сужая шаг за шагом энтропию, сферу коллективного, бессознательного. *Апсуара* – это духовный кодекс чести абхазов, т.е. единство морального и религиозного долга, возведённое в абсолютную ценность, не допускающее безнравственных поступков человека»²³.

Богослов Л. Е. Аджинджал, абстрагируясь от этнографического содержания *апсуара*, предпринял попытку рассмотреть *апсуара*, в первую очередь, как мировоззрение, мироощущение в ракурсе вызовов современной Абхазии, заглядывая, по-своему, в его будущее. В то же время выделяет некоторые характерные черты *апсуара*²⁴.

Вопросы апсуара обсуждаются и в периодической печати. Доцент И. Н. Садзба считает необходимым создание при Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа научной группы для изучения проблемы *апсуара*²⁵. Кстати, отдел этнологии этого института уже приступил к этой работе. Член совета старейшин Гудаутского района, педагог Э. К. Царгуш ставит вопрос о создании фундаментальной книги «Основы апсуара» и преподавании этого предмета в школах²⁶. Журналист Алиса Гуажба в статье «Что такое *апсуара*?» отмечает особое место семьи в сохранении нравственных устоев в быту, обычаях, традициях. «*Апсуара*, – пишет она, – должна рождаться в абхазском очаге, в абхазской семье, там должна брать своё начало и развитие. Воспитание по-абхазски, даваемое в

семье, есть *ансуара*»²⁷. Она ставит вопрос о локальных особенностях обычаев и традиции. Как абхазский язык состоит из диалектов, так и в системе и подсистемах *ансуара* имеются некоторые особенные черты, характерные для отдельных регионов. Подобное имеет место даже внутри одного региона.

Автор настоящей работы касается проблем *ансуара* с точки зрения историка. Первые наброски по этой теме им были сделаны в начале 90-х годов. Война прервала работу. Две первые главы, включенные в предлагаемое издание, дважды издавались²⁸. Читателю было обещано в следующих главах осветить ряд вопросов абхазской традиционной культуры, в частности, важнейшие морально-психологические категории *ансуара*; *ансуара* глазами представителей других народов; *ансуара* и советская цивилизация; *ансуара* и современные проблемы воспитания. Данное издание является лишь частичным осуществлением первоначального намерения.

В *ансуара* можно выделить следующие структурно образующие подсистемы: а) основополагающие мировоззренческие идеи, представления, понятия, в семантике которых описывается и упорядочивается историческое и социальное пространство бытия, что находит выражение в религиозно-мифологических воззрениях, принципах народной философии, эстетики, народной педагогики и т.д.; б) традиционные институты, канализирующие в обществе процессы социальной коммуникации и взаимодействия, такие, как гостеприимство, взаимопомощь, родство, старшинство и др.; в) традиционный народный этикет, в рамках которого происходит поведенческая репрезентация индивида как личности и как члена общественной группы — родственной, классовой, возрастной, профессиональной, гендерной и т.д.

Каждая подсистема *ансуара*, в свою очередь, состоит из нескольких подсистем, охватывающих ситуационное многообразие реальной социальной действительности, в пределах которой может действовать индивид. Естественно, что все подсистемы неразрывно связаны между собой и отделить одну от другой, не исказив при этом этнографической сущности явления, практически невозможно.

Важнейшую роль в структуре *апсуара* играют его категориальные принципы – определённые этические концепты, формирующие идеальные установки социального поведения. Например, важнейшей из них является категория *аламыс* или *анамыс* (в пер.: совесть). Для абхаза это понятие имеет вполне конкретное этническое содержание, что выражается в определении «*аҭсуа иламыс*» (в пер.: «совесть абхаза»). В абхазской среде любой поступок и действие человека оценивается исключительно с точки зрения их соответствия категории «*аламыс*». Поведение «не по совести», какими бы рациональными соображениями либо юридической легитимацией оно не оправдывалось, влечёт за собой падение престижа человека в глазах окружающих.

Следовательно, *апсуара* – ёмкое понятие. Исследование *апсуара*, тем более составление подлинного сводного текста *апсуара*, требует объединения усилий компетентных учёных самых различных областей знаний, а также деятелей культуры – знатоков и носителей законов и норм *апсуара*.

Глава I. Географическая и историческая среда формирования апсуара

1. Роль географического фактора

Апсуара, как и любая другая ценность, созданная человеческим разумом и деятельностью, формировалась во времени и пространстве, в определенных географических и исторических условиях.

Возможно мы еще недостаточно полно уясняем себе место гео-

графического фактора в развитии общества¹. Знаем, что рельеф, флора, фауна, климат в комплексе взаимодействуют с обществом, как в процессе развития производства, так и культуры. Географическая среда воздействует на все стороны человеческой деятельности на всех этапах человеческой истории. И тем не менее нам трудно определить степень этого воздействия.

Формирование рас протекало под воздействием различных природных факторов. И племена, и народы развиваются в условиях конкретной географической среды. И нередко эти условия резко отличаются. Известно, что среда обитания народа влияет на уклад его жизни, темперамент, черты характера, психологический склад. Чем резче географические различия среды общественного развития, тем сильнее, например, и психологические различия между народами, живущими в резко контрастных условиях.

Географическая среда нередко объединяет народы, несмотря на их внутренние различия. В определенных условиях она разъединяет один народ. Внутри одного народа выделяются части или группы с определенной внутренней спецификой. Например, наряду с другими факторами, на формирование диалектов абхазского языка — садзского, бзыбского и абжуйского — большое влияние оказали, очевидно, ландшафтные факторы. Все они возникли в южной части Северо-Западного Кавказа, в пределах территории относительно незначительного по размеру региона, и внутри не очень многочисленных племенных образований. Но разобщенность племен, вызванная горным рельефом и условиями быта, сыграла свою роль.

Лингвисты обращают внимание на лексическое богатство абхазского языка. Проживая в предгорной и прибрежной морской зонах, в условиях богатейшего разнообразия рельефа, почв, растительного и животного мира и т. п., древнейшие абхазские племена давали названия всему, что их окружало. Лексика отражала как конкретные, так и обобщенные понятия, связанные со средой обитания, с явлениями природы, хозяйственной деятельностью, познавательным процессом и т. д. Отсутствие письменности на ранних стадиях развития культуры даже способствовало совершенствованию языка, так

как заставляло устно излагать и запоминать всю совокупность накопившихся в те времена знаний. А знания эти были отнюдь не так уж малы. Условия жизни предъявляли требования к познанию окружающего мира и самого себя.

Человек непрестанно наблюдал за окружающим миром, воспринимал его в данной конкретной обстановке таким, каким он его видел и ощущал. Давая названия конкретным существам, предметам, явлениям и т. д., он в эти наименования вкладывал определенный смысл, внутреннее логическое содержание, в котором отражалась какая-то наиболее характерная черта, присущая данному существу, предмету, явлению.

Лингвист Р. К. Гублия отмечает специфическую особенность топонимической системы западной части Абхазии, где корневой частью группы гидронимов является «*пс*» с исходным значением «движущаяся масса», «поток». И давая названия рекам этого региона, абхаз к «*пс*» добавлял «различные компоненты, отличающие один гидроним от другого» по длине, скорости, направлению течения и т. д. в зависимости от ландшафтных условий².

Воздействие географического фактора, особенно на ранних этапах развития племен и народов, а также и в дальнейшем, является непосредственным. Это воздействие оставляет более яркие следы в сфере производственной деятельности (направление хозяйства, занятия, состав орудий труда и т. д.), материальной культуры в целом.

Исследования этнологов, археологов, историков, фольклористов, биологов, географов и др. содержат богатейший конкретный материал, показывающий влияние экологии на материальную культуру народа. Не вдаваясь в подробности этой большой и интересной темы, остановимся лишь на некоторых примерах влияния среды обитания на материальную культуру и жизнедеятельность народа.

Влияние географической среды находит яркое выражение в типе абхазских поселений. Абхазы, так же, как и убыхи, причерноморские черкесы, мегрелы и другие соседние народы, живущие в идентичных ландшафтных условиях, имеют хуторское поселение. Абхазская община (ақыта) занимала большое пространство, общин-

ники строили дома кто где хотел – поблизости рек, на холме, косо-горе и т. д., на значительном расстоянии друг от друга. Вас. Немирович-Данченко абхазскую деревню второй половины XIX в. описывает так: «Шалаш, куда вошли мы, был только началом абхазского поселка, лучше починка. За полверсты стояла другая лачуга, от нее сажень за полтора – третья. Четвертая в сторону забилась, пятая на верхушку холма забралась и закуталась там от постороннего взгляда в зеленое облако дубовой рощи... Всего – хижин двадцать, а разбросались верст на восемь»³.

Усадьба абхаза состояла из двора, огорода, огороженного участка для выпаса скота, пахотных полей. В ней каждая постройка – и жилая, и хозяйственная – имела свое место, вписывалась в рельеф; каждое растение – и декоративные деревья, в тени которых отдыхал человек, и фруктовые деревья, за которыми заботливо ухаживал хозяин, и виноградный сад, и дорожка к роднику, и огород, и кукурузное поле, и линия лесной опушки, и луг для пастбища, и пасека, и поле, и река, и пр., составляли ансамбль пейзажа, часть единого целого – пейзажа абхазской земли. И этот ансамбль некогда являлся нормой бытования в культуре⁴.

Природные и почвенно-климатические условия определяют, главным образом, хозяйственные занятия людей, специфику развития отраслей хозяйства – земледелия, скотоводства, виноградарства и виноделия, пчеловодства, охоты и рыболовства; ремесел, а также мореходства, вооружения (абцъарматэа) и др.⁵.

Археологические и этнографические исследования, материалы письменных источников, в том числе и сообщения иностранных авторов, бывавших в Абхазии в XVII–XIX вв., свидетельствуют о многопрофильности сферы хозяйственной деятельности местного населения, широких исторических связях с сопредельными передовыми цивилизациями Ближнего Востока и Средиземноморского бассейна, которые уходят в глубь тысячелетий.

Теплый климат, богатейшее разнообразие лесных ресурсов, дикорастущих плодовых, животного мира, обилие рек и Черное море не только благоприятствовали хозяйственной деятельности челове-

ка, но и разнообразили ее, делая труд более созидательным, творчески осмысленным и интересным.

Сельскохозяйственные работы велись почти круглый год, перебив в полевых работах был коротким (декабрь-январь), а огородничеством можно было заниматься и в зимнее время. В результате крестьянин, хотя и пользовался довольно примитивными орудиями труда, не испытывал такого напряжения сил, как крестьянин, живший в более суровых природных условиях. Благоприятный ритм сельскохозяйственной деятельности давал возможность абхазскому крестьянину не только разнообразить труд, но и выбирать любимые для себя дополнительные занятия (конный спорт, охота, народные спортивные игры и состязания и т. д.), а также он имел возможность широко общаться с людьми, выделить время для поездок к родственникам, проживавшим вдали, а также для удовлетворения своих повседневных духовных потребностей.

Например, в этнокультурной системе апсуара видное место занимает искусство верховой езды. Высокий уровень её культуры свидетельствует о древности истории развития коневодства и конного спорта. Проф. Г. А. Амичба, специально исследовавший данную проблему, обстоятельно обосновывает собственный путь развития конно-спортивной культуры, показывает традиции и особенности верховой езды абхазов; описывает культ лошади, систему неписаных правил ухода за лошадью, конскую сбрую, джигитовку или искусство наездничества и садиться на коня, виды конных соревнований; касается лексики, песен и премий, связанных с этой культурой и т. д.⁶ И в наши дни конный спорт в Абхазии является весьма популярным. Ни один народный праздник здесь не обходится без конно-спортивного соревнования.

Таким образом, благоприятные природно-климатические условия для ведения сельского хозяйства оказали прямое воздействие на уклад и образ жизни народа, определили во многом и национальный характер абхазов.

Природно-географический фактор обусловил особенности абхазской общины, своеобразие горского феодализма. В целом можно

сказать, что абхазское патриархальное крестьянство, патриархальное не столько в экономическом отношении, сколько по своему менталитету, не приняло капитализма, а также активно противодействовало социалистическому преобразованию сельского хозяйства.

Климатические, природно-географические и другие естественные условия оказали значительное влияние на форму и конструкцию жилых и хозяйственных построек⁷. Основная масса населения строила свои жилища из плетения и бревен. Древняя абхазская конусообразная плетеная хижина (ақэацэ) дошла вплоть до середины XX в. Еще в первые годы Советской власти я был очевидцем того, как в нашей деревне Река многие крестьянские семьи (даже почетный князь Михел Шат-ипа – наш сосед) предпочитали жить в четырехугольной апацхе, изящно сплетенной из рододендрона. Здесь готовили и принимали пищу, порою пели, танцевали, веселились, импровизировали до поздней ночи сюжеты из устного народного творчества. А посередине апацхи находился очаг, в зимнее время костер из бревен граба не только согревал людей, но и создавал сказочную атмосферу в уютном однокомнатном жилище, поднимая душевный настрой сказителей и слушателей. В этой апацхе присутствовала своеобразная поэзия жизни. Здесь человек чувствовал себя уютнее. А другая форма жилища – «акуаскиа» (акэаскья) – более обширный дощатый дом – первоначально была предназначена для приема гостей, а со временем и для ночлега хозяев.

Некоторые авторы, особенно иностранные путешественники, усматривали в плетеной хижине только бедность и дикость. А Вас. Немирович-Данченко обратил внимание на атмосферу, царившую в этой абхазской избе: «благоухающую чистоту..., изящество обращения с гостем, которое абхазцы [впитали в себя с молоком матери]... Обитатель этого шалаша нисколько не стыдился своей бедности, и владетельный принц едва ли мог бы принять нас с таким же достоинством и радушием». Затем приводит слова хозяев: «Мы живем бедно... Не строим каменных домов. Тепло!...». И далее он продолжает: «И действительно, плетеные стены, свободно пропускаю-

щие благоуханный воздух, – гораздо лучше каменной темничной кладки, возведенной точно для того, чтобы внутри ее копились смрад и духота от бесчисленных, плодящихся там поколений»⁸.

Сложным элементом материальной культуры является одежда абхазов⁹. Ученые отмечают национальный колорит одежды, зависимость ее от климатических и природно-географических условий, хозяйственного и общественного строя, быта, эстетических потребностей и т. д. Любую одежду – мужскую и женскую, рабочую и парадную и т. д., включая все, от обуви до головного убора, абхазы делали преимущественно из местного материала. Одежда приспособлялась к характеру местности и роду занятий человека, к его телодвижениям¹⁰. Например, популярная у абхазов – акэымжэи акабаеи – черкеска с бешметом – древнейший и наиболее распространенный вид мужской одежды, имеет разное предназначение. Черкески бывают парадные – для выхода на сход и торжества, для жителя горной и низменной местности, для воина, пастуха. Они отличаются по длине пола и другим вариациям, естественно, и по качеству материала, цвету.

Обязательным атрибутом экипировки абхазского всадника была бурка (ауапа) – своего рода плащ-накидка из черного косматого войлока (ауапхэылда). Широкие и высоко поднятые её плечи придают фигуре носителя величественную осанку. По мнению ученых, бурка – древнейший вид одежды абхазов. Она универсальна по своему назначению – в непогоду защищает всадника и его коня, круп которого покрывает от дождя, снега, холода. Она заменяет постель и палатки во время походов воинам, а сегодня нередко и пастухам на горных пастбищах. В хорошую погоду бурку сворачивали в виде валика и привязывали к задней луке седла.

В абхазском фольклоре часто фигурирует бурка, причем в самых различных ипостасях. К примеру, вспомним случай из поэмы И. Когония «Абатаа Беслан». Однажды молодой мужчина с молниеносной быстротой увозил на коне свою невесту – дочь хана, которую он похитил. Когда отец девушки стал его настигать, жених, мгновенно соскочив с коня, постелил свою белую бурку на землю и по-

садил на нее возлюбленную; а девушка попросила: «Не убивай отца!». В этом экстремальном эпизоде отмечается, как находчивый и мужественный юноша в критический момент обнаруживает еще одно функциональное назначение бурки.

Отметим еще одну старинную принадлежность абхазской мужской одежды, головной убор оригинальной формы – башлык (ахтырца). Абхазы носят его по-разному: повязывают им голову в виде чалмы, иногда концы башлыка закидываются за спину или падают сбоку. Вас. Немирович-Данченко отмечает: «Удивительно красиво умеют абхазы повязывать себе голову башлыком, служащим им вместо шапки»¹¹. Е. А. Мартель, описывая абхазский башлык, указывает на его многофункциональность: «... в условиях быстро меняющейся капризной атмосферы он служит шапкой, тюрбаном, дождевым зонтом, зонтом от солнца, шарфом и пелериной, смотря по обстоятельствам; свойство этого капюшона свертываться, скатываться и развертываться с бесконечной искусностью, делает его радостной находкой для художников»¹². В необходимых случаях башлык можно было использовать для перевязки перелома или вывиха, а также для связывания противника при внезапной встрече с ним в лесу или в горах и т. д.

Традиционным элементом материальной культуры абхазов является алабаша (алабашья) – деревянный посох с железным наконечником и крючком на верхнем конце в виде естественного отвления. Она делается из дерева крепкой породы, преимущественно из тщательно обработанных молодых елок, клена, красного дерева или кизила. С алабашей ходили в основном мужчины преклонного возраста и старше. Она, как и хорошо ухоженные усы, служила признаком солидности и почтенности. Алабаша главы рода переходила по наследству как символ семейно-родовой реликвии.

Алабаша выполняла различные функции. По мнению специалистов, в древности она служила простейшим оружием; она была опорой во время ходьбы по гористой местности, помогала преодолевать препятствия в пути, была опорой при стрельбе в цель, служила своеобразной трибуной для оратора, который, вонзив алаба-

шу в землю, а временами опираясь на нее, произносил речь перед народным сходом. «Алабаша была неразлучным спутником всякого охотника и пастуха», – пишет Ш. Инал-ипа¹³.

Алабаша дошла до нового и новейшего времени. Известно, что на дурипшский сход (1931 г.) пожилые люди приходили с алабашей в руках и занимали первые почетные ряды; патрулировавшие дорогу к сходу, также были с алабашей. В пору моего детства, в 30-е годы, многие пожилые крестьяне на колхозные собрания и различные сельские сходы являлись в национальной одежде и непременно с алабашей. Наш сосед, потомственный пастух Кичо Заракуа, бодрый и крепкий старец, без своей алабаши не выходил из дому, она с достоинством сопровождала его повсюду.

И теперь некоторые люди в годах предпочитают выходить в общество с алабашей. Например, 10 февраля 2000 г. на похороны Пачулиа Шоты в г. Сухум приехали с алабашей Джинджиа Чичико (85 лет) из с. Пакуаш и Хаджимба Владимир (78 лет) из с. Арасадзых. Это вполне бодрые старики, участники ансамбля долгожителей «Нартаа», для них алабаша, как сказал В. Хаджимба, атрибут традиционной культуры, входит в комплект одеяния абхаза «Алабашья адсуа иматэа иацуп». К нашему разговору подключились приехавшие из с. Пакуаш Бобуа Валико и Чачхалиа Сауле, которые сказали: «В своей деревне мы без алабаши не ходим на похороны и другие места, где собираются люди». Они сообщили, что сейчас алабашу делают мастера – Чачхалиа Рамин (с. Пакуаш), Цулукия Шалодия (с. Арасадзыхь) и др., а железные наконечники производит Капба Алексей.

Хотя у некоторых современных старцев еще живет традиционная потребность ходить с алабашей, но в абхазском обществе в целом теперь алабаша встречается все реже, как пережиточный элемент культуры.

В научной литературе отмечается роль экологической среды и в формировании традиционной кухни абхазов и в абхазском долгожительстве¹⁴. Пища, как правило, неразрывно связана с природно-климатическими условиями. Пища абхазов содержит большой

ассортимент продуктов, что обусловлено многопрофильным характером местного хозяйства, разнообразием выращиваемых овощей, а также обилием дикорастущих, съедобных трав и растений. Народная кулинария выработала оригинальные способы приготовления тех или иных блюд, что придает традиционной кухне самобытные черты, сохранившиеся до наших дней. Культура пищи — рецептура блюд, технологические особенности кухни, способы хранения пищевых продуктов, порядок употребления, меню и т. д. — свидетельствует об устоявшихся привычках и вкусах.

Некоторые оригинальные блюда и приправы абхазской народной кулинарии не имеют аналогов. Отметим абхазскую приправу аджика, которая придает блюдам остроту, жгучесть, аромат. Абхазы едят её с мясом, с молочными и растительными блюдами, со свежими овощами, с вареной тыквой и даже с дыней¹⁵. Она является обязательным компонентом различных соусов, служит хорошим стимулятором секреции желудочного сока¹⁶.

Аджика — своего рода вклад абхазов в мировую пищевую кулинарию. В советское время было налажено промышленное производство аджики; советские и зарубежные туристы называли ее «абхазским маслом».

Растительная и животная пища не только источник энергии и строительного материала, но и фактор, обеспечивающий определенный состав внутренней среды организма и несущий информацию из окружающей среды во внутреннюю его среду, приспособливая его тем самым к окружающему миру. Пища, приготовленная из даров родной природы, в наибольшей степени выполняет эту важнейшую функцию поддержания нормальной жизнедеятельности организма.

Гармоничное взаимодействие организма с окружающей средой — экологически чистой атмосферой, водой и пищей — один из важнейших факторов физического и духовного здоровья. Чистая среда обитания, наряду с образом жизни и нравственными нормами человеческих взаимоотношений в семье и обществе обеспечивали абхазское долгожительство¹⁷. В значительной степени эколо-

гические корни лежат в основе виртуозной физической подвижности, легкости, стройности, смекалистости, свободолюбия кавказского горца.

Выше отмечены лишь некоторые аспекты влияния природно-географической среды на материальную культуру и жизнедеятельность народа. В частности, коснулись воздействия экологической среды на формирование этнических особенностей жизнеобеспечивающей системы – жилища, одежды, пищи. Именно эти этнические особенности являются составляющими апсуара. Подчеркивая это, учёный В. Л. Бигуаа пишет: «Этнические особенности жизнеобеспечивающей системы понимаются абхазами как часть национального духа, как этнический знак. Традиционные элементы материальной культуры в целом абхазы называют не просто общими, собирательными словами, а апсуафны – «абхазский дом», апсуаматэа – «абхазская одежда», апсуачыс – «абхазская пища»... Без них не мыслится и само понятие апсуара – основы нравственной культуры абхазского народа»¹⁸.

Не менее значительным является непосредственное влияние среды обитания человека на его мирозерцание и вкус, на его духовность.

Проф. Ш. Д. Инал-ипа подчеркивает роль среды обитания на формирование традиционной культуры абхазов. Он с сожалением отмечает: «Мы нередко плохо знаем и нашу среду обитания, сыгравшую немалую роль в сложении специфичности местной культуры. Совершенно не изучена этнопсихология абхазов. Нам не хватает понимания ее уникальности, как и редкой уникальности той природы, в которой мы живем, красоты внутреннего мира и внешнего облика кавказских горцев и равнинных жителей»¹⁹.

Жизнедеятельность древнейших абхазских племен тысячелетиями протекала в пределах южной части Северо-Западного Кавказа. В этой среде формировались антропологический тип и другие физические качества человека. Здесь племена консолидировались в единую абхазскую народность. В данной среде развивались язык, характер, этнопсихология, специфическая культура абхазов. Памят-

ники материальной и духовной культуры народа четко отражают воздействие географической специфики данной территории.

Воздействие географического фактора на материальную культуру более зримо, физически ощутимо; поддаются восприятию и его воздействие на язык, на лексическое богатство и диалектные различия последнего, на возможности языка в самых тонких смысловых выражениях отражать едва уловимые оттенки окружающего мира. А что же касается воздействия географического фактора на духовную сферу жизни, этнопсихологию народа, то это воздействие тоже непосредственно, но оно проявляется нематериально, физически незримо. Это влияние поддается восприятию только путем внутреннего чувствования, духовного ощущения.

Жизнь древних предков абхазов и их потомков была связана и с горами, и с морем. Абхаз — и горец, и морянин. Это обогащает диапазон его восприятия как микромира, так и макромира.

Сочетание горного, равнинного и морского пейзажа создает контрастную, богатую красками панораму жизни. Это своеобразная среда обитания и есть «эйкос» — дом, где жил и формировался сам народ. В этой экологической среде, где гамма лучей и красок и аромат природы непрестанно влияют на человека, создавался и функционировал этнокультурный мир народа — его язык и другие этнокультурные ценности.

Богослов Платон Харчлаа, проживающий в Америке вот уже почти 60 лет, выступая на юбилее профессора Г. А. Дзидзария (5 мая 1999 г.), сказал: «Апсуара никто не может расшифровать, растолковать на Западе. Чтобы сделать это надо быть абхазом, вырасти в абхазской семье».

Без учета влияния природно-географического фактора, естественной среды обитания человека, мы не сможем понять и объяснить наше прошлое, наше духовное богатство, проникнуть в тайники духовного мира, проследить процесс внутреннего развития культуры, ее самобытность, обусловленные воздействием среды обитания и специфическими условиями развития народа.

Этнический аспект духовной культуры находит яркое отраже-

ние в произведениях устного народного творчества. Изданы сводные тексты замечательных памятников фольклора, составленные учеными: Б. Шинкуба²⁰, Ш. Инал-ипа, К. Шакрыл и Б. Шинкуба²¹, сборники абхазских сказок (А. Хашба, В. Кукба, Д. Гулиа, Х. Бгажба, К. Шакрыл, С. Зухба и др.), сборники абхазских песен К. Ковача и др. Они знакомят с неповторимо своеобразными чертами образного мышления абхазского народа, с его мировоззрением, этнопсихологией, нравственными нормами жизни.

В силу специфических исторических и географических условий у народов Кавказа сохранились в живом бытовании многие архаические формы общественного уклада и народного художественного творчества. Ученые на основе исследования различных фольклорных жанров, сюжетов и образов освещают многие аспекты духовной культуры абхазского народа, показывают влияние географической среды обитания, исторических эпох, культурных взаимосвязей на духовное и художественное творчество, быт и нравы народа, раскрывают этническую специфику культуры²².

Многие уникальные черты этнической культуры абхазов изображаются в конкретных образах и действиях персонажей, представленных в произведениях абхазской художественной литературы на этапе ее становления, когда она широко пользовалась фольклорным материалом, извлеченным из реальной жизни (ранние произведения Д. Гулиа, поэзия И. Когония, новеллы и рассказы М. Лакербай, Д. Дарсалиа, И. Папаскири и др). Положительные герои этих произведений – простые люди, которые в самых различных ситуациях проявляют высокие нравственные и духовные качества, поступают именно так, как подобает абхазу, воспитанному на традициях апсуара.

Конкретные примеры будут приведены в соответствующих разделах данной работы.

Мораль, духовность, нравственность – категории общечеловеческой цивилизации. Конкретное их содержание в реальной действительности определяется многими обстоятельствами: исторической эпохой, укладом жизни, бытом, религией, культурными тради-

циями народа и др.; однако постоянно действующим фактором, влияющим на человека, его жизнедеятельность, мировоззрение, на формирование человеческих идеалов, вкусов, духовных и нравственных потребностей, служит окружающая нас природа, естественно-географическая среда.

2. Культурная среда

На жизнедеятельность племен и народов, на их язык, характер, этнопсихологию, материальную и духовную культуру влияют не только географическая среда, природа, но и окружающие их народы. Племена, народы и их культуры никогда не были совершенно изолированы друг от друга. Они всегда общались, находились во взаимодействии и взаимовлиянии. Об этом свидетельствуют история, язык, культура народов.

На малочисленные этносы соседние народы оказывают большее воздействие. Оно может быть благотворным для национальной культуры. И в то же время истории известны ассимиляции этносов, исчезновение целых, некогда даже больших цивилизаций.

Предки древнеабхазских племен, так же, как и предки многих других современных народов Кавказа — адыгов, вайнахов, картвелов и др., как полагают ученые, были связаны с культурными центрами Малой Азии, следовательно, испытали влияние древнейших цивилизаций Ближнего Востока.

На этнические и историко-культурные связи народов палеокавказской этнической общности с древнейшим переднеазиатским миром указывают исследования ученых-историков (И. Джавахишвили, С. Джанашиа, Г. Меликишили, С. Еремян, З. Анчабадзе, В. Ардзинба и др.), языковедов (Н. Марр, А. Чикобава, К. Ломтатидзе, Ю. Месарош, К. Шакрыл, В. Чирикба и др.), археологов (Е. Крупнов, О. Джапаридзе, Л. Соловьев, М. Трапш, Ю. Воронов, О. Бгажба и др.), этнографов (Ш. Инал-ипа, Ю. Анчабадзе и др.).

По мнению ученых, на связи предков абхазов и адыгов с древнейшими цивилизациями Малой Азии указывают следующие обстоятельства: 1) получающая все большее признание гипотеза о родстве абхазо-адыгских языков с древним (вымершим) хаттским языком, на котором говорило четыре-пять тысяч лет назад население Малой Азии; 2) подтверждаемый топонимическими материалами факт бытования определенной части этнических предков абхазо-адыгских народов в северо-восточной части Малой Азии и в юго-западной части Закавказья; 3) наличие этнографических параллелей, в частности, в древнейших религиозных верованиях, свидетельствующих об этнических связях абхазо-адыгов с переднеазиатским миром; 4) свидетельства археологических материалов о тесных древнейших взаимосвязях между Кавказом и Передней Азией, об общих чертах «энеолитической» культуры этих областей; 5) данные антропологических материалов, которые приводят к выводу о том, что древнейшее население Западного Кавказа и Малой Азии принадлежало к одному антропологическому типу – «понтийской расе» (Б. В. Бунак); 6) анализ племенных названий «кашков», увязываемый с древним названием адыгов «кашаги» и «абешла», который увязывается с названием древнеабхазского племени апсилы. Таким образом, кашки-абешла составляли ту часть абхазо-адыгской общности, которая в III–II тысячелетии до н.э. бытовала еще в северо-восточном секторе Малой Азии и была связана единством происхождения с хаттами (протохеттами).

Более обстоятельно и конкретно прослеживаются историко-культурные связи древнеабхазских племен с античным миром, начиная с V в. до н. э. Греческие письменные источники V–I вв. до н. э. дают сведения о местном населении Абхазии, получившем тогда известность под именем генихов. По мнению ученых, в это собирательное наименование входили и древнеабхазские племена абазги, апсилы, саниги. В VI–V вв. до н.э. на побережье Абхазии возникли эллинские города Диоскуриада (совр. Сухум) и Гиенос (Гюэнос) (совр. Очамчыра). Уже тогда эта территория становится периферийной частью античного мира.

Сведения о древнеабхазских племенах содержатся в греческих и римских письменных источниках I–II вв. н. э. Впервые в них упоминаются непосредственные предки абхазов – апсилы, абазги, саниги. К концу I – началу II вв. н. э. фигурируют мелкие княжества, существовавшие на территории нынешней Абхазии. Флавий Арриан римскому императору сообщает: «За лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абасги; у абасгов царь Рисмаг; этот тоже получил свою власть от тебя. Рядом с апсилами – саниги, в земле которых лежит Себастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя»²³.

Следовательно, эти политические образования находились в тесном взаимодействии с Римской империей. Но Риму, как отмечает историк З. В. Анчабадзе, не удалось их превратить в свою обычную провинцию. «Он (Рим) вынужден был, – пишет ученый, – считаться с существованием местных политических образований и ограничиться лишь признанием их правителями верховной власти римского императора»²⁴.

Материалы археологических раскопок из древних городищ и селищ свидетельствуют об интенсивных культурно-экономических связях Абхазии со странами античного Запада, а затем и с эллинизированным Востоком. Наряду с памятниками местного искусства в Абхазии широко представлены и иноземные памятники. О высоком уровне культуры и быта местного сельского населения говорят материалы цебельдинских могильников – посуда, оружие, предметы быта, украшения, скульптурные фигурки и т. д. Большой и разнообразный археологический материал подтверждает, что высокая культура сельского населения античной Абхазии имела глубокие местные корни.

Апсилы и абазги испытали благотворное влияние греческой и римской цивилизаций и в сфере духовной жизни. Уже с первых веков нашей эры они вступили в новую, более высокую стадию развития духовной культуры, ознаменованную появлением зачатков христианского вероучения. Абхазы – один из первых народов, узнавших свет Христовой веры, которую распространяли

здесь святые апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит.

В раннее средневековье абхазы имели непосредственные политические, экономические и культурные связи с Византийской империей. Культурные взаимоотношения были тесными, многообразными, продолжительными, взаимопользовными. Византийская культура внесла заметный вклад в духовную жизнь абхазов.

Абхазские племена, прежде всего, органическая часть кавказского культурного мира. На протяжении всей своей истории предки абхазов, а затем абхазская народность, поддерживали всесторонние связи с генетически родственными народами Западного и Северного Кавказа – адыгами, а также с аланами – предками осетин и другими. Кавказские горы, хотя и разделяли и мешали постоянному и интенсивному развитию взаимоотношений с родственными народами Северного Кавказа, но географическое положение Абхазии, являющейся как горной, так и приморской страной, способствовало сохранению непрерывности связей с этими генетически наиболее близкими народами. Горные перевалы, разумеется, всегда были проторены, служили живыми артериями общения.

Авторы XVII–XVIII вв. в культурной жизни абхазов находят общие черты с культурой адыгов и других горских народов и племен. Дж. Лукка указывает, что «образ жизни (абхазов) такой же, как у черкесов». Схожесть обычаев абхазов и горцев Кавказа отмечает и Ламберти. «Эти сообщения, – пишет З. Анчабадзе, – указывают не только на уровень социально-экономического развития абхазов, но и на характер культуры и народного быта»²⁵.

В глубь веков уходят грузино-абхазские взаимоотношения, обусловленные общностью исторических судеб этих народов. Экономические и культурные связи, существовавшие в период Колхидского и Лазского царств, получают дальнейшее развитие в период Абхазского царства (VIII–X вв.), во времена, когда абхазы, расширив свое царство за счет западно-грузинских областей, перенесли центр своего государства из Анакопии (совр. Новый Афон) в Кутатиси (совр. Кутаиси). Об этом свидетельствуют памятники материальной и духовной культуры, письменные источники.

Период Абхазского царства характеризуется не только культурным и духовным подъемом абхазской народности, но расширением и углублением ее культурных связей со всеми соседними народами Кавказа. Ученые отмечают созидательное участие абхазского народа в развитии христианской культуры на Кавказе. Так, Н. Я. Марр пишет: «...ясно, что абхазский народ, не только имел общение с просвещенными народами в продолжение многих веков, но и творчески принимал участие в древности в развитии общекавказской христианской культуры»²⁶.

В период существования грузинской феодальной монархии (XI–XIII вв.) грузины и абхазы были объединены в единое феодальное государство – «Царство абхазов и картвелов». Это обстоятельство обусловило углубление культурных взаимосвязей, которые никогда не были односторонними, а наоборот были взаимообогащающими. Абхазская материальная и духовная культура и в этот период развивалась по своим внутренним законам. Во всех сферах культурной и духовной жизни шел процесс подъема самобытной народной культуры и народного духа, которые прочно опирались на свои корневые основы, тысячелетиями выработанные традиции, обычаи, нравы.

Абхазы исторически поддерживали политические, экономические и культурные связи и с мусульманским миром – персами, арабами, турками и др. В течение 300 лет Абхазия была тесно связана с Османской Турцией. Мусульманский мир также оставил определённый след в языке и культуре абхазов. Абхазы активно участвовали в культурной, особенно в военно-политической жизни Турции и арабских государств Ближнего Востока.

После присоединения Абхазии к России (1810), на протяжении двух последних столетий, наблюдается неуклонное возрастание политического, экономического и культурного воздействия России на все стороны жизни абхазского народа.

Среди малочисленных народов современного мира лишь немногие имеют в арсенале своей истории столь широкие, как у абхазов, непосредственные и интенсивные культурные связи с древним внешним миром, с цивилизациями столь различного спектра.

И это вполне объяснимо. На Кавказе Абхазия занимает особое географическое положение. Она оказалась воротами на стыке Азии и Европы. Через Абхазию проходили международные транзитные торговые пути. Здесь встречались культуры многих стран мира. Временами интерес к абхазскому побережью так возрастал, что Абхазия оказывалась в эпицентре противоречий великих держав. Одних привлекало стратегическое положение страны, других – природные богатства, третьих – и то, и другое.

Отношения с соседними народами складывались по-разному. В периоды мирного общения происходил обмен материальными и духовными ценностями, жизненным опытом. Однако, как известно, общение с соседними и дальними народами не всегда носило мирный, созидательный характер. Случалось, что сосед, особенно сильный, становился завоевателем, грабителем. Шел он в Абхазию с оружием в руках как враг, как агрессор. Неожиданно у ворот абхазской земли появлялись и могущественные завоеватели, которые огнем и мечом утверждали здесь свою власть.

Обратимся к некоторым общеизвестным историческим событиям. В конце II в. до н.э. Абхазия, как и вся Колхида, была завоевана понтийским царем Митридатом VI Евпатором. В 65 г. до н.э. римский полководец Помпей утвердил свое владычество в Абхазии, опустошил город Диоскурию. В средние века абхазы пролили немало крови в борьбе с разными завоевателями. В VI в. н.э., когда в Северо-Восточном Причерноморье столкнулись интересы двух величайших держав того времени – Ирана и Византии – в так называемой «Большой войне», продолжавшейся несколько десятилетий, абазги, апсилы и мисимиане не раз подвергались опустошительным нашествиям то с одной, то с другой стороны. Особой жестокостью отличалось арабское нашествие. В 737 г. арабские войска во главе с полководцем Мерваном ибн-Мухаммедом были разгромлены абхазскими и грузинскими войсками под Анакопией. Этим был положен конец арабской экспансии на Западном Кавказе.

Тяжким бременем легло на народные массы проникновение на побережье Абхазии генуэзских колонизаторов ((XIII–XV вв.). Ши-

рокое развитие получает работорговля. Генуэзские торгошники при поддержке местных феодалов через рынки Себастопополиса (Сухум) и другие приморские фактории вывозили живой товар. «В рабство обращались, главным образом, молодые, наиболее сильные и красивые люди. Выручка от пролажи рабов шла на обогащение местной знати, терявшей в этих условиях всякую нравственность и человеколюбие»²⁷.

В позднее средневековье участились войны между местными феодальными княжествами, которые отличались крайней жестокостью, несли страшные беды простому народу: разоряли поля, уничтожали многолетние насаждения, истребляли скот. Более того, междоусобные войны вели к сокращению естественного прироста населения.

В период турецкого протекторатства (XVI–XVIII вв.) усиливаются контакты Абхазии с Османской империей. Что принесли Абхазии отношения с новым миром? Прежде всего, частые нашествия на Абхазию, обложение населения данью, преследование христианства, распространение мусульманства, усиление торговли рабами, возврат к натуральному обмену, постоянные народные восстания против режима силового воздействия. «В условиях бесконечных межфеодальных войн и нашествий турок боееспособные вооружались, а остальные уходили в горы, оставляя свои посеы на произвол судьбы, часто обращавшей посеы в пепелища»²⁸.

XIX в. для абхазского народа становится противоречивым, сложным, неоднозначным. Вхождение Абхазии в состав России обеспечило стране защиту от внешних врагов мощью большой державы, а также приобщение народа к передовой русской культуре.

Русско-турецкие войны XIX столетия не раз подвергали Абхазию страшному разорению. Тяжело отразилось на жизни населения участие в национально-освободительной Кавказской войне, которая завершилась в Абхазии (1864).

Народной трагедией становится махаджирство – насильственное и вынужденное переселение большей части абхазского населения в Турцию и другие страны Ближнего Востока. Колонизация пре-

вратила Абхазию в многонациональный край, резко нарушила этническую целостность абхазов.

Абхазский народ мужественно встречал завоевателя, самоотверженно защищал свою землю, свободу и честь. В неравной схватке с противниками формировались непреходящие гражданские качества – свободолюбие, мужество, стойкость, выносливость, человеческое достоинство.

С древних времен среди соседних народов, а также в Византии, Турции, странах Ближнего Востока абхазские воины пользовались известностью. Об абхазских невольниках Ламберти писал: «Абхазские невольники высоко ценятся у турок... после обращения их в свою веру и обучения военному искусству выходят из этих невольников очень хорошие гражданские чиновники и офицеры»²⁹. Из среды абхазских махаджиров выдвинулись известные полководцы. По сообщению Вахушти Багратиони, абхазы в морских боях «стойки и могущественны», они «по морям ходят на судах, в которые садятся по сто, двести и по триста человек»³⁰.

На протяжении тысячелетий сквозь вихри мирной и военной экспансии пронес абхазский народ свой язык и культуру. Он не только сберег родной язык, но обогатил и развил его, использовал свой язык как могучее орудие самосохранения и самоутверждения, как орудие борьбы и духовного возрождения. На родном языке абхазы сложили превосходные устные художественные произведения, создали духовные ценности, передававшиеся из поколения в поколение. Знарок абхазского языка и духа абхазской культуры Н. Я. Марр писал: «В Абхазской устной литературе... мы находим, очевидно, давно сложившийся общий во многих отношениях литературный язык; что же касается содержания, то оно отражает древнейшую религию кавказских коренных народов, астральный культ с поразительной жизненностью. Вообще абхазская живая старина, не только словесная, но и реальная, дает такую беспримерную полноту об этой древнейшей религии не одного Кавказа, а всего Древнего Востока, колыбели европейской цивилизации, что одно это обстоятельство должно было бы обеспечить за абхазоведением самостоятельное существо-

вание в ряде исторических научных дисциплин, входящих в состав кавказоведения»³¹.

Н. Я. Марр занимался изучением и исследованием абхазского языка, которым очень заинтересовался. Он общался с лучшими знатоками языка и произведений устной литературы и традиций; глубоко заглянул в «абхазскую живую старину», в «словесную» и «реальную», увидел в ней *«беспримерную полноту древнейшей религии не одного Кавказа, а всего Древнего Востока»*. Ученый подчеркивает научную значимость духовного богатства абхазской культуры, которая отражает древнейшие религии, уходящие своими корнями в Древний Восток, а также поразительную жизненность этой религии в реальной жизни народа.

Религия «абхазской живой старины», «астральный культ с поразительной жизненностью», о которых так лестно говорит Н. Я. Марр, – это наша апсуара – шедевр абхазской традиционной культуры, ее духовное ядро. Творец и обладатель апсуара – народ.

Таким образом, древние абхазские племена, а затем абхазская народность, находясь в широких, временами тесных, политико-экономических и культурных отношениях с различными народами и цивилизациями, имели возможность перенять и использовать многое из материальной и духовной культуры других народов, исходя из своих интересов, потребностей, вкусов. Это ярко прослеживается в традиционо-бытовой культуре, религии, ономастике и т. д. Обмен был многосторонним, что обнаруживается, в частности, во всех разделах ономастики – топонимии, антропонимии, этнонимии и других. Абхазы имеют богатую номенклатуру собственных абхазских личных имен. В то же время абхазская антропонимия содержит множество имен, заимствованных от соседних и других народов мира. Значительное место в ней занимают библейские, особенно, христианские имена, а также мусульманские – турецкого, иранского, арабского происхождения и др., но все они приспособились к местной этнокультурной среде, как по своему звучанию, так и по интенсивности распространения и традиции употребления, и вошли в активный антропонимический фонд абхазов.

Этническая культура абхазов – неразрывная часть общекавказской культуры, а в широком смысле – общечеловеческой.

3. Апсуара – продукт исторического процесса

Народность, как известно, – исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей. Каждая народность имеет свой родной язык, свою самобытную традиционную культуру, свое этническое лицо; народности отличаются друг от друга по темпераменту, характеру, этнопсихологии, другими особенностями. Эти признаки и делают их разными, обособляют друг от друга.

В то же время каждая народность – это ответвление от одного общего генеалогического древа человечества. В этом смысле все народы и нации вместе составляют одну общечеловеческую семью.

Представим себе гигантское дерево с мощной кроной, пустившее корни глубоко в землю. Растению много лет. По мере роста постепенно оно отращивало все новые и новые ветки. Так дерево разветвлялось. Аналогично развивалось и общечеловеческое генеалогическое древо. Современная наука все более склоняется в пользу моноцентризма в происхождении человека.

Как сама народность, так и ее язык, культура и другие составляющие ее атрибуты – продукт исторического развития.

Язык и культура народности – наиболее ярко выраженные признаки, выделяющие ее в особую народность.

На развитие языка и культуры этноса оказывают влияние, как об этом уже говорилось, географический фактор и окружающие народы. Наука признает влияние окружающей среды. Однако одни ученые, в частности, диффузионисты, преувеличивают значимость взаимных воздействий между отдельными племенами и народами. Они не видят процесса внутреннего развития культуры, имеющего

ся у каждого племени, у каждого народа, не видят самобытности, возникающей в результате внутренних законов развития того или иного этноса. Другие ученые преувеличивают воздействие географической специфики той территории, на которой развивались племена, а позже – народы. Считаем целесообразным уравновешенный подход к оценке степени воздействия внешней окружающей среды на развитие культуры племен и народов.

Человек един как биологический вид. Общность вида определила и общность основных потребностей. И именно общие потребности, а не только воздействие географического фактора стали определять развитие племен и народов, их языков и культур.

Народность потому выделилась в народность, что она получила свой язык, отличный от других существующих языков. Народность сохранила за собой право быть и остаться народностью потому, что она создала и сберегла свою самобытную культуру. При этом, например, горские народы Кавказа, живущие в схожих природно-географических условиях и будучи генетически близкими, создали свои самобытные культуры. Каждое племя, каждая народность развивала свою культуру на основе внутренних потребностей и законов. Потому мы воспринимаем абхазскую традиционную культуру, абхазские песни и танцы, абхазские сказания, сказки и мифы, абхазский этикет и т. д., как явления абхазские, национальные.

Точно также имеют свою неповторимую адыгскую культуру – адыги, вайнахскую – вайнахи (чеченцы, ингуши) и др. Ни географический фактор, ни этническая общность, ни фактор общения и взаимовлияния не смогли изменить национальное содержание и колорит каждой из этих культур. При всем родстве они самобытны, национальны.

На протяжении своей истории абхазский народ воспринимал из культур соседних народов именно то, что было приемлемо и отвечало его потребностям, его устремлениям. При этом культурные ценности других народов перенимались не механически, а народ аккумулировал их в своей культурной среде применительно к своему укладу жизни, к собственным традициям, обычаям, нравам. Так в

процессе взаимодействия с другими культурами каждый народ обогащает, укрепляет и развивает свою самобытную культуру.

В основе развития культуры абхазов на всех этапах истории лежала уникальная, неповторимая своя культура. Малочисленный народ и в самые неблагоприятные периоды своей многовековой истории, а жестоких испытаний было в ней немало, проявил стойкость, мужество, выносливость, сохранил свое физическое существование, этническую индивидуальность, богатейший язык, духовную культуру.

Абхазская традиционная культура и ее духовное ядро – апсуара – продукт исторического процесса. Истоки ее уходят в корни самого народа. Мы сегодня напрасно думаем, что первые люди были всего лишь дикарями. Духовные и бездуховные, нравственные и безнравственные были всегда и везде. Первобытные люди находились ближе к природе, жили в чистой экологической среде и вели более простую жизнь. Вот что писал о первых людях Демокрит: «Тогдашние люди... вели жизнь простую, свободную от излишеств и взаимно дружелюбную, не имея ни царей, ни начальников, ни властителей, не зная ни воин, ни насилий, ни хищений и умея вести только эту свободную жизнь без излишеств и во взаимном дружелюбии»³².

История цивилизации не так схематична, как она нам иногда представляется. Древнейшие племена имели непосредственное общение с окружающим миром, очевидно, и представления их были гораздо богаче и жизненнее, чем мы это представляем себе.

Ученые улавливают связи религии «абхазской живой старины», дошедшей вплоть до начала XX в., с древнейшим переднеазиатским миром. Вероятно, те предки абхазо-адыгских племен, некогда проживавшие в Малой Азии, привезли с собой на Кавказ свой опыт, знания, представления, устную литературу. Осваивая новое жизненное пространство, они использовали свои знания, а также оплодотворили их тем опытом, который застали на месте. Так развивалась традиция, в которой люди древнего общества отводили особое место духовным ценностям.

Наши далекие предки преодолевали тяготы повседневной зем-

ной житейской суеты, стремились облегчить себе человеческие страдания, общаясь с небесным миром. В борьбе за самоутверждение накапливались нравственные ценности. В духовном мире человека особое место заняла религия. Она, вооружая верой, помогала преодолевать испытания, трудности.

Отголоски древнейшей религии предков абхазов находим в произведениях устного народного творчества, в духовной культуре, в быту.

Относительно мировоззренческого аспекта апсуара, Ш. Инал-ипа отмечает: «Определенными своими чертами она как будто бы напоминает собой учения древних мудрецов о нравственности»³³. Здесь отмечается связь апсуара с глубокой общечеловеческой древностью. Но, к сожалению, эту сторону вопроса он далее не рассматривает, «оставляя ее для раздумий другим»³⁴.

Именно осколки духовной древности, сияющие в апсуара, изумляли иностранцев, получивших возможность соприкоснуться с народной культурой абхазов.

Меняются времена, соответственно изменяются и условия функционирования и развития человеческой культуры. У каждого народа бывают периоды культурного подъема и упадка. История развития культуры абхазов также подтверждает это всеобщее положение. Но никогда, даже в периоды наибольшего благоприятствования, духовная жизнь народа не может быть абсолютно положительной. В любом обществе совершаются добрые и злые дела. Люди с лукавым сердцем творят неблагоприятное. Люди же с добрым сердцем и чистой совестью, уповающие на Бога, жили во все времена. Такие люди в любой ситуации, и в самые тяжкие времена, стараются поступать праведно. Именно они и сохраняют нравственные принципы апсуара, передавая их из поколения в поколение. Только так выживали лучшие народные традиции в критические периоды истории.

Например, и в период генуэзского присутствия в Абхазии, когда стала процветать работорговля; и в период турецкого протекторатства, когда экономика и культура страны сильно деградировали, и в другие тяжкие времена, когда размножались люди, исполненные

корыстолюбия, злобы, зависти, обмана, злоречия, жили и люди, исполненные любви, мира, милосердия, творящие добрые дела. Эти праведники оставались носителями нравственных норм апсуара. Так сохранялась и передавалась преемственность в традиционной культуре, непрерывность духовности в народных традициях.

Таким образом, апсуара нельзя рассматривать в отрыве от исторической жизни народа. Апсуара, как выше отмечалось, продукт длительного исторического процесса. Подчеркивая это Ш. Инал-ипа, писал: «В «апсуара» заложены многие идеи и мотивы, восходящие к эпохе родового строя и развития в Абхазии ранних форм феодальных отношений – т. н. «военной демократии» и «горского феодализма»... Все это наложило свой отпечаток на совокупность норм «апсуара»³⁵.

Духовное содержание и нравственные нормы апсуара свидетельствуют о том, что она не творение какой-то одной отдельно взятой исторической эпохи. Его корни уходят в глубокую древность, но в ходе длительного исторического процесса она развивалась и обогащалась, складывалась как целостная система, как неписанный народный традиционный кодекс чести и совести.

Ш. Инал-ипа задался вопросом о времени возникновения термина апсуара. Он отмечает, что апсуара – термин и понятие – имеют историческое происхождение. По мнению ученого, условия для их оформления были подготовлены с образованием единой феодальной абхазской народности как особой этнической индивидуальности, как общности со своим этническим самосознанием, территорией, языком, культурой. Это стало историческим фактом ко времени образования Абхазского царства в конце VIII в. н.э. Ш. Инал-ипа пишет: «Термин «апсуара», а, следовательно, и понятие «апсуара», не могли появиться раньше образования единой, в основном, абхазской народности и ее национальной культуры, выражением которой они сами являются»³⁶.

Появление термина и понятия апсуара было обусловлено как консолидацией абхазских племен в единую народность, так и небывалым подъемом духовной культуры абхазов в период Абхазского

царства. О духовном обновлении народа свидетельствуют успехи христианской культуры в Абхазии.

Отметим, прежде всего, широко развернувшееся храмовое строительство. Храмы и церкви в научной литературе рассматриваются преимущественно как памятники материальной культуры, образцы строительной техники, архитектуры, искусства. Однако хотелось бы подчеркнуть, что возведение храмов, а также крещальных церквей почти в каждой абхазской деревне было продиктовано духовными потребностями населения. Они являлись не только идеологическими центрами, но и местами поклонения Всевышнему. На глубокое проникновение христианства в народную жизнь указывают письменные источники раннего средневековья. Соседние народы называли абхазов христоролюбивыми. Естественно, языком служения и проповеди христианства среди населения мог быть абхазский, а не непонятный народу греческий или грузинский языки. Иначе как объяснить столь глубокое проникновение в апсуара, в традиционную культуру абхазов в целом библейских законов и норм. Народ несомненно на своем языке ознакомился с христианским учением. Греческие и грузинские письменные памятники той эпохи, встречающиеся в Абхазии, свидетельствуют о влиянии этих культур. Отсутствие же письменности не приуменьшало значения устного использования родного абхазского языка как орудия развития культуры – художественной и духовной. Не имея своей письменности, люди старались запоминать и устно передавать накапливавшиеся знания из поколения в поколение. Ученым еще предстоит немалая работа по исследованию влияния христианской культуры на лексику абхазского языка и на абхазскую речь в целом.

В период образования и развития Абхазского царства выдвигаются правители, получившие признание не только у себя на родине, но и в соседних христианских странах – Леон I (736–767), Леон II (767–811), Константин III (893–916), Георгий II (916–957), Леон III (957–967) и др. По-видимому, тогда рождается абхазский термин «ацсха» – титул абхазских владетельных князей и царей, что означает «абхазский владетель», а позже по традиции, и «абхазский царь».

Вместе с тем, по мнению Р. Гожба, можно интерпретировать его и как «смелый духом», «высокий духом». Абхазский царский титул «ацсха», надо полагать, отражал духовное положение царей, а может быть и страны в целом.

В народе всегда жило стремление к свободе, самоутверждению – желание жить у себя на родине по своим законам, предначертанным Богом. Период Абхазского царства был тем временем, когда абхазы и другие народы – эгрисцы, сваны, карты, входившие в это царство, получили относительно длительный мир, т. е. условия для созидательной хозяйственной и культурной деятельности и духовного обновления.

Представление о том, будто бы в Абхазии христианство никогда не имело глубоких корней и не очень-то и проникало в народную жизнь опровергается конкретно-историческим материалом о состоянии христианской культуры в раннесредневековой Абхазии.

Проф. Г. А. Амичба, обстоятельно исследовавший культуру и идеологию раннесредневековой Абхазии, отмечает, что со времени провозглашения христианства в государственную религию (20–30-х гг. VI в.) традиционная культура абхазов постепенно и все более активно осваивает новые религиозные ценности, приспособлявая их к своим языческим традициям. «В означенный период, – пишет он, – в недрах языческих верований абхазов христианские церковные нормы заняли определенные и весьма заметные позиции. Христианство постепенно, весьма своеобразно, оригинально сплелось с семейно-патронимическими и родовыми обрядами, дохристианскими верованиями и представлениями, культовыми ритуалами, отражающими различные этапы и ступени развития общественного мышления. Абхазы, природно отвергая фундаментализм христианской религии, приспособили ее к своим обычаям и традициям через феномен «апсуара» – основы нравственной культуры абхазов»³⁷.

Выдающийся священослужитель абхазской церкви протоиерей Димитрий Тлапсович Марганя (Маан) в 1912 г. писал: «Предки нынешних абхазцев исповедовали православную Христианскую религию, и исповедовали они ее чистосердечно, с подобающим благого-

вением; вследствие сего религия эта бесспорно процветала у них. Все это подтверждается историческими данными, многочисленными христианскими памятниками (развалинами древних храмов и монастырей), разбросанными по всей абхазской территории, нравами и обычаями, сохранившимися и до сих пор у сего народа... до сих пор много христианского осталось у местных жителей в обычаях и нравах...»³⁸.

Мы должны учитывать, что, начиная с XIII в. в Абхазии наблюдается процесс экономического и культурного упадка, а в период протекторатства султанской Турции – натурализация сельского хозяйства, рост торговли людьми и преследование христианства. Ухудшаются условия для развития абхазского этноса. Активно возрождаются языческие верования и ритуалы.

Абхазы не были фундаменталистами ни в христианской, ни в мусульманской религиях. Это не значит, что народ был атеистом. Такое в природе не бывает. Абхазы, как и все другие народы мира, и в тяжкие времена своей истории берегли духовные ценности, нравственные начала, заложенные в человеке. Эти духовные ценности утвердились с помощью именно религии, авторитетом Всевышнего.

Ослабление христианской культуры в Абхазии в позднее средневековье не означает, что она была слабой и в предшествовавшую раннесредневековую эпоху. Наоборот, раннесредневековая Абхазия была на Кавказе видной христианской страной.

Конечно же, язычество всегда существовало, наиболее устойчивые его элементы сохраняли жизнеспособность. Христианство приспособивалось к язычеству. Язычество и христианство сосуществовали и в период господства христианской культуры. Языческие духовные ценности, являющиеся частью общечеловеческих духовных сокровищ, всегда присутствовали в апсуара.

Итак, апсуара развивается на абхазской почве. Народ его автор, носитель, хранитель.

Апсуара продукт длительного исторического процесса. Истоки ее уходят в корни самого народа. На протяжении тысячелетий апсуара обогащалась знаниями и ценностями и оформлялась в систему

обычаев и представлений о принципах духовного, нравственного и эстетического бытия человека. Апсуара становится неписанным сводом духовных ценностей традиционной культуры абхазов, законов и норм поведения человека.

Апсуара развивается главным образом на основе внутренних законов традиционной культуры. На ее формирование, естественно, влияла внешняя среда – географический фактор и культура окружающих народов. Абхазы, общаясь с другими народами, впитывали те духовные, нравственные, морально-эстетические и этические ценности, которые отвечали их укладу жизни, потребностям и устремлениям. Достижения культуры соседних народов абхазы аккумулировали в своей культурной среде, придав им особенности и черты своей культуры.

В силу этих обстоятельств, при всем своеобразии, традиционная культура абхазского народа является частью общекавказской и мировой цивилизации, и зиждется она на общечеловеческих духовных и нравственных ценностях.

Племена, а затем народы свою культурную среду создавали, находясь в постоянном взаимодействии с природой, в непрерывной борьбе за самоутверждение, в нелегком труде добывая себе пищу, одежду, жилье. В процессе исторического развития жизнедеятельность человека усложняется, потребности растут, жизнь все более превращается в суету сует. В сложной и длительной борьбе за самоутверждение народ создает свою культуру, духовные идеалы, нравственные ценности, вырабатывает эстетические взгляды и т. д. Этой общей закономерностью и определялись общие тенденции развития каждой отдельной этнической культуры, в том числе и абхазской.

Окружающий мир для человека никогда не ограничивался земной средой. Наши предки всегда общались с небесным миром. Наблюдая за явлениями глобального мира, люди накапливали знания, познавали не только естественные закономерности материального мира, но и извлекали для себя немало духовности и мудрости. Естественно, эти ценности становились частью духовной культуры че-

ловечества. Все это находит свое отражение и в традиционной культуре, и в религиозных верованиях абхазов.

Глава II. Духовные и морально-нравственные основы апсуара

1. Место Бога в апсуара

Абхазские ученые в процессе изучения духовной культуры народа рассматривают и вопросы, касающиеся места Бога в традиционной культуре.

Учёный Ш. Инал-ипа пишет, что в представлении народа Бог-Творец в отличие от многочисленных покровителей, земных святых духов и прочих, «пребывает «наверху», в небесах, под именем Анцва (Анцэа хыхь и́коу), выступает в облике некоего всемогущего разумного существа (точнее мужчины), как вечный творец-демург (Анцэа хазшаз), повелитель и вседержитель мироздания»¹.

В представлении абхазов Бог идеальное «существо во плоти, хотя Его никто из смертных не видел и видеть Его им не дано (дызбахьада, дад)»². Все «что есть на свете и под землей создано и принадлежит Ему одному (Анцэа ишеит, Анцэа итэуп). Все должны беспрекословно подчиняться Богу, мольбой и жертвами вымаливать у него благость. Всем будет хорошо, если Он «ниспошлет теплоту своего сердца и очей» (илыпха, игэапха хайтар), но ничто не спасет того, кто заслужил Его гнев и кару»³. Так описал ученый представление о Боге, существующее в народе.

Согласно космологических абхазских мифов, Бог сотворил вселенную из ничего, он установил космическую (вселенскую) гармо-

нию; Бог блюститель порядка – управляет космосом. Многочисленные ангелы беспрекословно выполняют его волю.

Существование Бога, по абхазской мифологии, вневременно. У Него нет ни начальной, ни конечной границ. Он бессмертен, не стареет, устремлен к вечной жизни.

Христианское вероучение о Боге, посеянное в Абхазии еще апостолами Андреем Первозванным и Симоном Кананитом, со временем все более проникло в миропонимание и мировосприятие народа. Очевидно, в период раннего христианства в представлении наших далеких предков Бог в массовом сознании значил несравненно больше, чем это нам сейчас кажется.

Вера в Бога, знание Его законов и высоких нравственных принципов помогали людям обретать более благотворную духовную жизнь.

Верующие молитвенно обращались к Богу. Абхазский писатель Д. К. Чачхалиа в своей книге об абхазской церкви приводит несколько текстов христианских молитв абхазов⁴. Абхазы раннего христианства, надо полагать, на родном языке обращались к Богу образцовой молитвой, которой учил Иисус Христос своих учеников.

Молитва – это смиренный разговор с Богом. Даже в советское время, в период господства атеистической пропаганды, верующие люди старшего поколения, молились Богу, убежденные в том, что личные молитвы праведных людей слушает Бог. Старцы – главы семей, обращаясь к Богу с молитвой, воздавали Ему честь и славу, просили благость, исполнения своих насущных желаний, которые, обычно, богоугодны. Так поступали до конца своей жизни, например, и мои родители – отец и мать.

Абхазы клянутся именем Анцва. Клятвенной формулой является «Анцэа иныс, анцэа имаѣуп!» – (клянусь Богом). Древние предки этими словами, обращаясь к небесному Вседержителю, подтверждали свою верность, преданность истине. В новое время, когда вера и любовь ослабли, реже стали прибегать к этой форме обращения к Богу. Однако и в наше время для верующих старцев «клянусь Богом» остается выражением поклонения, а для многих остальных – ритуальным.

Музыкальный фольклор абхазов сохранил «Песнь Богу» (Ани-ра рашәа). В старину ее пели в сопровождении апхиарцы. В ней поется о том, чтобы Бог пожалел немощных, простил за проступки, исцелил от недугов. «Песнь Богу» включена в программу современных ансамблей народных песен*.

И до наших дней в пережиточном виде сохранились некоторые обязательные атрибуты духовной жизни, указывающие на необходимость повседневного общения с Богом. Любая трапеза абхаза начинается с традиционного вступительного тоста: «Анцәа хазшаз, улыцха хәт!» (Бог-Создатель наш, дай нам тепло Своих очей!). В этом молитвенном обращении к Богу в словах «дай нам тепло Своих очей» выражается вера в то, что Бог намеревается совершить благословения. Люди ждали получения духовного света, милости, помощи. И в древнем Израиле к Богу Его служители обращались так: «Боже... пошли свет Твой» (Псалом 42:3).

Исследователи традиционной абхазской семьи обнаруживают в семейных отношениях присутствие незыблемых Божьих нравственных норм. Брак рассматривается как дар Бога. В традиционных семьях этим определяются положение в семье мужа, обращение его с женой, обязанности отца, роль жены в семье.

Умственное и нравственное воспитание детей – одна из самых главных обязанностей родителей. Об этом свидетельствуют народная педагогика, моральные основы семейного устройства абхазов. Родители с раннего детства, воспитывая своих питомцев в духе апсуара, внушали им: Бог все видит; Бог нелицеприятен; Бог любит все свое творение; перед Богом все люди равны. Бог чист и свят. Он требует, чтобы люди сохраняли духовную, нравственную и физическую чистоту, чистоту в мыслях, всегда говорили правду, не сквернословили. Христианские законы, принципы, нормы жизни, вошедшие в апсуара, прививались детям с первых лет.

✦

* *Этнографический мужской хор «Абхазия» под руководством композитора Василия Царгуш исполнил эту песню впервые 22 июня 2000 г. в Абгосфилармонии перед поездкой на гастроли в Москву.*

Сердцевину апсуара составляет аламыс (совесть). Совесть – естественное качество человека, врожденное свойство его. Она вложена в каждую личность. По апсуара, совесть такая нравственная система, которая не имеет цены (ее нельзя приобрести ни за какие ценности мира), она находится в сердце человека, живет вместе с ним, определяет его поступки. Как правильно отмечает молодой исследователь апсуара Р. Читашева (Смыр), известное народное изречение «смерть абхаза в его же аламысе»⁵ понимается не как буквальная смерть, прекращение физического существования, а как «несовместимый с аламысом (нравственностью) поступок, когда «человек умирает живым», становится «живым трупом», позорная, аморальная смерть во сто крат страшнее физической»⁶.

Известному абхазскому писателю М. Лакербай принадлежат слова: «Аламыс – душа (жизнь) абхаза». В изречении «Семи мулам не поднять аламыс абхаза» («Апсуа иламыс бжьгэжък ирзышьты-хуам») ⁷ – число «семь» – астральное понятие, подразумеваются: солнце, луна, и т. д., т. е. мощная космическая сила; а мул – домашнее животное не только крепкое, выносливое, но и настойчивое, упорное. Совесть, в понимании абхаза, несоизмерима с физическими понятиями, физически неодолима.

Журналист А. Арчелиа записал более десятка абхазских пословиц о совести, которые с различных сторон раскрывают смысл аламыса: «Хэызмам егыыкам, аламыс ада» (Нет ничего без цены, кроме аламыса), «Аламыс ауафы деиқэнархоит» (Аламыс человека спасает), «Аламыс ачхара гэгэа унадоит» (Аламыс дает крепкое терпение)⁸ и т. д. Учёный Олег Шамба приводит пословицы: «Аламыс – сильнее смерти», «Добрый человек своего аламыса и на том свете не теряет» и другие⁹.

Абхаз, воспитанный на традициях апсуара, если дал слово и заверил его прикосновением пальцев руки к кончику своих усов, то это значит, он поручился своей жизнью. Человеку лучше умереть, чем жить с запятнанной совестью. Ибо совесть от Бога. И она должна быть чиста перед всевидящим Богом и перед самим собой. Тот, кто свято блюдет совесть, хранит ее в чистоте, следует главной за-

поведи Христа — любить Бога всем своим сердцем, душой, разумением и крепостью своею.

Следующая по важности библейская заповедь: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Большой сих заповеди нет (Марка 12:30, 31). Этой нравственной установкой пронизана и апсуара.

Для человека, воспитанного в духе апсуара, были святы смысл и содержание первых заздравных тостов абхазской национальной традиционности: «Бог, Создатель наш, дай нам тепло Своих очей!»; «Будь благословенен народ».

В эти тосты современный абхаз, часто сам, не сознавая, вкладывает мировоззренческие понятия своих древних предков: 1. Начало всему Бог; 2. Все люди земли ближние; надо любить ближнего.

И сегодня абхаз в тосте «Будь благословенен народ» понимает народ в целом, выражает любовь к человеку, пожелание благодати всем людям земли.

С. Н. Лазарев, автор книг «Диагностика кармы», о своем отношении к традиционному абхазскому тосту пишет: «Я помню, как услышал самый неожиданный для меня тост. Это было в 1973 году. Мы с группой экскурсоводов поехали за Сухуми в творческую командировку... По пути остановились в небольшом ресторанчике... И вот мы сидим и слушаем старого абхаза... Старик поднял бокал и сказал: «Давайте выпьем за то, чтобы народу жилось хорошо». Фраза прозвучала глупо, я имею в виду для меня. Я ее воспринял как очередной совдеповский лозунг. И лишь спустя секунду до меня дошло величие этого тоста. Старик думал не о себе, а о других. Он хотел, чтобы другие люди, даже те, которых он не знал, были счастливы. И мгновенно тост превратился для меня в сказочный, благородный и прекрасный»¹⁰.

Старик создавал простую истину: когда все люди будут жить хорошо, иметь радость, счастье, мир, благодать — тогда и он будет жить хорошо и иметь все эти блага. Он, пожелав всем людям добро, призывал участников застолья к добрым делам. В этом и нравственный урок, заключенный в его лаконичном тосте.

Дошедшие до нас пережитки христианской культуры свидетельствуют о том, что наши далекие предки знали христианские законы

и нормы христианской жизни, люди поклонялись Богу. И в наши дни в народе говорят: «Анцэа ибoит» (Бог видит), «Анцэа идьруеит» (Бог знает), «Анцэа избoит» (Бог судит, т. е. совершает справедливость), «Анцэа ду даххылапшит» (Всемогущий Бог прирел, т. е. присмотрел сверху), – так говорят при благополучном исходе какого-либо дела, а во время войны – при одержании победы над противником и т. д. Упование на Бога выражается словами: «Анцэа хайхьчоит» (Бог охраняет нас), «Анцэа, унапы хануп» (Бог, мы полагаемся на Тебя, досл.: Бог, мы в Твоих руках).

Богобоязненный человек говорил: «Анцэа, ацэгъа сумырхэан» (Бог, не дай мне сказать плохое) – это молитвенное обращение к Господу с просьбой помочь не злословить, не совершить грех, а изрекать из уст только добро.

Абхаз, воспитанный на традициях апсуара, обращаясь к Богу со словами, приведенными выше, очевидно, понимал человеческие слабости и полагался на помощь Бога в их преодолении. Язык, например, обладает силой и ранить, и врачевать. Языком можно принести много вреда и другим, и себе. Уничтожающие реплики, неосмотрительное повторение клеветы могут разрушить дружбу с теми, с кем ты дружил всю жизнь. Язык нужно держать под контролем, что нелегко сделать. Мудрые используют силу языка, чтобы утешить подавленных, потерявших близких, поддержать и направить на правильный путь подростков, ободрить пожилых...

Современная речевая культура абхазов включает множество подобных изречений, в пережиточном виде отражающих былые представления наших предков о величии Бога.

Из-за утери в массовом сознании религиозных традиций, отсутствия письменных источников и других свидетельств, говорящих о характере, формах и масштабах поклонения Богу в период раннего христианства, сегодня трудно иметь конкретное суждение по этим вопросам.

Нам трудно судить о наших предках-христианах, живших в период раннесредневековой цивилизации, говорить в деталях об их представлениях о Боге, об Иисусе Христе, о Благой вести. Мы мо-

жем размышлять об этом только на основе пережиточных явлений в быту и культуре.

Безусловно, абхазы – один из первых народов, услышавших христианскую проповедь. Христианизированная часть абхазского общества, находясь в теснейшей связи с Византией, была носителем восточно-христианской культуры.

Мы можем безошибочно полагать, что храмы, соборы, церкви, в том числе приходские, служили для тех, кто их строил, местом поклонения Богу.

Разумно предположить, что верующие абхазы знакомились на родном языке с библейскими повествованиями, Божьими законами, нормами жизни, Благой вестью. Через Библию они узнавали, что Бог не только Создатель, но Он и Спаситель. Христианство давало личности возможность раскаяться в грехах, просить у Бога прощения. Соблюдение библейских законов и норм жизни содействовало христианскому совершенствованию, духовно-нравственному росту человека.

Конечно, христианская религия использовалась государственной властью как идеологическое орудие, эксплуататорами – как средство поддержания своего влияния в массах. Однако широкие круги приверженцев христианства, в повседневной жизни, соблюдая божественные законы и заповеди, ожидали от Бога помощи в земной жизни и утешались верой, что в мире ином будет осуществлена высшая справедливость.

Христианство не только духовно возвысило народ, но и содействовало его консолидации, сплочению. В то же время было бы ошибочно преувеличивать значение влияния христианства на жизнь народа. Известно, что после смерти апостолов Иисуса Христа наступило отступничество, время слабого сияния света истины. Христианство становится государственной религией.

На протяжении веков жили и действовали богобоязненные люди, которые любили библейскую духовную пищу. Верующие люди, следующие христианской религии, получали утешение, очищались, совершенствовались, имели надежду и другие благословения. Они поощрялись на добрые дела.

Христианские извечные ценности оказали значительное воздействие на быт и традиционную культуру абхазов. Это ярко обнаруживается в феномене апсуара, в которой воплощается нравственная сущность народа.

В отличие от правовых сводов закона, в апсуара включается любовь к Богу и ближнему. Апсуара вовсе не сухой свод законов. Она представляет доктрину и наставление в образе жизни, которому нужно учиться.

2. Святость человека в апсуара

По библии, все творение Бога следует рассматривать как нечто святое, ибо Бог, сотворивший мир, дал «всему жизнь и дыхание и все... мы Им живем и движемся и существуем» (Деян. 17:24, 25, 28). Для Бога жизнь человека свята. Так гласит Библия.

В апсуара человек занимает такое же священное положение.

Слово «человек» – «ауаюы» (ауафы), по мнению лингвиста Р. К. Гублия, образовано от корня «ауа» («сородич», «родственник») и трактуется как «один из сородичей»¹¹.

По толкованию Р. Г. Читашевой, слово «ауаюы» состоит из двух корнеслов: 1. «ауа» – родной, родственник, родственник; 2. «ауа» – (а-ауа) – такой, подобный¹². В ее интерпретации оно понимается: «Такой, как родной, родственник» (а вполне возможно, что наши первопредки его понимали в значении «такой, как я»). В данном контексте абхазское слово «ауафы» воспринимается в значении подобный мне, родной, ближний, кто бы он ни был.

В структуре апсуара важнейшей нравственной категорией является *ауаара* – человечность, которая сопрягается с этническим определением «адсуа уафра» (абхазская человечность). Она ставит человека в центре системы апсуара, что находит воплощение в нравственной сфере взаимоотношений людей, в общественном быту абхазов. Фразеологизм «ауафы дуаапы» (человек есть человек) от-

ражает высочайшую статусную позицию, которую, в понимании традиционного абхаза, занимает человеческая личность. Уважительное, достойное, такое же, как к самому себе отношение к любому человеку входит в обязательные нормы абхазского этикета¹³. Это вполне соответствует библейскому золотому правилу: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мат. 7:12). Это словесное определение того, что в глубине души каждый чувствует как истину.

Абхазы соседа называют словом «агэыла». Оно образовано из слова «агэы» — «сердце». Слово «агэыла» не поддается точному дословному переводу на другой язык, но воспринимается в значении «сердцем», т. е. расположение к человеку сердцем, по любви. Абхазская поговорка «что сосед, что сердце» («агэылеи — агэыи») просто, легко передает содержание, вкладываемое в абхазское слово «агэыла». В самом слове подчеркивается особое положение соседа в жизни человека.

Согласно апсуара сосед ближе кровного брата, находящегося вдаль. Абхазы говорят: «Сосед — как сердце, брат — как кровь» («Агэыла — дгэул, аешья — дшьоуп»)¹⁴. Сосед всегда рядом, делит твои радости и горести. Без него трудно жить. Абхазские поговорки гласят: «Агэыла думамзар, ура азэы уигэылахароуп» — «Если у тебя нет соседа, ты должен стать соседом кого-то»; «Агэыла изы ацэ́кья зыргылаз иара дакит» — «Тот, кто установил для соседа силок (капкан), сам попался»¹⁵.

Абхаз, по традиции, проявлял особую, сердечную заботу к новому соседу, который поселялся возле него, помогая ему обустроиться, встать на ноги. Так было и тогда, когда царизм после махаджирства заселял Абхазию колонистами, и в советское время, когда в абхазские села поселялись переселенцы из западных районов Грузии. Абхазские семьи помогали новым соседям всем, чем могли, проявляя дружелюбие, делились хлебом и солью.

Сердце человека бывает и доброе, и любвеобильное, и лукавое, и злое. Состояние сердца обнаруживается через слова и поступки. Злые поступки коренятся в злых мыслях сердца, т. е. в символичес-

ком внутреннем человеке. «Исходящее из уст – из сердца исходит» (Матф. 15:18).

Нравственные установки абхазов, касающиеся взаимоотношений соседей, в тонкостях учитывают состояние сердца человека в самых различных ситуациях. Соседи призываются жить по-соседски, своими словами и делами поступать по-соседски (гэылацас). Правда, в жизни бывает всякое. По своему несовершенству человек допускает ошибки, на этой почве возникают проблемы, которые, по обычному праву абхазов, также должны были решаться по нравственным нормам апсуара.

В духовно-нравственном арсенале народа, в его этикете особо выделяется ритуал гостеприимства. По верованиям абхазов, гостеприимство – священный закон. Выражения «Анцэа уисасуп» («Ты – гость Бога»), «Узшаз уисасуп» («Ты – гость Создателя») определяют отношение к гостю. Согласно апсуара, хозяева смотрят на гостя, кто бы он ни был, как на Божью благодать.

Выражение «ацсуа ичеи ицьыкеи» (гостеприимство абхаза, досл. хлеб и соль абхаза) подразумевает особенности абхазского гостеприимства – имеется в виду, прежде всего, его морально-нравственное содержание, мотивы его: душа и сердце, вкладываемые хозяином в гостеприимство, обязанность оказания его и незнакомому человеку, и даже врагу. В данное понятие включаются, конечно, и особенности состава абхазской национальной кухни, и застольный этикет, и весь довольно непростой церемониал застолья.

Абхазы говорят: «Ацсуа ичеи ицьыкеи иаграгылаз хара изгом» (Тот, кто наступил на абхазское гостеприимство далеко не пойдет, досл. далеко не возьмет). В народе под этим понимается наказуемость Богом игнорирование гостем морально-нравственных основ гостеприимства. По нормам апсуара, гость, кто бы он ни был, должен блюсти нравственные законы, предусмотренные этикетом.

По классическим нравственным нормам апсуара человек должен проявлять милосердие ко всем, а не только к бедным и нуждающимся.

Апсуара содержит множество нравственных ценностей, отражающих уважение к Божьим законам о священстве человеческой жизни.

По нормам апсуара, человеку постоянно надо было стремиться к святости. Как же человек мог стать святым? Только развивая хорошие взаимоотношения с Богом и осуществляя чистое поклонение Ему. Необходимо было познавать «Святого», чтобы поклоняться ему в святости, в физической и духовной чистоте. Следовательно побудительная мотивация поклонения Богу должна быть чистой, исходить от чистого сердца.

3. Воспитание в духе апсуара

Апсуара внедрялась в жизнь, передавалась из поколения в поколение путем воспитания и обучения. Ее нравственным принципам и канонам учились с раннего детства в семье, где родители всегда служили примером для детей. Параллельно сам уклад жизни абхазской общины культивировал и закреплял моральные основы и нормы поведения, обязательные для всех, как в семье, так и в обществе.

Старейшины рода, общины, люди, умудренные опытом жизни, являлись олицетворением апсуара, лучшими ее проводниками, служили живым примером для окружающих.

Народная педагогика выработала пути и средства, навыки и приемы воспитания и обучения подрастающего поколения в духе апсуара. Педагогические традиции абхазов – плод многовековых народных эмпирических знаний.

Семья – древнейшее устройство на Земле. На протяжении всей истории крепкие семьи были залогом стабильности общества. Семейный круг – эта та школа, где, как нигде больше, можно вырастить нравственных людей.

У абхазов вплоть до начала 30-х годов XX в. обычными были

большие семьи с прочными семейными узами. В традиционных больших семьях особое положение занимали прадедушки, дедушки, прабабушки, бабушки, умудренные жизненным опытом. Именно они являлись живыми носителями традиционной культуры. Старшие являлись самыми уважаемыми в семье и были окружены почетом и особым вниманием. В свою очередь, они сами насаждали в своем потомстве чувство взаимной любви и уважения.

Абхазское изречение «Аиҭабы дызмам, Анцэа димама» (Кто не чтит старшего, у того нет Бога; досл.: у кого нет старшего, Бога не имеет) часто можно услышать, особенно при благословении пожилых людей. В этих словах выражается почтенное отношение к старшим. Но и не только это. Очевидно, прежде всего, подчеркивается принцип главенства старшего.

В определенном смысле данное изречение сегодня является пережиточным, отражающим представления древних предков о Божьем руководстве. Вторая часть фразы: «Бога не имеет» – скорее всего подчеркивает насколько губительно для человека непризнание главенства воли Божьей.

Особое положение старших в семье и обществе находит отражение в абхазском фольклоре, в частности, в кратких изречениях, пословицах. В книге «Пословицы абхазского народа», составленной проф. О.Б. Шамба, мы находим замечательные изречения, свидетельствующие о богатых традициях народной педагогики абхазов. Абхазские пословицы гласят: «После Бога старейший говорит», «Старший, что тень от зноя», «Старший – это защита», «В молодости почитай старцев, чтобы тебя почитали в старости», «Молодость силой красна, старость – умом»¹⁶.

Абхазские пословицы об ответственности старшего в воспитании потомства говорят: «Увидев плоды, можно сказать, с какого дерева они сорваны», «Медведь искушал того, кто его воспитал» и т. д.¹⁷

Эти меткие образные изречения имели обычно назидательный смысл, выполняли функцию наставления.

Народная мудрость гласит: «Азэы иаазара, азэы дацсоуп» – «Воспитание одного человека стоит целого человека». Ошибки, до-

пущенные при воспитании, становятся для человека камнем преткновения в жизни, а нередко приводят к печальным результатам — к моральной и физической смерти человека. И может быть, не одно-го... О моральной ответственности воспитателя повествует педагогическая поэма Акакия Церетели «Воспитатель», в основу которой легло абхазское народное сказание. Подобный же сюжет лежит в основе новеллы Михаила Лакербай «Аргун Сейдык». Внимательно выслушав своего воспитанника, который обесчестил жену своего друга, Сейдык, после долгого молчания вымолвил: «Правильно поступил Джарназ, послав тебя ко мне,— ко мне, тебя воспитавшему. В том, что ты оказался способным совершить подлый, бесчестный поступок, виноват не только ты. В этом прежде всего виноват я. Видно, не сумел воспитать из тебя благородного человека!.. Достав пистолет, Аргун Сейдык решительно приставил дуло к своему виску. Юноша бросился к учителю, но было уже поздно»¹⁸. По традиционным законам апсуара велика роль воспитателя. По апсуара, человек должен с честью и достоинством нести свое предназначение перед Творцом и людьми.

Взаимоотношения в семье — между мужем и женой, родителями и детьми, между самими детьми и другими членами семьи были определены твердо установленными нормами, в основе которых лежали любовь, честность, чистота, забота друг о друге, чувство ответственности друг перед другом.

Нравственное воспитание дети проходили как в семье, так и в обществе. Воспитателями выступали не только родители, но и любой взрослый человек, особенно старейшины. Старший, будь он родственник, сосед или чужой человек, имел право сделать замечание детям за любой их проступок. Большая роль отводилась общественному мнению. Детей приучали прислушиваться к нему.

Важное значение придавалось привитию детям отрицательного отношения к безнравственным поступкам. Родители внушали им: «Не позорь своих родителей», «Не запятнай чести и имени отца и матери».

Профессор О. Б. Шамба записал более 120 абхазских пословиц

о человеческих пороках, недостатках, которые осуждаются народной мудростью и от которых мудрецы предостерегают ближнего: «Тот, кого Бог не взлюбил, воровать начинает», «За глаза не охайвай и в глаза не хвали», «Кто дурное вынашивает, сам в дурное попадет», «Злая собака сама не ела и другому не давала», «Чужой позор постыден, а свой позорен», «Чем больше у человека недостатков, тем больше у него гордыни», «Кто думает о плохом, плохо и кончит», «И укравший буйвола, и укравший иголку – оба воры», «Вор к добряку с пренебрежением относится», «Легко врать – слушать трудно», «Не все, что цветет, хорошо пахнет» и т. д. Осуждение зла и пороков – часть нравственного воспитания¹⁹.

В народной педагогике очень важную роль играли запретительные категории этикета – пхашьароуп (букв. «стыдно») и цасым (букв. «не обычай»), гəнаҳароуп (буквально «грех»).

Детей с малолетства приучали понимать, что такое пхашьароуп, какие поступки нежелательны, непозволительны во взаимоотношениях с другими – в семье, среди сверстников, старших и т. д., конечно, с учетом возрастных особенностей.

Абхазский «цасым» учил детей тому, что неположено делать из религиозных воззрений, что строжайше запрещено по обычаю, что грешно.

Трудовое воспитание детей, которое начиналось очень рано, тесно увязывалось с привитием нравственных норм, например, таких, как трудолюбие, коллективизм в труде, взаимопомощь и т. д.

Устное народное творчество абхазов изобилует изречениями о значении труда: о его роли в становлении человека, о радостных плодах, которые приносит труд на благо: «Человек трудом своим славится», «Что не добыто руками – вкуса не имеет», «Кто с любовью к земле, у того долгая жизнь», «Дружная работа жизнь удлиняет, труд из-под палки жизнь отравляет», «Отдых без труда, что без приправы еда», «Человека работа воспитывает, а лень его портит», «Чужого не желай – своим дорожи» и т. д.²⁰ Библейская притча «Что посеял, то и пожнешь» («Илоуцаз ауп иааурыхуа») вошла в абхазское устное наследие, как собственное народное изречение. Для

абхаза, воспитанного на традициях апсуара, смысл этой пословицы руководство по жизни.

Мальчишки, проводя большую часть времени в обществе деда, отца, старших братьев, учились мужским хозяйственным делам, приобретали трудовые навыки, начинали ценить результаты труда.

Девочки учились у своих матерей искусству абхазской кухни, ритуалу приема и обслуживания гостей, нравственным нормам поведения, приличествующим женам, матерям.

Важнейшей задачей физического воспитания юношей у абхазов являлась выработка морально-волевых качеств: мужества, решительности, стойкости, отваги, удалства, самообладания. Физические упражнения, спортивные игры и состязания, бытовавшие в народе, по своему характеру были тесно связаны с историческими условиями жизни, требующими от членов общества постоянной готовности к трудовым и боевым действиям.

О смелых, отважных мужах народ слагал песни, трусливых же клеймили позором. В народе говорят: «Мужество и героизм безграничны», «Героя, не семья, народ больше знает», «Храбрость – половина победы», «Герой умирает однажды, а трус – много раз», «Позора даже слава не смывает», «Трусливый и тени своей боится» и т. д.²¹

В абхазской народной педагогике ведущее место занимают вопросы умственного воспитания и обучения детей. Народные изречения гласят: «Мир солнцем светится, человек – знанием», «Знание – гость, ум – хозяин», «Умный человек пусть будет и родственником, и врагом», «Сына учат, чтоб человеком стал, а свечу зажигают, чтоб дом освещала», «Учение раскрывает человеку то, что не знает, показывает то, что не видел, дает то, что не имел» и т. д.²²

Особое место в умственном воспитании детей занимало устное народное творчество. Детям с ранних лет старшие рассказывали сказки, легенды, сказания о нартах, знакомили их с пословицам, поговорками, скороговорками, загадками. Это развивало ум, смекалку и сообразительность детей. В произведениях устного народного творчества положительные герои предстают благородными, великодушными, проявляют доблесть, храбрость, способность переносить стра-

дания, сдержанность, терпение, уважение к старшим и женщинам – все они выступают как идеалы. Дети как губка впитывали в себя образы этих героев.

Весь уклад семейной и общественной жизни абхазов знакомил молодое поколение с традиционно-бытовой культурой, с морально-психологическими установками, нормами поведения, этикетом абхазов.

Народная педагогика применяла самые различные методы воспитания и обучения. Об одном из них, используемом в абхазских семьях, американский ученый, профессор Пола Гарб пишет: «Родители успешно пользуются методом, который, по-моему, можно применять повсюду в мире. Он состоит в том, что взрослые ведут между собой поучительный разговор в присутствии подростков, которые, возможно, не принимают участия в этих беседах, но хорошо все слышат. Темой разговора может быть чье-то примерное поведение, какой-то поучительный случай или чей-то плохой поступок, каких в жизни нужно избегать. Подросток при этом не должен даже догадываться, что весь этот разговор взрослые ведут специально для него»²³.

В нашей семье, в которой росло пятеро детей, подобный поучительный разговор родителей, был для нас весьма действенным уроком. Мы узнавали не только то, что хорошо и что плохо, но и то, что всякий плохой, лукавый поступок вызывает в людях осуждение, презрение, а хороший – приносит добрые плоды, пользу другим, украшает человека, вызывает всеобщее одобрение.

После вхождения Абхазии в Российскую империю (1810 г.), особенно со второй половины XIX в., возрастает процесс религиозного воспитания населения. Этому способствовало возобновление деятельности христианских церквей, строительство церквей в абхазских селах, открытие в деревнях церковно-приходских школ, перевод богослужебных книг на абхазский язык, постепенный переход в абхазских приходах к богослужению на абхазском языке.

Исходя из интересов духовного воспитания и образования детей, была составлена и учебная литература: первые абхазские бук-

вари (1865 и 1892 гг.), первая «Книга для чтения для абхазских училищ» (1908 г.), «Родная жизнь» (1910 г.) и др. В «Абхазскую азбуку» (1892 г.) были включены «Десять заповедей» Библии. Дети теперь уже и по школьному учебнику учились тому, как христиане могут применять принципы этих заповедей в жизни.

Первый: будьте исключительно преданы нашему Создателю. *Второй:* не используйте в поклонении изображения. *Третий:* всегда уважайте и восхваляйте Бога. *Четвертый:* выделяйте время, чтобы, не отвлекаясь, сосредотачиваться на духовных делах. *Пятый:* дети, уважайте своих родителей. *Шестой:* не убивайте. *Седьмой:* не прелюбодействуйте. *Восьмой:* не воруйте. *Девятый:* говорите правду. *Десятый:* остерегайтесь алчности.

Десять заповедей знакомили детей с вечными принципами: с поклонением Богу; «Люби ближнего твоего, как самого себя». Десятая заповедь «Не желай... ничего, что у ближнего твоего» – уникальна по своей сути – она побуждает человека исследовать свое сердце, проверять свои мотивы.

25 августа 1913 г. в с. Лыхны состоялось торжественное открытие «Бзыбского комитета Общества распространения просвещения среди абхазов». Выступившие на собрании церковники и миссионеры ставили перед комитетом, как главную цель, проповедь учения Христа, заботу «об издании на родном языке слова Божия и книг религиозно-нравственного содержания (с этой целью), о лучшей постановке изучения абхазского языка в школах, об организации церковного пения на абхазском языке»²⁴. П. Образцов о задачах Бзыбского комитета писал: «Маленький народ – абхазцы – имеют свою длинную, многовековую историю, и за долгий период своего существования им накоплены значительные духовные богатства как язык, народная поэзия, нравы и обычаи... Шаг за шагом терпеливо и должен комитет изучать духовный капитал, который сквозь длинный ряд веков нес и сохранил абхазский народ. Изучая его, он войдет в духовную жизнь народа, поймет особливые качества, свойственные душе его. Не силой денежной, не силой физической держатся и сохраняют бытие народа, а величием и мощью народного духа»²⁵.

Духовное воспитание детей занимало важное место не только в церковно-приходских школах, но и в государственных и других учебных заведениях. В этом направлении плодотворна была деятельность первых абхазских педагогов, особенно таких выдающихся просветителей, как Ф. Х. Эшба, Д. И. Гулиа, Д. Т. Маргания (Маан), А. М. Чочуа, С. Я. Чанба, С. П. Басария, С. М. Ашхацава, Н. С. Патейпа, А. И. Чукбар и др. Воспитанные на традициях народной педагогики, они служили образцом абхазской традиционности. Об этом свидетельствует их педагогическая, просветительская, литературно-переводческая, научная, общественная деятельность.

В XIX в. в Абхазии в процессе оживления традиций православной христианской культуры особенно ярко проявилась своеобразная религиозная ситуация: переплетение и мирное сосуществование христианства, мусульманства и язычества. Активно возрождалось христианство, в селах же с большинством населения, исповедующих ислам, по-прежнему продолжалось служение Богу по Корану и не имело места неуважительное отношение к христианским традициям, в то же время повсеместно соблюдались устойчивые языческие обряды и праздники.

Некоторые ученые или наблюдатели из неабхазской культурной среды рассматривают эту своеобразную ситуацию, как проявление атеизма или как религиозное безразличие. На наш взгляд, это неверно. Наоборот, проявление веротерпения, уважительное отношение к чувствам, совести и вере другого человека – это не только свидетельство высокой традиционной культуры народа, но и показатель веры народа в Творца. Для религиозного абхаза Бог-Творец один. Он все видит и, поклоняющиеся Ему – и христианин, и мусульманин, и язычник, заслуживают человеческого уважения.

Люди, удовлетворяя материальные потребности, естественно, одновременно заботились и о своих духовных нуждах. Религиозные догмы служили утверждению духовной и нравственной чистоты, приумножению лучших народных традиций, сплочению народа на принципах морали и нравственности апсуара.

Вечные религиозные ценности в абхазской традиционной куль-

туре нашли своеобразное национальное выражение; народ осваивал эти ценности, исходя из своих духовных потребностей.

Таким образом, в апсуара в абхазском обличье выступают важнейшие общечеловеческие нравственные принципы. Эти духовные ценности так же нужны, как родной язык, как земля — место обитания и другие атрибуты жизнедеятельности, без которых народность просто перестает быть народностью.

Видимо, таким путем могли появиться как особые нравственные понятия: «апсуа къабз» (абхазский обычай, адат), «апсуа цас» (абхазский нрав, характер), «апсуа иламыс» (совесть абхаза) и т. д., овеянные религиозным духом, возведенные в ранг закона народной жизни.

Не случайно некоторые авторы при определении апсуара, сравнивают ее с религией. Художник Л.К. Мхонджия пишет: «Апсуара — религия. Религия абхазов»²⁶. Разумеется, апсуара не религия в буквальном смысле, но в приведенной дефиниции подчеркивается, что апсуара содержит такие святыне истины, божественные нравственные законы, понятия, морально-психологические категории и другие нормы этнического самовыражения, которые воссоздают облик абхаза и без которых абхаз теряет свое этническое лицо. В этом смысле апсуара — духовная сущность абхаза.

Апсуара всегда выделяла абхаза, обращала на него внимание близких народов. Например, в соседней Мегрелии, с которой Абхазия связана многовековыми историческими и культурными узами, о благовоспитанном человеке, который служил эталоном подражания, говорили: «воспитан, как абхаз», «красив, как абхаз». В Мегрелии желанным было иметь невестку-абхазку или зятя-абхаза, воспитанного на традициях апсуара.

Еще раз позволим себе подчеркнуть, что принципы и морально-нравственное содержание понятий апсуара развивались, культивировались и прививались в процессе формирования абхазской этнической общности и связаны с естественным стремлением к определенному самовыражению и самоутверждению. Бесспорно, в апсуара наиболее ярко проявляется этническая специфика абхазского народа.

Будет ли апсуара когда-нибудь восстановлен? Многие люди с его возрождением связывают будущее народа. Известный писатель Джума Ахуба, размышляя о проблемах национального развития, которые беспокоят современное абхазское общество, пишет: «Те святыне понятия, которые тысячелетиями вели нас, как Библия христиан, как Коран мусульман, наш святой Аламыс, Апсуара мы настолько извратили, что стали произносить их с иронией... Не будет иметь прогресса ни язык наш родной, ни вообще народ, пока не восторжествует Аламыс, наша Библия, наша святыня Апсуара»²⁷. Писатель, как и многие наши соотечественники, связывает прогресс народа с абхазским аламысом, с возрождением апсуара.

Глава III. Некоторые аспекты этнокультурной системы апсуара

Народная культура многообразна и богата, как сама жизнь народа. При этом у каждого народа своя специфичная культура, которая создаёт этнический облик народа, его духовную сущность.

Традиционная абхазская культура на протяжении многих веков привлекает внимание иностранных путешественников, деятелей науки, культуры. С XIX в. русские, грузинские и абхазские учёные, краеведы, просветители всё чаще обращаются к проблемам абхазской культуры, фиксируют материалы, публикуют статьи, высказывают свои соображения по вопросам быта, нравов, обычаев, этикета абхазов.

Однако планомерная работа по сбору материалов и научному исследованию проблем абхазской традиционной культуры стала проводиться в советское время. Широким фронтом в этот период ведут

поисковую и исследовательскую деятельность абхазские этнологи, фольклористы, лингвисты, искусствоведы, историки, философы и другие. Создаются фундаментальные монографии, публикуются научные статьи по различным жанрам устного народного творчества и народного искусства, быту, обычаям, этикету, браку и семье, одежде, пище и т.д. И, естественно, всё это вошло в золотой фонд не только абхазоведения, но и в целом кавказоведения.

Апсуара, прежде всего, являет собой свод духовных, морально-этических ценностей народной культуры. Общественное сознание, как известно, фильтрует ценности. Это значит, что на уровне народного понимания в апсуара включаются только гуманистические морально-этические ценности, т.е. все положительные качества, которые характеризуют праведного человека. Передаваясь из поколения в поколение эти ценности закрепляются в традиционной культуре, обретают силу закона, превращаются в нормы жизни. А всё отрицательное, которое проникает в повседневный быт народа через несовершенный человеческий мир, апсуара отвергает, резко осуждает, как нечто унижающее, оскорбляющее достоинство человека.

Нравственные принципы, нормы и установки апсуара не абстрактные понятия, они находят конкретное воплощение в народной культуре. Апсуара живёт, пока в народной культуре действуют его нравственные законы. В свою очередь, абхазская культура остаётся традиционной в классическом смысле, пока в ней действуют основополагающие морально-этические принципы и нормы апсуара, выработанные в процессе формирования абхазской традиционной культуры.

В классическом понимании без апсуара нет традиционной абхазской культуры. В то же время нет апсуара без традиционной культуры, т. е. они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Другими словами, они живут вместе и служат духовному обновлению человека.

Народная культура – многосложна. В широком смысле она охватывает духовную и материальную сферы деятельности человека. В узком смысле народная культура объемлет только нематериальную сферу человеческого деяния.

В 1946 году известный абхазский долгожитель-сказитель Ашхангери Бжания (1799–1946) поведал писателю Баграту Шинкуба о месте апсуара в жизни абхазского народа следующее: «Наверху небо, внизу земля, между ними движется ярко сверкающее солнце. Для абхаза апсуара равна им. Абхаз есть – пока он имеет апсуара! Наша Родина и наша апсуара единоутробны, они дополняют друг друга. Вы, молодые, встающие на ноги, этого не должны забывать!»¹. Пока живёт апсуара – есть сам абхазский народ. Так размышлял Ашхангери. Так воспринимается апсуара в народной среде.

Этническая самость народа больше всего проявляется в нематериальной сфере культуры. Национальным своеобразием проникнуты: этнографический быт народа, обычаи, нравы, семейные отношения, этикет, изустное народное творчество, народные песни и пляски, гостеприимство и хлебосольство, ораторское искусство, атлычество, асасство, народная педагогика, спортивные игры и всаднический этикет, культура речевого общения, формы приветствия, благопожеланий и т.д. и т.п.

Разумеется, отмеченными здесь аспектами не ограничивается нематериальная сфера абхазской традиционной культуры. Нравственные и морально-психологические нормы поведения традиционных абхазов проявлялись в самых различных сферах человеческих отношений – в общественных, семейных, личностных. Поскольку отдельные специфические нормы поведения отличали абхаза от других народов, сами абхазы, как бы считая эти нормы этническими признаками, присущими им, особо выделяли, например, такими выражениями: «совесть абхаза», «хлеб-соль абхаза», «слово абхаза» и др. А представители других народов воспринимали и высоко ценили проявления народных нравственных качеств.

Традиционный абхаз стремился везде и всюду, при любых обстоятельствах следовать морально-нравственным законам апсуара, т.е. в своих практических действиях, поступках и словах проявлять: совесть абхаза (апсуа ламыс); честь и уважение (апату); гуманность (ауаора); мужество, героизм и отвагу (ахацара); рыцарство, благородство (аамыташэара); уважение к старшим (аихабы хатыр

икѣцара); соблюдение старшинства (аибарцшра); взаимоснисходительность (аихацгылара); снисходительное отношение к слабому, доброте, душевность (агѣыхалалра); скромность, кротость, выдержанность, деликатность, вежливость; чувство долга и достоинства; взаимопомощь, взаимоподдержку (аицхыраара, «киараз»); стойкость, твёрдость, терпение (ачхара) и т.д.

На фоне определённых успехов в области изучения абхазской традиционной культуры, к сожалению, особенно чувствуется отставание в исследовании проблем апсуара. Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Сам этот кодекс (апсуара. — А. Э.), который у нас так часто на устах, продолжает бытовать всё ещё больше только в устной форме и разрозненно, сохраняется в жизни и народной памяти в виде воспоминаний о соответствующих обычаях и неписанных правилах поведения людей, теряя с течением времени один драгоценный элемент нашей культуры за другим»². Учёный, который внёс большой вклад в изучение традиционной культуры абхазов, как видим из его статьи, написанной незадолго до кончины, был весьма озабочен этим обстоятельством. Он поставил вопрос о необходимости составления кодекса апсуара: «Оформить «апсуара» в виде более или менее полного цельного письменного памятника, перенести на бумагу её законы и положения «очищенные» от всякого наносного и фальшивого — это одна из самых первых и, думается, ответственнейших задач в деле её изучения и практического использования»³.

Духовные, нравственные, этические и этикетные ценности апсуара, придающие традиционной национальной культуре неповторимое обаяние, жизнеутверждающую силу и этнический колорит, рассыпаны, словно жемчужины по всем самым разнообразным структурам традиционной культуры. И везде — в этнографическом быте народа, обычаях, гуманистических традициях, нравах, в семейных отношениях, традиционном гостеприимстве, изустной литературе и прочих сферах культуры в качестве исключительной ценности выступает человеческое достоинство — добродетельное отношение к человеку, пронизанное как бы Божьей любовью.

А чтобы донести до сердца и ума уникальность морально-нрав-

ственных ценностей апсуара, прежде всего, необходимо с духовно-нравственных позиций изучить каждую составляющую абхазской традиционной культуры в отдельности и вычленив из неё смысл и содержание, определить их общественную функцию и назначение в жизни народа. В абхазоведении уже наметился такой подход. Учёные начинают с духовно-нравственных позиций рассматривать традиционную культуру в целом и составляющие её компоненты в отдельности.

1. Гостеприимство у абхазов

Исторические источники XIX в. говорят о том, что вплоть до нового времени у абхазов сохранилось традиционное гостеприимство. Из материалов, зафиксированных очевидцами, недвусмысленно явствует, что в древности абхазы словом *гость* обозначали незнакомца, пришедшего в дом хозяина, и он высоко почитался.

Гость в абхазском языке – *асас*. Этимологии слова *асас* в абхазском языкознании, насколько мне известно, ещё никто не касался, хотя гость и гостеприимство в жизни абхазов занимает особое место. Я, как историк, позволю себе высказать свои соображения на этот счёт. Слово *асас*, на мой взгляд, состоит из двух составляющих *ас* и *ас*. Оба они, очевидно, однозначны по смыслу, а повторение в одном слове двух одинаковых выражений, разумеется, подчёркивает особый смысл самого двусоставного слова. А чтобы уяснить, какой смысл вкладывался в слово *ас-ас* теми, кто ввёл в словарный фонд языка данное слово, надо поразмыслить: что же означает понятие *ас* в абхазском языке. По «Словарю абхазского языка» слово *ас* означает *так*. *Ас* может быть употреблено в различных смыслах: например, в указательном *ас оуп* (есть так), *ас уца* (так пойдя), *ас и́каца* (так сделай) и т.д. В этих примерах отмечены указательные значения *ас*.

Слово *амоас* (проходящий [проезжающий] мимо) состоит из

двух частей: *амоа* (дорога) и *ас* (так). В данном сочетании *ас* приобретает значение *так*, но с оттенком указания направления движения «*так мимо*», «*мимо кого-то*». В такой интерпретации слово *амоас* (проходящий [проезжающий]) «*мимо кого-то*», очевидно, в древнее время обозначало пригостившегося путника (может быть ищущего приюта), т.е. проходившего мимо дома незнакомца, который пришёл к нему. С течением времени *ас+ас* из словосочетания (*амоас*) мог образовать новое слово в значении *асас* (гость). Разумеется, предложенное толкование слова *асас* — гипотетическое, предполагаемое, но вполне допустимое. Народная этимология слова очень часто не согласуется с научным анализом. В то же время, принятые в языкознании научные принципы очень часто не дают ключ для раскрытия этимологии отдельно взятого слова, а иногда даже отводят в сторону.

Духовные основы абхазского гостеприимства не остались незамеченными у представителей других культур. Г. А. Рыбинский отмечал: «На всякого гостя он (абхаз. — А. К.) смотрит, как на Божью благодать, ставит на стол все свои достатки и ухаживает за ним с известным церемониалом»⁴. О законе гостеприимства у абхазов в широком смысле статский советник А. П. Черепов писал: «Обычай исконный оказывать гостеприимство всякому пришельцу, не спрашивая, кто он, откуда и за чем пришёл, так уважается, что никому не отказывалось в приюте: был ли пришелец преступник и искал защиты от преследований, или добровольный изгнанник, не ужившийся с нуждою и горем на родине. Всякий общинник вменял себе в непременный долг не только принять гостя, но, ежели гость желал остаться на жительство, оказывать ему защиту и покровительство, пока *асас* (гость. — А. К.) вёл себя не оскорбительно в отношении к патрону и его семье»⁵. Учёный-историк Д. З. Бакрадзе по этому поводу сообщает: «[в Абхазии] ... гостеприимство носит доселе характер гостеприимства времён Гомера... Вы можете остановиться у каждого лишь в качестве гостя, и вам подадут всё, что есть; хозяин, к какому бы известному роду ни принадлежал, сама хозяйка, даже невеста станут прислуживать вам, как ваши собственные люди. Они

и не сядут в вашем присутствии. Даже сильнейшее, испокон веку продолжающееся кровопролитие бессильно перед обычаем гостеприимства: вы можете быть гостем, ничего не опасаясь, у заклятого вашего врага, который в другом случае вас подстрелит, как разбойник из-за куста или бросится на вас с кинжалом, где бы вас ни встретил»⁶. В 1871 г. о гостеприимстве у абхазов А. Н. Введенский, хорошо знавший Абхазию по своей службе, писал: «Хозяин обесчестит себя, если откажет в ночлеге и ужине каким бы то ни было случаем захавшему к нему незнакомому гостю. Кто бы ни был приезжий, его встречают с радушием, ему отдаётся лучшая постель, и его угощают всем, что только есть у хозяина. О прислуге и лошади приезжему тоже нечего заботиться, – они будут сыты и приютены. Предложить что-нибудь за ночлег и ужин хозяину – это кровно обидеть его... Обычай гостеприимства так велик...»⁷. Спустя два десятка лет Н. М. Альбов отмечал: «Гостеприимство здесь не только простой обычай, но скорее закон, вообще нечто священное, что нарушить, считается важным грехом, не говоря уже о том, что нарушение это навлекает на того, кто дозволит себе сделать это, всеобщее порицание»⁸. Профессор П. И. Ковалевский замечал: «Гостеприимство у абхазцев очень радушное, и гости являются настоящими господами сакли» (там же). По словам К. Д. Мачавариани, «гость у абхазцев считается особой священной и желательной во всякое время»⁹. «Абхазцы имеют обыкновение ... угощать у себя в доме всякого, не исключая и смертельных даже врагов»¹⁰ – так сказано в кратком военно-статистическом обозрении Абхазии Департамента генштаба (1843).

Как явствует, процитированные выше авторы уловили духовную суть абхазского гостеприимства, дошедшую вплоть до XIX в. – любовь к незнакомцам, забота об их нуждах:

1. У абхазов «гость – Божья благодать», гостеприимство – «закон священный», нарушение его «важный грех».

2. Всякий пришелец – гость, независимо, «кто он, откуда и зачем пришёл», «и преступник, искавший защиты от преследований, и добровольный изгнанник».

3. Непременный долг всякого общинника — «принять гостя, оказывать ему защиту и покровительство».

4. Сильнейший у абхазцев обычай кровной мести был бессилён перед законом гостеприимства, «человек мог быть гостем, ничего не опасаясь, у заклятого своего врага».

5. Абхазцы любого приезжего «встречали с радушием, ему отдавали лучшую постель, угощали всем, что только есть у хозяина».

6. Гостеприимство у абхазцев «закон исконный», носит характер «гостеприимства времён Гомера»...

Глаза ближнего, сфокусированные правильно, видят тебя лучше, чем сам себя. Доброе сердце ближнего оценит верно любовь и доброту сердца твоего. Многие иностранцы, побывавшие в Абхазии, пронизательным глазом заметили и сердцем прочувствовали и зафиксировали духовные и нравственные принципы, составляющие основу традиционного абхазского гостеприимства.

Абхазские учёные, изучающие традиционное гостеприимство, главное внимание уделяют раскрытию его морально-нравственных основ. С этих позиций Ш. Д. Инал-ипа рассматривает целую лабораторию гостеприимства, состоящую из многих подсистем¹¹. Отметим некоторые положения, на которые он обратил внимание.

1. Гости были желанными всегда, каждая абхазская семья ожидала гостя в любое время*.

* Этнолог В. Л. Бигуаа отмечает: «В языке столь гостеприимных абхазов нет слова «гостеприимство», ибо нет у них понятия «принимать или не принимать гостя». Гость идёт в гости, но никогда и ни при каких обстоятельствах не спрашивает у хозяев разрешения. Гостя встречают все члены семьи, как праздник... Гость в абхазском доме Божья благодать. Отсюда и необычное название гостиной: асасиртџа — место прихода гостя». См.: Бигуаа В. Л. Жизнеобеспечивающая система абхазов: традиции и современная действительность // Этноэкологические исследования. — М.: 2004. — С. 256.

2. Семья заранее готовилась к приёму гостей. Для гостей в старину строился специальный дом во дворе – «место, куда приходят гости» («асасааирта»). Каждая семья, даже самая бедная, старалась приберечь хоть что-нибудь для гостей. Хозяйки прятали подальше от членов семьи разные продукты, пряности, напитки. Хозяин обязательно имел в сбережении долю гостя («асас ихэы») – вино, скотину. Ш. Инал-ипа пишет: «Распространённое выражение «абхазы живут для гостей» в известной мере соответствовало действительности: самый лучший дом предназначен был для гостей, самая лучшая пища – для гостей, самая лучшая постель опять для гостей и т.д.»¹².

3. Абхазы чтут обычай приглашения гостей. Хозяин приглашает людей, проходящих мимо его жилища, выходит к ним, приветствует традиционным «Добро пожаловать!» («Бзиала шэаабеит!») и просит: «Заверните к нам – позвольте быть хозяевами!» («Шэы-моахыц, ҳацшэымазааит!»). Таким же образом поступает абхаз и в любом месте своего села, встретившись с знакомыми из другой общины. В старину думали об угощении даже тех, кто не заходил в дом, а был мимо проходившим путником. На проезжих дорогах встречались крытые беседки, в которых абхазы также ставили еду в деревянных чашках и питьё для путников¹³.

4. Встреча и приём гостей – это удивительно красивая щедрость человеческого сердца. И стар и млад выходят навстречу. Словами «Добрый день!» («Мшыбзиа!») гость первым приветствует хозяев. «Добро тебе видеть! Добро пожаловать!» («Бзиа убеит! Бзиала уаабеит!») – отвечает старший, а за ним и другие). И это нечто больше, чем простая форма вежливого обращения. Женщины, обводя рукой вокруг головы гостя, как бы магически снимая его недуги, целуют его в плечо, слегка прижимаясь к нему¹⁴.

Гостя приглашают войти в дом. Но кто же первым переступит порог? На первый взгляд церемония взаимных уговоров хозяина и гостя кому-то может показаться излишней процедурой. На самом же деле этот эпизод приёма имеет глубокий духовный смысл и отражает представление древних предков о госте, зафиксированное в

выражении «Ты гость своего Создателя». Ибо обычаем, вопрос, кому первым войти в дом, давно решён в пользу старшего хозяина, но он не спешит воспользоваться своим правом, уступая дорогу гостю.

Гостя усаживают на почётное место, тогда как сами хозяева, в том числе и глава семьи, садятся не сразу, ведь даже патриарх рода будет стараться присесть не раньше, чем это сделает гость. А то, что молодые члены семьи стоят перед гостем – это проявление глубокого уважения, так же как и вставание при появлении каждого постороннего человека (ахацгылара).

5. Главнейший элемент ритуала гостеприимства – угощение, хлеб-соль (ачеицъыка). В устройстве его участвуют все члены семьи, помогают и соседи. Самым почётным блюдом считается свежее вареное мясо домашнего животного (козы, барана, быка, коровы), зарезанного специально в честь прибытия гостя. Хозяин мог быть довольным собой, положив на стол перед гостем лопатку и другие наиболее почётные части туши. Считается признаком не только достатка, но и проявлением высокого почтения к гостям, подать отменное домашнее вино. Бывают случаи, когда предлагаются вина двух-трёх видов производства разных лет. Но при этом обилие стола украшается, прежде всего, радушием, теплотой обслуживания, обходительностью, изысканным горским этикетом.

Естественно, застолье у крестьян-бедняков было значительно скромнее: «Чем богаты, тем и рады». Но и в таком случае щедрое радушие и любовь к гостю обогащало содержание трапезы. Отмечая это, русский писатель Вас. Немирович-Данченко пишет: «... изящество обращения с гостем абхазцы впитали в себя с молоком матери... Возьмите вы любого крестьянина, – грузина, абхаза, горца, – как он красив, ловок; как он сумеет всюду и при всякой обстановке отстоять своё достоинство, не растеряться, не ударить в грязь лицом!.. И в этой бедной семье абхазского поморья мы встретили такой изящный приём, как и в других местах горного Кавказа... Обитатель этого шалаша нисколько не стыдился своей бедности, и владетельный принц едва ли мог бы принять нас с таким же достоинством и радушием»¹⁵.

Приведённые выше строки Вас. Немирович-Данченко написал в 1880 г., когда абхазы переживали трагический период после известной последней массовой депортации в Турцию и объявления оставшейся части народа «виновным населением», чем были сильно унижены. И в этой обстановке, как подчёркивает автор, народ бодрствовал духовно, отстаивал свою честь, держался достойно, оберегал свои лучшие традиции, по-прежнему щедро открывал в своей «жалкой, бедной пацхе» душу желанному гостю по канонам апсуара.

6. Омование рук, которым начинается и кончается застолье, является одним из элементов церемониала гостеприимства, в своеобразной форме подчёркивающих почитание гостя у абхазцев. Ш. Д. Инал-ипа описывает, как уважаемый гость и старший в доме настойчиво приглашают друг друга совершить омование первым. «Помой руки, да приму на себя твои беды!» – просит хозяин. Гость отвечает: «Как можно раньше тебя, ты – хозяин!». После неоднократного взаимного приглашения, наконец, хозяин (или другой старейший местный житель), уступая обычаю, начинает омование. Когда очередь доходит до гостя, который всегда должен быть первым после старейшего из хозяев, он снова отказывается помыть руки, пока не сядет на своё место старший, только что омывший руки. Если сам гость не стар и уже в достаточной мере проявил внимание к старшему, ему, в конце концов, удаётся уговорить его. Но может дружелюбный диалог затянуться ещё на несколько минут, если старший хозяин, желая в свою очередь выразить своё высокое почтение к гостю, отказывается выполнить его просьбу. Когда уже оба помыли руки, они вместе занимают свои места за столом, ибо пока столь уважаемые люди находятся на ногах, остальные не могут позволить себе совершить омование¹⁶.

В данной процедуре, как и во всех других подсистемах гостеприимства, ярко проявляется глубоко уважительное отношение к гостю хозяев и всех присутствующих. И в наши дни, когда законы и нормы апсуара довольно-таки упрощены, этот этикет всё ещё соблюдается, правда в значительной мере потеряв те глубокие духовно-нравственные основы, которые были присущи ему в прошлом.

7. Порядок рассаживания людей за столом — составная часть этикета застолья. По установленному порядку, гостя и сопровождающих его лиц усаживают на видном месте, они находятся в центре внимания. Старший из хозяев занимает самое почётное место в «головной» части стола. Долгожители-старцы у абхазов считаются весьма уважаемыми членами трапезы, за ними размещаются старшие соседи. Младшие из уважения к старшим не должны садиться рядом с ними. Учитывается не только возраст, но и родственные отношения. Сын не должен сидеть рядом с отцом, зять — с тестем, племянник — с дядей по линии матери и т.д. За традиционным столом женщины не садились с мужчинами за стол. Из почтения к гостю младшие хозяева — братья или сыновья главы семьи — не садятся сразу за стол, они обслуживают застолье. Когда всё подано, главный из присутствующих в традиционной форме приглашает их к столу. Один из младших членов семьи, принимающий гостей, проводит весь вечер на ногах, если даже это не связано с обслуживанием застолья.

Поведению и форме обхождения за столом учатся с детства — как вести себя, соблюсти тон, поддержать этикет; множеству приличий, самых тонких во взаимоотношениях, обращениях, выражениях. Гости ценят, когда в трапезе присутствуют любезные отношения друг к другу, радость, веселье. А хозяева и соседи стараются, чтобы соблюдались традиционные нормы застолья.

Женщины, которые озабочены кулинарной частью и своевременной подачей блюд, не изолированы от общения с гостями. В 1925 году Е. М. Шиллинг, наблюдая за бытом бзыбских абхазцев, писал: «Если вы поднимаете тост за какую-нибудь из присутствующих девиц или женщин, она обязательно пьёт в благодарность, а вы должны взять со стола кусочек мяса, сыра или чего-нибудь ещё и подать ей. Принимая от вас кусок, она делает обычное благодарственное мановение правой рукой. Иногда к шумному, несколько опьяневшему столу, чинно подойдёт пришедшая из амацурты старуха-хозяйка. Тотчас поднимается тост за её здоровье, она с достоинством отвечает, выпивает рюмку водки и садится за стол, при-

нимая участие в общей беседе, но сама ничего не кушая»¹⁷. Подобное изредка наблюдается и в наши дни, особенно в традиционных сельских абхазских семьях.

8. Тамаду, руководителя застолья, представляет хозяин, при этом он просит тамаду оказать гостям достойные честь и уважение. Обычно это один из близких данной семье людей, человек, прежде всего, уважаемый в роду или посёлке, хорошо владеющий нормами апсуара, искусством застольного этикета, красноречием, с чувством меры, умеющий пить, петь, веселиться. Каждое застолье имеет свои особенности, что обязывает тамаду осмыслить содержание и последовательность тостов в честь гостей, хозяев и всех присутствующих.

Тамада задаёт тон застольному веселью, а все остальные поддерживают такой настрой, при котором проявляются тонкие нюансы человеческих взаимоотношений, теплота души хозяев, их щедрость.

9. Хозяин проявляет искреннюю заботу о развлечении и отдыхе гостей. Когда их было много и они оставались на несколько дней, соседи и родственники активно подключались в дело достойного обслуживания гостей, считая их и своими гостями. Старцы развлекали их интересными рассказами, как бы состязаясь между собой в мастерстве художественной речи, другие демонстрировали своё искусство игры на музыкальных инструментах или показывали искусство наездничества (аеыбгаказара), устраивая джигитовку (аеырхэмарра) и т.д. В приёме гостей, как и во многих других случаях, участие соседей было призыванием сердца и носило разнообразный характер, вполне оправдывая содержание абхазского звучания самого слова сосед (агэыла).

Каждый член семьи знал свои обязанности в обслуживании гостей, делал всё для того, чтобы гости хорошо провели время и спокойно отдохнули.

Жизнь и достоинство гостя защищались и оберегались семьёй хозяина, всей его родственной группой, даже всей общиной, которая также в известной мере отвечала за гостя.

10. Гостем считался всякий, кто приходил в дом абхаза. Как выше уже отмечалось, гостями становились незнакомые путники, остановившиеся на ночлег; преступник, искавший защиту от преследований; изгнанник, не ужившийся с нуждой на родине и др. Не принято было расспрашивать гостя, выведывать у него разные сведения. Русский офицер Ф. Торнау писал: «Чужого человека принимают не спрашивая, кто он, откуда и куда едет, пока он сам не сочтёт необходимым объявить об этом, иногда только как тайну, одному хозяину, имея причины скрывать своё имя и свои дела от посторонних людей»¹⁸.

Такие гости получали приют, нередко хозяин отводил им землю рядом со своей усадьбой, помогал обустроиться, встать на ноги, а также покровительствовал ему, обеспечивал его безопасность. Подобное отношение проявлялось и к соплеменникам, и к иноплеменникам, прибывающим из сопредельных стран.

На определённом этапе развития феодально-зависимых отношений положение *асаца* постепенно меняется. Со второй половины XIX века складывается институт «асаства», в котором уже начинает преобладать социально-экономическая природа, соответственно духовные начала отступают. Анализируя процесс этого нового явления, Г. А. Дзидзария указывает: «Омеченная эволюция асаства заключалась в превращении его, с одной стороны, в определённое орудие феодальной эксплуатации крестьян, с другой стороны, — в своеобразную форму классовой борьбы этих последних»¹⁹.

Гости кровнородственные (*ажьрацэара*), особенно по линии матери и отца, всегда были желанными. Они периодически навещали друг друга, нередко группами, если они жили подальше — в отдалённом районе. Например, дочери приезжали в родительский дом со своими мужьями и детьми верхом, женщины на женском седле, мужчины в национальной одежде с традиционными для мужского наряда атрибутами (кинжал, ножи и т.д.). Обычно приезжали на несколько дней, как правило, с подарками, преимущественно после завершения полевых работ, уборки урожая или в зимнее время. К таким поездкам готовились, чтобы достойно представиться перед

родителями и соседями. И всё это воспринималось как показатель того, что дочь живёт в традиционной семье, в достатке, счастлива.

Высоко почиталось, когда брат с друзьями наносил визит сестре и зятю, или когда родители приезжали в гости к своему зятю, чтобы пообщаться с кругом его родственников, со своими внуками и др. Подобные взаимные посещения становились своеобразным праздником для обеих сторон, эти семейные торжества разделяли и близкие соседи хозяев.

В детстве я бывал участником таких событий в нашем доме, когда к нам приезжали сёстры отца со своими мужьями и детьми. С тех пор прошли десятилетия. Вокруг меня уже нет этих людей. Но во мне живут чувства радости и любви, испытанные в те далёкие детские годы от общения с дорогими людьми – двоюродными братьями, сёстрами и др. Подобные взаимные посещения дарили нам всем – и взрослым и детям – неизгладимые чувства любви, радости, мира. Такое общение было неотъемлемой частью нашей культуры, счастливой средой нашего обитания.

11. Для верховых гостей имелись, установленные обычаем, правила гостеприимства.

У абхазов развит культ лошади. Каждый крестьянин старался иметь хорошо ухоженную лошадь и конскую сбрую для седлания. Лошадь служила средством передвижения человека, не принято было запрягать её для выполнения сельскохозяйственных работ. Абхаз верхом являлся на сельский сход, на свадьбы, похороны. А в гости ходили верхом даже в пределах своего села.

Перед домом, в центральной части двора, под тенью дерева, гостеприимный хозяин вбивал в землю ветвистый сук для привязки коней. У Ш. Инал-ипа читаем: «Коновязь первой встречает гостя», – говорили в народе, и отсутствие её также могло быть истолковано как нехороший признак, т.е. как проявление негостеприимства хозяев»²⁰. Ритуал гостеприимства предусматривал выработанный обычаем порядок встречи и приёма верхового гостя. Хозяин встречал гостя, помогал спешиться с лошади, поддерживая ремень и стремяна, принимал поводья и привязывал лошадь в удобном месте. Если

лошадь уставшая, освобождал подпруги и подавал ей поесть кукурузу, лошадь отдыхала с седлом. После высыхания пота у лошади, хозяин снимал седло и водой окатывал круп коня. А в том случае, когда хозяева встречали группу верховых гостей, всё это делали молодые люди, обычно они быстро подбегали и уважительно обслуживали верховых гостей и их лошадей. А если женщина садилась или сходила с коня, и не было при этом табуретки поблизости, мужчина, независимо от сословной принадлежности, подставлял ей своё колено, проявляя тем самым уважение к даме.

У абхазов было принято особо ухаживать за лошадьёю гостя. На совести хозяина дома лежало безопасное её содержание. Если что-нибудь случалось с лошадьёю или на неё сел кто-либо без разрешения самого хозяина лошади, то это считалось позором для хозяина дома.

Хозяева заботились о корме и приюте лошади. В зимнее время кормили её рушеной кукурузой, содержали в помещении, если даже погода стояла хорошая, а летом пускали в ограждённое пастбище («ахкаара»). Лошадь купали на речке, содержали её в чистоте. Уход за лошадьёю гостя являлся оказанием чести и уважения к хозяину лошади и к самому себе.

Перед отъездом гостя, хозяин дома приводил коня, чистил, кормил его кукурузой и осёдлывал. Хозяин подводил коня к гостю и, поддерживая стремя, помогал садиться на лошадь. В больших семьях всё это входило в обязанность младшего сына.

Бывало, гости старались продемонстрировать достоинства своего коня, а также искусство наездничества, всаднический этикет. В мои детские и школьные годы во дворе нашего дома устраивали джигитовку, когда приезжали к отцу в гости зятя Кутелия Реджиб (с. Арасадзыхь), Макацария Чанта (с. Репи), Вардания Санатре (с. Додлан), Нармания Аслан (с. Река). По соседству с нами жили известные в Абхазии профессиональные джигиты Заракуа Сепана и Куправа Янко. Мой отец, Эрасто, был признанным наездником. Вот они выставляли своих коней, устраивали осмотр, обсуждали их достоинства и недостатки, бывало дружески обменивались конями. Пос-

ле таких джигитовок наш обширный дедовский двор становился похожим на перепаханное поле.

12. Проводы гостей в ритуале абхазского гостеприимства имели также свои особые правила. Этот церемониал Ш. Инал-ипа описывает следующим образом: «Когда гость покидает гостеприимный дом, все выходят за ним во двор; молодёжь поддерживает стремя его коня, а он садится на лошадь, обернувшись лицом непременно к дому. Хорошо, если гость перед отъездом покажет своё искусство в верховой езде и оставит на память следы копыт на зелёной лужайке перед домом. Ни один абхаз не покинет пределы гостеприимного двора, не сказав напоследок «Абзиаразы!» («Всего хорошего!») или «До следующей благополучной встречи!»). Того же самого желают ему в ответ. В прошлом хозяин провожал гостя до границ общины и даже далее. И только после всего этого возобновлялись работы по хозяйству, прерванные в связи с посещением гостя»²¹.

По старинной традиции хозяин преподносил гостю подарки. Чаще всего это делалось за пиршеским столом. Передавая после произнесения тоста чашу с вином гостю, хозяин сообщал, что вместе с бокалом он преподносит ему такой-то подарок. Обычно публичное одаривание предусматривало дорогие подарки – лошадь, оружие и прочее, и делалось это во время церемонии проводов.

Приведём пример. Это было в конце 20-х годов XX века. В семью Раджиба Кутелия и его жены Марты в с. Арасадзыхь приехали в гости родственники из с. Репи: сестра жены Реджиба – Химур, её муж Чанта Макацария, брат Чанты – Гуджидж и сын Чанты – Макар. В день нашего отъезда, – рассказывает Макар, во дворе дома под тенью деревьев был накрыт прощальный стол. Присутствовали соседи. Реджиб, подняв тост, по-абхазски поблагодарил гостей-родственников за посещение его дома, а потом приступил к распределению подарков. Для Чанты и Гуджиджа к деревьям были заранее привязаны оседланные лошади, для меня – бычок, были преподнесены и вещевые подарки. В ответной речи Чанта с бокалом вина в руках, благословил хозяина дома, всех членов семьи и соседей за радушное гостеприимство и поблагодарил за подарки. К Чанте под-

водят лошадь – красавца северокавказской породы с седлом, в полной сбруе. Конь ретивый, сделал несколько резких игровых движений по двору, сразу почувствовал достойного хозяина. В Репи дали ему кличку «Окроиа» («Золотистая») по цвету шерсти. Вскоре по всему Самурзакану прошла слава о коне кабардинце Окроиа.

13. Относительно традиционного абхазского гостеприимства Ш. Д. Инал-ипа заключает: «Начинаешь думать о том, как в течение столетий народная мысль неустанно работала над усложнением одного из основных устоев обычного права. Причём вся эта работа, казалось была направлена к одной цели, которую можно выразить словами: «Всё для гостя!». Здесь речь идёт не только об элементарном требовании угощения, удовлетворении материальных запросов человека, даже не о строительстве каждым хозяином отдельного гостиного дома, хотя это уже само по себе является показателем немаловажного значения. Особо следует отметить морально-этическую сторону гостеприимства, защиту чести, достоинства и самой жизни совершенно чужого человека, становящегося как бы членом семьи, более того, священной особой с того самого момента, как только он переступил порог гостеприимного дома»²².

Гостеприимство у абхазов никогда не было фарсом из разряда хороших манер, во все времена это – нравственный институт. Гостеприимство – это больше, чем отличительная особенность какой-нибудь национальности или этнической группы, вероятно, оно является характерной чертой истинных поклонников Бога. В библейские времена добродушное и щедрое гостеприимство проявляли в древнем Израиле и других странах. Примеров тому много. Люди, которые поклонялись Богу, верили, что Творец удовлетворяет материальные потребности своих созданий, помимо того заботится и об их духовных нуждах. И у верующих появилась возможность установить хорошие отношения с небесным Отцом. И, чтобы жизнь была успешной, поклонники стремились подражать столь нежной заботливой щедрости Бога.

Было время, когда духовность пронизывала традицию, обычаи, нравы. Тогда они были красивыми, ибо в их основе лежала любовь

– любовь к Богу, к его законам и принципам. Когда вера ослабла, люди стали совершать больше ошибок, предавались своим законам. Они переставали понимать, что борьба против развращённости ведётся в сердце. Ключом к победе является любовь. Те, чьи сердца исполнены любви, остаются верными духовным законам. Но люди, ослабевшие в вере, не способны развивать такую любовь. А раз не достаёт веры, люди переступают заповедь Божию – «возлюби ближнего, как самого себя».

Мы, люди, благословлены такими дарами, как разум и совесть (нравственность и духовность), но всё равно нам нужен Божий закон, чтобы уметь пользоваться этими дарами.

Имелась духовная подоплёка, когда оказывали любящее щедрое гостеприимство, когда хозяева предоставляли гостю лучшее, что могли. Этим они ценили святость человека, берегли святость гостя и свою святость. Верили тому, что за сердечное гостеприимство будут благословлены. Такое понимание нашло отражение и в абхазском фольклоре. Народные поговорки гласят: «С гостем семь счастья приходит», «Кого часто гости посещают, у того котёл пустым не бывает...».

14. Самые красивые и гуманные традиции и обычаи, когда они утрачивают своё духовное содержание, постепенно подвергаются искажениям, а в дальнейшем, обретая отрицательные черты, принимают нередко уродливое содержание. Порой так случалось и с гостеприимством – когда начинали ослабевать духовные мотивы и возобладали плотские желания и похоти очей.

С развитием феодальных отношений привилегированное сословие стало приспосабливать древний закон гостеприимства к своим интересам. Отдельные князья и дворяне стали часто практиковать посещение крестьян. Мало-помалу гостеприимство становится одной из завуалированных форм феодальной повинности, которую несли крестьяне по отношению к представителям высшего сословия. В таких случаях гостеприимство приобретает принудительный, разорительный характер. Имея это в виду, Ф. Торнау писал: «Гостеприимство есть самый разорительный для абхазцев обычай; чтобы принять достойно почётного гостя и не уронить себя в глазах своих

соотечественников, он должен убить быка или козла и, изготовив всего, подать на стол»²³.

Нередко крестьянин для асаса-феодала, посетившего его, жертвовал последней скотиной, приносил последнюю горсть зерна, а когда не имел этого, добывал у другого. Подобные случаи имел в виду начальник Черноморской береговой линии А. И. Будберг, который в 1846 году писал: «В один день истреблялся труд целого года, тунейдцы питались за счёт трудолюбивых»²⁴.

Используя связанный с абхазским гостеприимством обычай одаривания, представители дворянства не стыдились выпрашивать у хозяина, понравившееся в доме, любую вещь или скотину. Считалось стыдом отказать в просьбе, и хозяин, стоя произнеся тост в честь гостя, преподносил ему тот или иной подарок²⁵.

По мнению Г. А. Дзидзария, феодалы придали гостеприимству эксплуататорскую сущность, и этот обычай приобретал «характер едва ли не самого тяжкого вида оброка»²⁶.

В конце XIX – начале XX вв. были зафиксированы случаи, когда представители высшего сословия, которые часто прибегали к обычаю гостевания у других, привыкали к безделью и паразитическому образу жизни. Н. В. Фон-Дервиз, проживший в Абхазии лет пятнадцать, указывает, что некоторые мелкопоместные абхазские дворяне вовсе не обрабатывали земли, всё их богатство заключалось в плохоньком домике и лошади с седлом. «Жили они в силу обычая гостеприимства, переезжая от одного родственника к другому, «яко птица небесная», причём жена живёт у родных, а дети розданы на воспитание»²⁷.

«Путешествия» в гости отдельных безнравственных феодалов иногда принимали преступный характер, вызывали крайнее возмущение крестьян. Народное предание рассказывает о том, как самурзаканский удельный князь, полковник царской армии Манучар Шервашидзе, известный своим развратным образом жизни, – «обеспечиванием крестьянских девушек и женщин и куплей-продажей крестьянских детей», совершал периодические «путешествия» по владению. Историк И. Г. Антелава описывает один случай насильствен-

ного угощения в селе Гал. Хозяин дома крестьянин Геджи Езугбая хорошо угостил «гостя», явившегося в сопровождении вооружённых людей. Кутёж продолжался несколько часов. Всё это происходило при полном отсутствии женщин, хозяин спрятал даже свою жену. Манучар, поняв хитрость Геджи, решил отомстить ему и начал искать повод. И он скоро был найден. Манучар во время еды поцарапал себе палец, пошла кровь. Этого для него оказалось вполне достаточным, чтобы выступить с угрозой против хозяина. Покидая дом, Манучар заявил: «Геджи, в твоём доме моя кровь, и ты мне за неё должен отвечать». Угроза эта осуществилась бы, если вскоре (1813 г.) не был убит сам Манучар²⁸.

Когда гость нарушал этикет традиционного гостеприимства, чем-либо унижал или оскорблял честь хозяина дома, в народе говорили: «ачеицьыка дакепалт» («наступил на хлеб-соль»). Это воспринималось как осквернение священного гостеприимства, грубейшее нарушение Божьего закона. «Бог всё видит; да, простит ему Бог» («Анцѳа зѳгы ибоит; Анцѳа датоумцан»), – просили Бога гостеприимные хозяева.

Социально-экономические и политические изменения, происходившие в XX веке, стали вносить ещё более существенные изменения в традиционные нормы жизни. Как со многими словами, так и со словами «традиция» у нас произошла очень вредная путаница. Традиция по своей сути есть следование некоторой линии поведения, проверенной веками и поколениями. В новое и новейшее время в корне изменилось содержание традиционного гостеприимства. Гостем стал не «незнакомец», не «приютившийся», не «путник», а высокопоставленный чиновник, «начальник», «директор», человек с положением. Получают распространение факты устройства дорогостоящих угощений и пиршеств с обязательным приглашением «высшего начальства» и т.д. Порой это делалось, не считаясь со временем, условиями жизни, материальными и физическими возможностями.

Нередко в основе устройства обильных угощений лежали и другие безнравственные мотивы – погоня за «тёплыми местами», угод-

ничество, карьеризм, стремление к обогащению, к обретению «сильной спины» и пр. Многие люди осуждали всё это. «Гостеприимство наизнанку, – писал Ш. Инал-ипа, – обильная хлеб-соль, осквернённая постыдным и бесцеремонным нажимом, о чём сообщалось недавно в печати, – абсолютно несовместимо с подлинно народными нравами и традициями края»²⁹.

В советское время партийные организации также принимали постановления, решительно осуждающие извращения традиции гостеприимства и других народных обычаев. Однако эти решения существенно ничего не меняли, носили формальный характер. «Хлеб-соль», «культ гостя», «культ вина», «семейная традиция» и так далее использовались как формы национальной традиционности. А само же гостеприимство в таких случаях служило эгоистичным, корыстным интересам, и многочасовые застолья сопровождались «лживыми, фарисейскими тостами в угоду отдельным лицам»³⁰.

Последствия развала Союза ССР и грузино-абхазской войны в определённой мере отразились на укладе жизни людей, соответственно и на отношении к традициям. Однажды, вскоре после войны, Ш. Инал-ипа сказал мне: «Мы почти забыли одно хорошее абхазское слово – «хамѡахыцып». Это слово, которое не имеет дословного перевода на другой язык, в абхазском традиционном обиходе обязательно звучало из уст хозяина дома в значении «пожалуйста ко мне». Так обращался абхаз при встрече с человеком, проходившем мимо его дома, идущего своей дорогой. Такое любезное приглашение могло быть адресовано к человеку из другой общины, из соседнего посёлка, а также к соседу. Принявший приглашение, становился гостем дома.

Настоящее время внесло некоторое изменение и в контингент гостей. Многие люди переместились в страны ближнего и дальнего зарубежья. Нередко в их числе оказались члены семьи, родственники, близкие, знакомые. Естественно, для абхазской семьи все они желанные гости. Соответственно меняется и приём, и отношение к таким гостям.

Когда в абхазском обществе соблюдались законы апсуара, абхазская традиционная культура демонстрировала высокие моральные и нравственные принципы и нормы жизни. Народ поддерживал и развивал законы апсуара, они отвечали его интересам.

Нашим предкам были известны морское пиратство, разбои, работорговля, кровная месть... Эти и другие аномальные явления были составляющими нашей истории, нашей культуры. Но, так как они противоречили законам и нормам апсуара, народ отвергал подобные явления, как нечто негативное, противоречащее потребностям людей.

Абхазское гостеприимство не только достояние истории. Оно и в наши дни пользуется широкой известностью, является составной частью народной культуры. Абхазы высоко чтят, сердечно принимают гостей. Нам надо всемерно оберегать традиционное содержание гостеприимства, возродить нравственные ценности подлинного гостеприимства. Тогда оно будет служить добру, миру и украшать человеческие отношения, расширять общение людей, приумножать добрых друзей.

О традиционном абхазском гостеприимстве мы знаем только по высказываниям очевидцев. Оно их восхищало, и они старались вникнуть в тайны нравственных мотивов, которыми были движимы наши далёкие предки. Разумеется, нам, живущим в начале третьего тысячелетия нашей эры, трудно «зреть» в корень этого явления. Об этом ректор Ново-Афонской духовной академии Дорофей (Дбар) пишет: «Меня поражает в наших предках то, что, всё, что делалось ими, всё, что приобреталось ими, всегда было предназначено для некоего человека, которого они ожидали в гости, ожидали постоянно, изо дня в день. И самое удивительное, этот некий человек не был для них ни родным, ни близким. Он мог быть случайным прохожим, которого они могли больше никогда и не увидеть. Но именно его они ожидали, именно ему они мыли ноги, для него ставили на стол всё, зачастую лишая своих детей многого, а, порой, и всего необходимого»³¹. Любовь к незнакомцам, забота об их нуждах, очевидно, порождение высокой духовности, веры во всемогущего Творца, веры

в то, что Бог может и желает вознаграждать за послушание и служение ему.

2. Гостевание детей у родственников по обычаю самурзаканских абхазов (начало XX в.)

Гостеванию детей раннего возраста у близких родственников в абхазской традиционной культуре отводилась важная познавательная и воспитательная функция. Родители отпускали своих детей, особенно мальчиков, в гости к родственникам по отцу и матери, по бабушке и дедушке и другим. Это делалось по-разному. Иногда родители сами отвозили детей гостить к родственникам, или родственники сами приезжали и забирали детей от родителей к себе на некоторое время. Это был хороший обычай. В новой среде дети чувствовали не только перемену обстановки и воздуха, но главное — заботливое внимание, любовь, получали добрые наставления. Общение в гостях с двоюродными братьями и сёстрами обогащало — давало новые знания, развивало чувства взаимной любви. В детские годы автор этих строк, сам на себе это хорошо испытал.

Родители наши имели обыкновение время от времени отпускать своих детей в гости к ближайшим родственникам. И то, что тогда, лет 70–80 назад, было прочувствовано сохранилось во мне как самое приятное и богатое воспоминание. И хотя этих людей уже нет в живых, но образы их и теперь стоят передо мной.

Приведу примеры. В с. Патрахуца Очамчёрского района жили братья Квеквескири Реджиб, Хусейн, Каку (Қаку) и Танас. У них не было сестры, и родители их удочерили свою родственницу Шакая Миландару. Она стала любимой сестрой братьев Квеквескири. Миландар вышла замуж, родила двух дочерей. Одна из них — моя мама Ксения, в детстве часто бывала в гостях у своих дядей Квеквескири. Они любили свою племянницу. А когда уже у моей мамы появились свои дети, она возила нас к ним. Я неоднократно, как в

дошкольные годы, так и во время каникул, месяцами бывал в семье Реджиба. Его жена Чкадуа Чучу (Чуцу) была очень милой, всеми уважаемой женщиной. Они жили одни, так как их единственный сын Ушанги работал в другой деревне.

Чучу и Реджиб любили меня, как родного внука. Чучу внимательно обхаживала меня – купала, одевала, кормила, уютно укладывала, много рассказывала, наставляла, учила хорошим манерам; прививала трудовые навыки, давая посильную работу – собирать помидоры, огурцы, фрукты к столу, пригонять телят, доставлять с родника холодную питьевую воду, а родник находился в усадьбе, в двухстах метрах от дома; ледяная янтарная вода текла с отвесной скалы с высоты двух метров по деревянной трубе большой струёй (ачачхалеи). Я любовался красотами природы. Конечно, получал и порицания, когда допускал какие-то проступки; наказания были и строгими, и нежными, проникнутыми родительской любовью, потому действенными, поучительными. Мне доставалось больше всего за переедание фруктов, потому что после этого я ел плохо.

В дом Реджиба приходили его племянницы и племянники. Они были повзрослее, пели хорошо, развлекали меня, учили различным играм. Бывало брали к себе домой на ночь, когда удавалось получить согласие от Чучу. Помню, как мы проводили дни и вечера в песнях, играх, состязаниях, по-детски резвясь в весёлых дворах Каку и Танаса. И старшие радовались с нами, наблюдая за нашими играми, живостью... Иногда возникали споры по вопросу, у кого я должен ночевать и с кем должен спать. Споры разрешали родители и, как правило, меня ласково укладывали отдельно, как гостя.

Конечно, одаривали разными подарками, но главный и незабываемый презент, который остался со мной навсегда – это любовь и радость тех лет, добрые качества, которые прививались нам, детям.

Всё это происходило накануне и в начале коллективизации, в пору ломки традиционного уклада крестьянской жизни. В связи с

этим в каждой сельской семье возникали проблемы. Однако Реджиб и Чучу, как и многие другие крестьянские семьи, какие бы трудности не испытывали, являли себя в мире и терпении, в чистоте и благоразумии. Пребывать в таком состоянии помогали им нравственность и духовность. Они молитвенно обращались к Богу. Очевидно, это укрепляло их.

Детство я часто проводил в семье сестры моего отца Химур (Нату) в с. Риап (Репи) Галского района. Она была замужем за Макария Чантой, растила двух сыновей и дочь – они все были старше меня. У Чанты и его старшего брата Гуджиджа был общий обширный двор, отдельные капитальные дома из дубовых досок. Они стояли рядом и соединялись длинной открытой верандой с дощатым полом и деревянными перилами с резными балясинами.

Гуджидж и Лола были бездетными. Они усыновили младшего сына Чанты – Спиридона, который стал их общим сыном.

Чанта и Гуджидж жили зажиточно и дружно, имели много рогатого скота, несколько лошадей, рабочих волов, арбу, дрогу, мельницу, хозяйственные постройки и т.д. Хотя хозяйство у братьев было раздельное, кукурузные поля обрабатывали сообща. Они трудились в поте лица и, как правило, отдыхали в полдень. Жёны их готовили общий обед. Летом стол накрывали на веранде. На обед собирались все члены семьи. В присутствии соседей и гостей хозяйки за стол не садились.

Нам, детям, было отведено своё место, мы были окружены заботливым вниманием. Особое внимание обращалось нравственному и трудовому воспитанию детей. Всячески поощрялись наши успехи в школе. Макарий и Бабуца – дети моей тёти, учились на отлично. Они на нас, младших братьев и сестёр, влияли своим примерным поведением, трудолюбием; наставляли, проявляли заботу. Мы многому хорошему учились у них.

Риап было преимущественно мегрельское село Самурзаканской Абхазии. Здесь в быту переплелись лучшие абхазо-мегрельские традиции. Население высоко почитало нормы апсуара. Химур, сестра моего отца, пользовалась среди соседей уважением и как человек, и

как абхазка – носительница благородных абхазских традиций. Женщины внимательно слушали, когда она обращалась ко мне на абхазском языке, хотя абхазского языка они не понимали.

В доме тёти в положении гостя я находился только в первые дни по приезду. А потом с меня был такой же спрос, как с родных детей. И взрослые, и двоюродные братья, и сестра Бабуца, всегда проявляли ко мне особое внимание.

В Риап, в отличие от сёл наших мест, крестьяне жили компактно. О моём приезде к тёте соседи узнавали сразу. Меня, маленького мальчика, в соседских семьях принимали как уважаемого гостя, ласково говорили: «Вот, приехал наш маленький абхазец». Когда кто-то из местных мальчиков во время игры задевал или обижал меня, хотя это бывало очень редко, другие сразу заступались, считая это недопустимым нарушением гостеприимства. И я ещё мальчишкой в таком общении начинал познавать, как важно проявлять доброту и оказывать гостеприимство другим, особенно более слабым, нуждающимся в поддержке.

Мой двоюродный брат Макарий, когда подрос, стал самостоятельно приезжать к нам в с. Река. Чуть позже, когда он уже поступил в Тбилисский политехнический институт, то же самое начал делать его младший брат Спиридон. Через некоторое время и я без родителей отважился поехать в с. Риап. Теперь дорогу освоили не только мы, подростки, но и наши лошади. А между сёлами Река и Риап расстояние было значительное, дорога проходила через Ачигварский чайсовхоз, сёла Санардо, Ачгуара (Ачгвара), Шьашьлат (Шешелети). Приходилось преодолевать в пути подъёмы и спуски, лесные массивы, узкие тропинки, множество поворотов, объезжать колхозные поля или отворять широкие ворота ограждённых чайных плантаций, переходить речные броды, небезопасные при наводнениях и т.д. Лошади-умницы в местах пересечения нескольких тропинок сами выбирали верное направление, а иногда грудью открывали тяжеловесные ворота, встречавшиеся в пути. Трудности в дороге, детский страх одинокого наездника обильно компенсировались радостью и любовью, которые мы все испытывали

при встрече. Эти визиты-сюрпризы всегда были желанными и ободряющими.

Семья Макацария, как и другие соседние, отмечала все христианские религиозные праздники. Соблюдались и языческие обряды. Ежегодно, в определённый день, выполнялся родовой обет жертвоприношения Богу закланием животного и моления. Как правило, резали барана. Присутствие всех членов семьи было обязательным. Старшие из детей, которые учились или работали в разных местах за пределами села в этот день специально приезжали для принятия участия в данной церемонии. В присутствии всех Чанта молитвенно обращался к Богу со словами благодарности за добрые даяния и просил покровительства, прощения грехов, защиты всех членов семьи от всякого зла.

В детстве не раз я бывал и у других сестёр отца, а также у родственников моей матери в с. Чхуартал (Чхортоли) Галского района; в семье моей бабушки по отцу в с. Агу-Бедиа – Гуки (Гукьы) Ханашовны Бигвава (Бигэаа). Домашний быт, обычаи, нравы везде были схожи. Повсюду царила любовь. Это прекраснейшее человеческое чувство изливали все, но особенно женщины с присущей им нежностью.

Аннета (Лола – так называли её в семье мужа) Бигваа-Кишмария – племянница бабушки Гуки, матери моего отца. Она и мой отец были ровесники, детство провели вместе. Незабвенная Аннета была замужем в нашей деревне за Кишмария Темуром. Жили они в трёх километрах от нашего дома. У Аннеты и Темура не было детей. Они усыновили мальчика из соседней семьи Абшилава сразу же после его рождения и дали ему имя Шота. Он был моим ровесником. Аннета специально приезжала к нам верхом, забирала меня к себе домой. Я оставался у них месяцами. Шоту и меня Аннета растила вместе. К сожалению, Шота внезапно заболел менингитом. Коварная болезнь лишила мальчика жизни. Теперь Аннета чаще стала забирать меня к себе. Вскоре она обращается к моим родителям с просьбой: «Я понимаю, Арвелод у вас единственный сын, но у вас ещё есть девочки... Шота и он росли вместе, как братья. Я потеряла

своего мальчика, только Арвелод может заменить мне его. Пусть Арвелод будет нашим общим сыном».

С согласия моих родителей Аннета усыновляет меня вместо Шоты, что было оформлено соответствующим обрядом – отрезанием волос (амшәхәы амхра).

Аннету с моими родителями связывало двойное родство. Моя мать и она были двоюродными сёстрами – их мамы были сёстры, а мой отец был двоюродным братом Аннеты. Кстати, она их и свела, она и поженила. Поскольку кровного родства не было между ними, такой брак, по абхазскому обычаю, допускался. Родственные отношения Аннеты с моими отцом и матерью ещё более укрепились.

Темур был крепким хозяином, жил в достатке. Аннета, при всей своей женственности, обладала мужским умом. С ней считались и советовались родственники, соседи, она была отличной хозяйкой. Аннета выросла в традиционной абхазской семье. Отец её, Джишагу Ханашвович Бигвава, был старшиной Бедийской общины, уважаемым в деревне крестьянином, заботливым семьянином. Аннету, как старшую дочь, родители в школу не пустили, она помогала растить двух младших братьев и сестру. И, хотя очаровательная Аннета не получила школьного образования, однако воспитанная в духе апсуара, она выделялась особой обаятельностью, была олицетворением пристойности, пронизанной нравственностью культуры поведения абхазской женщины. Внешняя красота Аннеты гармонично сочеталась с духовностью и добротой, которые щедро источало её неистощимое сердце.

Аннета очень любила детей. У неё месяцами жили племянницы Темура – Бубца и Шита Кишмария, а когда они повзрослели, обзавелись семьями, возилась с их детьми. Наконец взяла на воспитание, затем удочерила Тину. Так у меня появилась маленькая сестричка. Аннета была врождённым педагогом-психологом. Несмотря на свою занятость повседневными делами, она находила время для коллективных и индивидуальных бесед. Вечерами рассаживала нас у очага и проводила своеобразные поучительные уроки-рассказы.

Прививала нам трудовые навыки. Девочки помогали готовить обед, стирали, вязали, шили, гладили. Все были при деле, но не утомительном.

Аннета обязательно устраивала дневной отдых. Она говорила: «В полдень и река текущая тоже отдыхает». Мы умывались и расходились по своим комнатам спать.

Будучи подростком я выполнял посильную работу по уходу за скотом: утром выпускал коров со скотного двора на пастбище, а вечером, как только они подходили к воротам, загонял их обратно. Во время доения коров помогал Аннете: подавал дойник с водой, отгонял телят, выполнял разные поручения. Особенно любил пообщаться и чуточку побаловаться с буйволёнком, который, насытившись материнским молоком, обычно хотел поиграться, побадаться. Во время сбора винограда я крутился под деревьями, принимал спущенную верёвкой с высоких деревьев корзинку для сбора винограда (амцѳыщѳ) и, опорожнив её, вновь подавал. Обычно виноград собирали братья — Темур и Баса, а иногда им ещё кто-нибудь помогал, поэтому мне приходилось шустро обслуживать их. Когда подрос, я сам стал собирать виноград.

Аннета учила нас порядку, собранности. Требовала аккуратность даже в незначительных делах, и поощряла за неё. Одобрительные слова, которые она произносила с нежной улыбкой и любовью, для нас имели большую ценность. Они учили тому, какие качества или склонности необходимо было нам в себе развивать. Позже я уразумел, что её наставления, даже словами невыраженные одобрения, были для меня весомее, чем те вещественные подарки, которые она нередко дарила.

Аннета большое внимание уделяла гигиене тела, чистоте и опрятности одежды детей. Девочек, гостивших у неё, обшивала, делала им подарки, и они радостными и довольными в обцовках возвращались к родителям.

При всей своей нежности Аннета к нам, детям, была строга. Розг не применяла, но её внушения были строги и действенны. Порой без слов указывала на ошибки, давала знать, что кто-то из нас

поступил неподабающе. А когда нужно было, она могла «пригреть» строгим взглядом.

Аннета водила меня всюду с собой – к родственникам, соседям, на свадьбы, праздники и т.д. У неё была своя лошадь, женское седло, костюм для верховой езды. На лошадь без кнута не садилась, хотя его она не применяла. Ездила уверенно – как мужчина. Когда я был маленьким, она сажала меня на колени, держала в руках, а как только подрос, подсаживала сзади (аеҳынцара), и я держался за неё.

Темур и Аннета хорошо знали христианский календарь, отмечали все христианские праздники, выполняли некоторые языческие обряды. Аннета после смерти сына, а потом и мужа, в обед отдельно ставила на стол их долю пищи – в полном рационе. Так поступала годами. Очевидно, верила в бессмертие человеческой души.

Умела Аннета ближнего усопшего трогательно оплакать и попричитать (амыткэма) над ним (обычно нараспев), подбирая слова, пронизывающие все изгибы человеческой души. Её причитания при этом поддерживали остальные женщины общим хоровым плачем, а некоторые – горьким протяжным вздохом.

Могила Шоты была расположена во дворе, на возвышенности, огорожена, вдоль ограды изнутри обсажена разными цветами. Вечерами, как правило, могила освещалась керосиновым фонарём. Аннета ежедневно поднималась на могилу, часто причитала. От её причитаний у меня по телу пробегала дрожь. Почувствовав моё беспокойное состояние, она прекращала плач, обнимала меня, прижав к груди, успокаивала.

На этой могиле рядом с Шотой теперь покоятся и его родители – Темур и Аннета. Уютная семейная могилка, огороженная добротной цементной оградой, сохранилась до наших дней. Сегодня, через семь десятилетий после её закладки, с вершины горки она помнит проходившее некогда процветающее хозяйство абхазского крестьянина Темура Кишмария. А в моём сознании её окрестные места обновляют романтические впечатления детства, отрочества

и юности. В то же время испытываю обычную, присущую человеку, грусть от нехватки присутствия рядом любимых людей, окружавших меня в детстве.

В 1940 г. я окончил рекскую семилетку. Передо мной встала диллема: куда пойти? где продолжить учёбу — в Сухумском педучилище или в какой-либо общеобразовательной школе? Аннета решила этот вопрос просто и наилучшим образом. Посадила меня с собой на лошадь и повезла в г. Очамчыра, в семью брата Темура — Кишмария Баса. У Басы и Варди были три дочери, которые меня считали своим младшим братиком. Старшие — Бабуца и Шита, были замужем, а с Раей мы вместе ходили в Очамчырскую абхазскую среднюю школу. Я жил в этой семье, как в своём родном доме. Аннета часто навещала нас — интересовалась моей учёбой в школе, следила она за моими успехами и позже в институте. До конца своей жизни эта женщина оставалась моим добрым и умным наставником.

Теперь я, разумеется, как и многие из нас, остро осознаю, что мы в неоплатном долгу перед добрыми людьми, которые нас окружали в царстве детства: — в пору первого восприятия и познания окружающего мира; в пору постоянных исканий ответов на многочисленные вопросы — «почему?», «почему?», «почему?»...; в пору наивной надежды на то, что у взрослых имеются готовые ответы на все «почему?»; в пору подсознательного поиска истины и неутолённых, обманчивых надежд...

Мы в долгу перед нашими наставниками детства, прежде всего потому, что они делали для нас всё, что могли, делали с любовью, чтобы детские ощущения окружающего мира были радостными, прививали доброту, щедрость, любовь к ближним, к людям... вообще, помогали нам возрастать в познании, в любви...

И когда задаёшь себе вопрос: чем я ответил? что я сделал для тех, кто так лелеял в детстве? Честно говоря, я испытываю внутреннюю неудовлетворённость самим собой. Они ничего не требовали. А я лично остался в долгу перед ними. Но у нас есть одно преимущество: помнить наставников детства. Это значит больше, чем вре-

мя от времени думать о них. Сюда включается действие – исполнение того, чему они нас учили. И каждый из нас имеет возможность проявлять любовь, доброту, веру, милосердие, щедрость души и другие хорошие качества к ближним, т. е. к домашним, соседям, коллегам, к детям, школьникам, студентам, ко всем, кто нас окружает и нуждается во внимании.

Когда мы, ныне здравствующие, поступаем подобным образом, добрые наставники нашего детства – рядом с нами, они продолжают жить в наших поступках и делах. Когда мы сохраняем и приумножаем то доброе, что впитали в себя с молоком матери, мы нашу сегодняшнюю жизнь делаем радостней. Поступаем ли так?

Вызывает недоумение и огорчение: 1) неукротимое разрушение и падение той удивительной культурной среды, которая породила и утвердила столь же удивительную самобытную духовную культуру – апсуара; 2) продолжающееся разрушение материальной базы этой культуры в деревне. Многие места, которые 70–80 лет назад изобиловали материальными благами, теперь одичали, заросли лесом. Так произошло и в нашем случае – в сёлах Река, Патрахуца, Бедиа, Риап... Отдельные крестьянские хозяйства, в прошлом развивавшиеся, теперь исчезли.

Парадокс эпохи или закономерность!?

3. Почитание старших

Почитание старших в традиционном абхазском обществе – одна из важнейших этических норм поведения человека. На протяжении веков народ выработал сложные, подчас тончайшие правила, регулирующие взаимоотношения старших и младших.

Почитание старших – древнейший обычай нашего народа. Абхазский фольклор содержит примечательные свидетельства глубокого уважения к людям старшего поколения, особого почитания пожилых. Абхазы говорят: «Кто без старшего, у того и Бога нет». Стар-

шего в абхазской традиционной семейной и родовой среде величают – «наш голова» (хаихабы, ххы).

Почитание старших «по-абхазски» нашло отражение и в художественной литературе. Абхазский писатель Михаил Лакербай в одной из новелл дает образное описание закона почитания старшего в семье. Проезжающий всадник увидел пожилого мужчину опечаленного, со слезами на глазах у забора двора. Путник соскочил с коня и спросил его: кто вас обидел? Старец ответил: «Отец пожурил меня, я прошёл мимо дедушки, задев его». Пожилой был огорчён и слезился, он нарушил закон обычая, прошёл *перед сидящим дедом*.

Старший по-абхазски «аихабы». Очевидно, это древнее слово, возникшее в абхазской патриархальной среде, на что указывает его этимология. Слово «аихабы», по всей вероятности, образовалось посредством сложения двух слов: *aa (aai) + хаб*. Первое составляющая *aa (aai)* используется в значениях *вот, да*. В абхазской разговорной речи *aa* может быть использовано в указательном смысле, *aai* – в подтвердительном³². «Хаб» дословно означает «наш отец», т.е. в данном случае слово «аб» (отец) использовано во множественном числе (хаб), в смысле «наш отец». В этом контексте «аи-хабы» (старший), очевидно, первоначально выражало то обстоятельство, когда старший воспринимался как *отец, глава* членов родоплеменного объединения. Со временем значение этого слова трансформировалось. «Аихабы» обретает значение старшего как в семье и роду, так и в общине и в обществе в целом. От слова «аихабы» впоследствии образовалось слово «аихабыра» (дословно старшинство), в которое вкладывается понятие правительства. Оно могло возникнуть только после появления аппарата государственного управления. При владетельской власти не было чиновничьего аппарата управления. Как известно, абхазский «ах» (владетель) был единоличным правителем. Разумеется, такое же положение занимал и «ацсха» (*царь абхазов*) в раннесредневековой Абхазии. Очевидно, в то время не было необходимости в употреблении слова *аихабыра* в смысле *правительства*.

Абхазы *старейшего* семьи называют «аоны ахы» (*глава семьи*). Эти слова определённо выражают нравственные нормы, которые были установлены в народе по отношению к людям такого положения. Понятие *аоны ахы* могло возникнуть, скорее всего, в период существования *большой семьи*. Абхазская большая семья сохранилась вплоть до второй половины XIX столетия, а в некоторых местах до первой половины XX века. Большая семья в пережиточном виде насчитывала десятки членов одного дома (аоны), для которых главой был один человек, как правило старейший.

Интересна этимология самого слова «ао-ны»*, состоящего из двух частей – *ао* и *ны*. В данном случае словообразующий *ао*, скорее всего указывает на местонахождение людей, живущих в доме – «ао-ныцка» (находящиеся «внутри») или «иахьыоноу» (живущие внутри дома). Формант *ны* указывает на привязанность объекта к определённому месту. Например, в слове «адэ-ны» формант *ны* (суффикс с локальным значением) указывает на то, что объект находится *вне помещения*, на поле, в открытой местности. «Аоны ахы», надо полагать, в период функционирования большой абхазской семьи означало *главу* (ахы), людей, находящихся внутри дома, то есть главу большой семьи. Под «аоны» (домом) подразумевалось не бук-

* Языковед, акад. Л. П. Чкадуа пишет: «Преверб *аона* // *ан(ы)* восходит к слову *аоны* «дом» и означает нахождение, действие, движение в доме. Реализуется без показателя косвенного объекта. Преверб имеет сравнительно широкое применение». См.: Чкадуа Л. П. Глагольное словообразование в абхазском языке. – Сухум, 2005. – С. 107.

Несколько иначе интерпретирует «аоны» этнолог В. Л. Бигуаа: «Оно (название дома. – А. К.) состоит, по-видимому, из *ауаы* (человек) и «н» – лакативного суффикса, показывающего пространство. Действительно, значение понятия «дом» исторически менялось. Для первобытного человека домом являлась вся территория племени, а не сооружённое им на время убежище». См.: Бигуаа В. Л. Жизнеобеспечивающая система абхазов: традиции и современная действительность // Этнологические исследования... – С. 257.

важно одно помещение, то есть главный дом, где жили старейшие, а ряд домов вокруг него, где были расселены члены одной большой семьи. Сегодня словосочетание «аоны ахы» употребляется в отношении главы современной семьи.

В традиционной большой абхазской семье все её члены, в том числе, и 70–80-летние, когда решались особо важные вопросы, касающиеся семьи или её отдельных членов, внимательно начинали слушать, когда заговаривал самый старший из *аоны ахы*, слушали не только ушами, но и сердцем. Другими словами, в счастливой семье все её члены постепенно учились угадывать невысказанные мысли и невыраженные чувства самого старейшего, самого опытного, больше всех других видевшего, больше всех участников семейного совета, знавшего пережитое не по книгам, а по жизни.

Старшие второго и третьего поколения — среди младших соответствующего поколения занимали такое же положение. В абхазской семье иерархия старшинства непременно соблюдалась в соответствии с принципами апсуара.

Абхазы пожилых и старших людей называют «абырг, аҭаҭамада, алыгажә». Каждое из этих слов несёт конкретную смысловую нагрузку, выражает определённые качества и общественное положение пожилого. «Абырг» наиболее часто употребляется применительно к долгожителям активной жизненной позиции: сказителям, ораторам, певцам, танцорам. В Абхазии имеются знаменитые республиканский и районные ансамбли песни и танца долгожителей.

Слово «абырг» образовано при помощи словосложения, состоит из двух частей: *аб* и *ырг*. Первое составляющее *аб* в абхазском языке существует как самостоятельное слово, оно означает «отец». «Аб» в значении отца лежит в основе других слов: «абду» (дедушка, дословно *отец большой*), «аб иашья» (дядя по отцу), «абицара» (поколение по отцу), «абпса» (отчим), «абхәа» (свёкор, тесть), «абхәында» (шурин, деверь), «абшьтра» (предки по линии отца) и т.д.

В слове «абырг» вторая часть слова – *ырг*, очевидно использована в значении «аргара» (*ыргара, ирыргоит*). Слово «аргара» имеет несколько значений³³, оно может быть использовано в смысле *переправить* (на другой берег), а также *прославить* (ахыз хайргоит), *нести, брать ответственность, предводитель* (ирыргоит; изыргоит). *Абырг* – *отец – предводитель, отец славный* – уважительно отмечает особое, главенствующее положение долгожителя в роду, в семье и в обществе в целом. Турецкие абхазы тоже, включая молодых, слово «абырг» (хбырг) произносят с большим почтением, обозначая этим словом самого старшего, всеми уважаемого в роду человека.

«Атахмада» (старик) – человек, возраст которого подошёл к старости³⁴. Этим словом обозначается то, что человеку много лет, что он может быть долгожитель, но активно действующий. Он не стар в буквальном смысле. «Атахмада» созвучно с адыгским «тхамада» – (*Бог*), *старший*.

Слово «алыгажэ» (старик) образовано из двух слов: «алыг» (глупый)* и «ажэ» (старый). «Алыгажэ» обозначает состояние старика, ставшего с годами *человеком-алыг*, потерявшего память, слух, зрение и т.д., то есть «алыгажэ» – это старик в буквальном смысле слова – человек старенький, с существенными физическими и интеллектуальными недостатками. Такому человеку ни один абхаз не скажет ты *алыгажэ*. Таким обращением можно сильно обидеть пожилого человека. Наоборот, члены семьи, родня и все окружающие проявляют к пожилому, пришедшему в такое состояние, особое уважение, милость, сострадание. Он постоянно чув-

* *Языковед К. С. Шакрыл считает, что словом алыг в древнеабхазском языке обозначался «мужчина, а также муж (супруг)». Он пишет, что сам был свидетелем того времени, когда «абхазская старая женщина своего мужа называла слыг, чаще всего хлыг – мой мужчина – муж, наш мужчина». См.: Саманба Л. Х. О границах полисемии и омонимии (На материале абхазского языка). – Сухум, 2002. С. 111, 112.*

ствуется теплоту и заботу окружающих. А в обществе про *алыгажэ* говорят сострадательно, отмечают какие-то его былые достоинства*. Для абхаза нет понятия «дом для престарелых». Это позорное явление в представлении абхаза.

Слово «абду» по-абхазски – *дед*. Дословно означает *отец – большой*. У абхазов «абду» одновременно обозначает и прадеда, и прапрадеда, ибо в семье *большим отцом* считался самый старший – здравствующий, будь он дед, прадед, прапрадед. Самый старший, по обычаю, являлся главой дома (аюны ахы, аюны аихабы), он занимал положение большого отца (абду). Эта традиция, берущая своё начало, очевидно, с древнейших времён, нашла своеобразное отражение и в словарном фонде языка. Данное обстоятельство, надо полагать, выражало нравственную сторону почитания, а именно, самого почтительного положения старейшего дома.

В настоящее время абхазы в разговорной речи пользуются выражениями «абду иаб» (отец деда), «абду иаб», «уи иаб» (деда отца отец) или «абду иабду» (деда дед), однако в абхазском языке, как уже отмечалось, отсутствуют самостоятельные слова, обозначающие прадеда и прапрадеда, людей, занимающих почтеннейшее положение в родословии. Это, видимо, архаическое явление в языке,

* В Абжуйской Абхазии до сих пор находится в обороте слово «ацлахыста» (ацлахэыс. !). Оно образовано из двух слов: *ацла* (дерево) и *ахэыста* (пастбище). *Ацлахыста* – это уже долгожитель в возрасте более 90 лет, очевидно, достаточно бодрый, который ещё способен лазить на дерево (собирать виноград) и подниматься с пастухами на летние горные пастбища. На основе сведений, полученных от информаторов, этнолог Омар Маан, заключает: «... Важные ритуальные функции выполнял хорошо сохранившийся *ацлахыста*, выступавший в роли руководителя-жреца (*аныхапааа*) в определённых видах обрядовой деятельности, например, во время молений и жертвоприношений в честь бога грозовых явлений – *Афы*». См.: Маан О. В. Социализация личности в традиционной-бытовой культуре абхазов (вторая половина XX – начало XX вв.). – Сухум, 2003. – С. 42.

скорее всего, отражающее самое высокое морально-нравственное положение в архаической семье – старейшего, почтенного её члена.

В Абхазии – стране долгожителей, в добрые времена сплошь и рядом жили прадедушки и прабабушки. В некоторых случаях, их потомство насчитывало более 100 человек. Например, долгожитель-сказитель Кецба Тлабган Куачалович (ок. 1806–1943 гг., м. Гал) в 1932 году от 5 дочерей и 2 сыновей имел 67 внуков и внучек, более 100 правнуков и правнучек. Для всех поколений потомства, в том числе и ныне здравствующих, он был большим отцом – *абду*.

Естественно, с возрастом деда, прадеды, прапрадеды испытывали физические немощи, но тем не менее – старейший оставался старейшим, его слово было весомым, а сам он был всеми уважаемым.

За пожилыми ухаживали все члены семьи, при этом каждый знал свои обязанности. Женщины посвящали уходу за ними больше времени, заботились об их здоровье, одежде, гигиене, питании, отдыхе. Внуки и правнуки были склонны проявлять больше внимания к своим дорогим старцам и старицам, общение было взаимно полезным. Старшим оно приносило морально-психологическое удовлетворение. А детям их рассказы помогали им лучше узнать окружающий мир. Затаив дыхание, они слушали рассказы дедушек и бабушек на нравственные темы. Последние помогали мамам и папам в воспитании детей. Всё это было неотъемлемой частью традиционного быта народа.

В традиционных абхазских семьях молодые имели возможность слушать усердные молитвы старших и извлекать пользу для себя – учиться молитве и молиться за других. Это помогало и пожилым и молодым сосредотачиваться на духовном.

Пожилые, которые, несмотря на свои ограничения, щедро делятся опытом и добрыми делами, – драгоценнейшее наследие. Это о них сказано в древней притче: «Венец славы – седина, которая находится на пути правды» (Притчи 16:13).

У абхазов вплоть до наших дней сохранилась наставническая роль пожилых в семейном воспитании детей, особенно в деревне.

Американская журналистка Пола Гарб, в 1980-х годах непосредственно изучавшая жизнь долгожителей абхазской деревни, пишет: «... Старики играют исключительно важную роль в воспитании детей, как это всегда было в прошлом. Именно старики, как правило, приобщают молодёжь к абхазским традициям. Они рассказывают внукам об истории Абхазии, о нескольких поколениях своих предков, разъясняют народные обычаи. Таким образом, старшие играют, пожалуй, главную роль в формировании у молодых поколений понятия о моральных ценностях»³⁵.

Старшие в роду особо чтились. В абхазском патриархальном обществе все его члены проявляли к ним честь и уважение. «Кроме Бога, нужно иметь старшего», — гласит старая абхазская пословица. «Значение и влияние старшин, — писал Ш. Инал-ипа, — старших вообще в жизни общества было исключительно велико... Почёт и уважение к старшим у абхазов не имели, казалось, предела. Недопустимы были не только оскорбление старших словом и действием, но и малейшее непочтительное отношение к ним»³⁶.

Старшины рода активно участвовали в решении внутривидовых вопросов. В тех местах, где проживало большое число однофамильцев, из старшин выбирались несколько человек в совет «абырг». Они в своей деятельности опирались на практические знания, на богатый жизненный опыт, накопленный многими поколениями; хорошо знали законы обычного права, выделялись добросовестностью. Члены совета «абырг» старались оправдать возложенные на них доверие и ответственность. Порой, испытывая старческие недуги, они продолжали служить людям, проявлять заботу о нуждающихся. Своим образом жизни они влияли на других, служили примером.

По инициативе старейших общины (ақытә) созывались народные собрания (собрания родов — «ажәлар реизара») для регулирования общественных отношений. С развитием феодальных отношений родовой принцип подвергнулся разрушению. В XIX в. уже не было того народовластия, которое существовало на более ранних этапах истории, от него сохранились лишь пережитки. В это время

уже почти не было селений, состоящих только из одного рода. В каждой деревне жили различные фамильные группы. Например, в с. Река Самурзаканского участка в начале XX в. в посёлке (ахабла) Сачино жили крестьяне по фамилии Кучуберия; в юго-западной части села компактно проживала фамилия Кишмария; в центральной – в одном месте располагалось компактное поселение (ацута) фамилии Абшилава, а в другом – фамилии Нармания; небольшие родовые поселения образовали фамилии Лабахуа, Кортава и другие; фамилия Куправа (Кубрава) проживала в двух посёлках – одна половина в центральной части села, другая – в посёлке Джгериан; таким же образом разобщённо была расселена фамилия Бжания – часть в центральной, а другая половина – Джгериане. Были и другие фамильные поселения (Кортава, Логуа и др.), а также фамилии, представленные несколькими (Шат-ипа, Маргания, Чкадуа, Квеквескири и др.) и единичными семействами. Все фамилии имели своих почётных старшин. В народном собрании села было представлено всё население, причём, не по фамильному, а территориальному признаку – от каждой местности, посёлка, урочища.

На народных собраниях общины разбирались разные вопросы общественного характера, в том числе конфликтные и спорные, возникавшие в межобщинных и межродовых отношениях. Старейшины стремились преодолеть разногласия мирным путём. Неукоснительно опираясь на принципы и нормы обычного права, на богатый арсенал народной дипломатии, умело используя народные приёмы ораторского искусства, силу воздействия слова, они добивались мирного разрешения конфликтов, казавшихся, на первый взгляд, неразрешимыми. Конечно, в трудных обстоятельствах бывало нелегко проводить в жизнь законы обычного права. Лишь в исключительных случаях дело доходило до перестрелки, как это случилось в августе 1860 года при обсуждении на народном собрании вопроса о «принесении покорности» псхувцами русскому царю. Но благодаря умелым действиям отдельных князей во главе с Батой Маршан и старшин удалось добиться согласия, и псхувцы присягнули на «верность служить» царю³⁷.

Почтенные лица общины, хорошо разбирающиеся в обычно-правовых нормах, выбирались для разбора судебных и тяжёбных дел. В середине XIX в. в Гудаутском участке такими функциями были облечены, например, Лейба Куаджидж (с. Мгудзырхуа), Гублиа Ханашв, Гумба Зафас (с. Лыхны) и Хагба Камгаз (с. Ачандара). Спорные дела между общинами или между отдельными лицами они разбирали на основе адата. При необходимости, как правило, выезжали на места разбирательств. До утверждения русского управления они были проводниками правосудия, задерживали преступников и воров³⁸.

Упразднение владетельской власти (1864), введение русского управления, крестьянская реформа (1870) и другие события, имевшие место во второй половине XIX в., разумеется, повлияли на уклад жизни абхазского народа и на отношение населения к некоторым обычаям. Тем не менее влияние старших в общественной жизни оставалось значительным. Учитывая это, царская власть, приступая широким фронтом к утверждению колониального режима в Абхазии, старалась использовать в своих интересах авторитет и влияние старейшин. По административной реформе 1868 г. вводятся общинные и сельские управления, в 41-й общине Абхазии во главе сельского общества стояли сельский сход, старшина и суд. Законодательно было закреплено высокое положение в сельском управлении старшины, который опирался, прежде всего, на старейшин, знатоков обычно-правовых норм, интересов народа.

Сельский сход избирал должностных лиц общины. Население выдвигало в сельское управление представителей крестьянства — авторитетных в народе, традиционных, обладающих жизненным опытом, ораторским искусством. И в тех общинах, где значительным было княжеско-дворянское влияние, крестьянство добивалось избрания в органы сельского управления крестьян. Например, в с. Бедиа, являвшемся долгое время резиденцией Самурзаканского удельного княжества, где проживали видные представители княжеского рода Чачба и влиятельные дворяне, население выбирало в органы местного управления только почётных крестьян, обычно стар-

шего поколения. Во второй половине XIX – начале XX вв. должность старшины Бедийской общины занимали Джинджолия Кли-мат, Бигуаа Джишагу, Лабахуа Никуа, Куправа Батул. Некоторые из них избирались в два-три срока. Представители трудового люда лучше знали проблемы общины и своих односельчан, чем предста-вители дворянства и чиновники царской администрации. Населе-ние более доверительно относилось к своим избранникам, которые в своей практической работе стремились учитывать местные обы-чаи, нормы обычного права.

Влияние и авторитет старшин в абхазской деревне чувствова-лось и в новейшее время. В первые годы Советской власти новые органы государственного управления (ревкомы, советы) воочию убе-дились, что на сельских сходах решающую роль играют пожилые крестьяне. Орготдел ЦИКа Абхазии в 1928 г. в своём отчёте отмеча-ет: «Сход большей частью решал все вопросы. Сход съедал сельсо-вет, особенно в абхазских районах»³⁹. Руководство ССР Абхазии, состоявшее из коммунистов, при том преимущественно молодых, своевременно учло это обстоятельство. В органы Советской власти стали вовлекаться влиятельные крестьяне. Они выбирались в сель-ские и уездные советы, в ЦИК Абхазии и ЦИК Союза ССР. На съез-дах Советов и сессиях ЦИКа Абхазии крестьяне-депутаты прини-мали участие в обсуждении вопросов, высказывали свои предложе-ния. Убелённый сединой крестьянин Джисип Матуа в апреле 1926 г. на сессии ЦИКа СССР от имени абхазского народа произнёс речь на родном языке, где, в частности, заявил: «Если же помощь нам будет оказана, она не пропадёт даром, ибо Абхазия богата. Эти бо-гатства имеют общесоюзное значение, и то, что будет затрачено на Абхазию, возвратится сторицею»⁴⁰.

Значительной была роль старейшин-крестьян в общественных делах в переломные моменты жизни страны. Особенно ярко про-явилось это во время Дурипшского самочинного схода (1931), на-правленного, главным образом, против коллективизации сельского хозяйства.

И в постсоветской Абхазии функционируют советы старейшин:

сельские, районные и Совет старейшин Республики Абхазии. И хотя изменилось общественное положение старейшин, тем не менее, в абхазском обществе к их голосу прислушивается народ. Старейшины участвуют в урегулировании местных спорных и конфликтных вопросов, а также общегосударственных.

Едва ли не первейшим элементом «культы» старших является церемониал почитания их в застолье. Старшие усаживаются первыми, в самом почётном месте. Принципы и формы почитания старших за торжественным столом в прошлом, очевидно, в основном были схожи в Бзыбской, Гумской, Абжуйской, Самурзаканской и других районах Абхазии. Тонкости же традиционного застольного этикета в наши дни больше сохранились в Бзыбской Абхазии. Очевидцем того, как благородно выглядят почтенные в народе пожилые в абхазском застолье, я был в Дурипше, Лыхны, Ачандаре, Отхаре, Куланырхуа, Калдахуаре, Бармыше и других сёлах этого региона Абхазии. Навсегда запечатлелся в моей памяти застольный этикет абхазских пожилых во время большого застолья, состоявшегося летом 1966 года в с. Лыхны. Это было после грандиозного Лыхненского всеабхазского народного собрания, посвящённого 100-летию Лыхненского восстания 1866 года. Торжественное застолье было устроено в просторном крестьянском дворе под навесом (*ашьаца*). Присутствовали гости со всех районов республики. Тамадой был проф. Г. А. Дзидзария, выходец из этого же села. Он выступал с докладом на сходе. Пожилые мужчины из разных сёл в национальной одежде сидели в довольно растянутом почётном ряду, отведённом для них. Их обслуживал специально выделенный мужчина (*ахацгылафы*), он наливал вино, следил, чтоб подавали пищу, выполнял разные их пожелания. Тамада, переходя к персональным тостам, в первую очередь, представил гостям именно старших и предложил поднять тост за них, выразил им по правилам абхазского застольного этикета всеобщее уважение и пожелал созидательного долголетия. Все члены застолья, стоя, осушили свои бокалы.

За столом пожилые немногословны, но при этом отличаются

юмором, остроумием. Иногда запевают какую-нибудь старинную народную песню. Естественная подтянутость, лаконичность и весёлый нрав пожилых в застолье обращают внимание всех присутствующих. Для молодых они служат примером смиренности, традиционности.

Абхазские долгожители – объект интереса многих зарубежных исследователей. Приведём некоторые высказывания о положении старших в абхазском обществе. Пола Гарб была «поражена старинными традициями уважения к старшим в Абхазии». Она пишет: «Я узнала, что старшие здесь (в Абхазии. – А. К.) пользуются полным уважением более молодых членов своих семей и общин... В Абхазии я стала свидетелем глубокого и искреннего уважения к старшим, что в корне противоречило моим прежним представлениям»⁴¹. Она обратила внимание на то, что почитание старших младшими у абхазов имеет всеобщий характер, является законом жизни и на этих традициях воспитывается молодёжь с детства: «На меня лично, самое глубокое впечатление произвёл в Абхазии естественный, непринуждённый метод воспитания у молодёжи искреннего уважения к старшим... Молодёжь, очевидно, сознаёт, что пройдёт время, и все они также окажутся в положении людей, уважаемых младшими»⁴².

В абхазском обществе высоко ценятся жизненный опыт человека, знания, приобретённые с возрастом. Поэтому, естественно, старшие сознают свою ответственность перед младшими. Относительно приоритета жизненного опыта во взаимоотношениях между отцами и детьми та же П. Гарб говорит: «В Абхазии я установила: люди понимают, что с возрастом растёт их престиж, поэтому они стремятся всячески подготовиться к этому, стараются оправдать надежды окружающих. Когда в обществе «старость» считается синонимом «мудрости», как в Абхазии, любой человек, скорее всего, и будет стремиться всей своей жизнью доказать истинность такого мнения»⁴³.

Представляют интерес высказывания учёных об абхазских долгожителях, в которых отражаются некоторые важные аспекты куль-

туры народа. В частности, москвич Алексей Павленко, неоднократно возглавлявший этнографические экспедиции в Абхазии, удивлённый желанием этих абхазских глубоких стариков жить полной жизнью, писал: «Думаю, один из секретов их долголетия заключается в том, что эти люди никогда не прекращают трудиться. Это удивительное качество, и его нужно сохранить — я имею в виду многообразие интересов в старости...»⁴⁴.

Этнограф из Ленинграда Альберт Шевченко признаётся Поле Гарб: «... Впервые в жизни встретился с такими старыми людьми в Абхазии. И это действительно интересные личности с особым чувством юмора и стремлением всегда быть в окружении других людей... У абхазов есть одна черта, делающая этих людей особенно дружелюбными и гостеприимными: они всегда настаивают на угощении гостей и дружески общаются с теми, кто ведёт здесь исследования»⁴⁵.

Наталье Пчельницевой из Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР «кажется, что огромную роль играют любовь и уважение, которыми окружены абхазские долгожители. Скажем, человека, который уже больше не работает в колхозе, никто не забывает — люди обращаются к нему за советом, проводят время в его компании. Старики нужны всем, — считает она, — и не только потому, что продолжают работать дома, стараются внести и свою лепту в выполнение домашних дел. Необходимость заботиться о стариках — часть философии этого народа. Должно быть, это очень хорошо — чувствовать в старости, что ты нужен людям»⁴⁶.

Галина Аксёнова, исследователь из Москвы, свидетельствовала: «Много раз и самыми различными путями нам давали понять, что мы здесь желанные гости. Например, сидим мы, бывало, во время перерыва на берегу реки, к нам подходят дети и протягивают горсть орехов и фруктов. Или, скажем, проходим мы мимо какого-нибудь особняка, а его хозяева приглашают нас зайти и побеседовать. Причём, они всегда чем-нибудь угощали нас в своём доме»⁴⁷.

Учёные многих стран отмечают, что в некоторых высокоразви-

тых странах пожилые живут в полном материальном достатке, шикарных домах для престарелых, обеспечены превосходным медицинским и культурным обслуживанием, однако они страдают от гнетущей атмосферы одиночества, отсутствия тепла и заботы от родственников, морально-психологической неудовлетворённости. Они пишут с сожалением и тревогой, что в развитых странах современная цивилизация привела к тому, что почитания старших почти не соблюдаются или полностью преданы забвению.

Плохое обращение с пожилыми – глобальная проблема. По мнению одной организации из западного мира, корень проблемы – «преобладающая точка зрения... что старики больше ни на что не годны, не могут работать плодотворно и слишком зависимы от других». Несмотря на достижения медицины, старость всё ещё приносит изнурение и скорбь. Болезни, смерть близких, материальная нужда и прочие житейские невзгоды особенно тяжело отражаются на пожилых.

Все исследователи феномена абхазского долгожительства единодушны в том, что искреннее уважение к старшим – одна из причин долгой и активной жизни, в огромной степени предполагающей обеспечить человеку счастливую жизнь.

Глобальные процессы, происходящие в мире, не обходят ни один народ. В XX в. традиционная культура абхазов претерпела большие изменения во всех сферах жизни. Одни традиционные нормы образа жизни совершенно исчезли (например, абхазский княжеско-дворянский и др.), другие в корне меняются (частнособственнический крестьянский уклад и пр.), изменились условия жизни и ценностные ориентиры, взгляды, убеждения и поступки, образ мыслей людей.

Пожилые люди начала XX в. были воспитаны на законах абхазского обычного права, которые отвечали этническим, нравственным и духовным потребностям, выработанным самим народом. Соблюдение норм апусуара было обязательно для членов общества. Конечно, были нарушители закона, но их пресекали и народный суд, и установленные обычным правом меры наказания, которые вершили

в пределах народных традиций, глашатаями которых были умудрённые жизненным опытом старейшины.

Пожилому человеку конца XX в., пережившему две ужасные мировые войны, выросшему в условиях советского атеистического общества и тоталитарного режима, конечно же, приходилось жить и работать преимущественно не по законам обычного права и нравственных устоев апсуара, которые постепенно вытеснялись, подвергались деформации, а по законам государственных конституций, меняющихся несколько раз в течение жизни одного поколения. Менялись основы государственной и общественной жизни. Естественно, всё это не могло не отразиться на положении людей, на характере их взаимоотношений.

К сожалению, современная молодёжь иной раз слепо и бездумно увлекается всякого рода западными стандартами и новациями. Влияние на неё оказывают пресса, кино, телевидение, интернет, которые зачастую пропагандируют безнравственность, преступность, обман, зло. В магазинах предлагается множество электронных игр и видеофильмов, содержание большинства из которых далеко небезобидное – развивает жадность, жестокость, агрессивность, истощает эмоционально, бездарно растрачивается драгоценное время. В этих условиях, увы, влияние старших в семье, в обществе постепенно слабеет.

Но тем не менее в обыденной жизни традиции вдруг сразу не исчезают. Определённая часть людей продолжает соблюдать традиционные нормы апсуара. О «консервативных» блюстителях почитания старших Ш. Инал-ипа в конце 1970-х годов писал: «Такие «консерваторы» просто не могут, например, не встать при появлении старших, не уступить им места; они не сядут, пока старшие на ногах, не позволят себе сесть развалившись рядом с ними, не возьмут слова раньше них, не скажут и не выпьют при них лишнего, не будут многословными, не прервут их речь, не пересекут их путь даже в лесу, не пройдут между ними, не войдут раньше них в помещение, вежливо предупредят их желания, не говоря уже о недопустимости лжи, обмана, непристойных выражений не только в

их адрес, но и в их присутствии и т.п. И всё это не вычитано из книг и не заучено ими наизусть, а просто и естественно вытекает из тех повседневных норм поведения, которые впитали с молоком матери простые абхазские крестьяне, поражающие людей, вперые к ним попавших...»⁴⁸.

В абхазской деревне и теперь, в начале третьего тысячелетия, встречаются люди, в том числе и молодые, которые берегут добрые национальные традиции, стараются следовать нормам нравственности и духовности. Это выделяет их из окружения и делает приятными и желанными в обществе. И в городах имеются семьи, в которых дедушки и бабушки, или отцы и матери усердно занимаются воспитанием детей в духе традиционных норм, любви к родному языку, к человеческой личности, уважения и почитания старших. И это даёт результаты. Являясь вполне современными людьми, многие проявляют удивительное знание народного этикета общения со старшими и между собой.

Но, к сожалению, в условиях всеобщего падения нравственности и духовности в мировом масштабе, таких семей и у нас становится всё меньше. В обществе всё более начинает преобладать стремление к материальным ценностям в ущерб духовным. И в этой обстановке именно пожилые передают молодому поколению знания и опыт, а также нравственные и духовные ценности.

Любо дорого, когда в семье между старшими и младшими, родителями и детьми есть взаимопонимание и взаимоуважение. Сельма Зантария в статье «Дорогая наша мама», опубликованной в «Республике Абхазия» (6–7 февраля 2007), с гордостью и любовью рассказывает о своей матери Нелли Артёмовне Зантария-Джалагония (1935) – строгой и взыскательной, мудрой и терпеливой, жизнестойкой и организованной в повседневных делах. Нелли родила и воспитала трёх сыновей и семь дочерей, у неё уже 32 внука и 7 правнуков. Она «Мать героиня». В её семье воспитывались и некоторые родственники. Работала в колхозе, потом в совхозе, вела домашнее хозяйство, принимала и провожала гостей. Размышляя о матери, Сельма в числе её достоинств отмечает «удивительное умение объе-

динять, сплачивать людей, сеять вокруг себя добро. И этому она учила нас всю жизнь... Гости нашего дома чувствовали искреннее радушие хозяйки, каждому она уделяла внимание, успевала сказать приветливое слово...

В ней много житейской мудрости и традиционной сдержанности. Как-то за столом в моей семье, отведав приготовленную ею аджику, я воскликнула: «Какая прекрасная аджика!». И услышала от матери: «А ведь ты оскорбила свою свекровь, разве она хуже меня аджику готовит? Никогда больше не говори необдуманно».

Нелли Артёмовна в грузино-абхазской войне 1992–1993 годов потеряла многих близких людей. 14 декабря 1992 г. жена сына её, Даура – Шазина Сангулия и двое малолетних внуков Рушни и Давид заживо сгорели в вертолёте, сбитом над селом Латой. И этот тяжёлый удар пришлось пережить ей. После войны вернулась домой, в село Тамыш, хотя там, дома её семьи и сына были сожжены. Ведёт хозяйство, с ней живут четыре внука. Нелли с оптимизмом смотрит в будущее. «Когда после войны умер мой брат, – пишет Сельма, – она сказала нам, сёстрам: «Мы пережили страшную войну, горе, трагедию. Плакайте своего брата достойно – без всяких там обмороков и малодушия. Потеря большая, но жизнь продолжается, будут и радости, вот и дети подрастают. Ведите себя достойно, сдержанно и в горе, и в радости...».

Нелли Артёмовне уже за семьдесят. Рядом нет мужа. Она достойно заменяет его своему потомству – детям, внукам, правнукам. Все любят добрую маму, бабушку, прабабушку. «Мы все, – пишет Сельма, – дружно съезжаемся, чтобы отметить день рождения мамы, принести ей цветы, подарки, проявить своё уважение и любовь. И ещё каждый год мы отправляем её на отдых, на месяц, поправить здоровье, которое так ей нужно».

У нас в Абхазии трудности постсоветского периода, особенно проблемы, связанные с грузино-абхазской войной и её последствиями, породили новые и усугубили извечные проблемы пожилых.

Как помогать пожилым?

– Уважайте их достоинство.

- Внимательно выслушивайте.
- Проявляйте сочувствие.
- Старайтесь понять, когда им необходимо ободрение.
- Приглашайте их провести вместе с вами время.
- Предлагайте практическую помощь.
- Будьте долготерпеливы. Проявляйте нежные чувства сострадания, доброту.

Забываясь о пожилых, мы проявляем уважение к принципу: «Почитай лицо старца».

* * *

В заключение резонно поставить вопрос: почитание старших, являвшееся в традиционном абхазском обществе общепринятым порядком, традиционно-установившимся правилом общественного поведения, было ли просто этикетом или являлось нравственной нормой, морально-нравственной потребностью?

Например, лично я, размышляя обо всём, что видел и ощущал в детские и юношеские годы, находясь в среде традиционных крестьян досоветской эпохи, сделал для себя такой вывод: почитание старших тогда было обычной нравственной нормой; соблюдали её все – и старшие по отношению к более старшим, и младшие; это украшало общество, облагораживало отношения между людьми; почитание старших было – и этикетом – порядком поведения, и этикой – морально-нравственной основой общественного сознания, и эстетикой – изящной манерой поведения.

Почитание старших в апсуара – это наше драгоценное сокровище. Многие сегодняшние юноши и девушки сознают это и призывают беречь народные обычаи и традиции от вредного влияния современной моды и безнравственности. Кристина Харчилава, например, рассуждает так: «Я бы желала всем нам сохранить свой богатый и очень красивый язык, нашу самобытность, культуру, строгость нравов, адат»⁴⁹. Такие люди, как она, вступают на стезю жизни с жела-

нием созидать своими руками развитую, процветающую страну – Абхазию, «где нет места ложному национализму, где главное место займут закон, справедливость, порядок»⁵⁰.

4. Почитание вставанием

У абхазов есть обычай – почитание вставанием (*ахацгылара*). Этот обычай соблюдал каждый абхаз, воспитанный на традициях апсуара, когда в помещение заходил посторонний, будь он ближайший сосед, независимо от возраста, положения и пола. Вставали все члены семьи – и взрослые, и дети. Вошедшему вежливо предлагали присесть, указывали место, куда сесть в зависимости от возраста и пола.

В мои детские и юношеские годы, в 20-е–40-е годы XX столетия, в деревне все соблюдали этот обычай. Почитание вставанием было обычной нормой жизни, привычным и пристойным образом поведения. Оно выражало обыкновенное уважение к человеческой личности. Мы с детства были приучены к этому. Нашими учителями были старшие. Нас воспитывал их образ жизни. Например, наш сосед, пожилой, почтенный князь Михел Шат-ипа, когда я, ещё мальчишка – дошкольник, заходил к ним домой, – вставал, усаживал меня и беседовал со мной. Иногда водил меня в свой сад, угощал фруктами, располагал к общению с окружающим миром, обращал моё внимание на разнообразие природы. Так поступали и другие наши соседи, ровесники моего дедушки, в частности: Джото Бжания, Хрипс Шат-ипа, Кичо Заракуа. Люди того поколения, и мужчины, и женщины, строго соблюдали этот закон, поэтому он и был всеобщим.

Почитание вставанием соблюдалось и в общественных местах, когда народ собирался по случаю торжества, траура или другому поводу. Независимо от того, где располагались люди – в помещении или под открытым небом, если человек подошёл к собравшимся, на его приветствие все отвечали вставанием. В детстве я видел это и на

сельских собраниях, и в колхозных бригадах. А когда мне, ученику 9-го класса, было поручено вести обязанности учётчика колхозной бригады, я постоянно был свидетелем того, как этот порядок почитания соблюдался всеми, и старшими, и младшими, и в колхозных табачных сараях, и на колхозных полях и других местах. Тогда я по-настоящему вкусил прелесть нравственного содержания обычая почитания человека вставанием. Проявление такого уважения друг к другу одно из драгоценностей культуры, созданных человеком.

Теперь обычай почитания вставанием в абхазском обществе претерпел существенные изменения. Он уже не является всеобщим законом, а молодые люди считают его устаревшим и, привставая перед старшим, скорее всего они поступают так в знак уважения к традициям. В абхазской деревне этот обычай сохранился лучше – вставание считается признаком приличия, входит в обязательный этикет. В городах, в многонациональной среде, эта форма обхождения соблюдается реже, носит пережиточный характер. В общественном городском транспорте, в автобусах и троллейбусах, этикет почитания пожилого вставанием соблюдают больше люди старшего поколения. Лично я испытываю радость, когда вижу такой поступок. Так, 25 декабря 2001 г. в Сухуме я вошёл в автобус, переполненный людьми. Мужчина лет под шестьдесят поднялся с сидения и предложил мне присесть. Я поблагодарил незнакомого мне человека и попросил, чтобы он занял своё место, но он настоял на своём. Сидевший рядом со мной пожилой мужчина по-абхазски мне сказал: «Если ты кому-то оказал почитание вставанием и Бог возрадуется» («Азэы уихацгылар Анцэагы деигургьоит»), «Почитание вставанием – это наше» («Ахацгылара – хара иахтэуп») – добавил он, довольный тем, что уже далеко немолодой человек вежливо уступил место мне, более старшему. Я сам с радостью зафиксировал этот знак проявления нашей исконной, но теперь уже редкой, нравственной ценности. В словах же сидевшего рядом со мной пожилого абхаза «Бог возрадуется», я уловил смысл, который вкладывал абхаз в почитание пожилых вставанием, считавший этот общепринятый порядок в апсуара священной обязанностью, непосредствен-

но связанный с подчинением Богу. Так было и в древнем Израиле. Израильтянам, которые состояли в завете с Богом, повелевалось: «Пред лицом седого вставай и почитай лицо старца, и бойся Бога твоего» (Левит 19:32). Молодые и сегодня могут многому научиться из общения с пожилыми.

Анжела Патарая из г. Гудаута учится в американской школе. О своих впечатлениях главе администрации района Дауру Возба она написала: «... Американские девочки и мальчики такие воспитанные, им интересно узнать о других культурах. Но, как мне кажется, несмотря на то, что у них многое есть, больше возможностей, уровень жизни высокий, им не хватает самого главного — апсуара. Я времени не теряю и стараюсь учить их этому. Сначала *они не понимали, почему я встаю, когда старшие заходят в помещение*, но теперь есть прогресс, и они знают некоторые традиции» (Выделено мной. — А. Э.)⁵¹. Школьница Анжела подчеркнула важную деталь: вставание перед старшими — достояние апсуара, проявление высокой нравственности, что оно ценнее многих материальных благ.

Многие народы давно потеряли традицию почитания вставанием, и теперь им оно непонятно, кажется странным. Об одном таком эпизоде, кстати, характерном, рассказал мне историк Валико Пачулия: «Когда я был аспирантом Института истории АН СССР (70-е годы), я, как правило, вставал, когда кто-нибудь заходил в нашу комнату. Однажды аспирантка, сидевшая рядом со мной, спросила: «Валико, почему ты постоянно встаёшь при входе кого-либо?». Я ответил, что это наш абхазский порядок поведения. Аспирантка, удивлённая моим ответом, поинтересовалась: «Абхазы, что — народ военчизированный?!» Мне пришлось объяснить ей нравственное содержание этого обычая».

Приведу любопытный пример из недавнего прошлого. 15 июня 1998 года Уша (Ушанг) Авидзба завернул на «Волге» с улицы Лакоба во двор своего дома. Оглянувшись в мою сторону, увидел, что пересёк тротуар, по которому иду я, пожилой человек. Уша тотчас притормозил машину, вышел из кабины и подошёл ко мне. Стройный, высокий средних лет мужчина, извинившись, по-абхазски ска-

зал: «Ишәықәнаго ҳақәшәо Анцәа ҳқаца» («Да вразумит нас Бог поступать так, как вы того заслуживаете», т.е. оказывать вам честь, как того вы заслуживаете). Это было сделано весьма деликатно. Ушу я знал только визуально. Мне стало очень приятно, что передо мной открылся ревнивый блюститель традиционной нормы апсуара. Я сразу же зафиксировал этот поступок на бумаге. Среди старшего и среднего поколения, конечно, традиция почитания вставанием старших и женщин живёт. Особенно неизменно соблюдают этот обычай люди старшего поколения. Для современных традиционных абхазов это не просто привычка, а знак уважения к человеку.

«Всякий уважающий себя человек» (зхы пату ақәызцо), - писал Ш. Инал-ипа, – считает себя обязанным привстать даже при появлении неприятного ему лица, недруга. Встают все, всегда и везде. Не только в честь старшего, но и других людей, не только гостя, но и соседей, не только у себя дома, но и у чужих, не только дома и на работе, но и в лесу, не только на земле, но и находясь в воздушном лайнере (правда, иногда ограничиваются упрощённым привставанием). Причём всякий человек, появление которого почтили вставанием, просит остальных не утруждать себя, сесть на свои места. Ему подносят стул, но он обязательно постоит ещё немного, чтобы не сесть раньше старейшего из присутствующих. Всё это сопровождается взаимными приглашениями занять отведённое каждому место»⁵².

В 70-х годах XX в., когда учёный писал, приведённые выше слова, в повседневной абхазской действительности эти традиционные правила апсуара всеми соблюдались. Они соответствовали абхазскому «приличию», «хорошему тону». За последние 30–40 лет среди молодых людей стали меняться взгляды на понятие «уделить внимание», «оказать хороший приём». В этих вопросах определённая часть молодёжи подвержена влиянию западных стандартов, причём новации воспринимаются ими в худшем варианте. Обличая таких молодых людей, известный абхазский писатель Ш. М. Аджинджал в своём остросатирическом памфлете «Ах зачем я дождал до такого?!...», пишет о том, как старик Ахмат отреагировал

на грубейшее нарушение закона почитания старших вставанием: «Он вышел из дома пораньше и пришёл на остановку, где долго ждал автобус. Старик боялся, что так и не уедет, но, слава Богу, автобус подъехал. Ахмат с трудом поднялся в переполненный салон. Заметив поручень, он крепко ухватился за него. Тут взгляд его остановился на двух молодых ребятах, сидевших прямо напротив. Между ними вальяжно расположилась вызывающе одетая дама. Молодые хихикали, смеялись, делая вид, что и не заметили старика.

Ахмата качало из стороны в сторону. Из страха упасть на впереди сидящих, он старался как можно крепче держаться.

Вдруг один из пижонов воскликнул:

– Смотри на старика! А ты ему понравилась!.. По-моему, он не прочь посидеть у тебя на коленях!

Все трое громко расхохотались. Старик промолчал, но когда ему пришло время выходить, скорбно произнёс:

– Э, дад, зачем Господь позволил мне дожить до такого?! Почему мне суждено было оплакивать вас, стоя над вами, молодыми, а не вам стоять надо мной, стариком?!»⁵³.

В нашем обществе люди старшего и среднего возраста почитание вставанием считают обязательным законом, неперемennым правилом этикета. Они это соблюдают везде и всюду, при всех обстоятельствах. 1 сентября 2006 г. утром на Сухумском пляже мой сверстник писатель Георгий Гублия, когда я подошёл, шустро привстал и по-абхазски поздоровался. На мои старания усадить его ответил так: «*Аңсуаа ирымхәои: арахәгы еихацгылоит хәа*» (абхазы говорят: даже скотина перед скотиной привстает). Это говорится в том смысле: «Какой позор! Не почитать человека вставанием, даже скотина, несознательное животное, не допускает такую низость».

Богатый смысловым содержанием абхазский этикет почитания человека вставанием – это, по сути жест доброй воли, без слов выражающий уважение к человеческой личности. Почитание вставанием – это не просто знак внимания, это – наш родной язык, кото-

рым без слов, мы можем представиться и сказать о себе представителю любого народа нашей Земли, это – первое слово приветствия и общения с незнакомцем, это – сильнее любого боевого оружия при встрече с врагом. Традиционное, почтительное вставание перед человеком – это наше этническое лицо, это – наше Я, это – наша защита. Мы должны беречь это сокровище как зеницу ока.

5. Абхазская семья Самурзаканской Абхазии в начале XX в.: Куправа Патух Куакуалович (некоторые штрихи)

В начале XX в. в с. Река Бедийской общины фамилия Куправа проживала в основном в посёлке Джгериан. В центральной части села, в прежнем родовом поселении остались только три хозяйства: Батула, Патуха (сыновей Куакуала) и Петра (сына Салмакуа). Все троя считались свободными крестьянами.

Рекские поля, ущелья, долины и плоскогорья славились красотой и плодородием. Местность эта располагала прекрасным пастбищем, здесь росли смешанные леса, грабовые и дубовые рощи. Крестьянин-труженик расчищал участки от лесов и создавал ухоженные усадьбы, которые уютно вписывались в великолепную природу. В мои детские годы тут жили замечательные труженики, обаятельные, традиционные. Теперь многие большие участки села Река, в которых проживали по 10, 15, 20 крестьянских дворов, стали безлюдными. Здесь остались лишь слабые следы недавней человеческой деятельности. Кое-где встречаются одичалые фруктовые деревья, затерявшиеся в лесу. Сегодня эти деревья-сироты, как бы плачут о своих бывших хозяевах. Я верю в предсказание, что земля воспрянет и расцветёт, как великолепный рай.

Мне, пишущему эти строки, уже 83 года. В детстве я был очевидцем образа жизни старейшины нашего рода, дяди моего отца, Патуха Куправа. Мы жили на расстоянии одного километра друг от

друга. Патух – мужчина среднего роста, худощавый, весь седой, с прямой осанкой и доброй улыбкой, весьма подвижный – активно трудился до конца своей жизни. Он умер в середине 30-х годов прошлого века в возрасте около 100 лет. Его жена Карамхан Нармания, родом из соседнего посёлка, ненадолго пережила его.

Патух занимался земледелием и скотоводством. В летнее время свой скот перегонял в горы. Славился как быстрый ходок – двухдневный путь в горах проходил за один день. Считался состоятельным крестьянином. Старался поддерживать мирные отношения с соседями, родственниками и другими людьми. В роду пользовался уважением. Много добрых слов о Патухе слышал я от своего отца.

В конце 1920-х годов, перед началом коллективизации, Патух и его сын Янко перестроили свой гостевой дом, воздвигнув на его основе большой двухэтажный из дубовых досок с большим залом, спальнями, столовой, открытым балконом. Рядом стоял другой дом, бревенчатый. Он использовался как кухня. В середине бревенчатого дома находился очаг, где на костре готовили пищу – варили мамалыгу, мясо, фасоль в глиняном горшке, жарили кур и поросят на вертеле. В этом доме хранились молочные продукты, кукурузная мука и другие продукты, кухонная утварь и пр. Этот дом служил и семейной столовой.

В усадьбе из хозяйственных построек выделялись амбары для кукурузы, сарай для погребов вина (*ащара*), конюшня, а чуть подальше от двора располагался хлев (*абоура*) – зимнее помещение для скота.

Патух не вступил в колхоз, оставался единоличником. Основная часть его земельных владений перешла к колхозу. Этим он был недоволен, однако старался не портить отношения с людьми, сохранял душевный покой и определённую стабильность в жизни. Власти относились к нему уважительно. Администрация села и правление колхоза, учитывая пожилой возраст Патуха, шаблонно не применяли к нему требования устава колхоза и советские нормы закона. Урожай кукурузы с одной десятины земли, которую ему остави-

ли после коллективизации, с натяжкой удовлетворял потребности его семьи в пищевом зерне.

Рядом с приусадебным участком находилась его фундуковая плантация площадью около одной десятины. Она была огорожена зелёным живым забором. Старый Патух продолжал ухаживать за насаждениями, его семья собирала плоды (орехи). В районе этой плантации находились свинарники, здесь паслись свиньи. С северо-восточной стороны, по неровным буграм, усадьбу окружали высокие ольховые деревья, обвитые виноградом «изабелла».

Основной виноградник находился вдали от усадьбы, на возвышенном участке, где от зари до зари в солнечных лучах утопал виноград. От этого плоды становились более сочными, обогащёнными сахарозой. Кстати, в те времена каждый хозяин старался закладывать виноградную плантацию на возвышенной солнечной местности, конечно, при наличии такого участка. Патух, пока был жив, сам собирал урожай со своего виноградника, хотя тот уже принадлежал колхозу. После его смерти односельчане участок долго именовали «Земля Патуха», «виноградник Патуха».

После коллективизации Патух, по-прежнему, сам присматривал принадлежавший ему участок грабового леса, где также росли каштановые и буковые деревья, дикие орехи, яблони, груши, алыча белая и красная и другие плодовые и косточковые растения. Он охранял лес, проводил санитарную чистку, знал, в какое время года надо было заготовливать дрова на зиму, какие деревья подлежали очередной рубке.

В лес ходил с топором или цалдой и всегда находил им применение. В его владениях росли фруктовые деревья, выращенные его предками и им самим, – яблони, груши, инжир, персики разных сортов, айва, хурма и т.д. Сам прививал плодовые деревья. Делал это не только в личной усадьбе, но, порой, и за её пределами. Учил умению прививать растения других.

Патух имел арбу собственного изготовления. В арбу запрягал быков, а буйволов лишь в том случае, когда перевозил тяжёлый груз на далёкое расстояние, например, орехи в м. Очамчыра.

Патух всю свою жизнь пахал землю деревянным плугом с железным лемехом. Сам плёл корзины для кукурузы и сбора винограда, делал из дерева некоторые предметы домашней утвари, а из рогов животных – ложки.

Поляна, где располагалось зимнее помещение для скота, была хорошо огорожена. Эту местность называли *ахкаара* (огороженное пастбище). В летнее время коров и быков ночью не загоняли в *абоура* (хлев), они паслись в ахкааре, здесь же они ложились отдыхать. Телята днём паслись и гуляли в ахкааре, а ночью содержались в абоуре. Девочки доили коров по утрам и вечерам, а молоко доставляли домой мужчины в больших медных котлах. В 30-х годах, как я помню, Патух содержал не менее 5–8 дойных коров. В условиях колхозной деревни это было редким исключением. Животных и весь двор ночью охраняли большие сторожевые собаки. Помню, звали одну из них *алакуа* (*алақәа*). Днём собаки, как правило, были на привязи.

Патух всегда имел одну или две ухуженные лошади. Янко, по примеру отца, очень возлюбил лошадей. Янко был известным наездником. Вместе со своим зятем Вардания Санатре, который также не вступил в колхоз, разъезжал по районам Абхазии. В районных и республиканских конноспортивных соревнованиях, которые проводились тогда почти ежегодно, занимал призовые места. На лошадь он не садился без черкески. Седло, уздечка – вся сбруя на его коне, как правило, была ладно пригнана, в порядке, вычищена, как на картине.

Любовь к земледелию и скотоводству Патух унаследовал от своих предков. Как традиционный абхаз-крестьянин, Патух и в пожилом возрасте трудился каждый день – с утра до вечера. Во время летних полевых работ делал продолжительный перерыв на обед, включая и дневной сон на часок или полтора. Зимой занимался внутренними работами – уходом за скотом, ремонтом хозяйственных построек и орудий труда, подрезкой винограда, фруктовых деревьев. Ранней весной вносил в кукурузное поле и огород навоз. В осенне-зимнее время он ездил к своим родственникам, проживавшим

вдали. Общение с ближними являлось внутренней потребностью, считалось обязательным аҭҭ ибутом народного этикета.

Патух, старейший в роду и в ближайшем окружении, как и другие старцы, был почитаемым как в роду, так и среди жителей с. Река. Он в обществе появлялся, как правило, в национальном одеянии – обязательно в черкеске с башлыком, кинжалом и ножом, привязанными к поясу, который состоял из других принадлежностей, принятых в абхазском народе. Ходил с алабашой в руках. На сельских сходах к его голосу прислушивались.

Патух, человек кроткий и уважаемый в обществе, старался своим образом жизни прививать членам семьи и ближним нежность, сочувствие и сострадание. Эти благородные качества сближали людей между собой, развивали родственные чувства, дух любви и взаимной поддержки как в семье, так и в близком окружении.

Однажды пожилой, но ещё шустрый Патух пришёл к нам домой. Моросил дождь. Родителей не было дома, они находились на работе в колхозе. Патух поднялся на второй этаж, сел на тахту, стоявшей на открытом балконе. Меня и двух моих младших сестёр посадил к себе по обе стороны. Это был первый и последний случай такого близкого соприкосновения с этим почитаемым человеком, казавшимся мне недостижимым для детей нашего возраста. Он был совершенно прост и любезен. Приблизив к себе, тихим голосом разговаривал с нами. Не могу припомнить содержание разговора, но он не утаил своё неодобрительное отношение к тому, что мы, дети, находились дома одни. Разумеется, Патух – традиционный крестьянин – имел свои предпочтения, по-своему относился к новым порядкам Советской власти, не воспринимал коллективное крестьянское хозяйство.

Патух Куправа прожил долгую трудовую жизнь. Много усилий приложил к организации своего хозяйства, благоустройству семьи. Он, как и другие его соотечественники, перенёс страдания, связанные с русско-турецкими войнами второй половины XIX столетия, пережил трагедию абхазского махаджирства. Пожилого Патуха застала первая мировая война, социалистическая революция и гражд-

данская война. Через тяжкое время своего века пронёс он свой столб мучений. Итак, как всегда, всюду и у всех, его жизнь сопровождали извечные человеческие проблемы.

Семейное кладбище находилось на территории усадьбы, в районе ореховой плантации, на солнечной, слегка возвышенной местности. Здесь были похоронены ближайшие предки Патуха, он сам и его жена, Янко и незамужние дочери Патуха — Тебро и Писта. По обычаю, у изголовья свежей могилы устанавливались деревянные кресты — символы христианской веры. За кладбищем ухаживали члены семьи. Соблюдались установленные адатом обряды, обычно христианско-языческие.

Рядом с усадьбой Патуха находилась церковь. Замечу — это было лучшее строение села конца XIX — начала XX веков. При церкви имелось кладбищенское хозяйство. Однако лишь отдельные селяне хоронили своих покойников у христианской церкви. Патух и его потомки придерживались традиционного обряда — сохранили семейное кладбище. Теперь же здесь никто не хозяйствует, вокруг всё запущено, заросло лесом и колючками.

В моей детской памяти запечатлелась оживлённая и радостная атмосфера, которая царила в семье Патуха и Карамхана в летнюю и осеннюю пору, когда к ним съезжались дочери, внуки, правнуки. Ардашил, сын Янко, и я были ровесниками, детство провели вместе. Летом к нам присоединялись двоюродные братья Датико и Михакко Пачулиа, Шота и Чичико Салиа и чуть постарше нас девочки — Валя Вардания и Кокуша Пачулиа. Мы с нетерпением ждали их приезда. Просторный ровный двор перед домом Патуха с низенькой свежей травкой служил для нас местом, где мы играли, пели, танцевали, кувыркались, дурачились, где каждому предоставлялась возможность проявить свою проворность, находчивость, смекалистость. Старшие девочки иногда нас поддразнивали, вызывали на драчки. И, конечно же, не обходилось без обид и слёз.

У ограды двора, возле ворот, рос огромный старый ветвистый граб, в тени которого любили отдыхать и взрослые, и дети. Здесь мы с упоением слушали рассказы старших. Такое общение имело и

воспитательное, и познавательное значение. На одной из веток граба висели деревянные качели – предмет особого нашего пристрастия. И сейчас захватывает дух, как вспомню, с каким визгом и смехом девушки взлетали в воздух на качелях...

Бывало иногда нам доставлял сюрпризы коршун, когда он неожиданно налету схватывал курочку и весь птичий двор поднимал переполох, к которому единодушно подключались и взрослые и дети.

Женщины, как правило, готовили обед, накрывали стол в столовой верхнего этажа большого дома. Иногда за стол садились 15–20 человек. Патух восседал у изголовья стола. Прежде чем приступить к еде, он со стаканчиком вина в руках обращался к Богу, просил благословения. Обед всегда был обильным. Взрослые к нам, детям, были особо внимательны. К концу обеда обязательно предлагали квашеное молоко (ахырцэы). До сих пор помню, как я однажды оконфузился. А было так. Во время обеда, когда хозяева и гости уселись за стол, я остался один на балконе, меня никто не позвал, а есть хочется, аж слюнки текут. Мне было тогда около пяти лет. Я застенчиво подошёл к двери столовой, в ожидании приглашения, но никто не обратил на меня внимания, каждый занимался своим делом. Удивлённый равнодушием взрослых ко мне, я машинально хмыкнул: «ыҳ». Все оглянулись в мою сторону, кто-то спросил: – «Что?». Я низким голосом пробормотал: «Моя мама так не сказала!». – «А что сказала твоя мама?» – был вопрос. Я ответил: – «Моя мама сказала, тебя накормят». Поднялся дружный весёлый смех. Писти Куправа, самая младшая из дочерей Патуха, тут же подхватила меня, помыла мои руки и усадила за стол на отведённое место. Я обратил внимание на лукавую улыбку старика Патуха и сразу понял, что это была затея девочек, с которыми я перед этим подрался за то, что они дразнили меня. Об этом эпизоде потом часто вспоминали.

Дочери Патуха, двоюродные сёстры моего отца, постоянно приходили в наш дом, дружили с моей матерью, проявляли заботу к нам, детям, рассказывали разные истории из прожитой жизни. Моя мама тоже тянулась к ним, делилась с ними своими житейскими

проблемами. Нередко, в процессе совместной работы их беседы продолжались часами. Я и мои сёстры слушали, когда такие разговоры представляли интерес, некоторые темы были рассчитаны на нас — прививали хорошие манеры, пробуждали интерес к традиционному этикету, учили добродетели или осуждали плохие поступки людей. Такие беседы, проходившие при нашем присутствии, служили действенными уроками народной педагогики.

Как-то раз, мама поведала мне, маленькому мальчишке, одну интимную историю, которая касалась моего появления на белый свет. Дело было так. Как только у мамы появились признаки схваток, Вера Куправа, дочь Патуха, которая находилась рядом с роженицей, моментально побежала к сестре моего отца Тасие, которая в нашем посёлке считалась лучшей повивальной бабкой. Она была замужняя, жила по соседству. Тасия ждала со дня на день вызова и спешно пришла принимать ребёнка. Рядом с роженицей, которой только исполнилось семнадцать лет, сидели Вера и её младшие сёстры Тебро и Пиети. И вдруг раздался детский плач, возвестивший появление нового человека на Земле. А тётя Тасия торжественно воскликнула: «Мальчик! Мальчик!». От радости все хором закричали: «Мальчик! Мальчик!». Рождение первого мальчика — продолжателя рода — в абхазской семье воспринимается с особой радостью. Вера, окрылённая этим событием, сразу побежала к моему отцу, который заготавливал дрова на зиму в недалеко расположенном лесу. Вера бежала по лесу, возвещая громким голосом радостную весть: «Эрасто! Мальчик! Мальчик!». Эрасто шустро спустился с дерева, и двоюродные брат и сестра обнялись. Вера в тот же день, 14 октября 1924 года, нарекла меня Арвелодом. Правда, в дальнейшем меня любовно называли по-разному: родители — Вева, тётя Марта — Мискин, другие родственники — Сычкун, Вальтер, друзья детства — Арве, Арамхут и т.д., а священник Очамчырской церкви, протоиерей Д. Т. Маан при крещении присвоил мне превосходное христианское имя — Илья (Илико). Однако первое, языческое, редкое в абхазской среде имя оказалось наиболее устойчивым, оно вытеснило остальные. Арвелод стало моим официальным именем.

Тасия Куправа-Нармания, когда я её застал, была в летах, вдовой, растила троих детей: двух дочерей – Тамару и Цицину, и сына Ардашила. Занималась домашним хозяйством. Иногда ей приходилось самой пахать своё кукурузное поле, что считалось не женским занятием. В её ухоженном огороде росли все овощи, необходимые хозяйке. Она не имела никакого акушерского образования, но исходя из опыта, овладела повивальным искусством, помогала роженицам. У моей матери, помимо меня, она приняла ещё двух моих младших сестёр. Из разных лечебных трав Таисия изготавливала лекарства от некоторых заболеваний, которые эффективно излечивали больных. В нашей деревне славилась как хороший лекарь Гаянэ Гигинейшвили. В Бедийской общине были мужчины-костоправы, в частности, большой известностью пользовался костоправ Кондрат Самсония. Словом, народная медицина имела глубокие традиции. Медицинские знания, опыт народных лекарей передавались из поколения в поколение. В каждой абхазской деревне были народные лекари-целители.

Батул Куправа, брат Патуха, в абхазском обществе считался «человеком люда» («ажэлар уабы»). Он трижды избирался старшиной Бедийской общины, одной из крупных общин Абхазии, бывшей резиденции самурзаканских удельных князей Чачба-Шервашидзе. Он был известным оратором, выступал и на всеабхазских сходах. В один засушливый неурожайный год в Самурзакане разразился страшный голод. Выступая в Сухуме от имени самурзаканского населения, Батул перед окружными властями поставил вопрос о необходимости неотложной продовольственной помощи голодающим. Самурзаканцы в результате получили грознинскую красную кукурузу в достаточном количестве. Слава о Батуле пошла в народ. Батул не имел школьного образования, но был от природы человеком интеллектуальным, его хозяйство было образцовым. По тому времени он считался состоятельным крестьянином. Две его дочери – Соня и Майя – окончили рекскую церковно-приходскую школу, получили хорошее домашнее воспитание, отличались красивой внешностью, человечностью. С Майей я общался в

детские и юношеские годы, а затем, будучи студентом института. Эта, уже тогда пожилая, но обаятельная женщина, по этикету, кругозору и своей общей культуре скорее была интеллигенткой, а не простой крестьянкой. Майя была замужем за сельским писарем Татаозом Пачулия. Батул умер в начале 1920-х годов. Майя с мужем и дочерью жила в доме Батула. К этой семье перешло всё недвижимое имущество Батула. Вторая дочь Батула, Соня, признанная красавица, была замужем за известным абхазским священником Илларионом Кучуберия. Потомство Батула от Сони в данное время представлено во всех районах Абхазии. А единственная дочь Майи — Татьяна, умерла рано.

Теперь уже в центральной части с. Река представители фамилии Куправа не живут. В этой местности совершенно исчезли фамилии Бжания, Заракуа, Бобуа, Шат-ипа, а из фамилии Нармания остался лишь один двор.

Пишу эти строки и припоминаю задумчивый взгляд Патуха Куправа, сидевшего на тахте нашего балкона, беседуя с нами, детьми. Возникают вопросы: о чём думал тогда Патух? Какие невысказанные тревожные мысли бытия беспокоили сердце старца? Может быть, его волновали больше не современное ему несправедливое положение вещей, а ещё более смутное и непонятное ему будущее?

6. Атарчей: один из самурзаканских вариантов

Атарчей — одно из традиционных конноспортивных соревнований. Устраивали его абхазы, адыги, убыхи, мегрелы (тарчия) как по случаю траура, так и по случаю торжественных событий. В атарчей большого масштаба принимали участие до 50–60 всадников, а в малых — 10–15. Атарчей проводился в разных местах Абхазии по-разному. От его участника требовались мастерство, мужество, этика. В последние десятилетия XX в. атарчей в Абхазии не проводился⁵⁴.

Самородок – знаток абхазской духовной культуры, фольклора, народного искусства, в частности, конноспортивных традиций, Куча Лакрба дал краткое описание одного из вариантов атарчей Бзыбской Абхазии, свидетелем которого был он сам: «Время подошло к выносу покойника. Люди, сидевшие за поминальным столом, давно повставали, многие вообще ушли. А вот некоторые, будто не осознавая, что пора уходить, кружили верхом во дворе. Неожиданно к конникам вышел организатор поминок* с большим полотенцем в руках и говорит: «Кто больше всех надеется на себя, чья лошадь самая быстроногая, выходи. Вот это полотенце, которое я держу, навешу на шею твоей лошади, а ты скачи изо всех сил, желающие же верховые последуют за тобой. Если никто тебя не догонит, полотенце твоё. Если кто-то догонит и будет оспаривать полотенце, не сопротивляйся, догнавшему принадлежит полотенце. Так полотенце может переходить из рук в руки более трёх-четырёх раз. Сказав это, старший повесил полотенце на шею лошади, которая вышла вперёд из среды конников спортсменов. Получивший полотенце, мгновенно сорвался с места в карьер и пустился вскачь. Остальные всадники погнались за ним во весь опор»⁵⁵.

Теперь в Абхазии атарчей почти не проводится. Очевидно, мегрелы переняли атарчей как вид конноспортивной игры от абхазов под тем же названием – «тарчия». Мегрелы говорили: «Тарчию сыграли», «Тарчию взяли» и т.д. Видимо, это одно из проявлений культурного взаимовлияния соседних народов. Кстати, в Мегрелии, как и в Абхазии, конноспортивные ристалища были традицией были они и во многом схожими. Нередко конноспортивные состязания проводились между конниками Абхазии и Мегрелии как здесь, так и там.

* Поминки – обрядовое угощение в память умершего, устраиваемое по истечении 40(52) дней и годовщины после смерти. В Абхазии в поминках обычно принимает участие широкий круг людей – родственники, близкие, знакомые, односельчане.

* * *

Эрасто Куправа (Кубрава) вплоть до начала коллективизации сохранил отчий двор, в основном, в прежнем виде. Двор занимал около одной десятины. Автор этих строк, застал старые дедовские жилые и хозяйственные постройки, расположенные полукругом по периметру двора с северной и северо-западной стороны. Все они уютно вписывались в ландшафт.

Деревянный дом (*акуаскья*, *ауада*) из массивных дубовых досок, на каменных столбах возвышался на пригорке. Он был предназначен, в основном, для гостей. В метрах ста пятидесяти от него находился большой бревенчатый дом (*аджаргәал*) с земляным полом, без потолка. К нему была пристроена дощатая спальня с деревянным полом. Между *акуаскья* и *аджаргәал* располагалась бревенчатая двухэтажная хозяйственная постройка, нижний этаж которой служил хозяйственным помещением, а верхний, состоящий из двух отделений, — зернохранилищем (*кукурузник*). От *аджаргуала* начинался второй ряд застроек — северный. Здесь располагался дощатый сарай (*аказарма*), вытянутый в ширину. Использовался он при традиционных обрядах (свадьба, оплакивание, поминки и т.д.). Замыкала постройки северной части винодельня (*ащара*, *амаран*), внутри которой были зарыты кувшины (*аҳаҭшьа*), стояли бочки и давилня (*ачан*) из огромного цельного дубового дерева. Отец при мне пользовался давилней, а потом продал колхозу.

Крыши этих построек пришли в ветхость. Отцу, одинокому хозяину, трудно было управиться с таким большим хозяйством. Некоторые постройки дедушки были уже при мне окончательно разрушены и разобраны: конюшня, хлев (*абоура*) и т.д. От хлева остался лишь летний загон.

Усадьба разместилась между двумя безымянными речушками. На речке, протекающей с правой стороны, в гуще букового леса, стояла водяная одножерновная мельница дедушки. Она была дощатой, с четырехскатной крышей, без потолка, с одним окном и одной дверью. При моём раннем детстве она ещё работала.

За речкой простиралась усадьба старшего брата отца, Бахвы. Как только он женился, его семья выделилась от отцовского дома. Бахва получил от отца свою долю земли и имущества.

Дедушка имел 19 десятин земли. Они были давным-давно расчищены и освоены его дальними предками. Большую часть земельных угодий занимали кукурузные поля, виноградный сад, орешник, пастбища, летний скотозагон, а остальную часть – смешанный (дуб, каштан, шелковица, акация и т.д.), в основном, грабовый лес.

Только многоземельный крестьянин мог иметь просторный двор. Большая часть двора дедушки была засажена разными фруктовыми деревьями, преимущественно зимними сортами (яблоня, груша и др.). Фруктовые деревья создавали великолепный традиционный пейзаж двора, оживляли его.

Во дворе перед строениями лежала ровная просторная площадь, где на моей памяти устраивались домашние конные состязания. Здесь любили покрасоваться своим мастерством такие известные в деревне и районе наездники, как Янко Куправа, Сепана Заракуа, Гуджидж и Цакала Кучуберия, Санатре Вардания, Аслан и Нахар Нармания и другие.

В конноспортивных играх Эрасто показывал хорошее мастерство – ровно держал осанку, строго соблюдал традиционные правила разгона, движения, развития скорости, остановки, разворота коня и другие трудноуловимые простым глазом нюансы конной игры. Был левшой, размахивался кнутом редко, только в критический момент. Участвовал в районных и всеабхазских конноспортивных играх, занимал призовые места.

Надолго остался в памяти односельчан атарчей, разыгранный во дворе Эрасто в конце 20-х годов. Мне тогда было лет 5–6, так что я знаю о нём больше по рассказам. Макар Макацария (1917–1993), племянник отца, подросток около лет 13-ти, в то время с родителями находился в с. Река и был очевидцем атарчей. Он хорошо запомнил это необычное для него конное соревнование и рассказывал об этом с увлечением.

В нашем дворе собралось более 10 конников. Настроение у

всех было праздничное. И все с нетерпением ждали начала атарчея. На балконе гостевого дома стояла девушка с развёрнутым белым шёлковым платком в руках. На расстоянии около 300 метров от неё выстроились в ряд участники соревнований. На 10–15 метров впереди других стоял Эрасто — самый молодой участник этой игры. По сигналу все одновременно ринулись к балкону дома, к девушке с платком.

Победителем считался тот, кто первым выхватит у девушки платок и, сделав несколько кругов вокруг двора, сумеет передать платок обратно девушке. При этом каждый участник старался догнать того, у кого платок, отобрать его и вернуть владелице. Призёром становился тот, кто возвращал платок.

Эрасто хорошо знал своего коня Кузу. Он мгновенно вырвался вперёд, ловко принял платок и поскакал вдоль забора. Соперники настойчиво преследовали его, всячески препятствуя возвращению платка девушке. Создавшееся критическое положение вынудило Эрасто левой рукой огреть плетью по Кузу и направить его на забор. Отчаянный конь с разгона перепрыгнул через забор и пошёл по кукурузному полю. Кукуруза после второй прополки была довольно высокая. Кузу летел во всю прыть. За ним гнались такие же отчаянные кони. Кузу перемахнул ещё через одну ограду и соревнование перешло на открытое поле. И всадники и зрители вошли в азарт. Часть зрителей поднялась на ближайший бугор, другие забрались на деревья и, не отводя глаз, следили за ходом игры. Но постепенно зрителям следить за ходом атарчея становилось всё труднее. Игра вышла за пределы обозреваемой местности. Эрасто решил уморить своих настойчивых соперников и направил коня в сторону усадьбы Джото Бжания, оттуда завернул к владениям князя Михела Шат-ипа и, сделав большой круг, вышел на узкую просёлочную дорогу вдоль усадьбы Ясона Кишмария. Эрасто, хорошо зная местность, принимает решение направить коня по узкой тропе, проторенной через буковый лес к усадьбе Кузу Абшилава, оттуда к старой заболоченной аробной дороге, которая в одном месте перекрывалась непроходимым болотом со стоячей водой.

Подъезжая к нему, Эрасто левой рукой дал знать своему арашу, что надо во что бы то ни стало перепрыгнуть через болото. Кузу успешно преодолел препятствие. А следовавшие за ним оказались в затруднительном положении: одни вышли из игры, другие продолжали преследование. Зато Эрасто уже не имел опасных соперников и уверенно направился через усадьбу Косты Нармания к финишу. Под аплодисменты болельщиков, Кузу ворвался во двор. Эрасто верхом поднялся на балкон и, соскочив с коня, поклонился девушке, которая приходилась ему двоюродной сестрой, поцеловал её руку и вручил платок.

Вслед за Эрасто въехали во двор и другие участники атарчея и поздравили с победой. А уставший конь Кузу рысью скакал по двору, как бы демонстрируя своё преимущество. Так завершилось состязание. Кажется, это было последнее в нашей деревне состязание атарчей. Во всяком случае на моей памяти оно больше не состоялось.

7. Константин Мачавариани о положении женщины в Абхазии в XIX – начале XX веков

Абхазская поговорка гласит: «Цхәыс илхымшаз хаца ды́кам» (Нет мужчины, не родившегося от женщины). В сказаниях абхазского народа образ женщины занимает особое место. В фольклоре для показа идеальной женщины используются удивительные эпитеты, изречения, сравнения. В памяти народной, в его сознании укоренился мифический образ величественной Сатаней-Гуаши, как главы большого нартского семейства. Гунда-красавица и другие женщины нартского эпоса, героини абхазских сказок воссоздают очаровательные женские образы древнейшей эпохи.

В традиционном абхазском обществе честь и слава женщины тщательно оберегались. Высоко почиталась честь матери, сестры, дочери. Жена – дополнение и помощница мужа во всех делах, хра-

нительница очага — такое положение занимала хозяйка дома в традиционной абхазской семье.

Во многих семьях по всему миру, как правило, мужчины считают воспитание ребёнка преимущественно женским делом. В этом отношении абхазские семьи не представляют исключения. Абхазка-мать, конечно, при поддержке мужа, несла основную нагрузку в воспитании детей. Это требовало от неё знания принципов народной педагогики, а также больших физических и нравственных усилий. И сознательно и подсознательно она понимала, что главное — воспитывать детей с любовью.

Родители, прежде всего, мать, старались защитить своих детей от дурного влияния, которому они могли запросто подвергнуться в нашем несовершенном мире. Мать помогала детям находить друзей, учила, какие качества следует ценить в друзьях и как ладить с другими и т.д.

Во главе с мужем жена защищала честь семьи. Защиту мог дать верный друг. Преданная жена и друг мужа, любящая мать, радеющая о чести семьи, хранительница родовых традиций. Такая женщина пользовалась уважением в абхазской семье, в абхазском обществе.

В новое и новейшее время об абхазской женщине написано много лестного представителями других культур. Раскрытию образа абхазки посвящены произведения художественной литературы — стихи и поэмы, рассказы, повести и романы. Основоположник абхазской литературы Д. И. Гулиа в своём первом романе «Камачич» на фоне сложной историко-культурной жизни абхазской деревни начала XX в. показывает жизненный путь крестьянки — умной, красивой, доброй, сердечной, смекалистой, мужественной, воспитанной на традициях апсуара. Роман И. Г. Папаскири «Женская честь», переведённый на многие языки, стал любимым произведением для многочисленной читательской аудитории. Абхазской женщине посвящены научные труды и диссертации, в которых рассматриваются различные стороны жизнедеятельности женщины в семье и обществе как в досоветское, так и в советское время.

Следует отметить, что в советской науке положение досоветской абхазской женщины, её место и роль в семье и обществе освещалось в некоторой части с акцентом на негативные моменты. Делая упор на её книжную неграмотность, затушёвывались морально-нравственные стороны традиционной женской личности, чтобы на этом фоне показать преимущества нового строя, резко поднявшего образованность женщин, отменившего некоторые ограничения в целях уравнивания в правах с мужчинами.

Известный просветитель и краевед XIX – начала XX веков К. Д. Мачавариани* в своих работах о традиционной культуре абхазов, в частности, касается и некоторых аспектов женского образа, характерных для абхазки того времени. Так относительно положения женщины в семье и обществе К. Мачавариани отмечает словесное неравенство женщин. «... Большая или меньшая её самостоятельность, – пишет он, – зависит всегда от того сословия, к которому принадлежит женщина»⁵⁶. В частности, указывает, что женщина из привилегированного сословия «исполняет в некоторых случаях религиозные обряды, руководит общественными делами, даже предводительствует иногда во время ночных походов с целью грабежа, одним словом, стоит совершенно наравне с мужчинами»⁵⁷. В то же время, он обращает внимание на то, что «деятельность и влияние женщины простого сословия» ограничивались преимущественно сферой семейных отношений и домашнего хозяйства.

Женщины дворянского происхождения всемерно старались использовать своё положение для привилегированного устройства сво-

* В 1851 г. его отец, священник и учитель Д. А. Мачавариани открыл, в с. Окум церковно-приходскую школу – первое учебное заведение в Абхазии. Одним из первых учеников этой школы был К. Д. Мачавариани. В 1892 г. он вместе с 17-летним Д. И. Гулиа составил «Абхазскую азбуку», в 1913 г. издал «Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу». Он автор и многих других работ.

ей жизни. Например, во время беременности, – пишет Мачавариани, – «княгиня принимает все меры, чтобы не было выкидыша: пользуется чистым воздухом, работает умеренно, исполняет все указания опытных женщин. Но в то же время она желает нравиться мужу, знакомым, стягивает свой внутренний пояс, чтобы талия не переставала быть тонкой и грациозной; не обнаруживает вялости и усталости ни в движениях, ни в исполнении возложенных на неё работ, белится и румянится»⁵⁸. Её близкие предпринимали меры по поиску здоровой кормилицы, «которая могла бы принять ожидаемого ребёнка княгини на воспитание»⁵⁹.

По мнению К. Мачавариани, «к прекрасным нравам и обычаям абхазцев относились: широкое гостеприимство, почтительное отношение к женскому полу, а также к старшим по возрасту...»⁶⁰. Среди нравственных ценностей апсуара он на первый план выдвигает эти три твёрдо установившиеся нормы обычая. При этом он подчёркивает, что в абхазском обществе почтительное отношение к женщине соблюдается независимо от социального положения, национального происхождения, религиозной принадлежности и возраста. К. Мачавариани счёл необходимым отметить следующее обстоятельство: «Абхазцы с большим уважением относились и относятся к женскому полу. Какое бы собрание ни было, если только появилась женщина, то все поголовно встают со своих мест, отдают ей почтительный привет и не садятся до тех пор, пока она не усадит их. Пусть одна и та же женщина явится к мужчинам хоть несколько раз, всё-таки мужчины считают своим долгом каждый раз вставать со своих мест. При прощании ни один мужчина до самых дверей не позволит себе повернуться спиной к женщине»⁶¹.

В абхазском обществе, как и в любом другом, существовало и существует представление об идеальном образе женщины. Естественно, разные эпохи в этот идеал вносят свои коррективы и акценты. К. Мачавариани следующим образом сформировал идеальные черты женщины-абхазки в XIX – начале XX вв.: «Идеальными чертами женщин считают, когда она пленяет всякого своей красотой, манерами и грациозной ловкостью, когда она умеет обшивать

мужа и детей, умеет готовить разнообразные блюда, когда она гостеприимна, неустрашима, но при этом скромна, женственна, а в случае нужды мужественна, храбра...»⁶².

Многие родители прилагали свои знания и умения к воспитанию девочек с самого детства в таком духе. Абхазские матери особо заботились о чистоте детского тела, физическом здоровье и красоте ребёнка. Своих малышей, как правило, купали утром и вечером. Каждая мать имела специальную детскую деревянную лоханку. Детей обязательно укладывали в детскую, затейливо орнаментированную люльку, старательно выпрямляли ребёнку ноги и мягко обворачивали их хлопчатобумажной материей, чтобы ножки росли ровненькими. Девочек-подростков учили уходу за внешним видом, особенно за лицом и осанкой. Ценилось, когда девочка носила длинные ухоженные косы, которые нередко опускались ниже колен, а порой даже почти до пяток. Мыли голову специально добытой серой глиной, от которой волосы становились мягкими, эластичными. Мыло употреблялось для обмывания тела. Мамы, бабушки и старшие сёстры учили девочек рукоделию. В традиционной семье девушка сама обшивала членов семьи – и мужчин, и женщин, и детей, вязала, ткала предметы мужской и женской одежды. Просватанная девушка готовила подарки ближайшим родственникам мужа, ею изготовленные. Автор этих строк очевидец выше описанного в годы детства и юношества, выпавшие на 20-е–30-е годы XX столетия.

Жена как советник, друг и помощник мужа в семейных житейских делах, в силу установленного обычая, заменяла мужа, когда это диктовалось обстоятельствами. Например, в случае отсутствия супруга дома, она принимала гостя по всем правилам абхазского гостеприимства. Вот как об этом пишет К. Мачавариани: «... В отсутствии мужчины его угощают женщины. Обильная здоровая пища с обязательным кислым молоком к концу обеда или ужина и чистая постель – вот, что ожидает каждого гостя. Хозяйские дочери, омыв ноги у гостя перед сном, проверяют его одежду и обувь, не требуется ли починка той или другой»⁶³.

В обязанности женщин, главным образом дочерей, гостеприимного хозяина, входило умывание ног гостей. Об этом обычае К. Мачавариани в другом месте сообщает следующее: «Если кто-либо из гостей оставался ночевать, то после ужина хозяйская дочь приносила им чашку (таз. – А. К.) с водой и умывала всем ноги. Кроме того снимали с гостей и клали тут около них шашки, пистолет, черкеску, бешмет, брюки и чувяки. Если замечали, что у кого порвана черкеска или бешмет, то за ночь зачиняли»⁶⁴.

Обмывание ног гостей, очевидно, древнейший обычай, выражение особого уважения хозяев к гостю, кто бы он ни был. Оно напоминает смирение при последней Пасхе, когда Иисус Христос, вымыв ноги всех двенадцати апостолов, в том числе и ноги Своего предателя, Иуды, Он спрашивает их: «Знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу: ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам». Какой чудесный урок смиренного служения! Это не образец ритуального умывания ног, а готовность служить без пристрастия, независимо от того, каким низким или неприятным является задание.

Абхазский же обычай, скорее всего, дохристианский, а может быть, он порождение христианской культуры. Независимо от этого в обычае умывания ног гостей четко выражено смиренное уважение к человеку, путнику, возможно к незнакомцу. При этом вполне определённо, даже утвердительно, можно сказать, что хозяйские дочери, выполнявшие, на первый взгляд, казалось бы столь неприятное поручение обычая, делали это исходя из высоких нравственных принципов. Девушки проявляли преданность древним традициям и демонстрировали свою безупречную морально-нравственную чистоту перед Богом.

К. Мачавариани особо подчёркивает роль женщин в нравственном воспитании, в утверждении нравственных принципов в абхазском обществе. «В чистоте нравов, – пишет он, – абхазцы были обязаны своим честным матерям, добросовестно исполнявшим обязан-

ности жены, матери, хозяйки и воспитательницы. Молодому поколению прививались все лучшие качества предварительно кормилицами, а потом родными матерями»⁶⁵.

Абхазки, воспитанные на морально-нравственных принципах апсуара, ревностно защищали интересы семьи и свои права в семейной и общественной жизни. Вот как об этом пишет К. Мачавариани: «Защита семейных интересов у абхазцев лежала на женщине, которая во всех своих делах в этом случае шла рука об руку с женщинами, принадлежащими к соседним черкесским племенам: убыхам, абадзехам и шапсугам. Покушение на уничтожение разных прав женщины, освящённых веками, вызывало здесь ряд волнений, которые всегда оканчивались победой женского влияния»⁶⁶. Обратите внимание на два обстоятельства, отмеченные здесь: во-первых, абхазки в вопросе защиты прав женщин «шли рука об руку» с этнически родственными женщинами – убыхскими, абадзехскими, шапсугскими; во-вторых, абхазские женщины, когда это диктовалось необходимостью, организовано и отчаянно защищали свои традиционные права. Очевидно, ими двигала нравственная сила женской, супружеской, материнской чистоты горянки.

К. Мачавариани даёт некоторые сведения о положении в абхазском обществе кормилицы – женщины, кормящей грудью чужого ребёнка. Абхазы считали, что ребёнок выросстал более здоровым и сильным, если питался молоком женщины из другого рода. Были и другие традиционные установки, способствовавшие широкому распространению аталычества, сохранявшегося в Абхазии вплоть до начала XX века. «Ребёнок кормится молоком кормилицы, – пишет Мачавариани, – до трёх, пяти и даже семи лет... Кормилица не получает никакой установленной платы за воспитание ребёнка, за исключением добровольных подарков... Кормилица в конце срока воспитания ведёт воспитанницу к её родителям. По обычаю, необходимо, чтобы родители воочию убедились в здоровье ребёнка и хорошем за ним уходе»⁶⁷.

Кормилицы, как и родные матери, старались дать своим воспитанникам всестороннее воспитание, руководствуясь установками на-

родной педагогики. Им прививались самые различные и часто сложные правила поведения в обществе: в присутствии гостей, людей с различным общественным положением, женщин, старших по возрасту, сверстников. К. Мачавариани, касаясь воспитания девочек в чужой семье, писал: «Кормилица употребляет все меры к тому, чтобы княжна Е. имела крошечные ножки, тонкую талию, невысокую грудь, чёрные тоненькие брови, высокий выпуклый лоб, длинные косы, прямой нос, здоровый цвет лица, прямую осанку, длинные пальцы и грациозные манеры с примесью лёгкого кокетства. Кроме того, княжна должна обучаться выделке матраца, приготовлению сукна для белья, умению шить чувяки из сафьяна, шить бельё, верхнюю одежду и вышивать различные узоры для украшения одежды или обуви. Сведения по этим отраслям приобретаются сначала в доме кормилицы, потом в доме родителей, где вместе с княжной живёт и дочь кормилицы... И только выход княжны замуж заставляет названную подругу возвратиться к своей матери»⁶⁸.

Спустя более тридцати лет, после написания вышеприведённых строк, К. Мачавариани вновь возвращается к теме кормилицы и матери, останавливается на роли женщины в воспитании юношей в духе идеального мужчины. Он пишет: «Кормилицы, а потом матери стремятся, чтобы их воспитанники подходили к идеалу мужчины, созданному абхазцами. Идеальными чертами мужчин считаются: представительность, мужество, энергия, находчивость, неустрашимая храбрость, сдержанность, широкое гостеприимство, мастерство наездника, дар красноречия, уважение гласного суда, товарищество, повиновение родительской власти, защита своей чести и своей родины, месть за нанесённое оскорбление»⁶⁹. Эти слова из книги, посвящённой подвигам корнета Коция (Константин) Шахановича Лакербай, героически погибшего в первой мировой войне. На восточном фронте вместе с К. Лакербай храбро сражались бойцы абхазской сотни. В сложной фронтовой обстановке, в наиболее критические моменты абхазские воины проявляли находчивость и бесстрашие, совершали героические подвиги, вызывавшие восхищение боевых соратников Кавказской кавалерийской дивизии. Они

неоднократно получали награды и благодарности командования. Корнет К. Лакербай с гордостью сообщал в Абхазию о подвигах своих боевых друзей. К. Мачавариани старается дать ответы на вопросы: кто воспитал этих рыцарей, наводящих страх на превосходящие силы противника; рыцарей, выходящих победителями из самых критических ситуаций контактного боя? Откуда они брали такую силу, воюя вдали от родной Абхазии? Ответы на эти вопросы он ищет в укладе жизни народа, в глубине морально-нравственных устоев, лежавших в основе воспитания подрастающего поколения, и в образе жизни людей. Он пишет: «Абхазцы с большим уважением относились и относятся к женскому полу», особо подчёркивает рыцарское отношение к женщине в абхазском мужском обществе и заключает: «Это рыцарство и воспитало таких героев, как корнет Лакербай...»⁷⁰.

К. Мачавариани специально останавливается на взаимоотношениях кормилиц и воспитанников, отмечает особо близкие, родственные, любовные отношения между ними и их семьями. В 1913 году он писал: «Любовь кормилиц к своим воспитанникам или воспитанницам была безгранична, но и воспитанники и воспитанницы платили им той же монетой. За интересы кормилиц, их мужей, молочных братьев и сестёр, даже за целое селение, где они жили, княжеские дети готовы были принести всякую жертву»⁷¹. Чуть позже он счёл нужным эту свою мысль выразить следующим образом: «В Абхазии ребёнок ... с первого появления на свет божий пользуется заботами здоровой кормилицы, а потом матери. С этого времени не только кормилица, но и целое село, где она живёт, является самым близким родственником к новорождённому ребёнку. Самая высшая и убедительная клятва у абхазцев, это клятва своего воспитанника (или воспитанницы), который с особой любовью относится к своей кормилице, её мужу, своим молочным братьям и сёстрам»⁷². Преданность, основанная на молочном родстве, была обоюдной, охватывала все сферы жизнедеятельности человека и межличностных отношений и служила, прежде всего, удовлетворению эмоциональных, морально-нравственных, матери-

альных потребностей, интересам защиты прав. Эти отношения оберегались нормами апсуара, нередко они передавались следующим поколениям.

Грудь женщины, вскормившая дитя, у абхазов считалась священной и особо почиталась. Прикосновение к женской груди могло примирить кровно враждующие стороны, предотвратить кровную месть, установить близкие, даже родственные отношения между врагами. Седой абхазской старине было известно немало таких случаев.

По абхазскому обычаю усыновление взрослого было столь же сильным средством породнения, как усыновление ребёнка. В 1835 г. офицера царской армии Ф. Ф. Торнау усыновил абхаз, что должно было обеспечить барону безопасность в поездках по землям враждебных царскому правительству народов. В своих записках Ф. Торнау отмечал: «Если два человека согласились составить между собой союз на жизнь и на смерть, то жена или мать одного из них даёт другу мужа или сына коснуться губами три раза своей груди, после чего он считается родственником семьи и пользуется покровительством, какое принадлежит действительно питомцу. При этом делаются подарки аталыку и кормилице... Багри, вступив в обязанности аталыка, был предан мне вполне. Благодаря его суеверию и привязанности, которую он питал к своей жене (приёмной матери Торнау. – Прим. авт.), я мог полагаться на него, как на самого себя»⁷³. Торнау, лазутчик царской власти, умело воспользовался абхазским обычаем, чтобы обеспечить личную безопасность служа на Кавказе в условиях русско-кавказской войны.

Абхазки – матери, жёны, сёстры, получившие воспитание в духе народной педагогики, своей безупречной нравственностью, неукоснительной преданностью семейному очагу, традициям апсуара усердно служили установлению мира, сохранению чистоты во взаимоотношениях людей, насколько это было возможно в несовершенном человеческом мире.

Законы и нормы апсуара возложили на женщин обязанности и заботу, чтобы их мужья, сыновья, братья и сами они были одеты и

обуты удобно, уютно и красиво. К. Мачавариани пишет: «Изготовление бурки, башлыка, шитьё сбуви из кожи, черкески, бешмета и всего белья для обоего пола исключительно лежало на обязанности женщин»⁷⁴. Выполнение этой работы требовало не только профессиональной подготовки и творческой изобретательности, но и старания и любви к человеку. Умелые женские руки и заботливая женская душа прекрасно справлялись с этими обязанностями. Поэтому не только князья и дворяне, но рядовые абхазские крестьяне, крестьянские ораторы, наездники, обычные верховые в достойном обличии являлись на народные собрания, праздники и обрядовые мероприятия. Абхаз своим аккуратным и привлекательным одеянием и тактом выделялся среди соседних народов, обращал внимание на себя.

К. Мачавариани обратил внимание на то, как абхазка, по своей природе скромная, добродетельная при необходимости обретала неустрашимость, становилась рядом с мужчинами. Идеальной чертой абхазской женщины считает Мачавариани то, что она «в случае нужды мужественна, храбра и владеет холодным и огнестрельным оружием»⁷⁵. В другом месте он подчёркивает: «В случае нужды они (абхазские женщины. – А. Э.) являлись такими же образцовыми наездниками, как и их мужья – это были в своём роде неустрашимые и храбрые амазонки»⁷⁶. Конечно, они не были мифическими воительницами. Но отрицать, что в XIX – начале XX вв. абхазские женщины, как правило, владели искусством верховой езды, было бы несправедливо. Всадница имела женское седло, одевала специальный костюм для верховой езды. Бывали случаи, когда жена или сестра, при крайней необходимости, одевала мужскую одежду, совершала кровную месть.

По свидетельству К. Мачавариани, иногда княгини сопровождали своих мужей в их ночных похождениях. «Можно было встретить ночью женщину, – пишет Мачавариани, – одетую в черкеску, с башлыком на голове и в полном вооружении, скачущую в сопровождении отборнейших всадников во весь карьер на ретивом коне. Переплыть вброд через большую реку, проскакать сто-

верстное расстояние, ограбить, поджечь, взять кого-либо в плен, а в случае надобности и броситься с шашкой на неприятеля — всё это казалось для подобной женщины делом обыкновенным»⁷⁷. Естественно, такие случаи в XIX в. уже, скорее всего, являлись пережиточными.

Истории известны блестящие ораторы из абхазской женской среды. В 60-х годах XIX в. на Лыхненском народном сходе обратила на себя всеобщее внимание речь Ш. Бганба. Удивлённые её образной и логичной речью, люди спрашивали: «Кто эта женщина, так искусно владеющая речью?». Крестьянка гордо ответила: «Я из сословия анхаю (крестьян. — А. К.), невестка рода Гумба, сама я Бганба»⁷⁸.

К. Мачавариани не раз касался вопроса ораторского дара абхазки. Он написал специальную работу на эту тему, судьба которой, к сожалению, до сих пор остаётся неизвестной*.

Женщина-абхазка выступала на гласном суде, на сельском сходе, участвовала в урегулировании дел, связанных с бытовыми неурядицами, особенно вопросов, касавшихся женщины. Об ораторском искусстве абхазки, богатстве её речевой культуры К. Мачавариани писал: «Надо слышать этот язык в глубоких сёлах Абхазии. Есть такие слова и целые выражения, которые решительно не переводимы на другие языки. Есть и такие, которые употребляются только женщинами, в большинстве случаев для того, чтобы поделиться друг с другом своими очаровательными тайнами. Сколько поэзии и музыки (абхазцы замечательно одарены музыкальными талантами) в речах абхазской женщины, когда она касается стра-

* 3 февраля 1925 г. К. Мачавариани в письме «Председателю Совнаркома и Верховному правителю Абхазии Лакоба», присланном из Батума в связи с назначением ему пожизненной пенсии абхазского правительства, сообщает, что в знак благодарности посылает свою работу «Женщины-ораторы Абхазии». В архиве Нестора Лакоба она не сохранилась. Письмо Мачавариани к Лакоба любезно предоставил мне С. З. Лакоба.

тной любви или отчаянного горя! Сколько убедительных и красноречивых доводов в устах абхазки, когда она защищает семейные интересы!»⁷⁹.

К. Мачавариани, превосходно знавший быт, нравы и обычаи абхазов, среди которых он вырос, и высоко почитавший нормы апсуара, описал обстановку, как княгиня на сельском суде защищала интересы мужа. Как только она узнала, что дело её мужа, которое разбиралось без его присутствия, принимает дурной оборот, она немедленно приказывает оседлать лошадей и в сопровождении нескольких человек является на суд. Народ и судьи почтительно принимают её и просят занять подобающее ей приличное место. Дальнейший ход судебного процесса передаётся следующим образом: «После разных расспросов о здоровье, о разных новостях, княгиня переходит к делу и просит внимания судей и народа. Сначала в своих нежных и утончённых выражениях она выставляет достоинство судей и их беспристрастие, потом жалеет, что мужу её по разным обстоятельствам не приходится говорить самому о своих делах и, наконец, просит позволения сказать слово в его пользу. Выпрямившись во весь рост, княгиня старается назлектризовать публику и судей и осторожно рассыпает похвалы направо и налево. Когда она замечает сочувствие в народе к себе, и судьи не смотрят в землю, что было бы для неё дурным предзнаменованием, то княгиня незаметно переходит к своему делу, давая возможность говорить и противной стороне. Она предоставляет разные доказательства, разные доводы и ссылается на свидетелей. Она знает, как говорить, не забывает ни одной мельчайшей подробности в защиту своего интереса, то и дело обращается с вопросами к свидетелям и народу.

– Так ли я говорю, друзья?

– Так, так! – отвечает толпа, отвечают свидетели.

– Правду ли я говорю, дорогие?

– Правду говорите, правду! – отвечает толпа с новой силой.

Суд недолго совещается и под влиянием страстной и убедительной речи княгини выносит решение в её пользу»⁸⁰.

Описанный эпизод нашему современнику может показаться литературным сюжетом. На самом же деле это вполне реальное отражение женской ораторской способности, женского такта и этики и уважительного отношения общества к женской особе в традиционной абхазской среде.

В цитированной речи обращает на себя внимание искусство такта оратора – абхазки. Словари определяют слово «такт» как «правильное понимание чего-либо» и как «чувство меры, подсказывающее наиболее деликатную линию поведения». В языке, из которого заимствовано это слово, оно означало «прикосновение». Так же, как благодаря чувствительности, пальцы могут различать липкие, мягкие, гибкие, горячие или ворсистые предметы, тактичный человек может понимать состояние окружающих его людей и видеть, как влияют на них его слова и поступки. Однако такт – это не просто навык, необходимо также искреннее желание не обидеть другого человека. Всему этому учили семья и общество. Традиционные абхазы знали, что человеку нужно быть добрым к людям, ведь никто не знает до конца их переживаний. Поэтому внедрялось понимание того, что человеку всегда нужно быть внимательным, стараться понять внутреннее состояние человека и поддержать его добрым словом или делом. Только при такой атмосфере гласный суд мог принять праведное решение.

К. Мачавариани приводит слова одной образованной абхазской женщины*, в которых отмечается роль окружающей семейной и общественной среды на формирование абхазской женщины. Она особо подчёркивает влияние природы, географического фактора на воспитание нравственных, духовных и физических качеств человека, на характер и этнопсихологию народа. «Наша женщина была дитя природы и шла с природой... В близости окружающей райской при-

* К сожалению, он не называет её имени, но из довольно пространного её изречения видно, что она была не только европейски образована, но и хорошо знала европейскую культуру и элиту того времени.

роды, которая была нашей дорогой воспитательницей и которую никогда не забуду, все находили своё счастье, свой идеал. Нервы никогда не расстраивались. Ни одна сторона не знала пресыщения, ибо обе стороны каждый раз находились в разнообразии того блаженства, о котором понятия не имеют культурные женщины. Горцы не выпускали из рук аромата и пользовались им без пресыщения, жизнь взрослых действовала благотворно на здоровых, безболезненных детей, а потому последние всегда оправдывали надежды их родителей.

Вы думаете, я не влюблялась? Ошибаетесь. Я не раз влюблялась, но влюблялась как дитя природы, покорная голосу этой природы, властному, но не порочному. Взгляните на безбрежное море, на всю окружающую природу и после зрелого размышления, придёте к заключению, что каждый предмет среди этой чарующей природы достоин обаяния, достоин страстной безумной любви. Вам разве не приходилось сидеть у ручья и прислушиваться к его мирной, тихой ласкающей речи? Приходилось ли вам когда-нибудь быть свидетелем сначала появления утренней яркой звезды, а потом восхода огромного огненного шара, дающего жизнь, теплоту всей земной твари? Что может быть приятней, слушать среди ночной тишины разговор лесных растений и смотреть на чудный небесный ковёр, вышитый бесчисленными огоньками. Покорите эту природу, станьте выше её, и тогда я полюблю вас. Впрочем, это я говорю не вам, а идеальному моему рыцарю, идеальному моему жениху»⁸¹. Я здесь прерываю цитату. Вышесказанным она не завершает разговор о своей влюблённости в природу, покорности её красоте. Любит она «воркующих голубей», «ясного сокола.., осматривающего своим острым зрением обширное своё царство», любит «гигантские прыжки леопарда или барса». «Но из всех явлений природы, – продолжает она, – милее для меня раскаты грома и бешеные скачки снежных обвалов, ибо я в них чувствую силу, которая управляет миром. Я готова идти на край света за теми нашими героями, которые бросаются в бездонную пропасть или в волны разъярённых бешеных потоков, выходят оттуда невредимы-

ми. Я готова положить жизнь за тех героев, которые грудью идут на врагов, а не сидят в траншеях, как кроты и производят опустошение»⁸².

Эта образованная, мудрая абхазка, очевидно, волей судьбы вынужденная жить вдали от любимой родины, выражая личные чувства и как бы общую волю своих соотечественников, писала: «Европейская цивилизация не убила во мне любви к родине, любви к соплеменникам моим, которые много лет защищали свою родину, свою страну. На своей родине я привыкла видеть героев безупречного поколения... Они сами воспитывали в нас силу, характер и благородство души, представляя нам огромные права и свободу, а мы никогда не злоупотребляли ими. Мы взаимно оберегали друг друга и поэтому пользовались счастливой жизнью... Наша женщина... была наравне с мужчиной и в годину бедствий так же равноправно защищала свою родину, свой семейный очаг наравне с мужчинами и братьями... Женщина любит силу, но силу благородную, рыцарскую, и она этой силе подчинена, даже обожает её... Только разумная, честная, благородная и любящая мать может дать благородных и мужественных рыцарей»⁸³.

Приведённые слова абхазки, приобщившейся к европейской цивилизации, свидетельствуют о том, что она сердечно предана своим корням. В родной кавказской природе и местных народных традициях видит она основы формирования современного ей образа жизни народа, высоких человеческих достоинств личности. Она призывает лелеять эти ценности.

К. Мачавариани, преклоняясь перед образом традиционной абхазской женщины, восторженно воспринимая морально-нравственные устои патриархального абхазского общества, с настороженностью относился к тем негативным последствиям, которые несла с собой новая цивилизация. «Конечно, — пишет он, — понемногу и к абхазским женщинам подкрадывается современная культура, но, пока, к счастью, в Абхазии она не имеет на них дурного влияния»⁸⁴.

К. Мачавариани получил хорошее образование и воспитание. Как человек, имевший непосредственное отношение к культуре и

просвещению, он не мог не ощутить высоконравственного уровня общественного поведения, выработанного веками установившимися правилами. Его восхищали морально-нравственный облик, такт и этикет, гибкость и разносторонность интеллекта рядовых членов общества. Он ощущал, как новая цивилизация, делая упор на просвещение и внедрение рациональных знаний, безусловно, прогрессивных, постепенно вытесняла уникальные духовные и морально-нравственные ценности народной культуры. Мачавариани, конечно же, уразумел, что не всегда находятся в соответствии образование и культура. История XX века, шлейф которой ещё долго будет волочиться за человеческим обществом, наглядное свидетельство тому. Сегодня, к великому огорчению, во всём мире сплошь и рядом встречаются люди образованные, даже высокообразованные, но, увы, бескультурные, безнравственные и даже общественно опасные.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Абхазии, где коренное население в основном было представлено крестьянством, среди родителей пробуждается желание дать своим девочкам образование. Так крестьянские девочки стали обучаться в церковно-приходских и других школах. Создавались и отдельные женские учебные заведения. По настоятельной просьбе жителей Самурзаканской Абхазии в 1865 г. в с. Окум открывается первая в Абхазии женская школа на 20 человек. В 1870 г. в Сухуме создаётся женская школа, которая в 1872 г. была преобразована в прогимназию, а в 1909 г. – в женскую гимназию. Тогда в ней обучалось 166 гимназисток всех сословий. Это было единственное женское учебное заведение подобного рода на всём Черноморском побережье России. Были организованы и другие женские учебные заведения: в 1885 г. Очамчырское двухклассное женское училище, в 1898 г. – Лыхненская женская школа, а в начале XX в. – Гудаутское женское училище. В результате появляются первые абхазки-интеллигентки, школьные учительницы. Из их среды выдвигаются и специалисты высшей квалификации.

Как известно, после вхождения Абхазии в состав России, особенно со второй половины XIX столетия, юноши, частично и де-

вушки из княжеско-дворянского сословия, получали образование в учебных заведениях Российской Империи и Европы. Одной из ярких представительниц абхазской дворянской интеллигенции этого периода была Мери Чачба (Шервашидзе). Отец её, Прокопий Леванович, генерал-майор русской армии, депутат I и III Государственных дум был правнуком владельца Абхазии Келешбея Чачба (Шервашидзе). С 1914 г. П. Л. Шервашидзе, его жена и дочери, Тамара, Елена и Мери, находятся при императорском дворе. Мери славилась и красотой, и обаянием, и умом. Николай II при первой встрече с Мери восхищённо произнёс: «Какой цветник», а лично ей сказал: «Грешно быть такой красивой». При дворе Мери была фрейлиной матери Николая II императрицы Марии Фёдоровны. Грузинский поэт Галактион Табидзе посвящает ей стихотворение «Мери» и ещё целый цикл поэтических произведений, романтически возвышенных, в которых воспеваются женская красота, женственность, неутоленная любовь. В 1972 г. художник Ладо Гудиашвили с портрета Мери (1915 г.) сделал прекрасный живописный портрет «Мери». Портреты абхазской красавицы Мери написали многие известные художники — Александр Шервашидзе, Савелий Сорин, Коко Шанель (Париж) и др. В 1921 Мери навсегда уехала к мужу во Францию. Муж встречает её в Константинополе. Примечательно, что в Константинополе Мери приняла участие в конкурсе красоты и стала победительницей. Последние годы жизни она провела в доме для престарелых. Поклонники, которых у неё было много, по утрам приносили ей в столовую букеты цветов. Но трудно было «душе одинокой» вдали от родной Абхазии, где, кстати, её до сих пор помнят, однако решительно не признают дома для престарелых. Мери прожила 97 лет, оставаясь «до конца красивой, доброй, великолепной». Надо полагать, что с очаровательной Мери был знаком К. Мачавариани.

В традиционной культуре абхазов была весьма популярна народная поэзия. Она являлась органической частью духовной жизни народа. У абхазов практиковалось слушание народных певцов и певиц, поэтов и поэтесс. Абхазские барды воспевали мужество, благород-

ство и любовь; обличали злодеяния, пороки. Каждая песнь являла собой опозтезированную частицу народной жизни, побуждала человека на подвиги и добрые дела, удерживала его от низких, неблагоприятных поступков. Женщины в танце на народных празднествах были виртуозны и неутомимыми партнёрами мужской компании.

К. Мачавариани, в частности, отмечает, что у абхазов «Особенным вниманием пользуются песни и танцы в хороводных плясках, когда на обширной площади собирается молодёжь из разных сёл и когда каждое село представляет своего поэта на состязание, что исполнители песен о народных героях и обличители общественных пороков... пользуются общим уважением. Певцы свободно импровизируют, без труда облачают свои мысли в поэтическую форму в течение целого дня или ночи, в особенности, на специально устраиваемых состязаниях». «В обширном хороводе стоят эти поэты на противоположных сторонах, и поэзия их льётся широкой волной. Каждая поэма волнует не только молодёжь, но и столетних стариков и старух, вспоминая дела давно минувших дней, минувшей свободы и вольной жизни»⁸⁵. Поэта, заслужившего пальму первенства, подбрасывали в воздух и слава о нём сохранялась в деревне на долгое время.

Особая стихия абхазов – это танцы-пляски. И К. Мачавариани не мог обойти их. «Для танцев, – пишет он, – составляется большой круг из кавалеров и девиц. Диаметр этого круга бывает 60, а иногда и 100 аршин. Около каждого кавалера стоит девица или молодая замужняя женщина. По команде запевалы, в один миг все берутся за руки, и начинается бег сначала на месте, потом справа налево и слева направо. Круговое движение происходит под такт песенников; поют все, без исключения, но и пение это подчинено своего рода дисциплине. Сначала поёт часть, которая входит в состав первой четверти круга, потом вторая и так далее..., не мешая друг другу и не заставляя танцующих прерывать танцы»⁸⁶. Кроме круговой пляски, были и другие, в которых танцор вступал в состязание с танцоркой. Певцы начинали петь, кавалеры, образовав круг, хлопали в ладоши, и на арену выходили кавалер и девица. «Всё искусство их пляски, –

пишет Мачавариани, – состоит в выделывании разных фигур... Кавалер во что бы то ни стало старается утомить свою даму так, чтобы она первая отказалась продолжать танец. Бывают случаи, когда девушки берут верх и сменяют по 3 или 4 кавалера. В честь таких неутомимых плясуний составляют хвалебные гимны...»⁸⁷. Заметим, что в народных празднествах принимали участие представители всех сословий.

В данном виде народного творчества сочетались поэзия, песни и танцы, театрализованность и состязательность искусства, творческий пафос и активный отдых. По своему содержанию эта волнующая сцена под открытым небом, кажущаяся примитивной по форме, отражала духовную культуру народа, его жизнь, была проста и доступна каждому. Подобные сцены отвечали потребностям подлинного искусства времени и нравственным нормам апсуара.

Сфера женской деятельности в семье и обществе многогранна, как сама жизнь семьи и общества в целом. Константин Давидович Мачавариани в своих работах касаясь отдельных аспектов положения женщины в абхазском обществе, всякий раз проявляет глубокое знание абхазской традиционности, морально-нравственных устоев общества и своим пронизательным умом подмечает этнические тонкости женского бытия и характера. Он размышляет глобально, концентрирует своё внимание на положительных явлениях этнической культуры, которые украшали жизнь человека. Благодарное потомство воздаёт ему честь за бескорыстный титанический труд.

* *
*

В современном мире острых проблем много. Особо выделяется проблема нравственного обновления общественной жизни. Что случилось с нравственностью? Изменились ли нравы к худшему? Некоторые историки ответили бы, что трудно сравнивать нравы людей разных эпох. Они могут аргументировать это тем, что каж-

дый период следует рассматривать в его собственном историческом контексте.

Оглянувшись на прошлое, скорее всего мы увидим, что на протяжении всей истории что-то было лучше, а что-то – хуже. Но, даже учитывая это, нельзя не согласиться с тем, что с начала XX века происходят очень серьезные, ни на что не похожие события.

Согласно высказываниям многих исследователей, нравы в XXв. значительно изменились к худшему. Одним из факторов, способствующих этому, как они полагают, является быстрое технологическое и экономическое развитие общества. Ускорение, как отмечают ученые, привело к созданию системы рыночной экономики, в основе которой лежит конкуренция, движущей силой которой является эгоизм, и такое аморальное явление, как коррупция, которой во многих странах, к сожалению, подвержены даже члены правительства. Погоня за прибылью, как инфекция, поражает общество, понижая в целом уровень нравственности людей.

Свой вклад в быстрое падение нравов вносит и массовая культура. Новые ценности широко распространяют продюсеры телепрограмм, магнаты киноиндустрии, рекламодатели, приверженцы «гангста-рэпа» и множество других людей, вовлеченных в электронную индустрию средств массовой информации. Видео, кино, телевидение, интернет, а также реклама, книги, журналы и газеты тиражируют огромное количество материала, полного крайностей и отвратительных тенденций, таких, как расизм, оккультизм, безнравственность, садизм. Все это, в первую очередь обращено к молодежи, как к более восприимчивой аудитории.

В наше время тенденция к отходу от традиционных норм и ценностей – всеобщее явление. Образующийся вакуум нравственных ценностей приводит к тому, что традиционные представления о добре и зле постепенно стираются. Если раньше правилами четко определялись нормы поведения, считались со взглядами общества на то, что допустимо и, что непозволительно с точки зрения этики, то современному обществу присущи свободные, индивидуалистичные взгляды. Негативную роль в этом сыграла секуляризация обществен-

ной жизни, предоставившая людям возможность самим определять свою точку зрения по разным вопросам.

Сегодня страны и народы взаимосвязаны, как никогда раньше. Все они, правда, в разной степени, подвержены болезням века. В более ущемленном положении оказались небольшие страны и малочисленные народности, подвергающиеся военным агрессиям, экономической дискриминации, различным ограничениям и давлению. В этих условиях особо встает вопрос о культуре, нравственности и духовности человека. Естественно, теперь невозможно восстановить апсуара в классическом виде. Изменились времена, люди, условия жизни. Люди, которые жили по нравственным нормам апсуара, исходили из святых для традиционного абхаза понятий: «апсуа иламыс» (совесть абхаза), «апсуа къабз» (абхазский обычай, адат), «апсуа цас» (абхазский нрав, характер), «асас, анцэа дисасуп» (гость, Божья благодать), «пхашьароуп» (стыдно), «цасым» (не обычай), «гэнахароуп» (грех) и т.д. Очевидно, народ связывал с Творцом все существование человека, включая понятие о морали и самой мораль. Фундаментальным оплотом нравственности служила природа Бога.

Ломка абхазской традиционности стала заметно наблюдаться в XIX в., особенно после упразднения абхазской государственности и введения русского управления (1864) и массового махаджирства (1867, 1878). Она коснулась, прежде всего, основных институтов общественной жизни — абхазской общины, обычного права абхазов, народного правосудия, народных сходов и т.д.

В 20-х–80-х годах XX столетия в Абхазии, как и в целом в Советском Союзе, утверждается советская цивилизация, которая внесла коренные изменения в государственную, общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь народа. Новая система развивалась на основе материалистического философского учения и внедряла соответствующие этому мировоззрению нравственные ценности, законы и нормы человеческих отношений, вылившиеся в советский, социалистический образ жизни.

Разрушение патриархального уклада и образа жизни и фор-

мирование новых общественных и личностных отношений на основе атеистического мировоззрения изменили культурную и духовную жизнь абхазского народа. Социалистические нравственные принципы и нормы утвердились во всех сферах общественной жизни. Выросли новые, советские люди, с новым мировоззрением и взглядами, новыми жизненными установками и интересами. В процессе этих преобразований подверглись разрушению основные устои и элементы традиционной культуры, стали деформироваться законы, принципы и нормы апсуара. А многие нравственные ценности переменялись, порой до неузнаваемости, изменилось содержание фундаментальных этнических обрядов (абхазское гостеприимство, абхазская свадьба, традиционные ритуалы похорон, поминок и др.).

Постсоветское время на территории бывшего Союза – это отрицание государственной, экономической, общественно-политической системы социализма, марксистского мировоззрения, а значит, отрицание культурных ценностей и нравственных идеалов, порожденных социалистической идеологией. Коренные преобразования охватили всю общественную жизнь.

В Республике Абхазия к сложным проблемам постсоветского переходного периода прибавились дополнительные трудности, вызванные грузино-абхазской войной: разруха народного хозяйства, уничтожение многих материальных ценностей культуры, невосполнимые человеческие жертвы, психологические травмы, экономическая блокада, резкий упадок жизненного уровня населения, отток значительной части квалифицированных специалистов из Абхазии, обострение этнической вражды, переросшей у определенной части населения в ненависть и все вытекающие из этой обстановки осложнения.

В таких условиях происходит болезненный процесс становления новой, независимой абхазской государственности; переход от рухнувшей социалистической социально-экономической и общественно-политической системы к рыночной экономике и демократической системе общественного устройства.

Таким образом, в XX в. абхазский народ, волей истории, проходит сложный, полный трудностей путь развития: от преимущественно патриархального уклада жизни к социализму; а теперь, совершает переход от социализма к капиталистической рыночной экономике. Эти преобразования были навязаны народу извне, не соответствовали его менталитету.

Несмотря на сложные перипетии истории последних двух столетий, в народном духе живет острая потребность возрождения нравственных ценностей абхазской традиционности. Причем многие эти ценности еще сохранились, правда, в деформированном виде, в жизненных позициях носителей традиционной культуры, в основном в сельских семьях. Среди абхазской творческой интеллигенции также присутствует сильное желание сохранить наиболее значимые элементы и нравственные ценности апсуара, в которых ярко выражены этнические особенности народа и которые созвучны с современными лучшими морально-этическими ценностями человечества.

Все страны и народы Земли в той или иной мере вовлечены в современные мировые процессы. Наша маленькая Республика Абхазия, как часть мирового сообщества, своеобразно включена в эти процессы. Размышляя над будущим, естественно, следует исходить из опыта мировой истории и современного состояния человечества. История повествует о том, что в прошлом известные мировые державы — Египет, Вавилония, Мидо-Персидская, Греческая, Римская, Британская империи, созданные путем завоеваний и опиравшиеся на военную силу, не выдержали испытаний, перестали быть мировыми империями. Ко всеобщему огорчению, и в наше время живучи имперские амбиции и стремления к мировому господству.

Современная цивилизация создала мощные оружия массового уничтожения людей. В XX в. в двух мировых и локальных войнах погибли или физически и психически искалечены сотни миллионов людей. В войнах теперь погибают не только военные, но огромное количество мирного населения. Ни одна война не решила

человеческие проблемы. Войны наоборот усугубляют и обостряют противоречия, порождают вражду и ненависть, разрушают экологию. Все это принимает глобальный характер. Становится очевидным, что цивилизация, опирающаяся на насилие, уже исчерпывает себя. Многие люди начинают понимать, что ни атомная бомба, ни баллистическая ракета, ни автомат Калашникова никому не принесут радости и счастья. И природа, и сам человек нуждаются в защите. В конце концов Человек, наделенный разумом, имеет право выбора.

Выдающийся русский ученый-естествоиспытатель, философ и мыслитель В. И. Вернадский, создавший учение о Ноосфере, решение глобальных проблем человечества видел в установлении сферы Разума. Ученый говорил: «Царство моих идей впереди». В новом мире Разума, очевидно, приход которого неминуем, воцарится духовность и нравственность, святость человеческой жизни.

О нашем времени в Библии говорится, как о тяжком времени, в котором человеческие нравы будут испытывать глубокий кризис: «Наступят времена тяжкие, ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям не покорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся... Но они немного успеют; ибо их безумие обнаружится пред всеми» (2 Тим. 3:1–5,9). Такой склад ума в мире, к сожалению, получает широкое распространение.

Мы, люди, вступившие в XXI век, проходя через трудные испытания нашего времени, можем иметь надежду, что разум возторжествует, царство Разума придет. Такой положительный настрой можно и даже нужно выработать. Нередко, чтобы выработать неэгоистический настрой, необходимо развивать мышление, направленное против наших врожденных несовершенных наклонностей. Для этого требуются знания, решимость, старания и духовная опора, роль которой для традиционного абхаза выполняла апсуара.

Духовные потребности вложены в каждую личность. И преступник с извращенным складом ума, который совершает неблагоприятные дела против других и самого себя, имеет возможность, востребовав духовные потребности, проявлять живой интерес к духовности.

Духовное совершенствование возможно, если неустанно учиться следовать закону: «Люби ближнего твоего, как самого себя». Это может стать правилом жизни человека, когда он стремится развивать в себе такие качества, как «любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5:22,23).

Эти плоды духа, составляющие духовную основу нравственности человека, традиционные абхазы развивали в себе и проявляли в своей жизни, причем и в самых трудных обстоятельствах. В аккумулярованном виде эти духовные ценности были выражены в феномене аламыс. Понятие «апсуа иламыс» (аламыс абхаза) отражает этнический аспект нравственных ценностей апсуара.

Хочется еще раз подчеркнуть, что сердцевину апсуара составляет аламыс – совесть. Абхазские изречения: «аламыс псыехейт» (совесть ослабла), «аламыс мацхейт» (совести стало меньше), «иламыс бжысит» (совесть испортилась), «аламыс ицэызит» (он потерял совесть), очевидно, подразумевают: во-первых, то, что совесть вложена в человеческое сердце от природы; во-вторых, то, что, если совесть не воспитывать, она может запачкаться, испортиться или можно ее вовсе потерять (аламысда). Только обученная совесть совершенствует человека.

Традиционным принципам и нормам апсуара надо обучать детей с малолетства. Это первостепенная задача семьи, учебно-воспитательных заведений, всего общества.

Чтобы воспитывать и обучать детей, вырастить достойное поколение третьего тысячелетия нашей эры, и нам, взрослым, нужно меняться, извлекая уроки из опыта жизни. Пройденный опыт, не только личный и общегражданский своей страны, но и общечеловеческий, многому может научить нас при глубоком размышлении над

ним. Трезво, с нравственных позиций оценив свое прошлое и настоящее, каждый сможет найти основание, чтобы постоянно меняться, совершенствоваться, облекаться в более совершенную духовную личность. Нравственный арсенал апсуара предоставляет нам богатый материал для нравственного обновления, сохранения этнической традиционности.

На этом пути много трудностей общего и местного характера. Имеются объективные факторы, вызывающие постоянное размышление духовных основ и этнической самобытности, оказывающие неумолимое воздействие на выживание малых этносов. Прежде всего, это открытость, доступность, информационная свобода современного общества и цивилизации, влияние видео-, кино- и телепродукции развитых мировых держав. Много трудностей местного значения: а) военная разруха, слабость экономики, крайняя недостаточность материальной основы учреждений образования, культуры, спортивных баз; б) массовый уход сельского населения в город, непрестижность занятия сельскохозяйственным трудом среди молодежи, высокий удельный вес незанятого в производстве населения; в) слабая организованность интеллигенции, особенно, работающей в сфере культуры; г) многонациональный состав населения Абхазии, требующий тщательно отработанной программы взаимного культурного обогащения, обмена опытом хозяйствования и т.д. Это реалии сегодняшнего дня. Значит надо выработать и приспособить к текущим условиям комплекс мер по сохранению национальной самобытности и в целом абхазского этноса. Сегодня даже такие крупнейшие страны, как Франция, Италия, имеют и проводят в жизнь национальные программы, чтобы противостоять всеобщему распространению чуждого им американского образа жизни, засилью американской видео-, кино- и телепродукции. Видимо, следует изучить опыт других небольших стран, в том числе бывшего СССР, переработать его и без перегибов частично использовать в Абхазии.

Конечно же, в направлении национального развития у нас ведется немалая работа. В частности, и научное абхазоведение ориен-

тировано на разработку этой проблематики. Например, имеется Государственная программа развития абхазского языка. Это очень хорошо. Но, чтобы претворить её в жизнь, надо программу расширить, придать ей практическую направленность. Сохранить и развить «абхазство» возможно только на основе комплексной общегосударственной программы. На мой взгляд, ее составными частями должны быть: 1) проблемы развития абхазского языка и его распространения на территории Абхазии; 2) проблемы возрождения наиболее значимых традиционных элементов и нравственных ценностей апсуара, в которых выражается этническое лицо абхаза, этническая специфика народа в целом; 3) проблемы овладения знаниями истории Абхазии населением республики. Необходимо расширять и углублять с привлечением новых документов и материалов исследование исторического пути, пройденного народом, объективных условий, в которых формировался и развивался народ, развивалась его культура; исследование историко-культурных связей с соседними народами и мировыми цивилизациями. Знание истории Абхазии в объективном изложении – важнейшее условие как для сохранения и упрочения национального самосознания абхазского населения, так и для формирования чувства Родины у неабхазского населения республики.

Родной язык, народная культура (традиции, обычаи, нравы, этнопсихология и пр.) и национальное самосознание неразрывно взаимосвязаны. Программа национального развития, управления этническими процессами должна учитывать их единство.

В новых исторических условиях становления независимой абхазской государственности развитие абхазской традиционности, нравственных ценностей апсуара должно опираться на поддержание в чистоте «апсуа иламыс» – совесть абхаза в традиционном понимании. Только тогда мы победим свои внутренние слабости; докажем, что мы уважаем себя и заслуживаем уважительного отношения к себе; только тогда мы добьемся внутренней консолидации, проявим способность решать проблемы государственного, экономического, социального и национального развития.

Сохраняя в чистоте свою личную совесть, каждый член общества должен доказывать своими поступками и словами, что он уважает совесть другого, причем даже и в том случае, когда он не разделяет его взгляды. Мы должны осознать и всегда помнить, что нравственная основа апсуара – это начало добра. Апсуара помогала нашему немногочисленному, но сильному духом народу выходить из любого трудного положения, побеждая зло добром.

Сегодня очень важно культивировать и пропагандировать на государственном уровне нормы апсуара, ее традиционные элементы посредством телевидения, прессы, общественных мероприятий, систематически показывать традиционные семьи, нравственно продвинутых и широко мыслящих людей, их мнение, взгляды на жизнь, жизненный путь и опыт как пример для подражания.

В учебном процессе (детский сад, школа, вуз) передача знаний об основах апсуара должна занять достойное место. В школьных учебниках по истории Абхазии следует значительно расширить разделы, посвященные культуре, в частности, традиционной культуре.

Примечания

Вступление

¹ **Шалва Инал-ипа.** К изучению абхазского народного кодекса “апсуара” // «Абаза», №2, 1996. С. 21, 22.

² **Там же.** С. 20.

³ **Там же.** С. 19.

⁴ **Там же.** С. 20.

⁵ **Хашиг Н. Ч.** Апсуара. — Сухум, 1994. С. 9 (на абх. яз.).

⁶ **Даменья О. Н.** Некоторые трудности развития нашей культуры // “Апсны аказара”, 1987, №4. С. 11, 12.

⁷ **Там же.** №5. С. 6.

⁸ **Квициния М. Б.** О соотношении системы «Апсуара» и национального характера // Газ. «Абхазский университет», 24 мая 1991 г.

⁹ **Смыр Г. В.** Исламский фактор в Абхазии и на Северном Кавказе: правда и домыслы. — Гагра, 1994. С. 41.

¹⁰ **Гожба Р.** Абхазский этюд. // Газ. «Бзыбь», 1994, №40.

¹¹ **Ашхаруа А. Г.** Абхазия: настоящее невозможно понять без осмысления прошлого // “Советская Адыгея”, 1993, 20 июня (См.: в кн.: Читашева Р. Г. Указ. раб. С. 20).

¹² **Ҷигвава В.** Образ жизни абхазских долгожителей. — Тб., 1988. С. 90; его же. Жизнеобеспечивающая система абхазов: традиции и инновации // Тезисы докладов III конгресса этнологов и антропологов. — М.: 1999. С. 78.

¹³ **Шакрыл К. С., Конджария В. Х., Чкадуа Л. П.** Словарь абхазского языка. Т. II., — Сухуми, 1987. С. 40.

¹⁴ **Шакрыл Т. П.** // “Апсны капш”, 15 января 1967.

¹⁵ **Лабахуа М. А.** К вопросу об апсуара // Сборник научных трудов Абхазского государственного университета. — Сухум, 2000. С. 137.

¹⁶ **Читашева Р. Г.** Апсуара... С. 22.

- ¹⁷ **Галия Калимова, Вячеслав Чирикба.** Фрагменты речевого этикета абхазов. (См.: в кн.: Мосты. – Сухум, 1998. С. 5.)
- ¹⁸ **Авидзба В. Ш.** Апсоуара и современность // «Аказара» («Аказара»). – Сухум, 1996. № 1. С. 2–5 (на абх. яз.).
- ¹⁹ **Смыр Г. В.** Абхазская государственность и апсоуара. – Сухум, 1999. С. 29 (на абх. яз.).
- ²⁰ **Читашева Р. Г.** Абхазская этно-культурная система апсоуара-абхазство. Эволюция, современное состояние и проблемы // Автореферат. – Нальчик, 2005. С. 22.
- ²¹ **Саманба Л. Х.** Некоторые заметки об апсоуара // Сб. трудов профессорско-преподавательского состава филологического факультета АГУ. – Сухум, 2004. С. 55–69 (на абх. яз.).
- ²² **Николай Хашиг.** Основы апсоуара. – Сухум, 2002. С. 663 (на абх. яз.).
- ²³ **Виталий Бганба.** Основания абхазской философии. – Сухум, 2005. С. 41, 42. См.: **Бганба В. Р.** Избранное. Т. I. – Сухум, 2007. С. 675.
- ²⁴ См.: **Леон Аджинджал.** Вызовы Абхазии. Ч. I. – Сухум, 2007. С. 35, 41–46.
- ²⁵ **Садзба И. Н.** Каковы пути решения проблем абхазского языка и апсоуара? // «Апсны», 5 сентября 2006.
- ²⁶ **Царгуш Э. К.** Апсоуара, без которого нет абхазства // «Апсны», 9 августа 2007 г.
- ²⁷ **Гуажба Алиса.** Что такое апсоуара? // «Апсны», 9 ноября 2006 г.
- ²⁸ **Куправа А. Э.** Апсоуара. Среда формирования. Духовные и нравственные основы. – Сухум, 2000. С. 60; **его же:** Апсоуара – традиционная культура абхазов. – Краснодар, 2002. С. 60.

Глава I

- ¹ См.: **Гумилёв Л. Н.** География этноса в исторический период. – М.: Наука, 1990.
- ² **Гублия Р. К.** К этимологии элемента «ПС» в абхазско-адыгских языках. (См. сб. Актуальные вопросы абхазо-адыгской филологии. – Карачаевск, 1997. С. 24, 25).
- ³ **Вас. Немирович-Данченко.** Пицунда // Абхазия в русской литературе. – Сухуми, 1982. С. 27.

- ⁴ **Куправа А. Э.** Из истории абхазской традиционной культуры. Книга 1. — М.: 1998. С. 16.
- ⁵ **См.: Дзидзария Г. А.** Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. — Сухуми, 1958. С. 27–79; **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. — Сухуми, 1965. С. 183–295.
- ⁶ **Амичба Г. А.** Верховая езда абхазов. — Сухуми, 1978 (на абх. яз.).
- ⁷ **См.: Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С. 296–314; **Аджинджал И. А.** Из этнографии Абхазии. — Сухуми, 1969. С. 29–94; **Бигуаа В. Л.** Жизнеобеспечивающая система абхазов: традиции и инновации... М.: 1999; **Аргун Ю. Г.** Обычаи, обряды и взаимосвязь поколений. — Сухуми, 1978 (на абх. яз.); **его же.** Традиционное народное искусство и время. — Сухуми, 1985 (на абх. яз.) и др.
- ⁸ **Вас. Немирович-Данченко.** — Пицунда, С. 26, 27.
- ⁹ **См.: Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С. 314–327; **Аджинджал И. А.** Из этнографии... С. 353–409; **Малия Е. М.** Украшение одежды у абхазов. — Сухуми, 1985 и др.
- ¹⁰ **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С. 315.
- ¹¹ **Вас. Немирович-Данченко.** Указ. раб. С. 28.
- ¹² **Мартель Е. А.** Лазурный берег России. (Кавказская Ривьера). — Париж, 1903. С. 99 (на французском яз.). Цит. по **Ш. Инал-ипа.** Абхазы. С. 344.
- ¹³ **Инал-ипа Ш. Д.** Указ. раб. С. 328.
- ¹⁴ **Копешавидзе Г. Г.** Абхазская кухня. — Сухуми, 1989; **Инал-ипа Ш. Д.** Указ. раб. С. 340–349; **Аджинджал И. А.** Указ. раб. С. 410–439; **Бигвава В. Л.** Образ жизни абхазских долгожителей. — Тбилиси, 1988 и др.
- ¹⁵ **Копешавидзе Г. Г.** Указ. раб. С. 5.
- ¹⁶ **Там же.** С. 77.
- ¹⁷ **См.: Бигвава В. Л.** Образ жизни абхазских долгожителей; **Гарб П.** Долгожители. — М.: 1986.
- ¹⁸ **Бигуаа В. Л.** Жизнеобеспечивающая система абхазов: этническая специфика и современная действительность // Сборник научных трудов Абхазского государственного университета. — Сухум, 1999. С. 115.
- ¹⁹ **Шалва Инал-ипа.** К изучению абхазского народного кодекса... С. 20.
- ²⁰ Абхазская народная поэзия. — Сухуми, 1959 (Сост. **Шинкуба Б.**

В.); Золотые россыпи (абхазские устные народные сказания и этнографические материалы). – Сухуми, 1990. (Сост. **Шинкуба Б. В.**)

²¹ Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев. Составители **Инал-ипа Ш. Д., Шакрыл К. С., Шинкуба Б. В.** – М.: 1962.

²² **См.: Салакая Ш. Х.** Абхазский народный героический эпос. – Тбилиси, 1966; **его же.** Абхазский нартский эпос. – Тб., 1976; **его же.** Эпическое творчество абхазского народа // Диссертация в виде научного доклада (докторская). – М.: 1998. **Зухба С. Л.** Абхазское народное поэтическое творчество. – Сухуми, 1981; **его же.** Абхазская народная сказка. – Тбилиси, 1970; **его же.** Абхазское устное народное творчество, т. 1. – Сухум, 1992; **его же.** Типология абхазской не-сказочной прозы. – Майкоп, 1995; **Инал-ипа Ш. Д.** Памятники абхазского фольклора. – Сухуми, 1977; **Аншба А. А.** Абхазский фольклор и действительность. – Тбилиси, 1982; **его же.** Фольклор абхазов. – Сухум, 1995; **Хашба Р. А.** Абхазский детский фольклор. – Сухуми, 1980; **Хашба И. М.** Абхазские народные музыкальные инструменты. – Сухуми, 1967; **Хашба М. М.** Трудовые песни абхазов. – Сухуми, 1977; **ее же.** Жанры абхазской народной песни. – Сухуми, 1983; **Акаба Л. Х.** Из мифологии абхазов. – Сухуми, 1968; **ее же.** У истоков религии абхазов. – Сухуми, 1974; **Адлейба Дж. Я.** Устные стилевые основы сказки. – Сухуми, 1991; **Аджапуа З. Д.** Нартский эпос у абхазов. – Сухум, 1995; **Когониа В. А.** Нартские песни и поэтическая традиция абхазов // Труды АГУ. Вып. VI, – Сухуми, 1988 и др.

²³ **Анчабадзе З. В.** История и культура древней Абхазии. – М.: 1964. С. 190.

²⁴ **Анчабадзе З., Дзидзария Г., Куправа А.** История Абхазии. – Сухуми, 1986. С. 32.

²⁵ **Там же.** С. 64.

²⁶ **Марр Н. Я.** Кавказоведение и абхазский язык. Избр. раб. Т. 1. – Л.: 1933. С. 62.

²⁷ История Абхазии. – Сухум, 1992. С. 113.

²⁸ **Там же.** С. 132.

²⁹ **Там же.** С. 133.

³⁰ **Вахушти.** Описание царства Грузинского (География Грузии). – Тбилиси, 1941. С. 172 (на груз. яз.).

³¹ **Марр Н. Я.** Указ. раб. С. 60.

³² Лурье С. Я. Демографит. – Л.: 1970. С. 351, 352.

³³ Шалва Инал-ипа. К изучению абхазского народного кодекса «апсуара». С. 19.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 22.

³⁶ Там же. С. 19.

³⁷ Георгий Амичба. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). – Сухум, 1999. С. 20.

³⁸ Дмитрий Маргания (Маан). – Протоиерей-просветитель. Статьи. Рапорты. – Сухум, 1999. С. 22 (Составление, предисловие и послесловие Бгажба Х. С.).

Глава II

¹ Инал-ипа Ш. Д. О генезисе «Анца» – верховного Бога абхазов // «Известия». АИЯЛИ. Т. 3. 1974. С. 170.

² Там же. С. 160.

³ Там же. С. 161.

⁴ Чачхалиа Д. Абхазская православная церковь. – М.: 1997. С. 107–110.

⁵ Читашева Р. Г. Указ. раб. С. 16.

⁶ Там же.

⁷ Абхазские пословицы. Сост. Ш. Инал-ипа, С. Адлейба. – Сухуми, 1967. С. 49 (на абх. яз.).

⁸ Абхазские пословицы. Сост. А. Х. Арчелиа. – Сухуми, 1986. С. 3,4 (на абх. яз.).

⁹ Пословицы абхазского народа. Сост. Олег Шамба. – Сухум, 1994. С. 48.

¹⁰ Лазарев С. Н. Диагностика кармы. Книга четвертая. – Санкт-Петербург, 1997. С. 198, 199.

¹¹ Гублия Р. К. Указ. раб. С. 30, 34.

¹² Читашева Р. Г. Указ. раб. С. 34.

¹³ Куправа А. Э. Этикетно-поведенческие нормы апсуара // Абхазы. – М.: Наука, 2007. С. 341.

¹⁴ Абхазские пословицы. Сост. А. Х. Арчелиа. С. 4.

¹⁵ Шакрыл К. С., Конджария В.Х. Словарь абхазского языка. Т. 1. –

Сухуми, 1986. С. 173.

¹⁶ Пословицы абхазского народа. Сост. **Олег Шамба**. С. 41–43.

¹⁷ Там же. С. 54.

¹⁸ **Лакербай Михаил**. Абхазские новеллы. – Сухуми, 1961. С. 92, 93.

¹⁹ Пословицы абхазского народа. Сост. **Олег Шамба**. С. 55–59.

²⁰ Там же. С. 20–23.

²¹ Там же. С. 29–31.

²² Там же. С. 52–54.

²³ **Гарб П.** Указ. раб. С. 139.

²⁴ **Бгажба Х. С.** Бзыбские тексты // Труды АИЯЛИ. Т. XXIII–XXXIV. – Сухуми, 1963. С. 407.

²⁵ Там же.

²⁶ **Мхонджия Л. К.** Главная наша действительность // «Апсны», 20 октября 1994.

²⁷ **Джума Ахуба.** ... Пока не восторжествует Аламыс // «Нужная газета», 20 марта 2000.

Глава III

¹ **Шинкуба Б. В.** Пока живы корни – дерево растёт. (Размышления об абхазском этикете.) – Сухум, 1995. С. 4 (на абх. яз.).

² **Инал-ипа Ш. Д.** К изучению абхазского народного кодекса «апсуара». С. 22.

³ Там же.

⁴ **Рыбинский Г. А.** Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – Тифлис, 1894. С. 13.

⁵ См.: **Дзидзария Г. А.** Народное хозяйство... С. 340.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ **Мачавариани К. Д.** Корнет К. Ш. Лакербай. – Сухум. Издательство ЦГП «Алпха». С. 40.

¹⁰ Краткое военно-статистическое обозрение Абхазии. Департамент генштаба. 1843. С. 15.

¹¹ См.: **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С. 420–433; его же. Традиции и современность. С. 65–74.

- ¹² **Его же.** Абхазы. С. 424.
- ¹³ **Там же.**
- ¹⁴ **Инал-ипа Ш. Д.** Традиции ... С. 67.
- ¹⁵ **Немирович-Данченко Вас.** ... Пицунда. С. 26, 27.
- ¹⁶ **Инал-ипа Ш. Д.** Традиции... С. 69, 70.
- ¹⁷ **Там же.** С. 71.
- ¹⁸ **Его же.** Абхазы. С. 423.
- ¹⁹ **Дзидзария Г. А.** Народное хозяйство... С. 342.
- ²⁰ **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С. 423.
- ²¹ **Его же.** Традиции... С. 72.
- ²² **Его же.** Абхазы. С. 432, 433.
- ²³ **Дзидзария Г. А. Ф. Ф.** Торнау и его кавказские материалы XIX века. — М.: 1976. С. 121.
- ²⁴ **Его же.** Народное хозяйство... С. 254.
- ²⁵ **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С. 427, 428.
- ²⁶ **Дзидзария Г. А.** Народное хозяйство... С. 254.
- ²⁷ **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. С. 429.
- ²⁸ **Антелава И. Г.** Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII веков. — Сухуми, 1949. С. 133.
- ²⁹ **Инал-ипа Ш. Д.** Традиции ... С. 74.
- ³⁰ «Советская Абхазия», 28 апреля 1973 г.
- ³¹ **Дорофей (Дбар).** Некоторые размышления о национальной идее абхазов // Материалы научно-практической конференции по проблеме «Перспективы сохранения и развития абхазской национальности». АГУ. АН РА. — Сухум, 2005. С. 101.
- ³² **Шакрыл К. С., Конджария В. Х.** Словарь абхазского языка. Т. 1. С. 13, 16.
- ³³ **Шакрыл К. С., Конджария В. Х., Чкадуа Л. П.** Словарь абхазского языка. Т. 2. — Сухуми, 1987. С. 70.
- ³⁴ **Там же.** С. 162.
- ³⁵ **Гарб Пола.** Долгожители. — М.: 1986. С. 111, 112.
- ³⁶ **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы... С. 412.
- ³⁷ **Там же.**
- ³⁸ **Там же.** С. 401.
- ³⁹ **Куправа А. Э.** Абхазская деревня на пути социализма. Канун коллективизации. 1926–1929 годы. — Тбилиси, 1977. С. 271.
- ⁴⁰ «Заря Востока», 17 апреля 1926.

- ⁴¹ **Гарб П.** Там же. С. 10, 11.
- ⁴² **Там же.** С. 179.
- ⁴³ **Там же.** С. 179, 180.
- ⁴⁴ **Там же.** С. 50.
- ⁴⁵ **Там же.** С. 50, 51.
- ⁴⁶ **Там же.** С. 51.
- ⁴⁷ **Там же.**
- ⁴⁸ **Инал-ипа Ш. Д.** Традиции ... С. 76.
- ⁴⁹ **Харчилава Кристина.** Чтобы не жить на пороховой бочке... // «Республика Абхазия», 16–17 декабря 2006 г.
- ⁵⁰ **Там же.**
- ⁵¹ «Республика Абхазия», 1 января 2006 г.
- ⁵² **Инал-ипа Ш. Д.** Традиции... С. 82, 83.
- ⁵³ «Эхо Абхазии», 1 апреля 2006 г.
- ⁵⁴ **Амичба Г. А.** Труды. История и этнография Абхазии. – Сухум, 2004. С. 357–367 (на абх. яз.).
- ⁵⁵ **Лакрба Куча.** Неиссякаемый родник. Народное творчество. Пословицы. Этнографические записи. – Сухум, 1979. С. 143 (на абх. яз.).
- ⁵⁶ **Мачавариани К.** Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии // СМОМПК. Вып. IV. – Тифлис, 1884. С. 41.
- ⁵⁷ **Там же.**
- ⁵⁸ **Там же.** С. 42.
- ⁵⁹ **Там же.**
- ⁶⁰ **Мачавариани К.** Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. 1913. С. 316.
- ⁶¹ **Мачавариани К. Д.** Корнет К. Ш. Лакербай... С. 43.
- ⁶² **Там же.** С. 40.
- ⁶³ **Там же.** С. 40.
- ⁶⁴ **Мачавариани К.** Описательный путеводитель... С. 318.
- ⁶⁵ **Там же.** С. 322.
- ⁶⁶ **Там же.** С. 316.
- ⁶⁷ **Мачавариани К.** Некоторые черты из жизни абхазцев. С. 53.
- ⁶⁸ **Там же.**
- ⁶⁹ **Мачавариани К. Д.** Корнет... С. 39.
- ⁷⁰ **Там же.** С. 43.
- ⁷¹ **Мачавариани К.** Описательный путеводитель... С. 317.
- ⁷² **Мачавариани К. Д.** Корнет... С. 39.

- ⁷³ Цит. по кн. **Гарб П.** Долгожители... С. 72–73.
- ⁷⁴ **Мачаварина К.** Описательный путеводитель... С. 323.
- ⁷⁵ **Мачавариани К. Д.** Корнет... С. 40.
- ⁷⁶ **Его же.** Описательный путеводитель... С. 323.
- ⁷⁷ **Мачавариани К.** Некоторые черты из жизни абхазцев... С. 58.
- ⁷⁸ **Гуажба Аслан.** Народная дипломатия и ораторское искусство на Кавказе // Аспекты грузино-абхазского конфликта. 5. – Ирвайн, 2001. С. 281.
- ⁷⁹ **Мачавариани К. Д.** Корнет... С. 42, 43.
- ⁸⁰ **Там же.** С. 40–42.
- ⁸¹ **Там же.** С. 37, 38.
- ⁸² **Там же.** С. 38, 39.
- ⁸³ **Там же.** С. 36–39.
- ⁸⁴ **Там же.** С. 36.
- ⁸⁵ **Там же.** С. 39, 40.
- ⁸⁶ **Мачавариани К.** Некоторые черты из жизни абхазцев... С. 56.
- ⁸⁷ **Там же.** С. 57.

Часть третья

ИЗ ИСТОРИИ АБХАЗСКОЙ АНТРОПОНИМИИ. К ВОПРОСУ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ФАМИЛЬНЫХ ИМЕН

Вступление

*Один род проходит, и другой род приходит,
а земля все остается.
Еккл. 1:4.*

Человек наделен желанием давать всему живому и неживому имена. Люди, животные, птицы и все другие живые существа, так же, как звезды, планеты, города, горы, реки и прочие неодушевленные предметы имеют имена. Человек с помощью имен различает их друг от друга.

Имя это не просто ярлык, не шаблонное название, формально характеризующее кого-, что-либо, оно выражает характерные особенности того, кому принадлежит.

В древнейшие времена потомки родоначальника назывались только по личному имени. В Библии – самой древней из всех когда-либо написанных книг, в 32-х стихах названы потомки Адама – родословие Адама – по личным именам от Сифа до Ноя. В следующем родословии перечисляются имена потомков сыновей Ноевых – Сима, Хама и Иафета. Такая традиция сохраняется в книгах Ветхого Завета и Нового Завета.

С появлением собственности на Землю, очевидно, человека уже

не удовлетворяло только личное имя. Возникла необходимость присваивать и фамильное имя, которое использовалось для удобного обозначения наследственного владения Землей, полученной от предка. Так, на определенном этапе развития человеческой цивилизации наряду с личными именами появляются и фамильные имена. Они обозначают дальнейшее разветвление рода, отделение людей друг от друга, и вместе с тем стремление сохранить внутренние кровнородственные связи в потомстве родоначальника.

У каждого из народов свои этнические личные и фамильные имена. Например, абхазы нарекают новорожденных девочек абхазскими личными именами – Амра, Камачич, Хибла, Хикур, Химур, Шазина и др.; мальчиков – Астамыр, Ахра, Гудиса, Гыд, Хрипс... и др. У абхазов и свои родовые (фамильные) имена – Аджба, Авидзба, Ажиба, Амичба, Ардзинба, Ашуба, Багба, Званба, Цанба, Шамба... и т.д. И каждое имя имеет определенное смысловое значение, хотя теперь это не всегда поддается объяснению.

Каждый народ считает важным сохранить свои этнические имена. Однако жизнь вносит и в это желание свои коррективы. Например, упоминаемые в Библии имена духовных созданий (ангелов небесных) – Гавриила и Михаила – стали общими для разных народов, так же, как и многие другие библейские имена. Нередко собственные имена людей одного этноса перенимаются другими народами.

В связи с углублением этнокультурных взаимоотношений между народами, заимствования расширяются. Теперь у всех народов встречаются как свои национальные личные и фамильные имена, так и интернационализованные имена, ставшие общими для разных народов.

«Любая наша фамилия происходит от имени предка», – гласит старинное абхазское предание. У абхазов фамилия воспринимается как наследственное наименование человека, берущее начало от одного предка, переходящее из поколения в поколение.

Фамилия по-абхазски «ажэла». Это слово, очевидно, образовалось от слова «ажэла», дословно означающего «семья». Когда-то в

абхазском языке слово «фамилия» могло означать «семья». Например, фамилии от занятий Ажиба, Ахиба вначале определялись, скорее всего, как «фамильные прозвания», затем они обрели значение фамилии. Такая связь не случайна, фамилия – семейное наименование, прибавляемое к имени человека. Имя подбирают родители. Фамилия у нас тоже, как правило, отцовская, к отцу перешла от деда, к деду от прадеда... А кто же её первый придумал, откуда она произошла? Вопрос этот более сложный.

Сегодня, например, никто из родословия Ажиба (Кузнецов) не может сказать, кому он обязан своим родовым именем. Разумеется, тому, кто первый стал называться Ажиба, а точнее его отцу, который звался «Ажи» («ажьи» – кузнец), от того, кто занимался кузнечным промыслом. Конечно, у него тоже было имя, допустим, Кан, но, чтобы отличить его от других Канов, к имени добавляли прозвище – Ажи. Дети же его стали называться Ажибами. Так профессия предка превратилась в фамилию. Но это простой, легко объяснимый случай.

Фамилии образовывались и от прозвищ, названий местности – Бармышаа (с. Бармыш)*, растений – Амичба (Амчба – Клёнов), животных – Бганба (Волков), Мушба (Мышэба – Медведев), названий драгоценных металлов – Ахиба – (Ахьйба – Золотырёв), Ардзинба (Арзынба – Серебряков), времени года – Адзинба (Азынба – Зимов) и т.д. Люди получали и прозвища, так или иначе отражавшие их особенности и свойства.

В Абхазии до появления церковных (христианских и мусульманских) имён носили мирское, нецерковное имя. Потомки получали фамилию именно от такого обиходного, чисто абхазского имени. Через фамилии до нас дошли сотни слов, исчезнувших из живого языка. Они, если мы их «расшифруем», откроют нам много нового

* Чаще всего знатная фамилия придавала своё имя местности, например, от дворянской фамилии Эшба – Яшба образовались названия сёл Эшыра, Ешкыт, Яштуха. Таких случаев немало.

о наших предках, их занятиях, быте, взаимоотношениях, верованиях, культурных связях с другими народами.

Абхазы, как и другие народы Кавказа, имеют древние, многовековые традиции фамильных именовании, что, очевидно, связано с особенностями исторического развития – формой землепользования и отношением к земельной собственности, хуторской формой поселения общины, укладом жизни.

Древнейшие абхазские фамилии упоминаются в исторических преданиях об апсха («царе абхазов»), которые, обычно, относят к периоду Абхазского царства (VIII–X вв.). Среди них и княжеско-дворянские и крестьянские: Ачба, Маршан, Званба, Аббаз, Губаз, Ануа, Джопуа, Арлан, Аублаа и другие.

Процесс образования абхазских фамильных имен охватывает огромный период, по-видимому, начиная с раннего средневековья вплоть до XX в.

У абхазов с общностью фамильного имени связана особая привязанность, основанная на чувствах кровного родства людей. Где бы ни жил однофамилец, в родной Абхазии или в далекой стране, он считается родным и близким человеком, и встреча с ним приносит особую радость.

Современные абхазские фамилии позволяют проследить не только развитие родословий, но и географию движения людей, человеческие связи, контакты, смешения...

Общими и частными, теоретическими и практическими вопросами именования людей занимается антропонимика, являющаяся разделом ономастики – отрасли языкознания, которая изучает собственные имена.

Антропонимия как совокупность именовании людей включает личные имена, отчества, фамилии, индивидуальные и групповые прозвища.

Собственные имена имеют языковые и внеязыковые ассоциации. К лингвистическим проблемам специалисты относят: 1) имя в языке и речи; 2) имя в литературном языке и диалектах (социальных, территориальных); 3) имя как порождение данной языковой систе-

мы и как заимствованное, в той или иной степени ассимилированное ею; 4) морфологическую структуру имен в языках различных типов; 5) полные, сокращенные и субъективно-оценочные формы имен и их взаимосвязь.

Социолингвистическими проблемами считаются: 1) связь имен с его носителем; 2) имена, созданные данным народом и принадлежащие ему лишь по традиции употребления; 3) имена в официальном и неофициальном употреблении; 4) возрастные изменения имен; 5) типы социальных отношений между людьми и влияние этих взаимоотношений на формы и способы номинаций (кейго); 6) табу и эвфемизмы в именах¹.

Антропонимия абхазов давно привлекает внимание ученых-лингвистов. Немецкий языковед А. Дирр в 1915 г. опубликовал «Список имен, фамилий, названий народов и имен животных у абхазцев, мингрельцев и дагестанцев»². В архивном фонде Н. Я. Марра хранится написанный его рукой «Указатель абхазских фамилий и имен», который содержит более двух тысяч слов³. После возвращения из лингвистической экспедиции в Абхазию (1912 г.), Н. Я. Марр указывал, что в Абхазии национальные, действительно народные имена вытесняются христианскими и мусульманскими и предлагал «надо спешить с их собиранием». Он заметил, что «имена язычников не всегда оказываются «языческими» или местными, чисто абхазскими, иногда они мусульманские»⁴. Этим он указал на историческую обусловленность заимствований антропонимов. Х. С. Бгажба, исследовав антропонимические заимствования на примере бзыбского диалекта абхазского языка, отметил, что «наряду с исконно абхазскими личными именами и фамилиями, в ней (абхазской антропонимии. – А. К.) встречаются христианские (греко-латинские) и магометанские имена, а также имена, заимствованные из адыгейского, грузинского, занского (чанско-мегрельского) и русского языков»⁵. Он обратил внимание на то, что иноязычные имена проникали в абхазский язык не только непосредственно, но и через посредство языков соседних народов, неся в себе их фонетические особенности.

В последнее время интерес к абхазской антропонимии растёт. Труды этнологов, историков, лингвистов, краеведов содержат ценные материалы и суждения. Особенно следует отметить работы Ш. Д. Инал-ипа⁶, Г. А. Амичба⁷, В. А. Амичба⁸, Г. В. Цулая⁹, О. В. Маан¹⁰, Д. М. Дасаниа¹¹, Г. В. Смыр¹² и др.

Книга Ш. Инал-ипа, посмертно изданная, является фундаментальным исследованием абхазских личных и фамильных имён. В ней представлен богатейший антропонимический материал, извлечённый из фольклорных и письменных источников и собственных полевых обследований. Даёт интересные сведения о географии распространения фамилии по регионам Абхазии и за её пределами. Г. А. Амичба исследовал раннесредневековую (V–X вв.) антропонимию абхазов и её этнокультурные аспекты. На основе научного анализа конкретных материалов, доступных современному исследователю, делает ценные наблюдения и толкования, выражает оригинальные мысли.

Антропонимы связаны с историческим и этнографическим фоном. При исследовании истории фамильных имен особый интерес представляют: происхождение и лингвистическое содержание имен, формообразование имен, фамильные прозвища, фамильные преобразования, заимствования (обмен фамилиями), ареал распространения, этнокультурный и другие аспекты проблемы. Для решения такой задачи требуется скрупулезная собирательская и исследовательская работа специалистов разных областей знаний – языковедов, этнологов, историков и др.

В предлагаемой работе ставится конкретная задача показать, как на базе исторических абхазских фамилий происходило: преобразование этнических фамильных форм с использованием иноязычных формантов; образование новых фамилий путем изменения этнической корневой основы фамилии или присвоения другого имени; появление совершенно новых абхазских и неабхазских родовых имен.

Теме образования на основе абхазских родовых имен грузинских феодальных родов в раннесредневековой Картли посвящена

работа ак. С. Н. Джанашиа¹³. С том, как в новое время священники меняли формы абхазских фамилий, писали К. Д. Мачавариани¹⁴, С. П. Басария¹⁵, Д. И. Гулиа¹⁶ и др. Ученые Х. С. Бгажба¹⁷, Ш. Д. Инал-ипа¹⁸ и другие в своих работах затрагивают вопросы видоизменений абхазских фамилий. Научное изучение проблемы фамильных преобразований остается актуальным для современного абхазоведения.

По менталитету традиционного абхаза, вынужденное изменение фамильного имени, присвоение другого – зло (беда, несчастье). Абхазские выражения «чтобы ты сменил свою фамилию» («ужѣла ухухааит») или «чтобы ты вышел из рода» – «оставил род свой» («ужѣла уалцааит») – означают проклятие. По традиционному взгляду, тема изменения фамилии даже не предмет обсуждения. Человек может серьезно обидеться за вмешательство в его родовое имя, может сказать: «Дад*, почему ты рассуждаешь о моей фамилии, какое это твое дело!» (Дад, сыжѣла узалацѣажѣозеи, уусыс иалоузеи!). В абхазской среде эта тема и в наши дни щепетильна.

Возникновение и изменение этнической формулы фамильного именованя связаны с историческими условиями. В разные исторические периоды различные обстоятельства обуславливали преобразования имен. Чаще всего они были связаны с миграцией населения: массовыми, групповыми и единичными вынужденными передвижениями людей.

Одновременный или поэтапный уход значительной массы людей за пределы родной земли (Апсны) охватывает длительный период, начиная с древности вплоть до наших дней. Разумеется, передвижение населения происходило в разные исторические периоды по разным направлениям, т.е. в разные страны: в античности, по всей вероятности, преимущественно к соседним племенным союзам, в Грецию и др.; в раннее средневековье – в Адыгею, Грузию, Византию и др.; с XIV в. – на Северный Кавказ

* Дад (абх.) – форма обращения.

(абазины); с XVII в., особенно в XIX в. – в Турцию (махаджирство) и другие страны.

Причины подобных передвижений были разные: политические, социально-экономические, историко-культурные связи и т.п. Но, очевидно, была и еще одна веская причина оттока населения, связанная с природно-климатическими условиями и территориальной замкнутостью расселения абхазских племен между Кавказскими горами и Черным морем.

Природа и климат Абхазии, естественно, создавали особо благоприятные условия для жизни и труда, способствовавшие быстрому росту народонаселения. Надо полагать, временами, в периоды относительно продолжительной мирной жизни, территория оказывалась перенаселенной. На это, по всей видимости, указывает, сохранившееся в абхазском устном изречении образное предание о том времени, «когда кошка по крышам домов, не наступая на землю, пробиралась с берега моря до гор». Не исключается, что в какие-то периоды истории и по причине густонаселенности происходила миграция населения за пределы племенных территорий.

Групповые и единичные передвижения людей вызывались множеством причин: убийство, обычай кровной мести, войны, тяжба между представителями привилегированных сословий, бегство от одного феодала к другому или в соседние области из-за неповиновения, нарушение закона адатов, религиозные преследования, поиски новых земель для проживания и т.п.

Как свидетельствуют материалы, переделки фамилий единичных переселенцев чаще всего были связаны с убийствами, обычаем кровной мести, нарушением закона адатов (аморальными, безнравственными поступками).

Массовые же миграции последних столетий (абазин – на Северный Кавказ, особенно махаджиров – в Турцию и страны Ближнего Востока) вызвали сплошное изменение этнических имен переселенцев. Мигранты, хотя и помнят свои фамилии, но ими пользуются только в собственной, внутриэтнической среде, официально носят новые, местные фамилии. На Северном Кавказе

теперь редко встречаются абхазские родовые имена в этническом языковом звучании, они в основном приобрели лингвистическую форму той этнической среды, в которой оказались их носители. В результате, к сожалению, утеряны многие абхазские личные и родовые имена.

В данной работе не рассматриваются фамильные изменения, связанные с переселением абхазских племен на Северный Кавказ и махаджирством, они лишь вскользь затрагиваются в связи с общей проблемой.

Существенное влияние на абхазскую антропонию оказало вхождение Абхазии в состав российской империи (1810). В ходе восстановления православного христианства, церковь, как правило, меняла национальные или исконно народные, а также мусульманские имена, внедряла христианские (календарные) личные имена, преобразовывала окончания абхазских фамильных имен; иногда, правда реже, появлялись новые абхазские фамилии в ином этническом звучании, т.е. путем присвоения абхазу фамилии неабхазского происхождения. Эти процессы в работе отражены.

Внедрение в абхазскую национальную школу и в вузы республики русского языка как языка изучения основных предметов, абхазско-русский билингвизм среди абхазской интеллигенции, существенно изменили, как русское написание, так и устное произношение многих абхазских фамильных и личных имен из-за отсутствия в русском языке специфических для абхазского языка звуков и их отражающих букв (Аџзба – Авидзба, Абыхџба – Абухба, Ашџба – Ашуба, Ахџба – Ахуба, Бџажџба – Бгажба, Бытџба – Бутба, Лашџриа – Ласурия, Ажџанба – Званба, Тџжџба – Тужба, Цџыцџба – Цвижба, Хџашба – Хашба, Қџџџба – Качба и т.д.). По этой же причине некоторые носители подобных, труднопроизносимых или неблагозвучных в русской речи фамилий сами видоизменили написание своих родовых имен (Ақџаџба – Кове, Қалџы – Колбаи и др.). Эта традиция оказалась устойчивой. Таким путем многие абхазские родовые имена потеряли свое первоначальное этнолингвистическое звучание. Теперь не только русские, но и другие наро-

ды, иногда даже сами абхазы, особенно молодежь, говорят Ашуба, Бгажба, Хашба, т.е. произносят эти фамилии в разговорной речи так, как они пишутся по-русски.

Антропонимические изменения, вызванные распространением русской грамотности и абхазско-русским двуязычием, свидетельствуют о том, как культурные и политические влияния, сами по себе, во все времена вызывают изменения этнических имен, могут воздействовать на антропонимические процессы.

В основе исследования положен принцип историзма, т.е. принцип изучения и оценки каждого явления в историческом развитии. Отдельно рассматриваются фамильные формообразования в высшем социальном сословии абхазского общества. Автор стремился в историческом аспекте показать преобразования абхазских крестьянских родовых имен в самой Абхазии и в Грузии. Специальная глава посвящается фамильным преобразованиям в Самурзаканской Абхазии, где наиболее наглядно и активно протекал этот процесс, причем со специфическими особенностями. Обращается внимание читателя на причины, способы и формы переделок родовых имен в данном регионе.

Не вдаваясь в лингвистические разыскания этимологии фамильных имен, автор как историк, наряду с исконно этническими родовыми именами, к абхазским относит и те заимствованные фамилии, которые уже в течение многих столетий входят в активный антропонимический фонд абхазов*.

В работе рассмотрены отдельные примеры, вернее частные случаи фамильных преобразований, и на этом фоне показаны конкрет-

* Обзор фамилий даётся с чисто синхронных позиций: на равных правах рассматриваются фамилии исконно абхазские и фамилии иноязычного происхождения, в той или иной степени ассимилированные в абхазской среде. Достаточным условием для того, чтобы определённая модель фамилии считалась существующей в абхазском языке, является употребление её для обозначения лиц абхазской национальности в течение веков.

ные обстоятельства, которые вызвали появление новых родовых имен, новых лингвистических форм фамилии.

В исследование включены в виде приложения родовые предания – устные рассказы, истории о том, что было в роду. Легенды и предания, безусловно, требуют критического осмысления. При всех недостатках, присущих им, они уникальны. В большинстве случаев являются единственными источниками информации.

Некоторые положения, вошедшие в эту работу, были изложены на научной конференции Абхазского государственного университета, посвященной 70-летию проф. З. В. Анчабадзе (1990). Опубликованы статьи о самурзаканских абхазских фамилиях¹⁹.

Данный труд представляет первую попытку монографического изучения преобразований форм абхазских фамильных имен. На протяжении истории родовые имена подвергались формопреобразованиям и другим изменениям по разным, порой по совершенно непредвиденным, обстоятельствам. Видимо, в исторической действительности нет фамилии, которой не коснулись эти процессы в той или иной мере, ибо сама жизнь людей не так проста, а временами бурна и неустойчива. Естественно, впереди непочатый край исследовательской деятельности в этом направлении и надо полагать, специалисты заинтересуются данной проблемой, появятся новые работы. Автор сознает, что его отдельные толкования, оценки и выводы могут вызвать неоднозначную реакцию, возражения и споры. Полезные замечания и предложения будут приняты с благодарностью.

Глава I. Некоторые антропонимические и исторические сведения о привилегированных сословиях абхазского общества позднего средневековья

1. Общие сведения о фамильных именах княжеско-дворянского сословия

Древнегрузинские исторические сочинения содержат ценнейшие материалы по политической истории, географии, этнографии, ономастике, в частности, и по антропонимии средневековой Абхазии. Первое упоминание абхазского княжеского фамильного имени в летописи Грузии восходит примерно к 1040 году. Источник констатирует факт попытки Баграта IV (1027–1072) вернуть Анакопию (Псырдзха, Новый Афон), занятую Византией. В нем сообщается, что царь Баграт IV приставил к Анакопии «Чачасдзе Отаго с абхазскими войсками»¹. Обращает на себя внимание, что абхазская фамилия Чачба воспроизведена в грузинском оформлении – Чачасдзе (сын Чача), но с сохранением ее абхазской основы «Чач».

Летопись «История и восхваление венценосцев» (XIII в.) упоминает правителя (эристава) Цхумской области Отаго Шервашиддзе². В этом источнике фамилия абхазского правителя Чачба впервые зафиксирована в грузинской форме – Шервашидзе. В дальнейшем это написание утверждается и в исторических источниках, и в официальных документах.

В грузинской летописи «Столетняя история» читаем: «Предводитель войска абхазец Шарвашиддзе, по имени Дардын... прославленный Шарвашиддзе, Дардын, абхазец, полководец»³. По сообщению летописца, когда в 1243 году объединенная грузино-монгольская армия царицы Русудан вторглась в Малую Азию, сопротивление ей оказал сельджукский султанат. Султан собрал «четыresta тысяч (воинов) и назначил предводителем вой-

ска абхаза Шарвашидзе, по имени Дардын, которого за его храбрость и прежде сильно возвысил»⁴.

Вахушти Багратиони в числе «древних фамилий (владельческих) князей»⁵ называет и Шарвашидзе. В другом месте он пишет: «В Абхазии (сидит) тот же Шарвашидзе, сам же владелец абхазов»⁶. Относительно Шарвашидзе, проживающих в Гурии, Вахушти свидетельствует, что эти «Шарвашидзе – выходцы из Абхазии...»⁷.

В средневековых грузинских письменных источниках упоминаются и некоторые другие княжеские фамильные имена: «Мачабели говорят, (что они) Анчапидзе*, пришедшие из Абхазии» (Вахушти)⁸. Он же отмечает, что ниже Шарвашидзе, владельца абхазов, стоят Анчадзе⁹. В источниках XVI в. фигурирует Цандия Иналди-па¹⁰. Приведенные здесь отрывочные сведения дают лишь частичное представление о номенклатуре фамильных именовании абхазской феодальной знати того времени.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби во время первой поездки по Закавказью (1640–1641) побывал в «прекрасной стране Абазе» и описал ее от границы с Мегрелией до гавани Анапы¹¹. Челеби дал конкретные сведения о двадцати пяти приморских и горских «племенах» народа абаза, населявших Причерноморье.

Описание страны Абаза Э.Челеби начинает с абхазского «племени чач». В данном случае словом «племя» Челеби обозначает само население (народ), во главе которого стоял феодал, а «Чач» – это фамильное имя правителя этого народа. Следовательно, словосочетание «племя чач» фактически означает народ владетельного князя Чач (Чачба). Ш.Инал-ипа совершенно справедливо утверждает, что «этническое название «чач», бесспорно, связано с Чачба – абхазской формой фамильного имени владетелей Абхазии»¹².

Э.Челеби абхазские антропонимы воспроизводит так, как он слышал от абхазов. Фамильное имя владетелей Абхазии он пишет в

* Анчабадзе (Ачба).

усеченной форме «Чач» без «ба». Очевидно, в народной среде династическое фамильное имя владетелей в те времена, как, впрочем, и в дальнейшем, произносилось в форме «Чач». В позднее средневековье Чачба (Шервашидзе) становится синонимом должности владетеля Абхазии.

Э.Челеби описывает также «племя арлан». Владение Арлан находилось между землями абхазских владетелей Чач и садзских владетелей Цанба. Это «племя» имело «около десяти тысяч бахадыров», «их беи были справедливы», имели «главную пристань», «прекрасную гавань»¹³. После махаджирства княжеский род Арлан теряет свои сословные привилегии.

«Племенем чанда»* называет Э.Челеби «джигетов или садзов, селившихся между Гагрой и Сочи»¹⁴. Владения феодалов Цанба он делит на две части: 1) горную с населением около пятнадцати тысяч человек, их пристань Гагра, имеют своих беев; 2) «племя больших чанда», у которых «около двадцати пяти сел, есть пятнадцать тысяч воинов и свои беи»¹⁵.

Во главе «племени кечи»¹⁶ (в ущелье р.Псоу) стояли феодалы по фамилии Кечи. В этой общине, по свидетельству Эвлия, 70 селений; население богатое, может выставить от двух до десяти тысяч искусных воинов, по большей части конницу. Владетельская фамилия Кечи (Къеч, Къач) в дальнейшем принимает форму Гъач (Гъач Рашьыт – последний владетельный князь).

Путешественник описывает «племя камыш»** – «их около десяти тысяч, храбрых и отважных»¹⁷. Ш. Инал-ипа среди девятнадцати фамилий привилегированных сословий Абхазии (середина XIX в.) называет Хамыш (Хамышь) и место их проживания локализует вблизи устья р. Хамыш¹⁸.

* У Э.Челеби «чанда», он звук «ц» передает как «ч». – См.: Эвлия Челеби. Книга путешествия... С.302.

** Имеется в виду «хамыш», часть народа убухов. См.: Там же.

По Челеби, «племя соча» насчитывало «около десяти тысяч стяжавших славу пеших воинов»¹⁹. Ш. Инал-ипа княжескую фамилию Швача (Шәача) в середине XIX в. локализует в районе современного г. Сочи²⁰.

На побережье, западнее «племени соча», проживало «племя Джамба», которое имело «две тысячи пеших воинов»²¹. Фамилия Джамба сохранилась в современной Абхазии, а также среди махаджиров и батумских абхазов.

Таким образом, к середине XVII в. Э.Челеби в стране Абаза зафиксировал в местном языковом звучании несколько владетельских фамильных имен – Чач (Чачба), Арлан, Цанба, Кечи (Къач, Гъачба), Камыш (Хамышь), Соча (Шәача), Джамба и др., указал также, что они имели своих беев (князей, дворян).

Более подробные сведения о фамильных именах привилегированных сословий Абхазии сообщает Ф. Ф. Торнау – русский офицер-разведчик и исследователь, служивший на Западном Кавказе. В начале 1835 г. он обосновался в местечке Бамбора. Здесь Торнау заводит знакомства и общается с влиятельными абхазами, среди коих «умный и хитрый» Гасанбей Шервашидзе – «удельный» князь Гумской (Сухумской) Абхазии; Кац Маргания (Маан) – первый сподвижник владетеля Абхазии, генерал царской армии, который догадывался о секретной миссии Торнау и сказал разведчику: «Ты молодая лисица, а я старый волк, напрасно станем друг друга обманывать» и предупреждал: «Побереги свою голову, она нужна тебе для другого дела»²². Ф. Торнау представился 24-летнему владетельному князю Михаилу Шервашидзе (Чачба), который, по словам русского офицера, пользовался «всеми качествами, имеющими высокую цену» у горцев, т.е. был «силен, стрелял отлично из ружья, ловко владел конем и не боялся опасности»; а как правитель, несмотря на свою молодость, был «далеко не хуже, если не лучше других, много хвалёных кавказских владельцев... Как настоящий горский князь, Михаил исполнял правила гостеприимства в самых широких размерах, никто не уезжал из его дома без угощения и без подарка»²³.

Ф.Торнау завел знакомство с князьями Инал-ипа, имевшими родственные связи и сношения с соседними «сильнейшими» садзскими (джигетскими) фамилиями: Цанба (Цумбая) в с. Цандрипш и Арыдба близ мыса Адлер²⁴.

Торнау «не давал себе отдыха», продолжал странствовать по горной Абхазии, осматривать дороги и знакомиться с людьми, от которых надеялся узнать что-нибудь полезное для «скрытого намерения»²⁵.

В сборе историко-этнографических, лингвистических и других сведений об Абхазии Ф.Торнау большую помощь получал от прапорщика Эмина (Николая) Шакрыл, который был постоянным его проводником и переводчиком, а также от молодого абхазского офицера, друга Э.Шакрыла – Соломона Званба (1809–1855)²⁶. Ф.Торнау тесно общался с абхазским дворянином Соломоном Мканба, с Муты Шакрыл и др.

Историко-этнографические и другие материалы Ф.Торнау исходят из первых рук сказителей и его личных наблюдений и представляют ценный источник. Естественно, непосредственное общение с представителями привилегированных сословий абхазского общества дало ему возможность раздобыть более или менее обстоятельные и объективные сведения об абхазских княжеско-дворянских фамильных именах того времени.

Ф.Торнау пишет: «Княжеских фамилий в собственно Абхазии немного, они следующие: в Бзыбском округе – Инал-ипа, Чабалурхуа и Шарвашидзе, есть и Анчабадзе; в Сухумском – Дзапш-ипа, Маршани; в Абживском (Абжуйском. – А.К.) – Эмха, Шарвашидзе и Анчабадзе»²⁷.

Ф.Торнау дает определенную характеристику этих фамилий. «Фамилия Шарвашидзе, – говорит он, – которая одного происхождения с владетельскою, посему обстоятельству занимает в Абхазии первое место; она расселена по всем округам, не исключая и Самурзакани, и крайне бедна»²⁸.

Здесь отмечены некоторые моменты, обращающие на себя внимание: 1) Шервашидзе – фамилия владетельского дома Абхазии и

власть владетеля наследственная. Как известно, в конце XVII – начале XVIII вв. владетель Абхазии Зегнак Шервашидзе разделил княжество на три феодальные владения, сделав удельными князьями своих сыновей, власть которых также передавалась по наследству. В силу всех этих обстоятельств Шервашидзе «занимает в Абхазии первое место». 2) Шервашидзе расселены по всей Абхазии, очевидно, эта древняя абхазская княжеская фамилия была многочисленна. Однако те, кто не были близки к владетельской линии, особыми привилегиями не пользовались, поэтому были «крайне бедны».

Торнау отмечает, что «Дзапш-ипа после нее (Шервашидзе. – А. К.) считаются старшими»²⁹. Эшерские князья Дзапш-ипа выдвигаются на политическую арену Абхазии с середины XVIII в., после ссылки в Турцию владетеля Абхазии Манчи Чачба вместе с братьями Ширваном и Зурабом. В частности, историк С. З. Лакоба пишет: «Во время пребывания в турецкой ссылке князей Чачба, в Абхазии усилились эшерские князья Дзяпш-ипа, занявшие окрестности Сухума. Не имея возможности бороться с этой фамилией, Зураб (Чачба. – А. К.) старался сохранить с ней дружественные отношения и даже женил на княжне Дзяпш-ипа своего племянника Келешбея. Заручившись поддержкой этого влиятельного клана, Зураб в 1771 г. поднял восстание и изгнал турецкий гарнизон из Сухума»³⁰.

Князья Дзяпш-ипа и накануне военного захвата Сухум-кале (1810), и в дальнейшем в ходе завоевательной политики царизма в Абхазии продолжали активно участвовать в политической жизни страны, поддерживая своего племянника Асланбея Чачба – преемника Келешбея на абхазский престол. Очевидно, именно такое влияние Дзяпш-ипа, сохранившееся вплоть до 30-х годов XIX в., дало основание Ф. Ф. Торнау написать: «Дзапш-ипа после Шервашидзе считаются старшими».

Ф. Торнау подчеркивает, что «Анчабадзе и Чабалурхуа – древнейшие фамилии Абхазии; отрасли первой находятся в Самурзакани, в Псху, Ахчипсу и между Джигетами. Инал-ипы богаче дру-

гих»³¹. Отсюда следует, что древнейшая абхазская княжеская фамилия Анчабадзе (Ачба)* была представлена во всех регионах собственно Абхазии, встречалась она и среди джигетов, и среди абхазских свободных горных обществ Западного Кавказа. И более того, это указывает на ареал распространения их власти в феодальной Абхазии.

Из семи абхазских княжеских фамилий, приведенных Ф.Торнау, в собственно абхазском звучании записаны пять: Инал-ипа, Чабалурхуа, Дзапш-ипа, Маршан, Эмхаа. Видно, что они зафиксированы с живой народной речи. Что касается фамилий Шервашидзе и Анчабадзе, как известно, они давно приняли грузинскую форму: так они зафиксированы во всех официальных документах, фигурируют во внешне-политических сношениях; а сами абхазы всегда их называли и продолжают называть Чачба и Ачба.

В материалах Ф.Торнау имеются сведения и об абхазских дворянах. «Дворяне, – пишет он, – пользуются правами князей и несут с ними одинаковые обязанности; также должны владетеля, их посещающего, угощать и одаривать. Важнейшие дворянские фамилии в Абхазии: Лакербаевы, Маргании, Микамбаи и Зумбаи (Званбай, Званба. – А. К.). Из которых Хыбр-ипы Маргании, предки Каца Маргания, всегда славились приверженностью к владельческому роду. Кроме того, есть в Абхазии фамилии незначительных дворян, называемых лесными (ақуаца аамыстцәа): Цимбаи, Багба и Акыртаа»³².

Ф.Торнау называет семь абхазских дворянских фамилий. Из них пять именуется во множественном числе, прибавив к фамильному имени русское окончание множественности: Лакерба-евы, Маргани-и, Микамба-и, Зумба-и (Званба), Цимба-и, а две – Багба и Акыртаа приводит так, как произносят абхазы. Причем, без русского оконча-

* Сохранившаяся в народе поговорка, «не сказав Ачба, не скажешь Чачба» (Ачба умхәакәа, Чачба узхәом), возможно, отражает главенствующее положение Ачба до выдвигения абхазской фамилии Чачба.

ния множественности («евы», «и»), за исключением Маргания (Маан), и указанные им фамилии (Лакерба, Микамба, Званба, Цимба) принимают чисто абхазскую форму.

А.П.Черепов из 11 дворянских фамилий, перечисленных им, только о трех писал, что они «считаются более старыми»: Званба, Маан и Лакрба³³.

Ш. Д. Инал-ипа, исследуя историю, оригинальную культуру и быт абхазов и убыхов, особое внимание уделял вопросам антропологии и обнаружил во многом и общие, и своеобразные, и в значительной степени особенные черты в фамильных и собственных именах этих одной генетической линии народов. Ниже приводится полностью составленный им перечень княжеско-дворянских фамилий Абхазии.

Фамилии привилегированных сословий Абхазии (середина XIX века)³⁴

<i>№№ п/п</i>	<i>Фамилия</i>	<i>Локализация</i>
		<i>Князья</i>
1	Чачба (Шервашидзе)	Почти во всех районах
2	Арыд (Арыдба)	Вблизи современного Адлера
3	Аублаа	Устье р. Сочи
4	Ачба (Анчабадзе)	Во всех районах, в том числе и в Садзене
5	Гъанаба (Гъанаа)	с. Тхина Очамчырского района
6	Гечба (Гъачба)	Нижнее течение р. Псоу
7	Дзяпш-ипа (Зацшь-ипа)	Сухумский и Очамчырский районы
8	Емхаа (Эмухвари)	Почти во всех районах
9	Инал-ипа (Инал-ипа)	Гагрский, Гудаутский, Гальский, Очамчырский районы
10	Маршан (Маршьан)	Гульрыпшский, Очамчырский районы, Ахчипсы, а также в некоторых северо-кавказских абазинских аулах

11	Мудавия (Мдаоџи)	Среднее течение р. Мзымта
12	Хамыш (Хамышь)	Вблизи устья р. Хамыш
13	Цанба	Цандрипш
14	Чаабалрхуа	Гудаутский район
15	Чхотуа (Чкотуа)	Гальский район
16	Шат-ипа (Шат-ипа) (мегр. Сотскуа, Сотишвили)	с. Река Очамчырского района

17 Швача (Шџача) В районе совр. г. Сочи

18 Шварыква (Шџарыкџа) В районе совр. г. Сочи

Дворяне

1	Акиртава (Акырџаа)	Гудаутский и Гальский районы
2	Атумава (Атџмаа)	Очамчырский район
3	Ашхацава (Ашџацаа)	Гагра-Сочинский, Гудаутский, Очамчырский районы
4	Багба (Баџба), Баг	Почти во всех районах
5	Барас	Гудаутский район
6	Блабба	Гудаутский район
7	Гарцкия (Гарџкџиаа)	с. Бедиа Очамчырского района, с. Лыхны Гудаутского района
8	Допуа (Допуаа)	с. Адзюбжа Очамчырского районп
9	Званба (Ажџанба)	Гудаутский, Гульрипшский, Гальский, Очамчырский районы
10	Куджба (Кџыџба)	Псху, Цебельда
11	Лакрба	В основном в Гудаутском и Гальском районах
12	Маан (Маргания)	В основном в Гудаутском, Очамчырском, гальском районах
13	Маг (Маџба)	Сџла Ааџы и Ачандара Гудаутского района
14	Миканба (Мкџанба)	с. Анхуа Гудаутского района
15	Мкялба (Мкџалба)	с. Михельрипш Гальского района
16	Хварцкия (Хџарџкџа)	с. Кындыг Очамчырского района
17	Цыба	с. Джгиарда Очамчырского района

18	Цыцба	с. Тамыш Очамчырского района
19	Чачибаиа	с. Лыхны Гудаутского района
20	Чрыгба (Чыргба)	с. Баслаху Очамчырского района
21	Цышвба (Цышэба)	Сёла Лыхны и Отхара Гудаутского, с. Арасадзых Гагрского и с. Джггарда (Чегем) Очамчырского районов
22	Эшба	В прошлом в ряде мест Абхазии; ныне в с. Гуп и Бедиа Очамчырского и в с. Дурипш Гудаутского районов

В посмертно изданной монографии по антропонимии Абхазии Ш. Инал-ипа дополнительно называет ещё три княжеские фамилии – Аринба, Арт (в устье р. Кудепсты) и Ачу (в Садзене, в обществе Чуа), а также восемь дворянских – Кинца (Садзен, с. Багрпш), Куланба – Кэланба (Гудаутский район, с. Куланырхуа), Оздан (общество Аибга), Папба (Гудаутский район, с. Папхуа), Садзба – Сазба (Гагрский район, с. Лдзаа), Фирсоу (Гудаутский район), Хахубиа – Хахэба (Гальский район, с. Чхуартал, с. Бедиа), Шакербай – Шьякрыл (Гульрипшский район, с. Багмаран).

Доктор искусствоведческих наук, проф. Л. А. Шервашидзе, автор гербового матрикула абхазских князей и дворян, в своей книге «Фамильные гербы абхазских князей и дворян» (Тбилиси, 2004), которая вышла вскоре после его смерти, приводит фамильные имена дворян, которые не вошли в перечни, сделанные Ш. Инал-ипа. Таких дворянских фамилий восемь: Ачок (Анчокэаа), Донарчоу, Заарум (Заарым-ипа), Махариаа, Твишба (Тышэба), Капш (Капшь), Шиокум (Шиокэмаа), Цвижба (Цэышьба). Как видно, они взяты из V тома «Русской геральдики», где эти фамилии зафиксированы.

Рассматривая вопросы абхазской антропонимики, Ш. Д. Инал-ипа предпринял первую попытку определения собственно абхазских, садзских, абхазо(садзско)-убыхских фамильных имен привилегированных сословий первой половины XIX века, а также указал места

их расселения. Из восемнадцати княжеских фамилий, названных в перечне, собственно абхазскими считаются Чачба, Ачба, Дзяпш-ипа, Емхаа, Инал-ипа, Маршан, Чаабалрхуа, Чхотуа, Шатипа. К главным собственно садзским фамилиям высшего сословия он относит Цанба, Гечба, Арыдба, Хамышь, Аублаа (садзско-абхазская). В Садзене, как называли страну садзов, имели распространение и влиятельные общеабхазские княжеские фамилии Ачба и Маршан.

Среди двадцати двух дворянских фамилий, приведенных в перечне, имеются собственно абхазские, садзские и общеабхазские (абхазо-садзские). К известным собственно абхазским дворянским фамильным именам относятся Акиртава (Ақыртаа), Гарцкиа (Гарцкыиа), Званба (Ажəанба), Лакрба, Маан (Маргания), Миканба (Мқанба), Хварцкия, Цыба, Цыцбаа, Цышвба (Цышəба), Эшба.

К общеабхазским дворянским фамилиям, очевидно, относятся Багба (Багба), Мкялба (Мқалба), Ашхацава, (Ашəхəацаа), Чрыгба – Чыргба и др.

По разным причинам постоянно происходила миграция населения то из внутренних районов Абхазии в Садзен, то обратно. В результате русско-турецких войн XIX века, а затем хода самой Кавказской войны садзы и убыхи оказались в архитрудном положении. В стране садзов, оказавшейся в тисках острых противостояний двух больших держав, как явствует из материалов, разгорается внутренняя борьба за ориентацию; в ходе военных операций гибнет масса людей – развертывается контрабандная торговля, резко ухудшается экономическое положение народа. В этих условиях возрастает миграция садзского населения в районы Абхазии. Накануне выселения садзов в Турцию беженцами оказывались в Абхазии и садзские князья и дворяне. Некоторые из них теряли свои социальные привилегии и домогались их возвращения³⁵. Опираясь на конкретные данные, Ш. Д. Инал-ипа пишет: «Некоторые абхазские княжеские и дворянские фамилии, как и крестьянские, ведут свое происхождение из различных «округов» Садзена»³⁶.

Многочисленную группу составляли мелкие дворяне, которые распались на ряд категорий. В народе их уничижительно называ-

ли: «аамста кьае» – «короткий (неполный) дворянин» (к таким А. П. Черепов относил роды Фирсоу, Барас, Куланба); «акуаца аамста» – «садовый (лесной) дворянин»³⁷. Земельная реформа выявила и таких дворян, которые по существу были намного беднее отдельных крестьян, например дворянин Хамид Садзба (с. Лдзаа) или Чугба (с. Чугурхуа) и др.³⁸.

Бывали отдельные случаи, когда слуга какого-то знатного князя или дворянина, а иногда даже пленный раб из другого народа, за преданную службу получал фамилию своего хозяина. В с. Река жили Эшба Джондо и его сестра Кучул. По цвету кожи они были совершенно чёрными. В народе обычно говорили «араб Джондо», но официально он был известен как Эшба Джондо. Он имел землю, дом, хозяйство. Этот стройный, высокий, с ослепительно белыми зубами, представительный на вид мужчина семью не создал. Чуждался трудового образа жизни. Как правило, разъезжал верхом по деревням, наподобие некоторых дворян вёл праздную жизнь. Его знали в сёлах Абжуйской и Самурзаканский Абхазии. И везде принимали, угощали «Джондо араба». В детстве я был свидетелем, как он на своём коне заехал в наш двор, привязал свою лошадь к забору, с дворянским достоинством представился как гость дома. Хорошо знал абхазский этикет и соответственно вёл себя*.

* Любопытно заметить: в нашем регионе в те же годы жил «негр Гваджала». В отличие от Джондо, он был безфамильным, звали его просто по имени «Гваджала». Невысокий, коренастый Гваджала отличался кочевым, но мирным образом жизни. Посещал все свадьбы, своим чудачеством развлекал людей. Своё появление на свадьбе он отмечал звонким, долгопротяжным криком. Это был уникальный, неповторимый гваджаловский сигнал, который разносился на всю деревню. Его можно было упросить, как до привода невестки, так и в ходе свадьбы продемонстрировать свой оригинальный голос. Этим интересовались не только мы, дети, но и взрослые люди. Гваджала не напивался, по-своему держался достойно, все старались не унижить его. Малейшее нетактичное отношение он воспринимал с обидой. Поэтому и мы, дети, старались не огорчать его.

Социальная принадлежность к таваду или аамста не всегда обеспечивала привилегированное общественное положение или материальное благосостояние. Как выше отмечалось, отдельные тавады по своему имущественному положению и общественному авторитету уступали некоторым крестьянам из анхаю. Некоторые же дворяне, имея личные заслуги перед владельцем и царским правительством, занимали даже первенствующее положение в княжестве. Такими при М.Шервашидзе являлись Кац и Хасан Маан (Маргания). Про генерала Кац в народе говорили: «В Абхазии князей много, но Кац Маан один», этим отмечая его могущественное положение. А его однофамилец, дворянин Мсоуст Маргания из с. Гудава, в народе получил пренебрежительную кличку «застрывший в грязи» (хэнцэылаха)³⁹.

2. К истории изменений абхазских княжеско-дворянских фамильных именовании

Изменения фамильных имен высшего сословия наблюдались во все времена и среди всех народов. Они происходили или путем замены этнического имени, или путем внесения частичного изменения в коренное имя.

Истории известны факты, когда этнические фамильные имена полностью меняются на иноэтнические имена. В этом случае теряется этнолингвистическое содержание имени, оно принимает новое языковое выражение. Такие процессы приобретают глобальный характер или при массовом переселении народа в другую страну, или когда весь народ оказывается в составе большой империи, т.е. в окружении иной языковой и культурной среды. Нередко этническое фамильное имя теряется и при единичном или групповом переселении людей в чужую страну.

При частичном изменении фамильного имени сохраняется его этническая основа, но меняется форма звучания, приспособляясь

к языковым нормам выражения фамильного имени другого языка. Это может происходить как на территории собственной страны, так и в соседней стране, близкой по историческим связям и традициям.

Абхазские княжеско-дворянские фамильные имена, как увидим ниже, часто подвергались изменениям – частичным переделкам или полной замене на иноэтнические имена. Причин тому было много: вынужденные единичные или массовые переселения, вызванные самыми разными обстоятельствами: 1) войны, межфеодальные, межфамильные, бытовые и другие конфликты, кровная месть; 2) политические, культурные, семейно-бытовые и другие связи с соседними странами и народами и пр.

Свежо в памяти народной махаджирство – вынужденное и насильственное выселение многих десятков тысяч абхазов в Турцию, происходившее несколькими этапами в 20-х–70-х годах XIX в. В результате этой величайшей народной трагедии поголовно были выселены садзы, абхазские горные общества Аибга, Ахчипсы, Мдавей, Псху, Гума, Дал, Цабал. Как писал акад. Н.Я.Март, «Абхазия была обездолена в своей даже центральной этнографической части... Остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского»⁴⁰. Махаджиры увезли с собой многие уникальные историко-культурные ценности, которые навсегда исчезли и в самой Абхазии. Депортация вызвала вынужденные изменения этнических фамильных и личных имен переселенцев.

Из-за отсутствия под рукой конкретного материала, говорящего о том, как протекал в турецкой среде процесс смены абхазских фамильных имен на турецкие, не представляется возможным данный вопрос рассматривать конкретно-исторически.

Ш. Д. Инал-ипа пишет: «В Турции представлены почти все абхазские фамилии, в том числе и те, которые в самой Абхазии уже не встречаются»⁴¹. Однако в Турции, как и в других ближневосточных странах, фамилии бывших абхазских князей и дворян, например, Ачба, Гечба, Званба, Инал-ипа, Маршан, Маан, Мканба, Чаабал, Чачба, Яшба (Эшба) и др., как и все абхазские крестьянские фамилии, потеряли свое этническое звучание. Они все получили иное

языковое выражение. Фамилии турецких абхазов в «натуральной», т.е. исконной, форме сохраняются лишь для внутриэтнического использования. Юридической силы они не имеют. Для официальных целей их «или изменяют до неузнаваемости (так из «Бигуаа» получилось «Бюйюка»), или, как указывает Инал-ипа, берут какое-нибудь приглянувшееся арабское или турецкое слово и присваивают его себе в качестве «паспортного» имени (например, в документах Орхан Шамба* значится под фамильным именем «Чакар»)⁴². У турецких абхазов исчезли традиционные мужские и женские имена**. Увы, таковы печальные последствия политики денационализации.

В процессе махаджирства многие протурецки настроенные влиятельные абхазские князья и дворяне, к сожалению, вели агитацию за переселение в Турцию, тянули своих подданных за собой. Этим, как заметил Н. Я. Марр, они стремились как бы «спас-

* Орхан Шамба, потомок абхазских махаджиров, жил в Турции, неоднократно приезжал в Абхазию, был горячим сторонником расширения связей абхазской диаспоры с исторической родиной.

** В Аджарии абхазские махаджирсы сохранили этническое звучание своих фамилий. В 80-х годах XX столетия Т. Ачугба здесь зафиксировал 98 абхазских фамильных имен (по его данным в Аджарии раньше, кроме них, были представлены более 50 и других абхазских фамилий). Ныне в Аджарии все они, за редким исключением, функционируют в абхазском языковом выражении (см.: Ачугба Теймураз. Поселения абхазов в Аджарии. – Батуми, 1988. – С. 46–49. На грузинском языке).

Обращает на себя внимание то, что многие фамилии абхазов, проживающих в Аджарии, начинаются с буквы «А», напр.: Агумба, Аведжба, Аквадзба, Акуджба, Ананба, Ажиба, Асадзба, Ашларба, Ацанба, Ацугба, Ачугба и т.д. Очевидно, в 60-х–70-х годах XIX в., когда носители этих фамилий оставили Родину, подобное языковое оформление было характерно для данных родовых имен. Теперь в самой Абхазии они пишутся уже без «А» – Гумба, Квадзба, Куджба, Нанба, Жиба, Садзба, Шларба, Цанба, Цугба и т.д., хотя в разговорной речи старшего поколения эти фамилии произносятся в своей первичной форме – Агумба, Ажиба и т.д.

ти свою... древнекультурную общность, свое человеческое достоинство». Результаты оказались необратимыми. Какая трагедия! Какой самообман!

Из истории можно почерпнуть множество уроков. Но только прилежные и внимательные дважды не наступают на одни и те же грабли, не повторяют одни и те же ошибки. Однако же, чтобы из истории можно было извлекать ценные уроки, в основе их должна лежать правда, даже если она горькая...

* * *

Абазины, более ранее переселившиеся с северо-западных и юго-восточных районов Абхазии на Северный Кавказ, также приспособили свои фамильные имена к языковым нормам тех народов, в окружении которых они оказались. Среди переселенцев были представители разных абхазских племен. Но там теперь нет абхазских княжеско-дворянских и крестьянских фамилий в этническом выражении, они изменили свою форму и содержание*. В большинстве случаев основа фамилии остается прежней, а вот окончания приспособлены к русской языковой норме добавлением суффиксов «ов», «ев» (Накохов – Накохраа Али Махамет-ипа; Балов – Балараа Умар Хоца-ипа и т. д.)⁴³.

В начале XIX в., по С. Н. Джанашиа, многие абазины еще знали конкретные места откуда их предки вышли, к каким племенам они относились; в памяти поколений сохранились некоторые сведения по родословию и этническим фамильным именам. Интересные данные по абхазо-адыгским именам содержат дневники С. Н. Джанашиа о языковой «Экспедиции в Адыгскую автономную об-

* У ашхарцев сохранились в чисто абхазской форме фамилии: Ашхацава, Авидзба, Агрба, Екба и др. Такую информацию любезно предоставила языковед Лихова Наташа – доцент Абхазского университета.

ласть» (апрель-май 1929 г.)⁴⁴. В частности, он зафиксировал в адыгских аулах 139 абхазо-абазинских фамильных имен в этническом выражении, в том числе бывшие княжеско-дворянские фамилии: Ачаа (Ачба), Чачаа (Чачба), Маршьан, Аэшба, Баг (Багба), Арыда (Арыдба), Акужба (Акуцба), Жвана (Ажэанба), Цыба, Мыдавей (Мдафси)⁴⁵.

Фамилию Лоу, встречающуюся в Турции, Ш.Инал-ипа считает патронимической ветвью княжеского рода Ачба⁴⁶. Д. К. Чачхалиа, проявляющий интерес к истории Абхазии, в частности, антропонимии абхазов, утверждает, что «Лоовы были самыми влиятельными абазинскими князьями»⁴⁷. На Северном Кавказе им соответствовали названия селений Лоо, Лоукыт, Гум-Лоу-кыт.

Абазинка Лихова Наташа первоначальной формой своей фамилии считает Лооу и связывает с названием села Лыхны.

В Кабарде С. Джанашиа записал фамилию Маршан в форме Маршанха; здесь в ауле они считались тавадами⁴⁸. В наши дни в Карачаево-Черкессии живут Маршанькэа (Марчинуков), в прошлом и они носили абхазо-садзскую фамилию Маршан. В Кабарде фамилия Инал-ипа приняла форму Иналов, Багба (Баг) – Багов и т.д. Следовательно, информаторы помнили свои прошлые фамилии.

Носители фамилии Вардана (убыхи) жили северо-западнее Сочи. Сказитель свидетельствует, что местность их проживания называлась страной Вардана. Жителей этой области вытеснили абадзехи⁴⁹. Вардана, переселившиеся в Абхазию, обабхазились, а убыхская Вардана (Варданэ) у абхазов принимает форму Юардан (Вардания).

Садзская княжеская фамилия Къач (Гъачба) на Северном Кавказе получила распространение в разных вариациях. Среди абазин известна фамилия Кеч, которая увязывается с княжеским родом Геч⁵⁰. Корни абазинского княжеского рода Кяч (Кячевы) относят тоже к садзскому роду Геч. Выходцем из рода абазинских князей Кеч был просветитель и писатель середины XIX в. Каламбий (1837–1872), настоящее имя которого Адиль-Гирей Кешев. Он родился в родовом ауле Кеч, в семье князя Кучука Кечева⁵¹

В с. Джгиарда Очамчырского района есть древний храм Кяч-

ныха (Кячская церковь, святыня). Сохранилось предание о том, что местность, в которой расположен храм, была населена носителями фамилии Кеч и храм построен Кечевыми, которые позже переселились на Северный Кавказ⁵².

В Абхазии проживает несколько семей Кичба – выходцы из с. Звандрипш (Гудаутский район). Свое родословие они связывают с фамилией Гечба⁵³. Это подтверждает ныне проживающая в Сухуме Гули Кичба⁵⁴.

По преданию, абхазский дворянин Огурлу Маан (Маргания), переселившийся из с. Адзюбжа в Приэльбрусье, положил начало балкарскому роду Апсуваевых. О генезисе рода Апсуваевых балкарка Шамсия Апсуваева рассказала абхазскому этнографу Омару Маан следующее: «Наш фамильный род Апсуваевых из Абхазии. Мы из абхазского рода Маан (Маргания). Нашего предка, переселившегося когда-то в Приэльбрусье, звали Огурлу. Переселившись на нынешнюю территорию Приэльбрусья, Огурлу называл себя «апсуа», основал фамильный род Апсуваевых. Затем самоназвание «апсуа» превратилось в фамилию (в русской транскрипции) – «Апсуваев» балкарского потомства Огурлу Маан...». По-балкарски и ныне эта фамилия произносится как «Апсуа», «Апсуалары». Огурлу Маан переселился на Северный Кавказ во второй половине XIX в. пишет О. Маан. В настоящее время Апсуваевы проживают в с. Эльбрус, в аулах Бедык, Хабаз, Вольный аул, в городах Нальчик и Тырнауз. Апсуваевы и их адзюбжские родственники Маргания не прерывают связь между собой, периодически встречаются, называют друг друга братьями и сестрами⁵⁵.

С. Джанашиа на Северном Кавказе записал несколько топонимических наименований, образованных на основе абхазо-садзских княжеско-дворянских фамилий: Маршанхабл (Маршьанхабл) в с. Улац, где проживают в основном абазины;⁵⁶ Иналхабл (Иналхабл) в Кабарде (Баксанская область);⁵⁷ Багкыт (Бағқыт) в Баталпашинском районе (аул Кувинск);⁵⁸ Кызбакыт (Жызбақыт); Адзын (Азынба) тоже имели посёлок (ахабла)⁵⁹. Здесь приведены только некоторые топонимы, зафиксированные ученым в 1929 г. На самом деле,

разумеется подобных им было гораздо больше, ибо новые поселенцы, как правило, своим селам и поселкам на новом месте жительства присваивали свои же этнические имена, тем самым официально закрепляя за собой законное право на владение этой землей. Все это вполне соответствовало нормам обычного права горцев.

Следует отметить, что информаторы употребляли абхазские слова – «ақыҭа» («село»), «аҭабла» («поселок»), хотя официально уже эти населенные пункты именовались в русской транскрипции. Например, «Иналҭабл», по-абхазски означающее «поселок Инала», официально значился как «аул Иналова»⁶⁰ и т.д.

Подобные изменения фамильных имен и географических названий – естественный процесс. Они были вызваны объективными условиями, в которых оказались поселенцы. Этнические имена приспособлялись к новой этнокультурной среде, к языковым законам того народа, который составлял большинство населения в данной местности. Все эти изменения – часть ассимиляционных процессов.

Деэтнизация облегчалась разбросанностью населения, его разобщенностью. Переселенцы в новых местах искали свободные территории, лучшие участки; естественно, они рассредоточивались, разбивались не только племена, но, нередко, близкие соседи, кровнородственные семьи. В поиске лучших условий для обжития и на самом Северном Кавказе продолжалась внутренняя миграция среди переселенцев. Все это разрушало веками установившиеся отношения и традиции.

Переселение через горы, оставление насиженных мест были чреваты тяжелыми физическими и морально-психологическими последствиями. Не менее болезненными были и ассимиляционные процессы. Они оказались очень продолжительными, вторгались в самые различные сферы уклада жизни и культуры.

Естественно, представители княжеско-дворянского сословия претерпели значительные социальные изменения. Необратимо менялся привычный княжеско-дворянский образ жизни, снижался их социальный статус. Сказитель абхазского села Улаҭа С. Джанашиа сообщил: «Тавадами являются маршаниевцы (Маршьан)». А на воп-

рос ученого: «Разве они не являются «пшыы?»^{*}, последовал ответ: «Раньше были, теперь нет»⁶¹.

В селе Улаца С. Джанашиа записал ряд интересных наблюдений. Хаджи Ахмед ему сказал: «Наш язык называется «апсашәа»... Апсоу, они тоже были мыдавеи (Мдаџеи). Мы все абаза... Молодежь здесь уже почти полностью перешла на язык Бесленов^{**}. Только старики, когда вместе собираются, говорят по-абазински»⁶².

Во время экспедиции С. Джанашиа сопровождал студент из Краснодара, абазин Лиев. Он был переводчиком. В дневнике от 19 мая 1929 года С. Джанашиа пишет: «В пути я и Лиев разговаривали (по-русски) об абхазском и Абхазии. Как видно, к этому прислушался один человек, стоявший у забора. «По-абхазски знаешь?» – воскликнул он на русском языке. Тогда, иди сюда, любезный. Весьма обрадовало его знакомство со мной, что выразил и словами. Долго говорили. Почти свободно понимали язык друг друга. Очень четко говорил мужчина средних лет. Говорил, что старается внушить всем здешним абазинам, что необходимо сохранить свой язык, но результаты этой пропаганды небольшие. Молодежь почти полностью перешла на бесленеурский. У меня семьи нет, но сыновья моего брата уже не знают «апсашәа»...

Мы все абаза, кто здесь живет, кто в Абхазии, Баталпашинске и в других местах. Кроме этого сказал... мы являемся «апсашәа»... Настоящей фамилией Кумпылаа^{***} является Адзынба (Азынба). В целом здесь такие фамилии, которые имеются и в Абхазии.. ». Указывая на юношу, который сопровождал меня, говорит с укором: «Вот и он не знает свой язык. Его настоящая фамилия Алиеба^{****}, во множественном – Лиаа»⁶³.

^{*} «Пшыы», по-адыгски «князь»; сказитель, очевидно, имел в виду князя – покровителя деревни (ахылапшыы).

^{**} В этом ауле большинство населения составляли племя Бесленовых.

^{***} Кумпылаа собирательная фамилия одной абазинской семьи в ауле «Улаца». См.: С. Джанашиа. Указ. раб. – С. 103.

^{****} Возможно, абхазская фамилия Лейба и абазинская Алиеба (Лиев) параллельные фамилии.

14 августа 1929 г. С. Джанашиа прибывает в с. Нартан – Нальчикско-Клишбиевское (Қалишбиехабла) к старику Пачиеву (72 лет). «О нем, – пишет Джанашиа, – мне рассказали в Нальчике, приехал к нему специально. Родился и живет он в Нартане. У него 4 сына и 5 дочерей. Крестьянин, в школе не учился, сам научился писать и читать по-русски и по-арабски (сам придумал свои арабские буквы), собирал легенды, сказки, рукописи, исторический материал. В дневнике читаем: «Старик моет руки, я стою... Старик замечает мое поведение и восхищен: «Адыгеец, настоящий адыг! Или оставайся здесь, или заberi с собой». Приложил руки к шее: «Вот, привяжи веревку и потащи». После наизусть рассказывает громадное стихотворение, в котором описываются империалистическая война, революция, гражданская война и др. Этот старик весьма интересная личность»⁶⁴.

Эпизод показывает, что старик, который родился в дали от родины своих предков, знал обычаи, традиции – культуру своего народа. Он, чувствуется, испытывал ностальгию по традиционному прошлому предков, которое уже стало достоянием истории. Он испытывал боль и горечь человека, оторвавшегося от этнических корней. Надо полагать, в своем стихотворении он не восхвалял войны и революции. Несомненно, в подобных катаклизмах он видел и свои собственные беды, и беды своих соплеменников, и общечеловеческие. Старик размышлял об этом, но изменить ничего не мог. Всему свое время – очевидно, он это понимал.

Племена, народы и отдельные люди по самым разным причинам (войны, революции, переселения, торговля людьми, пленение, поиски чего-то лучшего под небом и т.д.) совершают миграции, теряют свои корни, потом тоскуют и ищут их; разделяются, а потом сливаются; ссорятся и мирятся; враждуют и рождаются – все это повторяется: «Суeta суeta и томление духа». Так было с сотворения, но так не должно быть...

Сказано: «Один род проходит, и другой род приходит, а земля все остается». Разве об этом не свидетельствует история человечества?!

Несовершенна природа человека. Даже те, кто понимают, что вкушают радость от изобилия, что-то ищут, сами толком не зная что, пока не потеряют то, что имеют.

Это имело место и у нас перед грузино-абхазской войной. Плотские похоти, как правило, развивают эгоизм, чванство, ненависть, жестокость, злоречие, клеветничество, наглость, неблагодарность. Претензии, обиды на разной почве перерастают в политическое противостояние. Болезнь разрастается, активизируются внешние силы. Война решила все эти вопросы по своим законам. Люди стали врагами, семьи разбились, родственники и соседи потеряли друг друга...

* * *

Академик С. Н. Джанашиа коснулся и весьма любопытного вопроса о феодальной миграции («колонизации»), имевшей место с X в. со стороны Абхазского царства в Восточную Грузию. Ученый приводит материалы об образовании в Картли новых феодальных фамильных имен, происшедших от фамилий абхазской феодальной знати.

Изучая происхождение грузинской знатной княжеской фамилии Бараташвили, С. Джанашиа приходит к выводу, что древнейшими предками картлийских князей Бараташвили были предки садзских владетелей Гечба (Гъеч-ипа). Анализируя письменные документальные источники, он прослеживает генеалогию Гечба (Гъеч-ипа) – Качибая-Качибадзе-Бараташвили.

Абхазская фамилия Гечба (Гъеч-ипа) в грузинских письменных источниках фигурирует как Качиба (Қачиба). О путях движения носителей этой фамилии свидетельствует ее мегрельская форма Качибая (Қачибаиа). К периоду абхазской колонизации относит С. Джанашиа переход в Картли Качибадзе (в грузинском написании эта фамилия фигурирует двойко – Қачибасзе, Қацицаисзе).

Грузинский ученый XVIII в. Вахушти Багратиони, сообщая о

старинных привилегированных фамилиях, «которые пишутся эриставами», упоминает Качибадзе наряду с Шервашидзе и Анчапидзе (Анчабадзе-Ачба).

В начале XV в. в Картли появляется фамилия Бараташвили, образовавшаяся от собственного имени Барата Качибадзе. Бараташвили становятся крупными феодалами – владельцами Орбет-Самшвилде, присоединив «Саорбелиано» к «Сабараташвилло».

В северо-западной части гагрской зоны известный турецкий путешественник Эвлия Челеби в 1641 г. посетил абхазскую независимую общину Кечи (Қъач). Она в прибрежной части сохранялась до переселения садзов в Турцию (1864). В русской транскрипции название общины звучит как Гечь*, а фамилия ее знаменитого владельца (вторая половина XIX в.) Гечь (Гъач Рашьыт или Решид Гечба); в абхазском произношении Гечба звучит Гъач-ипа (Қъиач-ипа).

Денис Чачхалиа пишет о связи абхазской фамилии Геч (Гечба) с абазинским княжеским родом Кяч (Кячевы). Он также прослеживает обширную географию ее распространения (Батумская область, Турция, Иордания и т.д.)⁶⁵.

Итак: Гечба (Гъеч-ипа) – Качибая (Қачибаиа) – Качибадзе (Қачибасзе) – Бараташвили**.

* По-абхазски эта община называется Гъачрыпи (подобно аналогичным абхазским названиям: Гагрйпи, Цандрыпи, Мкельрыпи, Гульрыпи).

** В дальнейшем от фамильного рода Бараташвили, как это показал в своём монографическом исследовании грузинский учёный Д. В. Гвритишвили («Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии». – Тбилиси. 1961), произошли новые фамилии грузинских тавадов: Госташбишвили, Германозишвили, Зурабишвили, Абашишвили, Палаванхосрошвили, Кавтаршвили, Ирлишвили, Иотамшвили, Каплианишвили. Все эти потомки Бараташвили имели свои самостоятельные владения («сатавадо»), образованные на базе «Сабиратиано». См.: Дасанна Д. М. Из истории изучения абхазских фамилий (до 1961 года включительно). Абхазоведение. Вып. II. – Сухум, 2003. – С. 207, 208.

Во второй половине X в. в Картли первенствуют эристави Марушидзе (Марушиани), которые, как полагает С. Джанашиа, происходят от абхазской княжеской фамилии Маршан.

В 70-х годах X в. наместником абхазского царя в Картли был известный деятель Иоанн Марушидзе. В 975 г. вместо него правителем Картли утверждается племянник абхазского царя Феодосия Баграт III. Этому событию акад. Г. А. Меликашвили дает следующую оценку: «Переход правления Картли из рук Иоанна Марушидзе в руки Баграта никак не следует рассматривать как отторжение Картли от Абхазии. Картли получил во владение Баграт (скорее всего получила его мать Гурандухт – сестра царствующего в то время в Абхазии Феодосия) как представитель абхазского царского рода; ведь и раньше не раз правителями Картли абхазские цари назначали своих близких родственников – сыновей и т.п. В дальнейших событиях правителем Картли фигурирует именно Гурандухт»⁶⁶. Все это свидетельствует о роли политических деятелей Абхазского царства в Картли.

Итак: Амаршан – Маршания – Марушиани – Марушидзе.

С. Джанашиа к этому же времени относит оседание Анчабадзе на самой северной дороге, соединяющей Западную и Восточную Грузию. По мнению ученого, Анчабадзе своим происхождением и последующей историей (ба-дзе) представляет полную аналогию Качибадзе. От фамильного имени Анчабадзе образуется в Картли название феодальной резиденции «Ачабети»* (здесь и сейчас наличествует с. Ачабети), а от последнего – новое владетельное имя «Мачабели» – владетелей известного картлийского Самачабло.

Вахушти Багратиони пишет: «Мачабели говорят (что они) Анчапидзе, пришедшие из Абхазии».

* В Картли, в ущелье Алгети, имеется село «Чачубети», название которого, по мнению С. Джанашиа, может быть, аналогичного происхождения (от абхазской княжеской фамилии Чачба-Чачубети).

Итак: Ачба – Анчабадзе – Мачабели.

По всей вероятности, в результате колонизации в Картли образовалась абхазская колония из фамилии Маргания (Маан). В с. Лиси ныне проживает значительное число представителей фамилии Маргания (Маргания), происходящей от абхазской фамилии Маан. С этой знатной абхазской фамилией связывается происхождение сванской – Маргани (Маргани) и грузинской – Марганадзе, у которых в устной традиции сохранилось предание об их абхазском происхождении.

Итак: Маан – Маргания – Маргани – Марганадзе.

Феодальная экспансия в Восточную Грузию была связана с образованием Абхазского царства. Безусловно, колонизация не была завершена в X в., она продолжалась и в последующее время – в период существования грузинской феодальной монархии (XI–XIII вв.), но в более ослабленном виде. С. Джанашиа совершенно справедливо допускает участие в этом движении различных социальных категорий: шли не только сеньоры, их сопровождали и вассалы, зависимые крестьяне, и прислуга. Колонизаторы занимали старые, уже разрушенные, опустевшие имения. Они осваивали их. Так выдвигались новые феодальные дома.

В Кахети обосновался сильный феодальный дом «Абхазии» (Апхазии). Само название этого грузинского княжеского рода указывает на его абхазское происхождение. С. Джанашиа отмечает: «Абхазии очень поздняя, искусственная форма». Обычно по грузинской традиции, когда в основу фамилии бралось название народа или племени, фамильное прозвище получало грузинское морфологическое оформление (Бердзенишвили, Ацхазисхвили, Черкезишвили, Сванидзе и т.п.). В этом отношении кахетинская княжеская фамилия Абхазии представляет исключение.

В XVII в. в Восточной Грузии широкой известностью пользовался приближенный к царю Ростому «Анчабадзе Георгий», или, как его называли грузины, «Абхаз-Георги». В персидских источниках известен как «Абхаз-Бег». Как полагают, он положил начало кахетинской княжеской фамилии Абхазии.

Итак: Ачба (Анчабадзе) – «Абхаз-Георги» – Абхазы.

Таким образом, на основе известной абхазской княжеской фамилии Ачба (Анчабадзе) в Восточной Грузии образовались две знатные княжеские фамилии – Мачабели в Картли и Абхазы – в Кахети.

Из рода Абхазы выдвинулись военачальники, общественные деятели*. Генерал-майор Иване Абхазы участвовал в заговоре 1832 года. В 1923 г. был расстрелян генерал Коте Абхазы за участие в подготовке меньшевистского восстания 1924 г. в Грузии. Известен грузинский художник по фамилии Абхазы. А в газете Ильи Чавчавадзе «Иверия» сотрудничал Иване Абхазы.

23 января 1923 г. в газете «Заря Востока» С.Орджоникидзе опубликовал статью «Существующим безобразиям в деревне надо положить конец со всей решительностью» (одновременно она была напечатана в газетах «Коммунисти» и «Правда Грузии»). В ней отмечалось, что в Кахети князья Абхазы оказались сильнее Советской власти, сосредоточив в своих руках по несколько сот десятин земли и фактически сохранив феодально-помещичью власть. Лидер коммунистов Закавказья призывал осуществить земельную реформу революционным путем.

* Об одном из них читаем: «Среди офицеров особенно отличался по своим личным достоинствам подполковник Абхазов, грузинский князь, имеющий столь выдающиеся военные заслуги, что уже в пятнадцать лет получил Георгиевский крест – русскую награду, которую в этом полку, состоящем из отчаянных храбрецов, заслужили только двое». См.: «Кавказская война: истоки и начало 1770–1820 годы. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». – Санкт-Петербург, 2002. – С. 397. В другом месте об Абхазове И. Н. сказано: «Абхазов Иван Николаевич (1785/1787–1831/1832) – был адъютантом генерала П. С. Котляровского, в 1819–1820 годах служил в грузинском гренадёрском полку; позднее полковник (с 1821), командир 44-го егерского полка, с февраля 1829 г. в чине генерал-майора окружной начальник в Закавказских провинциях» (там же. – С. 539).

Эти факты показывают, как князья Абхазии глубоко пустили свои корни в Кахети. Для этого оказались достаточными три столетия.

* * *

В Западной Грузии часто встречаются грузинские и мегрельские фамилии, образованные на основе абхазских фамильных имен. Очевидно, процесс фамильных изменений протекал на протяжении многих столетий и был связан с передвижением абхазских феодалов и крестьян в глубь Грузии, а так же с единичными переселениями по разным обстоятельствам.

Отметим основные грузинские и мегрельские фамильные имена, которые образованы на основе абхазских княжеско-дворянских фамилий и получили более или менее широкое распространение в Западной Грузии.

Фамильное имя Чачба – владельцев средневекового абхазского княжества, в Западной Грузии встречается в двух грузинских формах – Шарвашидзе, Шарашидзе (возможно, и Шарашенидзе) и двух мегрельских – Шарашиа, Чачибая. Первые три, очевидно, образовались от официально принятой грузинской формы Шарвашидзе, Чачибая – непосредственно от абхазской Чачба. Вероятно, от Чачибая происходит грузинская фамилия Чанчибадзе.

По последним данным* (приблизительно к 1997 г.) фамилия Шарашидзе насчитывает в Хелвачаури 692 чел., Кобулету – 430, Шуахеви – 395; Шарашенидзе – в Вани – 452, Самтредиа – 268 чел.; Шарвашидзе живут в Чохотаурском, Самтредском и других районах; Шервашидзе в разных районах Грузии, в частности, в Тбилиси – 207 чел, Батуми – 184, Хелвачаури – 190 и других местах⁶⁷.

* Здесь и далее данные о численности душ и местах расселения фамилий приводятся по книге: **Н.С.Джонидава**. 3000 мегрельских фамильных имен. – Тб.; 2000, с указанием страниц книги (с. ...).

Носители мегрельской формы фамилии Чачба – Чачибая проживают в Зугдидском районе – 186 чел., Сенакском – 151, в Тбилиси – 225⁶⁸. Чачибая живут и в других местах Грузии. По некоторым источникам, в Верхней Сванетии проживают сваны Чачибая, выходцы из абхазского села Лыхны.

По народному преданию, икона святого Георгия в с.Алерти (Мартвильский район) считалась родовой иконой фамилии Чачибая. В советское время из этой фамилии вышли видные партийные и государственные деятели, ученые, военачальники. Чачибая Арчил Естатиевич – писатель-литературовед, профессор, заслуженный деятель науки; Чачибая Зураб Владимирович – генерал-майор инженерно-технических войск, военачальник в период Великой Отечественной войны.

Абхазская княжеская фамилия Маршан, как и другие абхазские фамилии привилегированных сословий, в самой Абхазии, по известным обстоятельствам, приняла мегрельскую форму*. В настоящее время фамилия Маршания широко представлена в Грузии – в Тбилиси 278 чел., Зугдидском районе – 184, Мцхета – 66 чел. и т.д. (С. 235).

Имеется вариант этой фамилии в форме Маршава. Например, в Зугдиди проживают Маршава – 35 человек, в Сенаки – 26, Поти – 51 человек и т.д. (С. 235).

* По Соломону Званба, «местом их общего происхождения» считалось общество Ахчипсоу в верховьях р.Мдзымты (см.: С. Званба. Абхазские этнографические этюды. – Сухуми, 1982. – С.12). Цебельдинский пристав Лисовский 8 февраля 1839 г. писал в своем рапорте начальнику штаба Отдельного Кавказского корпуса ген. Коцебу, что лет 200 назад князь Маршан, именовавшиеся сыновьями Татиша, из Ахчипсы переселились в Цебельду (см.: Г. А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. – С. 226). До махаджирства Маршания были владельцами горных обществ Дал и Цебельда, имели владения и в других районах Абхазии.

Абхазская княжеская фамилия Емхаа (Емхи) – Эмухвари сейчас в Грузии встречается в форме Емухвари – в Тбилиси – 73, Зугдиди – 42 чел. и т.д. (С.130).

По мнению С. Джанашиа, от абхазской (садзской) фамилии Гечба образована мегрельская Качибая. Как уже отмечалось, он к X в. относит появление ее грузинской формы Качибадзе. По последним данным фамилия Качибаиа в Грузии насчитывает 423 чел. – в Сенаки – 179, Тбилиси – 105, Зугдиди – 30 и т.д. (С. 337).

Абхазская княжеская фамилия Чхотуа не претерпела изменения. Она в этой же форме функционирует и в Абхазии, и в Грузии. С фамилией Чхотуа в Грузии учтено 116 чел. – в Тбилиси – 67, Поти – 9, Чхороцху – 8 и др. (С.402).

Известная абхазская дворянская фамилия Маан (Маргания) в Грузии, как уже отмечалось, встречается в нескольких вариантах: Маргания (Маргания), Марганадзе, Маргани (Маргани – в Сванетии). В Мегрелии имеются поселения Самарганио, образованные от этого фамильного имени: в селах Занати, Кетилари (Абашский район), Земо Чаладиди (Сенакский район).

На основе Абхазской дворянской фамилии Званба в Грузии образовались Званбаиа – в Зугдиди проживает 49 человек, Тбилиси – 11 человек и т.д.; и Звамбаиа – в Зугдиди – 42, в Тбилиси – 11, в Кутаиси – 9 человек и др. (С. 144).

Фамилия Багба (абхазско-садзская) в Грузии встречается в трех грузинских вариантах: Багбаиа – в Зугдиди – 47, Тбилиси – 39, Самтредия – 9 чел. и др.; Бахбава – в Зугдиди – 3, Поти – 19 чел.; Бахбая – в Зугдиди – 25, Сенаки – 6, Мартвили – 6 чел. и др. (С. 44–46).

Грузинская форма Багбая (Багбаиа) встречается и в Абхазии, причем не только в историческом Самурзакане. В письме македонских абхазов, обратившихся в 1925 г. к правительству Абхазии с просьбой разрешить им вернуться в ССР Абхазия, имеются подписи и представителей княжеско-дворянского сословия, в частности, Анчабадзе, Маршания, Багбаиа⁶⁹. Очевидно, в 1878 г., когда они оказались махаджирами, уехали в Турцию с такими измененными фамилиями.

Абхазская дворянская фамилия Лакрба (Лакр) в Абхазии же получила мегрельскую форму Лакербая, а также, очевидно, под турецким влиянием Лакербай. В Грузии она встречается в двух мегрельских формах: Лакербаиа и Лакирбаиа. Лакербаиа учтено 116 чел. – в Тбилиси – 59, Кутаиси – 16, Боржомии – 11 и др.; Лакирбаиа учтено 204 чел. – в Зугдиди – 68, Тбилиси – 65, Чхороцку – 26, и др. (С. 212).

Дворянская фамилия Цыцба в Грузии получает мегрельскую форму Цыцбаиа; учтено 35 чел. – в Батуми – 3, Хелвачаури – 32 (С. 408).

Абхазская дворянская фамилия Ақыртаа (Акиртава), очевидно, образовалась от этнонима «ақырт» (грузин), получила распространение в Бзыбской и Самурзаканской Абхазии. В Грузии зарегистрировано Акиртава 223 чел. – в Зугдидском районе – 108, Тбилиси – 40, Чхороцку – 13 и др. (С. 36).

Выше приведены примеры тех современных грузинских и мегрельских фамилий, которые образовались из абхазских княжеско-дворянских фамилий путем переделки их окончаний в соответствии с морфологическими нормами этих языков, т.е. с использованием соответствующих суффиксов, образующих грузинские фамилии. Вероятно, имели место и другие способы изменений фамилии, например, присвоение себе грузинских и мегрельских фамилий или же совершенно новой с использованием своего личного имени. В этом отношении представляет интерес предание, которое привел профессор М. М. Гугушвили: «В нашем роду бытует предание о том, что наш далекий предок Гугу Званбая жил в с. Илори. Совершив здесь убийство, он бежал в Мегрелию. В целях конспирации он присвоил себе новую фамилию Гугушвили, положив в основу ее свое личное имя Гугу. Фамилия Гугушвили получила распространение в Грузии»⁷⁰. Об этом он говорил как о живом предании, которое не забыто в роду.

Те абхазы, которые переселились в Грузию и оказались в грузинской, мегрельской и сванской среде, становились грузинами, мегрелами и сванами, меняли абхазскую форму фамильного име-

ни в соответствии с морфологическими нормами этих языков. Естественно, эти фамилии становились грузинскими, мегрельскими, сванскими и пополняли антропонимический фонд этих народов.

Аналогичный процесс происходил и в Абхазии, где среди абхазов встречаются в прошлом грузинские княжеские фамилии, получившие абхазское звучание – Ларткипания – Латқәамиа (Лордкипанидзе), Чкуан (Чиковани), Абашиа (Абашидзе) и др.*. Это естественное явление среди соседних народов. Оно связано с миграцией населения. Эти факты свидетельствуют об ассимиляционных процессах, происходивших среди переселенцев в новой культурно-бытовой среде.

Так возникали новые грузинские и мегрельские фамилии на основе абхазских княжеско-дворянских, а также в ряде случаев абхазские фамилии на основе грузино-мегрельских княжеско-дворянских.

На основе абхазских княжеских фамильных имен образовались грузино-мегрельские формы этих фамилий – Анчабадзе, Шервашидзе, Чачибая, Эмухвари, Маршания, Чхотуа, Акиртава, Багбая, Званбая, Лакербая, Маргания и др. В такой форме эти фамилии теперь функционируют как у абхазов, так и у грузин, т.е. они стали параллельными.

* К. Д. Мачавариани отмечает отдельные случаи превращения фамильных имён грузинской феодальной знати в абхазские крестьянские фамилии. «В крестьянском сословии в Абхазии, – пишет он, – можно встретить фамилии мингрельские, имеретинские, сванские, гурийские и другие, как например: Абашидзе, Ахвледиани, Дадишкилиани, Эристовы и т.д. Эти фамилии в Имеретии, Сванетии, Гурии и Мингрелии пользуются правами князей и дворян, а в Абхазии находятся на степени рабов». Рабами становились пленники, набранные во время войн или нападении на соседние народы. При этом он указывает, что абхазы пленников в качестве рабов держат не более двух лет. (См.: К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. 1913. – С. 61.)

История позволяет не только заглянуть в прошлое, но и полнее понять современное состояние человека. Так, например, можно легко заметить, что древние проявляли такие же человеческие черты, что и наши современники. Эти известные черты заметно влияют на ход истории, чем, видимо, и объясняется высказывание, что история повторяется.

Один из уроков истории, который нужно помнить из неизменно повторяющихся событий – это непрерывные, то усиливающиеся, то ослабевающие многосторонние общения соседних народов, неизбежно протекающие между ними историко-культурные связи и взаимовлияние.

К сожалению, в нашем несовершенном мире, особенно, в условиях обострения этнического противостояния, эти неизбежные в живой жизни обычные человеческие смешения, рассматриваются, как на уровне бытового суждения, так, очень часто, и на уровне исторических научных исследований, с позиции государственной сиюминутной политики, идеологизированно. При освещении этих вопросов имеются и объективные трудности – недостаток документов, отсутствие необходимого опыта при историческом исследовании антропонимических процессов. Кроме того, историк не свободен от устоявшихся взглядов и от предубеждений. Историографический опыт показывает, что всякое политизирование явлений, событий, исторических процессов приводит к искаженному освещению исторической действительности, это даже становится заслоном на пути поиска ответов на поставленные вопросы.

Сомнительны мотивы, когда в материалах по истории содержатся едва заметные или явные призывы к патриотизму или к угождению эгоистичным национальным интересам. Политизация или идеологизация этнических процессов, в том числе этнокультурных связей, приводит к неправильным выводам, ведет к обострению этнических отношений. И это тоже один из уроков истории, который можно извлечь из неизменно повторяющихся событий.

Глава II. Грузинские и мегрельские фамилии

западной Грузии, образованные от абхазских крестьянских фамильных имен

Внимание исследователей привлекал вопрос, как в грузинской этнокультурной среде абхазские фамильные имена привилегированных сословий приобретали грузинское и мегрельское языковое оформление и становились грузино-мегрельскими (например, Ачба – Мачабели, Маршаниа – Марушисдзе (Марушиани), Киачба (Гечба) – Качибая – Качибадзе – Бараташвили и т.д.)¹. А что касается абхазских крестьянских фамильных имен, ставших грузинскими и мегрельскими в Западной Грузии, нам известно очень мало или информация дошла до нас в искаженном виде.

На определенных этапах истории, особенно, в период Абхазского царства (VIII–X вв.) и единого «царства абхазов и грузин» (XI – нач. XIII в.) миграция абхазского населения в глубь Грузии, в частности, и в прилегающие мегрельские районы, по всей вероятности, была более или менее массовой; единичные же или групповые передвижения в обе стороны, очевидно, происходили всегда. Именно с этими обстоятельствами связано наличие в Грузии, в особенности в ее западных районах, значительного количества грузино-мегрело-сванских фамильных имен, образованных на основе абхазских фамилий.

Естественно, во многих случаях мы лишены возможности говорить о конкретных фактах изменения фамилий, имевших место в далеком прошлом, во-первых, ввиду отсутствия, за редким исключением, соответствующих письменных источников; во-вторых, по той простой причине, что в Мегрелии и других местах Грузии абхазские фамилии, как впрочем и другие иноэтнические имена, как это обычно бывает, часто меняли лексическую основу фамильного имени, т.е. переселенцы, особенно единичные и групповые, до неузнаваемости меняли свои фамилии или присваивали себе новое имя. Подобное явление закономерно – наблюдается во всех странах.

О фамильных преобразованиях, которые бывали в прошлом, можно иметь уверенное суждение в тех случаях, когда основа фамильного имени не подвергнута изменению, а только окончание фамилии преобразовано по языковым нормам этноса, в среде которого протекает ассимиляция. В последнее время в Грузии проведен учет фамильных имен с указанием мест расселения и количества душ, проводится активная работа по грузинской антропологии, в том числе, по лазо-мегрельской. Имеется конкретный материал, позволяющий в определенной мере говорить о грузино-мегрельских фамильных именах, образованных от абхазских. В частности, выше упомянутая книга историка Н. С. Джомидова «3000 мегрельских фамильных имен» дает довольно подробные сведения, представляющие интерес в этом плане. В ней приводятся мегрельские фамилии с окончаниями «баиа» – «ба-иа», в который соединились два окончания, образующих фамильное имя, абхазское – «ба» и мегрельское – «иа». То, что формант «ба» – абхазский суффикс, образующий фамилию, предшествует форманту «иа» – мегрельскому суффиксу того же значения, естественно, свидетельствует о том, что носители этих имен первоначально принадлежали к абхазскому этносу и их фамилии были абхазскими, но затем, оказавшись в мегрельской среде, окончания их фамилий дополняются соответствующим фамилеобразующим суффиксом. Образование новых мегрельских фамилий на основе соединения этих двух формантов – абхазского «ба» и мегрельского «иа» – получило распространение в повседневной жизни, приняв характер языковой закономерности.

В книге Н. Джомидова приводится множество современных грузино-мегрельских фамильных имен, образованных путем прибавления к абхазскому суффиксу «ба» мегрельского «иа» с указанием их мест расселения и количества душ носителей этих фамилий (в скобках номера страниц), например:

Абухбаиа – Зугдиди – 19 душ, Тбилиси – 13, Кобулету – 7 и др. (13).

Акишбаиа – Тбилиси – 20, Зугдиди – 5, Сенаки – 1 и др. (17).

Алишбаиа – Зугдиди – 119, Тбилиси – 23 и др. (20).

Ажибаиа – Батуми – 53, Гардабани – 1, Зугдиди – 1 и др. (24).

Бутбаиа (Бутбая) – Зугдиди – 145, Тбилиси – 50, Цаленджиха – 21 и др. (61).

Гвазбаиа – Абаша – 690, Тбилиси – 577, Мартвили – 220 и др. (84).

Гвадзабиа – другая форма абхазской фамилии Гвадзба в Сенаки – 146, Тбилиси – 96, Зугдиди – 26 и др. (87).

Долбаиа – учтено 387 душ: в Поты – 148, Тбилиси – 42, Зугдиди – 26 и др. (124).

Зуґбаиа (Зухбая) – учтено 79: в Зугдиди – 39, Тбилиси – 26, Цаленджиха – 4 и др. (144).

Зухбаиа – другая мегрельская форма той же абхазской фамилии Зухба, всего учтено 920 душ, в Зугдиди – 346, Тбилиси – 240, Цаленджиха – 82 и др. (145).

Ғарбаиа (Гарбая) – учтено 173 души: в Зугдиди – 69, Тбилиси – 32, Цаленджиха – 20 и др. (148).

Тузбаиа (Тузбая) – учтено 49 душ: в Зугдиди – 45, Тбилиси – 4. В Мегрелии имеется и другая форма – Тужбая от той же абхазской фамилии Тыжәба (Тужба) (160).

Кавибаиа (Кавшбая) – учтено 116 душ: в Зугдиди – 63, Тбилиси – 20, Кутаиси – 11 и др. (334).

Ғецбаиа (Кецбая) – учтено 592 души: в Зугдиди – 202, Тбилиси – 171, Цаленджиха – 69 и др. (339).

Ғвацбаиа (Квацбая) – учтено 92 души: в Зугдиди – 35, Тбилиси – 16, Самтрелиа – 8 и др. (340).

Ғвацабаиа (Квацабая) – учтено 314 душ: в Зугдиди – 128, Цаленджиха – 76, Тбилиси – 72 и др. (340).

Киртбаиа (Киртбая) – учтено 88 душ: в Зугдиди – 32, Тбилиси – 22, Поты – 10 и др. (341). Представители фамилии Киртбаиа из с.Лыхны переселились в с.Отобаиа. Эта фамилия, очевидно, образовалась от этнонима «ақырт» («грузин»).

Колбаиа (Колбая) – учтено 2503 души: в Зугдиди – 1082, Тбилиси – 566, Цаленджиха – 194 и др. (358).

Цицбаиа – учтено 35 душ: в Батуми – 3, Хелвачаури – 32 (408).

Хахубаиа – учтено 158 душ: в Сенаки – 47, Тбилиси – 41, Зугдиди – 18 и др. (449). Первоначальная абхазская форма этой фамилии – Ахахэба. У абхазов сейчас она встречается в форме Хахубиа. В с.Бедиа находится поселок Хахубиаа рщабла (Сахахубио), владение дворян Хахубиа.

Хибаиа – учтено 59 душ: в Батуми – 8, Хелвачаури – 50, Ланчути – 1 (454).

Шхвацабаиа (377) и др.

Среди современных грузино-мегрельских фамилий с окончанием «ба-иа», образованных на основе абхазских фамильных имен, имеются и такие, которые у абхазов уже не встречаются:

Жижбаиа – учтено 21: в Зугдиди – 17, Тбилиси – 2, Батуми – 1 (276).

Эзубаиа (Эзухбаиа) – учтено 86: в Зугдиди – 27, Цаленджиха – 20, Хоби – 15 и др. (128).

Зурбаиа – учтено 71: в Тбилиси – 38, Зугдиди – 10, Кутаиси – 8 и др. (144).

Қацибиа (Қацибая) – учтено 31: в Сенаки – 18, Зугдиди – 8, Тбилиси – 2 и др. (337).

Ростобаиа (Ростобая) – учтено 383 души: в Зугдиди – 205, Сенаки – 32, Тбилиси – 26 и др. (282).

Хохобаиа – учтено 25 душ: в Поти – 19, Мартвили – 6 (461).

Цхэцхэбаиа (Цхуцхубая) – учтено 52 души: в Зугдиди – 15, Цаленджиха – 36, Москва – 1 (445); встречается Цуцхубаиа, параллельная мегрельская форма.

Царагбаиа (Царагбая) – учтено 24 души: в Зугдиди – 14, Багдаты – 2, Тбилиси – 2 и др. (420).

Узбаиа, Цирбаиа – (Чхороцку) (314, 407).

Цицибаиа – (Мартвильский район) (423).

Цумбаиа – (426) и др.

В Западной Грузии, частично и в ее центральных районах, встречаются такие мегрельские и грузинские фамилии абхазского корня, которые в последние столетия получили мегрельское оформление в

самой Абхазии. Они образовались из абхазских фамильных имен, преимущественно в историческом Самурзакане.

Фамилия Шария, по родовому преданию, образовалась приблизительно во второй половине XVIII в. после переселения пяти братьев Шакрыл из Бзыбской Абхазии в села Тагилони, Сиды, Баргеби (совр. Гальский район) и Тамыш (совр. Очамчырский район)². Эта фамилия, по последним данным, в Грузии насчитывает более 1000 душ (Зугдиди – 578, Тбилиси – 255, Хоби – 75 и др.).

Мегрельская фамилия Булискириа, согласно родовому преданию, образовалась в историческом Самурзакане от абхазской Абласкьыр (Абырскьыл). В Гальском районе Булискириа компактно проживают в селах Окум и Мухури. Абхазская фамилия Абласкьыр в самой Абхазии малочисленна, она больше сохранилась среди абхазских махаджиров. Теперь в Грузии эта фамилия представлена в двух формах: Булескириа (в Зугдиди – 18 душ, Сенаки – 18, Тбилиси – 12); Булискириа (Тбилиси – 63, Зугдиди – 58, Цаленджиха – 29 и др.).

Фамилия Какубава (Какуба), по родовому преданию, образовалась от дворянской фамилии Цыцба³. В начале Какуба была абхазской, затем ее гумуришская ветвь становится мегрельской фамилией. Теперь в Абхазии Какубава является параллельной абхазской и мегрельской фамилией. Получила распространение в Очамчырском и Гальском районах. В Грузии Какубава насчитывает 579 душ (в Зугдиди – 251, Тбилиси – 143, Цаленджиха – 49 и др.), некоторые из них, очевидно, недавно переселились. В Абхазии Какубава абхазы и мегрельцы общаются как братья, проводят совместные фамильные сходки.

Абхазская фамилия Фардан (Вардания) образовалась от убыхской этнической группы Вардан-Варданэ (проживали в районе Сочи, в местности Вардан). Теперь она и у абхазов, и у грузин официально фигурирует в форме Вардания. Фамилия получила распространение и в Грузии: В Зугдиди проживает 81 чел., Тбилиси – 51, Цаленджиха – 9 и т. д.

Известная в Бзыбской и Гумской Абхазии фамилия Харазиа

(Харазия) в Грузии насчитывает 36 душ (Поти – 13, Тбилиси – 8, Кутаиси – 9 и др.).

В Бзыбской, Абжуйской и Самурзаканской Абхазии известна абхазская фамилия Сангулиа. Носителей этой фамилии зафиксировано в Зугдиди – 94 души, Тбилиси – 55, Батуми – 6 и др.

Абхазская фамилия Агумаа – Агумава этимологически связана с названием местности «Гума», которая прилегает к западной окраине Сухума. Такое языковое оформление фамильного имени (окончание с двумя аа) в абхазской антропонимии используется в основном тогда, когда фамилия образуется от этнонимов и топонимов (Аублаа, Акиртаа, Атэмаа – Атумаа, Ароттаа и т. д.). Центральная Абхазия (нынешние Сухумский и Гульрыпшский районы) до присоединения к России называлась Гумой (составляла отдельное удельное владение), а в дальнейшем Гумистинским уездом (до 1930 г.). До наших дней сохранились топоним – с. Гумиста и гидроним – р. Гумиста. Абхазы Агумава проживают в разных районах Абхазии. В Грузии эта фамилия насчитывает 182 души (Зугдиди – 108, Тбилиси – 32, Хоби – 10 и т. д.).

Мегрельская фамилия Сиргинава возникла в с. Чхуартал (Чхортал), она была присвоена братьям Цымцба, переселившимся из с. Бармыш⁴. Сиргинава совершенно новая фамилия, она распространена в селах Чхортал и Окум Гальского района. Сиргинава мегрельцы теперь живут и в Грузии (Зугдиди – 43, Сенаки – 21, Тбилиси – 15 и др.).

Современная мегрельская фамилия Асвануа образовалась в с. Саберио исторического Самурзакана от этнонима «ашэан» (сван). Очевидно, во время ее образования в данной местности господствовала абхазская этноязыковая среда, и фамилия получила абхазское языковое оформление. Сейчас носителей фамилии Асвануа в Грузии насчитывается 81 чел. (Зугдиди – 33, Тбилиси – 16, Цаленджиха – 16 и др.).

В такой же, очевидно, абхазской среде, в селе Речхоцхири (в Самурзакане), от того же этнонима только в ином фонетическом оформлении возникла молодая, редко встречающаяся абхазская фа-

милия Ашванба (Ашѳанба). Речхоцхири – родина Ашванба Севериана Георгиевича (1905) – известного абхазского педагога, заслуженного учителя школы, кавалера орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».

Фамилия Бжания, которая ныне бытует и у абхазов, и у мегрельцев в одинаковом звучании, по мнению проф. Г. В. Цулая⁵, имеет адыгскую лексическую основу – «бжен» – коза*. Родиной фамилии Бжания, скорее всего, следует считать Самурзакан (села Река, Илори) и Абжуаа (с.Тамыш), где эта фамилия получила наибольшее распространение. Абхазы Бжания теперь живут и в других районах и городах Абхазии. Абхазский долгожитель Ашхангерий Бжания (1799–1946) был прекрасным сказителем, живым воплощенцем абхазской традиционности – апсуара. Вероятнее всего, что фамилия Бжания из Абхазии перешла в Мегрелию. Теперь она стала параллельной абхазской и мегрельской фамилией. Бжания в Грузии живут – в Зугдиди – 46 чел., Тбилиси – 38, Цаленджиха – 11 и т.д. Среди них есть и абхазы, находящиеся в брачном союзе с грузинами.

Предки современной абхазской фамилии Арлан проживали в местности Ебырныха – в горной части с. Дурипш. После совер-

* В 1929 г. С. Н. Джанашиа в Краснодаре зафиксировал адыгскую фамилию Бжентѳалы – бжен – коза, тѳалы – душитель («козу задушивший») (см.: Джанашиа С. Труды. Т.IV – Тб.: 1968. С.20). Еще раньше в «Новом и полном географическом словаре Российского государства... Ч. I. А-Ж» (М. 1788), в статье «Абхазы», где, кстати, сказано «абхазы вольный и многочисленный народ», проживающий на Кавказе «между Кубанью и Енгури», перечислены основные местопоселения абхазских племен; в частности, здесь отмечается, что «западную часть Абхазии составляют следующие на северо-западе уезды: Туби, Убух, Шащи и Шапсих, которые с черкесскими уездами БЖАНА и Гатухай граничат». Возможно, Бжана – название племенной территории, образованной от фамилии владельцев, так как по традиции горцев, фамилия главенствующей знати присваивалась и их владению.

шенного там убийства, сообщает Джондо Михайлович Арлан, переселились в с. Атара, а один из братьев обосновался в с. Дарчели (Зугдидский р-н). В Мегрелии фамилия Арлан принимает форму Арланиа. В Абхазии сейчас абхазов Арлан 7 дворов, а в Зугдидском районе мегрельцев Арланиа более 15 хозяйств. До недавнего времени они близко общались, бывали на свадьбах и похоронах друг у друга⁶.

Небезынтересно знать, что некогда род Арлан главенствовал в одном из «двадцати пяти племен народа абаза, проживавших на побережье моря и в горах». Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби, лично посетивший эти приморские абхазские племена, владения Арлан локализует между владениями Чач (Чачба) и Цанба*. «Племя Арлан, – пишет он, – имеет около десяти тысяч бахадыров. У них есть плодородные... земли; их баи справедливые. Их пристань называется Лачига, это главная пристань. Тут мы гостили одну ночь. Это прекрасная гавань. Летом и зимой здесь нет недостатка в прибывающих судах»⁷.

В Абхазии фамилии Гумба и Гунба насчитывают более 330 дворов. В Бзыбской Абхазии они пишутся двойко – Гумба и Гунба, но все они считают, что у Гумба и Гунба родословие одно. В Турции, где эта фамилия представлена в большем количестве, чем в самой Абхазии, все себя называют Гумба. Так пишутся и северокавказские Гумба – выходцы из Абхазии. Очевидно, форма Гумба является

* В вышецитированном географическом словаре конца XVIII в. названы абазинские деревни – Лаубы0 на берегу реки Карданах, Арёланбы0 – реки Хсаут, Беберт – реки Марух, которые получили свое название, как об этом сказано в самом словаре, от княжеских фамилий. Надо полагать, что уже к этому времени часть прибрежного племени Арлан переселилась на Северный Кавказ, и, образовав здесь свою общину под названием Арёланбы0, занималась в основном скотоводством, а также хлебопашеством, разводили виноград и другие плодовые культуры (см.: Новый и полный географический словарь Российского государства... Ч.1. А – Ж. – М.: 1788 (Абхазы)).

первичной. Абхазы Гуния, проживающие в Очамчырском районе, причисляют себя к родословию Гумба. В последние годы они совместно проводят фамильные сходы. Между ними брак категорически запрещён.

Абхазский композитор Ражден Гумба (1926) знает, как его отец Джгутан Масмырович в 1952 г. разыскал своих однофамильцев в Мегрелии – в с. Бандзе. В Мегрелии они присвоили себе фамилию Гуния, потеряли родной язык, но знали, что их предок был выходцем из Абхазии. Тогда в Бандзе проживало 15 хозяйств Гуния⁸.

В 1952–1953 годах в Чхороцкуйском районном хоре, которым руководил Ражден Гумба, он познакомился с хореографом Элгуджой Гумбаридзе. От него Ражден узнал, что в Кутаиси живут Гумбаридзе, которые знают о своём происхождении из Абхазии. Он также сообщил, что близкие им Гумбаридзе проживают в Тбилиси и Батуми⁹.

27 сентября 2005 г. Константин Виссарионович Ахуба (1934) рассказал мне о том, как он в г. Кутаиси случайно встретился с гражданином Ахобадзе, который ещё владел абхазским языком и знал, что фамилия Ахобадзе произошла от абхазской фамилии Ахуба.

Выше приведены отдельные примеры современных грузинских и мегрельских фамилий, образованных из абхазских крестьянских фамилий. Они получили грузинское языковое оформление, вошли в активный антропонимический фонд грузин, их носители теперь грузины и мегрелы. Одни из них знают о своем абхазском происхождении из родовых преданий, другие полагают, что они всегда были грузинами и их фамилии исконно грузино-мегрельские. Так считают и некоторые современные ученые, не вникая в глубокое историко-лингвистическое исследование самой проблемы. Тем самым они обедняют исторические и этнокультурные связи, объективно всегда функционировавшие между соседними народами.

В средневековой Мегрелии очень часто преобразование абхазских фамильных имен, как уже заметили, происходило с исполь-

зованием мегрельского форманта «иа». В XIX–XX вв. этот формант священники активно использовали в ходе восстановления христианства в Абхазии для формирования абхазской патронимии, что четко прослеживается в церковных книгах.

Глава III. Грузинские фамилии, образованные от этнических имен абхазов

1. Коротко о древних племенных именах предков современных абхазов

Названия древнеабхазских племен впервые упоминаются в античных письменных источниках. Римский писатель I в. н.э. Плиний Секунд пишет о племенах апсиллов и санигов и локализует их на территории современной Абхазии¹. Греческий автор первой половины II в. н.э. Флавий Арриан, лично побывавший в Восточном Причерноморье и, в частности, в местах расселения абхазских племен, сообщает: «За лазами живут *апсилы*... С апсилами граничат *абасги*. Рядом с абасгами – *саниги*, в земле которых лежит Севастополь»². В VI в. появляются также сообщения о горном племени *мисимиян*, которых большинство исследователей локализует в верхней части Кодорского ущелья, выше апсиллов³.

Племена абазгов и апсиллов, по мнению учёных Н. Марр, И. Джавахишвили, С. Джанашиа и единогласному утверждению абхазских историков, были ближайшими родственными этническими единицами и являлись прямыми предками современных абхазов. К племенным наименованиям «апсилл» и «абазг» восходят

самоназвания современных абхазов и абазин – «апсуа» и «абаза», являющиеся фонетическими вариантами одного и того же названия с общим корнем «пс» – «бз».

В грузинских письменных источниках синонимом термина «апсил» выступает «абшил» – («ацшил»), а «абазг» – «абхаз» – («ацхаз»). К VIII в. княжество абазгов (абхазов) усиливается и воссоединяет вокруг себя соседние мелкие народности – санигов, апсилов, мисимиян, распространив на них свое имя. В дальнейшем в исторических источниках объединенная страна именуется Абхазией, а ее население – абхазами из-за ведущей политической роли абхазов (абазгов). А сам абхазский народ называет себя «апсуаа». По мнению специалистов, в основу формирования единого языка абхазской народности лег, очевидно, апсильский диалект, и этим обстоятельством они объясняют выбор самоназвания – апсуаа. Не случайно абхазы назвали свой моральный кодекс, аккумулирующий нравственные ценности народа, – апсуара.

По вопросу этнической принадлежности санигов и мисимиян среди ученых нет единого мнения. Одни в племени санигов видят сванов, другие – мегрело-чанов, третьи – связывают их с абхазским племенем садзов, обитавшим до 1864г. на территории древней Санигии (А. Дьячков-Тарасов, З. Анчабадзе, Ш. Инал-ипа, Г. Амичба, М. Гунба, Г. Анчабадзе и др.).

Г. З. Анчабадзе оспаривает утверждение М.Инадзе о том, что садзы на Черноморском побережье упоминаются лишь с позднего средневековья – XVII в. «Мы полагаем, – пишет Г. Анчабадзе, – что садзы под этим именем зафиксированы у Черноморского побережья гораздо раньше XVII в., в частности, упоминаемые Стефаном Византийским (VI в.) «сазы, племя (живущее) вдоль Понта», по всей видимости, позднейшие садзы, входившие, вероятно, в объединение санигов»⁴.

Далее Г. Анчабадзе говорит, что садзы, наряду с другими западноабхазскими племенами, появляются в грузинских летописях при описании событий XIII–XVIII вв. под собирательным именем «джики», поэтому русские документы XIX в. под влиянием гру-

зинской формы для обозначения садзов используют термин «джикети»⁵.

Мисимиян одни авторы считают сванским племенем, другие склоняются к признанию их одним из племен абхазской этнической принадлежности. З. В. Анчабадзе считал, что мисимияне в процессе консолидации абхазской феодальной народности «слились в основном с апсилами и явились непосредственными предками цабало-дальской ветви абхазов, представители которой обитали на землях исторической Мисиминии (верховья Кодора) вплоть до II половины XIX в.»⁶.

Об абхазских племенах Северо-Западного Кавказа интересные сведения дает турецкий путешественник Эвлия Челеби, который во время поездки по Закавказью (1640–1641) посетил страну Абза и описал местные приморские и горские племена. Северозападные абхазские племена с древнейших времен занимали Черноморское побережье и южные склоны Кавказского хребта, позже они составляли часть Абхазского царства, затем царства «абхазов и грузин» (XI–XIII вв.).

Положение абхазских племен Северо-Западного Кавказа существенно меняется в XIII–XVII вв. в связи с миграцией населения из Абхазии на Северный Кавказ, куда переселились представители более десятка абхазских племен, где из абхазской этнической общности впоследствии и сформировался самостоятельный абазинский народ.

Роковой оказалась депортация в Турцию в 1864 г. для садзов, прибрежных и горских абхазских племен, убухов и других. Люди унесли с собой неповторимые культурные и духовные ценности, создававшиеся веками, растворились или совершенно исчезли их языки, говоры, в том числе имена – личные, фамильные, племенные; исконные топонимы и т.д. Общечеловеческая культура в результате депортации потеряла многие уникальные ценности, которые, по праву, принадлежали ей, украшали ее.

Ученые все больше внимания стали уделять исследованию отдельных подразделений ономастики Северо-Западного Кавказа.

Языковедам, историкам, этнографам еще предстоит значительная работа по исследованию антропонимов, этнонимов, топонимов и других направлений абхазской ономастики Северо-Западного Кавказа.

2. Грузинские и мегрельские фамилии, образованные от абхазских этнонимов

Типичные для смежных этносов взаимопроникновения этнонимов в качестве родовых имен в абхазской и картвельской среде явление довольно распространенное. Итак, перейдем к рассмотрению некоторых примеров образования грузинских и мегрельских фамильных имен от абхазских этнонимов.

Абазасдзе. Очевидно, от абазас⁷ образовался феодальный род Восточной Грузии Абазасдзе, выдвинувшийся в IX – X вв. при абхазских царях⁷. С. Н. Джанашиа об этом роде написал специальную статью для энциклопедии⁸, в которой читаем: «Абазасдзе видный феодальный род Восточной Грузии». Иоанн Абазасдзе, «картлийский эристав, после Липарита Липаритидзе, видно, сильнейший феодал». Эристав эриставов Иоанн Абазасдзе и Липарит Липаритидзе обманым путем захватили Тбилисского амира Джафара и держали в тюрьме, а царь Баграт IV Тбилисским амиром поставил Иоанна Абазасдзе, но из-за неурядиц при царском дворе присоединение Тбилиси не произошло. Это было в 1032 году. С этого времени началась вражда между Липаритом и Иоанном. В этой борьбе Липарит Липаритидзе (Багваши) одерживает побе-

* *Общеобозначающий этноним народов абхазо-адыгского корня, бывший в употреблении, как среди абхазо-адыгов, так и в средневековой Грузии и соседних странах.*

ду, и сам становится эриставом Картли. При абхазских царях феодалы Абазасдзе владели имениями и в Кахети (Химшиа Абазасдзе), а в XIII в. – в ущельях Арагви, Алазани и других местах. В 1693 г. Заал Абазасдзе и его потомство имели купленные, дарственные и наследственные имения в Картли – Шиндари (Сурами), Хашури и других местах. Абазасдзе Чила, при монголах, амиреджиб, сторонник Картлийского царя Давида⁹.

Абшилава – Ацшилава. Эта фамилия в настоящее время в Грузии встречается в двух формах: Абшилава и Ацшилава. В устном произношении она, обычно, звучит в форме Ацшилава (Ацшилауа, Ацшилаа). Очевидно, это ее первичная форма.

В современной научной литературе установилось мнение, что в основе фамилии Апшилава (Абшилава) лежит древнее абхазское племенное имя апсил¹⁰. Мегрельская шипящая форма этнонима апсил, отраженная в основе патронима Абшилава, зафиксирована и в «Армянской географии» VII века¹¹.

Трудно точно определить место, к которому привязано возникновение фамилии Абшилава. По мнению Н.Джомидова, она берет свое начало в Оциндале (совр. с. Мухури, Чхороцкуйский район), где поныне сохранилось место родового моления¹². Фамилия письменно документирована около 1600 г.¹³.

По последним данным в Грузии фамилия Абшилава насчитывает 1748 душ (Зугдиди – 592, Тбилиси – 232, Сенаки – 200, Чхороцку – 108 и др.)¹⁴, а другой вариант этой фамилии – Ацшилава – 206 душ (Ланчхути – 66, Зугдиди – 29, Цаленджиха – 29 и др.). Апшилава сваны живут в Верхней Сванетии, в с. Доли¹⁵. Фамилия вошла в список самых распространенных в Грузии.

В Абхазии абхазы Абшилава компактно проживают в селах Река, Агу-Бедиа (Очамчирский район) и Вторая Бедиа – Санардо (Гальский район). Рекские Абшилава в центральной части села занимают довольно значительный поселок с родовым наименованием.

После коллективизации однофамильцы поселка объединились в одну большую бригаду (№1) колхоза «Большевик». Лично я с дет-

ства знал всех членов бригады и их семьи, так как мои родители входили в эту бригаду. А в первые же дни ВОВ, мне, ученику 9 класса, пришлось заменить учетчика этой бригады Чику Абшилава, по мобилизации ушедшего в Советскую Армию. Бригада состояла в основном из крестьян и крестьянок старой формации, людей традиционной абхазской культуры. С колхозниками приходилось разговаривать и на мегрельском, и на абхазском языках.

Иное было языковое положение среди Абшилава, проживавших в верхней зоне с. Река. В семьях Абшилава Михи, Кататы, Гуджа, Куча, Сандро, Акакия и других домашним разговорным языком был только абхазский. И их дети в школе говорили исключительно на абхазском языке.

По национальному самосознанию и традиционной культуре бедийские и рекские Абшилава – абхазы; даже и те санардские, которые уже не владеют абхазским языком, считают себя абхазами.

В Абхазии Абшилава – это единственный официальный, паспортный вариант данной фамилии среди коренных жителей. В народе же, в повседневной разговорной речи, ни абхазы, ни мегрельцы не скажут Абшилава. Абхазы, обычно, говорят Ацшлаа, а мегрелы – Ацшилауа.

На сегодняшний день родословие рекских Абшилава представлено десятым-одиннадцатым поколением. Надо полагать, когда-то давным-давно их абхазский предок в Мегрелии был наречен фамилией Апшилава, исходя из его этнической принадлежности. Родословие размножилось, расселилось по разным регионам Мегрелии, а, возможно, кто-то (или несколько человек) из представителей рода, вернулся в Абхазию со своей фамилией. Такие обратные или встречные перемещения в одну и в другую стороны, как об этом свидетельствует родословие отдельных абхазских и мегрельских родовых имен, были нередким явлением.

Теперь, например, рекские Абшилава являются абхазами и свою фамилию считают абхазской. Так появилась параллельная мегрело-абхазская фамилия Абшилава, возникшая в Мегрелии как мегрельская от абхазского этнонима апсил. Таково, на мой взгляд, этноязы-

ковое переплетение этого уникального, и по звучанию, и по истории, родового фамильного имени.

Из рекского абхазского рода Абшилава вышли учителя, врачи, инженеры, экономисты, ученые и др.: Акакий Андреевич Абшилава (1917–1985) доктор исторических наук, профессор; Платон Григорьевич Абшилава (1902–1968) – заслуженный врач Абхазской АССР и Грузинской ССР, видный организатор народного здравоохранения в Абхазии (в конце 30-х гг. был наркомом здравоохранения Абхазской АССР).

Ацсава – Абсава. В основе этого фамильного имени лежит самоназвание абхазов – апсуаа.

Очевидно, Ацсава и ее другая форма – Абсава (Абсауа), являются более поздними образованиями, чем Абшилава.

В 1834 г. в с. Киндги Очамчырского района была зафиксирована третья, абхазская форма, этой фамилии – Ацсаа¹⁶. В селе Бедиа Очамчырского района проживают абхазы Ацсаа.

Некоторые дореволюционные абхазские деятели просвещения и культуры (А. М. Эмухвари, С. П. Басария и др.) печатали свои статьи под псевдонимом «Апсуа». И ныне «Апсуа» излюбленный псевдоним, под которым нередко выступают писатели, журналисты и др.

В Мегрелии, возможно, абхазу-пришельцу была когда-то присвоена фамилия Ацсава, а потом она породила и другую форму – Абсава (в картвельских языках нередки случаи перехода «п» в «б»). Вполне возможно, что эти две формы возникли одновременно, независимо друг от друга. Не исключено, что абхаз появился в Мегрелии со своей фамилией Ацсаа, и там она была видоизменена на мегрельский лад. Эти вопросы нуждаются в дополнительном исследовании на основе родовых преданий. Несомненно одно: на определенном этапе, в силу исторических условий, Ацсава–Абсава становятся абхазо-мегрельскими параллельными родовыми именами.

В Грузии теперь фамилия Абсава насчитывает 267 душ (Зугдиди – 217, Тбилиси – 14, Батуми – 8 и др.); Ацсава – 40 душ (Чхороцку – 12, Цаленджиха – 12, Поти – 11 и др.)¹⁷.

Ацсандзе – Абсандзе. Оба варианта этой фамилии, скорее всего, имеют одну корневую основу – апсуа*. Здесь, как и в случае Ацсава – Абсава, «п» переходит в «б», что вполне соответствует фонетическим нормам мегрельского языка. А грузинское окончание «дзе» фамилия могла получить, как в Грузии, так и в Мегрелии. Известно, что не только мегрельские князья (Апакидзе и др.), но иногда и крестьяне, давали своим фамилиям грузинские фамильные окончания («дзе», «швили»). Мегрелы Ацсандзе (Абсандзе) проживают в ряде мегрельских районов (Хоби, Зугдиди и др.). Возможно, Абсандзе образовалась от апсуа в мегрельской этнокультурной среде. Чтобы ответить на этот вопрос, надо знать ареал распространения и количественный состав носителей фамилии в регионе, а также соответствующие конкретные материалы.

Ацхазава – Абхазава. Обе эти фамилии, распространенные в Грузии, в своей основе содержат грузинское именование абхазов – *ацхаз* и *абхаз*, образованное от древнего этнонима *абазг*.

В современном мире абхаз является общепринятым этническим именем. И на Западе, и на Востоке абхазы (апсуаа) известны под именем: «абхаз», «абхазский народ», а страна абхазов – под названием «Абхазия».

Самоназвание абхазов «апсуа», сохраняется только для внутри-этнического употребления. Абхазы говорят: «сацсуоуп» – («я абхазец»), «апсуа жэлар» («абхазский народ»), «Ацсны» («Абхазия»). Этими же наименованиями пользуются зарубежные абхазы, вынужденно переселенные в XIX в. в Турцию и другие страны Ближнего Востока.

* По мнению Ш. Д. Инал-ипа, в основе этой фамилии лежит одно из почитаемых у абхазов тотем – пихты (ацса). См.: Ш. Д. Инал-ипа. Очерки по истории семьи и брака у абхазцев. – Сухуми, 1954. – С.22. Маловероятно, чтобы человек в иной этнокультурной среде присвоил себе имя, никому из окружающих непонятное, пусть даже тотема, почитаемого у себя на родине.

Уверенно можно сказать, что первый человек, который был наречен мегрельской фамилией Апхазова был абхаз – сама фамилия, ее основа, свидетельствуют об этом. Разумеется, сегодня ни один представитель фамилии Апхазова не может дать утвердительный ответ на вопросы: кто (по имени), где (в каком именно селе) и когда (в каком году) положил начало фамилии Апхазова в Мегрелии. Что заставило того человека, который первым был наречен этой фамилией, переселиться в Мегрелию? А может быть фамилия Апхазова зародилась в разных местах и в разное время? Из-за отсутствия точной информации эти вопросы остаются открытыми.

Фамилия Апхазова в письменных документах впервые зафиксирована в 1621 г. (с.Цаиши, с. Дарчели). В Чхороцкуйском районе имеются топонимы: Леапхазе (с. Хабуме); Саабхазо (с.Чога)¹⁸. Ныне Апхазова живут как в Мегрелии, так и в Гурии, Имеретии, Картли и других местах Грузии.

В Грузии, по последним данным, фамилия Апхазова насчитывает 1683 души (Ланчхути – 343, Зугдиди – 296, Тбилиси – 245 и др.).

Фамилия вошла в число самых распространенных, а по количеству носителей занимает 564 место¹⁹.

Можно отметить, что в 1949 г. около 30 дворов Апхазова из с. Вторая Чога (Чхороцкуйский район) были переселены в с. Мерхеул (Гульрипшский район) в порядке так называемого планового государственного переселения²⁰.

Фамилия *Абхазова* ныне в Грузии насчитывает 97 душ (Тбилиси – 33, Зугдиди – 15, Цаленджиха – 14 и др.)²¹. Она встречается и в Абхазии, среди них и абхазы Апхазоу*.

* В Абхазии носители фамилии *Апхазоу* до махаджирства проживали в основном в Дале и Цебельде. В июле 1867 г. из Цебельдинского приставства в Турцию переселились 27 дворов *Апхазоу* – более 200 человек. В списке выселившихся, опубликованном в газ. «*Аңсны Қапшы*» (22.10.1989 г.), названы имена глав семей, которые проживали: в с. Грдзал – Патыху, Сеид, Рашьыт, Махмет, Азнаур, Осман, Хапашә, Хәынча, Фасра, Едрыс, Ахмат, Шьангьери, Хусраб; в с. Цшаур – Хусин, Иақуң; в с. Камгара –

По всей вероятности, Абхазава, как родовое имя, могло возникнуть отдельно, независимо от Апхазова. В таком случае, Апхазова и Абхазава не два варианта одной фамилии, т.е. образованы не путем перехода «п» в «б», хотя и это не исключается, а две созвучные фамилии – первая, надо полагать, образовалась гораздо раньше на базе «апхазы», а вторая – на базе «абхаз», очевидно, после появления русского влияния в Грузии и Абхазии.

Следует отметить, что в Грузии, в том числе в Мегрелии, в народе раньше никогда не говорили «абхазы», даже и теперь люди старшего поколения абхазов называют «апхазы», а страну – «Апхазети».

Таким образом, распространенное представление о том, что фамилии Апхазова и Абхазава являются двумя вариантами одного родового имени, думается, требует дополнительного исследования. Скорее всего, они являются созвучными, восходят к одному этническому имени «абазг», но непосредственно не к одному родовому имени, т.е., возможно, родоначальники фамилии разные лица, и они возникали в разных местах.

Допустимо подобное положение, как это вскользь уже отмечалось, и внутри фамилии Апхазова, т.е. возможность возникновения данной фамилии в разное время, в разных местах: фамилия одна, а ее родоначальники разные лица, принадлежавшие к одному этническому субстрату – апхазы. Следовательно, в таком случае, под одной фамилией сосуществуют два разных родословия

Ебрым, Кэуабзач; в поселке Тацшь-ица – Хатгери, Сеидык; в с.Латя – Ханашэ, Батырзач; в с.Цабал – Идрыс, Иакуң, Хасан, Тагу, Фатқери, Мулла (фамилии цебельдинцев записаны без первой буквы «А» – Пхазоу). Абхазский поэт-публицист Вахтанг Апхазоу во время своего первого пребывания в Турции (1991 г.) разыскал своих однофамильцев, общался с семейством Апхазоу Итэма и другими потомками махаджиров, которые из устного предания знают свое родословие, имена переселившихся предков и места их поселения в Абхазии (См.: В. Апхазоу. Чужая земля, чужое небо, – язык родной... «Апсны». 28.06.1991 г.).

или более, объединенных единством этнического происхождения.

Аналогичное положение может иметь место не только в тех случаях, когда фамилия образуется от этнонимов в инокультурной среде как следствие процесса передвижения населения из одного места в другое. Такое бывает и внутри одной этнической среды, особенно, когда процесс формирования фамильных имен происходит на больших массивах – населения и территории. Например, русская фамилия Иванов, образованная от христианского личного имени Иван, разумеется, могла возникнуть в самых разных регионах России, она присваивалась людям разных семейств, и, естественно, фамилия Иванов состоит из разных родословий. А Ивановы – болгары? Ивановы – башкиры? И другие. Фамилия звучит одинаково, но носители ее принадлежат к разным народностям.

Племена, народы, языки – образования исторические. Фамилии тоже появились на определенном этапе развития этноса. Как личные, так и фамильные имена имеют смысловое значение, обозначают что-то. Возникновение каждой конкретной фамилии связано с конкретной исторической обстановкой, со временем и случаем. Этой общей закономерностью обусловлено рождение и этнических имен, и фамилии от этнонимов. В соседней культурной среде от одного этнического имени могут образоваться несколько фамилий в разном лингвистическом оформлении.

Апхазишвили. В основе Апхазишвили лежит древнеабхазское племенное имя абазг (абхаз, апхаз). По мнению И. Ахуашвили, она появилась в 1636 г. в с. Карданахи (Кахети). Он пишет: «Они пришли из Абхазии тогда, когда началась мусульманизация абхазцев. Они прибыли в Кахетию, и царь Теймураз принял их в качестве тавадов, по имени Абхазы, которые именуются теперь Апхазишвили, и передал им в Карданахи имение и рабов, проживающих там, и с тех пор, с 1636 года, являются единоименными»²². Проф. О. Г. Чургулия, отметив абхазское этническое происхождение кахетинских Апхазишвили, указывает: «Кахетинские Абхазы именовались и Апхазишвили и представляли сильную ветвь кахетинских феодалов. А во второй половине XVIII в. этот фамиль-

ный род экономически и политически так укрепился, что известные тавады Вачнадзе считали их своими соперниками и начали против них ожесточенную скрытую борьбу. Один из... сыновей картлийско-кахетинского царя Ираклия II Леван Багратиони... стал жертвой феодальной вражды этих двух фамильных родов»²³.

Фамилия бывших кахетинских тавадов Ацхазишвили, по последним данным, в Грузии насчитывает 451 чел. (Тбилиси – 101, Гардабани – 28, Гурджаани – 9 и др.)²⁴.

Надо отметить ошибочность мнения, будто грузинская фамилия Ацхазишвили является измененной формой мегрельской Ацхазава²⁵. Это совершенно разные родовые имена. Ацхазишвили образовалась в Кахети от абхазского феодального рода, до социалистической революции была фамилией кахетинских тавадов. Ацхазава – мегрельская крестьянская фамилия. Их объединяет общий этноним абхаз.

Вызывает сомнения принадлежность кахетинских фамилий Абхази и Ацхазишвили к одной родовой линии. Почему бы им не образоваться независимо друг от друга? Существует предание, что воспитанник царя Ростомы «Абхаз Георги» (Анчабадзе Георги) стал родоначальником фамилии Абхази. А фамилия Ацхазишвили была присвоена абхазским тавадам, бежавшим из Абхазии от преследования мусульман. Этот вопрос требует дополнительного изучения.

Ацхазариа (Пхазария). Абхазская фамилия Ацхазариа встречается в Гудаутском районе. Очевидно, она образована от этнонима апхаз.

Выше говорилось лишь о некоторых фамильных именах, в основе которых лежат древние и средневековые абхазские племенные названия или современное имя абхазов. В рассмотренных фамилиях, в корне самих родовых имен достаточно определенно, можно сказать, звучат абхазские этнические именованья.

В современных грузинских, мегрельских и сванских фамилиях, по всей вероятности, имеются родовые имена, образованные и от других абхазских, убыхских (аублаа) и других племенных имен Северо-Западного Кавказа. И ничего удивительного в этом нет. Ибо

существовали и Абхазское царство (VIII–X вв.) и царство «абхазов и грузин» (XI–XIII вв.). И после распада грузинской феодальной монархии миграция населения не прекратилась. Люди переходили и в одну, и в другую стороны. Переходили на постоянное местожительство в одиночку и группами, бывали и массовые передвижения, особенно, в связи с межфеодальными войнами, преследованием христианства на побережье, Кавказской войной, когда многие беженцы из Северо-Западного Кавказа обосновывались на заингурских землях.

Надо отметить, что миграция населения никогда не прекращалась и никогда не была односторонней. Правда, она носила волнообразный характер. Иногда преобладало передвижение с абхазской стороны, преимущественно в раннее и среднее средневековье, а иногда с грузинской стороны – особенно в позднее средневековье и в XIX – XX столетиях.

Сегодня такое массовое распространение в Грузии, в Мегрелии, в частности, фамилий, образованных от абхазских личных и этнических имен, кому-то может показаться непонятным, даже сомнительным. Одни стараются умолчать об этом, а другие объявляют все эти фамилии исконно грузинскими, некоторые даже апсиллов и абазгов считают грузинскими племенами. Это крайности, которые ведут к отрицанию вообще многовековых этнокультурных и исторических связей. Именно взаимопроникновение фамильных имен есть яркое отражение нашего прошлого.

Глава IV. Преобразования абхазских фамильных имен в ходе восстановления христианства в Абхазии

С вхождением Абхазского княжества в состав России, царизм особое внимание уделяет вопросу возвращения абхазского народа в лоно христианской православной церкви. Активным проводником политики российского самодержавия в Абхазии являлась русская православная церковь. В 1850 г. в целях восстановления и распространения христианского вероучения в Абхазии учреждается духовная миссия и Архиерейская кафедра. В 1860 г. в Тифлисе было создано Общество восстановления православного христианства на Кавказе под непосредственным ведением Наместника Кавказского и просвященного Экзарха Грузии, Архиепископа Картлийского и Кахетинского. Перед Обществом ставилась цель – восстановить православное христианство среди народов Кавказа.

В Абхазии в период трехсотлетнего присутствия Султанской Турции магометанская религия получила широкое распространение. В то же время народ с уважением относился к старинным храмам и христианской религии, которую исповедовали предки абхазов в течение многих веков. Об этом Жак Гамба (1763–1833) во время путешествия по восточному берегу Черного моря (1820–1824), дважды побывавший в Абхазии, писал: «Все сведения, которые я смог собрать во время моего пребывания в Абхазии и бывшей Колхиде, сходятся на том уважении, которое горцы сохранили по отношению к своим каменным крестам, к старинным церквям, имеющимся в больших количествах в Абхазии... Абхазы сохранили огромное количество обычаев их прежней религии: так, например, они соблюдают в течение трех дней праздник Пасхи и следуют обычаю есть в это время крашеные яйца. Они отмечают также праздник Рождества; этот последний, как и мы, 25 декабря, а два других праздника в фиксированные числа... Многие семьи остались христианскими; их священники мингрелы»¹.

Важнейшей составной частью мероприятий по восстановлению

христианства среди населения являлось крещение людей в христианских церквях. В Абхазии это проводила грузинская церковь. При крещении священники меняли личные мусульманские и языческие имена на календарные (христианские), а фамилии крестившихся абхазов в церковных книгах фиксировались в мегрельской форме, учитывая при этом опыт по переделке абхазских фамилий в позднесредневековой Мегрелии. Сохранились документы, свидетельствующие об этом. В частности, в специальном выпуске газеты «Сакартвело» (март 1997) опубликованы соответствующие материалы. Н.Джомидова в своей книге «3000 мегрельских фамилий» приводит сведения, извлеченные из этого источника. Позволю себе привести некоторые примеры из этой книги.

Итак, по селу Лыхны Бзыбской Абхазии отмечены конкретные семьи и люди, которые крестились в 1834 году. Здесь приводятся лишь отдельные фамильные имена в том виде, в каком они были зафиксированы:

Ембаиа – очевидно, Айба, крестились в апреле 1834 г. (С.129).

Айбаиа – Айба (С.16).

Бидзанбаиа – возможно, от Адзинба (С.58).

Гицбаиа – Гицба (С.90).

Бишанбаиа – очевидно, Шамба (С.56).

Елишбаиа Исмаил – возможно, Алишба (Алышэба), крещен в июне 1834 г. (С. 130).

Лакебаиа Квадж – очевидно, Лакоба, крещен в июне 1834 г. (С. 213).

*Лакварав** (Лакоба) Мадж, жена Сабди, сын Цигва; Хундука (Хындыкуа), жена Сабдин, сыновья: Гедлач и Петра, дочь – Чичу (Ҷиҭу), крестились в апреле 1834 г. (С. 212, 213).

Муқбаиа – Муқба, муж, жена и дочь крестились в июне 1834 г. (С. 254).

* *Лакуараа* – (Лакуа) – так называли себя Лакобовы (во мн. числе) – параллельная абхазская форма фамилии Лакоба.

Тванбаиа – Тванба, Сопудж, его жена Енджи крестились в июне 1834 г. (С. 308, 309).

Шекрылава – очевидно, Шакрыл; братья Лаз, Квадж, Дакидица крестились в июне 1834 г.; Халир, Тирса – дочь Аджгарея, Мисрикуа крестились в апреле 1834 года. (С. 373, 374).

Цубшаиа – очевидно, Цушба, Петра крестился в апреле 1834 г. (С. 409).

Цужбаиа – очевидно, Цушба, в 30-х годах XIX в. проживали в лыхнинской резиденции Шервашидзе (С.410).

Чанунбаиа – вероятно, Чанба, Ашгерей крестился в апреле 1834 года (С. 432) и другие.

В селе Кутол (Абжуйская Абхазия) среди крещенных в 1830-х годах числятся:

Гицбаиа – Гицба, числится среди крещенных в 1837 году. (С. 90, 91).

Ербаиа – Ерынба, Дарджа крестилась в 1934 году. (С. 130).

Қиҭишбаиа – ?? Мақва, Гыд, Асулан, Хуз, Карар крестились в июне 1834 года. (С.188).

Жангерия – ?? числится среди крещенных в 1837 года. (С. 274).

Жонгуа – ?? числится среди крещенных в 1837 году. (С. 276).

Цуибаиа – ?? Исмаил, сын Муса, дочь Ашрахан крестились в июне 1834 года. (С. 409, 410).

Чанунбаиа – очевидно, Чанба, упоминается среди жителей с.Кутол в первой половине XIX в. Чанунбаиа Қвабрадж и его дочь Долахтан крестились в июне 1934 года. (С.432) и др.

В селе Тхина Абжуйской Абхазии в 1837 г. зафиксирована фамилия Бишанбаиа, очевидно, образованная от Шамба (С. 56). В селе Пакуаш в апреле 1834 г. крестились Карбаиа – (Карба): Гват, Дан, Чаал, Ахчана, Джаваз, Садлҭхан. Карбаиа упоминается и в селе Ата-ра Очамчырского района в первой половине XIX века (С. 172).

Абхазская фамилия Тарба, преобразованная в Тарбаиа, упоминается в селах Моква, Тхина, Лыхны, Охурей и др. В 1834 году в марте в селе Тхина крестились Тарбаиа Какут, его жена Хатындж, сестра Чаде, а также Цицо, Тамхан, Абригхан. В этой же деревне

в июне 1834 г. крестились Тарбаия Шеркур, его сыновья – Мац, Лаз, Мац, дочери – Пундук, Едж. В селе Лыхны в апреле 1834 г. крестились Тарбаиа Булат, его дочь Даке, Гулаба, его жена Хишман, сын Пат (С. 147, 148).

В с. Эшкыт (Самурзаканская Абхазия) в марте 1834 крестился Қарсабаиа Тыкуа (С.335, 336) и т. д.

Таким образом, приведенные выше материалы показывают, что духовенство в процессе восстановления христианства, начиная уже с 30-х годов XIX в. изменяло абхазские фамильные имена на мегрельский лад. Разумеется, многие из этих искусственно измененных фамилий не привились в народной среде – остались только на бумаге (напр., Айбаиа, Бишанбаиа, Лаквбаиа, Чанунбаиа, Кипшибаиа и др.).

В дальнейшем, естественно, деятельность церкви в этом направлении еще более расширяется, особенно в связи с махаджирством, когда обращение в христианство спасало многих людей от насильственного выселения. Наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич, всемерно способствовавший выселению абхазов, с неудовлетворением подчеркивал, что жители Бзыбской Абхазии, не желая идти в Турцию, «принимают добровольно христианство»². Только с 22 декабря 1866 г. по 1 марта 1867 г. здесь христианство приняло до 800 чел.³

Более массовое принятие христианства начинается после махаджирства 1867 г. С конца 1868 г. до начала 1871 г. в Абхазии приняли крещение около 16 тыс. чел.; в одном только селе Члоу в 1870 г. крестились около 2 тыс. чел. Епископ Имеретии Гавриил считал это явление «не совсем обыкновенным»⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие абхазы ушли в махаджирство уже с измененными фамилиями. Об этом свидетельствует, в частности, список 170 абхазских семейств из Македонии, принадлежавших к тем махаджирам, которые эмигрировали из Абхазии во время массового их выселения в 1877–1878 годах. В этом списке названы фамилии глав семейств, обратившихся к председателю Совнаркома Абхазии Н.А.Лакоба с

просьбой разрешить вернуться в ССР Абхазию. Здесь встречаются в мегрельском оформлении не только княжеско-дворянские, но и крестьянские фамилии абхазов, например, Акусба-иа Нафиз Абас-ипа, Архуа-ва Махмуд Хасан-ипа, Ацыгуба-иа Фаик Иасыф-ипа, Каба-иа Камил Чул-ипа, Кабл-иа Махмуд Сыкун-ипа, Тарба-иа Хаки Исмаил-ипа, Пач-иа Аиса Исмаил-ипа, Базба-иа Абдул Шахан-ипа, Герзма-иа Хакибей Исмаил-ипа, Шамба-иа Харун Хусин-ипа, Шѳамбал-иа Ахмет Акун-ипа, Шѳанзба-иа Екуп Бакыр-ипа и др.⁵.

После завершения махаджирства в центре официальной имперской политики стояли две основные задачи: заселение Абхазии колонистами и расширение мероприятий по восстановлению православного христианства. Осуществление этой работы царизм рассматривал как важнейшее условие упрочения своей социальной и идейно-политической опоры в этом весьма значимом экономическом и стратегическом районе Кавказа.

После окончания Кавказской войны (1864), особенно, после последней русско-турецкой войны (1877–1878), Общество восстановления православного христианства на Кавказе в деревнях Абхазии строит церкви, открывает церковноприходские школы; проводит работу по переводу на абхазский язык священных книг и богослужебной литературы, а также готовит православных священнослужителей из природных абхазов. Прилагались усилия к превращению сельской церкви в центр православного просвещения и культуры. В 1916 г. в 58 церковноприходских школах преподавали священники.

6 и 13 ноября 1907 г. в древних храмах Лыхны и Моква поочередно было совершено торжественное богослужение на абхазском языке (семью абхазскими священниками во главе с благочинным Д. Т. Маргания).

К началу первой мировой войны почти во всех селах Абхазии имелись христианские церкви. С крещением, как правило, было связано присвоение христианского личного имени и изменение форм абхазских фамильных имен. Об этом свидетельствуют цер-

ковные книги (1890–1917), сохранившиеся в архиве Республиканского ЗАГСа Республики Абхазия.

Сила традиции, видимо, была так жизнестойка, что и священники абхазы тоже в церковных книгах абхазские фамилии часто записывали в мегрельской форме. А отхарский священник Цушба Иоанн с 1916 г. метрические книги стал подписывать под фамилией Цушбаиа⁶.

Мегрельский формант «иа» был достаточно активно использован не только для преобразования абхазских фамильных имен на мегрельский лад. Этот формант используется и для формирования абхазской патронимии, что указывает на роль, которую играли в этом вопросе мегрельские священники. Например, во время восстановления христианства священники присваивают носителям патронимических имен новые фамилии. Так, например, в Бзыбской Абхазии жили два брата – Къиахъыр (с. Бармыш) и Хъыр (с. Отхара), от которых пошли патронимические фамилии Къиахъыр-ицацџа и Хъыр-ицацџа. При крещении они были наречены новой фамилией – Бения. У абхазов эта фамилия молодая. Среди зарубежных абхазов в Турции она представлена только в формах Къиахъыр-ица и Хъыр-ица, там нет фамилии Бения. А в Бзыбской Абхазии все Къиахъыр-ицацџа и Хъыр-ицацџа носят фамилию Бения за исключением ныне покойного бывшего директора Колхидской средней школы Бориса Къиахъыр-ица, который официально вернул себе патронимическое имя предков. Теперь Бения абхазы живут в селах Бармыш, Отхара, Бзыпта, Калдахуара (Гудаутский район) и других местах Абхазии.

В селах Царче и Мухур Гальского района проживают несколько дворов Бения – выходцы из Гудаутского района. Директор Царчинской средней школы Бения Мушни, с которым я четыре года учился в Сухумском пединституте и дружил, знал о своем абхазском происхождении. Более конкретно об этом сообщил мне Бения Мамия – председатель профкома Ачигварского чайного совхоза, человек в годах, когда я работал в совхозе директором школы (в 1948–1950 гг.). Гудаутские и Гальские Бения до грузи-

но-абхазской войны общались, совместно проводили семейные сходы.

Фамилия Бениа распространена равно в абхазской и мегрельской среде. Носителей этой фамилии зафиксировано в Зугдиди 167 душ, Тбилиси – 63, Хоби – 30 (С.49, 50), в числе которых, разумеется, и те, которые переселились из Гальского района в связи с грузино-абхазской войной.

Следует отметить, что становление фамилии как антропонимической категории, в особенности крестьянских фамилий – длительный процесс. В Абхазии оно растянулось на много столетий, в особенности, крестьянских фамилий. Среди абхазского населения почти до XIX в. сохранялись фамилии патронимического образования: например, «сыновья Куаблыху» (Куаблыху-ипацѳа), «сыновья Чыма» (Чым-ипацѳа)⁷, «сыновья Гьяара» (Гьярипацѳа), «сыновья Махяла» (Махьял-ипацѳа), «сыновья Цыга» (Цыгь-ипацѳа), «сыновья Цыгтыр» (Цыгьтыр-ипацѳа)⁸, «сыновья Чат» (Чат-ипацѳа), «сыновья Дзугу» (Зыгѳ-ипацѳа) и т.д.*. Во время восстановления христианства священники присваивали носителям некоторых патронимических фамилий новые мегрельские фамилии, которые в дальнейшем окончательно закрепились за ними. Так появлялись новые абхазские фамилии.

В XIX в. в ходе переписи населения, которую проводили чиновники царской администрации, а также при крещении, иногда встречались и бесфамильные, пришельцы из других стран. Правда, такие случаи бывали редко, но бесфамильным присваивались приглянувшиеся фамилии.

* Профессор Х. С. Бгажба, тщательно исследовавший ономастику Бзыбской Абхазии, среди сказителей старшего поколения зафиксировал более 140 патронимических имен, т.е. имена основателей отцовского рода. (См.: Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. – Тб.: 1964. – С. 239–242).

В XIX столетии восстановление христианства в Абхазии сопровождалось рядом изменений: мусульманин становился христианином (в основном это носило чисто церковный, церемониальный характер); из народного обихода, как об этом свидетельствуют материалы абхазской антропонимики, постепенно вытеснялись мусульманские личные имена (Осман, Хасан и т.д.), прививавшиеся в течение нескольких столетий турецкого влияния; внедрялись календарные (христианские) имена; постепенно выходили из употребления языческие – «народные» и прозвищные имена; менялись абхазские фамильные имена путем прибавления к абхазскому форманту «ба» мегрельского «иа» и т. д.

Иногда вносились изменения в грузинские фамилии, встречающиеся среди лиц, переселившихся из Грузии в Абхазию, путем придания им мегрельской формы – Джугелиа вместо Джугели, Барателиа вместо Баратели, Лордкипаниа вместо Лордкипанидзе и т.д.

Фамильные преобразования имеют давние исторические корни. Яркое свидетельство тому наличие в позднем средневековье параллельных абхазских фамильных имен феодальной знати. После распада царства «абхазов и грузин» и образования самостоятельных феодальных княжеств (Абхазского, Мегрельского, Гурийского) влияние Мегрельского княжества в Абхазии временами было продолжительным. Об этом говорится в трудах известных исследователей истории средневековой Абхазии З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа, И. Г. Антелава и др. Ш. Д. Инал-ипа, в частности, пишет: «В XVI в. Абхазия (вплоть до района Пицунды включительно) находилась в зависимости от Мегрельского княжества, политическая гегемония которого в Западной Грузии, включая Абхазию, сохранилась и в течение первой половины XVII века»⁹.

Включение Абхазии в состав России (которому активно содействовала правительница Мегрелии Нина Дадияни)¹⁰ мегрельские феодальные деятели старались всемерно использовать для расширения своего влияния на Абхазию, хотя это не входило в интересы царской власти. Империя управляла по испытанному

старому закону «разделяй и властвуй!». Тем не менее объективно вхождение Абхазии и Мегрелии в одну империю, а также события Кавказской войны и ее последствия, в частности, махаджирство, колонизация Абхазии и другие обстоятельства создали благоприятные условия для расширения деятельности в Абхазии лесопромышленников, мелких ремесленников, торговцев, работников просвещения, духовенства. Отмена крепостнических отношений в Мегрелии и образование в Абхазии свободных земель в результате махаджирства хронологически совпали. Если до этого в условиях крепостничества, значительно развитого в Мегрелии, мегрельские крестьяне тайком убегали от своих феодалов и обосновывались в Абхазии, то теперь крестьяне, получив право свободного передвижения, массово устремились в Абхазию в качестве арендаторов земли и постоянных жителей. С 80-х–90-х годов эти обстоятельства облегчили деятельность мегрельских священников в Абхазии.

В начале XX века о фактах искажения абхазских фамильных имен священниками писали К. Мачавариани, С. Басария, Д. Маргания, Д. Гулиа и др. К. Мачавариани в статье «Сословный вопрос в Абхазии», опубликованной в «Черноморском вестнике» в 1900 г. (№№ 121, 124), резко осудил деятельность духовенства, назвал их «мирными завоевателями». В то же время он выразил недоумение тем, что абхазы сами так легко отнеслись к фамильным переделкам. Он писал: «Для чего нужна была подобная переделка, понять не трудно, но почему ее допустили, почему сами абхазцы так легко помирились с ней – решительно непонятно». Ш. Д. Инал-ипа по этому вопросу пишет: «Удивительно, что грубые искажения абхазских родовых имен осуществлялись при почти полном равнодушии самих носителей этих имен, которые в большинстве своем по своей неграмотности или наивности не обращали, обычно, внимания на безобидные и никчемные, как им казалось, записи на бумажках»¹¹.

На самом деле, может быть, методически проводившиеся преобразования имен имели более глубокие корни и далеко идущие

цели, а отношение к ним носителей этих фамилий, тоже вряд ли может быть объяснено так просто «неграмотностью». Скорее всего тому причины лежат глубже, чем это сегодня кажется.

В связи с этим следует отметить большое значение комплексного и объективного, а не политизированного, исследования различных вопросов исторической ономастики самой Абхазии и сопредельных стран. Проведение специалистами (языковедами, этнологами, историками, географами и др.) такой работы может дать богатый материал по языкознанию, генеалогии, исторической географии, истории быта и т.п. Такие исследования представят ценный источник для глубокого осмысления этнических процессов в самых различных аспектах – культурном, политическом, бытовом, демографическом и других.

Глава V. Самурзаканские абхазские фамильные имена, получившие мегрельское оформление

1. Некоторые исторические сведения о Самурзаканской Абхазии

Нынешний Гальский район Республики Абхазия – составная часть исторической Апсилии.

Апсилы – древнеабхазское племя. С этнонимом «апсил» связано и самоназвание абхазского народа (апсуаа).

В исторических источниках апсилы упоминаются с I в. н.э. и место их проживания фиксируется на берегу Черного моря, между

абазгами и лазами (мегрелами). Рубежами территориального расселения апсилов считаются на юго-востоке р. Ингур, на северо-западе – Севастополис (Сухум). Следовательно, теперешние южно-абхазские земли составляли юго-восточную часть территории племени апсилов.

В период Абхазского царства южная часть современной Абхазии от Галидзги (Аалдзги) до Ингура, по существовавшему в то время административному делению, входила в Бедийское воеводство. И тогда, и в дальнейшем здесь жили абхазы.

В феодальной Абхазии современный Гальский район занимал специфическое положение. В течение длительного времени в этом пограничном регионе непосредственно соприкасались и взаимодействовали два «племенных мира», их языки и культура – абхазская и картвельская (мегрельская и, отчасти, сванская).

В ходе исторического процесса нередко обострялась и политическая обстановка, в результате феодальных войн неоднократно передвигались границы феодальных княжеств в ту или другую сторону, что сопровождалось соответствующими этнодемографическими процессами, которые иногда заходили глубоко.

Естественно, р. Ингур не служила «китайской стеной» между Абхазией и Мегрелией. Бывали времена, когда абхазская культура распространяла свое влияние и в смежных районах Мегрелии. Например, по мнению некоторых археологов, чхороцкуйские кремационные захоронения I–III вв., принадлежали апсилам. А в период существования Абхазского царства ареал распространения абхазского языка и культуры, надо полагать, был более значительным.

В конце XIII – начале XIV вв. мегрельские феодалы отторгли от Абхазии часть ее территории. Абхазские феодалы вели длительную борьбу за возвращение отнятых земель. В этой борьбе территория современного Гальского района становится постоянным «яблоком раздора» между двумя соседними княжествами.

В начале 80-х годов XVII в. сын Абхазского владетеля Сорех (он известен и как Сарек) Шервашидзе (Чачба) отвоевал от Мегрельского княжества территорию от р. Галидзга до р. Ингур. В на-

чале XVIII в. сын Абхазского владетеля Квапу окончательно присоединил этот регион к Абхазскому княжеству. С XVIII в. данный район называется Самурзакан по имени удельного владетеля этой области Мурзакана Шервашидзе (Чачба).

Восстановление южных политических границ Абхазии сопровождалось дальнейшим укреплением в этом регионе позиций абхазского этноса. Абхазские владетели предпринимают специальные меры – переселяют сюда из Бзыби представителей абхазского дворянства и крестьян*. С конца XVII в. здесь абхазское население смешивается с мегрельским, главным образом, в прибрежной полосе.

Политическая и этническая граница между Одишским и Абхазским княжествами по р. Ингур была восстановлена, приобретая одновременно государственный политический статус, сохраняющийся уже 300 лет.

В крайне тяжелых исторических условиях протекала этническая жизнь абхазов в позднее средневековье и начале нового времени. Сложившаяся в связи с махаджирством трагическая обстановка определяла этнические процессы и развитие демографической ситуации в Абхазии в целом и в ее отдельных регионах, в частности. На фоне резкого снижения этнокультурных позиций абхазов в стране в целом, активизируется переселение малоземельных мегрельских крестьян, а отчасти духовенства. После образования самурзаканского приставства (1840) и, особенно, после отмены в Мегрелии крепостного права (1864 г.) здесь быстро растет мегрельское население.

К началу XX в. в Самурзакане насчитывалось 5,3 тыс. мегрелов (около 13% от общей численности населения) и 36,2 тыс. «са-

* В 1928 г. языковед А. К. Хашба писал: «*Всякий самурзаканский житель, будь он абхаз или мегрел, знает свою генеалогию в среднем за 8–10 поколений. По собранным нами материалам, многие жители оказываются выходцами из Западной Абхазии и Черкесии 150–200 лет назад*» (см.: Хашба А. К. Избранные работы. – Сухуми, 1972. – С.124.)

мурзаканцев» (80%), этническое состояние которых нельзя определить однозначно. В последующие годы в Самурзакане еще более прогрессирует тенденция ассимиляции абхазского населения. В 1926 г. здесь было зафиксировано только 13 тыс. абхазов (первая всесоюзная перепись).

Широкое распространение получают смешанные абхазо-мегрельские браки. В смешанных семьях все чаще мегрельский язык становится языком всей семьи.

Языковые процессы характеризовались переходными этапами, географической неравномерностью и другими особенностями. Отступление абхазского языка, как отмечает проф. Ш. Д. Инал-ипа, началось в селах, расположенных вблизи р. Ингур, и протекало путем постепенного перехода от абхазского, в основном, одноязычия к абхазо-мегрельскому двуязычию и завершилось потерей родного языка.

Трудно определить точные хронологические рамки процесса языковых изменений и вытеснения абхазского языка в Самурзакане. В 1899 г. К. Д. Мачавариани опубликовал содержание беседы с одним абхазским крестьянином из Самурзакана: «Отроду мне с лишним 60 лет. Помню я хорошо и отца моего, и деда. Никогда они не говорили на мегрельском языке. Все, все объяснялись на абхазском языке. Возьмите целые общины: Бедийскую, Чхортольскую, Окумскую, Гальскую, Царчинскую – везде и всюду вы услышите среди взрослых абхазскую речь. А если в Саберио, Отобае, Дихазурга и говорят мегрельским языком, то это благодаря тому, что жители этих сел имели ближайшее общение с мегрельцами»¹.

В 1898 г. известный просветитель и краевед А. М. Эмухвари писал: «Все самурзаканцы говорят как по-абхазски, так и по-мегрельски»².

Языковед А. К. Хашба о языковой ситуации, которую он застал в Гальском районе в 1928 г., пишет: «Абхазцы-старики, жители Самурзакана, сообщают, что еще в первой половине XIX в. Самурзакан был заселен абхазами. Житель села Чхортоли Г. Гамисония (95 лет) говорит, что в молодости, когда ему было 15-20 лет, самурза-

канское население было абхазским. Во время войны России с Турцией при покупке продовольствия для военных частей среди населения Самурзакана нужны были абхазские переводчики... В настоящее время в Самурзаканском уезде большинство населения говорит только на мегрельском языке, а остальная часть говорит по-абхазски и по-мегрельски. Причем, в самих мегрельских селах старики говорят по-абхазски и по-мегрельски. Мегрелизация самурзаканских абхазов идет таким темпом, что, вероятно, лет через десять-пятнадцать в Самурзакане не будет абхазского языка»³.

В первой четверти XX в. абхазский язык оставался основным разговорным в селах, расположенных на границе с Абжуйской Абхазией. В абхазских семьях центрального самурзаканского региона у людей старшего поколения еще сохранилась абхазская речь. Об этом педагог М. Х. Эзугбая пишет: «В 1930 г., когда я начал свою педагогическую деятельность в с. Пирвели Гали, старшее поколение местных родов Эзугбая, Кецбая, Тарбая, Микая, Вардания и других прекрасно владело абхазским языком. В некоторых семьях, например, Мазлоу Басария, Шахана Кецбая, Хиудара Тарбая, Игнатэ Вардания и других разговорным языком был абхазский»⁴.

Решающую роль в вытеснении абхазского языка стала играть школьная политика. В 1918 г. во всех селах Самурзаканского участка открываются грузинские школы, языком преподавания учебных дисциплин становится грузинский язык.

В советское время уже в первой половине 30-х годов XX в. осуществляется всеобщее начальное, а затем и семилетнее образование на грузинском языке. И это ускорило процесс полного вытеснения абхазского языка и в тех селах Гальского района, где он еще сохранялся.

Исключение составили некоторые села, расположенные на границе с Абжуйской Абхазией. В 1930 г. правительство Абхазии, по инициативе населения, провело размежевание границ между Гальским и Очамчырским районами. Села Агу-Бедиа, Первая Бедиа, Река и Охурей были включены в Очамчырский район. В этих селах функционировали абхазские школы, дети получали образова-

ние на родном языке. Так в указанных селах была гредотворена языковая ассимиляция и деэтнизация абхазского населения.

В Самурзакане параллельно шел процесс изменения этнического самосознания населения. Во второй половине XIX века оно еще оставалось сложным и вполне отражало те языковые процессы, которые происходили здесь в течение длительного времени. Это как-то выражалось и в названии «самурзаканцы», принятом во всех официальных статистических материалах второй половины XIX века⁵. Был и такой этап, когда самурзаканцы сами особо выделяли себя. Шел как бы процесс оформления особого территориального самосознания. Д. Кипиани склонен был самурзаканцев выделять в особую этнографическую группу. И, как известно, апологеты имперской идеологии пытались использовать эту сложность и неопределенность этнического самосознания в целях противопоставления народов. Ш. Д. Инал-ипа считает, что термин «самурзаканцы» получил эпизодическое употребление в качестве несостоявшегося этнонима. При всей нечеткости и противоречивости этнического самосознания самурзаканцы всегда сохраняли живое ощущение своей неразрывной органической историко-политической и культурной связи с остальной Абхазией.

В Самурзаканской Абхазии в ходе интенсивного и продолжительного взаимодействия абхазов и мегрелов, как выше отмечалось, протекал активный двусторонний процесс влияния и обогащения. В итоге, как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, формируется весьма своеобразный локальный самурзаканский вариант абхазо-мегрельской народной культуры, вобравшей в себя лучшие черты традиций и обычаев обоих народов⁶.

** Д. Т. Маргания (1866–1946) – видный абхазский педагог, просветитель, священнослужитель, переводчик, блестящий знаток родного языка. Как коренной самурзаканец он хорошо был знаком с этническими процессами, происходившими в регионе, и с болью в сердце размышлял об этом.*

Следует отметить, что именно забвение родного абхазского языка в конечном счете привело самурзаканских абхазов к потере национального самосознания. Об этом Д.Т. Маргания (Маан)⁶ писал в 1926 г. в газете «Апсны Капш»: «Как народ, потерявший свой родной язык, теряет свое родовое имя и становится не знающим самого себя, воочию можем увидеть рядом, далеко не уходя, призадумавшись над характером гальцев.

Больше половины Гальского уезда абхазы по происхождению, но когда потеряли свой прежний национальный абхазский язык, растворились в чужой этнической среде, стали не знающими, кто они такие, откуда вышли. Кроме остальных проживают там многочисленные фамилии: Азыхэба, Абагьба, Алацэышба, Агырба, Арытба, Арышба, Аттараба, Ақәазба, Ахахэба, Ашәуа, Агәасба, Аешба, Ажәанба, Аилакырба, Амаан, Ачачба, Акалгьы, Аезыгэба, Ақацэба, Абытэба, Акышба, Ақыртба, Ақьацба, если даже их спросить, кто вы такие, они скажут, мы мегрелы; скажешь, вы абхазы, они просто не поверят. В чем причина, почему так произошло? Случилось следующее: как только потеряли родной язык, служивший основой сохранения своих истоков, национального самосознания, запутались, стали неосознающими корни свои»⁷.

Представляя интерес самурзаканские абхазские фамильные имена, записанные Д.Маргания в исконно абхазском звучании – Арытба, Ақәазба, Ахахэба, Ашәуа, Агәасба, Ақацэба и другие.

2. Фамильные преобразования в Самурзакане

Преобразование абхазских фамильных имен на грузино-мегрельский лад – составная часть общего ассимиляционного процесса. Но если языковая ассимиляция, а вслед за ней потеря этнического самосознания являлись результатом продолжительного ассимиляционного процесса и носили сложный характер, то изменение фамильных форм проходило проще, чаще фиксацией в метриках.

В Самурзакане уже во второй половине XIX в. имелись условия, облегчающие массовые изменения фамильных имен. Повсеместно работали грузинские священники, учителя, чиновники, писцы. При крещении детей священники записывали их фамилии в форме мегрельского произношения. Также поступали сельские писари со взрослыми при оформлении официальной документации. Отсутствие абхазской письменности также позволяло свободно менять формы фамилий.

Как уже отмечалось выше, в XIX в. преобразование абхазских фамильных имен происходило во всех районах Абхазии в ходе восстановления христианства. Священники при переделке фамильных имен абхазов использовали опыт средневековой Мегрелии. Мегрельские модели абхазских фамилий, распространенные в Мегрелии, без изменения присваивались крестившимся абхамам. А те фамилии, которые не имели аналогов в Мегрелии, переделывались в соответствии с нормами мегрельского языка.

Основными документами, в которых фиксировались изменения форм фамильных имен, были церковные книги. К. Д. Мачавариани в 1900 г. писал, что священники, выступая в роли своего рода «культуртрегеров» «... поставили задачей переделывать фамилии на свой лад, придавая «свои» окончания... Деятельнейшими проводниками этой меры было духовенство. У абхазцев все оно поголовно грузинского племени». Далее он указывает: «... все эти – *дзе, швили, ия, ая* с совершенно спокойным сердцем реформаторы фамилий, священники, внесли в документы, метрики», а со временем носители фамилии «совершенно свыклись со своими измененными прозваниями»⁸.

Уже к началу XX в. самурзаканские абхазские фамилии в документах значились в мегрельском оформлении. Однако на этапе, когда еще абхазская речь не была вытеснена и этническое самосознание продолжало жить, самурзаканские абхазы, общаясь между собой на родном языке, свои фамилии, как правило, называли в абхазской форме, и не только крестьянские, но и княжеско-дворянские – Чачба, Ачба, Инал-ипа, Маан и др. Так, например, самурза-

канский абхаз говорил «Гыргуал Чачба», но никак ни «Григол Шарашиа» или «Григол Шервашидзе». Это правило непременно соблюдалось, пока жило этническое самосознание.

Советская паспортизация (1932 г.) завершает процесс фиксации самурзаканских абхазских фамилий в мегрельской форме. Почти поголовно всем носителям абхазских фамилий вручаются паспорта в мегрельском или грузинском фамильном оформлении. Эти новые фамилии получают официальное закрепление.

Некоторые дореволюционные и советские авторы, касаясь вопроса переделки абхазских фамилий в Самурзакане на мегрельский лад, приводят интересные факты. Яркими примерами иллюстрирует свои положения К. Д. Мачавариани. Соглашаясь с ним, С. П. Басария в работе «Самурзаканцы или мурзаканцы» полностью приводит его данные.

Вот эти фамильные имена⁹ (в перечне абхазская форма фамилии поставлена впереди):

Ачба	–	Анчбая (Анчабадзе)
Чачба	–	Шарашиа (Шервашидзе)
Маршань	–	Маршания
Эмхи	–	Эмухвари
Чабалурхва	–	Сотискуа (Сотишвили)
Дзяпш-ипа	–	Дзепшскуа (Дзейшвили)
Инал-ипа	–	Иналискуа (Иналишвили)
Маан	–	Маргания
Лакр	–	Лакербая
Жван	–	Жванбая
Акирта	–	Акиртава
Эшба	–	Эшбая
Микамба	–	Микамбая
Вардан	–	Вардания
Шамба	–	Шамбая
Капба	–	Капбая
Килба	–	Килбая

Какуба	–	Какубава
Зухба	–	Зухбая
Шакрыл	–	Шакирбая и т.д.

С. П. Басария отмечает, что «такая переделка наблюдается во всей Абхазии»¹⁰. С этим нельзя не согласиться, но только с оговоркой, если иметь в виду фамильные имена абхазской феодальной знати, то это совершенно справедливо. Кстати, из 20 названных выше фамилий 12 являются княжеско-дворянскими, которые действительно в мегрельской форме встречаются по всей Абхазии. Крестьянские фамилии – Какубава, Колбаиа, Шамбаиа, Зухбаиа, Капбаиа, упомянутые С. П. Басария, мегрельскую форму получили именно в Самурзакане. Хотя священники во время крещения повсеместно переделывали фамилии, они привились не везде. Там, где функционировал абхазский язык и было развито национальное самосознание, крестьянство не приняло эти переделки, и при паспортизации абхазские фамилии, за небольшим исключением, сохранили свою национальную форму.

Доктор филологических наук, акад. Х. С. Бгажба в монографии «Бзыбский диалект абхазского языка», освещая вопрос фамильных заимствований, приводит интересный материал, иллюстрирующий факты преобразования абхазских фамильных имен в мегрельские, главным образом, в Гальском и частично Зугдидском районах. Здесь полностью приводятся эти данные:¹¹

Абыхба	–	Абух-ба-я
Азванба	–	Зван-ба-я
Азыхэба	–	Зух-ба-я
Алшэба	–	Алш-и-ба-я
Ачба	–	А-н-ч-ба-я, Анчабадзе
Ашхацава	–	Шхваца-ба-я
Бытэба	–	Бут-ба-я
Делба	–	Дол-ба-я
Езыгуба	–	Езуг-ба-я

Ешба	–	Еш-и-ба-я
Какѳба	–	Каку-ба-ва
Кѳазба	–	Куадз-ба-я
Кѳецба	–	Кѳец-ба-я
Кѳыртба	–	Кѳирт-ба-я
Лакырба	–	Лакер-ба-я
Лацѳышба	–	Лацуз-ба-я
Тарба	–	Тар-ба-я
Тѳыжѳба	–	Туз-ба-я
Чачба	–	Чач-и-ба-я

Х. С. Бгажба, рассматривая фамилии, включающие обычный в абхазских фамилиях суффикс «ба», указывает на формообразование мегрельских фамилий на базе абхазских путем добавления «я» («иа») и «ва» к абхазскому «ба».

В работе Х. С. Бгажба отмечены в основном крестьянские фамилии. Из приведенных 19 фамильных имен только 5 княжеско-дворянских.

Историко-лингвистические данные свидетельствуют о том, что в Самурзакане существовала довольно значительная база для образования новых мегрельских фамилий на основе абхазских. Об этом дают более или менее ясное представление приведенные ниже сводные таблицы, которые составлены на основе материалов, зафиксированных автором данной работы.

Самурзаканские абхазские княжеско-дворянские фамилии, получившие мегрельскую и грузинскую формы

<i>Абхазские фамилии</i>	<i>Мегрел. и груз. формы</i>
Ажѳанба (Азванба)	Званбаиа
Аемхаа (Емхы)	Емухвари (Емхуари)
Акѳыртаа (Акиртава)	Акиртава
Арыд (Арыдба)	Ардбелава
Ахаѳѳба (Ахахуба)	Хахубиа, Хахубаиа

Ачба	Анчбаиа, Анчбеиа, Анчабадзе
Ашәхәацаа (Ашхацаа)	Ашхацава, Шхвацабаиа
Абагъба (Абагба)	Багбаиа, Багскуа, Багишвили
Зацшъ-ипа (Дзапш-ипа)	Дзепшскуа, Дзеишвили
Ешба (Яшба)	Ешбаиа
Инал-ипа (Инал-ипа)	Иналискуа, Иналишвили
Лакырба	Лакербаиа
Маан	Марганиа, Марганиа, Марганадзе, Маргани
Маршьан (Амаршьан)	Маршаниа, Маршава
Мқанба (Мканба)	Миқанбаиа
Мқалба (Мкалба)	Мқиалбаиа
Цанба	Цамбаиа
Цыцба	Цисбаиа
Цышәба (Цушба)	Цушбаиа
Чачба	Чачибаиа*, Шервашидзе
Чқотуа, (Чкотуа, Чхотуа)	Чқотуа
Шат-ипа (Шат-ипа)	Сотскуа, Сотишвили

* От абхазской фамилии Чачба образовались две мегрельские формы – Чачибаиа и Шарашиа. Чачибаиа в таком же звучании и написании встречается и в мегрельских, и в абхазских районах. В Мегрелии носители фамилии Чачибаиа являются мегрелами, а в Абхазии (в селах Лыхны, Джирхва, в г. Сухум и др. местах) живут Чачибая абхазы. Мегрельская форма Чачибаиа образовалась непосредственно от абхазской Чачба, а Шарашиа – от грузинской формы Шервашидзе. В Абхазии теперь мегрельская форма Шарашиа в официальных документах (паспорт и пр.) не фигурирует, однако в обычной мегрельской бытовой среде еще встречается. Видимо, от мегрельской Шарашиа образовалась грузинская форма Шарашидзе, отличающаяся от Шервашидзе.

Обращает на себя внимание то, что в Самурзаканской Абхазии представлены почти все фамилии абхазской феодальной знати. После махаджирства эти фамильные имена ни в одном другом владении не имели такого массового распространения. В Абхазии именно в этом регионе встречаются мегрельские формы – Шарашиа, Анчабеиа, Дзепшскупа, Иналискупа, Сотскупа, Маршава. Грузинские формы Шервашидзе, Анчабадзе и мегрельские – Емухвари, Маршаниа, Марганиа и др. – встречаются по всей Абхазии. Их оформление восходит, видимо, к более раннему этапу истории, когда абхазская социальная верхушка носила параллельно с абхазской и грузинскую форму фамильных именовании: абхазскую – в внутри-этнической среде, грузинскую – при официальных сношениях*.

Небезынтересно отметить, что в Самурзаканской Абхазии представитель княжеско-дворянского сословия в народе часто именовался всеми тремя формами фамилии: абхазской, мегрельской и грузинской. Например, известный в народе абхазский князь Григорий Шервашидзе (конец XIX – начало XX вв.) в абхазской среде именовался «Гьаргуал Чачба», в мегрельской – «Григол Шарашиа», а в официальных грузинских и русских документах был известен как «Григорий Шервашидзе».

В конце XIX – начале XX вв. в Самурзакане одновременное употребление в народной среде и абхазской, и мегрельской форм княжеских фамилий было обыкновением явлением. Например, аб-

* Эта традиция, по всей вероятности, имеющая длительную историю, в дальнейшем окончательно утвердилась, во многих случаях заменяя абхазские формы (Аимхаа, Ачба, Лакырба, Маан, Маршан, Чачба и др.). Как известно, практика подражания характерна для феодальной знати и других народов. Например, после присоединения Грузии к России часть грузинской знати придавала своим фамилиям русскую форму (Цицишвили – Цицианов, Орбелиани – Орбелов, Андроникашвили – Андроников, Джавахишвили – Джавахов и т. д.). У многих горских народов Северного Кавказа после присоединения к России все фамильные имена преобразовываются на русский лад. Наблюдается это и в других регионах.

хазские крестьяне фамилии своих князей называли только в абхазской форме: Ачба, Инал-ипа, Дзяпш-ипа, Шат-ипа; мегрельские крестьяне тех же князей называли в мегрельской форме: Анчбеиа, Иналискупа, Дзепшскупа, Сотскупа и т. д.

В Абхазии при введении паспортной системы мегрельские формы абхазских княжеских фамилий – Шарашиа, Анчбеиа, Иналискупа, Дзепшскупа, Сотскупа, не были зафиксированы в паспорте и потому постепенно вышли из употребления. Носители этих фамилий записались или в абхазской форме – Чачба, Ачба, Инал-ипа, Дзяпш-ипа, Шат-ипа, или в грузинской – Шервашидзе, Анчабадзе, Иналишвили, Дзейшвили, Сотишвили. А в Мегрелии фамилия Шарашиа не претерпела изменения.

В историческом Самурзакане и абхазские крестьянские фамилии получают мегрельское оформление, а затем они становятся мегрельскими. Наиболее распространенной формой преобразования являлось прибавление к абхазским фамильным окончаниям мегрельских формантов идентичной функции. Приведем наиболее типичные примеры.

**Самурзаканские абхазские крестьянские фамилии,
получившие мегрельскую форму**

<i>Абхазские фамилии</i>	<i>Мегрел. и груз. формы</i>
Абгадаа (Абгаджаа)	Абгаджава
Абласкъыр	Булискериа
Агырба	Агирбаиа
Абыхэба (Абухба)	Абухбаиа
Агэмаа (Агумаа)	Агумава
Азынба (Адзинба)	Адзинбаиа
Акышба	Акишбаиа
Алан	Аланиа
Алшэынба – Алшэба –	
Лышэба (Алшунба)	Алшибаиа
Амқэаб, Анқэаб (Амкуаб)	Меквабиа, Миквабиа

Амчба (Амичба)	Амичбаиа
Андарбуа	Андрибава
Аргән (Аргун)	Аргуниа
Арзынба (Ардзинба)	Ардзинбаиа
Арытәба	Арытбаиа
Арытба (Арытба)	Артбаиа
Ақыртба (Қиртба)	Қиртбаиа
Арышба	Аршбаиа
Аҧзба (Авидзба)	Авицбаиа
Баалоу	Балоу, Булуа, Булиа
Бытәба (Бутба)	Бутбаиа
Фардан (Вардан)	Вардания
Агәасба – Гәазба (Гуадзба)	Гуадзбаиа
Гыцба (Гицба)	Гицбаиа
Зазба (Дзадзба)	Дзадзуа
Делба	Долбаиа, Долбадзе
Езыгәба (Езыгуба)	Езугбаиа
Зыхәба (Зухба)	Зухбаиа
Иуанба	Иванбаиа
Қалгъы (Қалгы)	Қолбаиа
Какуба	Какубаиа
Карба	Карбаиа
Къылба (Килба)	Киланава
Киут	Киути
Кәкәба (Кукба)	Кукбаиа
Коцба	Коцбаиа
Қапба (Қапба)	Қапбаиа
Қапшь (Қапш)	Қапш
Қәазба (Қуадзба)	Қуацбаиа
Қацәба (Қацба)	Қацибаиа
Қъацба (Кецба)	Кецбаиа
Лацәышба (Лацушба)	Лацузбаиа
Озган	Озганава
Роста	Ростобаиа

Тарба (Тарба)	Тарбаиа
Тыжэба (Тужба)	Тузбаиа
Цанба, Цандба	Цанава
Цкәа	Циколиа
Цыцба (Какба)	Какубава
Цымцба	Сиргинава
Цивш	Цижбаиа
Хашба (Хашба)	Хашбаиа
Хьынтба (Хинтба)	Хинтбаиа
Чацэба (Чацба)	Чацбаиа
Шамба	Шамбаиа
Шакрыл (Шакрыл)	Шариа, Шакрилбаиа и т.д.

Многие носители этих фамилий проживают в Гальском районе. Некоторые фамилии насчитывают сотни дворов. Отмечая это, старожил района М. Х. Эзугбая писал: «Наша фамилия насчитывает 133 семьи или 532 человека, основная часть которых проживает в нашем районе. Проживают они и в других районах Абхазии, а также в ряде мест Грузии»¹². Мы выше видели, какое широкое распространение получили некоторые из этих фамилий в сопредельных районах Мегрелии и в целом в Грузии.

Следует отметить, что в Самурзакане уже в начале XX в. среди мегрелов в мегрельском звучании назывались абхазские фамилии не только данного района, но и соседних сел Абжуйской Абхазии. Например, в селах Пакуаш и Ткварчал широкое распространение имеют исконно абхазские фамильные имена Хашба, Аршба, Аргун и др. Естественно, они общались и рождались с самурзаканскими абхазами и мегрелами, где их называли на мегрельский манер – Хашбаиа, Аршбаиа, Аргуниа. Фамилии же детей абжуйских абхазов, обучавшихся в Окуме и Гали, в школьные журналы заносились в мегрельском оформлении, а при окончании учебного заведения эти мегрелизованные окончания фамилий выпускников получали официальную фиксацию в документе об образовании.

Мегрельское оформление абхазских фамилий подчинялось определенной морфологической закономерности. Фамилии со специфическим окончанием «ба» получали прибавление мегрельского окончания с идентичной функцией «иа» (Акышба – Акишбаиа). Формант «иа» использовался и при преобразовании абхазских фамилий с окончанием «ан» «ун» (Маан – Маргания, Маршьан – Маршания, Алан – Алания, Юардан – Вардания, Аргун – Аргуния). В абхазских фамилиях с окончанием «ипа» («сын», «дитя») абхазское окончание механически заменялось мегрельским окончанием «скау» или грузинским окончанием «швили» буквально такого же значения (Инал-ипа – Иналискау, Иналишвили и т.д.). Абхазским фамилиям с окончаниями «аа» и «уа» мегрельская форма придавалась изменением окончания на «ва» (Ақыртаа – Ақиртава, Ағәмаа – Ағумава, Абғадаа – Абғаджава, Ашәхәацаа – Ашхацава, Атәмаа – Атумава и т.д.). Формант «ва» вряд ли является первичной мегрельской формой, он, скорее всего, обрусинный вариант абхазского суффикса «уаа», ибо в абхазской и мегрельской среде в просторечье используется форма Агумаа – Агумауа, Лагвилаа – Лагвилауа, Абшилаа – Абшилауа и т.д.

В некоторых случаях менялась корневая основа фамильного имени в соответствии с морфологическими нормами мегрельского языка. Например:

Алшәинба (Алшәба, Лышәба)	–	Алшибаиа
Баалоу	–	Балоу, Балу, Булуа, Булиа
Цьапуа (Джопуа)	–	Джобава
Кьалгы (Калгьба)	–	Колбаиа
Кьылба	–	Киланава и др.

Иногда изменение корневой основы фамильных имен весьма существенно меняет их исходное абхазское звучание. Например:

Абласкьыр (Абырскьил)	–	Булискериа
Ахахәба	–	Хахубиа
Қацшь (Капш)	–	Кавшбаиа
Цымцба	–	Сиргинава

Цыцба (Какба)	–	Какубава
Шакрыл	–	Шариа, Шакрилбаиа

Об абхазском происхождении этих фамилий говорят сохранившиеся предания, которые подтверждаются и тем, что указанные фамилии массово и компактно представлены именно в Гальском районе, где они и преобразовались.

Некоторые коренные абхазские крестьянские фамилии встречаются только в нынешнем Гальском районе. Таковыми являются, например, Езугбаиа, Ростобаиа, Цхуцхубаиа, Царагбаиа. Они сохранились здесь в мегрельском оформлении, их параллели среди бытующих абхазских фамилий не встречаются. Только фамилия Езыгуба засвидетельствована в фольклоре абжуйских абхазов. Эти фамильные имена образовались в Самурзаканском регионе и, вполне возможно, на основе соответствующих личных имен предков – Езыгу, Раста, Цкәцкәа.

В Самурзаканском регионе встречаются фамильные имена, образованные от этнонима «ашәуа» («горец») – Алан, Алания, «ашәан» (сван) – Асвануа (с. Саберию), Ашәанба (с. Речхоцхири). Естественно, они могли оформиться как абхазские фамилии только в условиях господства здесь абхазской этноязыковой среды*.

* Некоторые абхазские фамилии образовались от этнонимов соседних народов и племен: от грузин (ақыртұа) – Қыртұба – Қиртұбаиа, Ақыртұаа; народов Северо-Западного и Северного Кавказа – Зухба, Черкезия, Вардан, Алан и другие. Немало абхазских фамильных имен, происшедших от фамилий соседних народов, что связано не только с махаджирством и колонизацией, но и с имевшими место в феодальную эпоху и усилившимися в новое, особенно в новейшее время, передвижениями и смешением населения и вызванными ими ассимиляционными процессами. Ассимиляция представителей других народов в абхазской среде – естественное явление. Эта тема особая, требующая изучения. Однако отметим, что данное обстоятельство подтверждает истину о том, что в обществе, как и в природе, действует закон единства и гармонии. Нет на земле совершенно чистых, т.е. без примеси, этносов. Смешение – непрерывный процесс.

Известны и такие случаи, когда абхаз, переселившийся из Бзыбской Абхазии в Самурзакан, присваивал здесь себе другую абхазскую фамилию. Так, бзыбский князь Чаабалрхуа в с. Река образует новую княжескую фамилию Шат-ипа; в с. Пичори крестьянин Джения из с. Ачандара меняет свою фамилию на Джинджолия; а предок нынешних гумуришских, царчинских, гупских и цхенцарских Какубава, по сохранившемуся до наших дней родовому преданию, был Цыцба, выходец из северо-западной Абхазии, на новом месте жительства получивший другую абхазскую фамилию Какба (Какубава).

При случаях единичных переселений в другое место, которые чаще всего были связаны с убийством или иными обстоятельствами, нередко абхазские фамилии менялись на неабхазские. Так было и в пределах самой Абхазии. Например, бармышским братьям Цымцба илорский священник присвоил вымышленную им же мегрельскую фамилию Сиргинава. Появилась совершенно новая фамилия. Чхортольские Сиргинава Сеидык, Гыц (Гыдж) и их бартья еще в начале XX в. являлись абхазами. Их потомкам известно предание о своем абхазском предке Цымцба.

Фамильное предание рода фамилии Шария (Шариа), причем как абхазской, так и мегрельской ее ветвей, повествует, что некогда пятеро братьев Шакрыл, совершив убийство, переселились из Бзыбской Абхазии в самурзаканские села Тагилон и Баргеб (один из них обосновался в Абжуйском селе Тамыш), и поменяли фамилию на Шариа¹³.

Вынужденные единичные переселения из одного места в другое происходили и внутри Самурзаканского владения. В селах Сида и Набакеви около 300 лет живут носители фамилии Куправа, их предок происходил из с. Река. В с. Река это фамильное имя имеет абхазскую форму и звучание – Кэыбраа (Кубрава), а в селах Сида и Набакеви – Куправа. Рекская ветвь ее – абхазы, а сида-набакевцы – мегрелы. Однако обе ветви на протяжении всего этого времени сохраняют свое родовое единство.

В основе образования фамилий Качабава – Къачба (Къач), Чи-

кобава – Чугба (Чыгэба) и другие, встречающихся как в Гальском, так и в сопредельных районах, как среди абхазов, так и среди грузин, лежат скорее всего абхазские корни.

В Самурзаканской Абхазии представлены родовые корни некоторых абхазо-абазинских фамилий, например: Апсов (Абсава), Гаги (Гагида), Хубиев (Хубуа), Цеков (Цеквава) и др. Некоторые специалисты (Ш. Инал-ипа, М. Тхайцухов) объясняют наличие таких фамильных параллелей переселением части нынешних абазин на Северный Кавказ с территории Гальского района и связывают с разгромом их абхазо-апсильийских предков турками в 1440 году.

Об обратном единичном переходе абазин, убыхов, адыгов в Гальский район свидетельствует наличие здесь абхазских фамилий, образовавшихся на основе абазинских фамильных имен – Иванба (Иузн) и др., убыхских – Кишмария (Кишмахов)*, Какубава (Цыцба) и др., адыгских – Бжаниа (Бжен) и другие.

* Предки фамилий Кишмаховых (Карачаево-Черкесия) и Кишмария (Абхазия), отделившись от убыхского рода Берзек(г), переселились из низовья р.Бзыбь в бассейн р.Шахе, где, предположительно, в середине XVI в. сменили фамилию Берзек на Кишмахо и образовали общество «Кишмей-Кишмай». До сих пор в бассейне р.Шахе сохранились урочище Старый Кичмай, следы старого аула, есть и новые поселения двух аулов шапсугов – Большой и Малый Кичмай. На языке шапсугов Кичмай звучит как «Кишмай», где корень «Киш» означает «кузница», а «май» – имя кузнеца, владельца кузни из рода Берзек. На рубеже XVII и XVIII вв. род разделился на северную (абазинскую) и южную (абхазскую) ветви. Разделение произошло в обществе Псху. Потомки абхазских линий Цкуцкуа, Куагь и Хецаркук поселились в местечке Илор, позже обосновались в с. Река, а Гдыж – в с. Члоу. Генеалогическая карта абхазской фамилии Кишмария по состоянию на 1.01.1997 г. насчитывает в с. Река: по линии Цкуцкуа, Куагь и Хецаркук – 8-9 поколений; в с. Члоу – по линии Мысрыкуа, Татлыкуа, Хусейн – 6-7 поколений; в с. Чубурхинджи (мегрельская группа) – по линии Пахуала – 8 поколений; в с. Джал – по линии Хаб – 5 поколений. К началу 1997 г.

Естественно, в историческом Самурзакане, как и в других районах Абхазии, происходила ассимиляция отдельных представителей соседних народов. Под влиянием абхазской этнокультурной среды нередко мегрельские и грузинские фамилии принимали абхазскую форму, а чаще всего, получали абхазское звучание и произношение. Имеют распространение параллельные мегрельские и абхазские фамилии, причем значительная часть их в мегрельском звучании продолжает бытовать и у абхазов, и у мегрелов (Матуаа, Бениа и т.д.), при этом абхазы подобные фамилии считают абхазскими, а мегрелы – мегрельскими. В быту абхазы часто такие фамилии дифференцируют соответствующим звуковым воспроизведением, например: Кортава – Куартаа, Пачулиа – Пачлиа, Пилиа – Плиаа и т.д.

В контексте проблемы представляют интерес личные имена самурзаканских абхазов. В рассматриваемый период здесь многие абхазы с измененными фамилиями носили абхазские личные имена. Сохранился «Список бывших князей и дворян, проживающих в Гальском районе», составленный в 1930 г. для выселения в связи с коллективизацией. В этом списке значились, например: Шервашидзе Хухут *Алмасхытович* (29 лет, с. Саберию), Чхотуа Мушни *Зисанович* (26 лет, с. Лекухона), Анчабадзе Тарасхан *Берухович* (с. Верхнее Баргеби), Акиртава Нико *Ахметович* (с. Чу-

в роду Кишмаховых насчитывалась 171 семья (1021 чел.), а в роду Кишмария – 83 семьи (571 чел.). Все они в основном компактно проживают в своих родовых селах (аулах) соответственно в Карачаево-Черкесии, Абхазии и Адыгее, а также живут в разных городах и селах и зарубежных странах. 16.08.1997 г. состоялся первый объединительный съезд рода, участвовало 878 представителей рода Кишмаховых, а также абхазская делегация представителей рода Кишмария. Съезд принял Устав рода, флаг, родовую песню (гимн) и другую символику фамильно-родового объединения Кишмаховых-Кишмария (см.: М. Х.-Б. Кишмахов. Род из священной долины убыхов. – Черкесск, 1999. – С. 492).

бурхинджи), Анчабадзе Петр Константинович (60 лет, с. Саберио), Анчабадзе Алексей *Чагуевич* (60 лет, с. Набакеви), Лакербая Анален *Сисирович* (40 лет, с. Цхиро-Гали), Лакербая Тамшуг (с. Речхо-Цхири), Званбая Караман *Бесланович* (с. Репо-Шешелети), Эмухвари Хото *Дзадзакович* (с. Бедиа), Званбая Караман *Хасанович* (с. Репо-Шешелети), Маргания Дзуку *Чончорович* (м. Гали). В начале XX в. в селе Бедиа жили абхазские князья Алексей *Гидович* Шервашидзе (Чачба), *Шеримбей Батаевич* Шервашидзе, *Нахарбей Мурзаканович* Шервашидзе и др., а также дворяне Званбай Зураб *Джамлетович*, Цисбая *Махмуд* и др.: крестьяне Бигуаа *Джшагу*, *Аляс*, *Мамсыр*, *Гуқыы* (жен). В 1948 г. звание Героя Социалистического Труда было присвоено бригадиру колхоза им. Дзигуа (с. Мзиури) Кавшбая Акакию *Мусруковичу*. (Выделены мной. – А. К.)

Обращает на себя внимание то, что у вышеназванных привилегированных лиц исконные родовые имена (фамилии) изменены, но личные имена их родителей большей частью абхазские или распространенные у абхазов мусульманские (турецкого, арабского, иранского происхождения). Естественно, у самурзаканских абхазов и мегрелов много было общих христианских, а также заимствованных друг у друга личных имен. В архиве ЗАГСа Абхазии сохранились дореволюционные церковные книги (XIX–XX вв.) почти всех районов Абхазии, которые лучше всего отражают процессы изменений в антропонимике. К сожалению, пока к этим ценнейшим источникам рука исследователя не прикасалась.

Уже к началу XX столетия в личных именах самурзаканцев заметно чувствуются изменения, связанные с новым религиозным и культурным влиянием. Об этом свидетельствует, в частности, полевой материал, которым располагает автор настоящей работы. В родном селе Река, которое до 1930 г. входило в Самурзаканский уезд, мною зафиксированы личные имена односельчан по состоянию 1920-х–1930-х годов. Я пофамильно назову эти имена: Шатипа Шат, Шарден, Балхух, Эристо, Гвадж, Алыкса, Шаруан, Озбак, Михел, Хрыпс, Нестор, Алма, Адамыр и др.; Маргания

Тлацс, Чагу, Титу, Дырмит, Астамыр и др.; Кучуберия Джыр-гу, Кучыр, Тархуна, Бида, Гуджидж, Аслан, Гыд, Гаха, Кабуца, Сакут, Хапа, Решит, Ширбе, Шалодиа, Чут и др.; Кубрава Бабыш, Батул, Зыкуа, Петра, Патух, Ераста, Арчил, Баграт, Бег, Батул, Дзака, Нарчоу, Эслам, Хиху, Янко, Хумц, Елизбар, Ражден, Темыр, Арсен, Уарлам, Куана, Ясон, Ардашил, Тамел, Шамел и др.; Нармания Нарсоу, Аслан, Саскела, Тамшуг, Камшиш, Тагу, Нахар, Иосе, Харитон, Балхух, Хиаму, Куаста, Кескиндж, Сапане, Нестор, Ардашил, Татауаз; Кишмария Зафас, Наурыз, Джгуна, Махаз, Базала, Бадра, Акун, Данакеи, Қиаламат, Азамат, Куаблук, Мыстафа, Ясон, Ханашә, Чичин, Чина, Рома, Баса, Темыр, Романоз, Дианоз, Темраз, Леуарсан, Пила, Зноб, Сандро, Аксент, Арушан, Қарбе и др.; Абшилава Андриа, Гудж, Гвадж, Джал, Закуатла, Иуа, Уасил, Платон, Слар, Скунч, Чыка, Мачыч, Хумц, Миха, Куаға и др.; Коргава Лагустан, Осман, Озамат, Дадын, Жансух, Тапа, Тараш, Тыгу, Арсана, Сандро, Ераста, Буджга, Тарасхан, Уасил и др.; Лабахуа Гвадж, Вартан, Архип, Дата, Иона, Зосме, Кутруа, Хуғат, Никуа, Панджаса, Мац, Уасил, Илларион, Леуант (Леонтий) и др.; Бжания Инал, Самсон, Джото, Кимо, Нарик, Ражден, Тома, Еуген, Парна, Беглар, Илларион, Ермине и др.; Бобуа Мыт, Иблон (Юлиан), Спиридон, ҶоҶо (Чочо), Мустафа, КуеиҶ (Кучич), Уалодия и др.; Логуа Губ, Гыд, Илия, Гита, Гриша, Ермине, Агрент, Камшиш, Уарлам, Миха и др.; Чкадуа Квабан, Темраз, Арсана, Агрент и др.; Заракуа Мурат, Седана, Еуген, Ераста и др.; Зақараиа Куамғьац, Ислам и др.; Ласуриа Камсиа и др.

Причем, здесь приводится их незначительная часть. Но и этого достаточно для доказательства того, что в с.Река бытуют и оригинальные абхазские личные имена, и заимствованные от соседних народов, и распространенные в других странах мира. Но все они приспособились к местной этнокультурной среде, как по своему звучанию, так и по интенсивности распространения и традиции употребления, и вошли в активный антропонимический фонд абхазов

(Иуа – Иван, Петра – Петр, Ераста – Ерасто, Тома – Тимофей, Сандро – Александр и т.д.).

Различие языка и национального самосознания и различное оформление фамильных окончаний, конечно, создают определенный барьер, но сознание своего общего корня, патримониального родства проявляются во многих человеческих взаимоотношениях. Ярким свидетельством тому служат фамильные встречи (сходы-праздники), которые стали проводиться в Абхазии с 70-х–80-х годов XX в. На эти многолюдные сходы собираются, съезжаются однофамильцы – мужчины и женщины, старики и молодежь, независимо от степени родства и территориальной разобщенности.

Я присутствовал на собрании многочисленной в масштабах Абхазии фамилии Агрба в 1984 г. в с. Кутол Очамчырского района. Оно проходило в доме ныне покойного Агрба Бабаха, уважаемого в республике традиционного крестьянина. Обширный двор Бабаха был заполнен однофамильцами из сел и городов Бзыбской, Абжуйской и Самурзаканской Абхазии. Присутствовали представители фамилии из Аджарии. Собралось более 500 человек – среди них и мегрелоязычные Агрба Гальского района. До начала официальной части схода люди знакомились друг с другом, группами беседовали по различным вопросам – семейным, общественным, нравственным, производственным. Собрание походило на традиционный народный сход. Ораторы касались самых различных сторон жизни. Особое внимание было уделено проблемам молодежи. Приводили в пример тех, кто преуспевает в учебе, труде, прославляет род; осуждали тех, кто допустил непристойные поступки. Перед однофамильцами выступили молодая поэтесса, студент Абхазского университета, учащиеся сельской школы. Директор Абхазского института усовершенствования учителей Агрба Ремзи продемонстрировал фотовыставку о делах однофамильцев, а хозяину дома подарил фотоальбом, отражающий предыдущие фамильные встречи. И официальная часть схода, и застолье были проникнуты духом апсуара – чувством меры и пристойности. Все делалось с любовью ради приумножения добрых начал и очище-

ния от несовершенства. Главный мотив этого схода и подобных ему – забота о молодежи, о чистоте фамилии*.

Фамильные преобразования в Гальском районе – составная часть ассимиляционных процессов. Но рассмотренные переделки абхазских фамилий полностью не отражают масштабы этого процесса. Здесь ассимиляции подверглись не только носители тех фамилий, которые получили мегрельское оформление.

В Гальском районе значительная часть абхазского населения носит фамилии, которые буквально совпадают с мегрельскими и в народе воспринимаются как мегрельские. В XIX в. самурзаканские абхазы рода Аблотия, Басариа, Берзения, Бениа, Бжания, Бигвава (Бигуаа), Буава (Буаа), Гамисониа, Гармелиа, Гарцкиа, Гварамиа, Герзмава (Герзмаа), Гангиа, Гургулиа, Джинджолиа (Аджинджал), Жанава (Жанаа), Зантариа, Заркуа, Качабава, Квеквескири, Кикориа, Кубрава (Куправа), Кучубериа, Лабахуа, Логуа, Микаиа, Пачулиа, Сабекиа, Тория, Хахубиа,

* В условиях послевоенной Абхазии проведение фамильных или «братских собраний» (аеишьара реузара) в высшей степени целесообразно. Разумно предположить, что они будут способствовать утверждению нравственных основ апсуара. Сходы проводятся во всех районах. Отдельные многочисленные фамилии, как правило, собираются периодически, обсуждают, как в новых условиях, после развала социалистической системы и грузино-абхазской войны, сберечь честь и достоинство каждого и всей фамилии в целом. В начале лета 2002 г. в с. Абгархук Гудаутского района на сходе однофамильцев Отырба, проживающих в Абхазии и за ее пределами, отмечалось, что за полтора года после предыдущего схода однофамильцы заметно улучшили воспитание детей и молодежи. Актив схода оказывает материальную помощь 25 студентам-однофамильцам российских вузов. Сход создал молодежный комитет в составе десяти человек. Приоритетной задачей фамильное собрание считает воспитание детей с юных лет в духе апсуара и аламыса. Возглавляет совет старейшин однофамильцев подполковник в отставке М.К. Отырба (см.: Каракозян А. Беречь честь фамилии // «Республика Абхазия», 20–21 июня 2002 г.).

Черкезиа, Чкадуа, Чикобава, Чолариа, Шаданиа, Шакаиа, Шанава (Шанаа) и другие владели родным абхазским языком, соблюдали абхазские обычаи и традиции, имели развитое этническое самосознание, с достоинством защищали свою честь и права и, естественно, они и себя считали абхазами, и свои фамилии абхазскими. Многие из них и сегодня, являясь абхазами, признают свои фамилии абхазскими.

В с. Чхортол Гальского района абхазы Берзения, Гамисониа, Заракуа, Кварандзиа и другие до сих пор сохранили родной язык и национальное самосознание. Безусловно, они свои фамилии считают абхазскими, хотя знают, что их однофамильцы в Мегрелии являются мегрелами*.

Бытование среди абхазов значительного числа фамилий мегрельского формообразования порождает ряд вопросов: результат ли это только ассимиляции мегрелов среди абхазского населения? Или была также на каком-то этапе практика присвоения мегрельских фамильных имен безфамильному абхазскому населению? Не является ли суффикс «аа», характерный для абхазских фамилий Микаа, Бигуаа, Герзмаа, Буаа, Абсаа и др. специфическим абхазским суффиксом с такой же функцией, как «ба», «ипа» и другие? Эти вопросы требуют ответа, непредвзятой исследовательской работы специалистов – лингвистов, этнографов, историков и др.

Ассимиляция в Гальском районе носила продолжительный и глобальный характер. Она охватила все абхазское население. Ассимиляция здесь означала мегрелизацию абхазов. Фамильные преоб-

* По последним данным (к 1997 г.), в Грузии проживают Аблотиа – 681 душа, Басариа – 240, Бениа – 378, Берзения – 36, Буава – 108, Бжаниа – 134, Гангиа – 54, Гамисониа – 708, Гармелиа – 76, Гургулиа – 87, Джинджолиа – 451, Кикориа – 490, Квеквескири – 115, Кучубериа – 21, Лабахуа – 120, Черкезиа – 58, Чолариа – 22, Шаданиа – 50, Логуа – 664 души и т. д. (см.: Джомидова Н. Указ. раб. – С. 11, 42, 51, 60, 72, 74, 75, 107, 190, 208, 386, 397).

разования – часть этого процесса. Абхазские крестьянские фамилии переделывались в основном на мегрельский лад, в отличие от княжеско-дворянских, которые получали наряду с мегрельской и грузинскую форму.

* * *

Таким образом, в течение в основном второй половины XIX – XX вв. в фамильной номенклатуре Гальского района происходят существенные изменения. Абхазские фамильные имена принимают мегрельскую форму. Введение паспортной системы завершает этот процесс. Фамильные преобразования получают официальное закрепление.

В Гальском районе при паспортизации редко кому из абхазов удалось сохранить в паспорте абхазское фамильное имя. Не изменили свое абхазское фамильное имя, например, в с. Охурей Кадыр Тарба и его потомство, в Гали – Тлабган Кецба, юрист Прокофий Кецба и его потомство и др.

В большинстве случаев фамильные преобразования были осуществлены путем прибавления к абхазскому фамильному имени специфических мегрельских фамильных окончаний. Отмечаются и отдельные случаи коренного изменения абхазских фамилий. Выше назывались такие факты. Некоторые абхазские фамилии сохранились только в мегрельском оформлении в Гальском и сопредельных мегрельских районах (Езугбаиа, Ростобаиа, Цхуцхубаиа и др.).

Материалы убедительно свидетельствуют о том, что абхазская фамильная номенклатура исторического Самурзакана весьма богата. Здесь находятся корни образования ряда уникальных абхазских фамильных имен. Характерно и то, что в рассматриваемый период местная феодальная верхушка состояла исключительно из абхазской княжеско-дворянской знати.

Обращают на себя внимание факты сохранения до наших дней национального самосознания у бывших самурзаканских абхазов.

Это наблюдается среди людей старшего поколения, которые не утратили родной язык и хотя носят фамилии в мегрельском оформлении, считают себя абхазами. А некоторые старцы, хотя уже не владеют абхазским языком, но еще свято сохраняют национальное самосознание. Например, педагог М. Х. Эзугбая из с. Пирвели Гали, несмотря на то, что у него семейным языком был мегрельский и жил среди мегрелов, не забывал своего абхазского происхождения и уважительно относился к этническому прошлому, сохранял родственные, теплые чувства к абхазам. Это он хорошо выразил в предсмертном письме, опубликованном в «Советской Абхазии» (4 апреля 1991 г.).

Возникает вопрос: а как в целом люди относятся к фамильным изменениям, произошедшим в Гальском районе? На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Представители старшего поколения в основном, безусловно, сознают свое абхазское происхождение: помнят, что их родители говорили на абхазском языке, носили абхазские фамилии, соблюдали абхазские обычаи и традиции. Именно среди них живут пережитки национального самосознания. Но значительная часть нынешней молодежи такую связь с прошлым утратила. Об этом свидетельствует и реакция молодых людей из фамилии Эзугбая на письмо учителя М. Х. Эзугбая. Они в своем ответном письме, опубликованном перед войной в газете «Абхазетис хма», полемизируя со своим старшим однофамильцем, проявляют отсутствие абхазского национального самосознания. С другой стороны, сегодня можно встретить факты иного порядка. Есть люди, которые в условиях грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., глубоко поразмыслив над своей родословной, решили вернуться к корням. Известны факты восстановления абхазской национальности и абхазских форм фамилий.

Фамильные преобразования XIX–XX вв. коснулись ближайших предков (отцы, деды, прадеды), здравствующих сегодня людей. Эти изменения свежи в памяти народа. В этих преобразованиях переплелись боль и трагедия людская, в них и обычные связи и смешение народов. Таков парадокс истории. Сегодня они воспринимают-

ся по-разному, вызывают различные чувства, оценки. И это естественно. Такие противоречия заключены в самих этих непростых, далеко не механических изменениях, задевающих глубокие человеческие чувства.

Тема фамильных преобразований щепетильна. Она касается не только утерянных или еще частично живущих чувств национального самосознания, но заживо задевает и вновь обретенные национальные чувства. А поскольку этническое самосознание, как и национальные отношения, сфера весьма тонкая и легко ранимая, писать об этом непросто.

Фамильные преобразования – наша история. Они связаны с пройденными этапами жизни – с феодальными войнами, миграция-ми населения, ассимиляционными процессами, вызванными сложными политическими, социально-экономическими, этнокультурными и бытовыми условиями жизни. И это следует всегда помнить и учитывать.

Мы, люди, должны знать наши корни, наши связи, наши переплетения, смешения, порой неуловимые, но в реальной жизни неизбежные.

Объективное познание исторических корней и связей позволяет восстанавливать утерянные кровнородственные и этнические отношения.

3. Самурзаканские княжеско-дворянские фамилии в начале XIX века

С точки зрения интересующего нас вопроса ценные материалы содержатся в клятвенных обещаниях самурзаканских князей и дворян при вступлении в подданство России. Эти документы пока ещё не введены в научный оборот нашими учёными, так как до сих пор не были нам известны. Безусловно, они имеют важное значение для воссоздания исторических реалий Абхазии того времени. Видимо о

чём-то говорит и сам факт такого обращения к императору Николаю Павловичу спустя 17 лет после вхождения Абхазии в состав России в ходе Кавказской войны, причём, если иметь в виду и то, что с таким же обращением приняли присягу в тот день и цебельдинские князья и дворяне, упорно сопротивлявшиеся режиму имперской власти. В данном случае ограничусь лишь рассмотрением антропонимического аспекта этих документов.

«Клятвенное обещание абхазских князей и дворян греческого вероисповедания при вступлении в подданство России»¹⁴, составленное 30 мая 1827 г., подписали (сохраняю всё так, как в документе):

1. Дворянин Бадзга Бабилайя	10. Ахмед Шекрилбайя
2. Сооти Бабилайя	11. Мути Шекрибайя
3. Давыд Бабилайя	12. Ганасу Шекрибайя
4. Джогория Гибайя	13. Каблуху Рубли
5. Ломхаца Пга	14. Нарчоу Губга
6. Маджи Лаквилайя	15. Пга Богхуху
7. Хворзиния Джогора	16. Маци Шекрилбайя
8. Норчу Зукибайя	17. Хусейн Шекрилбайя
9. Солуджи Апубайя	18. Давыд Ахмет

При совершении сей присяги присутствовал владетель Мегрелии генерал-лейтенант князь Леван Дадиан.

К присяге приводил протоиерей Давыд Чихладзе*.

Из одиннадцати абхазских фамилий, представленных в этом документе, уверенно можно расшифровать: 1. Шекрилбайя – Шакрыл; 2. Шекрибайя – Шакирбай; 3. Зукибайя – Зухба. Остальные фамилии настолько искажены, что их весьма трудно расшифровать. Притом, они скорее всего крестьянские. Очевидно, тогда самурзаканская феодальная знать в своём абсолютном большинстве придерживалась мусульманской веры.

* АВПР, ф. СПб. Главный архив. 1–7, оп. 6, 1827, д. 2, л. 8–10 (подлинник). Речь идёт, главным образом, о жителях Самурзакани.

«Клятвенное обещание абхазских князей и дворян магометанского вероисповедания при вступлении в подданство России»¹⁵, составленное 30 мая 1827 г., подписали (сохранено всё так, как в документе):

1. Каци Маргания Бежанов сын	20. князь Дидарква Анчабадзе
2. Шахмед Макирбайя
Геджанов сын	21. Сослан Чабалуха
3. Хурсен Лакирбайя
Болихуху сын	22. князь Шарахмед Чабалуха
4. Тагу Иналишвили Георгов
сын	23. князь Чабалуха Омер
5. Леван Лакирбайя Ахметов
сын	24. дворянин Лакрибисж Исмаил
6. Соломон Муканбая
Каламатов сын	25. Званибаия Сослан
7. Уруси Лакирбайя Эристов сын	26. Асланбер Маргония
8. Наве Шакрил-Майя Хасанов
сын	27. Арлакия Аджиберей
9. Эрису Генебаия Квалус сын	28. Бараса Лонкаци
10. Гиор Шахрил-Маия Даджа
сын	29. Булубаия Омер
11. Джан-вердан Аджими сын	30. Георги Акиртава
12. князь Доруква Болихуху
сын Эйналишвили	31. Акиртава Тупеи
13. Хиту Лакирбайя	32. Мисоусти Лакирбаия
14. Болихуху Лакирбайя	33. князь Леван Эйналишвили
15. князь Давлатуква Иналиш-
вили	34. дворянин Темурва Маргония
16. Сослан Иналишвили	35. Измаил Маргония
17. Ростом Иналишвили	36. Дурок Маргония
18. дворянин Соломон Лакир-
байя	37. Хасан Маргания
19. дворянин Хасан Лакирбайя	38. Эдги Званбаия
	39. Дедуква Званибаия
	40. Омер Званибаия
	41. Лакирбаия Шемапу
	42. Хогли Лакирбаия
	43. Шарван Маргония
	44. Норчос Маргония
	45. Чепиага Маргония
	46. Соулахи Мармония
	47. Кешмен Маргония
	48. Мохмед Маргония

49. Хасан Багубаия	74. Ростом Лакирбаия
50. Мути Багибаия	75. Каци Лакирбаия
51. Омер Лакирбаия	76. Ростом Лакирбаия Джих-
52. дворянин Мураджиб Цимбаия	канисшвили
53. Шарван Цимбаия	77. Хамурза Лакирбаия
54. Каздеггур Мормония	78. Канана Лакирбаия
55. Хасан Марманишвили	79. Куру Куланбаия
56. Эдги Лакирбаия	80. Гваджа Кублухи
57. Ростом Лакирбаия	81. Нарчуу Гваджа
58. Лакирбаия Аджигерей	82. Сапуджу Лаквабаия
59. Лакирбаия Джанбулет	83. Навей Лаквабаия
60. Шорахмет Матир-беев	84. Богхуху Лаквабаия
сын Лакирбаия	85. Темуркова Лаквабаия
61. Хиту Маргония	86. князь Темурква Анчабадзе
62. Бежан Маргония	87. Каци Анчабадзе
63. Хасан Маргония	88. Хамурза Анчабадзе
64. Каци Маргония	89. Хаслан Эйналисшвили
65. Ростом Маргония	90. Беслан Эйналисшвили
66. Леван Миканбаия	91. Танбулат Эналисшвили
67. Акбей Миканбаия	92. дворянин Лом Лакирбаия
68. Омер Миканбаия	93. Темурква Булабаия
69. Тулапси Акиртава	94. Акупи Булабаия
70. Уруси Лакирбаия	95. Темурква Барасбаия
71. князь Хиту Иналисшвили	96. Джогория Лакирбаия
72. Аслан-бер Иналисшвили	97. Адла Биква Цемубаия
73. дворянин Гасан Маргония	98. Джогория Тарбаия

У привода к присяге находился владетель Мегрелии генерал-лейтенант Леван Дадиан*.

* АВПР, ф. СПб. Главный архив. 1–7, оп. 6, 1827, д. 2, л. 11–14 об. (подлинник). Здесь также речь идёт о жителях Самурзакани.

Клятвенное обещание абхазских князей и дворян магометанского вероисповедания подписали представители двадцати фамилий: Ачба (Анчабадзе), Акыртаа (Акиртава), Арлан (Арлакия), Багба (Багибаия), Барас (Барасбаия), Булубайя, Вардан, Генаба (Генабайя), Званба (Званбаия), Кулан (Куланбайя), Лакрба (Лакирбайя), Лакоба (Лаквабаия), Маан (Маргания), Мканба (Муканбаия), Маршан (Маршания), Тарба (Тарбаия), Цымцба (Цимбая), Цанба (Цемубаия), Чаабалрхуа (Чабалуха), Шакрыл (Шакрил-бая). Среди подписавших – две крестьянские фамилии: Лакоба и Тарба.

Из 98 человек, подписавших этот документ, представителей фамилии Лакрба – 24, Маан – 16, Инал-ипа – 11. Очевидно, в Самурзакане они были представлены больше, пользовались значительным влиянием и придерживались российской ориентации. А представители фамилии владетельного рода Чачба (Шервашидзе), а их было в Самурзакане немало, не подписали эти документы.

Многие фамилии и имена написаны неточно, искажённо, иногда до неузнаваемости. Это, на мой взгляд, вызвано, в основном, двумя обстоятельствами. Во-первых, возможно тем, что составитель документов, приводивший к присяге, протоиерей Давид Чихладзе не знал, по всей вероятности, абхазского языка. Записывая на слух абхазские имена и фамилии, очевидно, он не всегда точно улавливал фонетические особенности языка и оформлял их, допуская существенные вольности. Во-вторых, все абхазские фамилии и личные имена записаны в мегрельской и грузинской формах, т.е. так, как обычно в те времена в грузинской среде было принято произносить абхазские имена. Присутствовавший при присяге владетель Мегрелии Леван Дадиани, разумеется, некоторых присягнувших самурзаканских князей и дворян знал лично, но воспринимал и произносил их фамилии и имена в мегрельском и грузинском звучании. Однако и с учётом этого вызывает удивление то, что некоторые довольно хорошо известные абхазские княжеско-дворянские фамилии записаны в разных вариантах, например, Инал-ипа – как Иналишвили, Иналисшвили, Эналисшвили, Эйна-

лишвили; Мканба – Миканбаия, Муканбая; Шакрыл – Шакрил-байя, Шакрил-Мая, Шахрил-Майя, Шекрилбайя; Багба – Багибая, Багубая и т. д.

Подобные вольности, и связанные с этим ошибки, встречаются и в записях личных имён. Тем не менее данные, содержащиеся в этих документах, дают ценную информацию о номенклатуре самурзаканских княжеско-дворянских имён в начале XIX столетия.

Под фамилиями христианского вероисповедания поставлены личные имена: Ахмед, Бадзга, Богхух (возможно, Балхух), Ганасу, Давид, Джогория, Джогора, Каблух (вероятно, Куаблух), Ломхац (вероятно, Лымхацə), Маджи, Мути, Маци, Нарчоу, Салуджи, Сооти.

В присяжном листе абхазских князей и дворян магометанского вероисповедания названы личные имена: Каци, Шахмед, Бежан, Геджан, Хурсен, Болихуху, Тагу, Георги, Леван, Ахмет, Соломон, Каламат, Уруси, Эристо, Нове, Хасан, Эристу, Квалус, Гиор, Даджа, Аджими, Доруква, Хиту, Давлатуква, Сослан, Ростом, Дидарква, Дедуква, Шарахмед, Шерван, Омер, Исмаил, Асланбер, Аджиберй, Лонкаци, Тупеи, Мисоусти, Леван, Темурва, Измаил, Дурок, Эдги, Шемапу, Хогли, Норчос, Чепиага, Соулахи, Кешмен, Мохмед, Мути, Мураджиб, Каздеггур, Аджигерей, Джан-булет, Шорахмет, Матирбэй, Акбей, Тулапси, Гасан, Хамурза, Канана, Куру, Гваджа, Сапуджу, Новей, Темурко, Темурква, Хаслан, Беслан, Танбулат, Лом, Акупи, Джогория, Адла, Биква и др.

В приведённом перечне отдельные имена так искажены, что трудно поддаются точной расшифровке. Некоторые же из них легко озвучиваются по-абхазски, как, например, Каци – Кац, Уруси – Урус, Аджими – Аджим, Мисоусти – Мсоуст, Мути – Мыт, Тулапси – Тлапс и др.

Обращает на себя внимание то, что в рассматриваемых списках есть некоторые, по-видимому, древние личные имена, которые уже давно не встречаются в абхазской антропонимике. На мой взгляд, к ним относятся: Аджим, Адла, Биква, Аджиберей, Акуп, Асланбер, Ганасу, Гиор, Даджа, Давлатуква, Дедуква, Дидарква, Дурок, Едги,

Еристу, Каздевгур, Канана, Кешмен, Куру, Лом, Норчос, Тупеи, Хамурза, Хогли, Чепиага, Шемапу. Хотя, как отмечалось, нет полной уверенности в том, что они правильно зафиксированы (и по причине отсутствия в русском алфавите многих букв, передающих абхазские звуковые произношения). Однако можно уверенно сказать одно – больше отклонений от оригинала допущено в написании именно личных имён. Нужно только догадываться, как звучали в абхазском языке многие приведённые выше имена.

Можно отметить, что Ш. Инал-ипа к очень древним личным именам относит – Безух, Тулаан и Тулафеу, а также отчасти Данарчоу, Дедарука, Федарука, Фемурка, которые имеются в списке представителей одиннадцати абхазских князей и дворян, подписавших «всепокорнейшее прошение» владетельного князя Абхазии Георгия Шервашидзе (Чачба) 12 августа 1808 г. императору Александру I о своём вступлении в подданство России¹⁶.

При рассмотрении лексического содержания этих имён возникает закономерный вопрос: не присутствует ли в данных именах влияние мусульманской системы? Конечно, да. Это чётко выражено в личных именах феодальной знати самурзаканцев: Ахмед, Гасан, Измаил, Матир-бей, Мохамед, Мураджиб, Соломон, Хасан, Хусейн, Шарахмед, Шарван, Шахмед и др. Некоторые из них в списке встречаются несколько раз.

На мой взгляд, мусульманское влияние отражается и в звучании фамильных имён абхазской знати. Например, в фамилиях Барасбай (Барас), Званбай (Званба), Куланбай (Кулан), Лакирбай (Лакрба), Шакрилбай (Шакрыл), Шакирбай и некоторых других. Фонетическая форма окончания, например, абхазской фамилии Званба и её грузинская форма Званбаиа в период турецкого влияния в Абхазии свободно могла приспособиться к мусульманской фонетической системе – Званбай. Так и происходило. Даже в XX в. некоторые эти фамилии в официальных документах фигурировали с окончанием «бай».

Таким образом, княжеско-дворянские личные имена греческого и мусульманского вероисповедания, приведённые выше, отража-

ют ещё одну характерную особенность того времени – свободное сосуществование в начале XIX в. имён людей трёх этнических форм – мусульманской, христианской и языческой, при заметно доминирующем влиянии мусульманской антропонимической формы, что свидетельствует о значительном проникновении мусульманского культурного влияния в юго-восточную часть Абхазии – Самурзаканский регион.

А после вхождения Абхазии в состав России, в процессе восстановления православного христианства, постепенно вытеснялись как языческие, так и мусульманские имена, а фамилии с окончанием на «бай» принимали форму «баиа». Такова логика религиозного и политического влияния на антропонимические преобразования.

Подобные преобразования собственных имён под влиянием религии происходили во все времена и среди всех народов мира. Бывало, меняли имена даже взрослых людей и подростков. Например, по указанию Навуходоносора, царя Вавилонского, начальник евнухов переименовал находившихся в вавилонском плену четырёх еврейских юношей – пророка «Даниила Валтасаром, Аналию Седрахом, Мисаила Мисахом и Азарию Авденаго» (Даниил 1:7). Это было сделано по религиозным мотивам, чтобы взгляды юных евреев формировались в согласии с мировоззрением, принятым в Вавилоне¹⁷.

Если человек переименовывает кого-нибудь, это свидетельствует о том, что он обладает властью или влиянием. Например, если имена, связанные с определённой, конкретной верой, переименовываются на новые, связанные с другой, в этом находит отражение рост влияния этой другой, новой религии и ослабление первой.

Иногда эти изменения преследовали цели запрограммированного перевоспитания – чтобы приспособить к новому образу жизни, отделить от одной религии, а также заставить забыть своё происхождение и религиозное воспитание.

Проникновение иноязычных антропонимов, обусловленных религиозными, культурными и политическими влияниями и связями, имели место и среди древнеабхазских народностей. Исто-

рик Г. А. Амичба, при исследовании раннесредневековой антропологии абхазов, в личных именах абхазской царской династии и феодальной знати обнаружил: имена скифо-сарматского облика – Рисмаг, Спадаг, Гозар, Скепарна, как иранские имена в абхазской среде; Финиктиос, Иствине (Юстин), Евфрат и некоторые другие, восходящие, вероятно, к греко-византийским именам; Анос (имя первого абхазского царя), Баграт, Гурандухт (жен.), Адарнас – иранского происхождения, которые имели общекавказское распространение; Феодор (муж.), Феодора (жен.), Константин, Евстафий, Феодосий, Дмитрий, Леон, Георгий и другие активные анимоединицы общехристианского именного фонда¹⁸.

Языческие, чисто абхазские, имена в письменных источниках того времени (за исключением, вероятно, имени колхидского царевича Апсирт (Апсирта), не зафиксированы. Однако, разумеется, они составляли основу именования людей и, естественно, в народной среде звучали на родном языке и свободно сосуществовали с иноязычными именами абхазской знати. Так было в древности, в средневековье и в новое время (в основном). Мировые глобальные процессы новейшего времени стали оказывать существенное влияние и на антропонику.

4. Как в селе Река возникла новая княжеская фамилия Шат-ипа

Абхазские князья, как правило, имели зависимых от себя дворян. Это обстоятельство нашло свое отражение в бытовавшем в народе выражении: «Тавад, не имеющй аамста, – не есть тавад». В Абхазии, как отмечалось, кроме владетельской фамилии Чачба (Шервашидзе), «старыми абхазскими родами» считались князья Ачба (Анчабадзе), Эмхаа (Эмухвари), Чаабалрхуа, Инал-ипа, Дзапш-ипа, Маршания, Чхотуа. Ф. Ф. Торнау, хорошо знакомый с социально-экономическим положением абхазской феодальной верхушки 30-х годов XIX в., отмечал,

«Анчабадзе и Чаабалрхуа – древнейшие фамилии Абхазии»¹⁹.

Князья Чаабалрхуа жили в Бзыбской Абхазии, в основном в селах Мугудзырхуа и Звандрипш. Они имели свой фамильный флаг и герб. Отличались более демократичным образом жизни. По сохранившемуся преданию, у мугудзырхвских Чаабалрхуа были постоянные стычки с влиятельными князьями Ачба. Они продолжались из поколения в поколение, временами приводили к человеческим жертвам.

Приблизительно в начале XIX в. два брата Чаабалрхуа переселились из с. Мугудзырхуа в с. Река (Самурзаканская Абхазия). Одного из них звали Шат. На новом месте жительства они меняют свою фамилию Чаабалрхуа на Шат-ипа. В основу новой фамилии было положено личное имя Шат.

Сохранилась родословная Чаабалрхуа*, составленная в 1869 г. и дополненная в 1889 г.²⁰. В этом документе в родовой линии Чаабалрхуа Татлустана приводятся имена: Шарван, Шат, Шарван, Шардын, Балхух, братья Эристо и Зураб, сыновья Эристо – Алексей, Нико, Шарван, Михел. В родословной Чаабалрхуа только единственный раз, а именно в родовой линии Татлустана встречается имя Шат. Надо полагать это тот самый Шат, который переселился в с. Река, что подтверждается и тем, что в документе значатся имена его потомков, проживавших в с. Река в конце XIX – начале XX вв.

Так, в с. Река Бедийской общины Самурзаканского приравства возникла новая абхазская княжеская фамилия Шат-ипа.

Среди Чаабалрхуа и Шат-ипа сохранилось предание**, рассказывающее о причине переселения братьев Чаабалрхуа в с. Река. Князь Чаабалрхуа выступил в защиту подданного ему крестьяни-

* Архивную копию родословной Шат-ипа любезно мне предоставила Эмма Шат-ипа, сотрудник Министерства юстиции Абхазии.

** См.: Приложение: Предание о Чаабалрхуа – Шат-ипа. – С. 157–158.

на, преследуемого дворянином Маан. При разборке дела Чаабалрхуа убивает дворянина. Род Маан был сильным и влиятельным*. Братья Чаабалрхуа вынуждены были оставить свое мугудзырхвское имение и переселиться в Южную Абхазию. Бедийские Чачба (Шервашидзе) – Самурзаканские удельные князья, принимают братьев Чаабалрхуа и выделяют им имение в селе Река.

И здесь, в с. Река, род Шат-ипа сохранял сословные привилегии. Князья Шат-ипа свое влияние распространили на всю деревню. Это признавали князья соседних деревень Чачба (с. Бедиа) и Ачба (с. Пакуаш).

Представители влиятельных дворян Маан (Маргания), проживающие в селе Река, вступают в родственные отношения с Шат-ипа.

Шат-ипа, малочисленная абхазская княжеская фамилия, уникальна молодостью происхождения. В 1890–1930 годах в с. Река жили уважаемые односельчанами Шаруан, Ширван, Михел, Алыкьса, Нико, Озбак и Хрыпс Шат-ипа, которые имели имения в центральной части села.

Шатиповы были мелкопоместными князьями. Земельные владения каждой семьи вместе с усадьбой составляли приблизительно от 30 до 50 десятин.

Они имели зависимых крестьян, вели трудовой образ жизни. По своему материальному благосостоянию почти не отличались от

* Отдельные своенравные дворяне, экономически окрепшие, бывало, проявляли непокорность своим патронам – князьям. Имело место скрытое соперничество в материальных и кое-каких чисто бытовых вопросах. Изредка они позволяли себе даже публично задевать честь своего феодала, вступать в открытые стычки, что часто приводило к убийствам и, как следствие, к кровной мести.

** Михел Шат-ипа имел большой двор, одноэтажный дощатый дом, пацху и хозяйственные постройки. Основная часть земель использовалась под пашню. Сад состоял в основном из виноградника. В усадьбе росли также различные фруктовые деревья – абхазские яблоки, груши, персики, вишня, черешня, орехи, алыча, инжир и другие, предназначенные для удовлетворения потребностей семьи. После смерти Михела хозяйство постепенно развалилось. Оно стало достоянием колхоза.

состоятельных соседей**. В непосредственной близости с Михелом и Шаруаном Шат-ипа находилась наша потомственная усадьба. Мой дедушка Петра Куправа (Кубрава) имел до 19 десятин земли. Просторный двор, бельэтажный дом из дубовых досок, пацха, добротные хозяйственные постройки, пашня, сад, виноградники, фундучная плантация и т.д. Чем не дворянская усадьба?!

В начале XX в. подобных крестьянских хозяйств в деревне было немало.

Представители старшего поколения Шатиповых, как правило, женились на дочерях князей и дворян. Этим, прежде всего, подчеркивалась социальная привилегия, а также удовлетворялась тщеславная потребность не прерывать родственную связь с феодальной знатью. Разумеется, при этом, помимо моральных, удовлетворялись и меркантильные интересы.

Шаруан Шат-ипа был женат на мегрельской княгине Дадиани Кекеле. Он в с. Сачино (Цаленджиха) имел и другое имение (около 40 дес. земли), полученное в дар от князя Дадиани.

Цаленджихские и самурзаканские мегрелы фамилию Шат-ипа произносили в мегрельской форме – Сотскуа. Как выше отмечалось, абхазская Шат-ипа породила две параллельные фамилии – мегрельскую Сотскуа и грузинскую – Сотишвили. Мегрельская форма, широко использовавшаяся в устной разговорной речи, с введением паспортной системы была окончательно вытеснена официальными формами – Шат-ипа и Сотишвили.

У Шаруана Шат-ипа было четыре сына – Дуру (Лаврентий), Дороте, Нестор, Тонтор (Гриша) и две дочери – Чачу и Саша.

Дороте Шат-ипа до конца своей жизни проживал в своей родной деревне. В колхоз не вступил, хотя к Советской власти был лоялен. Занимался личным хозяйством, а вообще предпочитал праздничный образ жизни. Блюл национальный этикет. В общественных местах появлялся верхом, обязательно в белой черкеске, при кинжале и в папаче. В 60-е–70-е годы я не раз встречал в Сухуме этого опрятного старца. В те времена в будни в городе очень редко можно было увидеть человека в черкеске. А Дороте – светлый, представи-

тельный мужчина среднего роста, выходил в город в национальном наряде – обычно, в белой черкеске, а в ненастье – в бурке и белой папахе. Дороте этим по-своему воскрешал нечто ценное в абхазском национальном облике, уже утраченное в городской среде.

Дороте был женат на дворянке, дочери Таташа Маан (Маргания). Имел четырех сыновей – Гудзия, Нязбе, Како, Жора и дочь Нелли.

Гудзия Дорофеевич Шат-ипа со своей семьей живет в с. Река. У него два сына – Юра и Вахтанг и две дочери Эмма и Лали. Юра окончил сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, ныне живет и работает в Калининграде, имеет от первого брака сына, Матиаса, от второго брака – тоже сына Матиаса, и дочь Викторию. Эмма – инженер-строитель, заочно учится на юридическом факультете АГУ, работает ведущим специалистом в Министерстве юстиции Республики Абхазия. Вахтанг и Лали живут в с. Река.

Нязбе Дорофеевич Шат-ипа проживает в г. Очамчыра. У него шесть дочерей – Марина, Мзия, Анжела, Ельвира, Шорена и Элисо и два сына – Муртаз и Омар.

У Како Дорофеевича Шат-ипа – сын Джон и две дочери, живут в с. Река.

Четвертый сын Дороте – Жора Шат-ипа проживает в Ткварчале, у него от первого брака сын и дочь, а от второго – шесть дочерей.

Шат-ипа Нестор Шаруанович родился в 1896 г., участвовал в первой мировой войне на Кавказском фронте, в 1918–1921 годах состоял в самурзаканском ополченском отряде, с 1921 г. служил в Абхазском полку Красной Армии. В 1922 г. переехал жить в с. Нижняя Эшера Сухумского района. В 1938 г. вступил в колхоз, в 1944 г. женился на Александре Николаевне Базба. В деревне пользовался большим уважением. Похоронен в с. Эшера. Здесь живут две его дочери – Ира и Майя Шат-ипа со своими семьями.

У Шат-ипа Тонтора (Гриша) Шаруановича два сына: Игорь – живет в Сухуме, Руслан – в Краматорске. Его дети вернули свое первоначальное родовое имя – Чаабал.

У Дуру (Лаврентий) Шаруановича три сына – Дмитрий, Борис, Петя и дочь Ксения. Они носят фамилию Сотишвили. Внук Шаруана Шат-ипа – Дмитрий Дуруевич Сотишвили долгие годы работал в системе профсоюзов Сухумского района (ныне пенсионер). У Дмитрия два сына – Роланд и Джумбер и четыре дочери – Жужуна, Лиана, Джульетта и Жиули. Роланд Дмитриевич Сотишвили работал преподавателем на кафедре физкультуры Абхазского государственного университета, ныне живет в Москве.

Борис Дуруевич Сотишвили имеет двух сыновей – Виталия и Славу, дочь Ларису. Они живут в Симферополе.

Третий внук Шаруана – Петр Дуруевич Сотишвили вырастил двух сыновей – Нугзара и Хвичу, четыре дочери – Циури, Марину, Фериде и Нану. Фериде живет в Сухуме. Один сын живет в Саратове, а другой умер в Воронеже.

Старшая дочь Шаруана Шат-ипа Саша замужем за Апакидзе (мегрельская княжеская фамилия, с. Сачино, Цаленджихский район), а младшая Чачу – за Махария (г. Очамчыра).

Озбак Шат-ипа был женат на княгине Лили Эмухвари (Эмхаа) из с. Кутол. У него два сына и дочь. Сыновья Озбака – Отари и Ипполит Шат-ипа и их потомство проживают в г. Очамчыра.

Хрыпс Шат-ипа был женат на дочери рекского дворянина Титу Маан. Звали ее Наде. Эту представительную женщину односельчане уважительно называли аҳкуажэ (княгиня). У них был единственный сын Адамур (Гуда). Внук Хрыпса – Аполлон Адамурович Сотишвили жил в с. Нижняя Эшера, работал в 24-й лаборатории Министерства обороны России, дислоцированной в с. Нижняя Эшера. В начале грузино-абхазской войны, в середине сентября 1992 г., лаборатория перебазировалась в Подмоскowie, и Аполлон, ведавший хозяйственным отделом, уехал с семьей туда. Помню, как со слезами на глазах прощался он с родиной, не представляя, куда едет со своими детьми и что предстоит им на новом месте.

В этот критический момент, в августе-сентябре 1992 г., российская воинская часть приютила нас: моя жена Лейла и я вместе

с нашими эшерскими соседями по поселку Кутишха находились в бункере российской лаборатории. От передней абхазской позиции Гумистинского фронта нас отделяли 400 метров. Это было необычайно трудное время для всех эшерцев, проживающих на берегу р. Гумиста, внезапно оказавшихся на линии фронта. 19 августа, на третий день открытия фронта, осколок снаряда попал мне в спину, Божьей милостью остался жив; 31 августа сгорел наш дом. Аполлон проявлял исключительную заботу обо всех соседях, помогал нам, чем мог.

Второй внук Хрыпса Шат-ипа, Дазмер Адамурович Шат-ипа, проживает в с. Патрахуца (Агу-Бедиа).

У Михела Шат-ипа был единственный сын – Алма (Варлаам) Шат-ипа. Детство он провел в с. Река. В 20-х – начале 30-х годов учился в Сухумской абхазской средней школе. Его школьные друзья Георгий Дзидзария и Шалва Инал-ипа с теплотой отзывались о нём, рассказывали мне много хорошего об этом одарённом юноше. Тогда появились его публикации в «Советской Абхазии». Он служил в Сухуме на железной дороге, погиб трагически, наследников не имеет.

В 1930-х годах Шат-ипа в основном переселились в города. Сейчас они проживают в городах Сухум, Очамчыра, Ткуарчал, в селах Патрахуца (Очамчырский район), Нижняя Эшера; и за пределами Абхазии, в Московской области и других местах. Потомки бзыбской княжеской фамилии Чаабалрхуа – Шат-ипа и теперь живут в с. Река. Род Шат-ипа говорил на изысканном абхазском, а также мегрельском языках.

Хозяйство Озбака Алексеевича Шат-ипа служило образцовым. Дом его был лучшим строением в деревне. После переселения его семьи в г. Очамчыра дом был выкуплен под семилетнюю школу.

На территории усадеб Шатиновых в советское время обосновался центр села Река. Здесь находятся средняя школа, сельская администрация, хозяйственные здания совхоза.

В знак уважения к роду Шат-ипа и сохранения в народной па-

мяти их доброго имени в конце 1980-х годов сельский сход решил назвать центральную усадьбу села Река поселком Шат-ипа*.

Жизненный путь рода Шат-ипа поучителен, впрочем, как и всех родовых имен рода человеческого. Дороги всех родов в чем-то похожи, в чем-то отличаются друг от друга, но в целом все они проходят один общий путь, характерный для всех людей Земли.

В свое время предки Шат-ипа не от хорошей жизни покинули насиженное место в Бзыбской Абхазии. В Самурзаканской Абха-

**У меня сохранились личные впечатления о наших соседях Шат-ипа, представителях старшего поколения – Михеле, Хрыпсе, Озбаке, Дороте и др. Я чаще бывал у Михела, а в семье Хрыпса не раз оставался ночевать, иногда жил неделями. Это было в мои дошкольные годы. Старцы приветствовали, по абхазскому этикету, когда я, мальчонок, заходил к ним домой! Эти взрослые люди находили время для общения со мной. Они были невероятно обаятельны.*

Единственный сын Михела, Алма, изредка приезжал из Сухума, где он учился. Дарил мне глянцево́ые тетради, карандаши и т.д. Сын Хрыпса Адамур тоже был весьма ласков и вежлив. Гудзия, сын Дороте, учился со мной в рекской семилетке.

В 1963 г. отец мой Эрасто переехал жить из с.Река в с.Нижняя Эшера.

Здесь нашим ближайшим соседом был Нестор Шат-ипа. Нестор и Эраст. детство и юность провели вместе. Во время первой мировой войны оба находились на Кавказском фронте. В 1918 г. они состояли в одном ополченском отряде, вместе участвовали в национально-освободительном движении. На старости лет они опять оказались рядом. Разумеется, у них было много о чем поведать друг другу. Оба они обладали юмором, у них был певческий дар, они были любители пошутить, порассуждать. Главное, эти добрые друзья душой были молоды, хотя старость давала о себе знать.

Отец рассказывал мне о том, как однажды Нестор и он городили Кутишхинское кладбище и шутили: «Когда мы заснем смертным сном, отойдем в вечный дом свой, с живописной вершины Кутишха будем обозревать чудесную панораму морского и горного пейзажа».

Действительно, мои родители и Нестор, и его жена покоятся там – рядом. Посещая это дорогое сердцу место, мы всегда поклоняемся их доброй памяти.

зии, на новом месте жительства, они хорошо сжились, обустроились. Шатиповы украсили и без того привлекательный центр села Река. Они еще раз показали, на что способен союз ума, старания и труда.

Возникают вопросы: когда Шаруан, Михел, Хрыпс, Алыкса, Озбак, обживали эти места, обустраивали свои имена, могли ли они предположить, что Советская власть внезапно поменяет все в их укладе жизни и общественном положении? Кто мог допустить в мыслях в дореволюционное время, что когда-то возвышенность в центре села, где расселились Шатиповы, станет центром советской администрации, колхоза, совхоза? А те старательные люди, которые создавали центр сельской советской администрации, и закладывали основы для укрепления колхоза «Большевик», а затем – рекского цитрусового совхоза, разве могли бы себе представить, что в 1992–1993 годах, буквально через десятилетия, война подвергнет разрушению все, что так старательно создавалось?!

Аполлон Сотишвили (Шат-ипа), оставив село Патрахуца и обосновавшись в селе Нижняя Эшера, разумеется, этим самым старался как-то улучшить положение своей семьи. Он, конечно же, никак не думал, что в 1993 г. в связи с войной ему придется в одночасье бросить очаг, все, что нажил за свою жизнь и вынужденно переселиться в Подмосковье...

Шат Чаабалрхуа – основоположник рода Шат-ипа, надо полагать, вряд ли мог когда-либо подумать, что его потомство принуждено будет рассеяться по странам СНГ и дальнего зарубежья. Все подвластно времени и случаю...

5. О том, как фамилия Цымцба породила фамилию Сиргинава

Приблизительно в первой четверти XIX в. в Самурзаканской Абхазии, в деревне Чхортол, родилась новая фамилия Сиргинава.

Род этот разросся, и к середине XX в. около 15 хозяйств Сиргинава компактно проживало в поселке, который односельчане называют Сасиргинао, т.е. «поселком рода Сиргинаа».

Мать автора данной книги, Ксения Гыджовна Сиргинава-Куправа (1907–1985 гг.), из этого родословия. Своим детям она рассказывала: «Наша фамилия Цымцба, мы из Бзыби, потом стали Сиргинава». Это подтверждали и другие представители фамилии Сиргинава.

Андро Сиргинава (1907–1985 гг.) неоднократно рассказывал, что их предки вышли из Бзыбской Абхазии, приблизительно из Гагрского сектора. Последний раз за два года до своей смерти, на свадьбе нашего общего родственника в г. Очамчыра, он мне говорил: «Мы по происхождению абхазы, наша настоящая фамилия Цымцба. Это знали наши отцы и деды. Они хорошо владели абхазским языком. Дедушка мне говорил о том, что наш предок Цымцба по каким-то неприятным обстоятельствам вынужден был бросить родные места и двинулся в южную Абхазию. Остановился в с. Илори, где устроился звонарем в Илорской церкви. Здесь он не смог привыкнуть к новым условиям жизни, весь был погружен в переживания, а потому звонил с нарушениями, опозданиями. Священник церкви, недовольный нерасторопностью звонаря, отстранил его от службы и сказал ему: «Тебе я даю фамилию Сергела^{*}, и живи с ней, где хочешь!». Он избрал местом своего жительства Чхортал, такое же горное село, как то, откуда он вышел. На новом месте наши деды и отцы стали пользоваться славой трудолюбивых и добрых крестьян. Среди них выделились крупные скотоводы, владельцы больших горных пастбищ. Нашими покровителями были князья Эмухвари. Фамилию Сергела заменили на созвучную Сиргинава. Так возникла совершенно новая фамилия».

Андро проявлял большой интерес к своей генеалогии, очень сожалел, что утеряны родовые связи с далекими предками. Он про-

^{*} *Сергела – по-мегрельски «нерасторопный», «медлительный».*

сил меня как племянника письменно зафиксировать его сообщение, чтобы не были окончательно утеряны связи с корнем рода.

Двоюродный брат моей матери Сиргинава Спиридон (1897–1975 гг.), а также Сиргинава Мишико Сейдыкович (р. 1922) и другие носители этой фамилии, как и Андро Сиргинава, тоже связывают прошлое своих предков с фамилией Цымцба из Бзыбской Абхазии.

В крестьянском роду Сиргинава были на всю округу известные хозяева – Сейдык, Гьдж, Гугу, Гигу. Они и их потомство в общественной жизни села играли заметную роль, пользовались доброй славой.

Сиргинава Андро – известный в Гальском районе организатор колхозного производства. Возглавлял колхозы в селах Чхортол, Гудаа и другие, имел ряд правительственных наград, в том числе орден Ленина. Был соратником Георгия Джгубурия, председателя колхоза села Окум, члена Совета по делам колхозов при правительстве СССР. Сиргинава Андро до конца своих дней жил в с. Окум.

Сиргинава Радион (Джого) Васильевич (1903–1989) – новатор в области сельского хозяйства, председатель колхоза «Советская Абхазия» Гальского района (1945–1957 гг.). За исключительные заслуги перед государством, выразившиеся в получении в 1947 г. рекордной урожайности кукурузы – 81, 49 ц с гектара на площади 15 гектаров Президиум Верховного Совета СССР присвоил ему звание Героя Социалистического Труда (1948). Награжден орденами и медалями СССР. С 1968 г. персональный пенсионер союзного значения.

Сиргинава Шахан Гигович (1913–1975 гг.) – Герой Социалистического Труда (1948). Будучи председателем колхоза в родном селе, много усилий приложил для организации хозяйства, благоустройства деревни. Возглавляемый им колхоз был в числе передовых в районе. Сыновья его живут в с. Чхортол.

Сиргинава Герасим Гигович (1925–1987 гг.) – прославленный в республике бригадир колхоза. В 70-х–80-х годах его бригада ежегодно собирала по 280–350 т чайного листа. Своим личным трудом показывал пример новаторства, четкой организованности,

высокой производительности. Кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции, Дружбы народов и других наград. С почетом похоронен в с. Чхортол. Потомство его живет в Чхортоле.

Сиргинава живут в селах Чхортол, Окум, в городах Гал, Ткуарчал, Очамчыра, Сухум и других местах. В Гальском районе нынешнее поколение Сиргинава не владеет абхазским языком, однако в значительной мере сохраняет абхазский облик, традиции, питает уважение к абхазам – своим предкам, братьям.

По последним данным, в Грузии проживают Сиргинава 113 душ (Зугдиди – 43, Сенаки – 21, Тбилиси – 15).

Поиски истоков самурзаканского фамильного имени Сиргинава привели в с. Бармыш Гудаутского района. Здесь студент IV курса истфака Абхазского госуниверситета Цымцба Адгур Людвигович 25 ноября 1990 г., со слов 70-летнего Цымцба Наиба Ситовича, записал предание, в котором говорится о том, как три брата Цымцба покинули свой очаг и ушли из деревни...²¹. Причиной тому послужило следующее. В отсутствие двух старших братьев в их дом пришел влиятельный в округе князь Инал-ипа и забрал девочку, которую они воспитывали как сестру. Размышляя над горем, которое их постигло, братья не стали связываться с своенравным феодалом и смывать кровью обиду, «решили покинуть родной дом, так как не могли снести такого позора. Куда они ушли, и что с ними далее случилось, об этом до сих пор в Бармыше никто не знает»²².

Разумеется, братья Цымцба на новом месте жительства не переставали горевать за судьбу своей маленькой сестренки. В те времена представители феодальной знати занимались торговлей людьми, обычно, высоко ценились подростки, особенно, девочки, которые увозились в Турцию и другие страны. Естественно, для семьи это было большим несчастьем.

Обращает на себя внимание одно любопытное обстоятельство. Сиргинава не едят зайчатины. Проф. Г. Ф. Чурсин в 20-х годах XX в. записал: «В с.Окум фамилия Сиргинава не употребляет в пищу мяса зайца...»²³. В детстве я был свидетелем того, как моя мать,

Ксения Сиргинава, начинала нервничать и переживать, когда охотники стреляли зайцев в лесу, что близ нашего дома. Отец знал это и не охотился на зайцев. У нас дома было запрещено есть зайчатину.

Вероятно, в роду Сиргинава с беспомощным зайцем ассоциировалась роковая судьба бесследно пропавшей девочки, такой же беспомощной и жалкой, как заяц?..

Любопытно отметить, что воззрение «не убивать зайца и не есть его мяса» не было отмечено в других местах Самурзаканской и Абжуйской Абхазии. Оно получило распространение именно в Бзыби, откуда родом предок Сиргинава. В основе этого запрета лежали разные предположения, некоторые фамилии руководствовались тотемическими соображениями. «Если заяц забежал к кому-либо в усадьбу, – пишет Чурсин, – он, по старинным соображениям, отчасти сохранившимся и поныне, считался гостем семьи, и после этого члены фамилии, к которой забежал заяц, обыкновенно переставали убивать зайцев и есть их мясо»²⁴. Так поступали, например, в с. Бармыш носители фамилии Еник, с. Абгархуа – Шамба, селах Аацы и Абгархук – Базба, с. Дурипш – Герзмава и Тарба, с. Мугудзырхва – Гунба²⁵. «Это мой гость, и тронуть его я не позволю!» – заявлял хозяин дома, защищая жизнь беспомощного существа.

Предания Чхортольской фамилии Сиргинава и Бармышской – Цымцба вполне согласуются, повествуют о фактах, имевших место, приблизительно в одно и то же время и дополняют друг друга. Из предания Цымцбовых узнаем, что три предка Сиргинава ушли из Бармыша, а также причину их ухода. Однако в нем отсутствуют сведения о их дальнейшей судьбе. Предание фамилии Сиргинава сохранило бзыбское родовое имя родоначальника Чхортольской фамилии Сиргинава. Оба предания характеризуют третьего, младшего брата, медлительным, нерасторопным. Чхортольский вариант предания не содержит сведений о двух старших братьях. Это единственная неувязка в преданиях, объяснение которой надо искать. Скорее всего, и старшие братья обосновались где-то в южной Абхазии.

В архивных делах Сухумской сословно-поземельной комиссии

упоминается бедийский крестьянин Махмуд Цисбая²⁶. Возможно, в с. Бедиа фамилия Цисбая образовалась от Цымцба, которая получила мегрельскую окраску. Представляет интерес то, что мегрельцы Цирамуа из Чхороцку связывают свое родовое начало с предком из Абхазии по фамилии Цымцба²⁷. Согласно этому преданию, записанному в 1993 г. кандидатом философских наук М. Б. Квициния, нынешнее поколение чхороцкуйских Цирамуа причисляет себя к шестому колону от рода Цымцба. По последним данным, носителей фамилии Цирамуа, в Чхороцкуйском районе 251 душа, Зугдидском – 69, Тбилиси – 65²⁸. Цирамуа живут и в Гальском районе.

В Абхазии представители фамилии Цымцба, корни которой уходят в садзский Цандрипш, пользовались известностью. Видным представителем этой фамилии был Сакут, живший в середине XIX в. Братья Мамсыр и Ханышә Цымцба выступали на сельских сходках, пользовались уважением среди односельчан. Канбей Ситович Цымцба был председателем колхоза «Бармыш». Кандидат исторических наук Адгур Цымцба пишет: «Бармыш – наше родовое гнездо, где мы и сейчас живем – 9 дворов. На сегодняшний день Цымцбовы проживают также в селе Бзыбь – 2 двора, в Бамборе – 4; в городах: Гагра – 2 брата, Гудаута – 3 семьи, Сухуме – 6 семей, Хосте – 1 семья. Всего приблизительно насчитывается свыше 50 душ мужского пола»²⁹.

Из вышеизложенного можно заключить следующее:

- бармышские Цымцба и чхортольские Сиргинава принадлежат одной родовой линии, идущей от одного предка;
- согласно преданию, корни их рода уходят в Садзскую Абхазию – Цандрипш;
- современное родовое гнездо Цымцба – с. Бармыш Гудаутского района;
- родоначальник чхортольской фамилии Сиргинава вышел из Бармышского гнезда Цымцба; в с. Илори получает фамилию Сергела; в с. Чхортол – Сиргинава;
- современное родовое гнездо фамилии Сиргинава – с. Чхортол Гальского района. За последние годы в деревне число хозяйств Сир-

гинава резко сократилось. Родовой союз держится крепко, пока родичи живут вместе; Сиргинава, хотя и расселились по разным местам, продолжают поддерживать родовые связи между собой. Они ассимилировались в мегрельской среде.

В Очамчёрском районе живут Сиргинава абхазы. У них родной язык абхазский.

В роду Цымцба еще живет легенда о трех братьях, покинувших Бармыш, у Сиргинава живет легенда о своей прошлой абхазской фамилии Цымцба. Но вот чудо: легенды расшифровываются, обретают жизнь.

Превратности жизни разъединили далеких предков. Но теперь представители фамилии Цымцба и Сиргинава разных возрастов имеют возможность проследить свою родовую линию, поразмыслить над своим прошлым и настоящим, заглянуть в будущее, извлечь уроки из того, сложного и поучительного, что уже было и есть.

«Мир тесен», – говорят в народе. Нельзя исключить, что Цымцба и Сиргинава, или их близкие родственники в какой-либо ситуации, не оказывались рядом, или как-то не соприкасались друг с другом.

Если поразмыслить: сколько прямых и боковых ответвлений у каждого колена в родословии? Сколько связей, переплетений? Родословное древо этим и богато, и красиво. Оно – как чудный живой букет из удивительных цветов, всевозможных оттенков, форм, видов.

Абхазы говорят: «Все абхазы родственники». У малочисленного народа чувство родства сильно развито. Родственниками являются все близкие и дальние родственники; все родичи – члены рода, в том числе давно покинувшие родовой союз. По менталитету кавказских горцев, даже простая встреча с родичем, давным-давно потерявшим связи с родней, – большая радость, в какой-то степени сравнимая с библейским сюжетом «возвращения блудного сына».

Всякий пришелец, кто бы он ни был – гость, традиционный абхаз защищал его честь и достоинство.

Представьте себе ту радость, которую человек в состоянии испытать, восстанавливая свои давно утерянные связи и корни!!!

6. В гостях у окумцев

Природа щедро одарила село Окум, уютно расположившееся у подножия гор. Пригорки, холмы, леса, ущелья, поляны, быстротечная река Окум, а по обе стороны ее чайные и цитрусовые плантации, сады, кукурузные поля. Представьте все это в бархатный сезон осени!..

В начале XIX в. из Бедии в Окум переносится резиденция самурзаканских удельных князей Шервашидзе (Чачба). С 1866 г. Окум – центр Окумского округа, одного из четырех округов Абхазии; с 1868 г. – центр Самурзаканского участка. Здесь проводились традиционные сходы самурзаканцев. В 1851 г. в Окуме открывается первая в Абхазии школа, в которой дети стали изучать родной язык по абхазскому букварю. В 1865 г. начала работать Окумская женская школа с пансионом – первое женское учебное заведение в Абхазии.

В советскую эпоху окумцы организовали крупное коллективное хозяйство, лучшее в районе, известное во всей Абхазии. В селе построили чайную фабрику, лесопильный завод, животноводческие фермы, предприятия бытового обслуживания и т.д. Здесь стали функционировать средняя школа, дворец культуры, больница, поликли-

** Из центра села обозревается лесной массив на склоне предгорья, именуемый «лес Купраа». Он принадлежал предкам моего прадедушки Салмакуа Купраа, переселившимся из с.Река в Окум приблизительно в конце XVII в. Хотя отец моего прадеда в 1852 г. со всей своей родней переселился обратно в с.Река, до сих пор эта местность известна под названием «лес Купраа».*

ника, детские сады, магазины и т.д. Появилась своя сельская интеллигенция. Успехи окупцев становятся достоянием не только всего района, но и республики в целом.

В Окуме я бывал в детстве. Позже приезжал в гости к родственникам. В 1959 году я принимал участие в работе научной экспедиции Абхазского института, которая проводилась в Окуме. Каждое посещение открывало что-то новое*.

В Окуме неизменно обращает на себя внимание своеобразная, характерная для этого региона народная культура, вобравшая в себя лучшие традиции быта и обычаев самурзаканцев.

Однажды в середине 60-х годов, я с семьей приехал в Окум, в гости к зятю своему Цикори Лацузбая. Зять и сестра моя Ира работали в Окумской средней школе. На обед, устроенный в честь нашего приезда, они пригласили соседей и коллег по школе. День был солнечный, осенний. Стол был накрыт во дворе под сенью деревьев. Тамада произносил традиционные тосты. Шутки, песни и танцы создавали у всех отменное настроение.

В ходе застольной беседы я мимоходом заметил: «В прошлом Окум – традиционное абхазское село. И за нашим столом сидят люди почти все абхазского происхождения – Лацузбая, Тарбая, Зухбая, Эмухвари, Езугбая. И застолье абхазское». «Да, действительно, это так и есть, – сказал учитель Окумской школы Ирод Шаматава, – наша фамилия Шаматава тоже образовалась от абхазской Шармат**».

* Из центра села обозревается леской массив на склоне предгорья, именуемый «лесс Купраа». Он принадлежал предкам моего прадедушки Салмакуа Купраа, переселившимся из с. Река в Окум приблизительно в конце XVII в. Хотя отец моего прадеда в 1852 г. со своей родней переселился обратно в с. Река, до сих пор эта местность известна под названием «лес Купраа».

** Абхазы Шармат (с. Джггарда), Шарматава (с. Бзыбта), Шаматава (с. Пакуаш, Адзюбжа) и мегрелы Шаматава (с. Окум и др.), по сохранившимся фамильным преданиям, имеют общее родовое начало, считают себя однофамильцами, хотя их фамилии получили различное письменное оформление. И мегрелы, и абхазы, носители этих фамилий, согласно преданию,

Обращаясь к сидевшему рядом коллеге Булискерия, он добавил: «А фамилия Булискерия – от Абльскир». «Наши фамилии абхазского происхождения, мы в прошлом были абхазы», – подтвердил толкование своего товарища Булискерия.

Окумский эпизод для меня был откровением, заставил призадуматься. Какие только изменения и преобразования не претерпевают фамильные имена? Иногда они совершенно меняют свое первоначальное звучание.

Глава VI. Отдельные примеры фамильных преобразований

1. Чачба – Чачибаиа

Чачба – фамильное имя средневековых абхазских владетелей и удельных князей. Абхазская форма этой фамилии, как отмечалось выше, впервые встречается в одном грузинском историческом документе XI в. в грузинском написании – Отаго Чачасдзе, т. е. Отаго

предполагают, что их фамилия произошла от фамильного имени Шереметьев. С. Н. Джанашиа в 1929 г. на Северном Кавказе зафиксировал фамилию Шарматра (С. Джанашиа. Труды, т. IV. С.137). Ш.Инал-ипа родовое имя Шармат связывает с «Сармат», полагает, что роды Шармат, Алания, Осия и др. являются потомками переселившихся некогда с Северного Кавказа в Абхазию групп осетино-алано-сарматского происхождения. (Ш. Инал-ипа. К абхазо-осетинским этнокультурным связям... С.223). По последним данным, в Грузии с фамилией Шаматава насчитывается 2601 чел. (Зугдиди – 705, Сенаки – 514 и т.д.). (См.: Н. С. Джомидава. Указ. раб. С. 362).

Чачба (Отаго сын Чача)¹. Кстати, эта самая ранняя фиксация абхазского фамильного имени в письменных источниках.

Надо полагать, и тогда, и во все последующие времена, как и теперь, абхазы устно произносили данную фамилию в абхазской форме – Чачба, хотя в официальных письменных источниках и личных документах она преимущественно фигурирует в самых различных иноязычных формах. Пожалуй, одной из самых распространенных производных этой фамилии является мегрельская форма Чачибаиа. Чачибаиа мегрелы живут в основном в Зугдидском, Сенакском, Потийском, Абашском и других районах Грузии*. В феодальной Мегрелии кое-где они сохраняли свое привилегированное сословное положение.

Мегрельцы Чачибаиа старшего поколения знали о своем абхазском происхождении. Жительница г.Сухум Чачибаиа Любовь Александровна говорит, что отец ее Александр родился в 1904 г. в г. Зугдиди, дедушка Нико тоже родился в Зугдиди. «Все мои родичи – Чачибаевы, – живут в Зугдиди. Ближе всех ко мне был брат моего отца, дядя Харитон (Туту)... Мои двоюродные братья из Зугдиди часто приезжали к нам»².

«Дядя Харитон, – продолжает Люба, – у нас дома во время застолья в присутствии зугдидских и сухумских Чачибаиа и других гостей не раз говорил: «Мой отец Нико рассказывал нам, что мы, чачибаевы, вышли из Бзыбской Абхазии – наша абхазская фамилия Чачба. В Мегрелии мы сохранили свое княжеское сословное положение, имели зависимых крестьян»³.

По ее словам, Харитон «всегда подчеркивал свое абхазское происхождение, с нескрываемой гордостью говорил о своем абхазском княжеском роде»⁴.

В позднее средневековье в селе Лыхны (Гудаутский район) находилась резиденция владетелей Абхазского княжества Чачба-Шервашидзе. По свидетельству одного документа, в 1834 г. здесь жили

* По последним данным, в Грузии фамилия Чачибаиа насчитывает 977 душ: в Тбилиси – 225, Зугдиди – 186, Сенаки – 151 и др. (См.: Н. С. Джомидова. 3000 мегрельских... С. 384.).

Гвадж и Чичи Чачибаиа, которые характеризуются, как боголюбивые христиане.

Нелли Алексеевна Чачибаиа от родителей знает, что ее «прадедушка Екуп и дедушка Мурзакан были влиятельными князьями в Бзыбской Абхазии. Земельные владения их простирались от Ажымчигра до Бамборы. Имение Чачибаиа находилось в центре села, рядом с Лыхненской поляной»⁵. Нелли в детстве застала большой фруктовый сад своих предков. Он был выкорчеван во время строительства на территории их усадьбы лыхненской чайной фабрики⁶. Все это подтверждает Зинаида Уазбакевна Пимпия – мать Нелли⁷.

Потомство Мурзакана Чачибаиа росло в советское время, когда уже социальные привилегии феодальной знати были упразднены. Его сыновья Саша, Жора и Алеша учились в советской школе и никакого барьера не испытывали в общении с одноклассниками. Они и будучи взрослыми, воспринимались в обществе как обычные личности, да и сами никогда и намеком не подчеркивали свое социальное происхождение.

Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах лыхненские Чачба придали своей фамилии мегрельскую форму Чачибаиа, но совершенно очевидно, что она образована непосредственно от абхазской формы Чачба, а не от другой, грузинской, ее формы – Шервашидзе. Такое преобразование могло произойти в результате политического и культурного влияния, а так же от установления родственных отношений, а, как известно, абхазские и мегрельские князья часто были связаны брачными узами.

Недавно мне стало известно, что в верхней Сванетии проживают сваны Чачибаиа, когда-то прибывшие сюда из с.Лыхны. Валерий Хашба (ныне зам. главы администрации Сухумского района) рассказывает об этом следующее: «Это было в 1992 г., за 3–4 месяца до начала грузино-абхазской войны. Я тогда работал главным архитектором в Сухумском райисполкоме. Он приехал из Верхней Сванетии – Местии, с женой и двумя детьми. Купил дом в с. Ачадара. С большим интересом говорил о своем абхазском родословии. В частности, он сказал: «Наши предки по каким-то обстоятельствам вынуждены были выселиться из с.Лыхны... Многие чачибаевцы – сваны, получив образование, стали

уезжать из деревни, работать по специальности в городах... Сейчас в нашей деревне проживает только 27 Чачибаиа...»⁸.

Сван Чачибаиа искал свои корни: собирался отдать двух своих детей в абхазский детсад, увидеть родное село Лыхны, оставленное далеким предком, познакомиться с абхазами Чачибаиа, но его планам помешала грузино-абхазская война⁹.

2. Предание о генетическом родстве Шервашидзе (Чачба) – Мурзакан

После образования на Северном Кавказе абазинских поселений, очевидно, участились единичные и групповые переселения людей из Абхазии за Кавказский хребет. Мигрировали не только из северо-западных районов, но из центральных и юго-восточных районов Абхазии. Люди перемещались для обжития новых территорий, некоторых тянули родственные связи; были и вынужденные переселения, вызванные преследованием христианства на побережье, межфеодальными усобицами, враждой, убийствами, кровной мстью и т.д.

Об одном случае коварного выдворения из Самурзаканской Абхазии княжича, случайно оказавшегося на Северном Кавказе, сообщается в книге Абубекира Мурзэкьяна¹⁰, посвященной родословию известного рода Шервашидзе (Чачба) – Мурзакан. В ней раскрывается история образования на Северном Кавказе из абхазской княжеской фамилии Шервашидзе новых фамильных имен. Родоначальником адыгской фамилии Мурзакан стал Александр (Исмел) Шервашидзе (Чачба) – сын владельца Самурзаканского удельного княжества Манучара (Манча) Шервашидзе (полковник, кавалер орденов, в 1813 г. был убит в своей резиденции – бедийском дворце). Малолетний Александр, после убийства отца, номинально считался владельцем Самурзакана, на самом деле именем Александра управлял родной брат его матери Леван Дадиани, принявший под свою

опеку племянников: Александра и Дмитрия. Александр, по достижении совершеннолетия, в 1829 г., был сослан наместником Кавказа Паскевичем по донесению Левана Дадиани в Сибирь, но не достиг места поселения: согласно официальному сообщению, умер в пути, а по семейному преданию – по дороге «Александр (Исмел) сбежал, вначале обосновался в селении Бабуково, возле городка Георгиевска. Позже его потомки перебрались в селение Кармово, ныне Каменноостское»¹¹. На Северном Кавказе Александр присвоил себе фамилию Мурзакан в честь своего славного прапрадеда Мурзакана Шервашидзе (Чачба), который с 1761 г. правил удельным владением, расположенным между реками Галидзга и Ингур. Сильный, волевой Мурзакан в своем владении положил конец процветавшим в то время здесь грабегам, бандитизму, торговле людьми, установил мирную и безопасную жизнь, и признательное население владению князя присвоило его имя – «Самурзакань». Так назывался современный Гальский район до 1930 года.

«В наши дни, – пишет профессор А. И. Мусукаев, – родословную продолжает шестое-седьмое поколение мурзакановых. Уже в XIX веке они расселились в Адыгее, Черкесии, кабардинских селах, уехали в Турцию, Сирию, Иорданию, Израиль, США. Во время моего посещения в 1995 г. США, г. Патерсона, мне приходилось встречаться с представителями одной из ветвей мурзакановых, которые познакомили меня со своим вариантом генеалогического древа, интересовались проживающими в КБР однофамильцами и вообще нашей республикой и страной»¹².

Абубекир Мурзэкан собрал материал в более чем двадцати населенных пунктах Северного Кавказа – в Адыгее (г. Майкоп, пос. Гиагинск, аул Хатажукай, аул Бланачипс); Кабардино-Балкарии (гг. Нальчик, Баксан, Нарткала, селениях Каменноостское, Залукодес, Зольское, ст. Черек, Псыгансу, Дугулубгей, Кахун, Лескен, по с. Залукокоаже) и других местах. Составил подробный посемейный список Мурзакановых, где указаны формы, типы и состав современных семей, уровень рождаемости, характер семейно-брачных отношений, степень экзогамности, отношение к межнациональным

бракам. Представляет интерес состав личных имен, соотношение этнических – языческих, заимствованных и других имен. В списках мужской линии фамилии Мурзакан значатся 340 человек (1912–1998 года рождения) с указанием фамилии, имени и отчества, а по женской линии их численность еще больше. В каждом конкретном случае указаны полные именные данные.

В абхазской поговорке «От одного произойдет сто», число «сто» подразумевает множество. Потомство молодого Александра, сына самурзаканского владетеля Манучара Шервашидзе-Чачба, чудом избежавшего сибирское поселение, за сравнительно короткий срок (с 1829 г.) на Северном Кавказе размножилось на славу. Обращает на себя внимание широкая география расселения фамилии Мурзакан, появление ее новых этногенетических разветвлений как на Северном Кавказе, так и в других странах.

Книга Абубекира Мурзэкьяна пронизана призывом к единокровным современникам и их будущим потомкам: «Помните корни свои!».

В Кабардино-Балкарии создана общественная организация родового объединения «Мурзакан». В ее Уставе определены основные задачи: «а) консолидация Мурзакановых на традиционных адыгских принципах внутривидовых взаимоотношений; б) гуманизация и оптимизация межличностных, межродовых и межнациональных отношений в качестве важнейших условий построения и сохранения устойчивого, стабильного и демократического общества; в) содействие возрождению языка, традиций и культуры адыгского народа...» и т.д.¹³ Программа родового объединения «Мурзакан» определяет основные направления культурно-просветительной, нравственно-этической, воспитательной, благотворительной деятельности. Она, в частности, предусматривает воссоздание объективной картины исторического прошлого всех кланов Мурзакан; составление генеалогического древа всех ответвлений Мурзакановых; выяснение этногенетических связей Мурзакановых с другими фамилиями и родами Кабарды и Кавказа; оптимизацию связей Мурзакановых с остальными родами республики и Кавказа; установление са-

мых тесных связей с сородичами из зарубежной диаспоры, активное содействие желающим из них репатриации на истрическую родину; призывает всех Мурзакановых к терпимости – одного из главных свойств адыгского менталитета, способствовавшего поддержанию в обществе согласия и мира и т.д.¹⁴ Весьма практичны и актуальны пункты программы, предусматривающие деятельность родового объединения «Мурзакан» в нравственно-этической и воспитательной сфере.

Генеалогия рода – это часть истории народа, в которой конкретно отражается сложный, порой трагичный, порой благоприятный, созидательный путь, который проходят люди в веренице быстро сменяющихся друг друга контрастных событий, в водовороте которых вдруг оказываются и племена, и народы, и отдельные люди. Нередко человеку заново приходится начинать борьбу за выживание, часто не у себя на родине, а где-то далеко от нее, как это случилось с Александром Шервашидзе (Чачба). Отец его Манучар и брат Дмитрий погибли на родине, а сам Александр чудом выжил в Адыгее; его потомство – Мурзакановы – теперь консолидируются и живут по принципам культурно-исторических и нравственно-этических ценностей адыгского народа и вносят свою лепту в развитие экономики и культуры республики.

Современные северокавказские Мурзакановы поддерживают связь с Абхазией, почитают свои абхазские корни. Арсен Мурзаканов в автографе книги, презентованной абхазскому другу Якубу Лакоба, пишет: «Представителю известного и знаменитого рода адыго-абхазов – от потомства абхазского рода Шервашидзе-Чачба – кабардинцев – адыгов – абхазов – Мурзакановых...». Можно не сомневаться, что эти слова выражают чувства многих его сородичей.

Книга Абубекира Мурзэкьяна раскрывает яркие страницы межэтнических генетических и культурных связей соседних народов, ориентирована на воспитание исторического мировоззрения молодежи. Подчеркивая практическую значимость книги, проф. А. И. Мусукаев пишет: «Консолидация членов многих десятков фамилий и проведение сходов стали, по мнению населения, тем реальным

инструментом, который хоть как-то сможет остановить процесс духовного обнищания наших народов, развить гражданственность и самосознание молодежи, помочь поколению нищенствующих пенсионеров, малоимущим и т.д.»¹⁵.

Благодаря исследованию Абубекира Мурзэкяна мы узнали об одной северокавказской ветви самурзаканских удельных князей Шервашидзе (Чачба) – Мурзакан, которая в XIX–XX вв. образовала новые линии родословной, расселившись в Адыгее, Черкесии, Кабарде, Турции, Сирии, Иордании, Израиле, США.

3. Цыба – Цейба

Родовое гнездо абхазской дворянской фамилии Цыба находится в с. Джгирда – в поселке Гвада¹⁶. По родовому преданию, которое рассказал мне Цейба Самсон Сумович (р. в 1919 г., житель села Лыхны Гудаутского района), фамилия Цейба образовалась в селе Лыхны, ее себе присвоил дед Самсона – Куацвара (Қеацәара) Цыба. «В те времена, – рассказывает Самсон, – убийцу искали по фамилии. Поскольку Цыба совершили ряд убийств, наш дед Куацвара (Қеацәара) Цыба поменял свою фамилию на Цейба и поселился в с. Лыхны. Сделал он это, чтобы себя обезопасить (ахыхьчаразы)»¹⁷.

Согласно преданию, Толкак (Толқақ) Цыба убил князя Амаршан и вместе с тремя братьями переехал жить из с. Джгирда в с. Хуап Гудаутского района. На новом месте братья Цыба – Толқақ, Атун, Хасан и Куч столкнулись с большими трудностями. Они схлестнулись с дворянином Маан и князем Амаршан, были совершены взаимные убийства на почве кровной мести¹⁸.

В с. Лыхны фамилия Цейба размножилась. Теперь здесь проживает семь дворов Цейбовых; их нынешние дети – пятое поколение Куацвары Цейба.

«Мы теперь носим фамилию Цейба, – говорит Самсон, – но наши дети все знают, что мы из Гвады, что там живут наши братья

Цыба. Мы общаемся, видимся, как виделись (Гуадатәи Цыбақәи харәл хзшеибабац хаибаобиҭ), сознавая, что у нас одно родословие, один общий предок – Цыба»¹⁹.

В доме Самсона Цейба закопан трехведерный глиняный кувшин, который, по религиозным представлениям предков, был предназначен Илорскому храму Святого Георгия. По традиции, Цейбовы во время религиозных праздников ездили в Илори, хотя рядом находился Лыхненский христианский храм²⁰.

В селах Джирхуа (Гудаутский район) и Джгиарда (Очамчирский район) проживают Цвейба. Как полагает Самсон, Цвейба и Цейба разные фамилии: «Нас объединяет только фамильное сходство, а принцип жизни к разным родам, наши фамилии разные. Тем не менее мы общаемся как родственники, между нами запрещен брак»²¹, – говорит Самсон.

Цейба имели родственные связи с Нестором Лакоба. Последним мужем матери Нестора, Шахусны, был Цейба Чигита (Цыҭита), от которого она родила сына. Мальчики Шахусны росли в этой семье. Цейбовы оказывали материальную поддержку Нестору, когда он учился.

В 1937 г. жертвами репрессий стали близкие родственники Н. А. Лакоба – Пач, Володя и Давид Цейба²².

4. Лакоба – Лаквитава

7 февраля 1821 г. умер владетельный князь Абхазии Георгий (Сафарбей) Шервашидзе (Чачба). Из Петербурга срочно был привезен его сын – наследник престола полковник Дмитрий (Омарбей) Шервашидзе. Он с малых лет воспитывался в Пажеском корпусе, был типичным русским офицером, плохо знал Абхазию. Профессор С. З. Лакоба пишет, что непонимаемый народом и феодальной верхушкой, он почти безвыездно жил в Сухумской крепости. Спустя примерно год, 16 октября 1822 г., князь Дмитрий был отравлен кре-

стьянином Урусом Лакоба (Лаквари). По приказу генерала Ермолова в сентябре 1823 г. Урус был повешен в Лыхны русским отрядом при доме владетеля²³.

Таким образом, царская администрация официально признала версию отравления владетельного князя Урусом Лакоба. В связи с этим его братья – Гугум и другие – переселились в Абжуйскую Абхазию и окончательно обосновались в с.Кындыг²⁴. Они здесь присвоили себе фамилию Лаквитава (Лакуатаа), созвучную со своей фамилией Лакуаа-Лакуаба (Лакоба). По свидетельству юриста Я. В. Лакоба, который поддерживает тесную связь со своими кындыгскими сородичами, и поныне в этом селе компактно проживают до 20 дворов потомков Уруса Лакоба²⁵. Конечно, сейчас Лаквитава живут и в других местах Абхазии. Кындыгские Лаквитава и лыхненские Лакоба общаются друг с другом из поколения в поколение²⁶.

Обращает на себя внимание весьма любопытное обстоятельство – и после трагического исхода взаимоотношений Уруса Лакоба и Дмитрия Чачба, обычай молочного родства и практика аталычества между домом владетеля Абхазии и родом Лакоба не были утрачены, они поддерживались и после упразднения княжества²⁷.

Братья Уруса Лакоба, надо полагать, после ухода их из Лыхны не подвергались преследованию.

Небезынтересно отметить, что в XIX в., в ходе восстановления христианства, священники записали фамилию Лакоба в двух формах. Например, в апреле 1834 г. в с. Лыхны крестились крестьяне: Мадж, его жена Сабди и сын Цигва; Хундуку, Чичу, его жена Сабди и их сыновья Гедлач и Петра, которые были записаны по фамилии Лакваравя; в июне того же года крестился Квадж Лаквбаиа²⁸.

5. Род Цыцба – Как-баш – Какба – Какубава

Цыцба – садзско-абхазская фамилия из Сочи-Адлерской зоны. История преобразования фамилии Бабыша Цыцба и его потомков

состоит из ряда этапов, связанных с конкретными историческими событиями²⁹. Убив вождя одного из садзских племен, Бабыш со своей дружиной, которая состояла в основном из однофамильцев, перебазировался в Кодорское ущелье, где фамилия Цыцба была изменена на Как-баш. Так родилась новая абхазская фамилия.

В дальнейшем военному отряду Как-баш, как наиболее организованному и сносно вооруженному, поручается охрана абхазской границы по р. Ингур. Отряд дислоцировался в с. Джвари, руководил им сын Бабыша Керкенж. Ему было поручено охранять границу от гор до берега Черного моря, где турки часто высаживали десант. Как-баши, хорошо вооружившись, прочно обосновались в Джвари. Однако после вооруженного столкновения с гарнизоном владельца Дадияни, замыслившего присоединить Джвари к своему княжеству, они вынуждены были переселиться в с. Гумуриш*. Как-баши перестают нести военную службу, теряют княжеское звание. Керкенж и его сыновья стали заниматься сельским хозяйством. Здесь фамилия Как-баш принимает новую форму. В частности, Ной Какубава об этом пишет: «В Гумурише Как-баши занялись сельскохозяйственным трудом. Фамилия Как-баш по истечении определенного време-

* Человек совершает и такие грехи, которые порой сам себе не может простить. Десятки ни в чем не повинных мирных людей стали жертвой коварных событий, развернувшихся во дворце Дадияни, а затем ответных мер Какбашевых. Прошли годы, виновники – мегрельский владетель и руководители абхазского пограничного военного отряда, многое передумали, почувствовали греховность содеянного. «Подумали Как-башцы, – пишет Ной Какубава, – чем искупить свою вину и запланировали построить на территории крепости церковь. Расходы и ответственность за ее строительство они взяли на себя. Церковь строилась долго, годами. Сами выжигали кирпич и известь» (Какубава Ной. История фамилии Цыцба // Рукопись. С.8). Церковь была построена в XVIII в., рядом с Гумуришской крепостью. В XIX в., во время восстановления православного христианства в Абхазии, эта церковь была официально зарегистрирована. Но был ли этим искуплен грех?..

ни потеряла последнюю букву «Ш». Осталась фамилия Какба, которой при моем детстве называл себя весь наш род. Какба – при моей жизни изменилась, приняла форму Какубава»³⁰.

Какубава Баграт Кутович, согласно родовому преданию, сохранившемуся у гупских Какубава, говорит следующее: «Наши далекие предки носили фамилию Цыцба, жили они, как говорят, где-то в районе Псху. Совершив убийство, братья оставили родные места. Они направились на юг Абхазии. Здесь получили фамилию Какубава. Эта была новая абхазская фамилия. Она не связана с другой абхазской фамилией Какоба. Мы с фамилией Какоба не имеем родства. Наше родословие идет от Цыцба»³¹.

Манана Какубава рассказывает: «Гумуришские Какубава, откуда я родом, вначале имели фамилию Цыцба... Какубава – абхазы и гумуришские Какубава – мегрельцы вышли из одного дома, у нас одна родовая линия. Наш предок Цыцба. Так повествует родовое предание»³².

В Абхазии Какубавовы живут в разных местах, но в основном в селах Гумуриш, Гуп, Царче, Цхенцкар. По свидетельству Баграта Какубава, в Гумуриши проживает его однофамильцев около 185 хозяйств, в Очамчирском и Ткварчалском районах – более 50 хозяйств. «Какубава абхазы и мегрельцы поддерживаем тесные родственные связи»³³, – утверждает Баграт.

Фамилия Какубава в Грузии насчитывает 579 душ (Зугдиди – 251, Тбилиси – 143, Цаленджиха – 49 и др.)³⁴.

Как-баш (Какба) Камлат – праправнук Бабыша Цыцба (представитель четвертого колена), человек образованный, известный оратор, пользовавшийся уважением в Самурзаканской Абхазии, возобновляет связи с Северо-Западным Кавказом. На Красной поляне имел скот, он сам ходил туда, – «следил за своим скотом»³⁵.

После вхождения Абхазии в Россию, Камлат Какубава, владевший русским языком, активно включился в общественную жизнь. Он входил в делегацию представителей абхазского народа, состоявшую из трех человек, которая была направлена в царский дворец. По возвращении из Петербурга, он рассказывал о том, как

делегация была принята во дворце: «Русские начали изучать подробно представителей абхазского народа. Внимательно осматривали национальную одежду: черкеску, бурку, ремни со своими приборами местного кустарного производства. Во время приема Камлат из кожаной сумочки, висевшей на ремне, вынул скрученный табак (аджвама), вынул абхазский нож, на ладони нарезал табак, положил его в изящно орнаментированную трубку (асатма), потом вынул кремень (ашьянца), положил на него мягко обработанную губку из грибков от ствола грецкого ореха, чукнул об кремень стальным кресалом (аихымца), специально изготовленным для высекания огня из кремня. Вмиг от искрок зажглась губка, и Камлат, отвечая на какой-то вопрос собеседника, уверенно взял сгоревшую губку, положил на трубку и прикурил. Советники царя внимательно наблюдали за этикетом представителей абхазского народа. В конце беседы один из царских советников высказал свое удовлетворение от общения с гостями из Абхазии».³⁶

На вопрос царя: «В чем нуждаетесь, чем мы могли бы абхазцам помочь?», Камлат от имени своих коллег ответил: «1. У нас нет ни одной школы, наши люди неграмотные, просим оказать помощь в открытии школ. 2. Сельское хозяйство у нас отсталое, техника производства примитивная, урожайность низкая, землепользование несправедливое. Просим помочь в решении этих вопросов»³⁷.

Абхазская делегация возвращалась через Украину, Молдавию, присматривалась к жизни страны. Из Одессы она увезла с собой саженцы, понравившихся им растений – винограда «изабеллы» и акации³⁸. Этот сорт винограда в Абхазии получил название «одесса».

Камлат Какубава принимал участие в открытии школ в селах Окум, Моква, Звандрипш, активно выступал на сельских сходах за справедливое распределение земли в пользу крестьян³⁹.

Яркий представитель этого рода Ражден Иванович Какуба (Какубава) (1873–1944) – первый абхаз-инженер путей сообщения. С отличием окончил Сухумскую горскую школу, Ставропольскую гимназию и Петербургский институт инженеров путей сообщения. Пос-

ле блестящего окончания вуза оставлен в нем ассистентом. За успехи в учебе получил от государства в подарок 100 дес. земли в с. Лата, на берегу р. Кодор, и денежную премию 7 тысяч рублей*.

Вскоре Р. Какубава был приглашен в Абхазию, где до конца жизни верой и правдой служил своему народу. Будучи членом Абхазского научного общества участвовал в обследовании природных ресурсов; руководил строительством железной дороги, тоннелей, мостов, эстакад; участвовал в проектировании и строительстве Сухумской (Гумистинской) ГЭС; реконструкции центральной шоссейной дороги и т.д.

Р. И. Какубава вел активную научно-исследовательскую и государственную работу. Он являлся членом Сухумского общества сельского хозяйства, Сухумского общества борьбы с туберкулезом, инициатором создания и активным членом Общества распространения просвещения среди абхазов и Общества содействия молодым абхазам, обучавшимся в высших учебных заведениях, содействовал работе первого абхазского картографа М.Л.Шервашидзе (Чачба) и других абхазских просветителей. Являлся членом Абхазского Народного Совета, был активным деятелем национально-освободительного движения. Репрессирован в 1941 г. Умер в Метехской тюрьме (1944 г.). Реабилитирован посмертно.

Род Цыцба – Как-баш – Какубава – Какба выдвинул борцов за справедливость. Многие из них стали жертвой этой борьбы.

В 1930-х годах в г. Очамчыра, а после ВОВ (Великой Отечественной войны) в г. Сухум работал кандидат медицинских наук, хирург Константин Какубава, снискавший большой авторитет среди трудящихся. Во время ВОВ он спас жизнь сотен раненых бойцов и командиров. В одном из писем с фронта К.Какубава писал: «Близок тот день, когда победоносное Знамя будет развеваться над Берлином. И

* Р. Какубава подарил крестьянам села Лата 100 дес. земли. Поселок получил название Какубава. На р. Амткел он построил на свои деньги железный мост. (См.: **Какубава Ной**. Указ. рукопись. С. 18, 25.)

я считаю большой честью участвовать вместе с нашими доблестными воинами в решающих боях за взятие фашистского логова»⁴⁰.

Талантливые ученые, врачи, агрономы, инженеры, педагоги и другие специалисты Какуба-Какубава оставили добрый след в памяти поколений.

История фамилии Цыцба – Как-баш – Какба – Какубаа – Какубава показывает непосредственную связь этих фамильных преобразований с определенными событиями в жизни их носителей. Фамилия Как-баш совершенно новое абхазское родовое имя. Между Цыцба и Как-баш нет этимологической связи, хотя обе эти фамилии образованы на абхазской почве. Здесь мы имеем пример того, когда измененная фамилия утрачивает свой прежний этимологический фон. В данном случае родственная связь родовой линии Цыцба-Как-баш сохранилась лишь только в устной памяти рода.

Фамилия Как-баш функционировала в Кодорском ущелье и в с. Джвари. Преобразование ее в Какба произошло, очевидно, уже в с. Гумуриш. Буква «ш» из слова «баш» (голова), как лишняя для абхазского слуха, отпала и образовалась новая абхазская фамилия Какба, что вполне объяснимо по фонетическим нормам абхазского языка. В дальнейшем, вследствие известных ассимиляционных процессов, Какба принимает мегрельскую форму Какубава.

Фамильное предание Цыцба – Как-баш – Какба – Какубава можно отнести к старине глубокой. Но оно живо, живо в устах Какубава, не забыто. Какубава и абхазы, и мегрельцы до наших дней сохранили в своем родословии родовую связь с садзской фамилией Цыцба.

6. Шакрыл – Шария

В Бзыбской Абхазии фамилия Шакрыл (с. Лыхны, Дурипш, Куланырхуа и др. селах) пользуется известностью. Народный учитель Платон Семенович Шакрыл, доктор филологических наук Констан-

тин Семенович Шакрыл, кандидаты наук Александра Константиновна, Екатерина Платоновна, Тамара Платоновна и другие внесли немалый вклад в развитие народного образования, науки и культуры республики.

Фамильное предание, сохранившееся среди представителей старшего поколения бзыбских Шакрыл, а также фамильные предания тамышских абхазов Шария и гальских мегрельцев Шария повествуют о том, что фамилия Шария, как мегрельская ветвь, так и абхазская, произошла от абхазской Шакрыл. По преданию, записанному журналистом Виталием Шария, братья Шакрыл из Лыхны, после убийства дворянина, оставили родное село и обосновались в Тагилоне (Гальский район) и Тамыше (Очамчырский район) и из соображений предосторожности сменили фамилию Шакрыл на Шария⁴¹. В Самурзакане род Шария быстро размножился. Они расселились в основном в селах Тагилон, Сида и Баргеби. Среди них были старцы, прожившие более ста лет, которые еще в первой половине XX столетия хорошо знали о своем абхазском происхождении. Историк Сергей Ионович Шария (1930–1996 гг.) от своего деда-долгожителя знал, что Гальские Шария когда-то вышли из Бзыбской Абхазии, где их предки носили фамилию Шакрыл.

С. Шария при общении с К. С. Шакрыл, с которым он работал в Абхазском институте, касаясь своего родословия, уважительно говорил, что мы, Шакрыл и Шария, родственники, братья. К. С. Шакрыл, проживший более 90 лет, разумеется, больше знал о фамильном предании Шакрыл – Шария.

По преданию, еще в начале прошлого столетия гальские и тамышские Шария во время христианских праздников на моления отправлялись в Лыхны⁴². Во дворе Лыхненского храма, где был закопан в землю 16-ведерный Шакрыловых глиняный кувшин с вином, ежегодно в день Пасхи однофамильцы по традиционному обряду молились, воздавали честь Богу. В 80-х годах XX в., после длительного перерыва, эта традиция, уходящая в глубь веков, возобновилась. В. Шария, представитель тамышской ветви родословной Шакрыл, участвовавший в этих фамильных встречах, описывает

пасхальный ритуал однофамильцев. «Основной псевдоним, – пишет он, – тот, что был записан в удостоверении члена Союза журналистов, – «В. Шакрыл», – разумеется, выбрал в свое время, в конце 70-х, не случайно, и в фамильных сходах Шакрыловцев позднее участвовал на правах члена фамилии»⁴³.

Мегрельская фамилия Шария получила широкое распространение в Грузии, где она теперь насчитывает более одной тысячи душ. Из этой фамилии вышли многие видные деятели: Шария Петр (1902–1979), доктор философских наук, бывший секретарь ЦК КП Грузии по идеологии; Шария Нугзар – известный киноактер; Шария Мераб (1961) – доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник Института кардиологии им. А. А. Мясникова Кардиологического Центра РФ; Шария Виталий (1951) – прозаик, член Союза писателей Абхазии, редактор газеты «Эхо Абхазии» и другие.

Много известных людей было в роду Шакрыл – Шария в досоветский период. Здесь названы некоторые деятели, которые жили в советское время и служили новой системе. Тем не менее они в жизни сталкивались с непростыми проблемами – одни из них подвергались репрессиям (1937–1938), другие погибли в годы ВОВ, кого-то преследовали за взгляды, снимали с работы (секретарь ЦК КП Грузии П. Шария и др.), кто-то вынужден был эмигрировать.

Известны еще две абхазские формы фамилии Шакрыл – ее дворянские ответвления – Шакрылбай и Шакирбай. Родоначальником родословия Шакрылбай был лыхненский дворянин* Маху (Степан) Шакрыл – один из видных военных деятелей конца XVIII – начала

* В с. Лыхны жили Шакрылы ашнакума (ашьнакэма), а также дворяне. В социальной иерархии Абхазии первой половины XIX в. ашнакума – переходный слой от высшей группы крестьянства к дворянству. По словесному положению, они не имели всех прав тавадов и аамста, но «стояли значительно выше» анхаю; владели землей и крестьянами, в том числе и анхаю, перешедшими в эту категорию из ахую (ахэю). Ашнакума состояли при владельцах Абхазии и некоторых других крупных князьях Шервашидзе (Чачба).

XIX в., которому владетель Абхазии за особые заслуги в борьбе за независимость выделил земельные владения в Абжуа (в сс. Беслахуба, Акуаскиа, Гуп). Маху свою фамилию переделал на Шакрылбай. Так, в Абжуйской Абхазии возникла новая абхазская дворянская фамилия. Здесь жили Шакрылбай Маху, Кескиндж, Давид, Ахмед и их потомство. Три старших сына Маху, переселившиеся со своими крестьянами из Абжуа в Турцию, сохранили свою отцовскую фамилию без изменения. Теперь турецкие потомки рода Шакрылбай (Шакрыл) возобновляют связи со своими сородичами, проживающими в Абхазии⁴⁴.

В конце XIX начале XX вв. наряду с другими известными абхазскими краеведами и садоводами, З. С. Шакербай, М. К. Шакрылбай (Шакрыл), З. Х. Шакрылбай, Х.Х.Шакрылбай, Т. Ш. Шакрылбай⁴⁵ являлись членами «Сухумского общества сельского хозяйства».

Сын Маху Шакрылбай Захарий Степанович и его потомки, обосновавшиеся в с. Багмаран (сов. Гульрипшский р-н)*, фамилии Шакрылбай придали форму Шакирбай. В таком звучании она живет и в наши дни.

Фамилия Шакирбай в документах встречается и в мегрельском оформлении – Шакербая. В метрической книге Сухумского кафедрального собора значится следующая запись: «Января 25 д. 1884 года родился, а 1885 года 28 октября крещен Григорий. Родители его: житель села Багмарани дворянин Захарий Степанович Шакербая и законная жена его Софья Ивановна, оба православного вероисповедания»⁴⁶. Очевидно, в Багмаране, в мегрельской среде, как

* Захару Степановичу Шакирбай, сыну Маху, в 1880 г. в с. Багмаран было отведено 50 десятин земли «в личное потомственное владение». (См. «Полевой журнал о размежевании земельного надела в Сухумском отделе садовнику Захару Шакирбаеву» (домашний архив). Акт об отводе садовнику Захару Шакирбай земельного надела в с. Багмаран был утвержден Кутаисским военным генерал-губернатором (из домашнего архива).

это бывало и с другими фамилиями, данная фамилия произносилась в мегрельском звучании – Шакирбая.

Формант «бай» в абхазскую антропонирию проник, скорее всего, под влиянием турецкого языково-культурного мира. «Бег», «бей» (князь), обозначавшие титул в турецко-татарской именной номенклатуре, здесь принимает форму «бай» и приобретает значение, подчеркивающее привилегированность высшей знати. В Абхазии в период турецкого влияния этими именными знаками отличия стала пользоваться местная феодальная знать. Особенно широко в личном именовании. Так, в абхазской антропонирии позднего средневековья появляются новые личные имена феодальной верхушки, например, Келешбей, Омарбей, Алибей (Алибег), Асланбей, Сафарбей, Гасанбей, Баталбей и т.д. Следуя этой моде, некоторые дворяне, даже особо выделявшиеся представители крестьян, придают своим фамилиям данную форму – Званбай, Лакербай, Шакирбай, Зухбай и т. д.

Маху Шакрылбай – основоположник нового куста Шакрыловского родословия, переделкой своей прежней фамилии, скорее всего, подчеркнул свое особое положение среди окружающих. В с. Багмаран члены этого нового родового союза создают образцовое, показательное, по тем временам родовое имя. И после махаджирства Шакирбай полностью сохранили свой этнический облик. Несмотря на длительное пребывание в окружении преимущественно иной этнокультурной среды, они блестяще владели родным языком, широко культивировали традиционную культуру, с достоинством блюли абхазский этикет, отличались образованностью и аристократизмом.

Отдельные представители абхазского рода Шакирбай учились в Петербурге, Москве, Саратове и других городах России. Захар Степанович в Петербурге получил агрономическое образование. В Багмаране у него бывал немецкий кавказовед, языковед и этнограф А.Дирр, которому он предоставил «интересные подробности» о нравах и обычаях абхазских охотников. А старший его сын, Григорий, сообщил ученому сведения по абхазскому языку⁴⁷. Гри-

горий Захарович (1884–1958 г.) окончил институт в Краснодаре, был известным агрономом-садоводом. Петр Захарович – разносторонне одаренный юноша, студент V курса Петербургского горного института, умер в 22 года⁴⁸. Это о нем инженер Р.И.Какуба, один из учредителей «Общества содействия молодым абхазцам, обучающимся в высших учебных заведениях» (1916), писал, что будучи свидетелем стремления абхазской молодежи обучаться в вузах и необходимости оказания им помощи, «в особенности после смерти студента горного института Шакирбая, я задумал учредить Общество»⁴⁹. Константин Шакирбай (1891–1937) высшее образование получил в Москве, член Коммунистической партии с 1918 г., являлся ответственным работником в Советской Абхазии, репрессирован в 1937 году. Георгий Шакирбай (1904–1977 гг.) окончил восточно-филологический факультет Ленинградского университета (1932 г.), работал в Ленинградском эрмитаже и в Институте языка и мышления, учился в аспирантуре, общался с академиками Н. Марром, И. Мещаниновым, Н.Яковлевым и др. В 1935 г. по состоянию здоровья выезжает в Абхазию и начинает работать в Абхазском институте научным сотрудником. После расстрела старшего брата Константина и до его реабилитации Георгий находился в опале, временно пребывал в своей деревне. В 50-х–70-х годах мы вместе работали в Абхазском институте, ряд лет жили в одном доме, сотрудники института бывали у него в гостях на багмаранской даче. Г. Шакербай – человек традиционной культуры, тонкий знаток человеческой психологии, достойно представлял своих сородичей.

Фамильным изменениям нередко сопутствуют трагические последствия – невзгоды, неустроенность. Всякого рода бедствия приходится переносить не только отдельным индивидуумам, но и группам людей, а иногда целым поколениям. Человек, оказавшийся в иной этнокультурной среде теряет вслед за фамилией язык и этническое самосознание, становится гражданином другой национальности. Так произошло, например, в Гальском районе с ассимилировавшимися абхазами. На исходе XX столетия, в период назревания

грузино-абхазского конфликта, на почве посягательства на суверенитет Абхазии, национальные различия воздвигли стену между недавними братьями. Грузино-абхазская война (1992–1993 гг.) показала пагубные последствия силового способа разрешения такого рода конфликта. В результате близкие и дальние родственники оказались, как говорится, по разные стороны баррикад...

Злая человеческая стихия порождает огонь и меч и все разрушает, люди гибнут, бегут* ... Проходит время, как будто все возвращается на круги своя, но увы!

Во время грузино-абхазской войны, защищая Родину, отдали свою жизнь представители фамилии Шакрыл: 23-летний Алхас Викторович (Герой Абхазии), 65-летний Георгий Максимович, Занбей Кучкович, Аслан Зурабович. Жизнь их прервалась, мечты личной жизни улетучились, а семьи потеряли близких, любимых, самых дорогих. Какое это горе!

Самоотверженно сражались Шакрыл: Юрий Иванович, Нодар Иванович, Аслан Иванович, Дмитрий Викторович, Валерий Викторович, Батал Викторович, Сасрыква Георгиевич, Алмас Сергеевич, Аляс Сергеевич, Славик Сашкович, Резик Нурбеевич, Канчабей Заурович, Эрик Дамырович, Мераб Дамырович, Мэлор Владимирович, Руслан Владимирович, Сатбей Зосимович, Вахтанг Акакиевич, Нодар Нурбеевич, Мас Михайлович, Темур Акакиевич, Ахра Георгиевич, Лев Озбекович.

** Возникают вполне резонные вопросы: когда люди начнут строить дом для себя? Когда же человек станет насаждать виноградники, закладывая фруктовые сады, умиротворенный, стоя под своей смоковницей будет спокойно вкушать его плоды? Когда? Эта извечная общечеловеческая проблема особенно стоит в конце XX начале XXI вв.!*

Люди живут надеждой в счастливое будущее. Человек, наделенный разумом, создан для счастливой жизни. Миллионы людей Земли лелеют надежду на торжество Абсолютного разума, и что человек обретет мир с самим собой, будет в мире со всеми окружающими его. Победу одержит добро!

Послевоенный пограничный Гальский район оказался в эпицентре постоянных потрясений, конфликтов, столкновений. Многие гальские Шария оказались беженцами и вынужденными переселенцами. Теперь их в Грузии больше, чем в самой Абхазии. Есть они и в странах СНГ и Дальнего зарубежья.

7. Джения – Джинджолия

26 сентября 1995 г. в Сухуме день был солнечный, жаркий. Общественность Абхазии провожала в последний путь выдающегося этнографа-историка Ш. Д. Инал-ипа. С 11 часов утра к зданию Абхазского государственного драматического театра им.С.Я.Чанба, где был установлен гроб с телом ученого, устремились сотни сухумчан. Приехали делегации из районов. Площадь перед театром заполнилась людьми. Многие вышли на набережную, более пожилые группами разместились в парке, прилегающем к театру. Народ не расходился в ожидании траурного митинга – заключительной церемонии прощания с покойным, выражая этим дань уважения к своему соотечественнику.

Как обычно в таких случаях, люди группами беседуют о буднях, о прошлом, настоящем, будущем, о проблемах жизни, а их всегда предостаточно. В этой печально памятной обстановке Алексей Джения рассказал мне о том, как он в школьные годы познакомился со своим дальним сородичем в Гальском районе⁵⁰.

В 1948 г. сестра Алексея вышла замуж за учителя Ачандарской средней школы Анчабадзе из с.Пичора Гальского района. Вскоре родители девушки получили приглашение в дом зятя. В делегацию, которая выехала в Пичори, входил и мой собеседник. «В честь нашего приезда, – рассказывает Алексей, – был устроен большой пир. 80-летний Бата Джинджолия, с которым мы познакомились на застолье, пригласил нас, ачандарцев, в гости к себе домой. На следующий день Бата устроил торжественный прием с роскош-

ным угощением. В своей застольной речи он поведал о том, как его предок, совершив убийство, вынужден был переселиться из с.Ачандары в Самурзакано и поменять свою фамилию Джения на Джинджолия. «Теперь нас тут более 10 дворов, – сказал Бата. Вот у меня в руках надочажная цепь, привезенная из Ачандары. Здесь только верхняя часть цепи. Когда-то она была целая, принадлежала нашим далеким предкам. Вторая, нижняя ее часть, находится в родном очаге – в Ачандарах. Эту ланчу (архнышьна – надочажная цепь) из Ачандарского нашего дома храним как реликвию. Она – память о нашем некогда общем очаге, нелепым случаем разделенном на две части»⁵¹.

Далее Алексей Джения сообщил, что «пожилые ачандарские Джения сохранили это предание. У 110-летнего Османа Джения оказалась вторая часть надочажной цепи, которую он бережно хранил. Осман получил ее в наследство от отца. Так из поколения в поколение передается эта семейная реликвия»⁵².

Как видно, в данном случае произошла замена одной абхазской фамилии другой абхазской же фамилией. В жизни такие фамильные заимствования бывали нередко.

В те времена, когда ачандарский Джения поселился в Пичори и присвоил себе новую фамилию, население данной местности, по всей вероятности, было в основном еще абхазским. Со временем, в процессе ассимиляции, этническая ситуация меняется. Постепенно родным языком пичорских Джения – Джинджолия становится мегрельский. Теперь они, естественно, мегрельцы и по самосознанию.

Процесс такого превращения сложный, продолжительный. Ачандарский абхаз, выросший в окружении абхазского населения, разумеется, попал в Пичори, не имея в запасе минимума мегрельских слов. В новой этнокультурной среде потомки его постепенно переходили от абхазского одноязычья к абхазо-мегрельскому двуязычью. По мере углубления ассимиляционных процессов в Самурзакане среди абхазского населения протекал процесс перехода от двуязычья к мегрельскому одноязычию, потребовавший смены

ряда поколений. А с 20-х годов, в условиях развития школьного образования на грузинском языке, начинается новый этап – переход от мегрельского одноязычья к мегрело-грузинскому двуязычью.

В ходе этого сложного и длительного языкового процесса постепенно менялось и национальное самосознание. Так, Джения – абхаз, становится сначала Джинджолия – абхазом, а после утраты родного языка, а затем и абхазского национального самосознания, Джинджолия – абхаз, становится Джиджолия – мегрельцем. А с введением в 1932 г. советской паспортной системы – Джинджолия – мегрельцу вручается паспорт Джинджолия – грузина. Такова непростая диалектика изменений в языке и национальном самосознании, обусловленная условиями исторического развития.

Возникают вопросы: какими мотивами руководствовался Джения, когда он в Пичори выбирал себе новую фамилию? Обстоятельства нового местожительства позволяли ли ему свободно выбирать фамилию? Может быть, кто-нибудь из Джинджолия помог ему обосноваться в Пичори? А может быть, князь, взявший под опеку беглеца, выделил ему землю и дал фамилию? и т.д. Эти вопросы для нас остаются неясными.

Из вышеизложенного видно, что Джения, приехавший из Ачандары в Пичори, положил основу новой линии фамилии Джинджолия. Он стал родоначальником этой линии. Род размножился. Это порождает определенные морально-нравственные потребности. Пичорские Джинджолия устанавливают близкие отношения с однофамильцами других местностей Абхазии.

Что примечательно, в наши дни самурзаканские Джинджолия – мегрельцы и абхужские Джинджолия – абхазы не чувствуют родового барьера. Наоборот, они совместно проводят фамильные сходы джиджолиевцев всей Абхазии.

Джинджолия – Аджинджал распространенная абхазская фамилия. Наиболее компактно и многочисленно она представлена в селах Бедиа, Пакуаш, Атара и Члоу Очамчирского района, Псырдзха (Новый Афон), Абгархук Гудаутского района. В настоящее

время Джинджолия живут во всех городах и многих селах Абхазии. Перед грузино-абхазской войной на фамильных сходах собирались до 400–500 представителей этой фамилии.

Убийство человека – нарушение святости жизни, большой грех. Нередко убийце удавалось бежать. Покинув родной очаг, он искал место – убежище, обычно в дали от родных мест. Предпочитал, однако, обосноваться в пределах самой Абхазии. Чаще всего так и бывало, хотя нередко, особенно при очень тяжких обстоятельствах, убийца оставлял пределы своей страны – перебирался на Северный Кавказ, в Мегрелию, Сванетию и другие сопредельные страны.

Предоставление убийце возможности убежать – одна из форм наказания. В случае с Джения, мы видим, какие последствия повлекло наказание. Убийца навсегда оторвался от родного очага, потерял всякую связь со своей родней. На новом месте жительства он меняет фамилию, а изменивший фамилию, считался умершим для рода.

Таким образом, убийце наносится тяжелый морально-психологический удар. Потомки потеряли родной язык, а затем свою национальную принадлежность.

Однако пичорские Джинджолия бережно хранят родовое предание о своих связях с ачандарским джениевским корнем. Части некогда одной надочажной цепи, которые хранятся в Пичори и Ачандарах, не только память, но и ностальгия по общему очагу. Они олицетворяют и чувства.

Память человеческая коротка. Сегодня у нас редко кто знает свою родословную в восходящей линии по имени до 8–10 колена. В повседневной жизни сталкиваемся с поразительным фактом – все мы, в каком бы районе Абхазии не проживали и какому бы фамильному роду не принадлежали, знакомясь друг с другом, всегда находим общих родственников. Недаром в народе говорят – «все абхазы родственники». На самом же деле: один народ – один общий предок. Только мы в будничной жизни не вдумываемся в это. Таков образ человеческого мышления.

8. Алшэынба (Алшэба, Лышэба) – Иуан – Иванба

В роду абазинских Иуан сохранилось предание о переселении их предка из Абхазии на Северный Кавказ⁵³. Об этом Иуан Амрат Алиевич – выпускник Абхазского университета (1998, историк), поведал мне следующее: «... священник, вероятно, Симоно-Кананитской церкви, по фамилии Алушба (Алшэба), преследуемый мусульманами-фанатами, уехал из Псырдци (Новый Афон) на Северный Кавказ», где фамилию Алшэба изменил на Иуан, положив в основу свое личное христианское имя Иуан (Иоанн)⁵⁴. От этой преобразованной абхазской фамилии священника Алшэба берет начало новая абазинская фамилия Иуан.

Эта фамилия получает распространение среди родственных абазинам народов Северного Кавказа. У адыгов она бытует, как и у абазин, в форме Иуан, в русском написании – Иваноков (Ианокков), у кабардинцев – Иуан (Ионовы). По словам Иуана Амрата, «кабардинские Иуан (Ионовы), как повествует предание, возможно, ушли вместе с 10 селениями абазин в Кабарду на войну против калмыков»⁵⁵. В Кабарде имеются фамилии абазинского происхождения и, наоборот, многие кабардинские фамилии встречаются у абазин.

Абазинская фамилия Иуан в Абхазии приняла абхазскую форму – Иванба. По преданию, которое бытует среди Иванба абхазов, из Северного Кавказа в Абхазию переселились два брата: один обосновался в с. Река, другой – в с. Моква (Очамчырский район). В конце XIX – середине XX вв. в с. Река жила только семья Иванба Герасме Джанимовича. Он и его жена Дука вырастили шестерых детей – сына – Гришу (Гведзе), дочерей – Веру, Любу, Аннушку, Лили и Бубли. Все они работали в сфере народного образования. Гриша в ВОВ пропал без вести. Сын его Отари сейчас с семьей живет в Сухуме. Он от дедушки Герасме знает предание об абазинском происхождении Иванба.

Семья Иванба Герасме была трудолюбивой, довольно состоятельной, хлебосольной, уважаемой односельчанами. Девочки Ан-

нушка, Лили, Бубли и я учились в Рекской НСШ в одно время. Бубли была моей одноклассницей, а ее брат Гриша накануне ВОВ был нашим учителем.

Абхазский род Иванба выдвинул замечательного скульптора Виктора (Стасик) Елизбаровича Иванба, который вносит весомый вклад в развитие изобразительного искусства Республики. Из родового предания Виктор знает, что его дедушка Еберхам (Еберхам) Иванба вначале поселился в с. Джгерда, затем женился на Тарба из с.Моква и переселился в деревню жены, где родственники выделили ему землю. Сын Еберхама Елизбар переезжает на постоянное местожительство из с.Моква в Очамчыру. У Елизбара два сына – Алексей и Виктор и две дочери – Виолетта и Валиса. Их дети представляют четвертое поколение Еберхама Иванба.

Предание об абазинском происхождении фамильного рода Иванба живет среди однофамильцев. Но вряд ли Иванба знают, что далеким их предком был священник Иуан Алушба из Псырдци.

В Абхазии часто наблюдается обратное возвращение в свою этническую среду кого-то из потомков предка, давно покинувшего Родину. Здесь приведены отдельные примеры того, как на основе абхазских фамильных имен были образованы некоторые бытующие ныне адыгские, абазинские, кабардинские фамилии, отмечены способы их оформления, указаны конкретные причины миграции. Разумеется, эти эпизодические явления не раскрывают всей масштабности и закономерностей фамильных преобразований, но в какой-то степени проливают свет на проблему.

За последние десятилетия в республиках Северного Кавказа растет интерес к генеалогическим преданиям и истории фамилий народов региона. В Кабардино-Балкарской республике даже сложилось самостоятельное направление генеалогической науки. Без ее развития, как правильно отмечает профессор А.И.Мусукаев, нельзя решить в полной мере «многие кардинальные проблемы истории населенных пунктов, семьи, традиционных общественных институтов, миграционных процессов, межнациональных отношений, взаимосвязи культур и многие другие»⁵⁶.

9. Чкотуа – Чкатуев (Чкату)

Некоторые историки не исключают массового переселения абхазов из юго-восточной Абхазии на Северный Кавказ в результате нашествия турок. «Турецкая агрессия, – пишет Ш. Инал-ипа, – особенно... опустошительное нашествие 1440 г., повлекла за собой серьезные этно-демографические изменения в Абхазии, преимущественно в южной части. Видимо, с этого времени начинается переселение значительных групп абхазо-язычного населения на Северный Кавказ»⁵⁷.

В связи с этим ученые обращают внимание на некоторые самурзаканские фамилии, представленные у абазин, например: Абсава-Апсов, Гагида-Гаги, Дзигуа-Дзугов, Туква (с. Чубурхинджи) – Тугов-Туков, Хубуа-Хубуев, Цеквава-Цеков и др.⁵⁸. Ш.Инал-ипа разделяет мнение М. С. Тхайцухова о перемещении определенной части абазин из Самурзакана, он считает, что «наличие таких фамильных и топонимических параллелей объясняется, по-видимому, тем, что некогда какая-то часть нынешних абазин проживала на территории современного Гальского района, а оттуда (возможно, в связи с разгромом абхазо-апсильских потомков турками в 1440 году) по перевальным путям ушла на Северный Кавказ. При этом следует иметь в виду и то, что фонетическая система языка, особенно ашхарского диалекта, ближе к южноабхазским диалектам, чем к североабхазским (в нем отсутствуют специфические бзыбские звуки)»⁵⁹.

Разумеется, из Самурзакана на Северный Кавказ и обратно люди, по разным обстоятельствам, переходили и в одиночку, и группами. Известен факт переселения абхазского князя Чкотуа из с.Саберию на Северный Кавказ. Его потомок – известный абазинский поэт Микаэль Чкатуев в 1998 г. в интервью журналистке Лейле Пачулия рассказал о том, как он разыскал корни своей фамилии в Абхазии⁶⁰. Мать передала ему предсмертные слова отца, который считал, что его дети должны знать, «что они абхазы, прадед их из Самурзакана. Согласно семейному преданию, это был князь», который стал абре-

ком, «пришел к абазинам, где принял мусульманскую веру и женился на дочери князя Шахима Лоова. Родители отказались от него и лишили наследства за непослушание и переход в иную веру. Истинное абхазское звучание фамилии Чкату – Чкотуа»⁶¹.

Микаэль Чкатуев – член Союза писателей России (1966), Заслуженный деятель культуры Республики Абхазия, лауреат Государственной премии им. Д. И. Гулиа (1998). Четыре его книги изданы на абхазском языке. По словам поэта, «в его сердце рядом с Абазаштой всегда живет Абхазия»⁶².

10. Эпизоды из истории некоторых других фамилий

Преобразования фамильных имён – непрерывный процесс. Хотя каждый род заинтересован в сохранении своего имени, однако непростая человеческая жизнь вносит в эти желания свои коррективы. Мы уже видели как эти преобразования связаны с историей народов, родовых союзов и с жизнедеятельностью отдельных индивидуумов или группы людей. Остановимся ещё на отдельных примерах.

По словам инженера-геолога Владимира Гулария, уроженца с. Ачандара Гудаутского района, фамилия Гулария образовалась от абхазской фамилии Гулиа. По преданию, некий Гулиа из Абжуйской Абхазии переселился в Ачандару и на новом месте жительства переделал свою фамилию на Гулария. Так появилась новая абхазская фамилия, известная в стране своими видными представителями. Владимир Гулария рассказал мне это 27 сентября 2005 г. Теперь он со своей семьёй живёт в г. Сухум.

Родовое предание фамильного союза Харчлаа (Харчилава) связывает происхождение данной фамилии с «хараджем» – налогом за неомусульманивание, который платился турецкому султану. Кандидат исторических наук Лиана Харчлаа в подтверждение этой народной этимологии пишет: «Харчлаа в годы турецкого присутствия в

Абхазии (XVI–XVIII вв.) остались приверженцами христианства. Они одни из немногих, кто не покинул страну и не переселился в Турцию в годы махаджирства...»⁶³.

Интересна история происхождения абхазской фамилии Арнаут. У нас эта немногочисленная фамилия появилась в XIX веке. Она произошла от фамилии Аставра Арнаута, родившегося в столице Греции – Афинах, в семье албанца и гречанки. Он был преуспевающим коммерсантом, но во время «разборки» убил кого-то из своих конкурентов и был вынужден скрыться из Афин. Вместе с двумя родными сёстрами он приехал в Сухум. Вскоре в Абхазии он приобрёл значительную площадь земли с озером Рица (впоследствии его племянница с мужем в г. Сухум построила гостиницу «Рица»). Аставра по совету потомка владетельных князей Чачба (Шервашидзе) женился на красавице-княжне Дадиани, жившей в Кутаиси. Из слов заслуженного учителя Абхазии Тамары Давидовны Шакрыл редактор газеты «Эхо Абхазии» Виталий Шария записал: «Его и княжны Дадиани сын Николай Аставрович Арнаут, владелец многих особняков в Сухуме, был женат дважды. И оба раза – на абхазках. Одна была из фамилии Лакоба, а другая – Агуа. У него родилось девять детей от первой жены [две дочери], а от второй – две дочери и пятеро сыновей»⁶⁴. Потомство размножилось. Представители мужской и женской линий Арнаут породнились брачными связями с абхазскими фамильными родами: Акиртава, Чирикба, Маргания, Лакербая, Аппба, Шакрыл, Габлия, Царгуш, Ардзинба, Маршания и другими. В Абхазии и за её пределами хорошо были известны первые представители абхазской фамилии Арнаут: Семён, Василий, Михаил, Наталья, Афина. Арнауты отличились в первой мировой и в Великой Отечественной войнах. Боевые офицеры Янко (Яков) и Спиро (Спиридон) активно участвовали в освободительном движении Абхазии в 1918–1921 годах⁶⁵; в 1937 г. – они были репрессированы. Янко, по воспоминаниям его племянницы Тамары Шакрыл, «очень необычайный был человек». Командовал эскадром, был великолепным спортсменом, «запросто мог без седла перевернуться под брюхом ло-

шади»⁶⁶. Арнауты активно участвуют в возрождении Республики Абхазия.

Такой же молодой и также интересной является история появления фамилии лыхненских Ермоловых – абхазского рода русского происхождения. Она возникла примерно в 1820-х годах, когда Ермолов Алексей Петрович (1777–1861 гг.) – русский генерал от инфантерии, в 1816–1827 годах командовал Кавказским корпусом и был главнокомандующим в Грузии. «Именно тогда, – пишет этнолог Давид Дасания, – у него появились друзья в Абхазии, в частности, дворянская семья Маан, на представительнице которой Алексей Петрович вскоре женился. От этого брака (кстати, нигде не зарегистрированного) родился сын Давид (Даут), который впоследствии женился на девушке из рода Симония»⁶⁷. Эту информацию учёный получил от лыхненских сказителей, подтверждают её и сами Ермоловы. Из этого рода вышли известные деятели – народный артист Абхазии А. Ермолов, заслуженный педагог и общественный деятель Э. Ермолова, которые своим высоким профессионализмом и образом жизни обрели среди соотечественников большое уважение.

Примерно в последней трети XIX столетия в с. Река Самурзаканской Абхазии сформировалась новая абхазская фамилия Соломко. Она пошла от подростка-украинца, который по каким-то обстоятельствам оказался в этой деревне. Профессор М. А. Лабахуа, касаясь этого факта, пишет, что подросток «остался у Даута (Лабахуа. – А. К.) в селе навсегда. Когда же возмужал, его женили, кстати, на сестре Батула (Куправа. – А. Э.) и, построив небольшой дом на территории своего земельного надела, пустил его по самостоятельному пути жизни. Потомками этого человека являются многочисленные поколения граждан абхазской национальности, добрые, трудолюбивые патриоты нашей Родины с украинской фамилией»⁶⁸.

В первой половине XX в. в деревне образовался небольшой родовой посёлок фамилии Соломко. Старшина рода Мадыш активно участвовал в общественных делах села. Абхазы-Соломко теперь

живут в основном в городах Очамчыра, Сухум, Москва. Из представителей этой фамилии известностью пользовался К. Соломко – начальник связи г. Сухум. Кстати, он 15 мая 1918 г., в критический момент для Советской Абхазии, связал с Москвой председателя Ревкома Абхазии Е. Эшба по телеграфу, однако, В. И. Ленин в это время в Кремле не оказался. В 1950-х годах В. Соломко был главным врачом Акармарской больницы, затем работал в здравницах курорта Гагра. Максим Соломко активно участвовал в освободительном движении 1918–1921 годов, являясь бойцом Бедийского повстанческого отряда.

В селе Река Очамчырского района живут абхазы с фамилией Брум. О своём родословии Серёжа Кучович (1938 г. р.) 13 ноября 1994 г. рассказал мне следующее: «Родоначальником нашей фамилии в с. Река был Брум Сейт. Он здесь женился, создал своё хозяйство. У него были два сына – Тоупана и Куч, и две дочери – Машквала и Цаба. Старший сын Тоупана женился на Пото Морохия из села Илор (Елыр) и выделился от отцовского хозяйства, вырастил двух сыновей – Гоглика и Сандро. Куч жил с отцом, у него появились три сына – Джансух, Шота, Серёжа и две дочери – Кукла и Дзадза. У Джансуха – сын Борис; у Шоты два сына и три дочери, а у меня два сына, оба воевали во время грузино-абхазской войны. Теперь в с. Река живут четыре двора Брум. По происхождению мы арабы, сейчас уже абхазы. Наш родной язык – абхазский, говорим и по-мегрельски».

Беседу продолжил хозяин дома, у которого находились я и Серёжа – наш бывший педагог, уже пенсионер Иосе (Иосиф) Григорьевич Нармания (1905–1997). О том, как пришла фамилия Брум в с. Река он знал из рассказа своей бабушки. Приведём здесь отдельные моменты из него, поскольку они косвенно связаны с традициями и бытовой культурой не такого уж и далёкого прошлого.

– В доме крестьянина Нармания, – сказал Иосе, – воспитывался сын пакуашского князя Ачба. Мальчика звали Срыква (Срыкѳа). Рос он вместе с четырьмя сыновьями Нармания. Они были как родные братья. Срыква взрослым парнем вернулся к родителям, но он

постоянно общался со своими воспитателями. Между ними установились близкие родственные отношения. Когда Срыква решил жениться Нарманиевцы взяли на себя расходы по устройству свадьбы. В село Пакуаш были доставлены быки, вино, кукурузная мука и другие продукты, а также две оседланные лошади и одежда в виде подарков. Воспитателя своего сына Нармания князь Ачба одарил обильно. В числе подарков был молодой араб Сейт Брум. Это был самый дорогой подарок по тем временам.

Сейт в семье Нармания выполнял обязанности домашнего слуги (амац'уоы). Тогда слуга в абхазской семье не чувствовал себя униженно, считался членом семьи. Один из сыновей хозяина дома имел четырёх дочерей, а остальные растили одних мальчиков. И тот, у которого были только девочки, не очень хотел иметь дома слугу. Об этом как-то узнали состоятельные односельчане Кортава, которые, наоборот, очень хотели иметь слугой чернокожего араба.

Однажды в дом Нармания явилась делегация Кортава с просьбой дать им Сейта. Выслушав настоятельную просьбу гостей и обменявшись мнениями, хозяева выразили своё согласие. Состоялась довольно помпезная церемония приёма Сейта. Кортава привезли для хозяина дома Нармания роскошную белую бурку, постелив её на зелёную травку двора, полностью накрыли золотыми монетами. Членам семьи передали и другие подарки. Брум Сейта торжественно провожала семья Нармания.

У меня, автора этих строк, чётко сохранились в памяти детские впечатления конца 1920-х – начала 1930-х годов, когда я впервые увидел на сельских торжествах старшее поколение Брум – Тоупана, Куча и Машквалу. Мой взор сразу же привлекли цвет кожи и своеобразные черты лица, которые резко выделяли их от всех других людей, находившихся вокруг. Обратил внимание и на то, что их внешний облик воспринимался всеми взрослыми людьми привычно, обыкновенно, а Тоупана и Куча со своими односельчанами общались свободно и живо. Машквала активно вращалась в женском обществе. Очевидно, они уже прошли полную адапта-

цию в абхазском обществе. Мой детский взор не уловил никакого психологического или иного барьера во взаимоотношениях Брум и односельчан. А в школе их дети выглядели чуть смуглыми и более ничем другим не отличались от других школьников. Племянники Брум – Пония и Гита Берзения, жили в с. Река. Эти шустрые, чуть смуглые ребята почти не перенесли черты своих предков. В 1941 г. они ушли на фронт Великой Отечественной войны. А нынешнее поколение Брум уже прошло полную ассимиляцию – этническую и физическую. Для этого потребовалась смена жизни нескольких поколений.

В августе 1942 г. на берегу г. Сухум немецкие самолёты подвергли бомбёжке и обстрелу пароход, везший ленинградских детей-сирот под флагом Красного Креста. К горящему пароходу с берега устремились лодки. Это местное население спасало тонущих детей. Многих из них усыновили жители городов и сёл Абхазии. «Русские дети входили в дома абхазцев, как в свои родные дома»⁶⁹, – пишут авторы книги о долгожителях Абхазии. Сухумчанка Леля Киут-Паразия приютила двухлетнего ленинградского мальчика Гену Никитина. Для официального усыновления ребёнка потребовалось согласие и её мужа, а он находился на фронте. Но Леля нашла выход: усыновила мальчика на имя родителей и стала ему сестрой.

В 1942 г. Мамсыру Петровичу Киут (1818–1949 гг.) было 126 лет, когда его внучка Леля из Сухума привезла в дом бабушки ребёнка – сиротку Гену. Принимая его, Мамсыр сказал: «Этот мальчик счастливый. Он к нам в дом счастье принесёт, и мы ему счастье дадим. Беру его к себе. Русские люди – хорошие люди, они мне братья родные. Воспитаю русского внука. Ещё один хороший человек на земле жить будет»⁷⁰. Гена обрёл заботливого дедушку, который заменил ему отца и мать. В селе Кындыг он ходил с ним по садам, огородам, поднимался в горы, купался в море. День за днём дедушка Мамсыр раскрывал перед внуком жизнь во всей её привлекательной красоте. Гена Киут (1940–2007 гг.) получил традиционное абхазское воспитание. Единственный

его сын погиб в грузино-абхазской войне, похоронен в Сухуме, в парке Боевой Славы. Жизнь дедушки Гены продолжается в потомстве его дочери.

В абхазской этно-культурной среде абхазскими становились не только фамилии соседних, но и многих других народов. Нередко они сохраняли своё этническое звучание (Арнаут, Соломко, Брум и т.д.). Бывало, пришельцы принимали абхазскую фамилию или видоизменяли её на абхазский лад. Так происходило частичное пополнение фамильных имён абхазов и одновременно развитие генетических связей с другими народами.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ VI

Предания о фамилии Цымцба

В далекие времена в Цандрипше жили представители рода Цанба (князя, рассказчик называет их руководителями округа. – Ц. А.). Это были отважные и всеми почитаемые люди.

Однажды (место, где это произошло неизвестно) было совершено убийство, в котором был замешан один из людей Цанба. По обычаю горцев, человека, совершившего какое-либо преступление, не преследовали (не мстили), если он навсегда покидал место, где он жил. Так случилось и на этот раз.

Беглец поселился в селе Бармыш, звали его Чацв, от него пошли Цымцбовы. До сих пор одно из мест в лесу, близ села, носит название, связанное с его именем – Чацв игуарта.

*Записал Адгур Цымцба, студент
Абхазского госуниверситета, со слов 70-летнего
Цымцба Наиба Ситовича.
Бармыш. 25.11.1990 г.*

Давным-давно это было, об этом не помнят и многие седобородые старцы. Жили в селе Бармыш три брата из фамилии Цымцба (имена их неизвестны. – Ц. А.). Старшие два брата поднимались до восхода солнца, целый день трудились, а ложились, когда солнце уже давно село. Третий брат – младший, был медлительный и ленивый. Сестер у них не было и они взяли на воспитание девочку.

Как-то раз, когда двое старших братьев отсутствовали, а дома оставались младший брат и девочка, пришел незнакомец и стал уговаривать парня отдать ему девочку, взамен предложив (пообещав привести) другую. Юноша отдал воспитанницу, и незнакомец ушел. Поздно вернулись домой старшие братья и видят, что девочки нет. Стали расспрашивать брата, где девочка, что случилось... После услышанных слов они очень огорчились и обиделись на брата за то, что он их опозорил.

Размышляя над происшедшим, они решили покинуть родной дом, так как не смогли снести такого позора. Куда они ушли и что с ними случилось, об этом до сих пор в Бармыше никто не знает.

*Записал Адгур Цымцба
со слов Камлия Бабуси (1926 г. р.).
Сухум. 27.11.1991 г.*

Мирод Жиба рассказал Золотинску Цымцба следующее: «Еду я в электричке со знакомыми, говорим по-абхазски, а рядом сидит пожилой мужчина, лет под 70. Он тоже принимал участие в нашей беседе. Неожиданно он спросил меня, откуда я родом, я ответил, что из Бармыша. «А Цымцбовцы там живут?» Я удивился, откуда он может знать о них, но ответил: «Да, я их знаю, они мои соседи». – «А много их там?» – спросил собеседник. «Да. Много» – ответил я. Тогда он говорит: «Моя фамилия Цымцба, но я сейчас ношу другую фамилию и записан грузином, живу в Гальском районе. У нас все знают, что мы Цымцбовы, старики знают еще абхазский язык, а молодые забывают».

*Записал Адгур Цымцба
со слов Золотинска Цымцба (65 лет).
2.11.1993 г.*

Сакут, живший в середине XIX в., погиб с родным братом при переправе через р. Бзыбь в возрасте 30 лет. Он отличался светлым умом. Как говорит дедушка, «ходил с князьями», среди которых у него были и друзья. Во время войны между Россией и Турцией (по всей вероятности, Крымская война) у себя дома со своими товарищами прятал оружие.

Мамсыр и брат его Ханьшә – очень воинственные, часто выступали на сельских сходах, пользовались уважением среди односельчан. Ханьшә репрессирован в 1937 г., так же, как и Никуа Цымцба (в начале коллективизации в Абхазии), который выразил недовольство тем, как платили за труд. О их судьбах мы до сих пор ничего не знаем.

На фронтах Великой Отечественной войны сражались наши отцы и деды, двое из них – Хирбей и Симон – пропали без вести. После войны многие работали в колхозе. Қанбей Ситович был председателем колхоза в селе Бармыш. Сейчас молодые работают в различных сферах. Бармыш – наше родовое гнездо, где мы и сейчас живем – 9 дворов. На сегодняшний день Цымцбовы проживают в с.Бзыбь – 2 двора, в Бамборе – 4; в городах: Гагре – 2 брата, Гудауте – 3 семьи, Сухуме – 6 семей, Ленинграде – 1 человек, Хосте – 1 семья. Всего насчитывается свыше 50 душ мужского пола.

Записал Адгур Цымцба.

Сухум. 4.XII.1991 г.

Об Урусе Лакоба

Лакуа (Лакоба) Урус принадлежал к ветви (абипара) Жьбарацәи-пацәа рода Лакоба (Лакуараа). Именно в его семье воспитывался будущий владетель Абхазии Дмитрий (Омарбей) Чачба, сын владельца Абхазии Георгия (Сафарбей).

... Владетельный князь Дмитрий в основном пребывал не в Лыхнах, а в Сухумской крепости под охраной казаков, с народом «своим» не общался, в том числе с представителями его высшего сословия. Поскольку он был воспитанником Уруса, это обстоятельство налагало на последнего особую ответственность за поведение воспитанника, что во многом предопределило принятие им к исполнению решения совета абхазских старейшин в Лыхнах, постановившего считать владетеля предателем абхазского народа, заслуживающего казни. Совет старейшин, исполнение своего решения возложил на Уруса. По преданию Урус, вняв просьбе старейшин, в сердцах воскликнул: «Ну что ж, Бог знает, что делает. Значит я заслужил такое. Ведь и на мне грех и вина за такое воспитание княжича!».

Тамара Мачаговна Лакоба (троюродная сестра Нестора Лакоба), в частности, свидетельствовала о том, что ее дед Дахэыкуа и ее старший брат Ханашэ (дед Нестора) общались со своими родственниками – братьями Уруса (Гугумом и др.), ушедшими в Абжуйскую Абхазию – первоначально в Мокву, потом в Тамышь (где оставались продолжительное время), а затем окончательно обосновавшимися в Кындыге, и их сыновьями Сабыдой и др., а ее брат Ташэ и Кантас со следующим поколением своих кындыгских сородичей-сверстников – Тамшьыгуом, Мустафой и др. О тесном общении кындыгской ветви Лакоба со своей «метрополией» в Лыхны в свое время однозначно подтверждали, кроме 92-летней Тамары Мачаговны (в присутствии Зосима Арутановича Лакоба), Роман Кьагусович, Иван Дмитриевич, Дарикуа Дмитриевна, а из ныне здравствующих Алексей Мустафович Лакоба и др. По свидетельству моей мамы, Зинаиды Васильевны, урожденной Лакоба, общение вплоть до 1937 г. было очень тесным. Так, один из сыновей Лакутаа Тамшьыгуа Датиква месяцами и даже годами проживал в доме Дмитрия Халыловича Лакоба, а затем не без содействия сына последнего, Василия, был отправлен на учебу в Россию, после завершения которой стал одним из первых высококвалифицированных специалистов-абхазов в области телефонной связи...

Братьев Уруса в Кындыге, равно как и их потомков, до сравнительно недавнего времени называли (впрочем, как и сами себя) не иначе как Лакуа Гугум, Лакуа Сабыда, Лакуа Тамшьыгу (по свидетельству Куеизы Тамшьыгуовны, Этери Мустафовны Лакутаа и др.), т.е. так же, как и их родственников в Лыхны – Лакуа Халыл, Деметр, Тагу, Саат, Кантас, Василий, Дыгу... в Кындыге их называли Лакуаа, тогда как сородичей из Лыхны называли Лакуараа...

Примечательно, что после описанного выше трагического исхода взаимоотношений Уруса Лакоба и Дмитрия Чачба, отношения молочного родства между домом владельца Абхазии и родом Лакоба и практика аталычества между ними не только не были утрачены, но и продолжали развиваться и после упразднения княжества. Последний акт аталычества между названными фамилиями приходится на самый конец XIX века. Небезызвестная Инджьы-Ханым Чач-пха (будущая теща известного революционера Самсона Пилиа) в детстве воспитывалась в семье Тагу Лакоба и имела «лакобовское» детское имя Таата, а ее молочный брат Алыкьса Тагуович Лакоба был крестным отцом своего ближайшего родственника Василия Лакоба, ставшего впоследствии известным революционером и которого Алыкьса называл не иначе, как «Схуантас»...

Потомки представителей боковой ветки Уруса Лакоба под фамилией Лаквитава (русско-мегрельская транскрипция общеродового имени Лакуараа) без малого 180 лет компактно проживают в селе Кындыг Очамчырского района в количестве 20 дворов, восстанавливают сильно потрепанное во время грузино-абхазской войны хозяйство, залечивают раны, нанесенные ею. Есть среди них и погибшие в этой войне...

*Якуб Лакоба (1949 г. р.),
юрист, общественный деятель.
3.07.1997 г. Сухум.*

Из истории фамилии Бабыша Цыцба*

Бабыш Цыцба из племени убыхов (садзов). Племя занимало территорию Сочи – Адлера. Бабыш был командующим войском племени. Войско состояло из однофамильцев Цыцба. Оно содержалось местным населением. Однажды Бабыш со своим войском посетил дворянина Маан, который был в состоянии накормить войско. Слуги Маан вывели черного тощего быка. Бабышу бык не понравился и потребовал его заменить. Слуги отвели быка назад, замазали углем белый лоб и опять привели того же быка. Оскорбленный Бабыш заявил дворянину Маан, что тот не уважает войско и за обман пригрозил: «Сниму твою голову моей тупой шашкой!». Испуганный Маан отдал хорошего быка, угостил войско как полагалось. Маан был в родстве с князем, который управлял данным племенем, и пошел жаловаться к нему. Князь выслушал жалобу и обиделся на Бабыша Цыцба не за то, что он угрожал дворянину Маан, а за то, что шашку, которую он сам, глава племени, подарил Бабышу, тот назвал «тупой и ржавой». Глава племени вызвал Бабыша, выразил недовольство его обращением с дворянином Маан и приказал: «Сними шашку, которую я подарил. Я освобождаю тебя от должности полководца!». Бабыш снял шашку и отрезал голову князю. Сам же со своим войском перешел к другому князю в с. Атара, которого, как говорят, звали Баталбей Ачба. Резиденция последнего находилась в крепости, расположенной на берегу р. Кодор. Этот князь с радостью принял Бабыша с его войском... Он изменил фамилию Бабыша на Как-баш (Режь башку, т.е. – головорез). Бабышу Цыцба было присвоено звание князя. Когда Бабыш постарел, командование войском перешло по наследству к его сыну Керкенжу...

* Ной Бочевич Какубава, житель села Тоумыш Очамчёрского района, агроном по специальности, написал историю фамилии Цыцба – Как-баш – Какба – Какубаа – Какубава. Здесь приводятся выдержки из рукописи этой работы.

У Керкенжа было три сына: Хут – старший, Махтала – средний, Хатала – младший. Они обучались военному делу у себя, имели наилучшее современное оружие. Войску Керкенжа, по приказу князя, была поручена охрана границы по р.Ингур от гор до моря. Здесь, в устье Ингура, турки часто высаживали десант. Абхазский военный пост был расположен в селе Джвари, которое принадлежало Абхазскому княжеству. Тогда и село Ганмухури тоже входило в Абхазию...

В те времена оружие закупалось за границей. Практиковалась торговля людьми с Египтом и Турцией, продажа нарушителей границы иностранцам... На вырученные деньги приобреталось оружие.

Владелец Мегрелии Дадиани был заинтересован в присоединении села Джвари к своему владению. Однажды Дадиани со своим воспитанником Хубутия, который жил в Джвари и находился в хороших отношениях с абхазским войском, прибывает в Джвари в гости на абхазский пост. Владетеля Мегрелии угостили как подобает, а затем проводили по всем правилам абхазского церемониала.

Дадиани выразил удовлетворение приемом. Он хорошо присмотрелся, увидел преимущество военной техники и боевого порядка абхазского войска. Уезжая, он пригласил к себе в гости начальника этого войска Керкенжа и его сыновей – Хуту, Махталу и Хаталу. «Мы должны быть друзьями, у нас должны быть хорошие взаимоотношения», – сказал он им, прощаясь.

Через некоторое время Дадиани направил своего представителя в Джвари, на Абхазский пост, и пригласил военных руководителей в свой дворец.

В назначенное время Хут, Махтала и Хатала при оружии явились на званый обед. Тамадой был назначен Чиковани. Девочка (служанка) тайно сообщила Хуту, что хозяин хочет арестовать братьев, предупредила не пить. Они насторожились, пригубили 2–3 обязательных стакана. Пить больше отказались, при этом заявили: «Мы пришли к вам в гости поговорить о наших добрососедских отношениях. С благодарностью принимаем вашу хлеб-соль, уйдем от вас

достойно – не пьяными. Тем самым выражаем наше глубокое уважение к Вам...».

Хозяин видит, что гости трезвые, арестовать их в таком виде невозможно. Изменив тактику, он грубо заявил: «Вы брезгаете нашей хлеб-солью, нет у вас совести и человечности». Дело дошло до применения физической силы. Во дворце три брата одержали победу. Но во дворе, внутри крепости, на них напала охрана дворца. В рукопашном бою абхазы уничтожили многих воинов Дадиани. Хуту в этой схватке отрезали обе ноги, и он остался в крепости, а Махтала и Хатала с боем вышли из крепости. Хута посадили в тюрьму.

Хатала и Махтала, вернувшись в Джвари, мобилизовали свое войско, напали на дворец Дадиани, разгромили гарнизон и из тюрьмы вызволили Хута. В гневе абхазские войска сожгли дома богатых людей и близких родственников мегрельского владельца, в том числе и Хубутия, забрали в плен мужчин, женщин, детей, захватили скот. Вместе со всем награбленным и людьми прибыли в село Гумуриши. В сельскую крепость загнали женщин, детей, мужчин, закрыли двери и все погибли там от голода... Зло породило зло...

Были сделаны попытки помириться, но не удалось. Абхазская сторона отвергла предложения Дадиани.

Хут женился, у него родились два сына: Чук и Хуна Как-баш. Мегрельский князь прибег к другому методу примирения – украл старшего сына Хута – Чука. Мальчик воспитывался в доме владельца. После этого пришлось помириться с мегрельским владельцем, воспитателем Чуки...

Абхазские войска, после погрома дворца мегрельского владельца, оставили Джвари, передислоцировались в Гумуриш. Они отказались от военной службы. Как-баш (Цыцба) потеряли военные должности и княжеский титул...

В Гумурише Как-баш занялись сельскохозяйственным трудом. Фамилия Как-баш по истечении определенного времени потеряла последнюю букву «ш». Осталась фамилия Какба, которую в мое детство носил весь наш род. Позже Какба, при моей жизни изменилась – фамилия наша принимает форму Какубава.

Наши предки сохранили связь с прежним местожительством. Занимались скотоводством на территории Северного Кавказа, особенно в районе Красной поляны.

У Чука Как-баш (Какба) родился сын Камлат. Он получил образование. Имел скот на Красной поляне, за которым сам временами ходил. Пользовался большим авторитетом среди населения. Село Окум, как известно, было центром удельного княжества. Здесь созывались большие народные собрания. Камлат был знаменитым оратором...*

О родословии Какубава

По преданию, которое хорошо сохранилось в памяти рода Какубава, наша фамилия первоначально звучала иначе. Наши далекие предки носили фамилию Цыцба, жили они, как говорят, где-то в районе Псху. Совершив убийство, братья Цыцба оставили родные места и направились на юг Абхазии. Здесь они получили фамилию Какубава. Это была новая абхазская фамилия. Она не связана с другой абхазской фамилией Какоба. Мы с фамилией Какоба не имеем родства. Наше родословие идет от Цыцба.

Наши однофамильцы сейчас живут в с. Гумуриш Гальского района, в селах Гуп и Арасадзыхь (Цхенцкар) Очамчырского района, а также в других селах и городах Абхазии и за ее пределами. Все мы поддерживаем тесные родственные связи между собой, знаем, что мы, Какубава, произошли от братьев Цыцба.

Сейчас в Гумурише насчитывается самое большое количество дворов Какубава, приблизительно около 185 хозяйств, в Очамчырском и Ткварчалском районах – более 50 хозяйств.

* *Рукопись «История фамилии Бабыша Цыцба» Н.Какубава в 1985 г. передал Сеферу Естатьевичу Какубава. Настоящий материал мне по моей просьбе любезно предоставил в июле 2001 г. студент IV курса АГУ Какубава Тенгиз Рудикович.*

Гумуришские Какубава потеряли родной язык, стали мегрельцами. Но они наши братья, у нас один общий предок Цыцба. Какубава абхазы и мегрельцы до грузино-абхазской войны 1992–1993 годов проводили общие фамильные сходы. И после войны мы продолжаем общаться, ищем друг друга.

В с. Тамыш жил Ной Бочевич Какубава. Он написал подробную историю нашей фамилии. Рукопись истории фамилии Какубава сейчас находится у сына Ноя в с. Тоумышь.

В городе Ткуарчале живет Какубава Мамия, ему 75 лет. Он хорошо знает историю нашей фамилии. У него 6 сыновей и 3 дочери. Три его сына живут в с. Царча, а три – в г. Гали. Они сейчас мегрельцы, но хорошо знают о своем абхазском происхождении.

*Записано мной со слов Баграта Какубава
(1935 г. р., житель с. Гуп Очамчырского района).
Сухум, 7.04.1996 г.*

Гумуришские Какубава, откуда я родом, вначале имели фамилию Цыцба. Об этом говорил мне отец, по специальности инженер-строитель, в последние годы жизни работал в Курортном управлении Абхазии. Какубава-абхазы и гумуришские Какубава-мегрельцы вышли из одного дома, у нас одна родовая линия. Наш предок Цыцба. Так повествует родовое предание.

*Записано со слов Мананы Какубава.
Сухум, 16 января 1996 г.*

Пятеро братьев из Лыхны и их потомки

В давние времена – лет двести назад, а может быть и больше, в селе Лыхны жили пятеро братьев по фамилии Шакрыл. После ссо-

ры с оскорбившим их местным дворянином они убили его, и, взяв с собой самое необходимое из имущества и скот, двинулись на юго-восток – в Абжуйскую Абхазию. Остановились в селе Тамыш, но спустя некоторое время решили, что тут все же небезопасно, что кровники могут прознать про них. Последовали дальше, наконец окончательно осели в Самурзаканской Абхазии, в селе Тагилон, что на самом берегу Ингура. Из соображений предосторожности они сменили фамилию Шакрыл на Шария. Но младший из братьев сбежал и вернулся в Тамыш к молодой вдове по фамилии Гогия, в которую до того успел влюбиться... От старших братьев пошла многочисленная мегрельская ветвь фамилии Шария, а от младшего – куда более чем малочисленная – абхазская, представителем которой являюсь я.

Такова эта романтическая легенда, которая из уст в уста передавалась в нашем роду. Как и всякая легенда, она не имеет документальных подтверждений (ведь письменная история абхазов совсем короткая), и в некоторых своих местах разновариантна. Впервые я узнал ее от отца в той версии, которая изложена выше, но от некоторых других родственников приходилось слышать ее и в таких вариантах: кто-то говорил не о пятерых, а о трех братьях Шакрыл, кто-то – что в Тамыше остались жить два брата, а не один...

Но сомнений, что история эта поддельная у меня нет – слишком много имеется тому независимых друг от друга свидетельств и косвенных подтверждений... Любопытно также то, что еще в первые десятилетия нашего века (XX в. – А. К.) тагилонские Шария отправлялись ежегодно на моления в Лыхны (возможно, как раз на Пасху) и по дороге к ним присоединялись тамышские...

Ту же самую историю происхождения нашей фамилии рассказывал, между прочим, и бывший преподаватель Абхазского государственного университета, представитель ее Гальской мегрельской ветви Серго Шария (из Тагилони, где они в основном живут и по сей день; потомки старших братьев Шакрыл поселились и в других селах Гальского района, а также в Очамчyre, Ткуарчале, Сухуме).

Кстати, есть у фамилии Шакрыл и другое ответвление – Ша-

кирбай. Проживая в основном в селе Багмаран Гульрипшского района в мегрельском окружении, Шакирбай тем не менее сохранили родной абхазский язык...

Виталий Шария.

Газ. «Эхо Абхазии», 18 июня 1997 г.

Как появилась фамилия Цейба

Наши предки жили в с. Гуада (Джгиардинская община, Абжуйская Абхазия) носили фамилию Цыба. В с. Джгиарда Толкак (Толкақ) Цыба убил князя Амаршан и переехал жить в с. Хуап (Бзыбская Абхазия) вместе с братьями Атун (Атун), Хасан и Куч (Куч). Они здесь обосновались: завели хозяйство, развели скот. Новыми поселенцами заинтересовался князь Аемхаа. Он направил к ним дворянина Маан, который явился верхом к братьям-пришельцам и стал разговаривать с ними грубо. Маан остался недовольный приемом. На второй день он вновь явился к поселенцам и застрелил стоявшего во дворе ребенка. Братья решили отомстить. Мать ребенка, родом Кужба, была из Псху. Ее отвезли к родителям. Толкак и Хасан ушли в лес (абна илалт). Маан встревожился – понял, что заимел весьма опасных, кровных врагов. Дворянин стал искать пути примирения, перегоняет скот, принадлежавший братьям Цыба, из с. Хуап в с. Джгиарда. Во время возвращения домой Маана в районе с. Тамыш убивает Толкак. Через некоторое время князь Амаршан в с. Мгуыдзырхуа устраивает засаду и убивает братьев Толкака и Хасана. Их похоронили в с. Мгуыдзырхуа.

В те времена убийцу искали по фамилии. Поскольку Цыба совершили ряд убийств, наш дед Куацвара (Куацәара) Цыба, чтобы себя обезопасить (ахыхьчаразы), поменял свою фамилию на Цейба и поселился в с. Лыхны.

Здесь наш род размножился. У нашего деда, Куацвары Цейба, были сыновья: Вета (Лаврентий), Леонтий, Игорь, Демыр, Сума.

Сейчас в с.Лыхны проживает семь дворов Цейбовых. Родословная, например, моей семьи в с.Лыхны насчитывает пять колен: Куацвара, Сума, Самсон; мои сыновья, Славик и Валерий, и их дети – пятое поколение.

Мы теперь носим фамилию Цейба, но наши дети все знают, что мы из Гвады, что там живут наши братья Цыба. Мы общаемся, видимся, как виделись (Гуадатәи Цыбеи ҳареи ҳашеибабац ҳаибабоит), памятуя, что у нас одно родословие, один общий предок – Цыба.

В с. Лыхны, в нашем доме, мы до сих пор имеем трехведерный глиняный кувшин для вина, предназначенный Илорскому храму. По традиции, наши предки во время религиозных праздников ездили в Илори, хотя рядом с ними находился Лыхненский храм, тоже христианский. Этот обряд мы стараемся соблюдать.

Теперь абхазы – Цейба живут в основном в с.Лыхны, а некоторые выходцы из Лыхны проживают и в других местах.

Есть абхазская фамилия, созвучная с нашей – Цвейба (Цәеиба).

Цвейбовы проживают в основном в с.Джирхва, а также в с. Джгирда. Нас объединяет только фамильное сходство, мы принадлежим к разным родам, наши фамилии разные. Тем не менее мы общаемся как родственники, между нами запрещены браки.

Записано мной со слов Самсона Цейба

(1919–2008, житель с. Лыхны Гудаутского района).

Сухум, 4.03.2000 г.

О фамилии Чаабалрхуа – Шат-ипа

В Бзыбской Абхазии князя Чаабалрхуа жили в основном в селах Мгуыдырхуа и Звандрипш. Они были известны своей демократичностью, пользовались уважением среди крестьян, имели свой фамильный флаг и герб.

Звандрипшский князь Чаабалрхуа еще до проведения крестьян-

ской реформы раздал свои земли крестьянам. Это вызвало недовольство среди других князей. С данным обстоятельством связан один любопытный факт, имевший место в Звандрипше и ставший достоянием населения округа. Однажды Кутаисский губернатор объезжал Бзыбскую Абхазию. Каждый влиятельный абхазский князь считал честью достойно принять высокого гостя в своем имени. Звандрипшский Чаабалрхуа организовал для приема губернатора специальное застолье. Однако гость не посетил его имение. Тем самым он публично проигнорировал гостеприимного хозяина, унизил его княжеское достоинство. Это было сделано не без наущения абхазских князей, недовольных тем, что Чаабалрхуа показал «дурной пример», раздав свои земли крестьянам. Звандрипшский князь, хотя и был публично унижен, не очень огорчился оскорблением, ибо такое унижение обильно компенсировалось уважением и добрым отношением, которое он получал от крестьян, подданных ему.

По сохранившемуся преданию, Мгуыдзырхвские князья Чаабалрхуа имели постоянные стычки с влиятельными князьями Ачба. Они продолжались из поколения в поколение почти сто лет. Временами не обходилось без жертв.

Сохранилось родовое предание о том, почему князь Чаабалрхуа покинул с. Мгуыдзырхуа и переселился в с. Река. Причиной стало убийство человека. Однажды крестьянин, подданный Чаабалрхуа, убил зайца в лесу, принадлежавшего дворянину Маргания. За этот поступок, жестокий и своенравный дворянин задержал сына этого крестьянина и стал ему угрожать. Отец обратился за помощью к своему князю Чаабалрхуа. Во время разборки Чаабалрхуа убил дворянина Маргания. Род Маргания был сильным и весьма влиятельным. Братья Чаабалрхуа вынуждены были оставить свое Мгуыдзырхвское имение и уйти в южную Абхазию. Братья Чаабалрхуа обосновались в с. Река Самурзаканской Абхазии под фамилией Шат-ипа.

Это предание живет среди старшего поколения Чаабалрхуа и Шат-ипа. Сегодня еще поддерживаются традиционные родствен-

ные связи между представителями этих двух в прошлом известных абхазских княжеских фамилий. Они знают о своем общем родословии.

*Записано мной со слов Анатолия Чаабалрхуа
(житель г.Новый Афон).
Сухум, 12–13 ноября 1997 г.*

О родословии лыхненских Чачибаиа

Меня очень интересует родословие Чачибаиа, история нашей фамилии. Об этом мне кое-что известно от родителей.

Прадедушка Екуп и дедушка Мурзакан были влиятельными князьями в Бзыбской Абхазии. Земельные владения их простирались от Ажымчыгра до Бамборы. Имение Чачибаиа находилось в центре села, рядом с Лыхненской поляной. Огромный фруктовый сад, заложенный ими, был богатым по составу растений и показательным, его называли «мичуринским садом». Я помню этот сад: аллеи белых, оранжевых и красных сортов сливы, ряды персиков, яблок, груш самых разных сортов, включая и местные абхазские, и другие плодовые... Любо было смотреть. Сад, к сожалению, был выкорчеван во время строительства на этой территории лыхненской чайной фабрики. Тогда же было снесено наше родовое кладбище, где могилы были выложены белым мрамором. Мы до сих пор храним фрагменты этих мраморных плит.

У нашего деда Мурзакана Чачибаиа было три сына – Саша, Жора и Алеша. У Жоры два сына – Нури живет в Сухуме, а Отари в Москве. От Алеши три дочери – Алла, Света и я – Нелли. Наша мама, Пимпия Зинаида Уазбакевна, живет в с.Лыхны. В нашей деревне теперь не живут мужчины из фамилии Чачибаиа.

В селах Уатхара и Джирхва проживают Чачибаиа, но они к нашему роду не принадлежат.

К нам в Лыхны приезжали Чачибаиа мегрелы, они говорили,

что их предки Чачба когда-то уехали из Абхазии в Мегрелию, где они омегрелились. Я хорошо помню, что наше общение всегда было взаимно теплым.

Во время учебы в Сухумской фельдшерской школе нас повезли в Ачигварский чайный совхоз собирать чай. Когда директор совхоза Чачибаиа Гриша узнал, что среди учащихся есть девочка Чачибаиа из Лыхны, он был этому рад, устроил в честь меня обильное застолье.

Незадолго до грузино-абхазской войны наш сосед по дому, Хашба Валерий, работавший архитектором в Сухумском райисполкоме, рассказал мне о том, как он познакомился с одним Чачибая сваном, который купил дом в с. Ачадара. Валерий передал мне его слова о родословии сванских Чачибаиа, приблизительно так: «Мы живем в Верхней Сванетии. Нас там было много. Наше село называют абхазским, оно является одним из больших в районе. Наши предки, согласно преданию, вышли из абхазского села Лыхны. Что мы родом из Абхазии, знают все наши однофамильцы и другие соседи сваны. У нас, в сванском роду Чачибаиа, говорят, что в Абхазии, в Лыхненской церкви, похоронен наш предок. В нашей деревне Чачибаиа построили христианскую церковь, именуется она Лыхненской. Я очень хочу увидеть абхазское село Лыхны, познакомиться с абхазами Чачибаиа».

К сожалению, наше знакомство не состоялось, вскоре началась война.

*Рассказала Нелли Чачибаиа,
родилась в с. Лыхны в 1941 г.
Записано мной.
Сухум. 28.01.2001 г.*

P.S. Мама Нелли – Пимпия Зинаида Уазбакевна, 1922 г. р., интересная собеседница, о родословии Чачибаиа, естественно, знает гораздо больше, чем дочь. Она, будучи в Сухуме, подтвердила все, что рассказала Нелли.

Мурзакан Чачибаиа в народе пользовался уважением. Его жена, Гублия-Чачибаиа Соломия, работала учительницей в Лыхненской школе, была женщиной уважаемой. Ее брат Гублия Николай – полковник царской армии, а другой брат – Гублия Шабат в начале XX в. обратился к русскому царю Николаю II с письмом о необходимости введения богослужения в церквах на абхазском языке.

Записано мной со слов Зинаиды Пимпия.

Сухум, 31.01.2002 г.

Чачибаиа Любовь о родословии своих предков

Отец мой Александр (Аристарх) родился в 1904 г. в г. Зугдиди, работал директором Тамышской начальной сш. В 1937 г. был репрессирован.

После ареста отца я воспитывалась в с. Цхенцкар, в доме родителей моей матери, в абхазской семье Квасия. Окончила Тамышскую среднюю школу (1944), затем Сухумский пединститут (1948). Вышла замуж за Ахба Мурата Сулеймановича. У нас два сына: Игорь (1949) и Олег (1954).

Все мои родичи – Чачибаиа живут в Зугдиди. Ближе всех ко мне был брат моего отца, дядя Харитон (Туту). Он приезжал в Сухум, останавливался у нас дома. Был участником ВОВ, имел награды, складно говорил, находился в дружественных отношениях с моим мужем Муратом. В начале 80-х годов сын Харитона, Борис, женился на племяннице секретаря Зугдидского райкома партии Тодуа, невестку привез к нам домой – два месяца до свадьбы она находилась у нас. Мои двоюродные братья из Зугдиди часто приезжали к нам.

Мой дядя, Харитон Николаевич Чачибаиа, у нас дома, во время застолья, в присутствии зугдидских и сухумских Чачибаиа и других гостей сказал: «Мой отец Нико рассказывал нам, что мы, Чачибаиа, вышли из Бзыбской Абхазии – наша абхазская фамилия Чачба. В

Мегрелии мы сохранили свое княжеское сословное положение, имели зависимых крестьян, среди них были крестьяне Пагава, которые обслуживали нас». Присутствовавшие, как Чачибаиа, так и другие (Квеквескири, Надарая и т.д.), в подтверждение привели факты.

Харитон бывал у нас в Ачандаре и в других селах Гудаутского района. Он всегда особо подчеркивал свое абхазское происхождение, с нескрываемой гордостью говорил о своем абхазском княжеском роде.

Некоторые мегрельцы Чачибаиа в советское время занимали руководящие посты. Например, родной брат моего дедушки Нико – Гриша Чачибаиа – многие годы был секретарем Зугдидского райкома партии, а потом жил в Абхазии, находился на ответственной хозяйственной работе. Мой родной брат Чачибаиа Гурам (внебрачный сын моего отца) – бывший заместитель министра внутренних дел Грузии, живет в Тбилиси. Сейчас в Зугдиди и в других районах и городах Мегрелии живут Чачибаиа. До грузино-абхазской войны мы регулярно общались с некоторыми из них.

В с. Лыхны живут абхазы Чачибаиа. Я знала братьев Георгия (Жора) и Алешу Чачибаиа. Они умерли перед войной. С их детьми я не знакома.

*Записано мной со слов Любови Чачибаиа,
родилась в с. Тамыш в 1926 г.
Сухум. 31.03.2000 г.*

О Чачибаиа из Местии

Это было в 1992 г за 3–4 месяца до начала грузино-абхазской войны. Я тогда работал главным архитектором в Сухумском райисполкоме. Некий сван Чачибаиа приехал в Сухум для постоянного жительства из Верхней Сванетии – Местии – с женой и двумя детьми. Купил дом в с. Ачадара. С большим интересом говорил он о своем абхазском родословии. «Наши далекие предки по каким-то

обстоятельствам вынуждены были выселиться из с. Лыхны, – сказал он. – В Местии им было выделено большое и красивое село, которое сваны стали называть абхазским. Род Чачибаиа здесь размножился. Сохранил за собой свое княжеское сословие. Построили христианскую церковь, интерьер которой оформлен фрагментами, взятыми из Лыхненского храма. Чачибаиа на трех горных вершинах села воздвигли сванские кошки – башни. Наш абхазский род пользовался уважением среди сванов; конечно, и мы теперь сваны. Многие Чачибаиа – сваны, получив образование, стали уезжать из деревни, работать по специальности в городах. Особенно много сванов Чачибаиа обосновалось в Тбилиси. Сейчас в нашей деревне проживает только 27 Чачибаиа, так как условия жизни в Местии не удовлетворяют потребности молодых людей, получивших специальности. Мой старший брат переехал жить в г. Гагра. Я хочу своих двух детей отдать в абхазский детский сад, увидеть родное село Лыхны, познакомиться с абхазами-Чачибаиа, желаю вернуться к своему корню».

Выслушав его, я обещал ему устроить детей в абхазский детский сад, познакомить с Чачибаиа-абхазами. Но вскоре началась война, и мы потеряли связи.

Имя его я не запомнил. Записи же, которые сделал из его рассказа, хранились в моем сейфе, в рабочем кабинете. Во время войны они исчезли.

Записано мной со слов Валерия Хашба.

Сухум. 04.06.2001 г.

О фамилиях Арлан – Арлания

Старшее поколение абхазов Арлан общалось с однофамильцами из родословия Арлан, проживающими в с. Дарчели (Зугдидский район). Они сейчас носят фамилию Арлания. Их предки были абхазами, переселились из Абхазии в Мегрелию, но мы связь друг с дру-

гом поддерживаем. Они приезжают к нам, мы – ездим к ним. Я лично бывал в Дарчели у Арлания Михи, Дзики, Ионы и др. Они забыли абхазский язык и теперь все Арлания, проживающие в Зугдидском районе, мегрелы. Но мы хорошо знаем, что у нас один родовой корень.

P.S.: А 31 января 2001 г. при следующей встрече Джондо Арлан сообщил: «Наши предки проживали в местности Ебырныха – в горной части с. Дурипш (Гудаутский район). После совершенного там убийства, переселились в с.Атара (Очамчырский район), а один из братьев обосновался в с. Дарчели (Зугдидский район).

В Абхазии сейчас Арланы проживают в селах Атара, Кутол, Акваскиа, в г. Сухум и Пицунде. В Абхазии нас всего 7 дворов. А в Мегрелии наших сородичей больше. В Дарчели в 1955–1956 годах, когда я там бывал, проживало 15 дворов Арлания. В Зугдиди живет Александр Арлания, его сын работал прокурором. Мы приглашали друг друга на свадьбы, ездили на похороны. В 1969 г., когда умер мой отец, они приехали в Атару на похороны».

*Записано мной со слов Джондо Арлан.
Сухум. 19.04.1996 г.*

О фамилиях Джопуа, Допуа, Джобава

8 апреля 1996 г. я познакомился с Джопуа Ражденом Елизбаровичем, 1920 года рождения, родом из с. Члоу, проживает последние 40 лет в г. Ткуарчал, участник Великой Отечественннй войны. Это замечательный сказитель. Себя считает необразованным, на самом же деле он человек широкого кругозора, природный интеллигент. Особенно хорошо знает абхазский быт и устное народное творчество абхазов. Очень нравственный, почитает Бога.

От Раждена я записал несколько легенд и сказаний. О своей фамилии он рассказал родовое предание, сохранившееся у однофа-

мильцев. «Родословие Джопуа в настоящее время представлено тремя фамильными ответвлениями, имеющими разное произношение и написание: Джопуа, Допуа, Джобава. Все эти три фамилии первоначально звучали как Джопуа (Джопуаа).

Джобава живут в с. Речхи Гальского района. Они раньше говорили на абхазском языке. Теперь они мегрельцы. Мы общаемся как близкие родственники. Брак между нами категорически запрещен.

Джопуа и Допуа проживают в основном в Очамчирском районе».

*Записано мной со слов Раждена Джопуа,
житель г. Ткуарчал, 1920 г. р.
Сухум. 8.04.1996 г.*

* * *

По фамильному преданию, Джопуа когда-то жили в районе Сочи. Оттуда они мигрировали в район Цебельды. Это произошло после какой-то большой войны, когда центральная Абхазия опустела (еибашьра дук ашьтахь, Ацсны агъы антацъы). Здесь они долго блуждали, никого не встречая. Затем они встретились с неким Ануа, с которым побратались. С этого времени появился запрет на браки между фамилиями Ануа и Джопуа.

Джопуа выбрали для жилья место в районе Цебельды. Здесь в предгорной части жили князя Маршаниа.

На горе Адагуа (на российской топографической карте «Сахарная голова») находилось их святилище (аныха) «Джяхашькар», вокруг которого росли липы. Однажды пастух князей Маршаниа, пасший коз неподалеку от святилища, обрубил несколько деревьев, за что был убит сыновьями служителя культа. Интересно отметить, что все информаторы называют главу семьи Джопуа апап (поп), а не служитель культа (аныхацааф).

Маршаниа, узнав о происшедшем, возмутились, и дело стало принимать нежелательный для Джопуа оборот. Понимая, что справиться с большим родом Маршаниа им не удастся, они оставили

эти места. Посоветовавшись, решили разойтись в разные стороны, чтобы, с одной стороны, затруднить поиски, с другой – если кто-нибудь и погибнет, уцелевшие продолжат род Джопуа.

Один из братьев спустился вниз, в район р. Кодора (в долине Маршаниа силу не имели) и, видоизменив фамилию на Допуа, поселился там.

Второй брат перебрался в нынешний Гальский район и изменил фамилию на Джобава. Отец с третьим сыном остановился в поселке Аймара.

Факт миграции рода Джопуа из района Цебельды в Аймару подтверждает наличие одного и того же топонима: горы Када (Када) как в Цебельде, так и в Аймаре. Возможно, есть и другие совпадения, но, к сожалению, старая топонимика Цебельды не изучена.

Джопуа мигрировали в Аймару со своей аныхой. До 1941 года представитель фамилии Джобава ежегодно, в день Пасхи, приезжал в Аймару на моления*.

Борис Джонуа (1956 г. р.), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. Гулиа. Сухум. 21.06.2002 г.

* Предания об общем родовом корне фамилии Джопуа, Допуа, Джобава, сохранившиеся у члоуских Джопуа и речхских Джобава, совпадают. Сын Зноба Джобава (предки его из Речхи) – Заур, инженер, проживающий в г.Очамчыра, от предков знает, что все эти три фамилии имеют одну общую родовую основу – Джопуа. Свою фамилию он интерпретирует как Джэбауаа. Об этом он мне рассказал в Сухуме 17.04.1996 г. По этнографическим же материалам Ш.Инал-ипа, трое братьев Допуа, по причине кровной мести, вынуждены были бежать из с.Адзюбжа. Один из братьев нашел убежище у князя Ачба в с.Члоу, где изменил свою фамилию на Джопуа, другой попал к речхинским князьям, где принял фамилию Джобава (см.: Ш.Д.Инал-ипа. Очерки по истории семьи и брака у абхазов. – Сухуми, 1954. С.22).

О фамилии пичорских Джинджолия

Известный абхазский писатель Алексей Джения рассказал о том, как он в с. Пичори Гальского района познакомился с Бата Джинджолия и узнал от него историю происхождения фамилии пичорских Джинджолия. Алеша сообщил следующее:

«После Великой Отечественной войны моя сестра вышла замуж за учителя Ачандарской школы Анчабадзе из с. Пичори Гальского района. В 1948 г. я, ученик 8-го класса, приехал в с. Пичори вместе со старшими. В доме нашего зятя был устроен традиционный большой прием в честь нашего приезда. В застолье участвовал 80-летний Бата Джинджолия. Этот почтенный, представительный мужчина попросил нас, ачандарских гостей, чтобы на следующий день мы пожаловали к нему домой. Наши старшие приняли любезное приглашение.

Бата зарезал быка, собрал своих соседей и братьев, устроил роскошный пир. С нами был наш зять и другие члены его семьи. Бата Джинджолия, устраивая пир в честь Джения, был движим добрыми, кровнородственными связями, о чем он и рассказал в своей застольной речи: «Наш предок, совершив убийство, вынужден был оставить родное село Ачандара и переселиться в Самурзакано. Он здесь свою фамилию Джения поменял на Джинджолия. Теперь нас тут более 10 дворов. Вот у меня в руках надочажная цепь, привезенная из Ачандары. Здесь только верхняя часть цепи. Когда-то она была целая, принадлежала нашим далеким предкам. Вторая, нижняя ее часть, находится в родном очаге – в Ачандарах. Эту ланчу (архнышьна) из Ачандарского нашего дома храним как реликвию. Она – память о нашем некогда общем очаге, нелепым случаем разделенном на две части. Цепь разорвана, поколения поменялись, но любовь к нашим далеким родственникам не стареет. Надеюсь, она будет обновляться, чему свидетельство сегодняшняя наша встреча».

Далее Алексей сказал: «Вернувшись домой, мы обо всем этом поведали нашим старшим. Пожилые ачандарские Джения сохранили это предание. А у 110-летнего Османа Джения оказалась вторая часть надочажной цепи, которую он бережно хранил. Осман полу-

чил ее в наследство от отца. Так из поколения в поколение передается эта семейная реликвия».

*Записано мной со слов Алексея Джения.
Сухум. 26.09.95 г.*

Алшэба (Алушба) – Иуан

Амрат Алиевич Иуан, сын известного абазинского писателя, выпускник Абхазского государственного университета (историк) рассказал мне предание о происхождении фамильного имени Иуан, бытующее в абазинском роду Ионовых:

«Это было задолго до присоединения Абхазии к России. Православный христианин, ревностный служитель Бога, священник, вероятно, Симоно-Кананитской церкви, по фамилии Алушба (Алшэба), преследуемый мусульманами-фанатами уехал из Псырдцхи (Новый Афон) на Северный Кавказ. Он продолжал служение Богу среди абазин. Свою фамилию Алушба изменил на Иуан, положив в основу свое личное христианское имя *Иуан* (Иоанн). От этой преобразованной абхазской фамилии священника Алушба берет начало новая абазинская фамилия Иуан.

В результате миграции абазинская фамилия Иуан получила распространение среди родственных народов Северного Кавказа. У адыгов эта фамилия звучит так же, как у абазин – Иуан, а в русском написании – Иваноков (Ианоков), у кабардинцев – Иуан. Кабардинские Иуан (Ионовы), как повествует предание, возможно, ушли вместе с 10 селениями абазин в Кабарду на войну против калмыков. В Кабарде ныне встречаются немало фамилий абазинского происхождения (Кардановы, Кокковы, Абазовы, Ионовы (Иванов), Загаштовы (Загаштоковы), вероятно, и другие. Многие кабардинские фамилии встречаются и у абазин».

*Записано мной со слов Амрата Иуан.
Сухум. 15.05.1998 г.*

О предке абазинской фамилии Чкату

«Я – абазин. Я – абхаз. Я – поэт», – так говорит о себе Микаэль Чкату. Он родился на Северном Кавказе, но разыскал корни своей древней фамилии в Апсны. Мать передала ему предсмертные слова отца, который считал, что его дети должны знать, что они абхазы, что прадед их из Самурзакана. Согласно семейному преданию, это был князь, который решил стать абреком и десять лет ходил в абреках, пока не пришел к абазинам, где принял мусульманскую веру и женился на дочери князя Шахима Лоова. Родители отказались от него и лишили наследства за непослушание и переход в иную веру. Истинное абхазское звучание фамилии Чкату – Чкотуа (Чкәотуа).

Узнав об этом, поэт всем сердцем потянулся к Апсны – она стала частью его жизни. Время учебы сблизило его с поэтом Владимиром Анкваб, позже он познакомился с другими абхазскими писателями, с Апсны, ее литературой, и сердце его запело на абхазско-абазинском. Родина предков открыла ему свои объятия.

Новая книга поэта «Сонеты» – его четвертая книга на абхазском языке...

У М.Чкату 23 сборника стихотворений и поэм на трех языках – абазинском, русском, абхазском. Он член Союза писателей России, заслуженный деятель культуры Республики Абхазия, лауреат Государственной премии им. Д. И. Гулиа (1998)...

По словам М.Чкату, он желает только одного – чтобы абхазы и абaziны сближались и в помыслах своих, и в своих языках. В его сердце рядом с Абазаштой всегда живет Абхазия».

*Лейла Пачулия. «Республика Абхазия»,
16–17.04.1998 г.*

О фамилиях Званбая – Гугушвили

В 1974–1981 гг. я по совместительству работал в Грузинском институте субтропического хозяйства. В те годы к нам в ГИСХ из

Тбилиси приезжал почтенный профессор М.М.Гугушвили как председатель Государственной экзаменационной комиссии по специальности «Механизация сельского хозяйства». Однажды он нам, членам ГЭК, рассказал следующее: «В нашем роду бытует предание о том, что наш далекий предок Гугу Званбая жил в с.Илори. Совершив здесь убийство, он бежал в Мегрелию. В целях конспирации присвоил себе новую фамилию Гугушвили, положив в основу ее свое личное имя Гугу. Фамилия Гугушвили получила распространение в Грузии»*.

*Записано мной со слов профессора Митрофана Гугушвили.
Сухум. 10.06.1979 г.*

О том, как молодой садз Цымцба в Мегрелии присвоил себе фамилию Цирамуа

В настоящее время в Чхороцкуйском районе Западной Грузии проживает большое число семей по фамилии Цирамуа. Нынешнее поколение помнит о том, что их предками были абхазы из рода Цымцба. Оно причисляет себя к шестому колелу фамилии Цирамуа.

Когда-то предок рода Цымцба за совершенное убийство в Абхазии (он был выходцем из Цандрипша) вынужден был бежать за пределы Родины. Оказавшись в Мегрелии, Цымцба решил жениться.

Однажды молодой Цымцба встретил девушку, которая ему понравилась. Невдалеке, у подножья дерева, на лужайке, отдыхал старик. Цымцба спросил старика: «Кто эта девушка?» (по-мегрельски девушка – «цира»). Старик был глуховат и переспросил молодого человека: «Муа? Муа?» («Что? Что?»).

* Мною этот вопрос не изучался, но в дальнейшем исследователь может заинтересоваться им. Званбая (Ажэанба) – известная абхазская дворянская фамилия. Гугушвили – знатная грузинская фамилия.

Впоследствии, женившись на этой девушке, Цымцба принял фамилию Цирамуа.

Об этом в 1993 г. рассказал мне Гурген Лонгорович Цирамуа, знавший о том, что он из рода Цымцба.

*Записала Мзия Квициния,
кандидат философских наук, доцент АГУ.
С. Джгали, Цаленджихский р-н.
Июль, 1993 г.*

О фамилии Кичба

Мне было 10 лет, когда умер мой отец – Кичба (Гечба) Мелитон Александрович, 1910 г. р., инженер-строитель, работал начальником отдела снабжения Грузлесстройторга г. Сухум.

Особого значения происхождению нашего рода – своей фамилии я не придавала до тех пор, пока не обратил на фамилию Кичба свое внимание профессор Г. А. Дзидзария (с его сыном Гудисой мы учились в одном классе 10-й абхазской средней школы им. Н. А. Лакоба), который сказал, что фамилия Кичба происходит от Гечба, но спросить у отца об этом я уже не могла.

Брат моего отца Тониа Александрович Кичба прожил 79 лет (у него было 9 душ детей, из них четверо сыновей), с его слов я узнала, что предки наши переселились из района Гьечрипш в село Звандрипш во время махаджирства, спасаясь от преследования. Он также помнит, что жили они зажиточно, у них были работники русской национальности, которые помогали по хозяйству.

У моего отца были две сестры. Старшая Алмасхан Кичба (Гечба), в замужестве Генаба, мне рассказывала, что ее предки были прирожденными наездниками и любили охоту. Сыновья младшей сестры отца – Веры Кичба-Папба, унаследовали эту любовь к лошадям, они были известными наездниками, мастерами конного спорта Абхазии, Грузии, СССР – не раз прославляли свою родину.

Дора Папба, Ким Папба и Дончик Папба воспитали целую плеяду известных абхазских конников (например, Харлама Симония). В свое время к ним приезжали из разных республик посмотреть скакунов, а в случае удачи и приобрести. Бывало, что скакуна дарили уважаемому гостю.

В 1975 году в Абхазию из Турции приезжает делегация потомков махаджиров во главе с Омаром Беигуа и Орханом Шамба. Во время посещения Дома-музея Д. Гулиа, где я тогда работала старшим научным сотрудником, Орхан Шамба, знакомясь со мной, отметил, что я очень похожа на свою соотечественницу Гечба Джамиллю, проживающую в Стамбуле. Когда он узнал мою фамилию, то уже не сомневался в нашем генетическом родстве. Он увез мою фотографию для Гечба Джамили.

Впоследствии мы очень тепло переписывались с Джамилей. Встретиться с ней мне так и не довелось. В 1990 году по приглашению родственников моего мужа – Тарба Таджетдина и его дочери Дильбар, мы посетили с семьей Турцию, города: Адапазар, Анкара, Стамбул. Конечно, я лелеяла надежду встретиться с Джамилей Гечба, но мне не повезло, она в то время отдыхала в Ницце (примечательно, что, узнав, где я нахожусь, она позвонила из Ниццы, приглашая приехать к ней).

Моя бабушка, по материнской линии урожденная Эмхаа, была замужем дважды. Первый муж – мой дед Маан Константин (учился в Сухумской Горской школе). После его смерти бабушку выдали замуж за вдовца Лакрба Гуду. Моя мама – Маан Любовь Константиновна – тоже волею судьбы была дважды замужем: первый – Куачал-ипа Аслан (был соратником Н.Лакоба), княжеского происхождения, репрессирован в 1937 году; второй – мой отец Кичба (Гечба) Мелитон Александрович, также княжеского происхождения. Дед по отцовской линии – Шаабан Гечба – его отец Тамшыгу Гечба. Дед по материнской линии Константин Маан. Мою бабушку, Нину Тапаговну Эмхаа – княжну, отдали на воспитание в крестьянскую семью Езната Кокоскерия из села Джирхва. В детстве меня бабушка часто возила к ним. Мы и сейчас общаемся как близкие родствен-

ники. Нину Тапаговну никто не звал по имени, все в округе называли ее «ахкэажэ» (госпожа). Она прожила 102 года.

Гули Кичба, 1949 г. р.,

филолог, председатель Движения матерей Абхазии.

Сухум. 08.04.2002 г.

О родословной семьи Шакирбай

По сохранившемуся в роду преданию, корни родословия фамилии Шакирбай уходят в с.Лыхны. Приблизительно в последней четверти XVIII в. Шакрыл Маху (Степан) был предводителем абхазских войск. За особые заслуги в борьбе за независимость, владелец Абхазии выделил Маху земли в селах Беслаху, Акуаскья и Гуп. Маху переселился в свое абжуйское имение, но в селе Лыхны сохранил свои земельные владения и дом. В Беслахубе жили его родственники – Кескиндж, Давид, Ахмед Шакрыл. В народе их называли «Шакрылаа аамыстцъа» (Шакрыли – дворяне). В некоторых официальных документах Маху известен как Шакрылбай. У Маху было четыре сына: Хасан, Урыч, Шьахан и Закара (Захар).

После присоединения Абхазии к России (1810), трое старших сыновей со своими крестьянами уехали в Турцию. В Абхазии остался Захар, и к нему перешли все отцовские владения и земли в Акуаске, Беслаху и Гуп, а также лыхненское имение. В детстве Захара нянчила рабыня семьи Маху, негритянка Кудинат. Она очень горевала и скучала по далекой Африке. Однажды она повела маленького Захара в магазин, купила баранки и, повесив их на шею мальчика, оставила его там, а сама исчезла. О судьбе ее более ничего неизвестно.

Захар Степанович Шакирбай (1840–1917 гг.) учился в Петербурге, вначале в военном училище, а затем в сельскохозяйственном институте. Крестил его по православному обычаю Фон-Бальц,

приближенный к русскому царскому двору. Портрет Захара Шакирбай, написанный одним из русских передвижников, хранится у потомков его семьи и является реликвией рода. Захар был участником русско-турецкой войны (1877–1878 гг.). Он являлся постоянным членом земельной комиссии Черноморского побережья по виноградарству и филосерии. Жена Захара, София Ивановна, преподавала в Сухумской прогимназии. В 1911 г. у Захара в Багмаранском имении бывал немецкий кавказовед, языковед Адольф Дирр, которому он и его старший сын Григорий предоставили ценную информацию о языке и быте абхазов.

Абжуйские родовые земли Захар безвозмездно передал абхазским крестьянам. Взамен ему было предложено выбрать землю в Сухумском округе. Объездив округ, как любитель-охотник он избрал Багмаран, так как здесь было много ланей. Прежде всего он за свой счет проложил дорогу, чтобы могли проезжать фэтон и арба. Сохранился помещичий паспорт на эти земли, выданный ему в 1880 г.

У Захара Степановича Шакирбай было шесть сыновей (Григорий, Петр, Константин, Федор, Виссарион, Георгий) и две дочери (Анна и Екатерина). Старший сын Григорий Шакирбай (1884–1958) получил образование в Краснодаре, по специальности агроном. Он, как и его отец, владел несколькими языками: родным абхазским, русским, немецким, турецким, мегрельским, грузинским и греческим. Незадолго до революции получил титул князя. В конце 20-х начале 30-х годов занимал ответственные должности в советских органах, потом был директором винзавода в Сухуме. После того, как в 1937 году был репрессирован его младший брат Константин (единственный коммунист в семье), Григорий был лишен права голоса («лишак») и последние годы жизни провел в с.Багмаран. В первом браке состоял с дочерью Мырзакана Маршьян Ксенией (умерла в 1936 г.). От этого брака у него было трое детей. Старшая дочь его Нина Шакирбай (1928–1985) имела пятерых детей. Средний сын Нины – Перцхелия Нугзар Мушниевич – инвалид Отечественной войны Абхазии 1992–1993 гг. Стар-

ший сын Григория, Джемал Шакирбай (1924–1998), ветеран ВОВ 1941–1945 г., от него двое детей: Римма и Константин. Римма после окончания Абхазского госуниверситета работает в Москве. Константин живет в Сухуме, у него пятилетняя дочь Нина. У младшего сына Григория, Александра (Артур) Шакирбай (1932–1999) двое детей: Захар и Екатерина. Они выпускники Абхазского госуниверситета. Григорий Захарович женился вторично на Макбуле Рашидовне Инапшба (умерла в 1990 г.). От этого брака родилась дочь Заира. Она ст.преподаватель кафедры английского языка в Абхазском госуниверситете. Ее муж, Тарба Радион Махазович, окончил Ростовский инженерно-строительный институт (1968 г.). Сын Заиры, Инал, ученик 10 кл. Сухумской горской школы №10.

Второй сын Захара, Петр Шакирбай (1890–1913), окончил мужскую гимназию в Ростове-на-Дону, затем учился в Петербурге в горном институте им. Екатерины II. Великолепно играл на скрипке, имел абсолютный слух. На конкурсе на лучшее исполнение «Кадрили» занял первое место среди студенческой молодежи Петербурга. Кроме родного абхазского и русского хорошо знал немецкий, французский и английский языки. Ему было 22 года. Во время отдыха летом в горах Абхазии умер от менингита.

Третий сын Захара, Константин Шакирбай (1891–1937), окончил Саратовскую мужскую гимназию, высшее образование получил в Москве. В 1918 г. вступил в партию большевиков. Работал в партийных и советских органах Абхазии. В 1937 г. был репрессирован и расстрелян.

Федор Захарович Шакирбай (1893–1948) был учителем математики, в 1937 г. был лишен права голоса, находился в с.Багмчран. Имел троих сыновей. Старший сын, Леонтий Федорович (1917–1980), окончил Чкаловское военно-авиационное училище, участвовал в ВОВ. Подполковник Л.Ф. Шакирбай завершил военную службу в должности заместителя командира авиаполка. Награжден орденом Отечественной войны I и II степени, орденом Красной звезды и восемью медалями. Средний сын Федора, Вахтанг Шакирбай (1922–2001), учился в художественной академии в Москве в классе

художника Кравченко. Ветеран ВОВ. Старшие дочери, Элеонора и Дареджан родились в Абхазии и проживают с семьями в Москве. Младшая дочь Вахтанга, Лиана Шакирбай, врач-кардиолог, работает в Москве. Младший сын Федора, Борис (1923 г.р.), живёт в с.Багмаран, инвалид ВОВ. Имеет одну дочь – Гульнару, она живет с семьей в Москве.

Виссарион Захарович Шакирбай (1894–1970) имел свои табачные плантации. При Советской власти был бригадиром, председателем колхоза в с. Багмаран. У В. З. Шакирбай одна дочь – Валентина, которая с семьей живет в с. Багмаран. У нее сын, дочь и четыре внука.

Старшая дочь Захара, Анна Шакирбай (1882–1934), была замужем за графом Александром Ивановичем Якубовичем. Он был знатным человеком, известным тем, что водрузил знамя Российской империи в Дамаске, был полномочным представителем России в Сирии. В Сухуме был одним из создателей реального училища, в котором работал преподавателем. Владел многими западно-европейскими языками. В Багмарани имел землю, часть имения Захара. Дочка Анны Шакирбай, Тамара, была замужем за врачом Андро Абашидзе (брат писателя Ираклия Абашидзе). У Анны было еще трое детей: Муся, Валентин, Ира.

Младший из сыновей Захара, Георгий Шакирбай (1904–1977), окончил Ленинградский госуниверситет в 1932 г., факультет восточной филологии. С 1935 г научный сотрудник Абхазского института языка, литературы и истории АН Груз. ССР им. Д. И. Гулиа. Имел троих детей: Валерию, Сашу, Марину. Валерия и Марина окончили консерваторию по классу фортепьяно. Саша окончил Московский торговый институт, проживает в Москве. У него двое детей. Георгий имел троих внуков. Младшая внучка, Ольга, ученица 8-го класса школы г. Москва.

Младшая дочь Захара, Екатерина Шакирбай (1907–1979) – первая профессиональная актриса абхазского драмтеатра, народная артистка Абхазской АССР и Грузинской ССР. Муж Екатерины – Азиз Рашидович Агрба – народный артист Абхазской АССР и Груз. ССР.

Дочь Этери окончила Тбилисскую консерваторию по классу фортепьяно. Этери Азизовна имеет сына и двоих внуков.

Заира Шакирбай (1953 г. р.).

старший преподаватель Абхазского госуниверситета.

Сухум.12.08.2002 г.

К истории фамилий Гумба – Гунба

Абхазский композитор, член Союза композиторов СССР, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, народный артист Абхазии, лауреат государственной премии Абхазии имени Д. И. Гулиа Ражден Джгутанович Гумба хорошо известен на Родине и далеко за её пределами как талантливый композитор и превосходный исполнитель народных песен. Ему принадлежит исключительно большая заслуга в становлении и развитии национальной профессиональной музыки. Сегодня вся Абхазия поёт его прекрасные песни или народные мелодии в его обработке.

Ражден провёл детство и юность в горном абхазском селе Дурипш, здесь он впитал в себя любовь к народному творчеству. Дед, народный певец и сказитель, Мамсыр, брал внука на сходы долгожителей, мальчик слушал абхазские хоровые песни, рассказы, бытовые истории, сказки. Перед ним раскрывался огромный неизведанный мир, раскрывались глубинные тайны народной жизни. А сейчас ему за 80 лет. С юношеским увлечением рассказывает он обо всём, что поведал за свою жизнь, о людях добрых, которых он повстречал на своём жизненном пути и, конечно, и о трудностях, которые совершенно внезапно возникали и их приходилось преодолевать; тоже не без помощи добрых людей. Он с балгодарностью произносит их имена.

Ражден Гумба и я давно знаем друг друга, много лет живём в одном доме. Всегда приятно общаться с этим обаятельным и одарённым человеком. Ражден блестящий знаток традиционной абхаз-

ской культуры, безукоризненный блюститель норм и правил апсуара. Нельзя не восхищаться его способностями рассказывать даже о простых бывалых случаях так интересно, поучительно. Ражден природный народный сказитель. В лексиконе его речи можно уловить удивительно красивые, теперь уже редко употребительные или вовсе забытые абхазские выражения, искусно передающие определённые, порой даже тонко уловимые образы жизни.

Вчера, 19 января 2007 г., Ражден Гумба рассказал мне некоторые эпизоды из истории своих однофамильцев. Он говорит, что Гумба и Гунба, хотя пишутся по-разному, но принадлежат к одной фамилии, первичной формой является Гумба. В последнее время они ежегодно совместно проводят семейные сходы. В 2006 г. сход однофамильцев состоялся в Пицунде, в посёлке Лдзаа (Гагрский район) в доме Руслана Хицкуровича Гунба. Руслан недавно обосновался в этой местности, на берегу моря построил трёхэтажный дом, создал образцовое хозяйство. В честь того, что он в этой деревне стал первым жителем рода, однофамильцы решили очередной сход провести в его доме и одновременно поздравить его с новосельем. Руслан с удовлетворением принял предложение своих братьев. При этом он попросил, чтобы ему разрешили взять на себя расходы, связанные с застольем. Так и было сделано. Участники схода на этот раз не стали вносить взносы.

На сход собралось более 600 человек из 330 семейств Гумба и Гунба. Кроме того приняли участие представители фамилии Еник и Гуния (из Очамчирского района), предки которых, как считает Ражден, когда-то по разным причинам поменяли фамилии Гумба и Гунба на Еник и Гуния. Они до сих пор стараются не порывать связи со своей первоначальной фамилией. Считают себя братьями Гумба и Гунба. Между ними категорически исключён брачный союз.

В данное время в Турции проживают Гумба больше, чем в самой Абхазии. После махаджирства они поселились в основном в районе Адапары. На семейных сходах, устраиваемых в Абхазии, нередко принимают участие представители однофамильцев из Турции.

Фамилия Гумба в таком же звучании представлена в Карачаево-Черкесии, в основном в Новокувинске. По рассказу нынешних северокавказских Гумба, их первый прорадитель, который переселился из Абхазии в Кувинск, носил имя Мада Гумба. Он до переселения жил вместе со всеми своими братьями приблизительно в четырёх километрах от моря, скорее всего в селе Лыхны. Здесь одна семья Гумба удочерила сиротку. Выросла красавица. Молодой парень из другого рода, проживавший недалеко от этой семьи, поступил с ней неподобающе, что было воспринято в роду как оскорбление чести. И молодой Мада убил виновника. В роду был устроен совет и Маде было предложено покинуть страну. Это было приблизительно 170–180 лет назад. Мада принял совет и, покинув родину, поселился на Северном Кавказе в местности Кувин, которая сейчас называется Старо-Кувинском. Теперь в Ново-Кувинске проживает третье поколение этого рода в количестве более 15 семейств. Все они потомки Мады Гумба. Среди них есть государственные и общественные деятели: Гумба Михаил Рамазанович – генерал юстиции, председатель нарсуда в Качубеевске (Ставропольский край); Гумба Олег Мамедович – народный судья Андроповского района (Ставропольский край); Гумба Марджанат Мамедовна – доктор биологических наук, ректор института в г. Черкесск, её супруг Ляу Алик Батырович.

– Во время грузино-абхазской войны 1992–1993 годов я, как и многие мои соотечественники, оказался в тяжёлом положении, – вспоминает Ражден. – Зная, что в тех районах проживают наши однофамильцы, я стал разыскивать их. В этом деле мне помогли Хуранов Алексей Адамович, заслуженный врач Российской Федерации, депутат парламента Карачаево-Черкесской республики и Этлухов Олег Адиль-Гиреевич – доктор наук, автор документально-хроникального романа о событиях в Карачаево-Черкесии, связанных с событиями грузино-абхазской войны «Зов крови» (2003).

Раждена Гумба северокавказские однофамильцы приняли с большими почестями, поддержали его, обеспечили всю его семью

жильём, питанием, одеждой. Ражден, с присущей ему теплотой, рассказывает о братских чувствах, которые он испытал, находясь с близкими родственниками в эти тяжкие дни для абхазского народа.

После войны эти связи продолжают. Гумба Олег Мамедович, который работал нарсудьёй Андроповского района, по совету Раждена, оставив свою должность, вернулся на родину деда Мада, живёт сейчас в Сухуме, работает в Парламенте Республики Абхазия⁶³.

По свидетельству Р. Гумба, в далёком прошлом некоторые однофамильцы по разным причинам покинули Абхазию и переселились в разные районы Грузии. Отец Раждена, Джгутан Мамсырович, зная об одном из таких случаев, в 1952 г. направился в Мегрелию разыскивать своих однофамильцев. Джгутан владел мегрельским языком, его сопровождал на своей машине военнослужащий Иван Лакербая, служивший в то время в Мегрелии. Поиски оказались успешными. Нашли их в с. Бандза, на новом месте жительства, где они поменяли свою фамилию на Гуния. Их тогда там было 15 дворов. Сверив фотографии предков-переселенцев, которые взял с собой Джгутан, с теми, которые хранились у Гуния, те и другие удостоверили своё родство. Бандзинские Гуния знали, что их предки вышли из Абхазии с фамилией Гумба, но родной язык давно был забыт.

Ражден Гумба в 1952–1953 годах руководил Чхороцкуйским районным хором. В нём участвовало 30 чонгуристок. Но в районе не было постановщика танца. По просьбе Раждена руководство – первый секретарь РК партии Маргошия Алексей и председатель райисполкома Хунтуа Шалва, пригласили хореографа из Кутаиси Гумбаридзе Элгуджу. Ражден и Элгуджа сблизилась, совместная работа пошла успешно. Потом из разговора выяснилось, что в г. Кутаиси живут однофамильцы Элгуджи – грузины Гумбаридзе, в памяти которых сохранилось предание о приезде их предков из Абхазии. Когда Ражден по паспорту показал ему абхазское написание своей фамилии Гумба, он пришёл в восторг, принял его как родного брата. Элгуджа сказал, что в Кутаиси их немного, но Гум-

баридзе живут в Тбилиси и Батуме, и между собой общаются. Элгуджа приглашал Раждена в Кутаиси, но он не смог поехать к нему домой⁶⁴.

*Записано мной со слов Р. К. Гумба (1926–2007).
Сухум. 20.01.2007.*

О фамилии Дарчан

Самый старший из известных мне представителей нашего рода, мой прадед Гери. По рассказам дяди, получившего эти сведения в свою очередь от отца и старейшин нашего села, мой прадед Гери был оставлен в возрасте примерно 12–14 лет в семье Джгамазия в селе Ацхыда (ныне входит в Ткуарчалский район). Гери был оставлен вооружённым всадником (по словам внучки его оставил отец; ей об этом рассказал её отец, сын Гери – Темур). Оставив мальчика, он уехал и больше не вернулся, хотя и собирался это сделать.

Точно неизвестна причина, почему отец оставил сына в чужой семье. Со слов своего отца Темура одна из двух внучек Гери предполагала, что причиной была кровная месть. Но это ничем не подтверждено и даже сомнительно. Когда через несколько лет проживания в семье Джгамазия, они хотели дать мальчику свою фамилию, он не согласился, сославшись на то, что у него есть своя фамилия, и он её помнит. Уйдя жить отдельно, он взял фамилию своего отца Дарчам (Дарчан).

Зачем было оставаться на своей фамилии, если из-за кровной мести ему грозила опасность? Возможно, что реальной причиной того, что произошло, были события 1877–1878 годов на территории Абхазии (восстание и последующее массовое выселение народа Абхазии).

Даты были подсчитаны мной примерно так: мне известны годы жизни старшего сына Гери – Темура (1886–1990 гг.). По докумен-

там он родился в 1890 г., но по его словам в документах была ошибка в 4 года. Известно, что Гери женился рано и на момент рождения его первенца в 1886 году, ему было предположительно 20–22 года. И если сопоставить эти факты, то можно предположить, что он родился в середине 60-х годов. Значит, в семье Джгамазия он был оставлен в 1877-м или 1878-м году.

Есть интересные сведения, полученные от моего дяди (старшего внука Гери) о том, что Гери был не единственным сыном, оставленным отцом в чужой семье. О том, что по пути своего следования в селе Джгиарда был оставлен ещё один сын, Гери узнал от Джгамазиевцев. Они говорили и о том, что двигался отец Гери с Западной Абхазии через Восточную в Грузию.

*Анжела Дарчан — студентка АГУ
по специальности «психология».
21.01.2004.*

История происхождения фамилии Ахба

По преданию древние предки современных носителей фамилии Ахба имели родовое имя Фарсоу. Дворянский род Фарсоу проживал на территории Северо-Западного склона Кавказского хребта в соседстве с абхазскими родами Акуджаа, Ардзынаа, Аваначаа, Аканхуа и другие, с одной стороны, и с кабардинцами, с другой стороны.

Род Фарсоу был многочисленным и отличался воинственным нравом. Мужчины этого рода были известными воинами. Соседние роды, проживавшие в районах Красной Поляны (Кбаада), Ахчипса, Аибга, подвергались частым нападениям со стороны рода Фарсоу.

После многолетних кровопролитных столкновений и войн, соседние роды решили заключить мир с родом Фарсоу, послав своих парламентёров. В результате был достигнут мир, и в знак прими-

рения представители рода Акуджаа попросили у Фарсоу дать на воспитание новорожденного мальчика из лучшей семьи Фарсоу. И он был отдан на воспитание одной из знатных семей рода Акуджаа. Так был положен конец вражде между этими двумя родами. Однако другие враги рода Фарсоу, не заключившие мира, непрерывно нападали и почти полностью истребили этот, некогда могущественный и многочисленный род. Ребёнок, отданный на воспитание Акуджбовцам, так и остался у них. Ему дали новую фамилию Ахба, из-за боязни мести со стороны врагов рода Фарсоу. Младенца везли в колчане для стрел. Колчан по-абхазски «ахтра», «ахы» – стрела и её наконечник. Таким образом, от слов «ахтра» и «ахы» взята фамилия Ахба, Ахаа.

Мальчик, воспитанный в роду Акуджаа, стал родным человеком, и фамилии Ахба и Акуджаа породнились. Первый носитель фамилии Ахба жил на Красной Поляне. Со временем род Ахба разросся.

Из этого рода выделились воины Ноурыз – сын Цыца, Ахба Тыт, Ахба Дисоурым, Ахба Файт. Родовое предание гласит, что отец Ахба Ноурыза – Цыц был убит при одном нападении кабардинцев в Псху. За убийство своего отца, Ноурыз мстил кабардинцам и от его руки пал не один десяток кровных врагов. Слух о грозном мстителе настолько распространился, что даже женщины-кабардинки, пугая непослушных детей, говорили им: «Пусть настигнет тебя рука сына Ахба Цыца – Ноурыза». В этот период все ахбовцы проживали на Красной Поляне, Аибга, Ахацха и Псху. Один из жителей Красной Поляны Ахба Бга был в неприятельских отношениях со своим соседом Аканхуа из-за учатска земли. Однажды на этой почве Бга убивает косой Аканхуа. Под страхом мести со стороны родственников Аканхуа Бга со своим младшим братом покидает Красную Поляну. Вслед за ним уходят и другие родственники. Одни Ахбовцы в горы, а Бга со своим братом через Золотой перевал, Псху, Агунырхуа и Гудаутский перевал – в село Ачандара. По пути Бга убивает большого тура, и в тот же день попадает во владение князя Шараха Ачба. Бга в

течение двух-трёх лет жил у князя Ачба. Бга завоевал полное доверие князя и тот в знак преданной дружбы дарит ему свою очень дорогую винтовку «Гынза». Приближённые князю люди по фамилии Магъаа (в настоящее время из их рода никого не осталось, а место, где они проживали, называют местом, где вымерли Магъбовцы) стали проявлять недовольство и отказались служить ему. Видя такое положение, князь Шарах вынужден был взять обратно свою винтовку, чтобы не обидеть их. Было задето самолюбие Бга. Он вместе со своим братом переходит на службу к богатому князю Блаб Ходжину в село Блабырхуа. Через несколько лет он со своим братом переезжает в Арсаул, ныне с. Приморское. Там братья женились и завели хозяйство. Спустя некоторое время их приглашает князь Ачба Шарах на постоянное место жительства в с. Ачандара. Бга принимает приглашение Шараха, но брат отказывается последовать за ним и переезжает в Цебельду, к князьям Маршанаа. Бга в с. Ачандара получил большой надел земли, скот и там он обосновался и жил до конца своих дней. Таким образом, ахбовцы, когда-либо проживавшие и проживающие в Гудаутском районе Абхазии, начало своё берём от Ахба Бга, проживавшего в Ачандаре в большой дружбе с князем Шароном Ачба.

*Записал Мурат Ахба (1917–1997 гг.)
со слов отца Сулеймана.*

В XIX веке в Псху, Дал и Цабал проживало около 120 дворов ахбовцев. Все они вынуждены были во время махаджирства переселиться в Турцию. А жители с. Пшица (Псху) ушли на Северный Кавказ, где в настоящее время проживает более 30-ти дворов Ахба.

В верховьях р. Бзыбь есть местечко Ахацха (Ахацха). Это место считается местом гибели девушки по фамилии Ахба. Суще-

ствует предание: враги внезапно напали на деревню, где жили ахбовцы; одна из пленниц, девушка Ахба, когда похитители уснули, развязала себя и сбежала, а свою косынку бросила на мосту над пропастью. Утром, когда похитители проснулись, увидели косынку и решили, что она погибла. Охотники и пастухи и сегодня это место называют местом гибели девушки Ахба (Ах-цха лыпырта).

В с. Ачандара, где компактно проживают ахбовцы, находится известное святилище Дыдрыпш, а не доходя до него, есть местечко, которое называется Ахба иныха – святилище фамилии Ахба.

В старину фамилии Ахба и Ахуба (Ахэба) считались братьями. Легенда гласит: жили два соседа, один из них был Ахба. Между ними был забор и Ахба предложил убрать его, поскольку они жили как одна семья. А жена у Ахба была на последнем месяце беременности, и когда они убрали забор (границу) между их домами, она тоже им помогала, а ночью у неё родился сын. Ахба решил своему новорожденному сыну дать фамилию Ахуба (от слова «ахэаа» – граница). Интересно отметить, что и у Ахба и у Ахуба родственные фамилии одни и те же, это Куджба (Кэыџба) и Фарсоу (в настоящее время есть фамилия Фарсолия, считается, что она произошла от Фарсоу). По преданию представитель части фамилии Фарсоу ушла в Шапсугию и там они приняла форму Напсоу.

*Записала Диана Ахба
со слов отца Владимира Ахба
(1923–2004 гг.).*

Глава VII. Влияние русского языка на антропонию абхазов (XIX–XX вв.)

Вхождение Абхазии в состав Российской империи (1810) в корне изменило положение и дальнейшее развитие абхазского народа. С утверждением колониального режима царизма были связаны тяжкие трагические события (упразднение собственной государственности, махаджирство, колонизация и пр.). В то же время всеобъемлющее влияние мощной империи вызвало к жизни множество прогрессивных явлений. В частности, создание абхазской письменности, абхазских учебных пособий, открытие школ, появление национальной интеллигенции, создание культурно-просветительских обществ и т. д. стали важными факторами культурной жизни. Одновременно растёт интерес передовых представителей русской культуры к истории, культуре, жизни абхазского народа.

В условиях российской советской империи в Абхазской республике получило широкое развитие народное образование, формируется национальная интеллигенция, зарождаются и достигли значительных успехов абхазская литература, наука, в частности, абхазоведение, различные виды профессионального и народного искусства. Во всех сферах жизни народа – экономической, социальной, общественной, культурной и других росло влияние ценностей русской культуры.

В данном случае, я коснусь одного вопроса – влияния русского языка на написание и произношение абхазских фамильных имён. Опускаю другие вопросы этого влияния на антропонию абхазов (написание личных имён, проникновение русских фамилий [Ермолов и т.д.] и личных имён [Золотинск и т.д.] и т.д.

Сведения о номенклатуре абхазских имён мною взяты в основном из книги Инал-ипа Ш. Д. по антропонимии абхазов¹, которая содержит богатейшую информацию о подлинно абхазских антропонимах – личных и фамильных именах. К данной работе также прилагается список современных живых абхазских фамилий, которые в русском письме и иноязычной среде потеряли абхазское звучание.

Многие звуки абхазского языка отсутствуют в современных языках, считающихся международными. Специфические звуки абхазской речи трудно произносимы для представителей других народов. Навряд ли кто-либо из них, даже полиглот, произнесёт без предварительного старательного изучения, например, абхазскую скороговорку: «Сшэақь апынца азы сыцэтатэацэсит» (В нос своего ружья я произвольно набрал слишком много воды). На сложность абхазской фонетики обращали внимание многие иностранцы, бывавшие в Абхазии. Например, немецкий путешественник Ф. Боденштедт в 1845 г., описывая свою беседу с абхазским князем Леваном, заметил: «...Невозможно записать нашими буквами, как вообще невозможно правильно изобразить нашими письменными знаками слова горских языков, богатых шипящими и гортанными звуками»². Абхазская фонетика создавала большие трудности составителям абхазского алфавита, менявшегося неоднократно.

Русский язык влиял и продолжает оказывать многостороннее воздействие на абхазский язык. Ещё по первой Конституции ССР Абхазии (1925) русский язык становится одним из государственных языков. В настоящее время он, наряду с родным языком, является языком обучения в школах и вузах республики, фактически служит языком делопроизводства и межнационального общения в многонациональной Республике Абхазия. Совместное функционирование абхазского и русского языков в городской среде, а в некоторых сферах даже преимущественное использование русского языка – реальный факт нашей действительности. Об этом абхазский языковед, доктор Лейденского университета, эксперт по кавказским языкам В. Чирикба сказал: «Русский язык доминирует на улицах и рынках; это язык бюрократии, правительства, Парламента, школы, бизнеса, а во многих случаях и абхазской городской семьи»³.

Современный абхазский алфавит, основанный на русской графике, состоит из 64 знаков. Несмотря на определённые недостатки, эти буквенные знаки позволяют более или менее точно воспроизводить специфические для абхазского языка звуки⁴.

В русском языке отсутствуют такие звуки и буквы абхазского языка, как, например, согласные *к, т, н, х*, лабиализованные согласные, как *тə, тə, дə, цə, зə, цə жə, шə*, фарингальный глухой *к̆*, аффрикаты *ц*, заднеязычные *гə, зə, кə, қə, к̆ə, хə, хə*, а также *з, ч, е, ҕ, џ*. Поэтому русская письменность не располагает возможностью адекватно воспроизводить слова, в которых имеются эти специфические абхазские буквенные знаки.

В связи с этим абхазские антропонимы, топонимы, этнонимы и другие собственные имена, содержащие в себе эти звуки, по-русски пишутся и произносятся изменённо, переименовано. В результате у многих русскоязычных читателей нет даже приближённого понятия об абхазском звучании большинства подобных имён.

Рассмотрим это на примерах абхазских фамилий. На основе русской буквы *г* образованы шесть абхазских буквенных знаков – *г, гь, гə, з, зь, зə*. В русском письме *г* заменяет все эти буквенные знаки абхазского алфавита*. Проиллюстрируем это наглядными примерами абхазских фамильных имён.

** Некоторые абхазские буквы, состоящие из спаренных буквенных знаков, в русском письме обнаруживают определённые особенности передачи абхазских звуков. Палатальные гь, зь, кь передаются двумя-тремя способами: гь, кь в соседстве с а > кя, гя (Гьач – Гяч, Кьахба – Кяхба); гь и зь в соседстве с ы > ги (Гьындия – Гиндия, Абзьымаа – Абгимаа); кь в соседстве с ы > ки (Кьылба – Килба). В случае, когда за палатальными согласными не идёт гласная буква, слово передаётся также через ки (Кьпал-ица – Кипал-ина).*

Особенности перехода имеются и у лабиализации. Обычно огубление (ə) передаётся через гласную у. Однако в тех случаях, когда лабиальному согласному предшествует подударное ы, у становится на место ы (Мықəба – Мукба). Антропонимический материал, приведённый в данной работе, подтверждает, что указанные особенности являются характерными.

Автор благодарен языковеду Б. Г. Джонуа, который обратил моё внимание на эти лингвистические процессы.

Абхазские фамилии, содержащие букву *гь* (с знаком палатализации согласных посредством мягкого знака *ь*), пишутся:

<i>по-абхазски</i>	<i>по-русски</i>
Гъанаба	Гянаба (Генаба)
Гъачба	Гячба (Гечба)
Гъеч	Геч

Фамилии с согласной буквой *гэ* (с знаком лабиализации [огубление *э*]) пишутся:

<i>по-абхазски</i>	<i>по-русски</i>
Гэбаз	Губаз
Гэымба (Гэынба)	Гумба (Гунба)
Гэышба	Гушба

Фамилии с буквой *г* (с диакритическим [отличительный] подстрочным знаком) пишутся:

<i>по-абхазски</i>	<i>по-русски</i>
Абг _а а	Абгаа
Баг _{ыр} -ица	Багир-ипа
Гарцк _ь иа	Гарцкия
Саг _{ар} иа	Сагария и т.д.

Фамилии с буквенным знаком *гь* пишутся:

<i>по-абхазски</i>	<i>по-русски</i>
Абаг _ь ба	Абагба (Багбая)
Абг _ь ымаа	Абгимаа (Абгумаа)
Даг _ь за	Дагдза и т.д.

Фамилии с буквой *гэ* пишутся:

<i>по-абхазски</i>	<i>по-русски</i>
Гэатасаа	Гуатасаа
Гэыблиа	Гублиа
Гэырзалиа	Гурзалия и т.д.

В абхазской антропонимии фамильных имён с такими фонемами десятки [См.: Приложение 1. С. 523,524]. В русской письменности и устной речи они теряют абхазское природное звучание, следовательно, исчезает исходное слово (этимон), от которого произошло то или иное фамильное имя.

Абхазская буква *дә*, образованная на основе русской *д*, например, абхазскую фамилию «Адәымба» фиксирует в русском письме как «Адимба». Таким образом абхазское слово «адәы» (поле), от которого может быть произошло данное имя, совершенно теряет своё смысловое значение.

В абхазском алфавите производными русской букве *ж* являются три абхазские буквы: собственно *ж* и *жь* и *жә*. Последние две воспроизводят звуки абхазской речи, отсутствующие в русском языке. Обе они присутствуют во многих абхазских антропонимах. Все фамильные и личные имена, содержащие эти буквы, в русском письме озвучиваются буквой *ж*. К примеру, фамилии Жьанба – Жанба, Жьаниа – Жания, Жьйба – Жйба; Ажәеипшьаа – Ажвейпшаа, Агәажәба – Агуажба, Жәанба – Жванба (Званбая) и т.д. [См.: Приложение 3. С. 525].

Русская буква *з* лежит в основе абхазской буквы *з*, которую в русском письме заменяет буквосочетание *дз*, но последнее абсолютно не воспроизводит звучание соответствующей абхазской фонемы. В таком положении оказались десятки абхазских фамильных имён: Азба (Адзба), Азиашба (Адзиашба), Азынба (Адзинба), Арзынба (Ардзинба), Асазба (Асадзба), Гәызба (Гудзба), Запшь-ипа (Дзиапш-ипа), Кәазба (Куадзба), Цәызба (Твидзба) и др. [См.: Приложение 4. С. 525].

На основе русской буквы *к* образовано восемь абхазских письменных знаков: *кь*, *кә*, *қ*, *қь*, *қә*, *к̄*, *к̄ь*, *к̄ә*. Все они часто присутствуют в абхазских фамильных именах и в каждом случае в русском письме их заменяет одна и та же буква *к* [См.: Приложение 5. С. 526]. Приведём некоторые примеры:

Абхазская форма
I. Кьахьба

Русская форма
I. Кяхба

Къахьыр-ица
Къылба

Кяхир-ипа
Килба

II. Кәакәаба
Кәарчелиа
Кәацба
Кәыкәба

II. Какоба
Кварчелиа
Квацба
Кукба

III. Ақаоба
Қалбад
Қапба
Қычба
Мқанба

III. Кове (пишутся так)
Халбад (пишутся так)
Капба
Кичба
Миканба (пишутся так)

IV. Қъецба
Қьыртба
Мқьалба

IV. Кецба
Киртбая
Микелба

V. Анқәаб
Қәтарба
Ақәызба
Мықәба
Шьынкәба

V. Анкваб
Кутарба
Акудзба
Мукба
Шинкуба

VI. Калгъы
Каитанба
Салакаиа
Шьакрыл

VI. Колбая (пишутся так)
Кайтанба
Салакаиа
Шакрыл

VII. Қьантаба

VII. Киантаба

VIII. Акәысба
Аркәыць
Кәланба
Шьханыкәа

VIII. Акусба
Аркудж
Куланба
Шьханыква

Звук современной речи абхазского языка, обозначенный письменным знаком *η*, широко представлен в абхазской лексике. Утвердительно можно сказать, что нашим далёким предкам данная фонема слышалась ясно в окружающем их мире и воспринималась многозначительно. Этим, очевидно, можно объяснить столь активное использование этого звука в процессе словообразования*.

В абхазской антропонимии, и в личных, и в фамильных именах, буква *η* встречается часто, присутствует в разных частях слова (корень, суффикс, приставка) и придаёт именам вполне определённое смысловое значение. В приложении данного сообщения названы некоторые фамильные имена, содержащие эту букву [См.: Приложение 6. С. 530]. Большинство из них легко поддаётся расшифровке с помощью народной этимологии (Агыруацшь, Амцар, Апсаа, Багацшь, Жәецшь-ица, Инацха, Кацшь, Патеица, Цкьын, Цшыцәба, Цшькьәе, Цынцацаа и др.).

Русская буква *т* лежит в основе четырёх абхазских буквенных звуков: *т*, *тә*, *т̄*, *тә̄*. Из них последние три используются для воспроизведения специфических абхазских звуков. В русском письме их заменяет буква *т*. В абхазских фамильных именах редко звучит *тә* (Тәанба) и *тә̄* (Арытәба, Хынтәба и др.), а буква *т̄* присутствует в десятках фамилий (Абаата, Алтеиба, Атәмаа, Аихат, Ахата, Далтыкәа, Отырба, Тарба, Таркьыл, Трапшь, Тхаицкә, Тыжәба, Шармац, Шарытхәа, Шат-ица и т.д.) [См.: Приложение 7. С. 532].

* Звук *ң* лежит в основе священных для абхазцев слов: «Аңсны», «аңсуара», «аңсадгьыл», «аңсабара» и другие. Звук *ң* иногда в отдельных словах звучит дважды: «ңала-ңала» (хлопьями), «а-ңаңсахь» (пасынок), «аңатңатра» (трепыхаться, барахтаться – о птице), «аңеиңа» (внук) и т.д. Слово «ашәаңыцәаң» (растительность) в устах абхаза – мелодично-протяжённый, похожий на пение, как бы воспевает богатейший растительный мир Кавказа. А слово «аңарңалыкь» (бабочка) и выражение «аңарңалыкь иңырңыруа иңыруеит» передают своеобразные свойства и действия бабочки именно с помощью специфического звука.

На базе русской буквы *х* образованы пять абхазских буквенных знаков: *х, хь, хә, х, хә*. Все они звучат в абхазских личных и фамильных именах. Например *хь* – в фамилиях *Хьацшь, Хьйба (Хьыба), Хайқәба (Хьыкәба)* и т.д.; *хә* – *Хәарцкьиа, Хәахәаа, Хәырхәмал, Хәытаба* и др.; *х* – *Лымхаш, Хагба, Хагәышь, Халуашь, Хашба* и др.; *хә* – *Ахахәба, Ахәба, Хәатышь* и др. [См.: Приложение 8.С. 533]. Русская буква *х* заменяет все эти письменные знаки.

Русская буква *ц* в абхазской письменности представлена четырьмя буквенными знаками: *ц, цә, ц, цә*. Все абхазские имена, в которых имеются эти знаки, по-русски пишутся и озвучиваются буквой *ц*. Например, фамилии: *Кьацәба – Кацба, Цәеибә – Цейба, Цәышба – Цушба, Чацәба – Чацба; Ацанба – Ацанба, Кәытцниә – Квициния, Цышәба – Цишба; Лацәышба – Лацузба (Лацузбая), Цәыцьба – Цвижба* и т.д. В абхазской антропонимии фамильных имён с такими звуками десятки [См.: Приложение 9. С. 535].

Четыре абхазские буквы *ч, ч, е, е* в русской письменной речи выражены буквой *ч*. Как это обстоятельство влияет на написание и произношение абхазских фамильных имён можно проиллюстрировать примерами: *Амчба – Амичба, Кәарчиа – Кварчия, Цалакәуа – Чолокуа, Чанба – Чанба; Баеаа – Бачаа, Ғыбзыкәаа – Чибзикваа; Акәыҕба – Акучба; Цшькьае – Пшкяч* и т.д. Перечень фамилий прилагается [См.: Приложение 10. С. 536].

В русском письме буква *ш* заменяет три абхазские буквы: *шь, шь, шә*. Система русского письма не располагает возможностью точно передать абхазские звуки *шь* и *шә*, поэтому антропонимы, которые содержат эти знаки, в русском языке теряют абхазскую фонетическую транскрипцию. Например, фамилии: *Алшәындба – Алшунба, Ашәуа – Ашуа, Ашәба – Ашуба, Ашәхәацаа – Ашхацава, Мышәба – Мушба, Шәлымба – Шулумба; Шьакаиа – Шакая, Шьоууа – Шоуа* и т.д. [См.: Приложение 11. С. 537].

Последние три буквы абхазского алфавита – *а, и, ы* обозначают звуки абхазской речи, особенные для данного языка, не имеющие аналога (соответствия, сходства) в русской азбуке и речи. Эти

звуки содержатся обильно в абхазских личных и фамильных именах. [См.: Приложения 12. С. 538 и приложение 13. С. 539]. Букву *o* в русской письменности заменяет буква *o*, совершенно не созвучная с ней, что в корне меняет звучание слов. Так произошло с фамильными именами: *Арыютаа* – Арвитаа (Арютаа), *Аохаа* – Авхаа, *Аозба* – Авидзба, *Ақаоба* – пишут Кове, *Мдаоои* – Мдавей, *Наоои* – Навей, *Оардан* – Вардания и др.

Буквы *и* и *иь* в русском письме и речи озвучиваются путём соединения двух русских букв *д* и *ж* в *дж*. Например, фамилии, которые содержат в себе букву *и* пишутся так: *Абџарба* – Абджарба, *Абыџба* – Абиджба, *Кэыџба* – Куджба, *Цыраа* – Джираа и т.д.; фамилии с *иь* – *Абџарба* – Абджарба, *Абыџба* – Абиджба, *Арџения* – Арджения, *Аџыиџьал* – Аджинджал, *Саманџыиа* – Саманджия и др.

В приведённых примерах встречаются отдельные имена, содержащие по две и даже три буквы, отсутствующие в русской письменности. Например, в фамилии *Багыр-иџа* (*г* и *и*), *Бџажэба* (*г* и *жэ*), *Бат-иџа* (*т* и *и*), *Заџиь-иџа* (*з* и *и*), *Ақаоба* (*к* и *o*), *Акэазба* (*кэ* и *з*), *Кэтарба* (*кэ* и *т*), *Калгыы* (*к* и *гы*), *Аңсазба* (*ң* и *з*), *Пишьџэба* (*и* и *џэ*), *Далтыкэа* (*т* и *кэ*), *Траџиь* (*т*, *и* и *иь*), *Тыжэба* (*т* и *жэ*), *Хаџымба* (*х* и *иь*), *Цыиэба* (*ц* и *иэ*), *Цэыџьба* (*џэ* и *иь*), *Арыютаа* (*o* и *т*), *Аозба* (*o* и *з*) *Ақаоба* (*к* и *o*), *Цыиџьыиа* (*иь* дважды) и т. д.

Трижды, а иногда и четырежды звучат специфические абхазские звуки в некоторых фамилиях, например: *Кақэытшь* (абаз.) (*к*, *кэ*, *и*, *иь*), *Пишькэџ* (*и*, *иь*, *кэ*, *џ*), *Цынџаџа* (*и*, *иь*, *џ*), *Хатхэа* (*х*, *т*, *хэ*), *Ашэхэаџаа* (*шэ*, *хэ*, *џ*), *Таџиьба* (*т*, *и*, *иь*) и т.д. Это характерно и для многих абхазских личных имён, например, таких, как, *Мыкътат*, *Кыжэ*, *Ханашэ*, *Тлаңс* и т.д.

Теперь иноязычные читатели воспринимают эти имена так, как они пишутся и произносятся по-русски. В последнее время это наблюдается даже среди абхазов молодого поколения. Во время разговора молодые люди скажут скорее всего Ласурия, а не *Лашэриа*, Гарцкия, а не *Гарџкыиа*, Мушба, а не *Мыиэба*, Званба, а не *Жэанба*

и т.д. Разумеется, всё это связано с развитием и утверждением русско-абхазского билингвизма. Так в речевой практике постепенно меняется природное звучание исконно абхазских имён.

Большинство абхазских фамильных имён произошло от родоначальников, прозвищ, занятий (профессий), названий местности, растений и животных, от этнонимов и т.д. Во многих случаях потомки получали фамилию от обиходного, чисто абхазского имени*.

В основе абхазских языческих имён лежат слова родного языка. А когда фамильное имя теряет своё природное звучание, оно порывает связь со словом, от которого оно произошло, следовательно, теряет своё первоначальное смысловое значение. Получив иноязычный облик, имя уже и не поддаётся этимологической расшифровке. И как бы ни было больно это сознавать, постепенно и почти незаметно беднеет словарный фонд родного языка.

На мой взгляд, следует отметить ещё одно существенное обстоятельство. Языковые процессы, протекающие в абхазской антропонимии под влиянием русского языка, касаются не только проблем лингвистики. В данном случае мы имеем дело не просто с фонетической транскрипцией отдельных слов, но и с голосом природы. Наши древнейшие предки создавали слова, общаясь с превосходной красотой окружающего мира, вслушивались в лепетание ручьёв, понимали шелест древесных листьев, шёпот лесных птиц, шуршание морских волн, чувствовали аромат благоухающих цветов горных и низменных, читали звёздное небо то с вершины горы, то с берега моря, то, стоя у родника облюбованного пейзажа родной стихии. Голос природы слышался непрерывно: во время многосторонней борьбы по жизнеобеспечению и при покорении горных вершин во время охоты, и при виртуозном разбеге на облюбованном коне, в процессе всей жизнедеятельности. Именно при таком непосред-

* В современной антропонимии абхазов немало и заимствованных фамилий. Значительная часть этих фамилий приняла народную этимологию в соответствии с морфологическими нормами абхазского языка, вошла в антропонимический фонд абхазов.

ственном взаимодействии человек мог воспринять множество самых различных, в том числе очень красивых звуков, которыми наполнен окружающий мир. Только этим путём человеческий мозг мог зафиксировать и выразить в словах такое разнообразие уникальных и чудесных звуков языка. В этих звуках звучит речь самой кавказской природы, отражается слышание языка живой природы теми людьми, которые улавливали и переносили эти звуки в человеческую речь. Несомненно, звуковая гармония самобытного языка заслуживает самого бережного обращения.

Язык хранит «тайны природы» не только своим звуковым составом. В языке много ценных знаний о природе. У абхазов, как и у других народов мира, есть передаваемые из поколения в поколение традиции, песни, сказания, которые часто являются сокровищницей ценных сведений о местных природных условиях и о жизни животных. Тайны природы отражены и в народном искусстве, ремёслах и прочих ценностях, созданных народом. Всё это бесценное творение народной культуры – уникальное достояние общечеловеческой цивилизации.

С этих позиций урон в языке даже одного звука – это чувствительный удар по данному языку, ущерб в целом для всей мировой языковой культуры. С этим трудно не согласиться.

В настоящее время мы являемся свидетелями того, как среди русскоязычного населения изменилось написание, устное произношение и природное абхазское звучание множества абхазских имён. Подобное происходит и с именами родственных нам горских народов Кавказа.

Возникает вопрос: не являются ли эти процессы вызовом глобализации? Да, теперь все признают, что глобализация – это величайшее и всеобщее явление современности. Оно охватило все сферы жизни нашей планеты. Жизнь людей и стран во всём мире становится всё более тесно, глубоко и непосредственно взаимосвязанной. К сожалению, подобно многим другим начинаниям людей, глобализация имеет как хорошие, так и негативные стороны, приносит и пользу и вред.

В частности, изменение природного звучания абхазских имён – это не безобидное упрощение звукового состава этих имён. Фонемы, которые звучат в языческих (мирских) абхазских именах, уводят в этнические корни, напоминают нам в какой географической среде формировались звуки речи, яснее ясного говорят об автохтонности населения страны. Имена – это бесценное достояние народа.

В этой связи следует особо подчеркнуть одно важное обстоятельство. Огромное прогрессивное влияние русского языка, русской науки и культуры в целом сделали имена многих абхазских деятелей достоянием российской и мировой истории и культуры. Прочно вошли в российское кавказоведение, например, имена абхазских учёных Г. Дзидзария (*Зизариа*), Х. Бгажба (*Бҕажэба*), Ш. Инал-ипа (*Инал-ипа*), К. Шакрыл (*Шьаҕрыл*), М. Трапш (*Трапшь*) и др.; широкую известность получили писатели С. Чанба (*Чанба*), Б. Шинкуба (*Шьынқэба*), И. Когония (*Кэаҕэаниа*, *Коҕониа*), И. Папаскири (*Папасқыр*) и др.; деятели искусства Ш. Пачалия (*Шә. Пачалиа*), Л. Касландзия (*Л. Касланзиа*) и др.

Имена известных абхазских государственных и общественных деятелей, просветителей, ученых, писателей, героев труда и войны, генералов и других, которые приобрели в русском письме и речи русское звучание, естественно и в русской и в любой иной язычной среде, воспринимаются как собственно абхазские. Эти имена вошли в словарный фонд русской речи, как абхазские антропонимы. Здесь возникает вопрос о взаимовлиянии культур. Но это особый вопрос.

Какие практические рекомендации вытекают из вышесказанного? Памятуя необратимый характер происходящих ныне языковых процессов, на мой взгляд, в ближайшее время необходимо: а) провести точную параллельную запись абхазских личных и фамильных имён на родном и русском языках; б) ускорить исследование этимологии абхазских фамильных имён; на первых порах составить популярный этимологический словарь абхазских фамилий. Очевидно то же самое следует сделать и по другим этническим собственным именам.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ VII

АБХАЗСКИЕ ФАМИЛЬНЫЕ ИМЕНА,
КОТОРЫЕ СОДЕРЖАТ В СЕБЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ
АБХАЗСКИЕ ЗВУКИ, ОТСУТСТВУЮЩИЕ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Приложение 1

Фамилии с абхазскими буквенными знаками *гь, гә, г, гь, гә* пишутся:

по-абхазски

по-русски

I. Гь

Гьагәаа (Атара)

Гягуаа

Гьанаба, Гьанаа (Тхьына, Лыхны,
Жәандрыцшь)

Гянаба (Генаба)

Гьеч, Гьачба

Геч, Гячба

II. Гә

Гәбаз (Лыхны, Мгәзырхәа)

Губаз

Гәбзы

Губзы

Гәымба (Ачандара, Лыхны,
Дәрыцшь)

Гумба

Гәынба

Гунба

Гәйткьиаа (Цьгьарда)

Гуткиаа

Гәыхба (вымерла)

Гухба

Гәыхәаа (Цьгьарда, Мархьаул)

Гухуаа

Гәышба и др.

Гушба

III. Ғ

АбҒаа	АбҒаа
АбҒаць (АбҒацьаа) (Дәрыщшь, Отҳара)	АбҒадж
АҒач (абаз.)	АҒач
БаҒыр-ипа (Пицунда)	БаҒир-ипа
БаҒба, БаҒаа (АбҒархықә, Самырзакан)	БаҒба
БҒажәба (Гәыц)	БҒажба
БҒоуба	БҒоуба
Ғарцкыиа (Бедиа, Река, Лыхны)	Ғарцкия
Ғатица	Ғатица
СаҒариа (Ачандара, Лыхны) и др.	СаҒария

IV. Ғь

АбаҒьба	АбаҒба (БаҒбая)
АбҒьмаа	АбҒимаа
ДаҒьза	ДаҒдза
БҒьымба и др.	БҒимба

V. Ғә

АҒәырлаа (вымерла)	АҒурлаа
ЛапҒәаа (на Сев. Кавказе)	Лапугуаа
Ғәатасаа (ныне Гобечия)	Гуатасаа
Ғәыблиа (Лыхны, Кәланырхәа)	Гублия
Ғәырзалиа	Гурзалия
ТапаҒәуа (Кәтол)	ТапаҒуа
КәаҒәаниа, Кәгониа (Кәтол) и др.	Кәгония

Приложение 2

Фамилии с абхазской буквой дә пишутся:

<i>по-абхазски</i>	<i>по-русски</i>
Адәымба	Адимба

Фамилии с абхазскими буквами *жъ, жэ* пишутся:

по-абхазски

по-русски

I. Жъ

Жъанба

Жанба

Жъания (Азобъбжъа)

Жания

Жъацшьба (Аацы)

Жапшьба

Жъиба (Мгэызырхэа, Лыхны,

Жиба

Цъырхэа) и др.

II. Жэ

Ажэеипшьаа

Ажвейпшаа

Агэажэба (Хэап)

Агуажба

Дагэажэеи (абаз.)

Дагуажей

Ерыжэба (абаз.)

Ерыжба

Жэанба (Жэандрыпшь, Гэада, Реп)

Жванба (Званбая)

Жэанзаа

Жандзаа

Кэыжэлар (Гэыц)

Кужлар

Қыжэба

Кижба

• Приложение 4

Фамилии с абхазской буквой *з* пишутся:

по-абхазски

по-русски

Абарзыуа (Цақэашъ)

Абардзуа

Адзба

Адзба

Азиашба

Адзиашба

Азынба

Адзынба

Арзынба

Ардзинба

Асазба

Асадзба

Асазуа (Арасазыхъ)

Асадзуа

Асланзиа (Мықэ)

Асландзия

Бранза	Брандза
Бырз, Бырзаа (вымерла)	Бирдз, Бирдзаа
Гәазабаи (Мухур)	Гуадзабия
Гәызба	Гудзба
Зазба, Зазаа (Бзыц, Таглан Гальский р-н)	Дзадзба, Дзадзуа
Запшьба (Бармышь, Мгәызырхәа)	Дзапшба
Запшь-ица (Ешыра, Тхына)	Дзапш-ипа
Зыба (Циба) (абаз.)	Дзиба
Зизариа (Зриа) (Лыхны)	Дзидзария (Дзриа)
Зкәа (Дәрыцшь, Цыырхәа, Ешыра)	Дзкуа
Зынба	Дзинба
Касланзиа (Кәтол)	Касландзиа
Кәазба (Дал, Дәрыцшь)	Куадзба
Лзаа, Лыззаа (Лзаа)	Лдзаа, Лызза
Мамзаа (Тырқәтеыла)	Мамдза
Мгәызба (вымерла)	Мгудзба
Мзаа (в ущелье верховья р. Геч)	Мдзаа
Сазба, Сазуа (Кәтол, Лзаа)	Садзба
Санзаа (Кәтол)	Сандзаа
Цәызба (Цыгярда)	Твидзба, Цвидзба

Приложение 5

Фамилии с абхазскими буквенными знаками *кә, кә, қ, қь, қә, к, кь, кә* пишутся:

по-абхазски

по-русски

І. Кь

Кьамачаа (вымерла)

Кямачаа

Кь а н ц а (абаз.)

Кянджа

Кьасалба

Кясалба

Кяхьба

Кяхба

Кяхьыраа (Бениа) (Бармышь)

Кяхираа

Кьпал-ипа
Кьылба (Келанырхәа)
Кьиут (Кындыҕ) и др.

Кпал-ипа
Килба
Киут

II. Кә

Акәазба
Акәыдба (Батым)
Акәызба
Акәыҕба
Акәышба (Азәбжә)
Кәабахыа
Кәазмаа
Кәакәаба, Кәакоба (Атара,
Кәтол)

Акуадзба
Акудба
Акудзба
Акучба
Акишба
Кобахия
Козмаа
Какоба

Кәарчелиа (Ачандара)
Кәасба, Кәасиа
Кәацба
Кәпалба
Кәыбраа (Кәыпраа) (Река)
Кәыкәба (Жәандрыпшь)
Кәыдба
Кәакәаскыыр (Бедиа, Калдахәара,
Отҳара) и др.

Кварчелиа
Квасия
Квацба
Купалба
Кубраа, Куправа
Кукба
Кудба
Куакуаскир

III. Қ

Ақаәба
Ақыртаа, Ақыртба
Қалбад (Аацы)
Қапба (Арасазыхь, Цьырхәа)
Қачаа (Блабырхәа)
Қриа (Лыхны)
Қчичба (Жәандрыпшь)
Қычба (Жәандрыпшь)
Мқаа, Миқаа (Кәтол)

Кове (пишутся так)
Акиртава
Халбад (пишутся так)
Капба
Качаа
Криа
Кчичба
Кичба
Микаа

Мқанба (Анхәа, Псырзха)	Мқанба
Сақаниа (Кәтол, Лыхны, Дәрыпшь) и др.	Сакания
Чқотуа (Лыхны, Жәандрыпшь, Цьгьарда) и др.	Чқотуа
IV. Қь	
Қьачаа, Қьач, Қьеч	Киача, Киач, Кеч
Қьеркьан	Керкан
Қьецба (Аацы, Дәрыпшь, Цьгьарда)	Кецба
Қьыртбаиа (Лыхны, Дәрыпшь, Самырзақан)	Киртбая
Мқьалба (Саз) (Аацы, Бзып)	Микьялба
Қьырзмаа (Лыхны)	Курзмаа
Папаскьыр (Кәтол)	Папаскир
Чаркьазиа, Черкьезиа (Бедиа, Лыхны, Азыбыжьа) и др.	Чарказиа, Черкезия
V. Кә	
Ақәазба, Қәазба	Акуадзба, Куадзба
Аикәсба	Аикусба
Анкәаб, Амқәаб (Хәап, Маркәыла)	Анкваб, Амкуаб
Қәиарба (Калдахәара)	Куиарба
Қәталиа (Арасазыхь, Тамшь, Баҕым)	Куталиа, Кутелиа
Қәтарба (Цьырхәа, Кәтол, Бзып)	Кутарба
Қәычбериа (Река, Ткәарчал) и др.	Кучубериа
Мыкә, Мыкәба (Бармышь, Отҳара)	Мыку, Мукба
Салмақәа	Салмакуа
Чқәан (Псырзха)	Чкуан
Чқәыл-ипа	Чкул-ипа
Шьынкәба (Члоу, Тхьына) и др.	Шинкуба

VI. К

Калгъы, Колгъы (Абгархықә, Ешыра, Самырзакан)	Колбая (так пишутся)
Каитан, Каитанба (Калдахәара, Арасазыхь, Батым)	Кайтан, Кайтанба
Кандалиа	Кандалиа
Канхәа (Азыбжъа)	Канхуа
Карабаш (абаз.)	Карабаш
Кардан (абаз.)	Кардан, Карданов
Клыч (абаз.) (в Абхазии вымерла)	Клыч
Салакаиа (Тхына, Гәып)	Салакая
Шьакрыл (Лыхны, Кәланыхәа, Дәрыцшь)	Шакрыл

VII. Къ

Къантаба (Кәтол)	Киантаба
------------------	----------

VIII. Кә

Акәысба (Атара)	Акусба
Арашақәа (абаз.)	Арашакуа
Аркәыць, Аркәыцьаа (Ачандара, Тхына)	Аркудж
Баркәынба	Баркунба
Берамкәа (абаз.)	Берамкуа
Дракәоу (Дракоу)	Дракоу
Накәациа (Ешыра, Лыхны)	Накопия
Кәадаш	Куадаш
Кәланаа (Кәланыхәа, до махаджирства)	Куланаа
Кәланба, Кәламба	Куланба
Кәнач (абаз.)	Кунач
Кәныжә	Куныж
Кәрышәба (Тырқәтәыла)	Куришба
Кәырджәлаа (Дал, до махаджирства)	Курджиалиа

Кэыруа, Кэрыуаа (Жэандрыпшь, Цсырзха)	Куруа
Мачыкэаа	Мачикуаа
Уарчыкэба (Ачандара)	Уарчикуба
Хымсакеыл	Химсакул
Цекэа (абаз. Цеква)	Цекуа
Шьханыкэа (Дал, до махаджирства)	Шхануква
Шьынкэба (Аапы)	Шинкуба
Шьякэран (Цабал, до махад- жирства) и др.	Шакуран

Приложение 6

Фамильные имена, содержащие в себе букву л, пишутся:

<i>по-абхазски</i>	<i>по-русски</i>
Аапра (абаз.)	Аапра
Агыруацшь (Калдахэара)	Агируапш
Ампар	Ампар
Апсаа (Агу-Бедиа)	Апсаа
Апсазба	Апсадзба
Апсаун (абаз.)	Апсаун
Апсхауа (Псхэы, до махаджирства)	Апсхауа
Апсыс (Рица)	Апсыс
Апхазариаа (Гудаутский р-н)	Апхазариа
Апхазоу (Цабал, до маха- джирства)	Апхазоу
Апшыцба (Азобжьа)	Апшицба
Апшьоысба, Апшьоысаа	Апшвисба
Апшьлаа (Река, Бедиа)	Апшилаа, Абшилауа
Ацыпха (Хабфы)	Аципха
Багапшь (Цыгьарда)	Багапш
Гэациаа	Гуапиаа, Гопиа
Гэыцсы (Гэыбзы)	Гупси
Жэепшь-ипа	Жепш-ипа

Жьацшьба (Аацы)	Жапшба
Инацха (Ачандара, Бзыц, Калдахәара)	Инапха
Инацшьба (Цлоу)	Инапшба
Кацшь (Самырзакан, Кәланьрхәа, Бармышь)	Капш
Кыц-ица (Копешавидзе)	Кип-ипа
Кьыркьпал	Куркпал
Кәцалба	Купалба
Лацшьба, Лацшьаа	Лапшба
Лацба, Лапырба (вымерла)	Лапба, Лапирба
Мзыцба	Мдзипба
Пате-ица	Пате-ипа
Цагәаа	Пагуаа, Пагава
Цалба (Цьырхәуа)	Палба
Цандариа (Аацы)	Пандариа
Царцхалиа	Парцхалиа
Цачалиа (Аацы)	Пачалиа
Цачлиа (Цақәашь, Чхәартал)	Пачлиа, Пачулиа
Цимциа (Кәланьрхуа)	Пимпия
Цкьын (Дәрыпшь, Блабырхәа, Мгәызырхәа)	Пкин
Цлиа, Цилиа (Льхны, Гәыц, Отхара)	Плия, Пилия
Цниа (Жәандрыпшь)	Пиния
Цсардиа (саз.) (Бзыц, Ткәарчал)	Псардиа
Цсхәы, Цсхәоу (Цсхәы)	Псху, Псхоу
Цшыцәба (Азобжьа)	Пшицба
Цшьалиа (Цьгьарда)	Пшьалиа
Цшькьае	Пшкиач
Цшьысба	Пшисба
Цынцацаа (Дал, Лаҭа, до махаджирства)	Пинцаджаа
Тацшь (ветвь фамилии Маршан)	Тапш
Шьацшь (Аацы) и др.	Шапш

Фамилии с абхазскими буквенными знаками *тэ, ть, тэ* пишутся:

по-абхазски

по-русски

I. Тэ

Тэанба (Дэрыцшь, Ешыра)

Тванба

II. Т

Абатаа (жили в Хышэха)

Абатаа

Алтейба, Алтеба (Цлоу)

Алтейба

Арстаа

Арстаа, Аристава

Арнаут (Лыхны)

Арнаут

Атмаа, Атэмаа (Гэыц)

Атмаа, Атумава

Атрышба (Батым)

Атришба

Аухат (Хэац)

Аухат

Ахата (Бзыц апшахэа)

Ахата

Ацытбаа (Лыхны)

Ацитбаа

Багателиа (Отхара, Абгархыкэ)

Багателия

Батал (абаз.)

Батал

Батарбеи (из Сев. Кавказа)

Батарбеи

Далтрыкэа (Калдахэара)

Далтрикуа

Даутиа (Жэандэрыцшь)

Даутия

Деимат (Дал, до махаджирства)

Деймат

Етлыхэба (абаз.)

Етлихуба

Зантариа (Блабырхэа, Тамшь)

Зантария

Зетба

Зетба

Кортуа (Лыхны)

Кортуа

Ламкыат-ипа (Батым)

Ламкиат-ипа

Отырба, Уатраа (Абгархыкэ)

Отырба

Там, Трам (абаз.)

Там

Тамбиа (Калдахэара)

Тамбиа

Таниа (Дэрыцшь, Цакэашь)

Тания

Тантиба

Тантиба

Тарба (Дэрыцшь, Лыхны, Мыкә, Баслахә, Мгәызырхәа)	Тарба
Тариа (Лыхны, Аацы)	Тария
Таркьыл (Дэрыцшь, Анхәа)	Таркил
Тарнаа (Лыхны)	Тарнаа, Тарнава
Тартаа	Тартаа
Таршба (вымерла)	Таршба
Таршә-ипа	Тарш-ипа
Тардьман-ипа (бывшие Копешавидзе)	Тарджман-ипа
Теиба, Теиаа (Цьырхәа)	Теиба
Тлабычаа (абаз.)	Тлабычаа
Тлакәаа	Тлакуаа
Тлысба (переселились с Сев. Кавказа)	Тлысба
Трапшь (Кәланьрхәа, Ааацы, Анхәа)	Трапш
Тхәазоу (Елыр)	Тхазоу
Тхайцькә (Арасазыхь, Баслаху)	Тхайцук
Тыгь, Тыгьза (вымерла)	Тыг
Тыжәба (Хоцьал, Мыкә, Гал)	Тужба
Тырқьба (Жәандрыцшь)	Тыркба
Тыршба (вымерла)	Тыршба
Халытба	Халитба
Шармат (Цьгьарда)	Шармат
Шат-ипа (Река) и др.	Шат-ипа

III. Тә

Арытәба (Гальский район)	Аритба
Хынтәба и др.	Хинтба

Приложение 8

Фамилии с абхазскими буквенными знаками хь, хә, х, хә пишутся:

<i>по-абхазски</i>	<i>по-русски</i>
I. Хь	
Хьациа (Калдахәара)	Хеция

Хьйба, Хьиаа (Бырцџа)	Хйба
Хьыбба (Ешыра), Хьыб(Мархьаул)	Хйбба
Хьыкџаба (Лыхны)	Хйкуба
Хьышба, Хьишба (Калдахџара) и др.	Хйшба
II. Хџ	
Хџаа (исчезла)	Хуаа
Хџарцкиа (Кындыг, Ешыра, Аацы)	Хварцкия
Хџахџаа (Цлоу)	Хуахуа
Хџынцариа	Хунцариа
Хџырхџамал (Маркџыла, Атара)	Хурхумал
Хџытаба (Блабырхџа)	Хутаба
Хџыжь (абаз.) и др.	Хуж
III. Х	
Ламхаш, Лымхаш(Дал, до махаджирства)	Ламхаш
Лушхан (саз.)	Лушхан
Хџагба (Ачандара)	Хџагба
Хџагџышь (Бзып, Калдахџара, Блабырхџа)	Хџагуш
Хџалбад (Аацы)	Хџалбад
Хџалуашь (Дџерыцшь, Азџыбжџа)	Хџалуаш
Хџаразиа (Цьырхџа, Хџап)	Хџаразиа
Хџараниа (Тьыркџџџла)	Хџараниа
Хџаргџын (вымерла)	Хџаргун
Хџатхџа (шапс.) (Гџада)	Хџатхуа
Хџашба (Паџџаашь)	Хџашба
Хџашыг (Хџап, Калдахџара)	Хџашиг
Хџацџба	Хџаджба
Хџацџымба и др.	Хџаджимба
IV. Хџџ	
Аимрыхџџа	Аимрухба

Ахаҳәба, Хаҳәба (Бедиа, Чхәартал)	Хахубиа, Хахубия
Аҳәба (Аҭара, Цлоу)	Ахуба
Малхәыз (абаз.)	Малхиз
Хәатышь (Ачандара)	Хуатыш, Хватыш
Хәланба, Хәланаа	Хланба
Хәемар, Хәемараа	Хемар
Хәранраа (абаз. Хәран) и др.	Хранаа

Приложение 9

Фамилии с абхазскими буквенными знаками *цә*, *ц*, *цә* пишутся:

<i>по-абхазски</i>	<i>по-русски</i>
I. Цә	
Кьяцәба (абаз.) (Аацы)	Киацба
Қацәба	Кацба
Мцәагәачаа (Азәбжә) (ныне Дочиаа)	Мцагуачаа
Цәацә, Цәацәба (Тыркәтәыла)	Цацаба
Цәеиба (Кәланыхәа, Цьыхәа)	Цвейба
Цәызба	Цизба
Цәындаа	Цинба
Цәышба (Кәланыхәа)	Цушба
Чацәба (Гәыц)	Чацба, Чацвба
Шьяцәхәымсаа (Дал, до махаджирства)	Шацхумсаа

II. Ц	
Ацанба, Цанба	Ацанба
Кәыцниа (Аҭара)	Квициния
Рацба, Рацәба (Лыхны, Тамшь, Оҭхара)	Рацба
Цабриа (саз.) (Елыр)	Цабрия, Цабурия
Цлышаа	Цлишаа
Цнариа, Ацнариа (Кәтол)	Цнария, Цвинария

Цыггытър (так называют в Отхаре Плиевцев)	Цыггытър
Цышэба (Отхара) и др.	Цишба
III. Цѣ	
Ацѣаба	Ацваба
Ацѣацѣа (с. Амзара)	Ацвацва
Анцѣаа (вымерла)	Анцваа
Лацѣышба, Лацѣыш (Дал, до махаджирства, Ткуарчал, Окум, Бедиа)	Лацушба, Лацузбая
Рацѣаба, Рацѣба	Рацваба, Рацвба
Цѣацѣаба (вымерла)	Цвацваба
Цѣбаа (Дал, до махаджирства)	Цвбаа
Цѣерыцѣаа	Цвериджаа
Цѣзаа (Цабал, до махаджирства)	Цвдзаа
Цѣызба (Цыггарда, Члоу, Абгархѣкѣ)	Цвидзба, Цвизба
Цѣымкѣызба (на картах Чумкузба)	Цвимкизба
Цѣындаа	Цвиндаа
Цѣыцѣба (Члоу) и др.	Цвижба, Цвиджба

Приложение 10

Фамилии с абхазскими буквенными знаками ч, е, ѣ пишутся:

по-абхазски

по-русски

I. Ч

Амчба, Амчза (Цыггарда, Гѣада,
Цабал)

Амичба, Амчба

Качабаа (Бедиа)

Качабаа

Кѣарчелиа (Ачандара)

Кварчелия

Кѣарчиа (Ткѣарчал)

Кварчия

Кѣыцмаа (Абжѣакѣа)

Кучмаѣ

Мчышь (вымерла)

Мчиш

Чакѣоуаа (Бырцѣ)

Чакуоуаа

Чалакәуа, Цолокәуа (Цлоу, Калдахәара)	Чолокуа
Чанба (Атара, Лыхны, Бармышь)	Чанба
Чаниа (Кәтол)	Чания
Чытанаа (Цакәашь) и др.	Читанаа
Чедиа (Лыхны, Жәандрыщь) и др.	Чедия
II. Ե	
Баеаа (Отҳара)	Бачаа
Եыбзыкәаа и др.	Чибзикваа
III. Ե	
Акәыҕба, Кәыҕба (Цабал, Цсхәы, Арасазыхь)	Акучба
Кьяҕба, Кьяеаа	Киачба
Уанаеа, Уанача (Лыхны, Цсхәы)	Уанача
Цшькьяҕ и др.	Пшкяч

Приложение 11

Фамилии с абхазскими буквенными знаками шь, шә пишутся:

<i>по-абхазски</i>	<i>по-русски</i>
I. Шь	
Шьякаиа (Бедиа, Ткәарчал)	Шакая
Шьямагәа (Маркәыла)	Шамагуа
Шьяууа	Шаууа
Шьнахә	Шнаху
Шьоууа (абаз. Гәада)	Шоуа
Шьырба (Отҳара)	Ширба
Шьынкауаа (абаз) и др.	Шинкауаа, Шинкао
II. Шә	
Алшәнба, Алшәынба	Алшунба
Амшәынба, Амшәынзба (Цьырхәа)	Амшинба

Ашәрхәа (Лзаа)	Ашрхуа
Ашәуа (Бедиа)	Ашуа, Алан
Ашәанба (Жәандрыцшь, Гал)	Ашванба
Ашәба (Цьгьарда, Гәада)	Ашуба
Ашәкәырцаа	Ашкурцаа
Ашәхәацаа (Дал, Цьгьарда)	Ашхуацаа, Ашхацава
Лашәриа (Кәтол)	Ласурия
Лышәба (Абгьархыкә)	Лушба
Мышәба, Мшәаа (Абгьархыкә)	Мушба
Урышәаа (вымерла)	Уришаа
Шәакәман (Цьырхәа)	Шакуман
Шәарыкәа (вымерла, Сочи)	Шарукуа
Шәача (вымерла, Сочи)	Швача
Шәашәырхәа	Шаширхуа
Шәқьариа (Цақәашь)	Шкариа
Шәлымба (Мгәызырхәа, Дәрыцшь)	Шулумба
Шәныхәаа (Азюбжьа)	Шнихуаа
Шәхәацаа (Лыхны)	Шхуацаа
Шәынды и др.	Шунди, Швинди

Приложение 12

Фамилии с абхазской буквой *а* пишутся:

по-абхазски

Ақаоба, Қаюба (Кәлапырхәа,
Абгьархәк)

Арюытаа

Аюхаа

Аюзба

Лаюыце

Мдаюеи, Мдоу(аа)

Наюеи

Тыюба (Цақәашь)

Терюоба

по-русски

Кове

Арютаа, Арутаа

Авхаа

Авидзба

Лавиц

Мдавей

Навей

Тивба, Туйба

Теривба

Оацшьба	Юапшба
Оардан, Вардания (Жеандрыцшь, Ешыра) и др.	Вардания

Приложение 13

Фамилии с абхазскими буквами *ц*, *ць* пишутся:

по-абхазски

по-русски

I. Ц

Абцарба, Абцаа, Абыцба (Гэыц)	Абджарба
Боцгәа (Ацандара)	Боджгуа
Бцениаа	Бджениаа
Быцба, Быцаа	Биджба
Быц (абаз.)	Бидж
Ванцаш	Ванджаш
Кәцба, Кәыцба (Цлоу)	Куджба
Кәыцза (Дал)	Куидждза
Хоце-ица	Ходже-ипа
Чхынцериа (Цьгьарда)	Чхенджерия
Цаца-ица (Иаштхәа)	Джаджа-ипа
Цинциа (Пақәашь, Баслахә, Цьгьарда)	Джинджия
Цыраа (Псхәы)	Джираа

II. Ць

Абацьаа (Отҳара)	Абаджаа
Абцъарба (Абжарба) (Гэыц)	Абджарба
Абыцьба (Отҳара)	Абиджба
Аведцьба (Батым)	Аведжба
Амкәаць (Цлоу, до махаджирства)	Амкуадж
Арцьениа (Лыхны)	Арджения
Ацьынцьл, Цьынцьал, Цьыцьолиа	Аджинджал, Джинджолия
Ацьацшьба (Аацы, Бармышь)	Аджапшба

Ацьба	Аджба
Ацьбакъ	Аджбак
Ацьбар	Аджбар
Барганцьиа (Цьырхәа, Тамшь)	Барганджия
Гонцьуа	Гонждуа
Гырцьынба (Гырцьын) (Дал, Лаҭа, до махаджирства)	Гирджин
Гәацьаа (Лыхны)	Гуаджаа
Гәыцьгъараа (ныне Зардания, Калдахәара)	Гуджгара
Гәынцьиа	Гунджиа
Демырць-ипа (Пицунский округ)	Демирдж-ипа
Езыцьба	Езыджба
Ермыць (вымерла)	Ермыдж
Кәанцьариа (Калдахәара, Бзып, Дәрыпшь, Самырзакан)	Конджария
Мгәацьыкәаа	Мгуаджиква
Мкәаць (Дал, до махаджирства)	Мкуадж
Мсхацьба, Мсахацьаа	Мсхаджба
Окәцьба	Окуджба
Рацьыбаа	Раджибаа
Саманцьиа, Саманба (Лыхны)	Саманджия, Саманба
Транць (Лыхны)	Трандж
Цьабасаиа-ипа (вымерла)	Джабасиа-ипа
Цьагәатан (абаз.)	Джагуатан
Цьакониа (Тырқәтәыла)	Джакониа
Цьаман-ипа (Аҭара)	Джаман-ипа
Цьанашиа (Азәбжәа)	Джанашиа
Цьанба (Лыхны)	Джанба
Цьапуа, Цьопуа, Цьонуа (Члоу, Тхьына, Отап, Мыкә)	Джапуа, Джопуа, Джонуа
Цьапараа (Дал, до махаджирства)	Джапараа
Цьапшь, Цьапшьба (Бармышь)	Джапшба
Цьардания (Тырқәтәыла)	Джардания

Цҕамазиа	Джҕамазиа
Цҕергения (Лыхны)	Джергения
Цҕынцьюа (Лыхны)	Джинджуаа
Цҕпиаа	Джипаа
Цҕугелиа (Лыхны, Жәандрыпшь, Аацы)	Джугелиа
Цҕургия	Джургия
Цҕурт (Тырқәтәыла)	Джурт
Цҕут (абаз.)	Джут
Цҕыкырба (Мгәызырхәа, Хәап, Атара)	Джикирба

Примечания

Вступление

- ¹ **Суперанская А. В.** Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика – М.: 1970. С. 9,10.
- ² См.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1915. Вып. 44, отд. IV. С. 1–23.
- ³ См.: **Фонд Марра Н. Я.** Архив АН РФ в Санкт-Петербурге. Ф.800, оп. 1, №2786.
- ⁴ **Марр Н. Я.** Из истории абхазских личных имен // Христианский Восток. Т.11. С. 400, 402.
- ⁵ **Бгажба Х.С.** Бзыбский диалект абхазского языка (Исследование и тексты). – Тб.: 1964. С. 234.
- ⁶ **Инал-ипа Ш. Д.** Антропонимия абхазов. – Майкоп, 2002.
- ⁷ **Амичба Г. А.** Раннесредневековая антропонимия абхазов и ее этнокультурные аспекты (см.: **Амичба Г. А.** Культура и идеология раннесредневековой Абхазии. – Сухум, 1999. С. 74–115).
- ⁸ **Амичба В. А.** Некоторые вопросы абхазской антропонимики // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора филологических наук К. С. Шакрыл (28–30 мая 1999 г. Сухум). С. 13–21. – Сухум, 2000; Вопросы абхазской антропонимии. – Сухум, 2007. С. 454 (на абх. яз.).
- ⁹ **Цулая Г. В.** Об абхазской антропонимии // Этнография имён. – М.: 1971.
- ¹⁰ **Маан О. В.** Из истории фамильных имён абхазов // Абхазоведение. – Сухум, 2003. С. 189–198.
- ¹¹ **Дасания Д. М.** Из истории изучения абхазских фамилий (до 1961 года включительно) // Абхазоведение. – Сухум, 2003. С. 199–209; Из истории изучения абхазских фамилий 60–80-х гг. XX века // Абхазоведение. – Сухум, 2007. С. 165–181.
- ¹² **Смыр Г. В.** Основные особенности абхазских фамилий. – Сухум, 2000.
- ¹³ **Джанашиа С. Н.** К генеалогии Бараташвили. Труды. Т.2. – Тбилиси.

¹⁴ **Мачавариани К. Д.** Сословный вопрос в Абхазии // Черноморский вестник. 1900. №121, №124.

¹⁵ **Басария С. П.** Самурзаканцы или мурзаканцы // Материалы по истории Абхазии. Вып.1. – Сухум, 1990.

¹⁶ **Гулиа Д. И.** Что нужно Абхазии. – Сухум, 1912 (см.: газ. «Апсны», 13 марта 1992); **Д. Гулиа.** Труды. – Сухум, 2003. С. 233–241.

¹⁷ **Бгажба Х. С.** Указ. раб.

¹⁸ **Инал-ипа Ш. Д.** Ступени к исторической действительности. – Сухум, 1992.

¹⁹ **Куправа А. Э.** Абхазские фамилии. О том, что с ними произошло в Гальском районе // «Апсны», 9 декабря 1998 г.; **его же.** Самурзаканские фамилии: история и современность // «Эхо Абхазии», 23 и 30 января 2000 г.; **его же.** К истории преобразований абхазских фамильных имен (На примере исторического Самурзакана. XIX – XX вв.) // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Международная научная конференция. 28–31 мая 2001 года. – Сухум, 2004. С. 47–56.

Глава I

¹ Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. // Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г.А.Амичба. – Тбилиси, 1988. С. 80.

² **Там же.** С. 89.

³ **Там же.** С. 104, 105.

⁴ **Там же.** С. 104.

⁵ **Там же.** С. 136.

⁶ **Там же.** С. 137.

⁷ **Там же.**

⁸ **Там же.**

⁹ **Там же.**

¹⁰ **Амичба Георгий.** Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). – Сухум, 1999. С. 103.

¹¹ **Эвлия Челеби.** Книга путешествия // Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Выпуск 3. – М.: 1983. С. 44–55.

¹² **Инал-ипа Ш. Д.** Ступени к исторической действительности. – Сухум, 1992. С.45.

- ¹³ **Эвлия Челеби.** Указ. раб. С. 49.
- ¹⁴ **Там же.** С. 302.
- ¹⁵ **Там же.** С. 49.
- ¹⁶ **Там же.**
- ¹⁷ **Там же.** С. 50.
- ¹⁸ **Инал-ипа Ш. Д.** Садзы. Историко-этнографические очерки. – М.: 1995. С. 254.
- ¹⁹ **Эвлия Челеби.** Указ. раб. С. 51.
- ²⁰ **Инал-ипа Ш. Д.** Садзы... С. 256.
- ²¹ **Эвлия Челеби.** Указ. раб. С. 51, 52.
- ²² **Дзидзария Г. А. Ф.Ф.** Торнау и его кавказские материалы XIX века. – М.: 1976. С. 32.
- ²³ **Там же.** С. 30.
- ²⁴ **Там же.** С. 34.
- ²⁵ **Там же.** С. 30.
- ²⁶ **Там же.** С. 37.
- ²⁷ **Там же.** С. 121.
- ²⁸ **Там же.**
- ²⁹ **Там же.**
- ³⁰ **Лакоба Станислав.** Асланбей. (К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в первой трети XIX столетия). – Сухум, 1999. С. 8.
- ³¹ **Дзидзария Г. А. Ф.Ф.** Торнау... С. 121.
- ³² **Там же.**
- ³³ **Дзидзария Г. А.** Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми, 1958. С. 161.
- ³⁴ **Инал-ипа Ш. Д.** Садзы... С. 254–256.
- ³⁵ **Там же.** С. 147–150.
- ³⁶ **Там же.** С. 147.
- ³⁷ **Дзидзария Г. А.** Народное хозяйство... С. 161.
- ³⁸ **Там же.** С. 175.
- ³⁹ **Там же.** С. 161.
- ⁴⁰ **Марр Н. Я.** О языке и истории абхазов. – Л.: 1938. С.177.
- ⁴¹ **Инал-ипа Ш. Д.** Зарубежные абхазы. – Сухуми, 1990. С.58.
- ⁴² **Там же.** С. 58, 59.
- ⁴³ **Джанашиа Симон.** Труды. Т.IV – Тб.: 1968. С.136 (на груз. яз.).
- ⁴⁴ **Там же.** С. 5–159.

- ⁴⁵ Там же. С. 267–269.
- ⁴⁶ **Инал-ипа Ш. Д.** Зарубежные абхазы... С.127.
- ⁴⁷ **Чачхалиа Денис.** Хроника абхазских царей. Статьи. Заметки. – М.: 1999. С. 59.
- ⁴⁸ **Джанашиа Симон.** Указ. раб. С. 135.
- ⁴⁹ Там же. С.72–74.
- ⁵⁰ **Чачхалиа Денис.** Указ. раб. С. 76.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 77.
- ⁵³ Там же. С. 81.
- ⁵⁴ См.: Приложение: О фамилии Кичба. С. 496–498.
- ⁵⁵ **Маан О. В.** Абжуа. Историко-этнографические очерки. – Сухум, 2006. С. 387.
- ⁵⁶ **Джанашиа Симон.** Указ. раб. С. 100.
- ⁵⁷ Там же. С. 140.
- ⁵⁸ Там же. С. 101.
- ⁵⁹ Там же. С. 100, 101.
- ⁶⁰ Там же. С. 140.
- ⁶¹ Там же. С. 103.
- ⁶² Там же. С. 101.
- ⁶³ Там же. С. 103, 104.
- ⁶⁴ Там же. С. 144, 145.
- ⁶⁵ **Чачхалиа Д.** «Мы – джигеты, народ вольный...» // «Республика Абхазия», 21 июля 1992; «Роковая святыня». Там же, 22 июля 1992.
- ⁶⁶ **Меликишвили Г. А.** Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. – Тб.: 1973. С. 134.
- ⁶⁷ **Джомидава Николоз.** 3000 мегрельских фамильных имен. – Тб.: 2000. С. 364–366 (на груз. языке).
- ⁶⁸ Там же. С. 382–384.
- ⁶⁹ **Сагария Б. Е.** Македонские абхазы. – Сухум, 1996. С. 10–13 (на абх. яз.).
- ⁷⁰ См.: Приложение: О фамилиях Званбая-Гугушвили. С.494–495.

Глава II

¹ **Джанашиа С. Н.** К генеалогии рода Бараташвили. Академическое

издание сочинений Н.Бараташвили. – Тб.: 1939. С. 131–144 (на груз. яз.); на русском яз. в переводе Л. Т. Соловьевой // *Этнографическое обозрение*. 1999. №1. – М.: С. 125–136.

² **См.: Приложение:** Пятеро братьев из Лыхны и их потомки. С. 479–481.

³ **См.: Приложение:** Из истории фамилии Бабыша Цыцба. С. 475–478.

⁴ **См.: Приложение:** Предания о фамилии Цымцба. С. 470–472.

⁵ **Цулая Г. В.** Из грузино-абхазской антропонимии // *Этнографическое обозрение*. №1. – М.: 1999. С.124.

⁶ **См.: Приложение:** О фамилиях Арлан-Арлания. С. 488, 489.

⁷ **Эвлия Челеби.** Указ. раб. С.49.

⁸ **См.: Приложение:** К истории фамилии Гумба – Гунба. С. 502–506.

⁹ **Там же.** С. 505,506.

Глава III

¹ **Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э.** История Абхазии. – Сухуми, 1986. С. 28.

² **Там же.**

³ **Анчабадзе Георгий.** Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта // *Аспекты грузино-абхазского конфликта*. – Ирвайн, 2000. С. 28.

⁴ **Там же.** С. 30.

⁵ **Там же.**

⁶ **Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э.** История Абхазии. С. 37.

⁷ *Грузинская Советская энциклопедия*. Т. I. – Тб.: 1975. С.11 (на груз. яз.).

⁸ **Джанашиа Симон.** Труды. Т.IV. – Тб.: 1988. С. 211–217.

⁹ **Там же.**

¹⁰ **Цулая Г. В.** Указ. раб. С. 123.

¹¹ **Там же.** С.124.

¹² **Джомидава Н.С.** Указ. раб. С. 32.

¹³ **Цулая Г. В.** Указ. раб. С. 123.

¹⁴ **Джомидава Н. С.** Указ. раб. С. 13.

- ¹⁵ Там же. С. 33.
¹⁶ Там же. С. 30.
¹⁷ Там же. С. 12, 30.
¹⁸ Там же. С. 33.
¹⁹ Там же. С. 33, 35.
²⁰ Там же. С. 35.
²¹ Там же. С. 13.
²² Там же. С. 33.
²³ Там же. С. 34.
²⁴ Там же.
²⁵ Там же. С.36.

Глава IV

- ¹ Путешествие Гамба по восточному берегу Черного моря в 1820–1824 годах. См.: **Чачхалиа Денис**. Хроника абхазских царей. – М.: 1999. С. 147, 148.
² **Дзидзария Г. А.** Махаджирство и проблемы Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1975. С. 187.
³ Там же.
⁴ Там же. С. 292, 293.
⁵ **Сагария Б. Е.** Македонские абхазцы. – Сухум, 1996. С.10–13 (на абх. яз.).
⁶ Метрическая книга отхарской великомученицы Екатерины Сухумской епархии. Кн. 19639, за 1916 г. Л. 3.
⁷ **Инал-ипа Ш. Д.** Зарубежные абхазы... С. 127.
⁸ **Аншба Артур.** Абхазский фольклор. – Сухум, 1996. С. 393 (на абх. яз.).
⁹ **Инал-ипа Ш. Д.** Ступени к исторической... С. 79.
¹⁰ См.: **Лакоба Станислав.** Асланбей... С. 13–23.
¹¹ **Инал-ипа Ш. Д.** Ступени к исторической... С. 123.

Глава V

- ¹ Цит. по: **Инал-ипа Ш. Д.** Ступени к исторической... С. 121, 122.

- ² См.: Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми, 1979. С. 78.
- ³ Хашба А. К. Избранные работы. – Сухуми, 1972. С. 124.
- ⁴ «Советская Абхазия», 4 февраля 1991.
- ⁵ Инал-ипа Ш. Д. Указ. раб. С. 123.
- ⁶ Там же. 124.
- ⁷ Маргания (Маан) Дмитрий – Протоиерей-просветитель // Статьи. Рапорты. – Сухум, 1999. С. 50.
- ⁸ Мачавариани К. Д. Сословный вопрос в Абхазии // Черноморский вестник. 1900. №121, №124.
- ⁹ Басария С. П. Самурзаканцы или мурзаканцы... С. 30.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка... С. 248, 249.
- ¹² «Советская Абхазия», 4 февраля 1991.
- ¹³ См.: Приложение: Пятеро братьев из Лыхны и их потомки. С. 479–481.
- ¹⁴ См.: Под стягом России // Сборник архивных документов. Составитель и редактор Гулиа Д. Г., издатель – А. Б. Петровский-Шакирбай. – М.: 2005. С. 259–2600.
- ¹⁵ Там же. ЛЛ. 260–263.
- ¹⁶ Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. С. 69.
- ¹⁷ См.: Внимайте пророчеству Даниила! – Нью-Йорк.
- ¹⁸ Георгий Амичба. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). С. 75–77.
- ¹⁹ См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство... С.156.
- ²⁰ ЦГА Абхазской АССР. Ф.57. Отд. I. Д.33.
- ²¹ См.: Приложение: Предания о фамилии Цымцба. С. 470–472.
- ²² Там же. С. 471.
- ²³ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1957. С. 127, 128.
- ²⁴ Там же. С. 126.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Инал-ипа Ш. Д. Труды. – Сухуми, 1988. С. 133, 134.
- ²⁷ См.: Приложение: О том, как молодой садз Цымцба в Мегрелии присвоил себе фамилию Цирамуа. С. 495, 496.
- ²⁸ Джомидова Н. Указ. раб. С. 404.
- ²⁹ См.: Приложение: Предания о фамилии Цымцба. С. 472.

Глава VI

¹ Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. С. 80.

² См.: Приложение: Чачибаиа Любовь о родословии своих предков. С. 486.

³ Там же. С. 486, 487

⁴ Там же. С. 487.

⁵ См.: Приложение: О родословии лыхненских Чачибаиа. С. 484.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 485, 486.

⁸ См.: Приложение: О Чачибаиа из Местии. С. 487, 488.

⁹ Там же. С. 488.

¹⁰ Абубекир Мурзэкъян. Мурзэкъян Самурзакан. – Нальчик, 1998. С. 168.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же. С. 10.

¹⁴ Там же. С. 13, 14.

¹⁵ Там же. С. 5.

¹⁶ См.: Приложение: Как появилась фамилия Цейба... С.481.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 482.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ История Абхазии... 1991. С.171.

²⁴ См.: Приложение: Об Урусе Лакоба. С. 472–474.

²⁵ Там же. С. 474.

²⁶ Там же. С. 473.

²⁷ Там же.

²⁸ Джомидава Н. С. Указ. раб. С.213.

²⁹ См.: Приложение: Из истории фамилии Бабыша Цыцба. С. 475–478.

³⁰ Там же. С. 478.

³¹ См.: Приложение: О родословии Какубава. С. 477.

- ³² Там же. С. 479.
- ³³ Там же. С. 479.
- ³³ Джомидава Н. С. Указ. раб. С. 169.
- ³⁵ См.: Приложение: Из истории фамилии Бабыша Цыцба. С. 475.
- ³⁶ Какубава Ной. История фамилии Бабыша Цыцба. // Рукопись. С. 10.
- ³⁷ Там же. С. 11
- ³⁸ Там же. С. 12.
- ³⁹ Там же. С. 22.
- ⁴⁰ «Советская Абхазия», 21 апреля 1945.
- ⁴¹ См.: Приложение: Пятеро братьев из Лыхны и их потомки. С. 479–481.
- ⁴² Там же. С. 480.
- ⁴³ Шария В. Ветвистое дерево фамилии Шакрыл // «Эхо Абхазии», 18 июля 1997 г.
- ⁴⁴ См.: Приложение: О родословной семьи Шакирбай. С. 498–502.
- ⁴⁵ Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции... С.221.
- ⁴⁶ «Метрическая выписка». (Из домашнего архива.)
- ⁴⁷ Дзидзария Г. А. Там же. С. 212.
- ⁴⁸ См.: Приложение: О родословной семьи Шакирбай. С. 500.
- ⁴⁹ Дзидзария Г. А. Там же. С.217.
- ⁵⁰ См.: Приложение: О фамилии пичорских Джинджолия. С.492, 493.
- ⁵¹ Там же. С. 492.
- ⁵² Там же. С. 492, 493.
- ⁵³ См.: Приложение: Алшэба (Алушба) – Иуан. С. 493.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Мурзэкьян Абубекир: Указ. раб. С. 5.
- ⁵⁷ Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической... С. 144.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. С. 145.
- ⁶⁰ Пачулия Лейла. Я – абазин. Я – абхаз. Я – поэт // «Республика Абхазия», 16–17 апреля 1998 г.
- ⁶¹ См.: Приложение: О предке абазинской фамилии Чкоту. С. 494.
- ⁶² Там же.

⁶³ **Харчлаа Л. Я.** Особенности национальных традиций и их влияние на формирование современной абхазской государственности. С. 110. (Рукопись кандидатской диссертации.)

⁶⁴ **Шария В.** Как в Абхазии появилась фамилия Арнаут? // «Эхо Абхазии», 7 сентября 2004 г.

⁶⁵ **См.:** Участники освободительного движения в Абхазии. 1917–1921. – Сухум, 2007. С. 88.

⁶⁶ «Эхо Абхазии», 7 сентября 2004 г.

⁶⁷ **Давид Дасания.** Слово об Эмме Чаговне Ермоловой // «Республика Абхазия», 24–25 февраля 2007 г.

⁶⁸ **Лабахуа М. А.** Об Архипе Лабахуа и не только о нём // **Архип Лабахуа.** Избранные письма и речи. – Сухум, 1999. С. 10.

⁶⁹ Долголетние люди Абхазии. – Сухуми, 1956. С. 42.

⁷⁰ Там же. С. 43.

Глава VII

¹ **Инал-ипа Ш. Д.** Антропониμία абхазов. – Майкоп, 2002.

² **Боденштедт Фридрих.** По большой и малой Абхазии. – М.: 2002. С. 118.

³ **Чирикба В.** Вопросы сохранения и развития абхазского языка и проблемы демографии // «Республика Абхазия», 16 сентября 2006.

⁴ **Бгажба Х. С.** Из истории абхазского письма // Труды. Книга первая. – Сухуми, 1987. С. 29.

Часть четвёртая

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ АБХАЗОВ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Вступление

Человек наделён естественной потребностью искать силу, превышающую человеческие возможности, искать разумное начало мира. Никакие философские доктрины не в состоянии искоренить это присущее человеку тяготение к неведомому.

О свойственном людям стремлении иметь надлежащие отношения с Богом, Креси Моррисон сказал: «Человек повсюду и во все времена, с самого начала истории и до сегодняшнего дня чувствует побуждение обращаться к тому, что он считает высшим и сильнейшим себя. Это показывает, что религия свойственна человеческой природе и должна признаваться научно... Всемирный характер поиска человеком высшего существа и веры в него должен приводить нас в трепет, изумлять нас и порождать в нас благоговение» (Креси Моррисон. “Man Does Not Stand Alone”). Джон Боу-кер в своей книге «Бог: краткая история» (“God – A Brief History”) высказался так: «Никогда не существовало общества, в котором Бог не играл бы определённой роли, как правило, роли Вседержителя и Творца». Так или иначе, стремление познать Бога и снискать его расположение, всегда было неотъемлемой чертой поведения человека.

Откуда же такая потребность могла возникнуть? Почему же человеческий дух вечно стремится к добру, красоте и чему-то Высшему, достойному преклонения? На эти вопросы Александр Мень

отвечает так: «... Правильно ли будет видеть в этом лишь пустой самообман? Не естественнее ли признать, что подобно тому, как тело связано с объективным миром природы, так и дух тяготеет к родственной ему и в то же время превышающей его незримой Реальности? И разве не показательно, что когда человек отворачивается от этой Реальности, вместо неё возникают суеверия и секулярные «культы»? Иными словами, если люди уходят от Бога, они неизбежно приходят к идолам»¹.

Резонно поставить вопрос: противоречат ли друг другу религия и наука? Можно отметить, что в древности великие научные открытия естественных наук были сделаны учёными религиозными, верующими в Бога – Творца. Религиозные идеи стали основанием для развития естествознания XVI–XVII вв., из которого родилась современная наука. На это указывал ещё в 1920-х годах известный русский учёный В. Н. Вернадский. «От религии, – писал он, – как и все духовные проявления человеческой личности, произошла наука»².

Коперник, Галилей, Кеплер, Ньютон были католиками. Выступая в свою защиту, Галилей подтвердил, что твёрдо верит в Библию как в Слово Бога. Исаак Ньютон, когда, открытый им закон о всемирном тяготении был назван законом Ньютона, падший на колени перед Богом, просил прощения: Господи, этот закон установил Ты, Твой закон, Ты мне дал разум, чтобы открыть его. Ньютон восхищался законами, которые функционируют в живой природе, и внимательно занимался их исследованием.

Великий русский учёный М. В. Ломоносов, положивший начало развитию химии, физики, астрономии, геологии, лингвистики и других отраслей знаний в России, писал: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной Он показал Своё величество, а в другой – Свою волю. Первая – видимый сей мир, Им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность Его зданий, признал Божественное всемогущество, по мере себе дарованного понятия. Вторая книга – Священное Писание....»³.

Альберт Эйнштейн, один из выдающихся учёных XX в., откровенно признавался: «Моя религия – это глубоко прочувствованная уверенность в существовании Высшего Разума, который открывается нам в доступном познанию мире»⁴.

Существует множество теорий в области физики, химии, биологии и других наук. Приведём некоторые высказывания гениальных учёных, выдвинувших оригинальные научные теории о своей вере в Творца⁵.

«Как учёный, я смотрю на окружающий меня мир и вижу природные механизмы поразительной сложности. Я прихожу к выводу, что во всём этом порядке и сложности виден мудрый замысел» (Эндрю Макинтош, математик, Уэльс, Великобритания).

«Гармония и порядок в мире живой природы очевидны. Они созданы высшей Силой, которую я лично называю Богом. Они показывают, как вера в Бога согласуется с научной истиной, ни в коем случае не противореча ей, а дополняя её и давая более простое объяснение существованию нашей Вселенной»

(Жан Дорет, биолог, Франция).

«Каждое животное в некотором смысле уникально по своей природе и совершенным образом вписывается в среду своего обитания. И я скорее готов объяснить столь замысловатую картину мира мудростью Творца, чем действием случайных эволюционных сил»

(Боб Хоскен, биохимик, Австралия).

«Я не могу представить себе Вселенную и человеческую жизнь без какого-то осмысляющего их начала, без источника духовной «теплоты», лежащего вне материи и её законов»

(Андрей Сахаров, физик-ядерщик, Россия).

«Наука и Библия помогли мне обрести смысл жизни... Я не нашёл противоречий между библейским повествованием и научными фактами. Я физик и, изучая законы мироздания, убедился, что они созданы Высшим Разумом»

(Бернд Эльшлегель, физик, Германия).

Большинство же учёных не верит в Бога – Творца, в то, что всё сущее на небе и земле – это творение Создателя, обладающего ве-

личайшим разумом, мудростью, непревзойдённой силой и всеобъемлющей любовью, что им же установлены законы – физические и нравственные. Многие относятся к идее о Творце с насмешкой. Это создаёт общественное мнение, сильно влияющее на других. Астроном Алан Сандаж отмечает: «Не хочется открывать другим, что веришь в Бога». Почему? Он говорит: «Пренебрежительное отношение – неодобрение и насмешки – оказывают сильное давление»⁶.

Вопрос веры в Бога и в древнейшие времена, и сегодня, как об этом свидетельствует человеческая история, был и остаётся животрепещущим. Разумеется, не было и нет племени, народа и нации без веры, без Бога; слово «Бог» звучит на всех языках и имеет глубокий нравственный, духовный смысл.

В духовной жизни людей трудно найти фактор, который на протяжении веков играл бы большую роль, чем религия. Учёные подчёркивают, что «религия играет роль ключевого системообразующего фактора культуры и цивилизации... При этом участие её в формировании и развитии этнического самосознания и социально-культурных структур осуществляется двояко: во-первых, посредством формирования определённого образа мышления и поведенческих норм (этнического самосознания); во-вторых, через посредство религиозных институтов, инкорпорированных в то или иное общественное устройство, имеющее непреложную самобытность»⁷.

Человечеству известны разные религии – индуизм, буддизм или джайнизм, иудаизм, христианство, мусульманство и другие. Мировые религии, в свою очередь, имеют разные направления. Религии христианского мира, как правило, утверждают, что верят Библии. Однако у них разные представления о её учениях.

В современной России, являющейся многонациональной и поликонфессиональной страной, живут представители более 150 национальностей, действует свыше 70 религиозных направлений. Ныне среди верующих 55% со средним и 32% с высшим образованием, при этом среди православных (74% от общего числа верующих) и

мусульман (соответственно 19%) практически каждый второй – со средним образованием (православные – 55%, мусульмане – 50%) и каждый третий – с высшим (33% и 30% соответственно), что свидетельствует об укреплении позиций религии в стране. Религиозность помолодела. Люди от 22 до 50 лет составляют большую часть верующих в Бога (более 60%)⁸.

Каково же было религиозное состояние народов в древнейшем и в древнем мире? История человечества свидетельствует о том, что религиозность народов в те времена была более массовой. Разумеется, все племена и народы имели свои религиозные верования. Они являлись этническими, были проникнуты этническим сознанием и культурой. Древние традиционные религии принято называть «языческими», что подразумевает их народную, этнокультурную основу*.

По-абхазски язычник – амуртат, (амуртат), язычество – амуртатра (амуртатра). В словаре абхазского языка амуртатра толкуется как религия тех, кто поклоняется многим богам и идолам (См.: Словарь абхазского языка. Т. I. С. 449).

В религиозных верованиях языческих культур, как известно, характерно многобожие (политеизм в противоположность монотеизму) и обожествление природных стихий, животных, растений или даже неодушевленных предметов, например, священных камней.

* «Термины «язычество», «язычники», «язычник» происходят от старославянского слова «язык» в значении «народ» (например: «нашествие двенадцати языков», в Отечественную войну 1812 г.). Поэтому, когда речь идёт о языческих религиях, культурах, обычаях, имеется в виду их народная, этнокультурная основа. В то же время в раннехристианских писаниях слово «язычники» употреблялось для отличия иноверных народов (языков) от православных» – так интерпретируют этимологию этого термина авторы книги «Вера. Этнос. Нация». См.: с. 156.

1. О языческих верованиях абхазов

Материальная и духовная культура абхазов давно привлекает внимание исследователей – археологов, этнологов, историков, фольклористов, философов, лингвистов, религиоведов, социологов и других. Некоторые авторы специально рассматривают вопросы древнейших верований. Их труды содержат ценные материалы и сведения, интересные суждения и положения о верованиях абхазов и представляют научный и познавательный интерес, проливают свет на многие аспекты культурной и духовной жизни народа.

Весьма ценные материалы о древней и средневековой культуре, о религиозных верованиях абхазов имеются в исторических летописях, мемуарах и записках путешественников, краеведов, деятелей культуры и других.

Историографический обзор богатейшей литературы и источников по рассматриваемому вопросу занял бы большое место и поэтому в данном случае автор ограничивается указанием на то, что современное абхазоведение обладает значительным материалом и знаниями о религиозных верованиях абхазов.

Считаю нужным отметить, что автор, в данном случае, не ставит перед собой широкие исследовательские задачи, а ограничивается лишь некоторыми своими размышлениями о месте и роли религиозных верований в традиционной культуре абхазов.

Языческие религиозные верования занимают особое, можно сказать, исключительное место в жизни народа, пронесшего свои традиционные религиозные представления об окружающем мире через тысячелетия, которые в пережиточном виде дошли до наших дней.

О древнейших верованиях мы можем рассуждать в основном на основе материалов, относящихся к XIX–XX веков. Надо иметь в виду, что многие из верований предков абхазов к этому времени были преданы забвению под влиянием более поздних религий и не дошли до нас. Кроме того, в результате махаджирства 60-х–70-х

годов XIX столетия абсолютное большинство абхазского населения подверглось выселению из Абхазии. Полностью ушло население центральной Гумской Абхазии, Садзена и горных обществ – Дал, Цабал, Псху и др. Культура каждой из этих областей имела свои особенности. Махаджиры унесли с собой бесценные культурные ценности – традиции, обычаи, знания, памятники устного народного творчества и т. д.

Современное абхазоведение оперирует в основном материалами только Бзыбской и Абжуйской Абхазии. Естественно, на их основе невозможно воссоздать целостную картину о традиционных верованиях в период становления и расцвета традиционной культуры народа, которая, как известно, постоянно развивалась и обогащалась знаниями. Но дошедшие до нас пережитки древнейших народных представлений достаточно изумляют учёных и дают основание высказать некоторые соображения.

Расцвет языческих религиозных представлений абхазов относится к дохристианскому периоду. По мнению профессора З. В. Анчабадзе, уже раннеантичная абхазская культура содержит чётко оформленный языческий пантеон. В древнейшей абхазской религии учёные особо выделяют божества: 1) природы и земледелия; 2) скотоводческие; 3) хозяйственно-промысловые и другие. Основными считались: Айергь – божество молнии, огня и войны; Ажвейпшаа (Ажэицшэаа) – божество лесов, дичи и охоты; Айтар (Аитар) – бог обновления природы, размножении и скотоводства; Афы – божество грозных явлений природы; Ашха Инцваху (Ашхэ Инцэху) – духи покровителей гор; Дзахкуаж (Захкэажэ) – божество воды; Джаджа (Цаца) – богиня плодородия, покровительница засеянных полей и всей растительности; Ерыш – божество ткацкого ремесла и других женских работ; Анана-Гунда – покровительница людей, животных, пчёл и пчеловодства; Шашвы (Шьашэы) – покровитель кузнечного ремесла; Хайт (Хайт) – божество восхода и захода солнца, а также повелитель морского царства; Кодош – покровительница дето-

рождения, воды и деревьев; Ажахара (Ажьаҳара) – божество очага и плодородия; Саунау – богиня мукомолья; Киквин (Кэы-кэын) – дух хлопка и льна и др.

Айтар – божество обновления природы, покровительствующее скотоводству, представляли в семи лицах (седьмица божеств): Джабран (Цъабран) – божество мелкого рогатого скота, особенно коз; Жвабран (Жэабран) – покровительница крупного рогатого скота, особенно коров; Алышкынтыр (Алышкынтыр) – божество собак; Амза ныха – персонификация луны; Амра ныха – персонификация солнца; *Анапа-нага (Анаџа-нага)* – божество урожая; Ачышыяна (Аеышьашьяна) – божество лошадей. Таким образом, для каждого из основных видов животных, разводимых абхазами с древних времён, были покровители-божества, считавшиеся долями могучего Айтара, единого в семи долях. Со скотоводством было связано также божество *Абна Инџваху (Абна Инџаху)* – доля бога леса. Сложная система скотоводческих культов – свидетельство особого значения скотоводства в хозяйственной жизни народа.

Зарубежный абхазский учёный – историк, языковед, фольклорист, философ и поэт Омар Бирамович Беигуа (Бигуаа) (1901–2001), проживавший в Турции (потомок абхазских махаджиров 1878 г.), называет божества, многие из которых не зафиксированы учёными в самой Абхазии⁹. Приведём имена некоторых богов, записанных им: абхазские боги неба и погоды – *Жауан, Чвы, Мачвы, Фыр, Дыды, Былы, Маза; Ра* и творение (природы); богиня целомудрия – *Ханџиса (Ханџиса)*; богиня женского рукоделия и искусства – *Арышна – Иарыш – Иарышна*; богиня врачевания – *Ханыша*; богиня учения – *Атана*; богиня красоты – *Агунда*; бог – покровитель культуры – *Аубла*; бог виноделия – *Дионис*; бог богатства – *Меркыре* и другие. О. Беигуа подробно описал образ бога Ра и, сравнивая его с древними религиозными воззрениями и учениями, пишет: «У абхазов Ра является Первоосновой и Творцом всего Сущего. Его также называют *Аџсы – Аџс* (Вселенский Дух,

Вселенская Сила), он охватывает бесчисленное множество миров и частиц... Ра является источником Силы, Жизни и Движения. Он один творит и направляет всё в прошлом, настоящем и будущем. Он всемогущ. Он не мужчина и не женщина. Он не имеет недостатков и пороков. Все существа являются его частицами, в соответствующей мере обладают его качествами»¹⁰. Учёный заключает, что древнейшие абхазские религиозные представления соответствуют древнейшим представлениям народов преднеазиатской цивилизации*.

Таким образом, у древних предков абхазов божества выступали покровителями, представляли культы. Как сверхъестественные силы, по поверьям древних, они благословляли ту или иную хозяйственную деятельность человека. Поэтому по их представлениям результативность труда и человеческое благополучие зависели от благосклонности богов. Люди поклонялись им, приносили жертвы.

Чтобы угодить своим богам и получить их благословения, люди выполняли определённые законы, нормы и требования, выработанные в результате долговременного хозяйственно-жизненного опыта. Это касалось правил возделывания земли, ведения скотоводства, пчеловодства, виноградарства, охоты и т.д.

*Такое предположение высказывают и другие исследователи абхазской религии. Иеромонах Дорофей (Дбар), опираясь на конкретные сведения, отмечает некоторые параллели между хаттско-хеттскими и абхазскими религиозными традициями: «Мы видим некоторую связь с вышерассмотренными нами богами грозы Хатти у хеттов и богом грома и молнии Афы у абхазов, что, по-видимому, свидетельствует о некоей единой абхазо-адыго-хаттской религиозной традиции». (См.: Иеромонах **Дорофей (Дбар)**. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. – Новый Афон, 2005. С. 42.)

Очевидно, соблюдению законов и норм хозяйствования придавалось большое значение. Это поддерживало культуру земледелия, животноводства и пр.

Археологический материал свидетельствует о том, что у древнейших предков абхазов, как и других сопредельных народов, культура земледелия была развита в эпоху бронзы. Памятники материальной культуры, как металлические, так и гончарные и другие, говорят о том, что хозяйственный опыт, заложенный тысячелетия назад, представляют фундамент всей последующей цивилизации.

Древнейшие предки абхазов, как и другие народы-язычники, имели глубоко-нравственное отношение к природе и её явлениям. Об этом свидетельствуют их религиозные представления. Это поддерживало и экологическую чистоту и духовность самого человека.

Византийский историк Прокопий Кесарийский (VI в.) писал об абхазах: «Эти варвары* ещё в моё время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами»¹¹. Надо полагать, так же было и тысячелетия назад до Прокопия.

Немецкий писатель Фридрих Боденштедт (1819–1892), который в середине XIX столетия дважды побывал на Кавказе, в частности, и в Абхазии, в своей книге пишет: «... Ещё и сегодня они (абхазы. – А. К.) особо чтят старые деревья, особенно дубы. У каждого рода есть свой особый дуб, который на праздничных собраниях присутствует как бы свидетелем. Перед каждым общественно важным мероприятием, особенно перед военным походом, члены рода собираются вокруг самого почитаемого дуба в лесу,

* У древних греков и римлян: пренебрежительное название чужеземцев, стоявших на более низкой ступени культурного развития.

развешивают на нём оружие, украшают его ветви пёстрыми платками, прикасаются к его стволу своими мечами и дают соответствующую предстоящему событию клятву»¹². Он, кстати, обратил внимание на особую живучесть древних верований и обычаев*.

Как отмечает абхазский учёный-этнолог, специалист по религии Л. Х. Акаба, «почитание рощ и отдельных деревьев... повсеместно сохранилось в Абхазии до начала XX в., а частично дожило и до наших дней... До недавнего времени значительное число молений с жертвоприношением и дача очистительной присяги происходили в священных рощах или у отдельного дерева, отличающегося от других какими-либо признаками – например, большими размерами»¹³.

Из языческих богов в сознании народа наиболее прочно укоренился Шашвы – божество кузни и металлургии, своими корнями связанный с культом кузни и кузнечного ремесла, уходящего в глубь тысячелетий. «Ни у одного из народов Кавказа, – писал Г. Ф. Чурсин, – не наблюдается такого высокого почитания кузни, кузнечного дела и кузнецов, как у абхазов»¹⁴. Абхазский учёный – филолог В. И. Кукба (1904–1938), характеризуя состояние религиозного сознания абхазского крестьянства в середине 1930-х годов, именно в тот период, когда утверждался воинствующий атеизм и всячески преследовались и выкорчёвывались проявления религиозности, писал: «Очень широко распространён культ железа у абхазов. Поклонение железу выражается в различных видах, но основной вид его выражается в поклонении кузни... Кузня в представлении абхаза сильнее церкви. Принятием присяги в кузне оправдываются

* «В душе абхазы всегда оставались верными своим древним обычаям и почитали своих древних божеств, хотя надо признать, что к этим культам примешалось и кое-что из христианства и мусульманства». Далее отмечает, что древние языческие обычаи у абхазов, живущих «высоко в горах ещё существуют в своём первоизданном виде». (См.: Ф. Боденштедт. Указ. Соч. С. 112, 113.)

обвиняемые в том или ином преступлении. Бывали случаи в недалёком прошлом, когда важные уголовные преступления, требовавшие административного разрешения, местными властями разрешались принятием присяги в кузне»¹⁵. Кузня в народном сознании воспринималась как существо, связанное с «Всевышней силой». Абхазский поэт Михаил Гочуа (1906–1941) образно отразил это в своём сатирическом стихотворении «Кузня Дыгуа» (Дыгә ижьбира)*.

Русский этнолог А. Б. Крылов отмечает, что в традиционной религии абхазов часто под аныхой подразумевается кузня. Абхазский этнолог Ю. Г. Аргун считает, что Шашвы «по почитаемости и сегодня занимает первое место после верховного бога Анцва. Ежегодно в Абхазии во многих семьях в честь этого божества проводится молитва у культовой кузни Ажьбира с жертвоприношением...», помимо этого в наши дни у кузни «происходят очистительные присяги (ахрыцкъара), прокливание обидчика (абгара), разного рода клятвы (аџоуба)...»¹⁶.

Древнеабхазские племена свои святилища – аныха, создавали в священных лесах. В начале они представляли культы родовых святынь. Об исключительной роли родовых святилищ в религиозных верованиях предков древнеабхазских племён свидетельствуют сохранившиеся до нового времени фамильные родовые молельни – аныха. В Абхазии, по сведениям Ю. Г. Аргуна, до махаджир-

* Дыгә ижьбира мыц зымхәауа,
Пату зкуитцо, креилзыргауа,
Гычи-кучи знапхауа,
Ирасатраџы итәоуп ицшуа.

.....
Жәәантә мчыла еибаркыуп.

Кузня Дыгуа не может обманывать,
Чтимаая, разбирающая дела,
Воров обличающая,
В орешнике сидит выжидая.

.....
С Всевышней силой связана.

(Подстрочный перевод.)

См.: Михаил Гочуа. Дыгә ижьбира. Антология абхазской поэзии XX века. Т. I. – М.: 2001. С. 280 (на абх. яз.).

ства функционировало более 45 родовых святилищ¹⁷. Возможно, их было ещё больше. Ш. Д. Инал-ипа называет некоторые из них: *Аублаа рныха* (в районе г. Сочи), *Цаных* (рода Цанба, между Мацестой и Сочи), *Ах-ных* (вблизи Адлера), *Чыгу-рных* (рода Чыгуба, северо-западнее г. Гагра), *Ет-ных – Аг-ных* (рода Ампар в с. Калдахуара), *Хуапша-ныха* (рода Абиа в с. Блабырхуа), *Лапыр-ных* (рода Цымцба в с. Бармыш), *Леиаа-рныха* (рода Лейба в с. Мгудзырхуа), *Гумбаа-рныха* (рода Гумба в с. Куланыхуа), *Ахаа-рныха* (рода Ахба в с. Ачандара), *Джыхашькяр* (рода Джопуа в с. Члоу) и др.¹⁸. И в наши дни в некоторых родовых святилищах ежегодно проводятся моления с жертвоприношением. Известны моления однофамильцев Лейба (Мгудзырхуа), Ампар (Калдахуара), Джопуа (Члоу), Шакрыл (Лыхны), Цымцба (Бармыш и др.

Среди древнеабхазских святилищ, сохранившихся до XIX в., преобладают общинные и общинно-родовые. По мнению Ш. Д. Инал-ипа, общинно-родовые святилища, вероятно, являются косвенным отражением процессов превращения родовых святилищ в племенные.

К родовым святыням восходят святилища – аныха, которые стали местами общенародного поклонения: *Елыр (Ылыр)-ныха* (с. *Елыр*), *Киач-ныха* (с. Джгиарда), *Лашкендар-ныха* (с. Ткуарчал), *Лых-ных* (с. Лыхны), *Дыдрыпш-ныха* (с. Ачандара), *Лдзаа-ныха* (с. Пицунда), *Псху-ныха*, *Инал-куба* (с. Псху) и др. В настоящее, постсоветское время, они являются действующими, где совершаются моления с жертвоприношением и очистительные ритуалы.

Из общеабхазских святилищ наиболее посещаемыми являются в Бзыбской Абхазии Дыдрыпш-ныха, в Абжуйской – Елыр-ныха. Они и в советское время не прекращали свою деятельность. К наиболее почитаемым, «сильным аныхам», люди обращаются лишь в совершенно критической для себя ситуации. В постсоветской Абхазии аныхи остаются местами очистительной присяги для людей, подозреваемых в совершении преступления, к их помощи обращаются пострадавшие с просьбой покарать обидчиков, либо, если те неизвестны, указать на виновных. Данная в святилище клят-

ва считается священной, нарушать её нельзя ни при каких обстоятельствах. Нарушение клятвы – величайший грех, кара за который падает на весь род клятвopеступника¹⁹. Среди верующих, да и не только среди них, такие религиозные установки стали частью традиционной культуры.

В Бзыбской и Абжуйской Абхазии отдельные семьи, а иногда и однофамильцы устраивают моления – акурбан (аѣатахьа-курбан). Очевидно курбан вошёл в религиозный обряд абхазов под влиянием мусульманской религии, представляет своеобразное слияние мусульманской и традиционной религии. Моление обязательно связано с жертвоприношением, с исполнением данного Богу слова. Приведу один пример. Народный герой Абхазии Соломон Бгажба, по сохранившемуся семейному преданию, во время пребывания в царской ссылке, дал обет: «Боже, если я когда-нибудь живым вернусь домой, я верой и правдой буду служить тебе, ежегодно буду отправлять обряд курбан, буду приносить в жертву заколом овцы». После смерти Соломона, его жена Капба Матия, следуя завету мужа, ежегодно справляла акурбан. На одном семейном акурбане присутствовал я, как близкий родственник²⁰.

8 августа 2007 г. в с. Ачандара в семье Царгуш Леонида (Лёвы) Кадыровича состоялось родовое моление – акурбан, на котором присутствовало около 30 однофамильцев старшего, среднего и подрастающего поколения из потомства Самажвы Царгуш – основоположника этого родового моления. Курбан проводил Энвер Кадырович Царгуш – старшина рода. Он рассказывает: «Молитву акурбан в нашем роду при моей жизни проводил дядя – Мсурат Царгуш, старший сын Самажвы. Он был муллоу. То, что он делал и говорил по курбану, мы сейчас хорошо не знаем и не понимаем, так как тогда, в советское время, мы считали это бессмысленным религиозным обрядом. Дяде удавалось собрать нас после долгих уговоров. Курбан проводился примерно раз в 4–5 лет регулярно. После Мсурата курбан проводил его старший сын Джемфер (1919–2007). В 2007 г. курбан провёл я в соответствии с ритуалом. А он таков: обязательно жертвоприношение молодого (годовалого) ба-

рашка, морду и ноги которого перед резанием отмывали и поворачивали на восток. Молящийся, а это старейший из рода, тоже должен был быть лицом на восток. Молитва была обращена к Анцве (Богу) и его помощникам – апаимбарам (апааимбар) и Дыдрыпш-ныха.

После моления, на котором присутствовал весь род, мужчинами было проведено жертвоприношение. К луже крови поднесли пылающее жаром полено. Главное моление состоялось перед трапезой. В руках у молящегося ореховая палка – рогатка. Весь род стоит позади молящегося. Слова молитвы могут быть разными, но смысл один – получение благословения Бога, его расположения, покровительства во всех делах рода всем – от малого ребёнка до старика. Курбан – это знак того, что этот род всегда помнит Бога – своего Создателя, это знак послушания и следования божественным принципам, им завещанным.

Затем по маленькому кусочку сердце и печень должны были отведать все присутствующие, каждый, молясь по-своему. Дальше, при трапезе, могли присутствовать гости и соседи. На накрытом столе стояла кроме другой еды и ритуальная пища – акуакуар – галушки с сыром специфической пирамидальной формы; напитки из мёда (ацхазда), из кислого молока (ахарцэзда) и другие, но без вина и водки. Обязательным ритуальным блюдом курбана является густой наваренный суп из баранины.

Акурбан, несомненно, по названию мусульманский обряд, но, видимо, всё-таки заимствованный из старинного языческого обряда. К сожалению, как он возник и как назывался при язычестве, я не запомнил.

Описанный обряд – это регулярный вид молений, проводящийся раз в несколько лет. Но существует, как бы разовый курбан, производимый в честь удачного исхода какого-либо события или затеянного дела, либо как благодарность Богу за удачный исход чего-либо».

Таким образом, в постсоветское время многие люди всё чаще стали обращаться к разным языческим обрядам для поклонения вер-

ховному Богу – Анцва. Но в представлении верующих Бог – Анцва, теперь не языческий, а Бог – Творец (Анцэа хазшаз). Приёмы же обращения и поклонения чаще всего остаются языческими.

Среди традиционных языческих святилищ поклонения Анцва наиболее почитаемым является Дыдрыпш-ныха. Абхазы – и христиане, и мусульмане Бзыбской Абхазии, в самые переломные моменты истории XX столетия, когда обществу приходилось принимать решения по общенародным вопросам, именно здесь, в Дыдрыпш-ныхе, давали массовые присяги. В Дыдрыпш-ныхе дали присягу в 1917 г. бойцы отрядов национально-освободительного движения «Киараз» во главе с большевиком Н. А. Лакоба; в 1931 г. – участники крупного антиколхозного дурипшского схода Бзыбской Абхазии; во время Отечественной войны Абхазии 1992–1993 гг. – деятели абхазского национального движения и войны. Приведённые примеры ярко показывают, как участники этих движений связывали с религией веру в будущее, в справедливое решение особо значимых вопросов общественной жизни. Она спланивала людей, укрепляла убеждённость, побуждала преодолевать все преграды и тогда, когда приходилось бороться с превосходящими вооружёнными силами.

В Абхазии, как и во всем Советском Союзе, господствующими считались коммунистическая идеология и атеистическое мировоззрение. Однако в массовом народном сознании традиционные верования и обычаи пережили их. В основе устойчивости этих традиций лежит, скорее всего, тесная взаимосвязь и неразрывное единство религии и традиции в жизни народа. По своему духовному и нравственному содержанию абхазская традиционная культура пронизана религиозностью. Можно сказать, что она лежит в основе народной культуры, является стержнем, который придаёт ей внутреннее единство*.

* Подробно об этом говорится во второй части данной книги: Ансуара – традиционная культура абхазов. С. 141–307.

Постсоветская жизнь ещё раз подтвердила: во-первых, то, что понимание культуры как суммы образования и искусства в корне неверно; во-вторых, идеология, какая бы она ни была, исторически сменяема. А этнические традиционные верования, которые веками внедряются в народное сознание, обладают невероятной прочностью. Народ, особенно немногочисленный, в традициях видит силу своего сплочения, старается блюсти устоявшиеся нормы жизни.

Бывают случаи, когда народность в целом, или какая-то её группа, в силу исторических обстоятельств теряет родной язык, вслед за ним национальное самосознание, но после этих процессов ещё долгое время сохраняет свои традиционные обычаи, нравы, быт, исконно этнические верования, которые в народе остаются напоминанием своей этнической принадлежности. Примером в этом отношении может служить самурзаканский феномен юго-восточной Абхазии. Самурзаканцы за последние два столетия, не говоря уже о предыдущих временах, неоднократно были поставлены в такие условия, когда вынуждены были административно подчиниться Одишскому княжеству. Так было, например, в 1832 г., когда главнокомандующий Кавказом генерал Розен присоединил Самурзакан к Мегрелии. Но народ выступил против этого и заявил: «Мы – абхазы, а не мегрельцы, зачем ставить над нами власть, которую не знали и не хотели знать» (См.: Руководство к познанию Кавказа. Книга II. – СПб. 1847. С. 136, 137). Самурзаканские абхазы, хотя и подверглись ассимиляции, за исключением незначительной части, до сих пор чтят свои культы, соблюдают этнические традиции.

Кстати, первые представители абхазской интеллигенции, получившие светское образование, воспитанные в традиционном духе и хорошо знавшие народные традиции, видели тесную взаимосвязь и взаимодействие древней религии и народных традиций. Абхазский педагог, публицист и мыслитель второй половины XIX – начала XX вв. Александр Михайлович Эмухвари (Эмхаа) (умер в 1915 г.) в статье «У абхазцев», опубликованной в газете «Черноморский

вестник» (19.01.1912 г.), подчёркивает особую живучесть языческих верований у абхазов, отмечает неразрывную связь древней религии и абхазских обычаев и роль религиозных верований в сплочении, «объединении всех абхазцев». «Нет такого исторического момента, – пишет он, – которым подтверждался бы факт полного отрицания или непочитания абхазцами своего культа. В века исповедования ими христианства и ислама, никогда не замечались отступления абхазцами от своей религии. Далее, несмотря на тысячелетия своего существования и невзгоды, заставлявшие их терять надежду на существование, абхазцы отстаивали культ своих предков и им удавалось всегда сохранять свои святыни. Религия издревле была по существу своему – естественная, т.е. она произошла из страха перед непонятными явлениями природы, как, например, гром, молния и др... Религия абхазцев, являясь этнографической, чужда была духу прозелитизма не в стране только, но и между отдельными общинами и семьями. Но... боготворение и страх перед страшными явлениями природы, форма умиловления их и привлечения этих суровых, безжалостно убивающих людей и разбивающих вековые деревья (гром), у всех абхазцев были одинаковы: та же кузница, та же ювелирная мастерская, в которых устроены алтари для клятвы, которая бывает в разнообразной форме и разнообразного содержания. Формы выполнения этой религии были напоминанием абхазцами общих их обычаев (не нарушать клятвы, произнесённой в кузнице, уважать гостя как священную особу), служивших объединением всех абхазцев»²¹.

В народной культуре абхазов – в быту, традициях, во всей повседневной жизни – в семейно-брачных и иных отношениях, никогда не было в людях барьера по принципу религиозной принадлежности, наоборот, в духовной сфере царило взаимное уважение. Отмечая эту особенность абхазской традиционной культуры, Вас. Немирович-Данченко в 1880 г. писал: «Абхазец до сих пор и магометанин, и христианин, и язычник. Рядом с верой в Магомета он благоговееет перед крестом и остаётся верен культу своих языческих богов»²².

Сегодня, в начале третьего тысячелетия н. э., нам трудно даже представить духовный мир древнего нашего предка. Но можно утвердительно сказать, что он не был столь примитивным, как это теперь многим кажется. В эпоху зарождения и формирования традиционных взглядов человек был гораздо ближе к природе. Имел стремление находиться в гармонии с окружающим миром. Обоже- ствляя явления природы, различные проявления её силы и, прида- вая своим собственным отношениям к природе божественный ха- рактер, человек размышлял о Боге, старался находиться ближе к Нему, молитвенно обращался и по-своему развивал отношения с Ним. Хозяйственная деятельность, быт, весь уклад жизни людей в значительной мере основывались на духовных ценностях.

Язычество и языческие традиции абхазов свидетельствуют: во- первых, о богатом духовном потенциале их создателя. Религиоз- ный пантеон такого обилия и содержания мог сложиться в среде большого народного массива. Это подтверждается и богатейшим фольклором. Все жанры устного народного творчества и художе- ственного искусства пронизаны духом традиционной религии; во- вторых, языческие традиции, несомненно, с сильно выраженной примесью христианских и мусульманских ценностей, хранят в себе дух народа и опыт его, накопленный веками в процессе общения с цивилизациями Ближнего Востока, древнего Средиземноморья и Кавказского мира. Абхазская традиционная религия, как и культу- ра, и история в целом, неразрывная часть общекавказской и обще- человеческой цивилизации; в-третьих, языческие традиции раскры- вают широту и глубину богатства нравственной и духовной куль- туры, её неразрывную связь с реальной жизнью и национальным характером абхазского народа.

Сегодня некоторые с насмешкой относятся к религиозным чув- ствам, тем более к разговорам на эту тему. Однако ж мы все выш- ли из этой колыбели – и «элита», и «простые» люди. Там, где нет традиционной культуры и религии – там и этническое сознание поверхностное или вовсе отсутствует.

Проблема язычества занимает одно из центральных мест в по-

нимании абхазской цивилизации. Язычество – это фундамент, на котором выросла вся абхазская культура – светская и духовная. В то же время язычество – не ушедший в прошлое этап исторического развития; оно сегодня живёт во многих традициях современной абхазской культуры в целом.

2. Проникновение и утверждение христианства в Абхазии

Абхазия – одна из стран раннего проникновения христианства. Имеются письменные и материальные свидетельства, говорящие об этом.

Церковные письменные источники Византии указывают на то, что в Абхазии первую христианскую проповедь вели ученики Иисуса Христа апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит. Об апостольской проповеди на территории нынешней Абхазии сообщают ряд авторов IV–VI вв. Они основаны на житиях святых. Эти материалы введены в научный оборот исследователями истории христианства Абхазии²³. Описание проповеди апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита дают грузинские летописцы X–XI вв. – Еквтиме Атонели и Леонти Мровели²⁴. Л. Мровели сообщает: «Великий Андрей вместе с Симоном ... вступили в Абхазскую страну и прибыли в город Севаста, который теперь называется Цхуми. И проповедовали слово Божье и многие уверовали. Там блаженный Андрей оставил Симона Кананита вместе с другими учениками, а сам достиг страны Джикети»²⁵. Еквтиме Атонели сообщает, что в стране абхазов ученики Иисуса «проповедовали богословие и многие с радостью восприняли ту проповедь»²⁶.

По преданию, Симон, просвещая абхазов, в 55 г. принял мученическую смерть на берегу р. Псырдзха, у Нового Афона, где и был погребён, а впоследствии на том месте построена церковь его

имени*. Андрей творит чудо изгнания бесов из дерева и убеждает многих абхазов в своём божественном предназначении. В исторических трудах и школьных учебниках пишут о том, что он пошёл дальше и распространял евангельское учение в Джикетии, Скифии, среди славянских, прибалтийских, а также некоторых других народов Западной Европы и возвращается в Рим. По другим сведениям Андрей проповедовал на побережье Вифании и Понта, Фракии и среди скифов, в Великом Севастополе. Погребён в Патрах Ахейских.

В исторической литературе имеются предположения о том, что в первые века н. э. христианство проникло в Апсилию, Абазгию, Санигию и другие этнополитические образования Восточного Причерноморья через посредство христиан-мучеников, сосланных на Черноморское побережье Абхазии, а также римских солдат-христиан, служивших в частях, дислоцированных в Абхазии. Ранее христианство проникало и из Малой Азии и сирийских городов – Эдес, Селевкия, Антиохия²⁷.

При римском императоре Диоклетиане (284–305) Питиунт (Пицунда) превратился в место ссылки христиан. В 303–304 годах Диоклетиан ссылает сюда 40 мучеников-христиан и даёт указание правителю Абазгии Ригвадину об ужесточении условий заключения и содержания ссыльных христиан. Орентий и его шесть сподвижников-мучеников погибают в пути. Некоторые исследователи считают Орентия одним из самых почитаемых мучеников в Восточном Причерноморье.

Пицундская христианская община оставалась местом ссылки христиан долгое время. В 407 г. сюда был сослан известный богослов, архиепископ Константинопольский Иоанн Златоуст. По до-

* В 1998 г., как об этом сообщала газета «Республика Абхазия», на могилу Симона Кананита была доставлена земля из Галилеи со двора Симона, где Иисус совершил первое чудо на свадьбе Симона // «Республика Абхазия», 23 мая 1998 г.

роге он скончался в Комане, недалеко от Сбастополиса. А спустя 30 лет мощи Св. Иоанна торжественно переносятся в Константинополь, при этом не через ближайший город Сбастополис, а через Питиунт, что, по мнению иеромонаха Дорофея (Дбар), «свидетельствует о значении Питиунта как церковного центра в самой Абхазии, так и за её пределами»²⁸. Это событие было запечатлено и тем, что под алтарём Пицундского собора, который стоит на месте более древнего храма, была устроена гробница Св. Иоанну Златоусту. Возможно, как полагает иеромонах Дорофей, этот Пицундский храм был построен в честь Иоанна Златоуста.

В 476 г. в Питиунт был сослан антиохийский патриарх Пётр Гнафевс. Юстиниан I выслал к «абасгам» прославленного военачальника Бесса, устранённого от власти. Юстинин Великий издаёт указ, согласно которому «те, кто причинили ущерб государству и по таковой причине подлежат конфискации и ссылке, будут сосланы на вечное поселение в Сбастополис и Питиунт»²⁹. Наверняка сюда ссылались не только высшие церковные и государственные деятели, но и многие простые христиане. Исполненные веры, они, разумеется, продолжали проповедническую деятельность, способствовали распространению христианства среди абхазского населения. Из-за отсутствия соответствующих письменных источников, относящихся к первым векам, нет возможности проиллюстрировать конкретными материалами, как этот процесс протекал в Абхазии.

Распространению христианства в Абхазии, как выше отмечалось, способствовали и воины-христиане римских легионов, размещённых на абхазском побережье, а также и те, которые уже не служили, но «давно расселились среди абхазов». И абазги несли службу в римской армии.

В 325 г. Пицундский епископ Стратофил участвовал в I Вселенском христианском церковном соборе в Никее. Он подписывает акты собора. Существует мнение о том, что участником форума такого масштаба и значения могло стать только лицо, которое представляло коренное население какого-то населённого пункта, а не

только пицундских греков – временно расквартированных торговцев, а тем более – военных иноземных отрядов³⁰.

В 451-ом году епископ Севастопольский Керконий участвует в работе IV Вселенского собора в Халкидоне.

После обращения в веру императора Константина Великого в 313 г. н. э. римская церковь становится проводником государственной политики. Константин утвердил христианство государственной религией в Византии.

В VI в. в Абхазии христианство провозглашается государственной религией. Одни авторы считают, что это произошло во всей Абхазии одновременно при Юстиниане в середине века. Другие учёные утверждают, что в Абхазии принятие христианства государственной религией произошло поэтапно. Это мнение кажется более обоснованным и вот почему. К VI в. на территории Абхазии существовало несколько управляющихся независимыми друг от друга властителями этнополитических образований – Апсилия, Мисиминия, Абазгия. Согласно точке зрения З. В. Анчабадзе, апсилы и мисимийцы приняли христианство как государственную религию одновременно с лазами в 523 г. С этим согласуются сообщения Прокопия Кесарийского, когда он говорит, что «апсилы с давних пор христиане»³¹, и, что абазги приняли христианскую веру «при ныне царствующем императоре Юстиниане»³². Другой византийский автор VI в. Агафий Миринейский, повествуя о переговорах мисимийских послов с византийскими, утверждает, что мисимийцы называли себя представителями «народа, уже с давних времён подчинённого римлянам и одной с ними религии»³³. Опираясь этими же сообщениями, абхазский медиевист И. Ш. Агрба поддерживает мнение З. В. Анчабадзе о поэтапном принятии христианства в Абхазии в качестве государственной религии. «Поскольку, – пишет она, – письменные источники на сегодняшний день не позволяют с точностью говорить о дате крещения абхазов, а наиболее позднее свидетельство об этом относится ко второй четверти VI в., представляется приемлемым заключение, что принятие христианства абхазами,

отдельными абхазскими этническими массивами, происходило поэтапно – в разных землях в разное время, и как завершающий этап процесса христианизации (в смысле его официального выражения) можно рассматривать юстиниановский акт³⁴.

Археологи Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, основательно изучавшие материальную культуру Цебельды, важнейшего центра Аписилии, также пришли к выводу, что апсилы приняли христианство раньше.

«Как показали археологические раскопки в Цебельде, апсилы приняли христианство в качестве официальной религии в 30-х годах VI в. вслед за лазами. Тогда в крепостях Цибилиума и Шапки были возведены храмовые комплексы с крещальнями и мартириями (захоронениями костей святых», – пишет Ю. Н. Воронов³⁵.

В недавно опубликованной работе Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба сказано, что «принятие ими (апсилами. – А. К.) христианства в качестве официальной религии должно приходиться на время строительства крепости (конец 20-х – начало 30-х гг. VI в. н. э.), то есть на раннеюстиниановский период». Они отмечают, что им удалось установить стратиграфическими данными одновременность построек крепости и храмового комплекса Цибилиума³⁶.

Историк-религиовед Е. К. Аджинджал предполагает, что «официальное крещение абхазов произошло в 529 г. или между 528–534 годами»³⁷.

Г. А. Амичба считает, что обращение абазгов в христианство связано с заключением в 532 г. т. н. «вечного мира» между Византией и Ираном. Он полагает, что это произошло «скорее всего сразу же после его заключения – в 532 году»³⁸. Иеромонах Дорфей, исследовавший данный вопрос, пришёл к заключению: «Возможно, что в начале своего правления, в 529–532 гг. Юстиниан окончательно утверждает христианство среди абасгов, а затем, позднее, в 543–546 гг., тот же Юстиниан образует новую епархию, строит кафедральный храм и посылает епископа из Константинополя»³⁹.

Юстиниан принимает меры для окончательного утверждения христианства среди абасгов. Вслед за объявлением христианства государственной религией, осуществляются мероприятия, направленные на превращение христианской религии в общенародную религию. При прямом участии Юстиниана создаётся автокефальная Абхазская епархия с кафедрой в Севастополисе. Эту епархию возглавлял автокефальный архиепископ, т.е. независимый от экзарха Понтийского митрополичьего округа, и напрямую подчинявшийся Константинопольскому патриарху⁴⁰. Вместо Питиунтской и Севастопольской епископии, единственных христианских общин, появляется ряд епископских кафедр (с кафедральными храмами), объединённых в одну Абхазскую епархию.

В крещении абхазского населения византийским миссионером помогал посланец императора Евфрат, родом абхаз. При Юстиниане он везёт в Константинополь абхазских юношей для обучения грамоте и наукам в специально основанную для них при императорском дворе школу.

Проникновение христианства в Абхазию, начавшееся с I в., на первых порах встречало неприятие. Основная часть населения внутренне противилась чужой вере. Разумеется, переход от традиционных религиозных верований, которые формировались и утверждались в народном сознании тысячелетиями, к новому, христианскому учению был сложным, противоречивым. Л. Х. Акаба, касаясь этого процесса в Абхазии, заключает: «Христианство, особенно в начальный период своего распространения, широко использовало верования местного населения и на первых порах старалось приспособливаться к ним»⁴¹.

Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, изучив раннесредневековый археологический материал исторической Апсилии и её центра – Цебельды, пришли к заключению: «Язычество в противовес всё нивелировавшему христианству, повсюду в деревне было основной формой миропонимания и сохранения самобытности не только во время первой встречи с христианством, но и много веков спустя после этого. Об этом говорит огромный фактологический

материал со всей периферии византийского культурного мира, включая западную Европу, славянский мир и Кавказ»⁴².

По существу, как это отмечено в приведённой цитате, подобный процесс происходил как в Абхазии, так и в других странах. И в само христианство проникают учения, унаследованные от верований прошлого. Что на это повлияло? В древности, ещё во времена Вавилонии, люди поклонялись языческим богам. Это было широко распространено также в Египте, Греции, Риме и т. д. ещё задолго до Христа, при его жизни и после его смерти. А после смерти апостолов языческие верования стали проникать и в христианство. Историк Уилл Дьюрант отмечает: «Христианству не удалось уничтожить язычество; оно переняло его». В III и IV вв. в христианство уже массово проникают традиционные учения и обычаи, например, языческие представления об адском огне, об идолопоклонстве и другие, которые противоречили учению Христа.

Среди древнеабхазских племён, где аналогичные представления и обычаи были крепкими, на первых порах, христианству пришлось приспособиться ко многим народным обычаям, представлениям. В дальнейшем языческие и христианские традиции, перемешавшись, сосуществуют, при этом христианские духовные ценности, по мере утверждения христианства, постоянно обогащали этническую религию и культуру.

Ввиду отсутствия собственных письменных источников, относящихся к рассматриваемому периоду, сегодня для нас наиболее достоверными источниками информации о процессах, происходивших в раннее средневековье, являются археологические материалы, которые позволяют на основе вещественных свидетельств иметь более конкретное представление о становлении христианства. В этом отношении представляет интерес суждение Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба о христианизации внутренней Апсилии, основанное на анализе материалов, добытых преимущественно в нагорной зоне, что очень важно, с привлечением при этом данных плоскостной полосы. Они проследили несколько этапов процесса христианиза-

ции. Приведём их выводы полностью: «1) первоначальное знакомство с отдельными христианскими догматами и символикой (кресты на стеклянных сосудах и др.) – доюстиниановская эпоха, археологически иллюстрируемая с V в. н. э.; 2) официальное принятие христианства верхушкой частью общества, строительство храмов в стенах апсидийских крепостей, возведённых с помощью Византии (Цибилиум, Шапки и др.), начало христианизации рядовых общинников – раннеюстиниановская эпоха; 3) временное затухание соответствующего процесса в период персо-византийских войн за Колхиду (541–556 гг.); 4) дальнейшее расширение христианизации всего населения, хорошо проявляемое в изменениях погребального обряда и распространении христианских символов, строительство Драндского собора – позднеюстиниановская эпоха; 5) христианство глубоко проникает во все сферы духовной и материальной жизни общества, погребальный инвентарь исчезает, либо носит случайный характер, строятся небольшие базилики вне крепостей и поселений (Мрамба и др.) – послеюстиниановский период, включая и VII в.»⁴³.

Учёные выделяют византийский опыт формирования христианской цивилизационной общности, охватившей ареалы античной и ближневосточных цивилизаций древности. К концу IV в. закрываются языческие храмы, прекращается функционирование жреческих коллегий. Византийская (Восточно-Римская) империя, образовавшаяся в 395 г., предприняла грандиозную попытку воплотить в жизнь теократическую идею христианского Царства, сформулированную Евсевием Кесарийским. По мнению английского исследователя С. Рансимена, *«идеально она должна была соединить всех людей на земле, которые – идеально – должны были бы стать членами единственной истинной христианской церкви, т.е. членами её собственной православной церкви. Как человек был создан по подобию Божию, так и царство людей на земле было создано по подобию Царства Божьего. Как Господь царствует на небесах, так и император по Его подобию должен править на земле по Его заповедям»*⁴⁴. В течение своей тысячелетней жизни Ви-

зантийская империя пыталась установить теократическое управление. Принятие же христианства каким-либо варварским народом (германским, славянским и др.) в глазах византийцев автоматически означало его включение в состав христианской империи. Через христианскую веру, преимущественно лояльным способом, империя расширяла сферу своего влияния. Этим и объясняется страстное стремление государства и церкви Византии к христианизации и кавказских народов.

Византийская программа теократического христианского царства фактически предполагала создание грандиозной для того времени историко-культурной общности – новой христианской цивилизации, объединяющей множество народов разных континентов. В современной этнологии для обозначения таких общностей используется термин «суперэтносы». «Для объединения в суперэтнос, – пишет Владимир Владимиров, – родство по крови и по языку имеет второстепенное значение: на уровне суперэтноса главным является общность культуры. Поэтому в составе суперэтноса могут быть народы, относящиеся к разным расам»⁴⁵. А поскольку византийская культура в то время находилась в расцвете, империя вместе с христианской верой непрерывно распространяла свои культурные ценности среди других народов, что, естественно, оказывало позитивное влияние на уклад жизни народов христианского мира.

После официального принятия христианства новая вера всё прочнее укрепляла свои позиции среди абхазских народностей. Постепенно общество начинает принимать христианский облик. Христианство оказывало влияние на культурную жизнь, способствовало более тесному этническому консолидированию народностей, их политическому и культурному сближению с Византией. Церковная жизнь абхазского раннефеодального общества становится одной из действенных форм, реально способствовавшей развитию социально-экономического уклада общества⁴⁶.

С 60-х–70-х годов VII в. в христианском мире христиане – абхазы пользуются известностью. Об этом свидетельствуют памят-

ники агиографии, письма церковных деятелей, ссылаемых в Абхазию. Анастасий Апокристиарий, долго скитавшийся по Апсилии, Мисиминии и Абазгии, называет их сплошь христианскими, абазгов – «любящими христианство», а князя абазгов – «другом Христа».

В 670-е годы к св. Анастасию с целью оказания поддержки приезжает видный приверженец Максима Исповедника – диофизит Стефан. Правитель Абазгии дружелюбно принял Стефана. Его приняли «с большой охотой и любовью и правящие круги Абазгии». Анастасий свидетельствует, что Стефан до конца жизни оставался в Абазгии и умер «в доме правителя Абазгии – христоробивого человека»⁴⁷. В другом месте он пишет, что Стефан в Апсилии и Абазгии смело пропагандировал как истину, так и новое направление⁴⁸.

Христианизированная Абхазия испытала первое крупное вражеское нашествие в 30-х годах VIII в. от арабов, которые после захвата всего Закавказья имели несколько боёв на территории Абхазии в 736–738 годах. Абхазы сражались против арабов под девизом защиты христиан и христианской цивилизации от угрозы мусульман. Решающее сражение состоялось в Анакопии – центре и главном укреплении княжества Абазгии. Здесь укрывались царь Мир и его брат Арчил. Анакопия, расположенная на горе, была крепко защищённой крепостью. Её южная стена, протянувшаяся на 450 м., была снабжена семью башнями. На стенах и башнях стояли катапульты и другие метательные машины, засыпавшие врага стрелами и камнями. Арабские войска занимали узкую территорию между морем и скалой. Скопление десятков тысяч войск и лошадей на ограниченной заболоченной территории вызвало вспышку эпидемического заболевания.

Древнегрузинский летописец Джуаншер (XI в.) следующим образом описывает обстоятельства решающего сражения под стенами Анакопии, где арабский наместник Закавказья, полководец Мурван ибн-Мухаммед терпит поражение: «И перед рассветом Господь Бог послал на сарацин зной южный и заболели они кровавой холерой. В ту ночь явился Арчилу ангел божий, который ска-

зал ему: «Идите и сразитесь с агарянами (арабами. – А. К.), ибо я на них послал жестокою и истребляющую людей и животных болезнь. Когда выступите, тогда из их лагеря услышите голоса стона и рыдания. Вы же будьте храбрыми и обретёте силу, упования на Бога». Когда же рассветало, из их лагеря раздались голоса плача и рыдания. И тогда выступили они, уповая на Бога, для сражения с ними; сразились, и Господь Бог дал победу малочисленному христианскому воинству; от холеры погибло тридцать пять тысяч сарацин, а от меча – три тысячи. Мир был ранен копьём в бок; из христиан в тот день пало шестьдесят человек. Лошади сарацин пали подобно [срубленному] лесу, и всех их бросили в море...»⁴⁹. Мурвану пришлось отступить.

Этот рассказ передаёт, что абхазы и грузины свою победу рассматривали как благословение Бога, связывали со своей христианской верой.

Другой грузинский историк Леонти Мровели (XI в.) в сочинение «Мученичество святого и великомученика Арчила», описывая события об арабском нашествии, передаёт диалог между грузинским царём Арчилем и арабским полководцем Чичум Асимом, где Арчил, отвечая на вопросы говорит: «Я был тогда [в Абхазии], когда Бог поразил их». А на вопрос: «Какой же Бог поразил Сарацин?», Арчил ответил: «Бог животворящий, который является творцом неба и земли; тот, который с неба спустился на землю для спасения рода человеческого и своей смертью спас нас и даровал нам бессмертие; он же поразил и унизил их»⁵⁰.

Объединённые грузино-абхазские силы, хотя и представляли малочисленное войско, но вели справедливую войну, защищали свою землю и веру от посягательства иноверцев. В этом смысле война была «священной». Предводители войск уповали на Бога. «Грузинские летописцы, – пишет Г. Амичба, – на этот момент обращают внимание особенно на «чудодейственную» силу Анакопийской иконы Богородицы»⁵¹.

Поражение непобедимых арабских войск, овладевших Закавказьем, получило широкую огласку. Анакопийская битва стала для

народов Кавказа явным признаком «божественного покровительства» над Абхазией и её народом. Здесь произошло нечто такое, что в библейские времена при осаде Иерусалима ассирийцами (4 Цар. 19:35). Пошла слава о «христолюбивых абхазах» среди близких народов Кавказа.

Арабам во главе с Сулейманом Ибн Исамом удалось на короткое время овладеть крепостью в ущелье Кодора. В 738 г. здесь они пленили Евстафия, сына патрикия (властителя) Апсилии Марина. Отступая, они увели с собой Евстафия, которого пытались обратить в ислам. Не добившись своего, они его казнили. Имя этого незаурядного человека получило известность в христианском мире. Византийский летописец Феофан сообщает, что в 740 г. Сулейман Ибн Исам «перебил всех пленных христиан во всех городах его владычества, причём пострадал и Евстафий блаженный, сын Марина, знаменитого патрикия. Несмотря на все принуждения, он не отрёкся от истинной веры и в знаменитом городе месопотамском Харране оказался истинным мучеником, где святые мощи его благодатию божиею производят всякие целения»⁵². Дмитрий Дбар деяние абхазского исповедника считает «показателем не только внешнего благочестия народа, но и глубины его восприятия христианства»⁵³.

Абхазский царь Давид, живший во времена антиохийского Патриарха Феофилакта (744–750 гг.) посылает духовное посольство в Антиохию для обретения Абхазской церковью самостоятельности. Абхазские священнослужители мученически умирают на севере Ливана. Лишь двое уцелели из этого посольства и дошли до Дамаска. Антиохийский Патриарх Макарий, деятель XVII в., сообщая об этом, в частности, пишет: «Они же сообщили также, что их страна [Абхазия] сильно страдает от неимения такого лица, которое рукополагало бы для них епископов. По этому поводу Патриархом Феофилактом был созван собор из большинства архиереев Антиохийского Патриархата, на котором было постановлено рукоположить для них (абхазов) самостоятельного Католикоса, который бы рукополагал у себя архиереев для (абхазского) народа,

но с тем, чтобы он продолжал поминать при богослужении Антиохийского Патриарха... Затем бросил жребий между ними, он одного из них, по имени Иоанн, рукоположил в католикосы с постоянным жительством в Абхазии. Это был первый Католикос, назначенный для (абхазов). Рукоположив второго из абхазов во епископа, Патриарх отправил их обоих домой в Абхазию»⁵⁴.

На основании разных свидетельств, в которых описывается или косвенно сообщается об этом событии, имевшем место в VIII в., Дмитрий Дбар, исследователь истории Абхазского Католикосата, делает следующий вывод: «В середине VIII века, по постановлению архиерейского собора, созванного Антиохийским Патриархом Феофилактом, для Абхазской Церкви был поставлен самостоятельный Католикос Иоанн с постоянным жительством в Абхазии. Таким образом, Католикос Иоанн стал первым предстоятелем Абхазской Церкви. Следует также подчеркнуть, что самостоятельность Абхазской Церкви проявлялась не в полной независимости от Антиохийского Патриарха, а в её праве избирать и поставлять преемников Католикоса Иоанна»⁵⁵.

Абхазская церковь получает благословение на автокефалию. По возвращении в Абхазию Католикос Абхазский Иоанн посылает в Константинополь священников и диаконов для получения религиозного воспитания и ознакомления с науками.

По косвенным указаниям и последующим сведениям, – пишет Д. Дбар, – в состав Абхазского Католикосата входили следующие кафедры:

Архиепископские: а) Пицундская, ставшая резиденцией Католикосов, б) Никопсийская – с кафедрой в Цандрипшском соборе, в) Севастопольская (Сухумская) – с кафедрой в Драндском соборе (впоследствии она стала именоваться Драндской архиепископией).

Епископская: Анакопийская – с кафедрой в храме святого апостола Симона Кананита, она также была резиденцией Католикосов.

В период существования Абхазского царства (VIII–X вв.) были устроены новые кафедры: в Мартвили (Чкондиди), в Мыку, в Бедиа⁵⁶.

Следует отметить, что Пицунда пользовалась особой известностью. Ещё Страбон (I в. н. э.) писал о «Великом Питиунте». Академик А. М. Апакидзе, в течение ряда лет возглавлявший Пицундскую экспедицию и основательно изучавший этот уникальный памятник христианской культуры, называет Пицунду «древнейшим очагом христианства Абхазии и всей Грузии»⁵⁷. Г. А. Дзидзария отмечает: «Питиунт оставался, хотя и с перерывами, крупнейшим центром христианской религии указанного региона и резиденцией Католикоса Абхазского до второй половины XVI века, когда эта резиденция, в условиях установления турецкого господства в крае, была перенесена в Гелати (близ Кутаиси)»⁵⁸.

О состоянии христианства в Абхазии в это время сообщается в сочинении Иоанна Сабанидзе «Мученичество Або Тбилели». В нём рассказывается о том, как эрисмтавар Картли Нерсес, вынужденный покинуть свою страну в 80-х годах VIII в., прибывает в Абхазию, куда ещё раньше были отправлены его мать, жена и дети. Автор рассказывает, как приняли арабского юношу Або, преследуемого арабами за переход в христианство: «Когда же известили владетеля Абхазии о блаженном Або, что тот является новокрещённым, он весьма обрадовался со всем своим народом; сам владетель, епископ и священники призвали его и благословляли о Христе и вечной жизни. Он же от себя отвечал им словами истинной веры... Больше всех благодарил Бога блаженный Або, потому что нашёл он ту страну, полной верующих в Христа, и никого неверующих не было среди коренных в её пределах. Ибо границей её (Абхазии) является море Понтийское, обиталище полностью христиан, до границ Халдии»⁵⁹.

Во второй половине первого тысячелетия нашей эры христианство утверждается в Абхазии. Ко времени образования Абхазского царства страна уже была христианской, характеризовалась значительным духовным и культурным уровнем.

Духовный подъём жизни народа находит отражение и в государственном устройстве. Он проявился и в образовании Абхазского царства, в значительном повышении его политического и куль-

турного влияния на Кавказе, в признании в христианском мире особой миссии Абхазского царства в развитии общекавказской христианской культуры. «Леониды (династия абхазских царей. – А. К.), – пишет К. Кудрявцев, – обустроивают и возобновляют города и храмы, укрепляют их, строят крепости, монастыри и т.п. Мы в летописях ни грузинских, ни византийских, ни армянских, ни арабских, ни в каких других не встречаем ни разу сведений и сообщений о том, чтобы абхазцы времён Леонидов разорили бы или разрушили хотя бы одно селение или город или разграбили его, и о тому подобных варварствах»⁶⁰.

В середине IX в. грузинский архимандрит Григорий Хандзтели подвизается в Абхазии, пользуется покровительством Абхазского царя Дмитрия. Здесь несли Божью службу ученики архимандрита – Фёдор, Христофор и Эфрем.

В 850-е годы христианские деятели восточной части Закавказья находили убежище в Абхазской церкви. Армянский владетель Васпуракана Григор Арцруни укрывается в Абхазии. В 909-м году армянский царь Смбат I, преследуемый азербайджанским эмиром Абдул Касимом, находит убежище в христианской Абхазии у царя Константина III. В 914-м г. многочисленные армянские беженцы-христиане спасаются в Абхазии от арабского нашествия⁶¹.

Христианская религия, став государственной, использовалась византийскими императорами в государственных целях, в интересах утверждения своего влияния в Ассирии, Абасгии и Мисиминии.

Церковные связи Византии и Абхазии, будучи одними из важных аспектов их взаимоотношений, выходили за рамки обоюдных отношений, представляли и интересы Византии на Кавказе. Через Абхазию Византия осуществляла своё влияние на народы Северного Кавказа. В первой четверти X в. усиливается миссионерская деятельность абхазских царей и духовенства по утверждению православного христианства на Северном Кавказе.

Константинопольский патриарх Николай Мистик (901–907, 912–925) в своих посланиях благодарит Абхазского царя Констан-

тина, а затем его сына Георгия II, за усердие в деле христианизации Алании – средневековой Осетии. Николай Мистик обращается к Константину III со словами величания: «Всевышний и возлюбленный сын наш, преславный эксусиаст Абасгии», – и благодарности, – «у тебя большие заслуги по богослужению и ты просветил правителя аланов и тех, кто с ними удостоился святого крещения»⁶². А в письме к сыну и преемнику его Георгию II он подчёркивает заинтересованность Византии в продолжении православной деятельности Константина III и выражает пожелание: «Особым был твой отец, которого все славили и восхищались... Мы желаем, чтобы милостью Божьей, нимало не уступил отцу в своих деяниях, а даже превзошёл бы его и стал бы для подданных таким отцом и правителем, чтобы делами своими засвидетельствовал, что Бог дал тебе такой жребий, и делать отца ещё более блаженнее, благодаря твоей жизни и добродетели...»⁶³. Георгий II активно участвовал в христианизации Алании. Об этом свидетельствуют письма Николая Мистика, адресованные Георгию II.

З. В. Анчабадзе писал о большом влиянии царя Георгия II на Северном Кавказе и его решающей роли в утверждении христианства государственной религией в Алании⁶⁴. В. А. Кузнецов пишет об активном участии абхазского царя в распространении христианства и содействии в сооружении кафедрального собора Аланской епархии – Северного Зеленчукского храма⁶⁵.

В «Летописи Картли» о Георгии II говорится: «Боголюбив и более всего устроитель церквей», «царь великий и Богом возлюбленный»; а сын его Леон III, правивший в 960–969 годах, величается как «боголюбивый и преисполненный всякого добра». Он построил храм в Мыку, «превратил его в храм епископства, благословил и сотворил всякий порядок»⁶⁶.

В период Абхазского царства абхазские цари активно использовали христианство в своих политических целях: во-первых, религия использовалась для единения политико-государственных устремлений разноплеменного, разноразличного населения царства, что способствовало их сплочению; во-вторых, христианство исполь-

зовалось, насколько это было возможно в тех условиях, для установления добрососедских отношений с соседними народами Закавказья и Северного Кавказа.

Христианизированное, миротворческое направление внешнеполитической деятельности абхазских царей способствовало сохранению мира, утверждению мирной созидательной жизнедеятельности населения, развитию хозяйственного уклада, экономическому подъёму страны.

Вышеотмеченные обстоятельства создали благоприятные условия для упрочения этнической общности абхазских народностей, благоприятствовали консолидации их в единую феодальную народность (VIII в.).

Значительную роль сыграла христианская религия в развитии культурных связей абхазов с Византией, с закавказскими и с этнически родственными соседними народами Северо-Западного и Северного Кавказа.

Глубокий знаток языка и истории абхазов академик Н. Я. Марр следующим образом подчеркнул роль христианской Абхазии в развитии общекавказской христианской культуры: «Абхазский народ в лице его передовых слоёв, преимущественно знати, был долгое время, веками, сподвижником носителей христианского света и его проповедником в соседних странах. Языческим племенам христианизированная часть абхазского народа могла нести евангельское учение, а христианским народам с восточно-христианской культурой – греческое просвещение... Ясно, что абхазский народ, не только имевший общение с просвещёнными народами в продолжении многих веков, но творчески принимавший участие в древности в развитии общекавказской христианской культуры, как народ с историей, заслуживает внимание историка Кавказа...»⁶⁷.

Культурно-созидательная миссия христианской религии внутри собственно Абхазии была обширной, охватывала и материальную и духовную сферы жизни. Она привнесла в традиционную культуру новые понятия, знания, нравственные и духовные ценности, которые постепенно вошли в обычаи, нравы, быт. В период

расцвета, пройдя процесс этнизации, христианская религия начинает во многом определять национальное самосознание, стиль и образ жизни народа. Несмотря на превратности исторической жизни страны в позднее средневековье, неоднократную смену социально-политических режимов и порядков в новое время, она сохраняется в памяти народа, помогает не утрачивать самобытность культуры, этнопсихологию, поддерживает мораль и дух народа. Взаимодействие этнического и религиозного осуществляется на разных уровнях – личностном, бытовом, социально-психологическом, идеологическом, политическом.

Тесная связь религии с бытовой и духовной культурой имеет самые разнообразные проявления. Она прослеживается в праздниках, в семейном и общественном быту, в фольклоре и литературе, архитектуре и музыке; в поведенческих навыках и моральных нормах и других сферах традиционной культуры.

О преимущественно христианском нравственном и духовном содержании современной традиционной культуры свидетельствуют феномен Апсуара – нравственная основа национальной культуры, сам абхазский язык – его лексика и речевая культура, богатая библеизмами, как ветхозаветными, так и новозаветными.

Историко-культурную миссию христианства в нашей стране Е. К. Аджинджал выразил следующим образом: «С первых веков по рождению Иисуса Христа до наших дней православное сознание и его влияние в Абхазии никогда не прерывалось. Наоборот, православие в Абхазии всегда было фундаментом нравственной полноты духа народа. И по всей вероятности, в основе нравственного кодекса абхазов – *Апсуара* – в большей степени лежат христианские заповеди»⁶⁸.

Роль христианства в раннесредневековой Абхазии отнюдь не ограничивалась отмеченными выше рамками. Большое значение имело, прежде всего, само богослужение, христианская проповедь, ознакомление населения с библейским учением. Этим занимались служители христианской церкви. Разумеется, церковь давала людям определённые знания о Боге – Творце – Владыке неба и земли,

законодателе и судье; о его непревзойдённых, выдающихся качествах, таких, как любовь, мудрость, сила, справедливость; о пророчествах и намерениях Бога; об Иисусе Христе, его учении и т. д.

Христианство оказало большое благотворное влияние на духовную жизнь народа. Он почувствовал глубокую, духовную связь с Богом. Новое мировоззрение проникло во все сферы жизни абхазов. О месте христианской веры, приверженности народа к ней говорит и широкое храмовое строительство в раннесредневековой Абхазии.

3. Строительство храмов (III – XI вв.)

Иисус своим ученикам об Иерусалимском храме сказал: «Не останется здесь камня на камне, который бы не был низвергнут» (Матфея 24:1,2). В полном соответствии с этими словами здание, веками считавшееся центром поклонения Богу, было разрушено в 70-е г. н. э. римскими войсками, прибывшими для подавления мятежа иудеев. Этот храм уже не восстанавливался. В учениях Иисуса Христа не было и намёка на то, что его последователи должны возводить сложные сооружения для поклонения. Он учил своих учеников: «Бог есть Дух, и поклоняющиеся ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоанна 4 : 20, 21, 24).

После смерти Христа его ученики объединились в собрания и встречались в частных домах. В первое время о каждом собрании заботились духовно зрелые пресвитеры, или старейшины. Со временем некоторые старейшины возвысились над другими и стали называться епископами. В их ведении находилось уже не одно, а несколько собраний. Теперь «церковью» называли не только христианскую общину, как это было изначально, но и место поклонения, то есть само здание. Вскоре некоторые епископы захотели иметь церкви, которые соответствовали бы их сану. Тогда и возникло новое понятие – собор, или кафедральный собор, то есть

место, где совершает богослужение епископ. Таким образом, кафедральный собор стал местом, где находится престол епископа, символом его власти на земле. Со своего престола или кафедры, епископ управляет епархией – областью, подлежащей его юрисдикции.

В 325 г. н. э. Никейский собор официально признал епископат в городах. Поддерживаемые Римской империей, епископы нередко получали в дар от властей обширные земли. Так же они присваивали себе многие языческие храмы. Так начиналась «эпоха соборов», ознаменованная возведением крупных соборов.

В 313 г. н. э. римского императора Константина, как принято считать, обратили в христианство. Константин посодействовал слиянию «христианства» с языческой римской религией. В «Британской энциклопедии» говорится: «Константин сам распорядился о строительстве трёх огромных базилик в Риме: собора Святого Петра, базилики Сан-Паоло Фуори ле Мура и базилики Сан-Джованни ни Латерано. Он... разработал крестообразную модель, по которой в средневековье строились церкви в Западной Европе». Церковь переняла ряд религиозных обычаев и традиций у дохристианского (языческого) Рима, среди них и «архитектуру базилики». Со временем появляются многие монументальные строения христианского мира, считающиеся памятниками архитектуры.

В Абхазии вначале, вероятно, строили деревянные храмы. С увеличением приверженцев христианства стали воздвигать капитальные храмы и церкви. Археологические раскопки выявили остатки первых храмов в разных местах Абхазии.

В Пицунде археологи в разное время раскопали семь развалин раннехристианских храмов: четыре на территории поселения, обнесённого единой фортификационной системой, а три – за стенами городской крепости⁶⁹. Наиболее древним является храм с мозаичным полом. Его считают кафедрой епископа Стратофила. В середине IV в. храм подвергся разрушению и вскоре на его месте был воздвигнут новый, второй храм, с использованием мозаики старого храма. Академик А. М. Апакидзе строительство древнего

Пицундского храма связывает со второй половиной III века⁷⁰, а Л. Г. Хрушкова – с началом IV века⁷¹. Третий храм – это трёхнефная базилика с пятигранной апсидой и нартексом (конец V – середина VI вв.); четвёртый – это однефная базилика с трёхгранной апсидой, нартексом и широкими пилястрами (первая половина VI в.). Три церкви, построенные за стенами Питиунта, датируются в пределах VI в. К этому времени относятся храмы, обнаруженные в Алахадзы и Гагре. По мнению иеромонаха Дорофея, все эти пять храмов, расположенные в окрестностях Питиунта, являлись «филиальными» церквями и «находились в юрисдикционном подчинении у епископа Питиунтского, вместе с кафедральным храмом составляли единую территорию Питиунтской парикии или епископии». А сосредоточение такого количества храмов в Питиунте, – пишет он далее, – «свидетельствует о непрерывном существовании... с самого начала IV в. по первую половину VI в., сильной церковной организации, парикии (епископии) в «Великом Питиунте», в Абхазии»⁷².

Важным духовным центром был Себастополис (Сухум). В начале V в. здесь была построена октогональная церковь для местной христианской общины. Л. Г. Хрушкова, исследовавшая этот памятник, предполагает наличие здесь кафедрального комплекса данной епархии⁷³. Материалы последующих археологических исследований говорят в пользу данного положения.

Император Юстиниан заново отстроил Себастополис. «Ныне же – сообщает Прокопий Кесарийский, – Юстиниан этот Севастополь, который прежде был только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими постройками; таким образом, и по красоте и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов»⁷⁴. Разумеется, Себастополис служил как политико-административной опорой, так и центром христианской общины, влиявшей на религиозную жизнь и Апсилии, и Абазгии.

Прокопий Кесарийский, особо подчёркивая роль Юстиниана I

в утверждении христианства среди абхазов, в частности, пишет: «Император Юстиниан воздвиг у абхазов храм Богородицы и, назначив к ним священников, добился того, чтобы они приняли весь христианский образ жизни»⁷⁵. По поводу места возведения этого храма среди учёных нет единого мнения. Нам кажется более убедительным заключение иеромонаха Дорофея, поддержавшего мнение, согласно которому, юстиниановский храм был воздвигнут в Севастополисе и тогда же он стал кафедральным городом Абхазской епархии. «Храм Богородицы, – заключает он, – ставший кафедральным собором Абазгской епархии, был, скорее всего, построен в Севастополисе... Возможно, кафедра архиепископа абазгского вначале могла находиться в Питиунте, менее вероятно в Анакопии, а после восстановления Севастополиса, когда он стал «замечательным городом», кафедра переносится сюда... и до возникновения Абхазского Католикосата церковно-административный центр абазгской епархии находился в Сухуме, древнем Севастополисе»⁷⁶.

К числу ранних христианских храмов относится древняя базилика, развалины которой обнаружены в более позднем храме (X–XI вв.) в пределах Анакопийской крепости⁷⁷. Анакопия – один из центров культуры и религии позднеантичной Абазгии. Она стала первой столицей Абхазского царства – одного из крупнейших государственных образований на Кавказе.

Ю. Н. Вороновым и О. Х. Бгажба в Цибилиуме (Цебельда) были раскопаны древнейшие в горах Западного Кавказа христианские храмы с крещальной, относящиеся к VI в., где предки абхазов принимали новую религию. Учёные выявили предметы христианского ритуала, установили имя и круг деятельности первого апсилийского епископа (Константина), показали теснейшую связь Апсилии с Византией⁷⁸. В это время были возведены церкви с крещальной, обнаруженные в других местах Апсилии – Зиганисе (с. Гудда), Гюэносе (Очамчыра) и др. В Зиганисе было погребено тело мученика Кириака, одного из братьев Орентия. Зиганский храм стал кафедрой епископа Зиганского⁷⁹.

В с. Дранда (в 20 км. южнее Сухума) находится древнейшая

на территории бывшего Союза христианская купольная постройка VI в. – Драндский храм, хорошо сохранившийся до наших дней. Ю. Н. Воронов датировал этот храм позднеюстиниановским временем, одновременно сделав попытку сближения его с византийскими крестовокупольными храмами на четырёх столбах VI–VII вв. н. э. Драндский храм возведён из кирпича (плинфы), с 16 широкими окнами на куполе, с трёхгранной апсидой, с нартексом в западной стороне, где помещалась крестообразная куполь⁸⁰. Ю. Н. Воронов и В. А. Леквинадзе допускают, что Драндский собор мог быть кафедральным храмом Абазгской епархии.

В VI–VIII вв. были построены храмы в Амбаре, Цандрипше, Хыпсте, Мюссере, Киаче и т.д. В IX–X вв. на территории нынешней Абхазии были построены свыше десятка значительных культовых зданий – в Анхуа, Алахадзы, Хуап, Бзыбь, Мсыгхуа, Анакопия (Псырдзха). Некоторые из них были созданы примерно в одно время, скорее всего, в царствование Георгия II (916[929?]-957), который по словам летописца «больше всех славился как строитель церквей».

Царь Абхазский Леон III (957–967) воздвиг великолепный пятинефный Моквский собор и учреждает здесь епископскую кафедру. После смерти царя собор становится усыпальницей боголюбивого правителя. Здесь похоронен и последний владетель Абхазии Михаил Чачба (Шервашидзе).

В период Абхазского царства были построены и другие большие храмы за пределами собственно Абхазии. Георгий II воздвиг храм в Чкондиди (Мартвили, Мегрелия), учредил там епископию и украсил храм мощами мучеников. Леон III наряду с Моквским построил другой храм в Кумурдо (восточнее современной Вардзии). Строительная надпись на храме гласит, что основан он «при царе Леоне в 964 году». В парусах храма сохранились рельефные изображения царя Леона, сестры его – царицы Гурандухт и сына её – будущего царя Абхазского царства – Баграта III.

Для строительства храмов использовался и привозной материал. Специалисты считают, что строительство Моквского собора

гие элементы оформления. В планировке и пропорциях собора исследователи отмечают серию черт, сближающих Мокву с древнерусскими храмами (Киевская София и др.) и, отражающих общие византийские истоки форм.

Абхазские храмы X в. специалисты выделяют в «абхазо-аланскую школу восточно-византийского зодчества». Такие храмы в других районах Абхазского царства не встречаются. В это время собственно Абхазия сохраняла тесные связи с Византией.

Первый царь «Абхазо-Картлийского царства» Баграт III Багратиони (975–1014), который был наследником правящей династии Абхазского царства со стороны своей матери Гурандухт, сестры последнего абхазского царя, вместе со своей матерью построил крупный архитектурный комплекс в с. Бедиа. Этот монастырский ансамбль включал церковь. Бедийскому храму Баграт и Гурандухт преподнесли золотую чашу с изображением апостолов и надписью (хуцури)*: «Христе! Святая Богородица, будь заступницей перед сыном твоим Баграту абхазскому царю и матери его Гурандухте царице, пожертвовавшим сей патир, украсившим сей алтарь и построившим сию святую церковь, Аминь!». В Бедии Баграт учреждает епископскую кафедру, создаёт одну из своих политических резиденций. Царь не жалел средств на её укрепление и украшение. Историк, подчеркнув, что «Баграт, царь абхазов и картлийцев, превзошёл всех государей по совершенству правления», с восхищением говорит: «Если же кто-либо изъявит желание испытать и разуметь степень величия его, пусть в первую очередь узрит великолепие Бедийской церкви, и по ней поймёт, что не было другого подобного ему царя в стране Картлии и Абхазии»⁸¹. О том, какие чувства связывали Баграта с Бедией говорит тот факт, что он оставил завещание, чтобы после смерти был предан земле на Родине матери – в Бедиа. Он скончался в мае 1014 г. в Тао и похоронен внутри Бедийского храма.

* Бедийская золотая чаша датирована 999 годом. В 1999 г. научная общественность Республики Абхазия отметила тысячелетие храма. В Бедии состоялась выездная научная сессия.

Важнейшим очагом христианской культуры становится Лыхненский храм, построенный на рубеже X–XI вв. на окраине знаменитой Лыхнашта. Следует отметить, что в с. Лыхны, в историческом центре Абхазии, зафиксированы и более ранние памятники христианства: развалины храма (VI в.); нателный бронзовый крест, относящийся, примерно к VII–VIII вв. Крест, на котором изображён Христос, выполнен в технике литья с последующей доработкой⁸². К этому комплексу принадлежат монастырь и однефная церковь (X–XI вв.) на Бамборском мысу, в некотором отдалении от оживлённого места⁸³.

С возведением Лыхненского храма традиции раннесредневекового христианства в этом районе получают дальнейшее развитие. Утверждению Лыхны как важнейшего христианского центра северо-западной Абхазии способствовало и то, что здесь долгое время находилась и резиденция владетеля Абхазии.

На рубеже IX–X вв. в юго-восточной части Абхазии была построена Илорская церковь*. Она была основана в «священном», по языческим представлениям, месте**. В дальнейшем храм свя-

* Илорская древняя церковь, построенная на рубеже IX–X вв., представляла собой большую купольную церковь. Нынешний храм построен на месте старой церкви (XI в.). См.: Кацня А. К. Илори. (Памятник XI в.). – Сухуми, 1963.

** По этому поводу Л. Х. Акаба пишет: «Одно из самых популярных святилищ в Абжуйской Абхазии Илыр-ныха*** когда-то представляло собой девственный дубовый лес, впоследствии его священные свойства были перенесены на построенный в этой местности (IX в.) христианский храм». См.: Акаба Л. Х. О некоторых религиозных верованиях абхазов // «Абаз» №3 журнал Международной абхазо-абазинской ассоциации. – С. 13.

Так было и в других местах. На месте языческих святилищ строили христианские храмы. Это вполне отражало характер эволюции религиозного сознания наших предков.

*** Кстати, само название местности «Елыр», возможно, произошло от абхазского слова «ешлыргара» (разбирательство, разбор). Как известно, язычники в этих священных местах – аныха (под дубовым лесом) и поклонялись, и делали жертвоприношения, и разбирали дела.

того Георгия, являвшийся в этом регионе самым крупным после Бедийского, в жизни средневековой Абхазии играл большую роль как религиозный и культурный центр. Знаменитая Илорская икона, по свидетельству Ламберти, Вахушти и других была весьма чтима как среди абхазов, так и среди мегрелов, грузин, адыгов, осетин и др.

Сохранившиеся до наших дней средневековые монументальные храмы: Бедийский, Моквский, Илорский, Драндский, Лыхненский, Пицундский, Симона Кананита (Псырдзха), наряду с другими известными храмами и соборами, на протяжении столетий служили местом поклонения христиан Богу, очагами христианской культуры.

В этот период строится и множество приходских церквей, выполнявших важнейшие функции: в них проводились крещения, службы, удовлетворялись повседневные нужды христиан-прихожан.

Все эти очаги христианского служения возводились со вкусом, представляли произведения искусства. Бедийский, Лыхненский, Илорский (в древнейших частях) храмы, Анакопийская нагорная церковь, алтарная преграда из Анухвской церкви (на плитах, покрытых великолепной резьбой, представлено изображение святого Георгия) замечательные памятники церковного зодчества. К этому же периоду относятся ранние слои фресковых росписей Пицунды, Лыхны, Мыку и др.

Особое место занимает золотая чаша из Бедийского храма, украшенная изображениями святых в соответствующей декоративной обстановке. Она сейчас хранится в Музее искусств Грузии. Из произведений мелкой пластики внимание искусствоведов привлекают литой крест с изображением святого Георгия из Акапы, бронзовая икона из Лыхны с изображением святого Гавриила, серебряная икона с изображением Богоматери из Хуапа, оловянный медальон с изображением святого Георгия из Сухума и др.

Раннесредневековые храмы Абхазии воздвигались из камня

и кирпича на прочном известковом растворе, полы покрывались водонепроницаемой цемянкой, крыши перекрывались черепицей, фасады украшались декоративной резьбой. Основное внимание уделялось внутреннему оформлению. Храмы эпохи Юстиниана выделялись великолепием мраморной отделки, мозаик, фресок, резьбы по камню, колоннад, сидений, алтарей, гробниц – мощехранительниц, преград, крещален, церковной утвари (золото, серебро, медь, стекло). В храмах X в. широко использовались кирпичные арки, крестчатые столбы, предалтарные колоннады. В Моквском соборе, например, полы и алтарная часть были украшены мрамором и мозаикой. Соборы и храмы – великолепные творения зодчих, замечательные памятники искусства.

Уникальным памятником раннехристианского искусства являются каменные иконы Цебельдинского храма. Эта «Библия в камне», включала свыше десятка скульптурных сцен на темы из Ветхого и Нового Завета.

Во всё это были вложены мастерство, талант, материальные ресурсы и нелёгкий человеческий труд. Следует иметь в виду мотивы сердца и силу веры тех людей, кто создавал эти храмы, соборы, церкви. Без массового религиозного сознания людей, движимых силой веры в Творца, построить такие великолепные духовные дворцы было невозможно, тем более, если иметь в виду уровень развития производительных сил и строительной техники того времени.

Наличие множества больших и малых храмов в сравнительно небольшой по территории стране свидетельствует о значительном месте христианства в раннесредневековой Абхазии. Видимо, тогда поклонение Богу в жизни общества занимало немалое место. В значительной мере этим можно объяснить грандиозное по тем временам храмовое строительство.

Обращает внимание то обстоятельство, что в стране в ту эпоху сравнительно меньше было создано крупных жилых и хозяйственных построек. Следы их обнаружены только в городищах (Сухум, Цибилиум, Эшера, Лыхны и т.д.).

Но зато в раннесредневековой Абхазии, наряду с крупными христианскими храмами, возводились мощные оборонительные сооружения, башни, крепости: система укреплений, в которую вошли комплекс крепостей у Цебельды, Анакопийская оборонительная линия, ансамбль замка Баграта, Сухумская крепость, Келасурская стена и др. Защита населения от внешних врагов, интересы обороноспособности страны диктовали необходимость создания таких монументальных укреплений – стен, башен, крепостей.

Эти оборонительные сооружения в основном синхронны с памятниками христианства. Очевидно, между ними не только временная, но и духовная связь. Только народ верующий, стойкий духом, свободолюбивый, мужественный мог создать такие мощные фортификационные сооружения. Разумеется, сегодня нами они воспринимаются как памятники, выражающие жизнелюбие и честь наших далёких предков.

4. О языке христианской проповеди и богослужения абхазов в раннем средневековье

Язык христианского служения обычно связывают с существующей в стране письменностью. Поскольку в период утверждения христианства у древних абхазов не было своей письменности, предположительно языком проповеди и христианского просвещения абхазов считается греческий язык. Такое толкование обосновывается: во-первых, тем, что христианство проникло к нашим предкам через Грецию; во-вторых, тем, что на территории Абхазии обнаруживаются памятники местной греческой письменности, относящиеся к античной и раннесредневековой эпохам⁸⁴.

Греческие христианские тексты найдены в росписях старин-

ных храмов в Абхазии (Пицунда, Лыхны, Анакопия, Анакопийская гора, Сухум, Мыку и др.). Наиболее полный свод и анализ этих греческих надписей даны в монографии Т. С. Каухчишвили⁸⁵. На мозаичном полу древней Пицундской церкви сохранился фрагмент из «Откровения Иоанну» («Я есмь Алфа и Омега, начало и конец, говорит Господь...») (Откровение 1 : 8). Цебельдинской археологической экспедицией в главной крепости Апсилии – Цибилиуме в слоях VI в. н. э. обнаружена греческая молитвенная надпись на кирпиче «Святой ... спаси». Из Новоафонских письменных памятников отметим греческую надпись на камне, найденную в развалинах Анакопийской крепости: «... Месяца марта ... лета 6437, индикта 2 ... Боже небесный, крепкий и бессмертный, упокой его. Аминь. Троица единоклюнная. Христе Боже, спаси недостойного твоего Евстафия пресвитера, написавшего [сие]. Аминь» (перевод академика В. В. Латышева). Поставленная в надписи дата 6437 год – соответствует по общепринятому счёту 929 году н. э.⁸⁶. Отдельные греческие надписи встречаются и гораздо позже на стеновых росписях церквей и на надгробных плитах.

Греческой письменностью пользовались и правящие круги Абхазии. Об этом говорит серия вислых свинцовых печатей, связанных с Питиунтом и Анакопией. На одной из них (найдена в Пицунде), принадлежавшей абхазскому владельцу VII в., имеется надпись: «Константин Абасгиас» (Абхазский). Здесь же найдена вислая печать VI–VII вв. с именем епископа Феодора, который мог принадлежать к числу местных иерархов. Анакопийская печать, также относящаяся к VI–VII вв., содержит изображения крестообразных монограмм, на одной стороне читается должность и имя владельца – епархии Пётр⁸⁷.

Распространение греческой письменности в античной и раннесредневековой Абхазии говорит о роли греческой культуры, о её благотворном влиянии, что, несомненно, подразумевает наличие греческой грамотности и образованности среди местной правящей верхушки и религиозных деятелей.

На то, что среди абхазов были люди с греческим образованием указывают конкретные факты. Выше говорилось об абхазе (абазге) Евфрате, который жил при дворе Юстиниана I. По поручению императора он привозит абхазских юношей в Константинополь, где была «устроена школа для обучения их грамоте и разным наукам». Позже Католикос Иоанн направил в Константинополь «нескольких священников и дьячков для получения там религиозного воспитания и ознакомления с науками». Очевидно, подготовка абхазской молодёжи для служения в храмах Абхазии стала традицией.

При Византийском дворе, по сообщению Прокопия Кесарийского, значительное число евнухов были родом абазги. А евнухи играли большую роль как в домашнем быту императоров, так и в проведении ими государственной и общественной деятельности. Из этого контингента также, надо полагать, готовились служители абхазской церкви. В этом была заинтересована сама империя.

По мнению академика С. Н. Джанашиа примерно с IX в. в Абхазском царстве «языком книжной культуры, царской канцелярии и церкви становится грузинский язык»⁸⁸. В этот период параллельно используется и греческая письменность, однако её влияние слабеет и постепенно вытесняется.

Х. С. Бгажба систематизировал дошедшие до нас грузинские надписи на стенах и при ктитерских изображениях древних храмов и др. Это преимущественно эпиграфические надписи, найденные в сёлах Царча, Гумуриш, Речхо-Цхир (Гальский район), Елыр, Мыку, Бедиа, Члоу (Очамчырский район), Цебельда (Гульрыпшский район), Анхуа, Лыхны, Хуап (Гудаутский район)⁸⁹.

Плита с надписью на асомтаврули, найденная в с. Хуап, была предназначена для оформления фасада церкви. В надписи сообщается о том, что церковь построена в царствование абхазского царя Георгия II. На плите высечено и имя матери царя – Гурандухт; в надписи содержится молитвенное обращение к святому Николаю.

На стене Лыхненского храма ещё в XIX в. была видна древнегрузинская надпись, сообщавшая о появлении кометы в 1066 году. Надпись гласила: «Христос, являешься ты благословленным Богом и Господином всего сущего. Это произошло от сотворения мира лета 6669, в хроникон 286 (1066 г.) в царствование Баграта, сына Георгия... В апреле месяце появилась звезда, из недр которой (исходили лучи), возвышаясь перед ней, подобно святому сиянию... Это произошло на вербной неделе до воскресения (Христово)»⁹⁰.

Использование греческой и грузинской письменности в книжной культуре, в государственном делопроизводстве и при оформлении церковных надписей свидетельствует о культурном влиянии и, как уже было отмечено, говорит о наличии грамотности и образованности среди абхазской правящей элиты и религиозных деятелей.

На каком языке проводилось в Абхазии ознакомление населения с Священным писанием? На этот вопрос трудно дать однозначный утвердительный ответ. Однако по логике совершенно ясно, что абхазское население могло принять евангельские истины только на своём, понятном ему, абхазском языке. Это хорошо было известно в Византии. Именно поэтому из местных людей готовились священники и служители церкви.

Получив соответствующую подготовку, церковные служители-абхазы, очевидно, преподносили народу учение Христа на родном, абхазском, а не на чуждом, непонятном языке. Делать иначе – было бы не только странно, но и нецелесообразно, безрезультативно. Использование разговорного языка в проповеди и богослужении совершенно естественное явление.

Византийская церковная дипломатия заключалась не только в мягкости, гибкости, приспособлении учения Христа к языческим традициям. Она стремилась сделать новое учение привлекательным, доступным народу, в целях распространения не только церковного, но и политического влияния Византии. Этого можно было бы достичь разговаривая с людьми на родном языке.

Иначе трудно объяснить успехи христианства в раннесредневековой Абхазии. Грузинский писатель конца VIII в. Иоанне Сабанисдзе убедительно свидетельствует о прочности христианства в Абхазии. По его словам блаженный Або «узрел страну ту (т.е. Абхазию. – А. К.), исполненную Христовой веры, и ни одного не верующего не сыскать было в их пределах». О том, что христианство становилось достоянием массового народного сознания говорит и факт развёртывания храмового строительства не только в прибрежных городских поселениях, но и в глубинных сельских местностях.

Страна располагала великолепными монументальными храмами и соборами, украшенными по всем лучшим образцам христианской цивилизации того времени. Народ повсеместно имел приходские церкви, естественно, испытывал потребность в них. Создавал он всё это, чтобы воздавать славу Богу и, разумеется, делал это на своём разговорном языке. В мононациональной среде, в условиях господства одного языка другого средства для внедрения христианского вероучения в массовое сознание народа не существовало. Логических оснований для такого заключения больше, чем для его отрицания⁹¹.

По этому поводу, на наш взгляд, очень осторожно высказался американский учёный Фрэнсис Дворник в своём докладе на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 году. Ссылаясь на житие Кирилла (Константина), в котором содержатся сведения IX в., где перечисляются народы, которые обладают собственной литературой «и Богу славу воздают каждый своим языком», упоминаются и «авасги». Последние, – отмечает Дворник, – «не имели своей литературы, но они пользовались грузинским языком для богослужения и для своих сочинений. Конечно, это не исключает использования разговорного языка, по крайней мере частично, в абасгском богослужении»⁹². Осторожность американского учёного, далёкого от абхазской действительности, понятна.

Об использовании абхазского языка в богослужении более оп-

ределённо говорит немецкий путешественник в книге «Путешествие Иоанна Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год», которая вышла в Аугсбурге в 1860 году. Он, в частности, писал: «Далее королевство Грузия... Есть ещё страна Абхазия, с главным городом Сухум». А среди языков, «на каких именно... служат Богу по греческому вероисповеданию», называет и абхазский⁹³.

Использование в христианской проповеди и в богослужении разговорного языка вполне естественно. Новую религию, разумеется, народ воспринимал, осваивал и передавал из поколения в поколение посредством родного абхазского языка. Это нашло яркое отражение и в лексике самого языка, и в глубоком проникновении христианских нравственных ценностей в традиционную культуру абхазов⁹⁴.

К такому же выводу приходят исследователи истории христианства и христианской культуры Абхазии Г. А. Амичба, Е. К. Аджинджал и другие. Г. А. Амичба пишет: «Народные же массы коренного населения в своём большинстве не владели ими (греческим и грузинским языками. – А. К.) и богослужение совершали на абхазском языке, применяя также визуальную практику»⁹⁵. Е. К. Аджинджал относительно языка богослужения в Абхазской церкви раннего средневековья, делает следующее заключение: «Несомненно, что устная проповедь среди... абхазов, велась первоначально на языке местного абхазского населения, иначе никакая проповедь не имела бы смысла. Проповедь же с официально церковного амвона велась на греческом языке»⁹⁶. Далее он отмечает, что Византийская церковь разрешала своим миссионерам «вести службу на местных языках».

Не только официальная Византия была заинтересована в утверждении христианства среди абхазского населения. Со временем, особенно после образования Абхазского царства, местная феодальная знать и абхазские служители церкви не менее ревностно служили этому делу. Разумеется, для достижения своей цели они старались умело использовать родное слово.

5. Анцва (Анцэа) – титул Творца у абхазов

Слова «Бог», «Господь» и «Творец» так же, как «президент», «царь» и «генерал» – титулы и могут применяться к разным лицам.

Абхазское слово «Анцва» (Анцэа) – титул, равнозначный русскому «Бог».

Когда могло появиться слово Анцва? По простой логике ответ однозначен: «тогда, когда у наших древних предков появилось соответствующее понятие, представление».

Но сегодня – кто может установить точную дату, когда у древних предков появилось понятие об Анцва. «Далеко то, что было, и глубоко, глубоко, – кто постигнет его?» – сказал древний Екклесиаст (Еккл. 7:24).

Мы можем только размышлять. Знаем, что языческие боги абхазов носили конкретные имена: Анана-Гунда, Ажвейпшаа, Айтар, Айергь и т.д. Эти божества имеют конкретное воплощение: Джаджа – богиня коренастая, низкого роста, плотного телосложения; верили, что она расхаживает по кукурузным полям. Согласно верованиям Айергь и Ажвейпшаа – живут в лесах, ведут обыкновенную семейную жизнь, причём «Ажвейпшаа предпочитают браки с девами из родственного божественного рода Айергь... Они вступают в любовные связи с охотниками, лишая их тем самым права женитьбы»⁹⁷. Считалось вполне возможным усыновление некоторых божеств⁹⁸. Адзыслан – божество воды, по поверью обитает в реках, родниках, озёрах. Её представляют в образе прекрасной обнажённой женщины с длинными золотистыми волосами. Ступни её ног носками обращены назад, почему её нельзя «повалить» на спину⁹⁹. По поверью, в ущелье р. Гумиста, на священной отвесной скале Анантвара, что переводится как «место пребывания богини Ананы», восседала покровительница пчёл и пчеловодства¹⁰⁰.

Древнейшие предки абхазов, как уже отмечалось, поклонялись не только этим языческим божествам, но ещё другим родовым и племенным святым местам. И они были наделены конкретными именами – *Лдзаа-ныха*, *Лых-ныха*, *Елыр-ныха* и т.д. Первая часть

имени этих святилищ состоит из наименования местности; вторая часть – «ныха», по словарю абхазского языка, имеет два значения: «икона» и «святыня»*. Следовательно, «Лых-ныха» переводится как «Лыхненская святыня». К культу родовых святынь восходят и святилища, впоследствии получившие в Абхазии общенародное признание.

Из вышесказанного видно, что все языческие божества и святилища абхазов приземлены и имеют определённые имена. Во дни древних язычников, когда давались эти имена, данное имя не было ярлыком, а что-то означало. И люди, разумеется, обращались по имени к своим божествам и святыням.

Возникает вопрос: знали ли язычники в дохристианский период небесного Бога – Творца – Анцва? Можно только предположить, что вышеназванные святыне места древнеабхазских племён, которые в начале были родовыми, затем племенными, а впоследствии стали общенародными, постепенно становились центрами поклонения единому Богу.

Видимо шёл подсознательный процесс религиозной эволюции, или ещё неосознанного влечения к Богу. В человеке подсознательно, видимо всегда, жила потребность иметь Всемогущего покровителя, интуитивно он искал Бога. И двигался он к Нему, блуждая, поклоняясь разным выдуманным им же самим божкам. Хотя человек своими усилиями, стихийно не в состоянии познать истинного Бога, но такое стремление в нём, как уже отмечалось, заложено.

З. В. Анчабадзе, касаясь религии античной эпохи, пишет: «Дальнейшее развитие получила в античную эпоху языческая религия абхазских племён. Именно тогда (во всяком случае не позднее), надо

*Аджинджал Е. К. заметил, что «по-абхазски и христианская икона, и народное святилище именуется одним словом – «аныха». Он допускает, что языческие дохристианские «святилища могли быть и «храмами», посвященными единому Богу – Анцва». См.: Аджинджал Е. К. Из истории христианства Абхазии... С. 29.

полагать, сложилось представление об едином и главном божестве – Анцва, который, по народным поверьям, является творцом и покровителем всей вселенной»¹⁰¹. Л. Х. Акаба также к этому периоду относит формирование «более чёткого представления об Анцва – верховном божестве абхазов»¹⁰². И связывает это с окончательным оформлением пантеона языческих богов во главе с верховным Богом – Анцва, являвшимся на этой стадии религиозных представлений племенным.

Ш. Д. Инал-ипа в работе «О генезисе образа «Анцива» – верховного Бога абхазов» выдвигает ряд положений. В частности, он допускает существование понятия Анцва в дохристианский период, но со следующей оговоркой: «И всё же Анцва ещё не Бог, например, в христианском смысле этого слова. Он сравнительно редко выступает как объект культа: мифическому творцу, когда-то создавшему мир, не так уж часто воздают почитания»¹⁰³. Ш. Д. Инал-ипа допускает проникновение понятия об едином Боге от соседних цивилизаций – великих азиатских или древневосточных религий. Однако, если это имело место, то их влияние на верования предков абхазов оказалось «относительно незначительным»¹⁰⁴.

Ш. Д. Инал-ипа не категоричен в своих суждениях о первоначальном зарождении представления об Анцва. «Нам не известно, – пишет он, – когда и в какой конкретно этнической группе – апсилов, абазгов и другие, возникли первоначально представления об Анцва»¹⁰⁵. Окончательное же оформление представления об Анцва, как общенародного бога, он увязывает с образованием единой абхазской народности (VIII в. н. э.).

Е. К. Аджинджал считает, что «абхазы исстари знали одного единого Бога – Анцва. А все остальные, по их мнению, были служителями Зылпха хаура (Бог – Всевышний. Тот, кто даёт тепло Своих очей. – А. К.)... Абхазы в христианстве видели свою древнюю веру в единого Бога»¹⁰⁶. «Это обстоятельство, – отмечает он, – благоприятствовало распространению и утверждению христианства». Здесь уместно оговорить то, что переход от язычества к христианству не был просто религиозной эволюцией в понимании Бога,

а означал переход от языческого представления об едином Боге к вере в христианского Бога – Творца православной церкви.

Многие искренние люди говорят Бог, ищут Бога, но не знают истины о Боге и будущем человечества. Не находя ответы на волнующие их вопросы, они испытывают замешательство и неопределённость. Миллионы находятся в рабстве суеверий, обрядов и празднований, которые на самом деле не связаны с Богом – Творцом, но думают, что они правильно поклоняются истинному Богу.

По Библии Всевышний – Бог любви. Он любит своё творение. Он хочет, чтобы человек с ним общался. Бог всегда искал и ищет праведных людей, находил и находит верных служителей, стремящихся к праведности.

Надо полагать, среди наших древних предков жили люди, жаждавшие праведности. Так было повсеместно. Бог поддерживал их стремление к познанию Бога – Творца, помогал очищаться от грехов.

Из таких установок исходит всякий, кто ищет Бога. Надо полагать, что люди, жаждущие праведности, жили всегда, и среди язычников; они стремились очищаться от грехов силой Бога, хотя ещё не знали истинного Бога.

Как об этом свидетельствуют источники, о которых говорилось выше, на абхазском побережье ещё от учеников Иисуса Христа была услышана проповедь о Боге – Творце. В дальнейшем по мере утверждения христианства складывался образ Творца – Анцва, в массовом сознании людей.

Мы сейчас не знаем, как в период расцвета христианства в Абхазии верующие христиане обращались к Богу. По имени ли, принятому в православном христианском мире, в абхазском звучании – Иаса Қьырса (Иисус Христос), или традиционным – Анцва. Скорее всего, надо полагать, что из уст христиан звучали и имя Иисус Христос, и Анцва – в значении Бога.

В науке имеются различные трактовки термина Анцва. Кавказовед П. К. Услар переводил данное слово как форму множественного числа («боги много»). П. Г. Чарая, развивая это положение, указывал, что, если окончание множественного числа «цэа» «отнять» у слова

«Анцэа», то останется «ан», что значит «мать» и дословно означает «матери»¹⁰⁷. Эту точку зрения разделял и Н. Я. Марр, писавший, что родная религия абхазов располагала понятием об едином общем Боге, выражающемся словом «ан» в форме множественного числа – «Анцэа»¹⁰⁸. Иную интерпретацию в качестве рабочей гипотезы предложил Ш. Д. Инал-ипа. Он ставит под сомнение правильность понимания частицы «цэа» в сочетании «ан-цэа» как показателя множественного числа класса людей. Учёный приводит и другие аргументы, опровергающие традиционное толкование данного термина. Он считает, что «цэа» может быть обозначением быка (абх. ацэ). Исходя из этого, Ш. Д. Инал-ипа заключает: «Вполне может быть, что «анцэа» представляет собой словосочетание такого рода: «ан» – небо, Бог (как толковал его ещё Н. Я. Марр), «ацэ» – бык (мужское начало). При их сложении произошла лишь метатеза, простая перестановка фонем, обычная в языке: начальная *a* второго слова (ацэ) переместилась на его конец (цэа), и получилось из ан-ацэ – Анцэа»¹⁰⁹. Анцва теперь в народном сознании, – пишет Ш. Д. Инал-ипа, – не родовое или племенное божество, не Бог – бык, Бог – небо, а общенародный Бог – Творец.

Вышеприведённые толкования термина «анцва» скорее всего предполагают возникновение понятия единого бога в родоплеменном обществе.

В абхазской православной церкви некоторые её служители о Боге Иисусе Христе говорят: «Ан лцэа иалцыз Апсыцкьала» (Святой дух, вышедший из чрева матери). Абхазы называют Иисуса Христа Иаса Кьырса, Рождество Христово – именем Христа – «Кьырса», а месяц рождения Его, последний месяц года (декабрь) – «Кьырсамза» (месяц Христа)*.

* Абхазы – христиане, мусульмане, язычники ежегодно 28 августа отмечают Успение Богородицы – «Нанхуа» (Нанхэа). В народном сознании утвердился этот день как яркий праздник. На праздничном столе появляются свежие плоды осеннего времени, в том числе и молодое вино (амацар), специально приготовленное для этого дня. Кстати, этот восьмой месяц календарного года по-абхазски называется «нанхэамза» (месяц Богородицы).

При таком понимании «Анцэа» может быть истолковано: «ан» (мать), «цэа» (чрево), что согласуется с выражением «Святой дух, вышедший из чрева матери». Ассоциирование в сознании людей Сына Человеческого с Богом, посланцем которого Он был, возможно, могло послужить основанием для образования слова «Ан-цэа». В таком случае «Анцэа» со временем мог стать нарицательным именем, титулом Бога – Творца. В пользу такой гипотезы говорит то, что образ «Анцэа» в современной традиционной религии абхазов отражает православное христианское понимание Бога*.

Языковед Б. Г. Джонуа, во время ознакомления с рукописью данной работы, к приведённым выше толкованиям этимологии Анцэа, сделал следующую пометку: «В слове «ан» (мать) *a* относится к корню. Это можно проверить, поставив слово в личную форму, сравним – «сан» (моя мать). В слове «Анцэа» *a* не корневое, сравним – сы-нцэа. То есть «ан» – (мать) и «ан» – в Анцэа разные корни».

Исходя из этого, вышеприведённые толкования этимологии слова «Анцэа», скорее всего остаются гипотетическими положениями. В этом вопросе, разумеется, для установления истины решающее слово принадлежит лингвистам.

* Б. А. Крылов в своей докторской диссертации о религии и традиции абхазов приходит к заключению: «Собранные данные о религиозных представлениях и ритуалах абхазов наглядно свидетельствуют, что в данном случае мы имеем дело с монотеистической религией, центральной идеей которой является существование единого Бога – Творца (Анцэа). Анцэа бесконечно множественен в своих проявлениях, по его воле существуют апаимбары (ангелы-хранители. – А. К.). Он является первоисточником всего сущего». (См.: Крылов А. Б. Религия и традиции абхазов... С. 42.)

Надо отметить, что данное заключение учёного относится к современному состоянию, когда традиционная языческая религия сильно смешалась с христианской, обогатилась христианскими ценностями, разумеется, и православным христианским пониманием образа Бога – Творца.

6. Знали ли древние предки абхазов имя Бога израильян?

Иисус учил своих последователей ставить в молитвах имя Бога на первое место. «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое» (Мат. 6:9). Так начинается хорошо известная молитва Иисуса, обращённая к Всевышнему.

Накануне своей смерти Иисус молился Богу в присутствии своих учеников, и снова они слышали, как он подчёркивал важность имени Бога. Он сказал: «Я открыл имя Твоё человекам, которых Ты дал Мне от мира». Затем он повторил: «Я открыл имя Твоё и открою» (Иоанна 17:6, 16).

Бог наделил человека желанием различать людей и предметы с помощью имён. Все живые существа и неодушевлённые предметы имеют имена. Разве было бы последовательно со стороны создателя всего этого самому остаться без имени? – говорится в одной публикации.

Мы бы никогда не узнали имени Бога древних израильян, избранного народа, если бы Сам его не сообщил. А Он сообщил его через Библию. При одном знаменательном событии Бог произнёс и повторил своё имя, чтобы его услышал Моисей. Моисей записал это событие, и оно сохранилось в Библии до наших дней (Исход 34:5).

Исследователи Библии установили, что имя Бога, которое встречается в оригиналах «Ветхого Завета» и по-еврейски пишется четырьмя буквами, называемыми тетраграмматоном, могут быть переданы на многих современных языках буквами ЙХВХ или ЙГВГ.

Современные исследователи, которые пытаются установить первоначальное произношение еврейского имени Бога, предложили такие формы, как Яхве (или Ягве). Считают, что древние израильяне, вероятно произносили имя Бога так. Поэтому многие переводчики Библии предпочитают Яхве. Однако другие предпочитают произношение «Иегова» и в своих переводах вместо формы Яхве используют форму «Иегова». Так принято и в русском языке. В книгах Еврейских Писаний в переводе архимандрита Макария (Михаила Глу-

харёва [1792–1847]) и книге Псалтырь в переводе протоиерея, законоучителя императора Александра II, доктора богословия, профессора еврейского языка Герасима Петровича Павского (1787–1863) более 3600 раз встречается имя Бога – Иегова.

В переводе Библии, сделанном на английском языке (перевод Нового Мира) в Еврейских Писаниях («Ветхий Завет»), имя Бога – Иегова встречается 6973 раза, а в христианских Греческих Писаниях («Новый Завет») – 237 раз. Библия этого перевода (полный текст) теперь издана на 46 языках мира, в том числе и на русском языке, всего тиражом 132 385 067 экземпляров.

Знали ли древние абхазы это древнееврейское имя Бога? Отсутствие соответствующих письменных источников не позволяет дать однозначный утвердительный ответ на этот вопрос. Но определённое основание для размышлений есть.

У старшего поколения современных абхазов сохранились выражения, в которых используется слово «иахва», например, «иахва, исыт...» (иахва, дай мне...). Так говорят абхазы, когда милосердно спрашивают чего-то очень желанного сердцу. Некоторые старцы, когда предчувствуют что-то нежелательное, говорят: «иахва, испырга абри» (ихва, удали от меня это). При этом, говорящий так, вовсе не подозревает того, что он произносит еврейское имя Бога – Яхве. Иахва, возможно, когда-то обозначавшее абхазское звучание еврейского имени Бога, сейчас используется как отвлечённая форма обращения к кому-то. Этой формой, ставшей почти окаменелостью, теперь пользуются редко.

Ш. Д. Инал-ипа называет имя древнееврейского Бога в формах Яхве (Ягве, Иегова)¹⁰, но нигде не говорит об абхазском «Иахва». В одном месте он упоминает записанную им абхазскую сказку об удивительных превращениях речной рыбы, которая называется «Рыба, на спине которой было начертано имя Бога» («Анцэа ихъз зкэакэа ианыз апсыз»). Но, какое это имя?

Дошедшие до нас выражения «иахва, исыт...», «иахва, искэых...», «иахва, испырга...», «иахва, усыцхраа...» и так далее, видимо, дают какое-то основание допустить, что в древности аб-

хазское «иахва», созвучное древнеизральскому имени Бога Яхве, возможно, звучало как имя Бога.

Можно допустить, что древние предки абхазов могли узнать это имя Бога от учеников Иисуса во время проповеди их в Абхазии. В первые века нашей эры абхазы могли услышать имя Бога Яхве от греческих христиан – ссыльных христиан и греков-колонистов. В таком случае, современное абхазское слово «иахва», можно полагать, берёт своё начало с первых веков нашей эры, когда, по всей вероятности, оно произносилось как имя Бога.

Можно допустить и другое, возможно, более вероятное. «Иахва» в среде древнеабхазских племён могло получить звучание как имя Бога задолго до Рождества Христова, проникнув непосредственно от древних израильтян. Такая гипотеза также вполне допустима.

Имеются сведения о появлении евреев на Кавказе ещё во времена Новуходоносора. В Мцхете археологи раскопали еврейские могильники – свидетельства значительного еврейского поселения того времени. Ряд авторов сообщают, что евреи проживали среди абхазских племён. И народные предания содержат указания о проживании в Абхазии евреев, говоривших на абхазском языке. Иеромонах Дорофей допускает: «Не исключено, что именно через этих евреев рассеяния у абхазов и у других народов Кавказа могли возникнуть некоторые понятия о Едином Боге, представления о хозяйственном законодательстве, возможно, и закон левиратства и обычай знатных вельмож перед кончиной отпускать на волю раба и т.д.»¹¹¹. А в другом месте он, ссылаясь на сообщения о наличии в городах Восточного и Северного Причерноморья еврейских поселений во время проповеди апостолов Андрея и Симона, пишет: «И в Себастополисе могли быть молитвенные дома иудеев, благодаря которым и здесь была обработана почва»¹¹².

Абхазское слово «иахва» не вошло даже в «Словарь абхазского языка», вышедшем в двух томах¹¹³.

В современном абхазском языке, в живой речи, особенно абжуйских абхазов, слово «иахва» ещё используется, правда редко, преимущественно пожилыми, но не увязывается с Богом, и в то же

время не имеет самостоятельного смыслового значения. Это пережиточное слово теперь используется в случаях обращения к ближнему, рядом стоящему, с оттенком «окажи милость» ("иахва, сухэ-оит, усыцхраа") (иахва, молю тебя, помоги).

Всё это заставляет задуматься: может быть древние абхазы знали это древнееврейское имя Бога? Может быть со временем данное имя Бога было предано забвению? У абхазов теперь слово «Анцава» звучит как Божье имя, т.е. другого обозначения Бога нет.

* *

*

Период объединённого царства абхазов и картлийцев (XI – середина XIII вв.) характеризуется дальнейшим укреплением христианской церкви, ростом влияния христианства на развитие абхазской культуры, углублением проникновения христианских традиций в быт и обычаи народа. По словам З. В. Анчабадзе, в это время культура Абхазии носила «ярко выраженный христианский характер»¹¹⁴.

В XIV–XV вв. – во время экономического и культурного упадка Абхазии, шёл процесс постепенного ослабления христианской культуры. Однако проникновение на побережье генуэзских колоний сдерживало эту тенденцию. Строятся десятки небольших приходских церквей с каменной оградой, внутри которой размещались различные службы (жилища церковных служителей, хозяйственные навесы, кузницы и т.д.). Над входом в ограду висела колокольня. В приходских кладбищах археологи обнаружили разнообразные предметы местного производства и из Западной Европы: предметы вооружения, одежды, украшения. Выразительны привозные железные ножницы, медные напёрстки, серебряные серьги и другие изделия, которыми пользовались местные женщины и мужчины. Приходская церковь становится организующим центром абхазской деревни¹¹⁵.

В этот период обновляются и перестраиваются ранее возведённые храмы, их стены покрывают новыми фресковыми росписями. Из памятников живописи до нас дошли остатки росписей стен Бедийского храма XI–XIV вв., великолепные фрески Лыхненской церкви, относящиеся в основном к XIV в. и др.

Моквское Евангелие 1300 года, украшенное искусно выполненными миниатюрами, является ярким памятником книжного искусства.

Главным центром христианской культуры продолжала оставаться Пицунда, где находилась резиденция «абхазских каталикосов». Во второй половине XVI в. Пицундский храм был основательно отремонтирован. В конце 50-х годов XVII века при каталикосе Захарии Квариани (1657–1660) престол каталикосов абхазских был перенесён из Пицунды в Гелати (близ Кутаиси). После этого, по утвердившемуся обычаю, каждый новый каталикос, хотя бы раз в своей жизни, должен был отправиться с многочисленной свитой в Пицунду и провести там торжественное богослужение¹¹⁶.

Дальнейшему ослаблению христианского вероучения и христианской идеологии способствовало установление в Абхазии влияния Османской империи – носительницы новой мировой религии. В 1578 г. официальный представитель Турции обосновался в Сухуме. В Абхазии утверждается турецкий протекторат (XVI–XVIII вв.). Почти триста лет развивались культурно-экономические связи между Турцией и Абхазией. В течение этого времени шёл процесс постепенного распространения в стране мусульманства сунитского направления. Строятся деревянные мечети, растёт число мулл-абхазов, занимавшихся проповедью. Турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавший среди абхазских народностей в начале 40-х годов XVII века, отметил, что абхазы немусульмане платят султану «харадж». Принимались санкции принуждения и другого характера для подрыва влияния христианства и вовлечения населения в мусульманскую религию. В 1773 г. турки сожгли Илорский храм, уничтожили стенную роспись. Десятки очагов христианства оказались в запустении. Церковные библиотеки под-

вергались грабежам, а служители церкви преследовались. Всё это расширяло возможности мусульманских проповедников.

Новую религию принимали в первую очередь феодалы и их окружение. Она использовалась и страной-протектором, и местной феодальной знатью в определённых политических и идеологических целях. Постепенно мусульманство получило распространение в прибрежной части страны. Появились и сплошь мусульманские поселения. Однако мусульманство не пустило глубокие корни в народе как верование. К концу XVIII в. привилегированная часть абхазского общества обретает более или менее заметный мусульманский облик.

В позднее средневековье в Абхазии сосуществовали три основные религиозные направления – мусульманское, как официальное, поддерживаемое властями, христианское, как преследуемое властями, язычество, как традиционное народное верование с примесью христианских и мусульманских обрядов.

Обычно в жизни нередко бывало и так: один член абхазской семьи считал себя христианином, другой – мусульманином, но чаще всего все они соблюдали обряды христианские, мусульманские, преимущественно языческие.

Языческие культы господствовали в предгорных и нагорных деревнях, но с примесью обрядов христианства. Почитались кресты. Ставились они в рощах, считавшихся священными, заменявших храмы. Саксонский врач и путешественник второй половины XVIII в. Яков Рейнегге, побывавший в Абхазии, сообщает: «В первых числах мая месяца абхазы собирались в густом и мрачном священном лесу, деревья которого считались неприкосновенными из боязни оскорбить высшее существо. В этой роще, около большого железного креста, жили пустынники, собиравшие с народа значительные пожертвования за молитвы свои о здравии и преуспевании дел и предприятий приносителей. Все, приходившие в рощу, приносили с собой деревянные кресты, которые потом ставились повсюду, где была зелень, и знакомые, встречаясь в лесу, обменивались этими крестами в знак дружбы»¹¹⁷.

После вхождения Абхазии в состав Российской империи царская администрация предпринимает меры по внедрению среди населения Абхазии русской православной христианской веры. В 1850 г. в Абхазском княжестве учреждается духовная миссия и Архиепископская кафедра. Но они не смогли выполнить поставленные перед ними задачи. «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», созданное в Тифлисе в 1860 г., и Абхазская миссия этого общества провели определённую работу: строились новые церкви, реставрировались старые храмы, миссионеры посещали абхазские деревни и вели пропаганду христианской религии. Создаётся абхазская письменность, издаются первые абхазские учебники, открываются церковно-приходские школы. Абхазская переводческая комиссия переводила церковную литературу, был издан Новый Завет на абхазском языке. Однако цели, которые ставились, не были осуществлены. Причин было много, среди которых можно отметить отсутствие подготовленных священнослужителей из абхазов, совершение богослужения на непонятном для местного населения русском и грузинском языках. Первое богослужение на абхазском языке торжественно было совершено в 1907 г. в Моквинском и Лыхненском церквях. Тогда абхазов-священников было только 7 человек. В 1912 г. Д. И. Гулиа писал, что в Абхазии в качестве духовных пастырей и проповедников Слова Божия назначаются исключительно грузины, малограмотные даже на своём родном языке. «Подобные священники, – пишет он, – только занимали штаты, получали жалованье и были заняты лишь переделкой абхазских фамилий и названий сёл и деревень на грузинский... Иногда эти священники оставались в своих приходах за год только несколько месяцев»¹¹⁸.

Метрические книги абхазской церкви конца XIX – начала XX вв. показывают, что абхазы редко обращались к церкви даже в тех сёлах, где священниками работали абхазы. Об этом говорят, например, метрические книги Дурипшской, Лыхненской, Отхарской, Бармышской, Калдахуарской церквей, в частности, записи в разде-

лах: «О крещении», «О бракосочетании», «О смерти»¹¹⁹. Церковь считала незарегистрированный брак незаконным. По этому поводу в книгах церкви имеются такие записи: «Житель села Лидзава Кадыр, он же Гид Гицба и незаконная его жена Шемсия, она же Макрина»; «житель села Калдахвара крестьянин Иван, он же Камачи Давидович Беня и незаконная жена его Саломея, она же Мида»¹²⁰. Абхазский крестьянин, как только привёл невесту домой и устроил свадьбу – считал брак состоявшимся, законным. С таким же пониманием абхазка выходила замуж. Для супружеской пары брачный союз считался священным, и с такой ответственность они жили и растили своих детей. Традиционные абхазы регистрацию в православной церкви брака или смерти человека считали не обязательным. А крещение детей постепенно входило в норму жизни.

Д. И. Гулиа с самого начала своей просветительской деятельности, выступая поборником христианского просвещения, в 1912 году с горечью писал о многих объективных и субъективных факторах, мешавших внедрению христианского вероучения в народную среду¹²¹. А также отметил, что абхазы «ныне остаются язычниками, это видно из их языческих обрядов и традиционных обычаев, сохранившихся и до настоящих дней»¹²².

Октябрьская революция 1917 г. в России в корне изменила отношение государства к церкви и религии. В Советской Абхазии антирелигиозная работа проводилась с учётом местных особенностей, в более мягкой форме, но целенаправленно и, прежде всего, против мировых религий – христианства и мусульманства. В условиях Абхазии, выступление против языческих обрядов и обычаев в народной среде воспринималось как оскорбление народных традиций. Абхазские коммунисты, по возможности, считались с этим обстоятельством. Антирелигиозная работа в этом направлении велась в ещё более осторожной форме, в аспекте преодоления вредных обычаев и нравов с привлечением к этой работе авторитетных в народе крестьян.

В середине 1930-х годов абхазский учёный В. И. Кукба о ве-

рованиях абхазов писал: «Религия абхазов синкретическая*, она состоит из христианства, мусульманства и язычества с преобладанием последнего. Христианство в Абхазии по историческим документам процветало около тысячи лет и смешалось с мусульманством. Ислам, несмотря на то, что был в стране несколько лет, не мог окончательно вытеснить христианских обрядов. Об этом говорят празднования без различия мусульманских и христианских праздников Рождества Христова и Пасхи»¹²³. Далее он более конкретно говорит об основаниях религиозных верований абхазов – вере в магию и почитании духов (анимизм**). «По представлению абхазов, – продолжает он, – каждый человек имеет доброго <...> и злого <...> духа, первый предохраняет от всяких опасностей и желает добра, а последний толкает к плохим намерениям и желает зла. Подобно человеку и животные имеют своих духов. Поэтому охотники абхазы во время охоты разговаривают между собой специально на охотничьем языке, дабы животное не узнало через своего духа, что собираются его убить. До сих пор сохранился культ, выражающийся в устройстве поминок и разных других церемоний.

До настоящего времени веруют в покровителей охоты <...>, земли <...>, воды <...>, гор и т.д. Также почитаются священные рощи, под которыми каждый год, после посева молятся, чтобы почитаемый послал дождь и тем самым обеспечил их хорошим урожаем. Очень широко распространён культ железа у абхазов...»¹²⁴. Языческие представления и обряды оказались более живучими. И в последующие советские годы верующие люди больше придерживались традициям предков.

После развала советской государственной и общественно-политической системы в Абхазии, как и в других постсоветских государствах, идёт процесс активного возрождения религиозных ве-

* Синкретический – состоящий из разнородных и трудно расчленяемых элементов.

** Анимизм – представление о существовании духа, души у каждой вещи; одухотворение сил и явлений природы. 12

рований. В абхазской деревне быстрее восстанавливаются языческие традиции. Люди старшего поколения стараются больше придерживаться традиционных религиозных культов и обрядов.

Современная интеллигенция, воспитанная в духе атеистического мировоззрения, в своей основной части, спасение общества от безнравственных, порой явно преступных поступков и действий людей, видит в возрождении нравственных и духовных ценностей традиционной культуры – апсуара. Однако условия жизни, породившие принципы, законы и нормы апсуара, уже стали достоянием истории. Нравственные и духовные ценности апсуара, когда-то украшавшие человеческую личность и взаимоотношения людей, теперь всё более и более уходят в прошлое, и при всём желании и старании приостановить этот процесс общество не в силах, ибо само общество подвержено воздействию глобализации мирового масштаба, которая необратима и приносит как пользу, так и вред.

Апсуара – культурно-этническая сфера, отражающая духовное, нравственное и религиозное состояние общества. Движущей силой его формирования служит энергия, идущая от религиозных представлений в подсознании народа и от его веры в Бога – Творца. В то же время апсуара – не религия, а продукт – свод духовно-нравственных ценностей и практики абхазского народа.

Сохранение апсуара в нынешних условиях будет противодействовать вырождению этноса. Поэтому шаги в этом направлении важны так же, как и забота о родном языке.

Но что же является движущей силой, духовным импульсом, жизненной энергией, которые поведут народ Абхазии к истине, к возрождению? Мировоззренческо-религиозные ответы на эти вопросы следует искать в книгах Священных Писаний, содержащих в себе всеобъемлющую информацию для человечества. Практически же должны быть найдены способы и механизмы трансформации подсознания людей в сторону знания и исполнения вселенских законов, в том числе законов Апсуара. Тогда появится шанс получить божественную энергетику свыше для формирования жизнеспособного будущего.

Примечания

- ¹ Александр Мень. Истоки религии. – М.: 2001. С. 16.
- ² Вернадский В. Н. Очерки религии. – П-г.: 1922. С. 15.
- ³ Ломоносов М. В. Сочинения. – М.: 1961. С. 497.
- ⁴ Цит. по кн.: А. Мень. Истоки религии. С. 79. См.: А. Эйнштейн. Собр. науч. трудов. Т. IV. – С. 142.
- ⁵ Пробудитесь! 22 июня 2004. – С. 9.
- ⁶ Там же. С. 4.
- ⁷ Вера. Этнос. Нация // Религиозный компонент этнического сознания. Российская Академия наук. Институт социологии. – М.: 2007. С. 113.
- ⁸ Религии народов современной России. Словарь. – М.: 2002. С. 3–5.
- ⁹ Бейгуа О. Общие сведения об абхазских богах // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум, 2007. С. 253–255.
- ¹⁰ Цит. по Р. Гуажба. Поэт, мыслитель, учёный // «Республика Абхазия», 9 мая 1998 г.
- ¹¹ Прокопий Кесарийский. Война с готами. – М.: 1950. С. 382.
- ¹² Фридрих Боденштедт. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. – М.: 2002. С. 113.
- ¹³ Акаба Л. Х. О некоторых религиозных верованиях абхазов // «Абза», №3. 1998. С. 13.
- ¹⁴ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1956. С. 67.
- ¹⁵ Кукба В. И. Избранные труды. – Сухум, 2007. С. 114.
- ¹⁶ Аргун Ю. Г. О феномене культа кузни и металлов у абхазов // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум, 2007. С. 139, 141.
- ¹⁷ Аргун Ю. Г. Этнология абхазов. – Сухум, 2003. С. 245, 246 (на абх. яз.).
- ¹⁸ Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. – Сухуми, 1976. С. 302–304.
- ¹⁹ Крылов А. Б. Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994–1999 гг.) // Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. – М.: 2000. С. 33.

- ²⁰ **Куправа А. Э.** Хухут Соломонович Бгажба: отдельные эпизоды из моих впечатлений // *Абхазоведение*. Вып. IV. – Сухум. С. 134.
- ²¹ Цит. по кн.: **Дзидзария Г. А.** Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми, 1979. С. 80.
- ²² **Вас. Немирович-Данченко.** Пицунда // *Абхазия в русской литературе*. – Сухуми, 1982. С. 28.
- ²³ **Иеромонах Дорофей (Дбар).** История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. – Новый Афон, 2005. С. 51–93; Георгий Амичба. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). – Сухум, 1999. С. 7, 8; Аджинджал Е. К. Из истории христианства Абхазии. – Сухум, 2000. С. 17, 18 и др.
- ²⁴ Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевёл на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г. А. Амичба. – Сухуми, 1986. С. 18, 23, 24.
- ²⁵ **Там же.** С. 24.
- ²⁶ **Там же.** С. 18.
- ²⁷ **См.:** Амичба Г. А. Культура и идеология... С. 5–8; Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. – Сухум, 1989; Аджинджал Е. К. Из истории христианства... С. 20, 26, 27; **Иеромонах Дорофей (Дбар).** История христианства в Абхазии... С. 51–101.
- ²⁸ **Иеромонах Дорофей (Дбар).** Указ. соч. ... С. 98.
- ²⁹ **Там же.** С. 99.
- ³⁰ **Апакидзе А. М.** Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде // ВП. Т. 3. – Тбилиси, 1978. С. 20.
- ³¹ **Прокопий Кесарийский.** Указ. соч. С. 380.
- ³² **Там же.** С. 383.
- ³³ **Бердзенишвили Н. А.** Вазират феодальной Грузии // «Известия» ИЯИМК. Т. X. – М.: 1941. С. 293.
- ³⁴ **Агрба И. Ш.** Вопросы истории церкви и христианской культуры Абхазии в трудах З. В. Анчабадзе // *Актуальные проблемы истории народов Кавказа*. – Сухум, 1996. С. 171.
- ³⁵ История Абхазии. – Сухум, 1991. С. 65.
- ³⁶ **Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х.** К интерпретации христианских памятников Апсилии // *Абхазоведение*. Вып. IV. – Сухум, 2007. С. 236, 239.
- ³⁷ **Аджинджал Е. К.** История христианства в Абхазии... С. 58.
- ³⁸ **Амичба Г. А.** Культура и идеология... С. 27.

- ³⁹ **Иеромонах Дорофей (Дбар).** Указ. соч. С. 166.
- ⁴⁰ **Там же.** С. 180.
- ⁴¹ **Акаба Л. Х.** Указ. соч. С. 13.
- ⁴² **Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х.** К интерпретации христианских памятников Апсолии... С. 243.
- ⁴³ **Там же.** С. 243–244.
- ⁴⁴ **Рансимен С.** Восточная схизма. Византийская теократия. – М.: 1998. С. 142.
- ⁴⁵ **Владимир Владимиров.** Смысл русской жизни. – М.: 2006. С. 193.
- ⁴⁶ **Георгий Амичба.** Культура и идеология... С. 30, 31.
- ⁴⁷ **Денис Чачхалиа.** Абхазская православная церковь. – М.: 1997. С. 12.
- ⁴⁸ **Каухчишвили С.** Георгика (Сведения византийских писателей о Грузии). Т. IV. Ч. I. – Тбилиси, 1941. С. 44, 46.
- ⁴⁹ Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 29.
- ⁵⁰ **Там же.** С. 26.
- ⁵¹ **Амичба Г. А.** Новый Афон и его окрестности. – Сухуми, 1988. С. 39.
- ⁵² **Дмитрий Дбар.** Из истории Абхазского Католикосата... С. 10.
- ⁵³ **Там же.**
- ⁵⁴ **См.: Гунба М. М.** Абхазия в первом тысячелетии... С. 94.
- ⁵⁵ **Дмитрий Дбар.** Из истории Абхазского Католикосата... С. 21.
- ⁵⁶ **Там же.** С. 24, 25.
- ⁵⁷ **Апакидзе А. М.** Великий Пятиунт... С. 126.
- ⁵⁸ **Дзидзария Г. А.** Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции... С. 7.
- ⁵⁹ Историческая хрестоматия грузинского языка. – Тбилиси, 1949. С. 188.
- ⁶⁰ **Кудрявцев К.** Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухуми, 1922. С. 97.
- ⁶¹ **Денис Чачхалиа.** Указ. соч. С. 19.
- ⁶² **См.: Агрба И. Ш.** Абхазо-аланские взаимосвязи в процессе христианизации (первая треть X в.) // Абхазоведение. – Сухум, 2007. С. 66.
- ⁶³ **Там же.** С. 67.
- ⁶⁴ **Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми, 1959. С. 128.

- ⁶⁵ См.: **Агрба И. Ш.** Абхазско-аланские взаимосвязи... С. 64.
- ⁶⁶ Летопись Картли (Матиани Картлис). Перевод Г. В. Цулая. – Тбилиси, 1982. С. 53.
- ⁶⁷ **Марр Н. Я.** Кавказоведение и абхазский язык // В кн. Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М.: 1938. С. 126–128.
- ⁶⁸ **Аджинджал Е. К.** Из истории христианства в Абхазии... С. 14, 15.
- ⁶⁹ **Иеромонах Дорофей (Дбар).** История христианства в Абхазии... С. 136.
- ⁷⁰ **Апакидзе А. М.** Полевые исследования Пицундской археологической экспедиции. 1973 г. // Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде. Т. I. – Тбилиси, 1975. С. 78.
- ⁷¹ **Хрушкова Л. Г.** Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. – Сухуми, 1985. С. 6.
- ⁷² **Иеромонах Дорофей (Дбар).** История христианства в Абхазии... С. 139, 142.
- ⁷³ См.: **Хрушкова Л. Г.** Новая октогональная церковь в Севастополисе в Абхазии и её литургическое устройство // Византинороссика. Труды Санкт-Петербургского Общества византино-славянских исследований. Т. I. – СПб., 1995. С. 233–235.
- ⁷⁴ Цит. по кн.: **Иеромонах Дорофей (Дбар).** История христианства в Абхазии... С. 170.
- ⁷⁵ **Прокопий Кесарийский.** Указ. соч. С. 383.
- ⁷⁶ **Иеромонах Дорофей (Дбар).** История христианства в Абхазии... С. 174.
- ⁷⁷ **Георгий Амичба.** Культура и идеология... С. 13.
- ⁷⁸ См.: **Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х.** Главная крепость Апсилии. – Сухуми, 1986.
- ⁷⁹ См.: **Хрушкова Л. Г.** О религиозных верованиях апсиллов (IV–VII вв.) // «Известия» АБИЯЛИ. Т. 12. – Тбилиси, 1983. С. 81.
- ⁸⁰ **Хотелашвили М. К., Якобсон А. А.** Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // ВВ. Т. 45. – М.: С. 192–206.
- ⁸¹ См.: Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 43.
- ⁸² См.: **Хрушкова Л. Г.** Материалы по мелкой пластике средневековой Абхазии // В сб. Материалы археологии Абхазии. – Тбилиси, 1979. С. 65, 66.
- ⁸³ См.: **Дзидзария Г. А.** Лыхны. – Сухуми, 1986. С. 14.

- ⁸⁴ См.: Бгажба Х. С. О памятниках письменности в Абхазии // Труды. Книга первая. – Сухуми, 1987. С. 3–15.
- ⁸⁵ Каухчишвили Т. С. Греческие надписи Грузии. – Тбилиси, 1951. С. 1–31.
- ⁸⁶ См.: Бгажба Х. С. Указ. соч. С. 6.
- ⁸⁷ См.: Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции... С. 8, 9.
- ⁸⁸ Джанашиа С. Н. Труды. Т. 2. – Тбилиси, 1956. С. 306.
- ⁸⁹ См.: Бгажба Х. С. Из истории письменности Абхазии. – Тбилиси, 1965.
- ⁹⁰ Бгажба Х. С. Труды. Книга первая. С. 10.
- ⁹¹ См.: Куправа А. Э. О языке богослужения в раннесредневековой Абхазии // Сборник научных трудов Абхазского государственного университета. – Сухум, 2000. С. 88, 89.
- ⁹² См.: Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. С. 11.
- ⁹³ Там же. С. 11, 12.
- ⁹⁴ См.: Куправа А. Э. О языке богослужения в раннесредневековой Абхазии... С. 89.
- ⁹⁵ Амичба Г. А. Культура и идеология... С. 50.
- ⁹⁶ Аджинджал Е. К. Из истории христианства Абхазии... С. 68.
- ⁹⁷ Инал-ипа Ш. Д. Абхазы... – Сухуми, 1965. С. 517, 518.
- ⁹⁸ Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1960. С. 58.
- ⁹⁹ См.: Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми, 1973. С. 256.
- ¹⁰⁰ Инал-ипа Ш. Д. Абхазы... С. 519.
- ¹⁰¹ Анчабадзе З. В. Культура античной Абхазии // Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. – Сухуми, 1986. С. 33.
- ¹⁰² См.: Акаба Л. Х. Религия // История Абхазии. – Сухум, 1991. С. 148.
- ¹⁰³ Инал-ипа Ш. Д. О генезисе образа «Анцва» – верховного бога абхазов // «Известия» АИЯЛИ. Вып. III. – Тбилиси. С. 160.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 169.
- ¹⁰⁶ Аджинджал Е. К. Из истории христианства Абхазии... С. 35.

- ¹⁰⁷ **Чарая П.** Об отношении абхазского языка к яфетическим. – СПб, 1912. С. 32.
- ¹⁰⁸ **Марр Н. Я.** О языке и истории абхазов. С. 395, 396.
- ¹⁰⁹ **Инал-ипа Ш. Д.** О генезисе образа «Анцва»... С. 164.
- ¹¹⁰ **Инал-ипа Ш. Д.** Указ. соч. С. 159, 167.
- ¹¹¹ **Иеромонах Дорофей (Дбар).** История христианства в Абхазии... С. 49.
- ¹¹² **Там же.** С. 87.
- ¹¹³ **Словарь абхазского языка.** – Сухуми. Т. I. 1986. Т. II. 1987.
- ¹¹⁴ **Анчабадзе З. В.** Абхазия в XI–XV вв. // История Абхазии. – Сухуми, 1986. С. 55, 56.
- ¹¹⁵ **История Абхазии.** – Сухум, 1991. С. 115.
- ¹¹⁶ **Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии... С. 278.
- ¹¹⁷ **См.:** История Абхазии. – Сухум, 1991. С. 115.
- ¹¹⁸ **Гулиа Д. И.** Что нужно Абхазии? // Сотрудник Закавказской миссии. – Тифлис, 1912. №10; **Д. Гулиа.** – Сухум, 2003. С. 350.
- ¹¹⁹ **Пилия В. Т.** Личные имена по церковным книгам метрических сёл Абхазии (1890–1910 гг.) // Труды Абхазского государственного университета (Часть II). – Сухум, 2003. С. 108–112.
- ¹²⁰ **Там же.** С. 109.
- ¹²¹ **Гулиа Д. И.** Что нужно Абхазии?... С. 350–352.
- ¹²² **Там же.** С. 350.
- ¹²³ **Кукба В. И.** Избранные труды... С. 143, 144.
- ¹²⁴ **Там же.** С. 144.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
--------------------------	---

Часть первая

ИЗ ИСТОРИИ АБХАЗСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ	6
---	---

Глава I. АПСНЫ ДУДЗА	6
-----------------------------------	---

1. «Апсны дудза»	6
2. Отражение духовности в языке	10
3. Человек и природа: размышления	16

Глава II. НАРОДНЫЕ СХОДЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	33
---	----

1. Народные собрания и ораторское искусство	35
2. Вопросы общественно-политической
жизни на сходах	49

Глава III. СХОДЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1920-е – НАЧАЛО 1930-х ГОДОВ)	70
--	----

1. Место сходов в общественной жизни
доколхозной абхазской деревни	70
2. Дурипшский сход	75

Часть вторая

АПСУАРА – ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА АБХАЗОВ	141
---	-----

Вступление	141
Глава I. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ АПСУАРА	150
1. Роль географического фактора	150
2. Культурная среда	163
3. Апсуара – продукт исторического процесса	172
Глава II. ДУХОВНЫЕ И МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ АПСУАРА	181
1. Место Бога в апсуара	181
2. Святость человека в апсуара	188
3. Воспитание в духе апсуара	191
Глава III. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ АПСУАРА	200
1. Гостеприимство у абхазов	204
2. Гостевание детей у родственников по обычаю самурзаканских абхазов (начало XX в.)	223
3. Почитание старших	232
4. Почитание вставанием	251
5. Абхазская семья Самурзаканской Абхазии в начале XX в.: Куправа Патух Куакуалович (некоторые штрихи)	256
6. Атарчей: один из самурзаканских вариантов	265
7. Константин Мачавариани о положении женщины в Абхазии в XIX – начале XX веков	270

Часть третья

ИЗ ИСТОРИИ АБХАЗСКОЙ АНТРОПОНИМИИ. К ВОПРОСУ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ФАМИЛЬНЫХ ИМЕН ...	308
---	-----

Вступление 308

Глава I. НЕКОТОРЫЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСЛОВИЯХ АБХАЗСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 319

1. Общие сведения о фамильных именах княжеско-дворянского сословия 319
2. К истории изменений абхазских княжеско-дворянских фамильных именовании 331

Глава II. ГРУЗИНСКИЕ И МЕГРЕЛЬСКИЕ ФАМИЛИИ ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ АБХАЗСКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ ФАМИЛЬНЫХ ИМЁН 351

Глава III. ГРУЗИНСКИЕ ФАМИЛИИ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ЭТНИЧЕСКИХ ИМЁН АБХАЗОВ 360

1. Коротко о древних племенных именах предков современных абхазов 360
2. Грузинские и мегрельские фамилии, образованные от абхазских этнонимов 363

Глава IV. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ АБХАЗСКИХ ФАМИЛЬНЫХ ИМЁН В ХОДЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА В АБХАЗИИ 373

Глава V. САМУРЗАКАНСКИЕ АБХАЗСКИЕ ФАМИЛЬНЫЕ ИМЕНА, ПОЛУЧИВШИЕ МЕГРЕЛЬСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ 382

1. Некоторые исторические сведения

о Самурзаканской Абхазии	382
2. Фамильные преобразования в Самурзакане	388
3. Самурзаканские княжеско-дворянские фамилии в начале XIX века	410
4. Как в селе Река возникла новая княжеская фамилия Шат-ипа	418
5. О том, как фамилия Цымцба породила фамилию Сиргинава	426
6. В гостях у окумцев	433

**Глава VI. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРИМЕРЫ ФАМИЛЬНЫХ
 ПРЕОБРАЗОВАНИЙ** 435

1. Чачба – Чачибаиана	435
2. Предание о генетическом родстве Шервашидзе (Чачба) – Мурзакан	438
3. Цыба – Цейба	442
4. Лакоба – Лаквитава	443
5. Род Цыцба – Как-баш – Какба – Какубава	444
6. Шакрыл – Шария	449
7. Джения – Джинджолия	456
8. Алшэынба (Алшэба, Лышэба) – Иуан – Иванба	460
9. Чкотуа – Чкатуев (Чкату)	462
10. Эпизоды из истории некоторых других фамилий	463

Приложения к главе VI

Предания о фамилии Цымцба	470
Об Уресе Лакоба	472
Из истории фамилии Бабыша Цыцба	475
О родословии Какубава	478
Пятеро братьев из Лыхны и их потомки	479
Как появилась фамилия Цейба	481

О фамилии Чаабалрхуа – Шат-ипа	482
О родословии лыхненских Чачибаиа	484
Чачибаиа Любовь о родословии своих предков	486
О Чачибаиа из Местии	487
О фамилиях Арлан – Арлания	488
О фамилиях Джопуа, Допуа, Джобава	489
О фамилии пичорских Джинджолия	492
Алшэба (Алушба) – Иуан	493
О предке абазинской фамилии Чкату	494
О фамилиях Званбая – Гугушвили	494
О том, как молодой садз Цымцба в Мегрелии присвоил себе фамилию Цирамуа	495
О фамилии Кичба	496
О родословной семьи Шакирбай	498
К истории фамилий Гумба – Гунба	502
О фамилии Дарчан	506
История происхождения фамилии Ахба	507

Глава VII. ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНТРОПОНИМИЮ АБХАЗОВ (XIX–XX ВВ.)	511
---	------------

Приложения к главе VII

Абхазские фамильные имена, которые содержат в себе специфические абхазские звуки, отсутствующие в русском языке	523
---	-----

Часть четвёртая

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ АБХАЗОВ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ	552
<i>Вступление</i>	<i>552</i>

1. О языческих верованиях абхазов	557
2. Проникновение и утверждение христианства в Абхазии	571
3. Строительство храмов (III–XI вв.)	589
4. О языке христианской проповеди и богослужения абхазов в раннем средневековье	598
5. Анцва (Анцѳа) – титул Творца у абхазов	604
6. Знали ли древние предки абхазов имя Бога израильян?	610

Арвелод Эрастович Куправа

ВОПРОСЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ АБХАЗОВ

Арвелод Ераста-ица Кэыпраа

**АԢСУАА РТРАДИЦИАТӘ КУЛЬТУРА
АЗЦААРАҚӘА**

Редактор *Пачулия Л. С.*

Художник *Кайтан Т. Д.*

Корректор *Клычева Л. З.*

Компьютерная вёрстка и макетирование *Лаз-оглы С. С.*

Сдано в набор 25.07.2007. Подписано в печать 10.03.2008.

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 39,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 182

Отпечатано в ГПП «Дом печати»

Сухум, ул. Эшба, 168.